Opp. 651 * (1

5219/3
3-2
БЧ МКО 4512/68
25324/111

БИБЛІОТЕКА
АЛЕКСАНДРОВСКОЙ
В.-ЮРИД. АКАДЕМІИ
ШИФРА 6382
№

Opp. 651 r/1

СОЧИНЕНІЯ

К. КАВЕЛИНА.

FgT|87|4782

Биб-ка ВЮА
Проверено 1952

СОЧИНЕНІЯ

К. КАВЕЛИНА.

БИБЛІОТЕКА
АЛЕКСАНДРОВСКОЙ
В.-ЮРИД. АКАДЕМІИ
ШИФРА 6302
№

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

ОСНОВНОЙ
ФОНД
Библиотеки ВЮА

Цѣна за 4 части 5 р. сер.

БИБЛІОТЕКА
В. Ю. Ак.

БИБЛИОТЕКА
Военно-Юридич. Академии

БИБЛИОТЕКА
Военно-Политической
АКАДЕМИИ
им. В. И. Ленина

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.

1859.

Opp. 651 v/11

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Спб. марта 16 дня 1859 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

Bayerische Staatsbibliothek München

126

Издавая собраніе почти всего того, что̀ мнѣ удалось напечатать съ молодости до этой поры, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ, въ видѣ предувѣдомленія.

Читатели могутъ найдти не совсѣмъ скромнымъ желаніе возобновить память о статьяхъ, разсѣянныхъ въ старыхъ журналахъ и книгахъ, и большею частью давно забытыхъ. Въ отвѣтъ на это могу увѣрить ихъ съ полнымъ чистосердечіемъ, что надменная мысль: читайте и поучайтесь — была отъ меня далеко, когда я рѣшился приступить къ этому дѣлу. Нравственнымъ побужденіемъ было — подвести итогъ подъ свое прошедшее и передуманное мною; а возвращеніе къ пережитому, воскрешеніе памяти о цѣломъ мірѣ отношеній, пріязней, враждебныхъ столкновеній, отчасти потерявшихъ уже смыслъ, — все это не располагаетъ къ суетнымъ мыслямъ. На то, что̀ писалъ прежде невольно смотришь съ тѣмъ же ощущеніемъ, съ какимъ видишь могилы бывшихъ друзей и непріятелей; благочестіе къ прошед-

шему сглаживаетъ всѣ шероховатости живой вражды и живой дружбы; одержанная когда-то побѣда мало радуетъ, понесенное когда-то пораженіе мало огорчаетъ. На побѣдахъ и пораженіяхъ, на правотѣ и неправотѣ, чужой и собственной, на радостяхъ и печаляхъ, страстяхъ, увлеченіяхъ, ошибкахъ вольныхъ и невольныхъ лежитъ одна печать: всё это было, прошло и никогда больше не возвратится.

За исключеніемъ одной лишь статьи, которая напечатана по рукописи, я не позволилъ себѣ въ этомъ изданіи никакихъ измѣненій противъ напечатаннаго; все осталось въ прежнемъ видѣ, безъ прикрасъ и смягченій. Пусть старина и останется стариною!

Изъ ненапечатанныхъ своихъ работъ я включилъ въ это собраніе только записку о преобразованіи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Она написана въ то время, когда я былъ секретаремъ Общества, и дорогà для меня, какъ воспоминаніе о томъ времени и тогдашней моей дѣятельности.

Сначала меня занимала русская исторія, особливо внутренняя, тогда еще мало обработанная. Въ 1848 году, книга г. Терещенки «Бытъ русскаго народа» на нѣсколько лѣтъ отклонила мои мысли и занятія въ другую сторону. Съ страстнымъ увлеченіемъ сталъ я вникать въ бытовые памятники Россіи — пѣсни, повѣрья, праздники, обряды, суевѣрія народа, въ которыхъ сохранились живые остатки древнѣйшаго быта. Все на-

писанное подъ вліяніемъ этихъ занятій составляетъ особую группу, которая и помѣщена въ этомъ собраніи отдѣльно.

Въ заключеніе, еще одна оговорка. Я не включилъ сюда библіографическаго извѣщенія, помѣщеннаго въ «Современникѣ» о диссертаціи покойнаго Т. Н. Грановскаго: «Аббатъ Сугерій». Эта рецензія состоитъ изъ общихъ разсужденій и выписокъ изъ книги и недостойна ни ея, ни дорогой для меня памяти ея автора. Кромѣ того, сюда не вошли также пять мелкихъ библіографическихъ статей, представляющихъ не болѣе какъ краткое содержаніе разбираемыхъ сочиненій*).

Сдавая этимъ собраніемъ всю свою прошлую печатную дѣятельность окончательно въ архивъ, я прошу читателей, друзей и недрузей, смотрѣть на него не какъ на *дѣйствіе*, а какъ на *воспоминаніе*. Мертвые бойцы лежатъ же нерѣдко другъ подлѣ друга въ одной могилѣ, спокойно; надѣюсь, что точно такъ же и мои против-

*) Статьи эти относятся къ слѣдующимъ книгамъ: «Текстъ Русской Правды по четыремъ спискамъ», Калачова (Отеч. Зап. Т. XLIX, Библ. Хрон. № 353); «Семисотлѣтіе Москвы», Хавскаго (Соврем. Т. III, Крит. и Библ. стр. 51); «Древній и нынѣшній Переяславль Залѣсскій», Савельева Ростиславича (Соврем. Т. X, Крит. и Библ. стр. 52 и 53); «Библіографическое обозрѣніе русскихъ лѣтописей», Полѣнова (Отеч. Зап. Т. LXIX, Библ. Хрон. № 77); «Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго», Кн. Оболенскаго (Отеч. Зап. Т. LXXVII, Библ. Хрон. стр. 67—70).

ники, съ которыми мы ломали когда-то копья, подойдутъ вмѣстѣ со мною къ этому памятнику и будутъ разсматривать его съ тою же спокойною мыслью, съ какою и я гляжу на него. Вѣдь все это *было!*

К. Кавелинъ.

С. Петербургъ.
14 марта 1859 года.

I.

РАЗСУЖДЕНІЯ, ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ИЗВЛЕЧЕНІЯ.

О ТЕОРІЯХЪ ВЛАДѢНІЯ.

Между многими юридическими сочиненіями Ганса, весьма важное, едва ли даже не первое мѣсто занимаетъ небольшая статья о владѣніи, изданная имъ въ особой книжкѣ въ 1839 году, подъ заглавіемъ: Ueber die Grundlage des Rechts des Besitzes (Berlin, 1839). Эта статья была написана противъ Савиньи, въ опроверженіе его теоріи владѣнія. Извѣстно, что въ 1837 году появилось новое, шестое изданіе знаменитой монографіи Савиньи о владѣніи. Въ этомъ изданіи многое было измѣнено и добавлено противъ прежнихъ, но всѣ дополненія и измѣненія относились только къ римскому ученію о владѣніи. Теорія осталась та же, хотя и была высказана яснѣе. Вотъ что побудило Ганса издать эту брошюру, въ которой онъ, съ удивительною послѣдовательностію и неподражаемымъ остроуміемъ, опровергаетъ, шагъ за шагомъ, всѣ выводы Савиньи, относящіеся къ теоріи владѣнія, и въ заключеніе подробно излагаетъ свою теорію, кратко высказанную имъ еще въ 1827 году, въ сочиненіи о системѣ римскаго гражданскаго права.

Изъ этого видно, что споръ о теоріи владѣнія длится уже долгое время. Но начало его лежитъ еще далѣе.

До 1803 года всѣ сочиненія о римскомъ гражданскомъ владѣніи относились къ догмѣ, а не къ теоріи. Причиной тому были методы обработыванія римскаго права и невозможность построенія теоріи, прежде установленія самыхъ фактовъ, на которыхъ она основывается. Въ 1803 году въ первый разъ появилось знаменитое сочиненіе Савиньи. Въ немъ римское ученіе о владѣніи впервые представлено было въ полной системѣ; всѣ положенія римскаго права, относящіяся ко владѣнію, разсмотрѣнныя съ новой точки зрѣнія, получили новый свѣтъ и настоящее свое значеніе; словомъ, догма въ главныхъ своихъ чертахъ установлена окончательно; оставалось сдѣлать нѣкоторыя частныя дополненія и измѣненія, надъ которыми Савиньи неутомимо трудился и трудится до сихъ поръ, подъ вліяніемъ возраженій и рецензій на его монографію. Савиньи не довольствовался однимъ изложеніемъ догмы. Нужно было понять ея значеніе, найдти основное начало, которое служитъ ей исходнымъ пунктомъ: нужна была теорія владѣнія. Этой потребности первый старался удовлетворить Савиньи: онъ первый высказалъ это основное начало; поэтому первая теорія владѣнія безспорно принадлежитъ ему.

Съ этого времени теорія владѣнія обратила на себя особенное вниманіе германскихъ юристовъ, и сдѣлалась предметомъ дѣятельнаго ихъ изученія. Множество сочиненій объ этомъ предметѣ (не говоря о статьяхъ, разсѣянныхъ по юридическимъ журналамъ, рецензіяхъ и критикахъ), появившихся съ 1803 года, служатъ тому убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ. Результатомъ этой ученой дѣятельности было появленіе около десяти новыхъ теорій, изъ которыхъ почти каждая выставляетъ новое начало юридическаго владѣнія. Отсюда споръ, продолжающійся даже до нашего времени: теорія владѣнія причислена къ ewigen Controversen (къ предметамъ

вѣчнаго спора). Еще въ 1839 году этотъ споръ былъ возобновленъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ[1]).

Такая продолжительная, упорная борьба, въ которой принимали участіе первоклассные юристы Германіи, указываетъ съ одной стороны на важность вопроса, съ другой — на трудность его рѣшенія. Дѣйствительно, въ цѣлой области гражданскаго права, въ особенности римскаго, едва ли найдемъ юридическій институтъ, который бы имѣлъ такую тѣсную связь съ ежедневною жизнью, такое непосредственное къ ней отношеніе, какъ владѣніе. Оно имѣетъ предметомъ прямое, фактическое отношеніе гражданина къ вещи — отношеніе, которое именно потому, что оно фактическое, и есть начало и послѣдняя, единственная цѣль всѣхъ вещныхъ правъ. Всѣ прочія вещныя права имѣютъ главнымъ предметомъ юридическое отношеніе къ вещи; но оно, какъ только мыслимое, не имѣетъ въ гражданскомъ общежитіи никакого значенія безъ отношенія фактическаго, чувственнаго. Отсюда объясняется, почему главную, необходимую принадлежность основнаго вещнаго права, отъ котораго происходятъ всѣ прочія права собственности, составляетъ право владѣнія; безъ него первое не имѣетъ смысла.

Изъ значенія владѣнія въ системѣ вещныхъ правъ само собою объясняется, почему этотъ институтъ права былъ такъ тщательно обработываемъ римскими юристами. Съ другой стороны, вполнѣ открывается необходимость правильнаго воззрѣнія на основное начало владѣнія.

Одно изъ существенныхъ отличій фактическаго отношенія къ вещи отъ отношенія юридическаго заключается въ томъ, что первое не имѣетъ само по себѣ никакихъ признаковъ

*) Въ 1839 году вышла брошюра Ганса, о которой мы упомянули выше. Возраженіе на нее писано Шафомъ. Даже въ 1840 году появилось сочиненіе о теоріи владѣнія.

своей справедливости, по которымъ государство могло бы въ одномъ случаѣ признавать его и защищать, въ другомъ не признавать и лишать защиты. Поэтому государство съ одной стороны не можетъ не признать и не защищать его, съ другой — не можетъ вполнѣ признать и защищать. Какъ разрѣшить это противорѣчіе? Въ какой мѣрѣ признать и защищать владѣніе, и подъ какимъ условіемъ? Какое начало должно служить точкою отправленія при опредѣленіи этой мѣры и этого условія? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ крайне важно: отъ него зависитъ справедливость всѣхъ послѣдующихъ выводовъ, правильность разрѣшенія безчисленныхъ частныхъ случаевъ, встрѣчающихся безпрестанно въ жизни, словомъ — вся судебная практика, относящаяся къ владѣнію.

Не менѣе важно разрѣшеніе этихъ вопросовъ и для науки права. Какое мѣсто должно занимать ученіе о владѣніи въ области права? Принадлежитъ ли оно къ общественному или гражданскому праву? а если къ гражданскому, то должно ли оно быть отнесено къ правамъ вещнымъ, или къ правамъ по обязательствамъ? Наконецъ, можетъ ли оно занимать какое-либо мѣсто въ системѣ права? Многіе отвергаютъ даже и послѣднее: чтобы въ этомъ удостовѣриться, стóитъ только взглянуть на общую систему нѣкоторыхъ учебниковъ римскаго права (напр. Венинга-Ингенгейма).

Скажемъ въ заключеніе, что вопросъ объ основномъ началѣ владѣнія можетъ быть разсматриваемъ еще съ другой точки зрѣнія, которая, по справедливости, ставитъ его наряду съ важнѣйшими современными вопросами въ области гражданскаго права. Но есть ли владѣніе чисто историческое произведеніе римской жизни, или оно само въ себѣ имѣетъ разумное основаніе; словомъ, важна ли исторія римскаго владѣнія, или нѣтъ? Предлагаемъ здѣсь этотъ вопросъ потому только, что онъ въ самомъ дѣлѣ предложенъ уже нѣ-

сколько разъ, хотя и не прямо, какъ мы увидимъ ниже. Очевидно, вопросъ о владѣніи пересталъ быть вопросомъ, относящимся исключительно къ одному римскому праву.

Уже изъ немногаго, сказаннаго нами, открывается вся важность и высокая занимательность продолжительнаго спора германскихъ ученыхъ о теоріи владѣнія, и вмѣстѣ объясняется живое участіе, которое принимали и принимаютъ въ немъ знаменитѣйшіе юристы. Мы постараемся представить этотъ споръ въ бѣгломъ очеркѣ и въ окончательныхъ результатахъ.

Первою теоріею владѣнія была, какъ мы видѣли, теорія Савиньи. Будучи въ одно и то же время и основателемъ (вмѣстѣ съ Гуго), и достойнѣйшимъ представителемъ историческаго направленія въ области правовѣдѣнія, Савиньи и на ученіе о владѣніи смотрѣлъ съ чисто-положительной точки зрѣнія. Владѣніе съ одной стороны представляетъ фактическое, естественное отношеніе лица къ вещи (оно не юридическое отношеніе, какъ право собственности и другія вещныя права); съ другой стороны его характеръ личный, а не вещный (всякое владѣніе защищается, хотя бы оно было и несправедливое; далѣе, оно защищается только противъ того, кто его нарушилъ). Основываясь на всѣхъ этихъ данныхъ, Савиньи утверждалъ, что владѣніе есть чистый фактъ, самъ по себѣ не входящій въ область права; что основаніе его защиты лежитъ поэтому не въ немъ самомъ, а въ чемъ-либо постороннемъ, а именно въ тѣсной связи владѣнія съ личностію владѣльца. Эта связь, говоритъ Савиньи, дѣлаетъ невозможнымъ нарушеніе перваго безъ оскорбленія послѣдней. Но личность не должна быть оскорблена, слѣдовательно вмѣстѣ съ уничтоженіемъ оскорбленія личности чрезъ нарушеніе владѣнія должно быть уничтожено и самое нарушеніе владѣнія, т. е. владѣніе должно быть возстановлено прежнему владѣльцу.

Первый возставшій на его теорію былъ знаменитый Гансъ, послѣдователь Гегеля, глава философско-юридической школы въ Германіи. Въ сочиненіи и системѣ римскаго гражданскаго права [1]), онъ поставилъ владѣніе передъ правомъ собственности, и открываетъ владѣніемъ систему вещныхъ правъ. Въ концѣ сочиненія, въ особомъ прибавленіи, онъ приводитъ доказательства, побудившія его къ такой классификаціи владѣнія; выставляетъ новую теорію и сильными доводами опровергаетъ теорію Савиньи. Владѣніе, говоритъ Гансъ, не можетъ быть отнесено къ обязательствамъ, потому что въ немъ мы находимъ весьма многіе признаки вещныхъ отношеній. Оно должно напротивъ войдти въ систему вещныхъ правъ и занять между ними первое мѣсто, какъ отношеніе къ вещи субъективное, не возвысившееся до права собственности (отношенія объективнаго). Гражданинъ, говоритъ Гансъ, можетъ владѣть вещью или по своей и общей волѣ, или только по одной своей волѣ. Въ первомъ случаѣ онъ имѣетъ на вещь право собственности, во второмъ — владѣніе. Владѣніе должно быть защищаемо, какъ выраженіе индивидуальной воли гражданина; на этомъ же основаніи должно быть защищаемо и несправедливое владѣніе, потому что оно также есть выраженіе индивидуальной воли.

Отсюда видно, что Гансъ выставилъ новое начало юридическаго владѣнія, противоположное началу Савиньи. По теоріи Ганса, владѣніе есть вещное право, и потому должно быть защищаемо несмотря на то, что оно ниже права собственности. Борьба началась и до сихъ поръ продолжается. Много новыхъ теорій появилось съ того времени, но всѣ онѣ, въ сущности, не разнятся отъ двухъ приведенныхъ нами тео-

[1]) *Gans,* System des Römischen Privatrechts im Grundrisse. Berlin. 1827. Стр. 202—216.

рій, Ганса и Савиньи. Однѣ безусловно принимаютъ, что владѣніе есть право; другія безусловно же, что оно фактъ. Смотря по тому, которая теорія признаетъ владѣніе за право, и которая за фактъ, однѣ могутъ быть отнесены къ теоріи Савиньи, другія къ теоріи Ганса.

Теорія Савиньи нашла защитниковъ и продолжателей въ Рудорфѣ, профессорѣ Московскаго университета Морошкинѣ, Рау и Бетманъ-Гольвегѣ. Ихъ теоріи исходятъ изъ того начала, что владѣніе есть фактъ; но основаніе защиты этого факта они объясняютъ различно, и въ этомъ существенно отличаются отъ теоріи Савиньи.

Рудорфъ [1]) основаніе защиты полагаетъ въ ненарушимости общественнаго мира.

Г. профессоръ Морошкинъ [2]), какъ онъ самъ говоритъ въ своемъ сочиненіи, держится теоріи Рудорфа, и потому отнесенъ нами къ категоріи тѣхъ, которые развивали основное начало, принятое Савиньи. Но имъ оно развито болѣе, въ особенности подъ вліяніемъ новыхъ данныхъ, представляемыхъ исторіею нашего отечественнаго законодательства.

Рау [3]) полагаетъ, что основаніе защиты владѣнія лежитъ въ отвращеніи самоуправства. Слѣдовательно взглядъ его приближается нѣсколько къ мнѣнію Рудорфа.

Наконецъ теорія Бетманъ-Гольвега только въ нѣкоторыхъ частностяхъ отличается отъ теоріи Савиньи, и потому въ строгомъ смыслѣ не можетъ быть названа отдѣльною теоріею.

Основное начало владѣнія, принятое и высказанное Гансомъ, было такъ же сильно поддерживаемо многими герман-

[1]) Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft. 7 Bd. Стр. 90—114.

[2]) Разсужденіе о владѣніи, по началамъ россійскаго законодательства. Москва, 1838.

[3]) *Rauch*, Geschichte der Lehre vom Besitz. 1834.

скими учеными. Сюда относятся: Пухта[1]), Таденъ[2]), Гассе[3]). Всѣ они, несмотря на большое различіе, нерѣдко даже противоположность ихъ мнѣній, согласны въ томъ, что владѣніе есть право, а не фактъ, а потому имѣетъ само въ себѣ основаніе защиты. Особенно замѣчательно сочиненіе Тадена. Онъ доходитъ до однихъ результатовъ съ Гансомъ, но другимъ путемъ. Выводы его основаны на фактахъ, почерпнутыхъ изъ ученія римскихъ юристовъ о владѣніи, и потому сильны, убѣдительны — преимущества, которыхъ не имѣетъ изложеніе Ганса, выводящаго всю теорію владѣнія a priori. Поэтому-то изслѣдованія Тадена сильнѣе теоріи Ганса опровергаютъ взглядъ знаменитаго Савиньи.

Въ 1835 году появилась новая теорія владѣнія — Гушке[4]). Видя безуспѣшность всѣхъ попытокъ разрѣшить вопросъ объ основномъ началѣ юридическаго владѣнія, на основаніи римскаго ученія во времена римскихъ юристовъ и Юстиніана (слѣдственно на основаніи догмы), Гушке обратился къ исторіи, и происхожденіе института владѣнія приписываетъ Рамнамъ, одному изъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Рима. Этимъ онъ, быть-можетъ, безсознательно высказываетъ мысль, что владѣніе есть чисто-римскій институтъ права. Ему весьма правильно возражаетъ Савиньи (стр. 56 и слѣд.), что если институтъ владѣнія и обязанъ своимъ происхожденіемъ племени Рамновъ, то какимъ образомъ онъ могъ удержаться во время классическихъ юристовъ, когда это племя совершенно изгладилось изъ памяти народа римскаго? Основаніе признанія и защиты владѣнія должно было быть совер-

1) *Puchta,* im Rheinischen Museum. 3 Bd. стр. 289—308.

2) *Taden,* Ueber den Begriff des Römischen Interdictenbesitzes. 1833.

3) *Hasse* (der jüngere), im Rheinischen Museum. 6 Bd. стр. 183 и слѣд.

4) *Huschke,* Zwei Abhandlungen etc. Смотр. Zweite Abhandlung: über die Stelle des Varro von den Liciniern, 1835.

шенно практическое, а не историческое. Прибавимъ къ этому, что историческое объясненіе, какъ бы справедливо оно ни было, никогда не можетъ замѣнить теоріи, потому что не излагаетъ самаго существа предмета, а только слѣдитъ за ходомъ внѣшняго его развитія.

Итакъ въ наше время вопросъ о теоріи владѣнія остается неразрѣшеннымъ. Каждая теорія опровергала предыдущія, и въ свою очередь была опровергнута новыми. Трудно даже сказать, можетъ ли этотъ вопросъ когда-либо рѣшиться окончательно, послѣ того, какъ труды столькихъ юристовъ на этомъ поприщѣ остались всѣ болѣе или менѣе безуспѣшными.

Рѣшаясь высказать въ настоящей статьѣ и наше мнѣніе объ этомъ важномъ предметѣ, мы далеки отъ мысли создавать новую теорію. Изучая римское юридическое владѣніе и теоріи владѣнія, намъ пришло нѣсколько мыслей и замѣчаній, не совсѣмъ сходныхъ съ тѣми, которыя сдѣланы были до сихъ поръ. Ихъ-то мы и высказываемъ здѣсь просвѣщеннымъ читателямъ, не имѣя претензій на полноту и стройность изложенія. Награда будетъ выше ожиданія, если эти замѣчанія хотя сколько-нибудь будутъ содѣйствовать къ построенію новой, вѣрной, неопровержимой теоріи этого доселѣ загадочнаго, непонятнаго ученія въ области права.

§ 1.

Для избѣжанія мыслей, неоснованныхъ на фактахъ, и потому необъясняющихъ сущности владѣнія, мы обратимся прямо къ фактамъ, и изъ нихъ постараемся извлечь основное начало владѣнія.

Чтò есть владѣніе по римскому праву, фактъ или право?

Примѣч. Мы говоримъ: «по римскому праву», потому что сущность владѣнія мы теперь не разсматриваемъ. Она должна составить предметъ отдѣльнаго изслѣдованія (см. ниже). Итакъ

вопросъ касается только значенія владѣнія въ положительномъ правѣ.

Мы думаемъ, что владѣніе, по римскому праву, есть право, а не фактъ. Это мнѣніе основываемъ на слѣдующихъ доказательствахъ.

1. Еслибы римское право смотрѣло на владѣніе какъ на фактъ, то оно не дало бы ему судебной защиты, ни другихъ юридическихъ послѣдствій, а потому владѣніе не могло бы войдти въ кодексы какъ отдѣльный институтъ права. Далѣе, владѣніе не могло бы переходить въ право (собственности). Напротивъ того мы видимъ, что римское право защищаетъ владѣніе; что владѣніе составляетъ въ немъ рѣзко и точно отдѣленный отъ другихъ институтъ гражданскаго права; наконецъ, что римское право принимаетъ переходъ владѣнія въ право собственности.

Примѣч. Савиньи не допускаетъ перехода владѣнія въ право собственности, но думаетъ, что владѣніе составляетъ такое же условіе пріобрѣтенія собственности посредствомъ давности, какъ время, res habilis, justus titulus и др.; что слѣдовательно владѣніе не переходитъ въ собственность, а собственность образуется изъ различныхъ условій, составляющихъ въ совокупности способъ ея пріобрѣтенія посредствомъ давности. Это мнѣніе несправедливо. Между многими условіями способа пріобрѣтенія собственности посредствомъ давности, владѣніе есть основное, коренное условіе; другими словами, для того, чтобы владѣніе могло перейдти въ собственность, законодательство требуетъ, чтобы оно продолжалось извѣстное время (tempus); чтобы предметомъ его была извѣстнаго рода вещь (res habilis) и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что владѣніе не можетъ почитаться такимъ же условіемъ пріобрѣтенія собственности посредствомъ давности, каковы время, bona fides и т. д.; что напротивъ всѣ условія клонятся къ тому, чтобы сдѣлать возможнымъ пе-

реходъ владѣнія въ право собственности. Замѣтимъ еще, что когда переходъ владѣнія въ право собственности уже совершился, всѣ условія, кромѣ одного владѣнія, теряютъ свою отдѣльность и самостоятельность, какъ преходящія.

2. Еслибы римское право принимало владѣніе за фактъ, то оно и не отдѣляло бы факта владѣнія отъ того, что̀ оно признаетъ за владѣніе: владѣніе на самомъ дѣлѣ и владѣніе по признанію законодательства непремѣнно бы совпадали. Поэтому римское право не дѣлало бы различія между лицами владѣющими, между предметами владѣнія, наконецъ между самыми владѣніями. Но мы видимъ напротивъ, что римское право не всѣхъ владѣющихъ признаетъ за юридическихъ владѣльцевъ; далѣе, не всѣ вещи признаетъ за предметъ юридическаго владѣнія; наконецъ, не всякое владѣніе признаетъ за юридическое. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ послѣдняго служитъ владѣніе посредствомъ представителя[1]).

3. Наконецъ, еслибы по римскому законодательству владѣніе не было право, то какимъ образомъ могъ бы владѣлецъ возвратить себѣ владѣніе, насильственно отнятое у него другимъ? Какъ объяснить существованіе interdictorum recuperandae possessionis? Если владѣніе юридическое не отдѣляется отъ факта владѣнія и есть фактъ, то право интердикта не можетъ оставаться у владѣльца послѣ того, какъ у него отнято владѣніе, а должно перейдти къ новому владѣльцу; другими словами, интердиктъ recuperandae possessionis не будетъ имѣть смысла[2]).

§ 2.

Итакъ римское законодательство признаетъ владѣніе за право. Но изъ этого еще нельзя заключить, чтобы оно само

[1]) См. Тадена.
[2]) Таденъ, стр. 22.

въ себѣ было право, а не фактъ. Возникаетъ новый вопросъ: что есть владѣніе само въ себѣ, фактъ или право? Другими словами: на какомъ основаніи римское законодательство признаетъ владѣніе за право?

Всѣ доселѣ извѣстныя теоріи владѣнія дѣлятся на два разряда. Однѣ принимаютъ владѣніе за фактъ, и потому основаніе защиты владѣнія положительнымъ законодательствомъ ищутъ не въ немъ самомъ. Такъ Савиньи старается найдти его въ нарушеніи личности, неразрывно связанной съ нарушеніемъ владѣнія; Рудорфъ въ нарушеніи общественнаго мира. Другіе, между которыми первое мѣсто занимаетъ Гансъ, признаютъ владѣніе за право; а потому основаніе защиты его въ государствѣ находятъ въ самомъ владѣніи.

Главная ошибка Савиньи состоитъ въ томъ, что онъ почитаетъ невозможнымъ нарушеніе владѣнія безъ нарушенія личности владѣльца. Еслибы это было дѣйствительно такъ, то его теорія была бы неопровержима.

Противное доказываютъ слѣдующіе факты:

a) Владѣніе движимою вещью считалось по римскому праву нарушеннымъ, когда другое лице завладѣло ею тайно [1]).

b) Владѣніе считалось насильственно нарушеннымъ, когда кто-либо дѣлалъ для владѣльца невозможнымъ продолженіе владѣнія [2]). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, владѣніе нарушалось безъ нарушенія личности владѣльца, и было защищаемо. Слѣдовательно основаніе защиты владѣнія не лежало въ одномъ нарушеніи личности, по крайней мѣрѣ было и другое основаніе.

[1]) Въ послѣдствіи, во времена Папиніана, Ульпіана и Павла, это положеніе потеряло свою силу.

[2]) *Savigny*, Recht des Besitzes, 6 изд., стр. 515: «*atrox vis* bezeichnet nicht etwa eine besonders grobe Gewaltthätigkeit, wie z. B. Misshandlung..., sondern nur eine solche Gewalt, wodurch die Fortsetzung des Besitzes unmöglich gemacht wird». Сравн. тамъ же прим. 3.

Рудорфъ выставляетъ неправильное основаніе защиты владѣнія, потому что изъ него нельзя объяснить:

a) Почему защищается владѣніе, нарушенное clam (тайно) и чрезъ невозвращеніе precario: при такомъ нарушеніи не происходитъ нарушенія общественнаго мира[1]).

b) Почему нарушившій имѣетъ exceptio противъ владѣльца, когда послѣдній самъ пріобрѣлъ отъ него владѣніе тою же вещью чрезъ нарушеніе: фактъ нарушенія общественнаго мира, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, несомнѣненъ. Такое защищеніе владѣльца въ одномъ случаѣ, и незащищеніе въ другомъ, изъ теоріи Рудорфа необъяснимо.

c) Почему владѣніе возстановляется не иначе, какъ по просьбѣ владѣльца, котораго владѣніе нарушено; молчаніе владѣльца не измѣняетъ факта нарушенія общественнаго мира.

Гансъ не дѣлаетъ никакого различія между справедливою и несправедливою индивидуальною волею, выражающеюся во владѣніи. И та и другая должна быть защищаема. Но отъ чего же она не защищается, когда владѣлецъ самъ чрезъ нарушеніе пріобрѣлъ отъ нарушителя владѣніе этою вещью? Впрочемъ мы будемъ имѣть случай поговорить подробнѣе объ этой теоріи, весьма замѣчательной и вѣрной во многихъ отношеніяхъ[2]).

3.

Итакъ теоріи Савиньи, Рудорфа и Ганса (онѣ главнѣйшія; прочія суть только видоизмѣненія Савиньи и Ганса) односторонни, а потому и недостаточны. Но каждая принесла собою новый, въ извѣстномъ отношеніи, вѣрный взглядъ на вла-

[1]) Тамъ же стр. 50.

[2]) Полное и подробное опроверженіе главнѣйшихъ теорій владѣнія не входитъ въ планъ этой статьи. Поэтому мы сочли за нужное ограничиться указаніемъ на ихъ односторонность.

дѣніе. Мы постараемся въ послѣдствіи развить и доказать то и другое.

Что̀ есть владѣніе? фактическое обладаніе человѣка вещью, съ желаніемъ ее себѣ усвоить. Поэтому во владѣніи представляется намъ: 1) лице, которое владѣетъ; 2) вещь, находящаяся во владѣніи; наконецъ 3) фактическое отношеніе лица къ вещи, съ желаніемъ усвоить. Юридическое значеніе владѣнія должно быть раскрыто въ послѣдующемъ изложеніи.

Государство, какъ высшая ступень идеи права, представляетъ вмѣстѣ и полное, цѣлостное ея осуществленіе. Это осуществленіе права выражается въ томъ, что всѣ юридическія отношенія, начиная отъ самыхъ отвлеченныхъ, каково владѣніе, до самыхъ полныхъ, конкретныхъ, союза семейственнаго и гражданскаго, — всѣ признаются въ государствѣ, охраняются имъ и защищаются противъ нарушеній.

Мы сказали, что владѣніе признается и защищается государствомъ противъ нарушеній; но для того, чтобы быть признаваемымъ и защищаемымъ, оно само не должно быть нарушеніемъ владѣнія, должно быть *справедливое*; другими словами, оно не должно быть отношеніемъ къ такой вещи, которою владѣлъ другой, и которая пріобрѣтена отъ него противъ его воли. Иначе, защищая владѣніе одного, государство нарушало бы владѣніе другаго.

Но какъ узнать, когда владѣніе есть справедливое и когда несправедливое, т. е. нарушающее справедливое владѣніе другаго?

Очевидно, что критеріемъ не можетъ служить: 1) ни само владѣніе (оно, какъ отношеніе фактическое, всегда одинаково), 2) ни результатъ владѣнія — видъ вещи, налагаемый на нее владѣльцемъ (вещи только случайно, а не необходимо носятъ на себѣ отпечатокъ своего владѣльца; да и сверхъ того по такому виду не всегда можно заключать о настоящемъ вла-

дѣльцѣ, потому что воля хозяина, желаніе владѣть вещью, можетъ перемѣниться, а вещь, несмотря на то, носитъ на себѣ отпечатокъ воздѣйствія прежняго ея обладателя).

Итакъ критерій справедливости владѣнія долженъ заключаться въ чемъ-либо другомъ. Онъ долженъ быть постоянный, необходимый, наглядный для того, чтобы государство несомнѣнно и безошибочно могло судить по немъ о справедливости или несправедливости владѣнія. Такой критерій имѣетъ государство только въ способахъ пріобрѣтенія (justi modi acquirendi). Они имъ установлены и служатъ тою видимою, внѣшнею оболочкою, въ которой человѣкъ выражаетъ свою волю, вступая во владѣніе вещью. Только въ этомъ случаѣ государство признаетъ справедливость владѣнія, его такъ сказать освящаетъ и охраняетъ противъ притязаній другихъ лицъ. Справедливость владѣнія, признанная такимъ образомъ государствомъ, и есть то, что мы называемъ правомъ собственности.

Но какъ бы ни были просты способы пріобрѣтенія, установленные государствомъ, какъ бы ни были они легки и удобны для употребленія, все же не престанутъ существовать въ государствѣ отношенія человѣка къ вещи, съ желаніемъ усвоить, сами по себѣ справедливыя, не нарушающія владѣнія другихъ, но не имѣющія того видимаго критерія своей справедливости, т. е. владѣніе, непріобрѣтенное посредствомъ способовъ, установленныхъ государствомъ. Можетъ ли государство оставить такое владѣніе безъ защиты и отвергнуть какъ несправедливое? Очевидно, нѣтъ. Въ противномъ случаѣ, государство признало бы справедливое за несправедливое, что невозможно. Но съ другой стороны, оно не можетъ признать справедливости такого владѣнія, потому что ему недостаетъ внѣшняго признака его справедливости, такъ что оно не можетъ быть отличено государствомъ отъ владѣнія несправедли-

Библіотека Военно-Политической Академіи
389582
353782
ОСНОВНОЙ ФОНД
40890
37361
БИБЛИОТЕКА Военно-Юридич. Академии РККА

ваго. Здѣсь представляется государству вопросъ весьма затруднительный: какимъ образомъ признать справедливое владѣніе, не признавши его справедливости? Рѣшая этотъ вопросъ, государство избираетъ средину между совершеннымъ отрицаніемъ справедливости владѣнія и полнымъ ея признаніемъ: оно признаетъ и защищаетъ владѣніе, не признавая (но и не отвергая) и не охраняя его справедливости. Въ этомъ признаніи владѣнія, безъ нарушенія его справедливости, и заключается коренное начало юридическаго владѣнія (possessio).

§ 4.

Итакъ юридическое владѣніе, по своему основному началу, есть владѣніе само въ себѣ справедливое, которое поэтому признается и защищается государствомъ; но его справедливость не имѣетъ видимости, наглядности для государства, и поэтому въ то же время имъ не признается.

Выведемъ теперь результаты изслѣдованія объ основномъ началѣ права собственности и юридическаго владѣнія.

1) Право собственности и юридическое владѣніе суть только двѣ различныя формы признанія и освященія въ государствѣ одного и того же полнаго, всецѣлаго обладанія человѣка надъ вещью.

2) Въ развитіи вещныхъ правъ, право собственности должно предшествовать юридическому владѣнію, что̀ мы и видимъ въ исторіи римскаго права.

3) Дѣленіе полнаго отношенія человѣка къ вещи на право собственности и на юридическое владѣніе не есть философское, потому что не лежитъ въ самой сущности этого отношенія человѣка къ вещи, но внѣ его — въ признаніи его государствомъ. Показать необходимую причину и значеніе этого дѣленія есть поэтому задача теоріи, а не философіи права.

4) На вопросъ, что̀ есть владѣніе само въ себѣ, фактъ или

право, мы можемъ теперь отвѣчать несомнѣнно, что оно есть право; потому что владѣніе, какъ мы видѣли, есть, въ основномъ своемъ началѣ, справедливое отношеніе лица къ вещи, признанное государствомъ.

§ 5.

Разсмотримъ теперь юридическія положенія о нарушеніи и защитѣ владѣнія и права собственности. Они прямо вытекаютъ изъ основныхъ началъ того и другаго.

А.

Юридическія положенія о нарушеніи и защитѣ владѣнія.

Признаніе владѣнія, безъ признанія его справедливости, выражается въ томъ, что государство защищаетъ его, т. е. нарушенное возстановляетъ владѣльцу.

a) О нарушеніи. Нарушить фактическое отношеніе къ вещи, обладаніе ею, можно только такимъ же обладаніемъ тою же вещью противъ воли владѣльца. Для того, чтобы стать въ такое съ нею отношеніе, необходимо фактическое завладѣніе. Итакъ нарушеніе владѣнія заключается въ фактическомъ завладѣніи вещью, которою владѣетъ другой. Съ такимъ нарушеніемъ можетъ быть связано нарушеніе личности владѣльца; но это не необходимо, слѣдовательно можетъ быть и не быть. Поэтому несправедливо утверждаетъ Савиньи, что всякое нарушеніе владѣнія есть вмѣстѣ нарушеніе личности владѣльца.

b) О защитѣ. У Римлянъ владѣніе защищалось посредствомъ интердикта[1]), или становилось предметомъ судебнаго

[1]) Преторское приказаніе что-либо дѣлать или не дѣлать.

изслѣдованія въ интердиктномъ процессѣ, въ которомъ формулою былъ самый интердиктъ. Главныя свойства интердиктнаго процесса заключаются въ слѣдующемъ:

α) Интердиктный процессъ не изслѣдовалъ основанія, по которому кто-либо владѣетъ, но только — было ли владѣніе или нѣтъ (фактъ владѣнія, но не въ противоположность праву). Если окажется, что истецъ владѣлъ, то государство принуждаетъ отвѣтчика возвратить владѣемую вещь. Это положеніе вытекаетъ изъ основнаго начала владѣнія: государство признаетъ и защищаетъ владѣніе, а не его справедливость. Объ justa causa въ интердиктномъ процессѣ не можетъ быть и рѣчи.

β) Интердиктъ, по своему существу, есть личный, т. е. имѣетъ дѣйствіе только противъ нарушителя, а не противъ третьяго лица[1]). Этотъ личный характеръ интердикта прямо вытекаетъ изъ основнаго начала юридическаго владѣнія. Мы видѣли выше, что государство признаетъ владѣніе какъ отношеніе лица къ вещи. Это признаніе владѣнія одного влечетъ за собою непризнаніе владѣнія тою же вещью другаго, когда это владѣніе пріобрѣтено противъ воли владѣльца, словомъ — нарушено. Почему же, спрашивается, такое ограниченіе непризнанія? Почему всякое другое владѣніе тою же вещью, кромѣ означеннаго, не подверглось равному съ нимъ непризнанію? Причина заключается въ слѣдующемъ:

Государство, признавая владѣніе только какъ владѣніе, а не какъ владѣніе справедливое, основывается на недостаткѣ внѣшнихъ признаковъ внутренней его справедливости. Поэтому-то оно смотритъ на владѣніе, какъ на такое отношеніе къ вещи, котораго внутреннее существо ему вовсе неизвѣстно.

[1]) Это смыслъ краткихъ словъ Улпіана: «interdicta omnia, licet in rem videantur concepta, vi tamen ipsa personalia sunt» (L. I. §. 3. D. de interd.).

Но съ другой стороны мы знаемъ, что внутренняя справедливость владѣнія въ извѣстныхъ случаяхъ, хотя и не высказавшаяся ни въ какихъ внѣшнихъ формахъ, побудила государство установить институтъ юридическаго владѣнія.

Изъ соображенія взгляда государства на юридическое владѣніе и поводовъ его установленія, открывается само собою, что государство, не почитая прямо владѣніе извѣстнаго лица за справедливое, предполагаетъ однакоже его справедливость, пока не будетъ доказано противное. Отсюда слѣдуетъ, что нарушившій это владѣніе владѣетъ вещью несправедливо. Такимъ образомъ представляются намъ здѣсь два владѣнія: одно справедливое и нарушенное; другое существующее, несправедливое. Но такое понятіе о справедливости и несправедливости владѣнія есть только относительное. Одно владѣніе предполагается какъ справедливое; другое, въ отношеніи только къ первому, есть несправедливое, но въ отношеніи къ другому оно, въ свою очередь, предполагается какъ справедливое и т. д. Если это такъ, т. е. если понятіе о справедливости и несправедливости владѣнія есть относительное, то вопросъ о личномъ характерѣ интердикта рѣшенъ.

Уничтожить владѣніе одного для того, чтобы возстановить владѣніе другаго, можно только, когда одно лице владѣетъ справедливо, а другое несправедливо. Но справедливо и несправедливо владѣніе только между двумя лицами: нарушителемъ и тѣмъ, чье владѣніе нарушено. Поэтому только владѣніе нарушителя можетъ и должно быть уничтожено, и возстановлено владѣніе прежняго владѣльца; поэтому, далѣе, не уничтожается владѣніе третьяго лица въ пользу того, чье владѣніе нарушено другимъ.

Объяснимъ сказанное примѣромъ.

А владѣетъ вещью. Владѣніе его нарушаетъ В и передаетъ С.

Что А можетъ, посредствомъ интердикта, требовать отъ В или возстановленія владѣнія, или полнаго вознагражденія (cum omni causa) — это не требуетъ ни доказательствъ, ни объясненія.

Но положимъ, что А обратится съ интердиктомъ противъ С.

Здѣсь представляются намъ: съ одной стороны А, котораго владѣніе предполагалось справедливымъ и нарушено В; съ другой стороны С, которому В уступилъ владѣніе вещью, находившеюся во владѣніи А, и отнятую В у послѣдняго. Владѣніе С предполагается тоже справедливымъ, и даже въ отношеніи къ владѣнію А; потому что не С его нарушилъ, а В. Такимъ образомъ оба, и А и С, имѣютъ равныя притязанія на вещь. Какъ же рѣшить, кому именно принадлежитъ владѣніе? Очевидно, должно будетъ обратиться къ основанію владѣнія — къ праву на вещь; изслѣдованіе же о правѣ относится къ процессу о правѣ, а не о фактѣ владѣнія.

γ) Дѣйствіе интердикта и необходимое слѣдствіе процесса о владѣніи есть фактическое уничтоженіе фактическаго нарушенія — возстановленіе владѣнія прежнему владѣльцу. Мы видѣли, что владѣніе можетъ быть нарушено только фактически; поэтому и возстановленіе его не можетъ быть другое, какъ фактическое, равное нарушенію.

Теперь перейдемъ къ праву собственности.

В.

Юридическія положенія объ оспариваніи и охраненіи права собственности.

Основное начало права собственности извѣстно: оно есть признанная государствомъ справедливость владѣнія.

Признаніе справедливости владѣнія[1]) выражается въ томѣ, что государство охраняетъ ее, т. е. не дозволяетъ никому самопроизвольно присвоять ее себѣ.

a) Объ оспариваніи. Нарушить справедливость владѣнія, право собственности, очевидно, невозможно. Поэтому, собственно говоря, нарушенія права собственности нѣтъ и быть не можетъ. Оно, какъ право, можетъ быть только оспариваемо (разумѣя подъ этимъ словомъ и отрицаніе права собственности другаго, и присвоеніе его себѣ). Это оспариваніе въ ученіи о правѣ собственности, совершенно соотвѣтствуетъ нарушенію, въ ученіи о владѣніи.

b) Объ охраненіи. У Римлянъ для охраненія права собственности были особливые иски, rei vindicatio и actio publiciana, по которымъ производился процессъ о правѣ собственности. Главныя, отличительныя свойства исковъ и процесса о правѣ собственности суть слѣдующія:

α) Предметъ изслѣдованія въ процессѣ о правѣ собственности не есть владѣніе, но юридическое основаніе этого владѣнія, справедливость его. Это потому, что основное начало права собственности есть признанная государствомъ справедливость владѣнія. Въ процессѣ о владѣніи изслѣдуется только, было ли владѣніе.

[1]) Право собственности, какъ мы увидимъ ниже, кромѣ признанія справедливости владѣнія, есть вмѣстѣ и признаніе самаго владѣнія. Эту другую сторону права собственности мы опускаемъ здѣсь по слѣдующимъ причинамъ: 1) она, будучи разсматриваема отдѣльно, есть то же самое владѣніе; 2) какъ часть собственности, она имѣетъ большое сходство съ юридическимъ владѣніемъ, и слѣдовательно, разсматриваемая здѣсь, не дала бы возможности провести точныя и рѣзкія границы между правомъ собственности и владѣніемъ; но какъ сторона второстепенная въ правѣ собственности, владѣніе, связанное съ нимъ, не приноситъ ничего къ его основному началу и къ его юридическимъ послѣдствіямъ, а потому можетъ быть опущено, не вредя правильному взгляду на право собственности и на его отношеніе къ владѣнію. Наконецъ 3) отношеніе владѣнія къ праву собственности будетъ ниже разсмотрѣно нами особливо.

β) Искъ о правѣ собственности на извѣстную вещь можетъ быть вчиненъ противъ всякого, кто присвояетъ себѣ такое же право на ту же вещь. Основаніе этого положенія есть абсолютная (а не относительная, какъ во владѣніи) справедливость, составляющая коренное начало права собственности. Государство, признавши справедливость владѣнія извѣстнаго лица извѣстною вещью, признаетъ ее вообще, въ отношеніи ко всѣмъ гражданамъ. Поэтому, кромѣ самого хозяина, никто не можетъ быть хозяиномъ той же вещи. Итакъ искъ о правѣ собственности есть вещный. Интердиктъ, какъ мы уже видѣли, носитъ на себѣ напротивъ личный характеръ.

γ) Наконецъ, дѣйствіе иска о правѣ собственности, и необходимое слѣдствіе процесса объ этомъ правѣ, есть утвержденіе и признаніе оспариваемаго права собственности за хозяиномъ вещи. Если сравнимъ это дѣйствіе процесса о правѣ собственности съ дѣйствіемъ интердикта, то увидимъ что оно совершенно соотвѣтствуетъ фактическому возстановленію владѣнія. Какъ то, такъ и другое дѣйствіе прямо и непосредственно вытекаетъ изъ основнаго начала права собственности и владѣнія, и столько же различны между собою, сколько различны эти двѣ формы признанія полныхъ вещныхъ отношеній въ государствѣ.

§ 6.

Теперь остается намъ, на основаніи сказаннаго, разрѣшить нѣкоторые частные вопросы, которые не могли быть разрѣшены прежде и по необходимости опущены были нами изъ виду.

Первый вопросъ. Какое основаніе защиты несправедливаго владѣнія т. е. владѣнія, нарушающаго владѣніе справедливое?

Выше мы видѣли, что государство иногда не можетъ признать владѣніе за справедливое, потому что ему недостаетъ тѣхъ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ государство могло бы

безошибочно признать его справедливость. Но оно не можетъ также безусловно отвергнуть его, какъ несправедливое, потому что такое владѣніе можетъ быть въ существѣ своемъ справедливо. Поэтому государство избираетъ средину между признаніемъ справедливости владѣнія и совершеннымъ его отрицаніемъ: оно признаетъ и защищаетъ владѣніе, какъ владѣніе, а не какъ владѣніе справедливое.

Отсюда слѣдуетъ, что признаніе владѣнія, каково бы оно впрочемъ ни было, прямо свидѣтельствуетъ объ убѣжденіи, можетъ-быть и безсознательномъ, въ томъ, что владѣніе, хотя бы и не имѣло внѣшнихъ признаковъ справедливости, само въ себѣ однако справедливо.

Такое убѣжденіе для насъ весьма важно. Оно показываетъ, что государство смотритъ на владѣніе какъ на справедливое отношеніе къ вещи, и только по необходимости не признаетъ этой справедливости; словомъ: государство проникаетъ въ сущность владѣнія.

Дѣйствительно, владѣніе есть справедливое отношеніе къ вещи, несмотря на то, что эта справедливость не имѣетъ очевидности для государства. Но оно бываетъ такимъ только тогда, когда не нарушаетъ владѣнія другихъ лицъ тою же вещью; въ противномъ же случаѣ оно несправедливо.

Несправедливое владѣніе, очевидно, не имѣетъ и не можетъ имѣть въ свою пользу того убѣжденія государства, которое побудило его изыскивать особливыя средства для признанія и защищенія владѣнія справедливаго. На него смотритъ государство, какъ на фактъ, не имѣющій никакого значенія въ области права; а поэтому съ одной стороны несправедливое владѣніе всегда должно уступать владѣнію справедливому; съ другой — не можетъ имѣть никакихъ юридическихъ послѣдствій, слѣдовательно не можетъ быть нарушено, а потому не можетъ быть и защищаемо государствомъ.

Примѣч. При построеніи своей теоріи, Савиньи обратилъ все вниманіе на несправедливое владѣніе; но онъ не раздѣлилъ владѣнія на справедливое и несправедливое (два вида, на которые оно необходимо распадается въ государствѣ), и потому всѣ свойства несправедливаго владѣнія по необходимости долженъ былъ приписать всякому владѣнію вообще, а слѣдовательно и справедливому. Такъ, онъ говоритъ, что владѣніе есть чистый фактъ, не имѣющій никакого значенія въ области права. Вообще сказанное имъ о существѣ владѣнія совершенно вѣрно и правильно въ отношеніи къ несправедливому владѣнію. При такомъ взглядѣ, онъ необходимо долженъ былъ искать основанія защиты владѣнія въ чемъ-либо внѣшнемъ, а не въ немъ самомъ, что̀ также совершенно правильно, если приложимъ къ несправедливому владѣнію: несправедливое владѣніе не имѣетъ въ себѣ основанія защиты, слѣдовательно это основаніе должно заключаться въ чемъ-либо внѣшнемъ.

Отчего же, несмотря на такое свойство несправедливаго владѣнія, оно, по признанію законодательства, можетъ быть нарушено и защищается наравнѣ съ справедливымъ? Какъ объяснить это явленіе?

На основаніи сказаннаго, этотъ вопросъ рѣшается легко. Мы видѣли, что владѣнія, само въ себѣ справедливое и несправедливое, не различаются, если не имѣютъ какихъ-либо внѣшнихъ признаковъ. По этой только причинѣ не могла быть признана въ государствѣ справедливость въ самомъ себѣ справедливаго владѣнія. Поэтому-то, далѣе, владѣніе несправедливое, несмотря на то, что оно не имѣетъ никакого значенія въ области права, признается и защищается государствомъ наравнѣ съ справедливымъ.

Итакъ причина защиты владѣнія несправедливаго заключается въ томъ, что владѣніе само по себѣ не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого критерія своей справедливости. Онъ ле-

житъ или въ сознаніи владѣльца, или того, чье владѣніе нарушено; слѣдовательно есть внутренній, невидимый и потому какъ бы не существующій для государства. Поэтому владѣніе справедливое и несправедливое не имѣетъ никакого различія для государства. Отсюда происходитъ, что оно защищаетъ какъ то, такъ и другое.

Примѣч. 1. Для того, чтобы получить правильное воззрѣніе на владѣніе, необходимо должно различать основаніе, побудившее государство признать владѣніе, отъ послѣдствій такого признанія. Основаніемъ была внутренняя справедливость владѣнія въ нѣкоторыхъ случаяхъ; послѣдствіемъ — признаніе и защита справедливаго владѣнія. Причина этого послѣдствія не логическая, а фактическая: невозможность отличить владѣніе справедливое отъ несправедливаго. Замѣтимъ еще, что еслибы не было этой причины, не было бы и отдѣльнаго института владѣнія.

Примѣч. 2. Основаніе защиты несправедливаго владѣнія не есть внутреннее, заключающееся въ самомъ несправедливомъ владѣніи, а внѣшнее: невозможность для государства отличить его отъ владѣнія справедливаго. Скрываясь подъ одною внѣшнею оболочкою съ справедливымъ владѣніемъ, оно присвоило себѣ всѣ его юридическія послѣдствія и получило, такъ сказать, право гражданства въ системѣ законодательства. Римскіе юристы не отличали его отъ владѣнія справедливаго. Это и не удивительно: они имѣли въ виду одну практическую сторону права, а потому для нихъ было вовсе не нужно дѣленіе владѣнія на справедливое и несправедливое — дѣленіе, которое не имѣло никакого приложенія въ практикѣ, гдѣ они не отдѣлялись, да и не могли отдѣляться другъ отъ друга. Но теперь, когда чувствуется потребность возвести положительное ученіе къ его теоретическимъ началамъ, отдѣленіе владѣнія справедливаго отъ несправедливаго совершенно

необходимо. Несмотря на то, всѣ приступали къ построенію теоріи владѣнія съ готовою мыслью, что владѣніе всегда одинаково, будетъ ли оно справедливое или несправедливое; что это различіе несущественно, и потому не должно быть принимаемо въ соображеніе при построеніи теоріи. Это дѣленіе дѣйствительно не будетъ имѣть смысла, если мы взглянемъ на владѣніе отвлеченно: отвлеченное воззрѣніе не допускаетъ различія между справедливымъ и несправедливымъ; то и другое понятіе появляется только съ общежитіемъ, со вступленіемъ людей во взаимныя отношенія, слѣдовательно въ гражданскомъ обществѣ, въ государствѣ. Но мы не можемъ смотрѣть на владѣніе отвлеченно: такое воззрѣніе есть философское, а потому относится къ философіи права. Наше дѣло напротивъ состоитъ въ разсмотрѣніи юридическаго значенія владѣнія, слѣдовательно мы должны изслѣдовать его въ томъ видѣ, какъ оно является въ государствѣ. Ставши на эту точку зрѣнія, мы необходимо должны будемъ различить владѣніе справедливое отъ несправедливаго. Опущеніе изъ виду этого раздѣленія владѣнія въ государствѣ повлекло за собою другую ошибку: стали искать одного начала для объясненія защиты и справедливаго, и несправедливаго владѣнія. Удивительно ли, что всѣ попытки оказались безуспѣшными?

Примѣч. 3. Необходимость найдти основаніе защиты несправедливаго владѣнія вовлекла Савиньи и Ганса въ двѣ противоположныя, равно несправедливыя, крайности. Савиньи говоритъ, что вообще владѣніе (безъ различія справедливаго отъ несправедливаго) есть фактъ; Гансъ — что оно право. Савиньи, сообразно съ своимъ взглядомъ, не могъ искать причины защиты владѣнія въ самомъ владѣніи. Онъ ея искалъ поэтому въ чемъ-либо постороннемъ, внѣшнемъ, имѣющемъ связь съ институтомъ владѣнія, и думалъ найдти въ личности владѣльца, которая имѣетъ къ владѣнію самое близкое отношеніе.

Нарушеніе личности, необходимо связанное, по его мнѣнію, съ нарушеніемъ владѣнія, есть единственная причина защиты владѣнія. Исходя изъ этого ложнаго начала, онъ по необходимости долженъ былъ исказить нѣкоторыя юридическія положенія изъ ученія о владѣніи, напр. расширить понятіе о *vis* на всѣ возможные виды нарушенія владѣнія; совершенно превратно толковать основаніе интердикта ut rubi (по римскому праву до временъ Юстиніана). Такое неправильное, можно сказать, пристрастное толкованіе нѣкоторыхъ положеній, относящихся ко владѣнію, было выставлено на видъ и опровергнуто Гансомъ. Теорія Савиньи рушилась, и мѣсто ея заступила новая, противоположная первой, но столько же пристрастная и односторонняя теорія Ганса. Гансъ, въ противоположность Савиньи, утверждаетъ, что владѣніе есть право, т. е. въ самомъ себѣ заключаетъ основаніе защиты всѣхъ юридическихъ послѣдствій, и вотъ великая заслуга, оказанная имъ наукѣ права. Онъ первый открылъ и высказалъ истинное основаніе признанія и защиты владѣнія. Но какъ Савиньи на владѣніе вообще перенесъ всѣ свойства несправедливаго владѣнія, такъ Гансъ, наоборотъ, всѣ свойства справедливаго владѣнія приписалъ владѣнію вообще, а слѣдовательно и несправедливому. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ признать, что владѣніе несправедливое есть такое же право, какъ и владѣніе справедливое; что оно поэтому имѣетъ внутреннее основаніе защиты: мысль, заключающая въ себѣ явный парадоксъ, несмотря на всю увлекательность, съ которою она изложена, и послѣдовательность, съ которою выведена. Ею вносится въ область положительнаго права начало ложное, разрушительное, которое, въ конечныхъ своихъ послѣдствіяхъ, отрицаетъ всякое право. Но кромѣ внутренняго противорѣчія, скрытаго въ этой мысли, ее опровергаютъ, какъ мы видѣли, положенія римскаго ученія о владѣніи. Такъ обѣ теоріи выставляютъ совершенно вѣрныя

начала. Савиньи первый открылъ значеніе несправедливаго владѣнія въ области права; Гансъ первый — основаніе и значеніе справедливаго. Односторонность ихъ заключается въ стремленіи сдѣлать одно изъ этихъ началъ единственнымъ началомъ какъ справедливаго, такъ и несправедливаго владѣнія.

Мы сказали, что государство признаетъ и защищаетъ несправедливое владѣніе потому только, что послѣднее не различается отъ владѣнія справедливаго. Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ въ пользу нашего мнѣнія служатъ exceptiones, ослабляющія дѣйствіе интердикта въ пользу отвѣтчика. Если отвѣтчикъ могъ доказать, что самъ истецъ прежде пріобрѣлъ отъ него владѣніе тою же самою вещью несправедливо (vi, clam, precario), то онъ освобождался отъ обязанности возстановить владѣніе истцу. Эти exceptiones, очевидно, доказываютъ: 1) что не нарушеніе личности есть основаніе защиты владѣнія, потому что даже тотъ, кто пріобрѣлъ владѣніе vi, имѣлъ въ показанномъ случаѣ exceptio (противъ Савиньи); 2) что, когда возможно, государство дѣлаетъ различіе между владѣніемъ справедливымъ и несправедливымъ, и отказываетъ послѣднему въ защитѣ.

Второй вопросъ. Въ какомъ отношеніи находится владѣніе къ праву собственности?

Это отношеніе можетъ быть двоякаго рода: владѣніе 1) или является какъ составная часть права собственности, или 2) оно является въ коллизіи съ правомъ собственности.

1. *Владѣніе какъ составная часть права собственности.*

Выше мы замѣтили, что государство въ извѣстныхъ случаяхъ признаетъ справедливость владѣнія, и охраняетъ ее отъ притязанія другихъ лицъ. Это признаніе можетъ быть разсматриваемо съ двухъ точекъ зрѣнія: 1) кромѣ признанія справедливости владѣнія, оно заключаетъ въ себѣ сверхъ того и призна-

ніе самаго владѣнія*). Слѣдовательно въ признаніи права собственности извѣстнаго лица на извѣстную вещь заключается и признаніе владѣнія этого лица этою вещью; словомъ, въ правѣ собственности заключается и владѣніе; послѣднее есть составная часть перваго. 2) Признать справедливость владѣнія извѣстнаго лица извѣстною вещью значитъ признать, что это лице всегда можетъ владѣть этою вещью, имѣетъ право на владѣніе ею; слѣдовательно, что оно можетъ, отчудивши ее, возвращать себѣ снова, потерявши — требовать возращеніе отъ всякаго, кто бы ни пріобрѣлъ ее. Мало этого: хозяинъ вещи, даже никогда не владѣвши ею, можетъ требовать владѣнія отъ всякаго, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось. Такимъ образомъ изъ справедливости владѣнія вытекаетъ право на владѣніе, право требовать, чтобы другое лице, имѣющее это же самое владѣніе, возвратило его хозяину (тому, чье владѣніе признано справедливымъ); словомъ, право собственности даетъ хозяину юридическія средства для возвращенія потеряннаго владѣнія. Слѣдовательно хозяинъ вещи или 1) имѣетъ юридическое владѣніе, или 2) находитъ въ правѣ собственности средства требовать его отъ всякаго.

A.

Юридическое владѣніе хозяина вещью, на которую онъ имѣетъ право собственности.

Мы видѣли, что признаніе справедливости владѣнія есть вмѣстѣ и признаніе самаго владѣнія, т. е. что юридическое

*) На признаніе владѣнія, вмѣстѣ съ признаніемъ его справедливости, мы не могли указать, какъ на основное начало владѣнія; потому что оно является здѣсь какъ начало не самостоятельное, а подчиненное другому. Оно не могло поэтому объяснить существованія отдѣльнаго, самостоятельнаго института юридическаго владѣнія.

владѣніе есть часть права собственности. Такое владѣніе, именно потому что оно есть признанное отношеніе лица къ вещи, юридически совершенно одинаково съ тѣмъ, объ которомъ мы говорили при основномъ началѣ владѣнія. Его юридическое начало то же самое, а потому и юридическія положенія объ его нарушеніи и защитѣ тѣ же. Такимъ образомъ владѣніе, составляющее часть права собственности, является, несмотря на то, какъ совершенно отдѣльное, отъ него независимое юридическое отношеніе къ вещи.

Этимъ разрѣшается часть нашего вопроса: владѣніе и право собственности могутъ существовать другъ подлѣ друга безъ всякаго взаимнаго отношенія.

Примѣч. Несмотря на совершенную одинаковость владѣнія юридическаго (объ которой мы говорили выше и при разрѣшеніи перваго нами предложеннаго вопроса) и владѣнія, составляющаго часть права собственности, между ними есть самое существенное различіе. Оно заключается въ основаніи, которое побудило государство признать какъ то, такъ и другое отдѣльнымъ, самостоятельнымъ юридическимъ отношеніемъ къ вещи*).

Владѣніе, само въ себѣ справедливое, но неимѣющее внѣшнихъ признаковъ своей справедливости, поздно обратило на себя вниманіе законодательствъ. Мысль (лежащая въ основаніи всего ученія о владѣніи), что владѣніе, не пріобрѣтенное по установленнымъ способамъ, не есть еще несправедливое, доказываетъ, что законодательство видитъ не одну формальную справедливость, но проникаетъ и до справедливости матеріяльной. Появленіе института владѣнія въ системѣ законодатель-

*) Владѣніе несправедливое, какъ мы видѣли выше, признается и защищается государствомъ только потому, что оно не можетъ быть отличено отъ владѣнія справедливаго. Поэтому мы и не будемъ принимать его въ соображеніе при опредѣленіи указаннаго нами различія.

ства есть поэтому самый вѣрный признакъ того, что оно стоитъ на высшей степени развитія.

Напротивъ, владѣніе, составляющее часть права собственности, имѣло совершенно другую судьбу въ исторіи законодательствъ. Оно появилось вмѣстѣ съ правомъ собственности, вмѣстѣ въ нимъ было признано и нашло средство защиты. Поэтому-то вовсе не было нужно различать ихъ: въ признаніи и защитѣ права собственности заключались признаніе и защита владѣнія.

Съ появленіемъ въ системѣ права юридическаго владѣнія, открылся и новый взглядъ на право собственности. Владѣніе, составляющее часть послѣдняго, отдѣлилось отъ него и получило свое отдѣльное, независимое бытіе. Оно получило слѣдовательно только новую форму, заимствованную отъ новаго института права. Такъ основаніе признанія, не имѣющаго внѣшняго признака своей справедливости, должно искать въ признаніи государствомъ не одной формальной, но и матеріяльной справедливости; основаніе признанія владѣнія, составляющаго часть права собственности, какъ отдѣльнаго, независимаго отъ послѣдняго отношенія къ вещи — въ послѣдовательности законодательства, которое всѣ одинаковыя юридическія явленія подводитъ подъ одну форму, и всѣмъ имъ даетъ одинаковое юридическое значеніе.

B.

Право требовать владѣнія отъ всякаго, вытекающее изъ права собственности, и средства къ осуществленію этого права.

Мы видѣли, что юридическое владѣніе, составляющее часть права собственности, имѣетъ одинаковое юридическое значеніе съ тѣмъ, объ которомъ мы говорили выше, при изслѣдованіи

объ основномъ началѣ владѣнія. Оно имѣетъ то же юридическое начало, тѣ же юридическія послѣдствія; поэтому и средства его защиты тѣ же.

Но этими средствами, какъ очевидно уже съ перваго взгляда, хозяинъ вещи не всегда, по произволу, можетъ пріобрѣтать владѣніе своею вещью, которою владѣетъ другой. Здѣсь представляются слѣдующіе случаи:

1) Хозяинъ добровольно уступилъ другому лицу владѣніе вещью, принадлежащею ему въ собственность, а это лице передало его третьему и т. д.

2) Хозяинъ потерялъ владѣніе вещью, а другое лице завладѣло ею.

3) Владѣніе хозяина нарушено другимъ лицемъ, которое передало это владѣніе третьему лицу.

4) Хозяинъ никогда не владѣлъ вещью, принадлежащею ему въ собственность.

Во всѣхъ означенныхъ случаяхъ, обыкновенными средствами защиты (интердиктомъ), владѣніе не можетъ быть пріобрѣтено хозяиномъ отъ тѣхъ лицъ, которыя владѣютъ этою вещью. Поэтому хозяинъ долженъ имѣть и имѣетъ другія средства, вытекающія не изъ юридическаго владѣнія, но изъ права собственности*).

Изъ сказаннаго нами выводится другое положеніе, опредѣляющее отношеніе владѣнія къ праву собственности. Въ правѣ собственности заключается право на владѣніе. Оно осуществляется особливыми средствами, отличными отъ средствъ за-

*) Въ римскомъ правѣ этихъ средствъ много. Укажемъ на нѣкоторыя. **Actio ad exhibendum, actio judicati**, когда этотъ искъ проистекалъ изъ рѣшенія, постановленнаго о правѣ собственности; цѣль его въ этомъ случаѣ состояла въ приведеніи въ исполненіе судебнаго рѣшенія о правѣ собственности, слѣдовательно, между прочимъ, въ возстановленіи владѣнія вещью тому, чье право собственности на эту вещь признано въ судебномъ рѣшеніи, и проч.

щиты юридическаго владѣнія. Осуществленіе его есть юридическое владѣніе.

2. *Владѣніе въ коллизіи съ правомъ собственности.*

Если мы будемъ смотрѣть на право собственности только какъ на признанную государствомъ справедливость владѣнія, то откроется само собою, что коллизія его съ юридическимъ владѣніемъ невозможна. Причина этой невозможности заключается въ томъ, что они относятся къ предметамъ совершенно различнымъ: предметъ — содержаніе права собственности есть справедливость владѣнія; предметъ юридическаго владѣнія — самое владѣніе.

Но мы видѣли, что въ правѣ собственности заключается право на владѣніе, и что осуществленіе этого права есть юридическое владѣніе. Съ этой, и только съ этой точки зрѣнія, коллизія владѣнія съ правомъ собственности представляется возможною, слѣдовательно только съ этой точки и можно ее разсматривать.

Когда право собственности придетъ въ столкновеніе съ юридическимъ владѣніемъ, которое изъ нихъ должно одержать верхъ? Рѣшеніе этого вопроса очевидно само собою. Если кто-либо имѣетъ справедливое отношеніе къ вещи и эта справедливость признана государствомъ, то другіе не могутъ имѣть къ ней такого же справедливаго отношенія, слѣдовательно это отношеніе несправедливо. Поэтому при коллизіи послѣднее уступаетъ первому: оно уничтожается, и возстановляется справедливое отношеніе хозяина вещи.

Итакъ отношеніе права собственности ко владѣнію заключается въ слѣдующемъ:

Владѣніе есть необходимая, существенная часть права собственности. Какъ необходимая часть, оно или принадлежитъ вмѣстѣ съ правомъ собственности одному лицу, или можетъ

только принадлежать. Въ первомъ случаѣ юридическое владѣніе существуетъ подлѣ права собственности, какъ самостоятельное юридическое отношеніе къ вещи, независящее отъ упомянутаго права, и имѣетъ свои средства защиты. Въ послѣднемъ случаѣ оно существуетъ подлѣ права собственности, но только въ возможности, какъ право на владѣніе тою вещью, которая принадлежитъ по праву собственности; это право на владѣніе приводится въ исполненіе особливыми средствами, отличными отъ средствъ защиты юридическаго владѣнія и сходными съ послѣдними только въ томъ, что какъ тѣ, такъ и другія имѣютъ одну цѣль — доставить юридическое владѣніе. При осуществленіи права на владѣніе, оно можетъ вступить въ коллизію съ юридическимъ владѣніемъ, и тогда послѣднее необходимо уступаетъ первому.

Заключеніе.

Теперь постараемся въ немногихъ словахъ представить результатъ изслѣдованій о коренномъ началѣ юридическаго владѣнія и основаніи его защиты.

Основное начало юридическаго владѣнія есть признаніе государствомъ владѣнія, безъ признанія его справедливости. Поводъ въ такому признанію заключается во внутренней справедливости владѣнія, которое поэтому не можетъ быть оставлено безъ защиты, но которое не можетъ быть признано за справедливое, по недостатку внѣшнихъ признаковъ этой справедливости — признаковъ несомнѣнныхъ, видимыхъ для государства, каковы законные способы пріобрѣтенія. Вслѣдствіе недостатка такихъ признаковъ, государство по необходимости, вмѣстѣ съ владѣніемъ справедливымъ въ самомъ себѣ, признаетъ и защищаетъ и владѣніе несправедливое. Поэтому основаніе защиты несправедливаго владѣнія не заклю-

чается во внутреннемъ существѣ его, но во внѣшнемъ сходствѣ и безразличіи его съ владѣніемъ, въ самомъ себѣ справедливымъ. Эта форма признанія перенесена и на то владѣніе, котораго справедливость признана государствомъ. Основаніе лежитъ въ слѣдующемъ: признаніе справедливости владѣнія заключаетъ въ себѣ признаніе и самаго владѣнія. Оба могутъ быть разсматриваемы отдѣльно, независимо другъ отъ друга. Признаніе владѣнія, разсматриваемое отдѣльно отъ признанія его справедливости, не представляетъ никакого отличія отъ признанія такого отношенія къ вещи, которое государство не признаетъ за справедливое. Поэтому-то на него вполнѣ можетъ и должна быть перенесена форма признанія послѣдняго. Такимъ образомъ владѣніе, само въ себѣ справедливое, владѣніе несправедливое, и наконецъ владѣніе, составляющее часть права собственности, всѣ соединяются въ государствѣ подъ одну форму признанія, а потому они имъ и не различаются. На каждое изъ нихъ въ отдѣльности, и на всѣ вмѣстѣ, государство смотритъ только какъ на одно и то же владѣніе, признанное имъ въ особенной формѣ и защищаемое, не обращая вниманія на различныя основанія такого признанія и защиты.

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА
РУССКАГО СУДОУСТРОЙСТВА
И
ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА,
ВЪ ПЕРІОДЪ ВРЕМЕНИ ОТЪ УЛОЖЕНІЯ ДО УЧРЕЖДЕНІЯ О ГУБЕРНІЯХЪ [1]).

[1]) Диссертація на степень магистра.

ВВЕДЕНІЕ.

Не много лѣтъ протекло съ того времени, когда реформа, произведенная въ Россіи Петромъ Великимъ, еще была предметомъ общаго и безусловнаго удивленія. Едва преобразователь совершилъ свой трудный подвигъ, какъ уже подданные его почувствовали великость предначатаго дѣла, и превозносили великаго государя, первоначальника новой Россіи, творца нашего политическаго могущества и устроителя внутренняго быта. Съ тѣхъ поръ имя Петра Перваго благоговѣйно передавалось изъ устъ въ уста отъ предковъ потомству. Такъ продолжалось почти до послѣдняго двадцатипятилѣтія.

Около этого времени впервые появилась реакція направленію, данному Россіи преобразованіемъ Петра. Силы, вызванныя имъ къ жизни, воспитанныя и доведенныя до сознанія событіями послѣдней эпохи — начали тяготиться чужеземнымъ вліяніемъ, подъ которымъ совершалось ихъ развитіе со времени Петра Великаго, и породили требованіе самостоятельности. Отсюда ведетъ начало обращеніе къ старинѣ, сочувствіе къ быту Россіи, предшествовавшему реформѣ, который, если не былъ чуждъ вліянію европейскихъ народовъ, то, по крайней мѣрѣ, не былъ порабощенъ этимъ вліяніемъ. Это новое

направленіе должно было ослабить прежнее безусловное удивленіе къ преобразованію Петра Великаго; доведенное до крайности, оно стало въ противуположность съ прежнимъ направленіемъ, и почитатели старины также безусловно начали порицать переворотъ, какъ другіе прежде превозносили его. Такимъ образомъ мнѣнія о реформѣ раздѣлились; въ ихъ враждѣ, рѣчь идетъ не о частномъ событіи русской исторіи, но о судьбахъ Россіи, о ея прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ.

Образованіе противуположныхъ мнѣній о реформѣ Петра, есть, безспорно, отрадное явленіе. Оно служитъ признакомъ пробуждающагося въ Россіи сознанія ея самостоятельности, индивидуальности; это зачатки обновленія нашей жизни, свидѣтельствующіе о переходѣ ея изъ одной степени развитія въ другую, высшую. Но основываясь на непосредственномъ убѣжденіи, на догадкахъ и предположеніяхъ, на фактахъ отрывочныхъ, и потому допускающихъ различныя и произвольныя толкованія, эти мнѣнія не могутъ разрѣшить спора. Въ этомъ скрывается причина и необходимость возникающаго у насъ историческаго направленія. Теперь болѣе, нежели когда нибудь обратились къ изученію фактовъ нашей исторіи; стали собирать источники. Уже много сдѣлано совокупными усиліями правительства и частныхъ лицъ; многіе весьма важные памятники нашего древняго быта открыты, обнародованы и не перестаютъ обнародываться.

При такомъ преобладаніи историческихъ интересовъ, при общемъ стремленіи рѣшить великій вопросъ о переворотѣ Петра, въ выборѣ темы для юридическаго разсужденія нельзя было колебаться. Мы остановились на реформахъ, произведенныхъ Петромъ Великимъ, въ гражданскомъ судопроизводствѣ, и по слѣдующимъ причинамъ:

1) Не смотря на то, что переворотъ Петра Великаго почти

весь сосредоточился въ сферѣ государственнаго права (въ обширномъ смыслѣ слова), вліяніе его на гражданское законодательство было также чревычайно сильно. Онъ отразился съ большею или меньшею силою въ правахъ имущественныхъ (вещныхъ), и правахъ по обязательствамъ (личныхъ), въ наслѣдственномъ правѣ и гражданскомъ судопроизводствѣ.

2) Степень и значеніе реформы въ каждой отдѣльной вѣтви гражданскаго права были различны. Въ большей части изъ нихъ она была только отраженіемъ переворота, происшедшаго въ государственномъ законодательствѣ, и потому была временная. — Почти всѣ измѣненія, сдѣланныя въ гражданскихъ правахъ Петромъ Великимъ, и которыя подходять подъ эту категорію, уступили мѣсто прежде бывшимъ законоположеніямъ. Они имѣютъ болѣе интересъ древностей.

3) Изъ всѣхъ перемѣнъ, происшедшихъ со времени Петра Великаго въ гражданскомъ законодательствѣ, только тѣ, которыя относились къ судопроизводству, имѣли постоянный характеръ, и служатъ главнымъ основаніемъ нынѣ дѣйствующихъ законовъ. Поэтому, кромѣ историческаго интереса, онѣ имѣютъ еще интересъ практическій, тѣсно связующій ихъ съ настоящимъ законодательствомъ, и заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Направленіе, данное законодательству Петромъ Великимъ, продолжало развиваться и по немъ во всѣ послѣдующія царствованія, до изданія Свода Законовъ. Время отъ реформы Петра Великаго до Свода Законовъ составляетъ поэтому особливый періодъ въ исторіи русскаго законодательства. Царствованіе императрицы Екатерины II, при которой впервые установилась реформа, дѣлитъ этотъ періодъ на двѣ части; при ней опредѣлилось отношеніе новыхъ и старыхъ началъ права и всѣ нововведенія приведены въ стройную, обдуманную систему. Въ отношеніи къ гражданскому судопроиз-

водству царствованіе Екатерины II не представляетъ ни одного узаконенія, которое составляло бы эпоху; но въ судоустройствѣ Екатерина II заключила реформу изданіемъ Учрежденія для управленія губерній, съ которымъ судебное управленіе Россіи, административная сторона судопроизводства, получило правильную организацію. Мы органичимся изложеніемъ перемѣнъ, происшедшихъ въ русскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ со времени реформы до Учрежденія о Губерніяхъ (1775 года, ноября 7-го).

Такимъ образомъ настоящее разсужденіе должно раздѣлиться на двѣ части. Первая будетъ заключать въ себѣ ученіе о гражданскомъ судопроизводствѣ, по Уложенію и Новоуказнымъ Статьямъ, вторая — измѣненія, произведенныя въ гражданскомъ судопроизводствѣ Петромъ Великимъ и узаконеніями послѣдующихъ царствованій, до Учрежденія о Губерніяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Ученіе о русскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ по Уложенію и Новоуказнымъ Статьямъ.

(1649—1696)

Періодъ времени отъ Уложенія до единодержавія Петра Великаго по справедливости можетъ быть названъ цвѣтомъ древняго юридическаго быта, вѣнцемъ самостоятельнаго развитія началъ, которыя лежали непосредственно въ народномъ обычаѣ. Каждое юридическое положеніе, или непосредственно, или какъ результатъ, основывалось на обычаяхъ областей, вошедшихъ въ составъ Россіи; слѣд. законодательство было почти исключительно историческое.

Отсюда объясняется казуистическій характеръ Уложенія и всѣхъ постановленій, относящихся къ этому времени. По мѣрѣ того, какъ юридическія гражданскія отношенія становились многосложнѣе, приложеніе основныхъ началъ обычнаго права къ частнымъ случаямъ дѣлалось труднѣе и требовало законнаго опредѣленія; это опредѣленіе касалось поэтому однихъ частныхъ случаевъ: начала, руководившія при рѣшеніи ихъ, остались невысказанными, потому что жили въ обычаѣ; не было никакой нужды утверждать ихъ законами. Отсюда видимая бѣдность юридическихъ началъ въ Уложеніи, и внутреннее богатство ихъ, сокрытое подъ оболочкою частныхъ рѣшеній. Казуистическій характеръ Уложенія въ особенности вы-

сказывается тѣмъ, что оно, будучи по своему назначенію Уложеніемъ всей Россіи, по формѣ относилось къ одной Москвѣ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что главная причина этого заключается въ самыхъ источникахъ, изъ коихъ преимущественно составлено Уложеніе; ибо можно догадываться, что наибольшая часть статей его почерпнута изъ рѣшеній московскихъ приказовъ; несмотря на то, удержаніе казуистической формы этихъ приговоровъ ясно свидѣтельтвуетъ о тогдашнемъ ходѣ развитія законодательства и вообще всего юридическаго быта.

Несмотря на преобладаніе обычнаго права въ Уложеніи и послѣдующемъ законодательствѣ, мы замѣчаемъ во весь этотъ періодъ постепенное усиливаніе начала собственно такъ называемаго законодательнаго, реагирующаго противъ обычныхъ вѣрованій, и которое такъ сильно воспреобладало со временъ Петра Великаго. Но эта законодательная дѣятельность вполнѣ подчинялась формамъ и духу юридической жизни того времени, и отличалась тѣмъ-же казуистическимъ характеромъ, какъ и положенія, непосредственно развившіяся изъ обычая. Измѣненія въ законодательствѣ не проистекали изъ началъ чуждыхъ намъ; обычаю противудѣйствовали средствами, изъ него же заимствованными; такимъ образомъ весь юридиче-

[1]) Доказательствъ этому множество. Укажемъ здѣсь на нѣкоторыя: 1) Улож. гл. X, ст. 140: «велѣти его (отвѣтчика) приставу привести къ отвѣту *къ Москвѣ* съ собою»; гл. X, ст. 141. «да какъ приставъ того ослушника изымавъ *къ Москвѣ* приведетъ». См. также гл. X, ст. 139 и множество другихъ мѣстъ. 2) Въ уложеніи вездѣ упоминается о *дьякахъ,* а они, какъ извѣстно, были только въ московскихъ приказахъ, и въ нѣкоторыхъ городахъ съ воеводами. 3) Улож. гл. X, ст. III повелѣваетъ винить неявкою того, кто чрезъ недѣлю по собраніи по немъ поручной записи не явится къ суду; очевидно, эта статья относится только къ городскимъ жителямъ, или къ живущимъ въ близкомъ разстояніи отъ города. Она должна относиться, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ древнѣйшему времени. 4) Судящіе вездѣ называются въ Уложеніи *судьями,* а это названіе принадлежитъ исключительно тѣмъ, которые засѣдали въ московскихъ приказахъ. Улож. гл. X, ст. 251, и т. д.

скій бытъ составлялъ одно органическое, стройное целое. Вотъ что должно было замѣтить о состояніи права и законодательства въ этомъ періодѣ, для лучшаго уразумѣнія нашего предмета. — Вникая въ юридическіе памятники, дошедшіе до насъ отъ временъ Уложенія, всматриваясь глубже въ едва понятное намъ тождество быта и формъ, въ которыхъ онъ выражался — въ твердость началъ юридическихъ и необходимое ея слѣдствіе, способность нашихъ предковъ правильно прилагать эти начала къ даннымъ случаямъ ежедневной жизни,—всматриваясь во все это, не льзя не удивляться тому, какъ могло образоваться мнѣніе, будто бы у насъ не было до Петра Перваго ни законовъ, ни даже понятія о правѣ, а и то и другое дано Россіи ея преобразователемъ. Въ наше время этотъ предразсудокъ мало-по-малу искореняется, и уступаетъ мѣсто другому, лучшему взгляду на допетровскій бытъ, его достоинства и недостатки.

При всей неосновательности, это мнѣніе имѣетъ однако и свою справедливую сторону. Подъ конецъ этого періода обычныя вѣрованія замѣтно ослабѣли; зачатки ослабленія ихъ мы замѣчаемъ еще до Уложенія; но около самаго начала новой эпохи они были почти совершенно разрушены. Буква закона замѣнила духъ его, который жилъ прежде въ народномъ убѣжденіи; это было причиною и слѣдствіемъ порчи, вкравшейся въ жизнь общественную. Доказательствомъ могутъ служить безчисленныя злоупотребленія, которымъ уже подавали теперь поводъ формы быта, нѣкогда вылившіяся изъ самой жизни, и въ свою очередь служившія ей опорою и основаніемъ. Самое свойство злоупотребленій того времени свидѣтельствуетъ объ обветшалости, дряхлости этихъ формъ. Вспомнимъ только дѣла о мѣстничествѣ, которыя тогда уже были анахронизмомъ; дѣла о безчестіи между боярами, которыя дошли наконецъ до такихъ смѣшныхъ и нелѣпыхъ крайностей, что

обратили на себя вниманіе законодательства[1]); превратныя «ябедническія» толкованія законовъ; сухой, безжизненный формализмъ, укоренившійся въ судахъ, бывшихъ прежде органомъ развитія обычнаго права и приложенія законовъ къ жизни; вспомнимъ значеніе, которое получилъ въ это время языкъ; наконецъ, приведемъ себѣ на память злоупотребленія стряпчихъ того времени, объ которыхъ столько говорится въ законахъ этой эпохи, и есть даже свидѣтельства современниковъ Петра Великаго.

Такъ мѣсто единаго, нераздѣльнаго убѣжденія, которое высказывалось въ законодательствѣ, заступило раздвоеніе закона и жизни — вѣрный признакъ наступленія переворота.

ГЛАВА I.

ОРГАНЫ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

Отдѣленіе 1.

СУДОУСТРОЙСТВО.

Судоустройство Россіи временъ Уложенія лишено догматическаго интереса; это потому, что оно основывалось на однихъ историческихъ началахъ, которыя подъ конецъ этаго періода уже нѣсколько сгладились. Это дѣлаетъ судоустройство той эпохи чрезвычайно сбивчивымъ и непонятнымъ.

[1]) Въ Полномъ Собраніи Законовъ помѣщено нѣсколько указовъ, которыми запрещалось вчинять «пустые и недѣльные» иски о безчестіи. Такъ въ одномъ изъ нихъ упоминается о челобитной, которую одинъ приносилъ на другаго за то, что послѣдній *смотрѣлъ на него звѣрообразно,* и тѣмъ будто бы нанесъ ему безчестіе.

Историческіе элементы, изъ коихъ развилось судоустройство Московскаго государства, въ настоящій періодъ суть: древнѣйшая форма управленія въ Россіи и образованіе Россійскаго государства, чрезъ присоединеніе къ Московскому княжеству удѣловъ, царствъ и народныхъ державъ.

Древнѣйшая форма управленія въ Россіи со временъ пришествія въ Новгородъ Варяго-Руссовъ состояла въ томъ, что князь назначалъ изъ своей дружины «мужей» правителями областей и городовъ. Разсматривая эту форму администраціи, и соображая ее съ историческими данными той эпохи, мы выводимъ слѣдующіе результаты:

1-е. Вся власть надъ городомъ или областію сосредоточивалась въ одномъ лицѣ; начала коллегіяльнаго, по главному назначенію власти, военному и финансовому, не было и быть не могло.

2-е. По тому же военному и финансовому характеру власти «мужей», посылаемыхъ княземъ, власть судебная въ дѣлахъ гражданскихъ de facto отдѣлялась отъ самаго суда и носила на себѣ характеръ чисто-административный. Намѣстники были блюстители тишины и порядка, поэтому вѣдали дѣла уголовныя, которыя первоначально разсматривались только съ этой, такъ сказать, полицейской точки зрѣнія; поэтому, далѣе, намѣстники взыскивали пеню съ нарушителей порядка: вотъ происхожденіе судебныхъ пошлинъ по дѣламъ гражданскимъ; ибо эти дѣла, въ древній и средній періодъ нашей исторіи, обыкновенно вчинялись вслѣдствіе насильственныхъ правонарушеній. Самый судъ, произнесеніе приговора о томъ, что̀ право и что̀ не право, принадлежало общинѣ или городу; сперва, вѣроятно, старѣйшинамъ, въ послѣдствіи лучшимъ людямъ, выборнымъ, цѣловальникамъ.

3-е. Наконецъ, какъ князь поручалъ управленіе своимъ приближеннымъ, такъ и намѣстники его отдавали города и

области избраннымъ изъ своей дружины. Такимъ образомъ князь, его мужи и правители, ими назначенные, составляли цѣлую лѣствицу чиноначалія; низшія ступени ея представляли въ меньшемъ объемѣ то же, что̀ и высшія.

Та же самая система управленія лежитъ въ основаніи судоустройства и въ настоящій періодъ.

1-е. Начало единовластнаго управленія осталось если не исключительнымъ, то по крайней мѣрѣ преобладающимъ во времена Уложенія. Начиная отъ думы государевой до управленія населеннымъ помѣстьемъ или вотчиною, всѣ власти были основаны на единоначаліи. Въ наше время возникла мысль, будто бы коллегіальное начало существовало уже до Петра Великаго. Это мнѣніе имѣетъ свою справедливую и несправедливую сторону, судя по тому, съ какой точки зрѣнія мы будемъ разсматривать судоустройство настоящаго періода. Съ исторической точки зрѣнія эта мысль кажется намъ неосновательною. Управленіе ввѣрялось первоначально одному лицу; такъ было еще во времена Судебника[1]). Въ царствованіе Алексѣя Михайловича московскими приказами, областями и уѣздами, уже завѣдывалъ не одинъ, а многіе («воевода съ товарищи»[2]); вотъ что̀ подало поводъ думать, будто судоустройство въ это время было коллегіальное; ту же мысль въ особенности подтверждаетъ и одно мѣсто въ Уложеніи[3]). Несмотря однако на эти данныя, мы можемъ сказать утверди-

[1]) См. Судебникъ (Татищева, Москва, 1786 года. 2-е изд.) ст. 68 и 69.

[2]) См. Описаніе Россіи въ царствованіи Алексѣя Михайловича, Григорья Кошихина (С. Петербургъ. 1840 года) гл. VI и VII; Московскіе и другіе старинные приказы, Новикова (въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ, Москва, 1791 года, 2-е изд. Т. XX. стр. 271—421); также грамоты, указы и боярскіе приговоры того времени, въ особенности именный указъ, данный боярину Ивану Милославскому, 1680 года, апрѣля 30. (См. Полное Собр. Законовъ, № 820.)

[3]) Улож. гл. X, стр. 23: «вершити... (судное) дѣло... судьямъ всѣмъ вопче».

тельно, что коллегіяльнаго управленія не было. Правда, въ назначеніи нѣсколькихъ лицъ для завѣдыванія приказомъ или уѣздомъ уже скрывался зародышъ будущаго коллегіяльнаго устройства, но до Петра Великаго онъ находился подъ вліяніемъ прежнихъ началъ управленія, и поэтому не могъ развиться. Доказательства:

a) Назначеніе нѣсколькихъ судей и нѣсколькихъ воеводъ для управленія однимъ приказомъ или областью, дѣлалось потому, что многосложность занятій, связанныхъ съ извѣстнымъ управленіемъ, превышала силы одного человѣка. Такъ думаетъ профессоръ Рейцъ. Отсюда объясняется характеръ приказовъ того времени. Товарищи боярина, вѣдавшаго приказъ, или городоваго воеводы были его помощники, совѣтники, а не самостоятельные члены, имѣющіе къ нему опредѣленное юридическое отношеніе. Этимъ объясняется, далѣе, почему нѣтъ никакихъ постановленій объ отношеніи воеводы къ товарищамъ его: еслибъ эти отношенія были юридическія, то они необходимо опредѣлялись бы закономъ, ибо обычай здѣсь не могъ имѣть дѣйствія.

b) Лучшимъ доказательствомъ того, что коллегіяльнаго управленія не было, а было управленіе личное, служитъ устройство думы государевой, по образцу которой, вслѣдствіе единства происхожденія всѣхъ властей того времени, были организованы правительственныя мѣста Московскаго государства. Власть государя, предсѣдательствовавшаго въ ней, была неограничена, и если онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отступалъ отъ своего мнѣнія и принималъ мнѣніе одного изъ членовъ, то это совершенно зависѣло отъ его произвола; думные люди были его совѣтниками и имѣли на него вліяніе de facto; юридическаго ограниченія его власти не было.

c) Наконецъ коллегіяльное устройство имѣло мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда часть, ввѣренная многимъ лицамъ, была

обширна и многосложна; во всѣхъ прочихъ случаяхъ удерживалось начало личнаго управленія; вотъ почему мы находимъ у Кошихина, что въ нѣкоторыхъ московскихъ приказахъ было по нѣскольку членовъ; напротивъ, въ другихъ только одинъ. То же должно замѣтить и о городовомъ и областномъ управленіи, которое находилось въ рукахъ и одного, и двухъ, и трехъ воеводъ.

Мы видѣли, что власть вручалась лицамъ. Поэтому все судоустройство времєнъ Уложенія сохранило личный характеръ. Вникая въ значеніе **приказовъ**, — правительственныхъ мѣстъ, которыя вѣдали различныя отрасли государственнаго и гражданскаго управленія [1]), мы легко убѣдимся, что по происхожденію своему они были не что иное, какъ бы канцеляріи тѣхъ сановниковъ, которымъ царь московскій поручалъ извѣстную отрасль управленія (быть-можетъ по этой-то причинѣ многіе приказы при Петрѣ Великомъ переименованы въ канцеляріи: такъ Дворцовый [2]), Ямской [3]), даже Посольскій [4]) и другіе). Въ названіи чети дьяка Варѳоломея Иванова сохранилось намъ драгоцѣнное историческое свидѣтельство о такомъ значеніи приказовъ въ древнія времена. —

[1]) О приказахъ мы имѣемъ слѣдующія статьи: первая по своему достоинству и полнотѣ есть статья Новикова въ XX томѣ Россійской Вивліоѳики. Изъ нея сдѣлано сокращеніе Максимовичемъ въ I томѣ Указателя Законовъ. VI и VII главы сочиненія Кошихина о Россіи посвящены московскимъ приказамъ; какъ писанныя современникомъ, онѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія. Затѣмъ есть еще статья о приказахъ Голикова, въ III томѣ Прибавленій къ Дѣяніямъ Петра Великаго. Въ ней мы находимъ много новыхъ извѣстій, которыхъ нѣтъ ни у Новикова, ни у Кошихина, но не указано, откуда они почерпнуты.

[2]) 1708 года, авг. 20 (№ 2204); приговоръ Главной Ратуши 1728 года, сент. 12 (№ 5333); наказъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ.

[3]) 1728 года, іюня 30 (№ 5299), п. 6; сенатскій.

[4]) 1719 года, 3 марта (№ 3318), п. 25; Регламентъ (Уставъ) Государственной Коммерцъ-Коллегіи.

Во весь періодъ отъ Уложенія до Петра Великаго и далѣе, указы, грамоты, отписки и проч., почти никогда не писались на имя приказа, но на имя тѣхъ, которые завѣдывали имъ. Личнымъ же характеромъ судоустройства объясняется непостоянство приказовъ: ихъ безпрерывное уничтоженіе, возстановленіе и соединеніе съ другими; это дѣлалось большею частію съ перемѣною тѣхъ, которые ими завѣдывали, или съ ввѣреніемъ двухъ или нѣсколькихъ приказовъ въ управленіе одному лицу[1]). Отсюда недостатокъ порядка, системы при распредѣленіи вѣтвей управленія между приказами; даже при Петрѣ Великомъ соляное управленіе отнесено къ предметамъ вѣдомства помѣстнаго приказа. Въ заключеніе упомянемъ о томъ, что нѣкоторые приказы помѣщались въ домахъ тѣхъ бояръ, которые въ нихъ присутствовали[2]).

Въ древнѣйшія времена намѣстникамъ ввѣрялось управленіе областію, или городомъ; такимъ образомъ территоріею опредѣлялась власть намѣстниковъ, а не предметами вѣдомства; всѣ отрасли свѣтскаго управленія соединялись въ рукахъ воеводъ, и поэтому не было особливыхъ чиновниковъ, облеченныхъ исключительною властью давать судъ въ дѣлахъ гражданскихъ. Отсюда развилось правило: кто управляетъ, тотъ имѣетъ и право суда въ дѣлахъ гражданскихъ надъ управляемыми. — Эти начала развиваются и во времена Уложенія. Не говоря уже о провинціяльномъ устройствѣ, которое вполнѣ на нихъ основано, мы укажемъ на четвертные московскіе приказы (Новгородскій, Устюжскій и другіе), которые управляли цѣлыми областями и судили жителей ихъ въ дѣлахъ гражданскихъ между собою и съ посторонними по общимъ правиламъ подсудности.

¹) 1711 года, ноября 20 (№ 2451); сенатскій.

²) 1670 года, марта 14 (№ 466); именный.

Какъ первоначально отдавалась въ управленіе цѣлая область или городъ, такъ въ послѣдствіи были отдѣлены другъ отъ друга различныя отрасли управленія, и каждая изъ нихъ сдѣлалась предметомъ особливой администраціи. Управленіе по отраслямъ болѣе искусственно, нежели завѣдываніе цѣлою провинціею, и потому, безъ сомнѣнія, относится къ позднѣйшему времени (Холопій судъ, Большой приходъ, Помѣстный приказъ и нѣкоторые другіе впервые упоминаются въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка). Оно образовалось совершенно по аналогіи съ территоріяльнымъ управленіемъ; вотъ почему напр. сословіе гостей вѣдалось судомъ въ приказѣ Большія казны; пушкари, воротники, затинщики — въ Пушкарскомъ приказѣ; рудокопы — въ приказѣ Рудокопныхъ дѣлъ; многіе города и уѣзды съ помѣстными, вотчинными и судными дѣлами въ Стрѣлецкомъ приказѣ, Розрядѣ и т. д. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ почти ни одного приказа, который бы не судилъ дѣлъ гражданскихъ и поэтому не относился бы къ ученію о гражданскомъ судопроизводствѣ.

2) Раздѣленіе власти давать судъ (jus) и самаго суда (judicium), между старостами, цѣловальниками, выборными лучшими людьми съ одной стороны, и приказными людьми съ другой, составляло во времена Судебника общую, исключительную форму судебнаго управленія Россіи[1]). Но въ періодъ Уложенія она почти уничтожилась; въ самомъ Уложеніи объ ней упоминается только одинъ разъ, и то мимоходомъ, въ отношеніи къ сельскому судоустройству[2]), въ которомъ эта форма удержалась неизмѣнно

[1]) Судебникъ, ст. 62. «А Бояромъ и дѣтемъ Боярскимъ судити... а на судѣ у нихъ и у ихъ Тіуновъ быти... старостѣ и лучшимъ людемъ цѣловальникамъ... а безъ старостъ и безъ цѣловальниковъ, Намѣстникомъ и ихъ Тіуномъ суда не судити». Также ст. 72, 69 (здѣсь они называются судными мужами), 68. Ср. Рейца «Опытъ Исторіи Россійскихъ Государственныхъ и Гражданскихъ Законовъ» (съ Нѣм. перев. проф. Морошкинъ. Москва 1836 г.).

[2]) Улож. гл. X, ст. 161.

до позднѣйшихъ временъ. Во времена Петра Великаго мы находимъ извѣстіе, что въ нѣкоторыхъ городахъ были при воеводахъ товарищи, выбранные жителями уѣздовъ, а въ другихъ ихъ не было [1]). Но мы не знаемъ, было ли такое управленіе остаткомъ древнѣйшей формы судоустройства, или же слѣдствіемъ указа царя Ѳеодора Алексѣевича, объ которомъ упоминаетъ Татищевъ [2]). Вообще должно замѣтить, что участіе выборныхъ въ рѣшеніи гражданскихъ споровъ не подлежитъ никакому сомнѣнію въ отношеніи къ сельскому управленію; но въ судахъ областныхъ такое участіе сомнительно: по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ объ немъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ.

О судѣ цѣловальниковъ и выборныхъ существуютъ различныя мнѣнія. Многіе думаютъ, что онъ ограничивалъ власть воеводъ и вообще всѣхъ, имѣвшихъ судебную власть. Но это мнѣніе не имѣетъ никакого основанія. Оно необходимо предполагаетъ присутствіе двухъ противоположныхъ, враждебныхъ началъ въ составѣ народа (какъ мы видимъ напр. въ Англіи и Франціи), чего въ Россіи не было и быть не могло, по самому способу образованія и развитія Русскаго государства. Профессоръ Морошкинъ первый понялъ настоящее значеніе этого суда и высказалъ въ Рѣчи объ Уложеніи. Цѣловальники, добрые люди, люди лучшіе были, по его словамъ, вѣщатели народныхъ обычаевъ [3]), органы (viva vox) обычнаго права. Мы замѣтили выше, что княжескіе намѣстники завѣдывали первоначально частью военною, финансовою и полицейскою; вну-

[1]) 1705 года, 19 января (№ 2018). Именный, объявленный Розряду бояриномъ Стрѣшневымъ.

[2]) Судебникъ, стр. 137. Примѣч. (а). Въ Полномъ Собраніи Законовъ этотъ указъ, если не ошибаемся, пропущенъ.

[3]) О Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Московскаго университета. Москва 1839 года. Стр. 16.

тренняя жизнь, право и судъ съ ихъ матеріяльной стороны не обращали на себѣ вниманія княжескихъ правителей и покоились на обычномъ правѣ. Въ послѣдствіи, съ воспреобладаніемъ письменнаго законодательства и ослабленіемъ обычнаго права, судъ долженъ былъ постепенно перейдти въ руки княжескихъ чиновниковъ, и ограничиться, а со временемъ и совсѣмъ уничтожиться участіе старостъ и цѣловальниковъ въ судопроизводствѣ, какъ излишнее, не достигавшее своей цѣли.

Въ судахъ крестьянскихъ они удержались гораздо долѣе потому, что тяжбы крестьянъ продолжали рѣшаться на основаніи обычнаго права.

3) Постепенность чиноподчиненія и различныя судебныя инстанціи, развившіяся отсюда, ведутъ свое начало отъ врученія власти княземъ своимъ приближеннымъ, а послѣдними, въ свою очередь, избраннымъ изъ своей дружины. До Уложенія, назначеніе судей отъ княжескихъ намѣстниковъ встрѣчается часто («Намѣстники и ихъ Тіуны»). Въ періодъ Уложенія, по свидѣтельству Кошихина и современныхъ актовъ и грамотъ, пригородные воеводы назначались воеводами главныхъ (первыхъ) городовъ. На этомъ же основаніи назначались отъ монастырей слуги управителями монастырскихъ крестьянъ, прикащики — управителями крестьянъ помѣстныхъ и вотчинныхъ. Но здѣсь было и другое основаніе: въ періодъ Уложенія крестьяне вотчинные, помѣстные, монастырскіе, патріаршіе, получили характеръ крѣпостныхъ въ настоящемъ значеніи слова, хотя это начало не было еще высказано и развито юридически. Несмотря на то, правильная организація судовъ крестьянскихъ во время Уложенія заставляетъ насъ предполагать, что первоначально сельскіе управители и прикащики были такіе же чиновники, какъ и воеводы, только съ меньшею степенью власти, и съ несравненно меньшимъ значеніемъ въ лѣствицѣ гражданской іерархіи.

Назначеніе воеводъ и вообще властей не непосредственно княземъ, а сановниками, имъ установленными, равно какъ и многія другія черты настоящаго областнаго и центральнаго судоустройства Россіи объясняются исторіею образованія Московскаго государства.

1) Въ періодъ Уложенія областное устройство было чрезвычайно неправильно. Многіе малые города вѣдались «воеводскими отпуски и судомъ» непосредственно въ московскихъ приказахъ; другіе, напротивъ, воеводами городовъ, къ которымъ они были приписаны; въ числѣ приписныхъ городовъ (пригородовъ) находились иногда и большіе и середніе города; многіе города не имѣли вовсе приписныхъ городовъ; число послѣднихъ было также весьма неуравнительно; область города опредѣлялась по видимому произвольно: близость и отдаленность не служила основаніемъ при обозначеніи округа. Всѣ эти факты объясняются исторически. Княжества, удѣлы и независимыя державы, присоединяемые постепенно къ Москвѣ, были не одинаковой величины; объемъ ихъ опредѣлялся не разстояніемъ отъ главнаго города, но исторіею ихъ образованія. Вошедши въ составъ Россіи, они большею частью не были измѣнены въ своемъ составѣ и сохранились въ томъ видѣ, въ которомъ были присоединены къ Московскому государству [1]). Мѣсто прежняго удѣльнаго князя заступилъ только намѣстникъ, въ послѣдствіи воевода, на котораго первоначально были перенесены всѣ права княжескія, слѣд. и назначеніе воеводъ въ города, принадлежавшіе княжеству (нѣкоторые воеводы имѣли даже право смертной казни; оно досталось имъ вѣроятно на томъ же основаніи, хотя могли быть и другія

[1]) Кошихинъ, гл. VIII, ст. 1. «Великій Новгородъ, Царствы Казанское, Астраханское, Сибирское, Государство Псковское, Княжество Смоленское, Полотское и тѣхъ государствъ въ первые городы посылаются Воеводы.... и вѣдаютъ тѣ Государства съ пригороды и уѣзды».

причины, въ особенности отдаленность отъ мѣстопребыванія верховной власти).

2) Исторіею образованія Московскаго государства объясняется существованіе, даже во времена Михаила Өеодоровича, такъ называемыхъ смѣстныхъ судовъ. Когда между подданными двухъ княжествъ вчинялся споръ, то его судили вмѣстѣ бояре обоихъ князей. Въ царствованіе Михаила Өеодоровича, этотъ судъ перенесенъ на дѣла, возникавшія между городовыми и деревенскими жителями, и между подданными духовенства и свѣтскими. Но по мѣрѣ того, какъ вся Россія становилась «единымъ его Великаго Государя Государствомъ» и сознаніе внутренняго единства всѣхъ составныхъ частей Московской державы укоренялось и развивалось болѣе и болѣе, судъ смѣстный замѣненъ подсудностію истца суду отвѣтчика, и такимъ образомъ, въ послѣдствіи, совершенно уничтожился.

3) Также исторіею образованія Россіи чрезъ присоединеніе къ Московскому княжеству удѣловъ, царствъ и народныхъ державъ, объясняется подвѣдомственность всѣхъ четей и областныхъ приказовъ (Сибирскаго, Смоленскаго княжества и проч.) Государственному Посольскому приказу. Она свидѣтельствовала о томъ, что области — нѣкогда самостоятельныя государства — были чужеземныя страны въ отношеніи къ Московскому. Подъ конецъ настоящаго періода, эта подвѣдомственность хотя юридически и удержалась въ прежнемъ видѣ, но постепенное уничтоженіе областныхъ приказовъ и распредѣленіе дѣлъ, ими управляемыхъ по другимъ приказамъ по различію предметовъ вѣдомства, лишили ее, de facto, прежняго содержанія; формальное уничтоженіе ея относится къ последующему періоду.

4) Одно изъ отличительныхъ свойствъ системы администраціи въ эту эпоху состоитъ въ недостаткѣ рѣзкаго разграниче-

нія между управленіемъ центральнымъ, всей Россіи, и областнымъ, округомъ или уѣздомъ. Поэтому о многихъ приказахъ трудно рѣшить, были ли они провинціяльныя учрежденія для Москвы и ея области, или же кругъ дѣйствія ихъ простирался на всю Россію? По большей части они соединяли въ себѣ характеръ государственныхъ и областныхъ судовъ, слѣд. въ строгомъ смыслѣ не принадлежали ни къ первымъ, ни къ послѣднимъ. Причина такого страннаго смѣшенія двухъ различныхъ назначеній въ одномъ правительственномъ мѣстѣ скрывается въ исторіи приказовъ. Древнѣйшіе изъ нихъ были первоначально областные суды московскіе; въ послѣдствіи, когда Московское княжество распространялось на всю Россію, эти приказы мало-по-малу начали обращаться въ центральныя учрежденія для всего Русскаго государства, удерживая между тѣмъ прежній характеръ областныхъ московскихъ судовъ[1]). Однако не многіе изъ нихъ сдѣлались въ полномъ смыслѣ слова государственными, потому что предметы вѣдомства, по причинамъ, нами уже изложеннымъ, не были строго отдѣлены другъ отъ друга и распредѣлялись по разнымъ приказамъ.

Таковы были историческія начала, на которыхъ основывалось судоустройство въ настоящемъ періодѣ. Дальнѣйшее развитіе ихъ состояло въ томъ, что они мало-по-малу начинали утрачивать характеръ непосредственныхъ, историческихъ данныхъ; въ прежнюю форму уже влагается новое содержаніе, которое необходимо должно было, въ свою очередь, болѣе или менѣе измѣнить ее. Такое важное измѣненіе въ характерѣ законодательства никогда не производится отвлеченными началами права; ибо эти начала сами суть уже результатъ историческаго развитія. Первыми двигателями реформы являются польза, удобство, которыя не замѣняютъ старыхъ на-

[1]) Рѣчь объ Уложеніи проф. Морошкина, стр. 28.

чалъ новыми, но сдѣлавшись главною цѣлью законодательной дѣятельности, побуждаютъ къ видоизмѣненію существующихъ данныхъ, и тѣмъ пріуготовляютъ требованіе высшихъ, философскихъ началъ права. Вотъ съ котораго времени законодательства получаютъ интересъ догматическій. Въ періодъ Уложенія онъ начинаетъ появляться въ слѣдующихъ чертахъ судоустройства Московскаго государства.

1) Раздѣленіе на провинціи по прежнимъ княжествамъ и царствамъ мало-по-малу начинаетъ измѣняться; на мѣсто его появляется начало распредѣленія областей по большимъ городамъ, къ которымъ приписывались малые города, ихъ окружавшіе. Это новое устройство провинцій, появившееся весьма естественно, должно было изгладить историческіе слѣды образованія Русскаго государства, потому что рѣдко совпадало съ нрежнимъ устройствомъ. Въ основаніи новаго раздѣленія областей, очевидно, лежитъ новый распорядокъ городовъ на большіе, средніе и мéньшіе, о которомъ часто упоминаетъ Кошихинъ. Такимъ образомъ приготовлено было правильнѣйшее устройство провинцій, которому начало положено въ царствованіе Петра Великаго.

2) По мѣрѣ того какъ внутреннее единство Россіи болѣе и болѣе сознавалось, и исчезали слѣды прежней разрозненности частей ея, подчиненіе областныхъ намѣстниковъ центральнымъ правительственнымъ мѣстамъ постепенно теряло прежній политическій характеръ, и получило наконецъ чисто-юридическое значеніе. Такъ произошли инстанціи, которыя, разумѣется, были еще чрезвычайно неправильны, потому что не основывались на единомъ твердомъ началѣ.

3) Необходимымъ слѣдствіемъ того, что централизація властей получила чисто юридическій характеръ, было правильнѣйшее понятіе о значеніи воеводъ и тѣхъ, которые вѣдали московскіе приказы: и тѣ и другіе постепенно дѣлаются въ

настоящемъ смыслѣ слова судьями; значеніе ихъ становится чисто юридическимъ. И прежде это понятіе было связано съ лицемъ княжескаго военачальника или царедворца; но оно никогда не обращало на себя такого вниманія, какъ теперь, когда политическій характеръ воеводъ замѣтно исчезалъ, вслѣдствіе внутренняго совокупленія частей Московскаго государства, замѣнившаго собою внѣшнее. Отсюда объясняется появленіе множества узаконеній, имѣющихъ цѣлью оградить тяжущихся отъ пристрастія, несправедливостей и лихоимства судей. Вотъ значеніе Судебника. Въ настоящій періодъ такихъ узаконеній вышло весьма много.

4) Личный, временный характеръ приказовъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, начинаетъ сглаживаться. Уже въ названіяхъ приказовъ (Помѣстный, Холопій, Судный и т. д.) проглядываетъ мысль о постоянныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Нѣкоторые, напр. Розрядный приказъ, приказъ Помѣстный (см. Иванова «О помѣстныхъ правахъ»), и другіе, получили уже въ этомъ періодѣ весьма правильную организацію.

5) Завѣдываніе приказовъ и областей не однимъ, а многими лицами, должно было, de facto, ослабить власть главнаго начальника; этимъ приготовлено появленіе новаго, въ настоящемъ смыслѣ коллегіальнаго судоустройства.

Наконецъ 6) появленіе новыхъ, философско-догматическихъ началъ въ системѣ управленія обнаруживается въ постепенномъ сосредоточеніи извѣстнаго рода дѣлъ всей Россіи въ одномъ приказѣ. Такъ дѣла помѣстныя и вотчинныя, которыя вѣдались сперва въ Помѣстномъ приказѣ и четяхъ, къ концу этого періода сосредоточиваются въ одномъ первомъ. Гораздо ранѣе дѣла «татинныя, разбойныя, убивственыя и пожегныя» и другія были подвѣдомственны одному Разбойному приказу. То же должно сказать о Розрядѣ, быть-можетъ о Козачьемъ и другихъ приказахъ.

Изобразивъ въ краткомъ очеркѣ общія начала судоустройства во времена Уложенія, приступимъ теперь къ изложенію самаго судоустройства.

А. Суды крестьянскіе.

Устройство судовъ крестьянскихъ, какъ мы замѣтили выше, оставалось въ настоящій періодъ то же самое, которое во времена Судебника было общимъ для всѣхъ областныхъ судовъ Московскаго государства.

а) Суды монастырскихъ крестьянъ. Спорныя гражданскія дѣла между монастырскими крестьянами судилъ монастырскій слуга, который посылался управителемъ отъ монастырей въ вотчины, имъ принадлежавшія. Съ нимъ вмѣстѣ производили судъ мѣстный священникъ, староста, цѣловальникъ и лучшіе крестьяне[1]). Спорныя гражданскія дѣла, превышавшія судебную власть монастырскаго слуги («ему . . . судъ давати и судить въ пяти рублехъ . . . а больше пяти рублевъ не судить»), или по челобитью тяжущихся на неправый приговоръ, поступали на судъ и окончательное рѣшеніе монастырскихъ властей[2]).

b) Суды дворцовыхъ крестьянъ. О судѣ дворцовыхъ крестьянъ мы находимъ драгоцѣнное извѣстіе у Кошихина (гл. XI, ст. 1): «Царскихъ дворцовыхъ селъ и волостей крестьянъ судятъ ихъ и росправу чинятъ на Москвѣ, во Дворцѣ, и въ селѣхъ и въ волостяхъ прикащики, по грамотамъ, во всякихъ дѣлѣхъ (кромѣ уголовныхъ). А въ иныхъ царскихъ чер-

[1]) См. Наказы монастырскимъ слугамъ: въ Актахъ Археографической Коммиссіи (С. Петербургъ 1836 года), Т. IV. 1) 1653 года, декабря 25 (№ 67); 2) 1659 декабря «?» (№ 112). Изъ этого наказа видно, что при судахъ монастырскихъ селъ и деревень судные списки писалъ земскій, или церковный дьячокъ. Въ Актахъ Юридическихъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіею (С. Петербургъ, 1838 года), № 334.

[2]) См. упомянутые наказы.

ныхъ волостяхъ, гдѣ прикащиковъ не бываетъ, учинены судейки, человѣкъ съ 10, выборные люди, тѣхъ волостей крестьяне: а судятъ межъ себя по царскимъ грамотамъ и безъ грамотъ (кромѣ уголовныхъ дѣлъ)».

Дополненіемъ и объясненіемъ этого мѣста служатъ еще слѣдующія слова того же Кошихина (гл. XI, ст. 2): «Патріархъ и Митрополиты и Архіепископы и Епископы и монастыри вѣдаютъ своихъ подданныхъ крестьянъ, противъ тогожъ, какъ вѣдаютъ въ Царскомъ Дому его крестьянъ, во всякихъ дѣлахъ...»

Итакъ, устройство судовъ дворцовыхъ крестьянъ было одинаково съ монастырскими; слѣд. прикащики были въ дворцовыхъ волостяхъ и селахъ то же, что монастырскіе слуги въ монастырскихъ вотчинахъ; при нихъ также могли находиться староста и цѣловальники, о которыхъ забылъ упомянуть Кошихинъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ селахъ, гдѣ прикащиковъ не было, судили выборные крестьяне («судейки»); въ Уложеніи даже упоминается о старостахъ и цѣловальникахъ дворцовыхъ селъ (Улож. гл. X, ст. 161). Напротивъ въ другихъ мѣстахъ объ нихъ не говорится ни слова[1]). Высшею инстанціею для судовъ дворцовыхъ крестьянъ былъ Дворцовый судный приказъ.

c) Суды патріаршихъ крестьянъ. Все, что сказано выше о судахъ дворцовыхъ крестьянъ, вполнѣ относится и къ судамъ крестьянъ патріаршихъ и вообще всего духовенства. Весьма вѣроятно, что въ нихъ принимали также участіе выборные или цѣловальники, хотя мы этого и не можемъ утверждать несомнѣнно; въ источникахъ упоминаются только приказные люди, прикащики, которые вѣдали судъ въ патріаршихъ деревняхъ и селахъ. Изъ этихъ судовъ дѣла гражданскія между

[1]) Улож. гл. XIII, ст. 3. 1664 года, октября (№ 364); Грамота новгородскому воеводѣ и боярину князю Ивану Рѣпнину.

крестьянами переходили въ Патріаршіе приказы (которыхъ, какъ извѣстно, было много), или на судъ архіепископовъ, епископовъ и т. д.

d) Суды помѣщичьихъ и вотчинныхъ крестьянъ. Сюда преимущественно относится мѣсто изъ сочиненія Кошихина (гл. XIII, ст. 16): «въ домѣхъ боярскихъ учинены приказы... для сыску и росправы межъ дворовыхъ людей и крестьянъ». Изъ другаго мѣста мы видимъ, что крестьянами помѣщичьими и вотчинными управляли (а слѣд. и судили ихъ) прикащики; въ Уложеніи и другихъ законахъ упоминается о старостахъ и цѣловальникахъ въ вотчинниковыхъ и помѣщичьихъ деревняхъ и селахъ [1]). Споры и тяжбы помѣщичьихъ и вотчинныхъ крестьянъ между собою, нерѣшенные крестьянскими судами, рѣшались окончательно помѣщикомъ или вотчинникомъ. — Быть-можетъ домовые приказы, о которыхъ упоминаетъ Кошихинъ (гл. XI, ст. 3), судили крестьянъ во второй, высшей инстанціи.

Какъ спорныя гражданскія дѣла, возникавшія между жителями слободы, волости, села или деревни, подлежали вѣдомству мѣстнаго крестьянскаго суда, такъ тяжбы, которыя происходили между жителями города, области или уѣзда, судились въ городахъ.

В. Суды городовые.

Въ городахъ судъ въ дѣлахъ гражданскихъ принадлежалъ воеводамъ. Юридическое значеніе городовыхъ воеводъ было весьма различно, и нерѣдко опредѣлялось самымъ городомъ. По извѣстіямъ Кошихина, города раздѣлялись уже въ настоящій періодъ на большіе (первые), середніе и меньшіе (гл. VIII, ст. 3). Въ большіе города посылались изъ Москвы (изъ Роз-

[1]) Улож. гл. X, ст. 161. 1664 года, октября... (№ 364); Грамота новгородскому воеводѣ Рѣпнину.

ряда) воеводами бояре и окольничьи, а съ ними товарищи, съ боярами — окольничьи, стольники и дьяки, а съ окольничьими — стольники и дьяки (гл. VIII, ст. 1). Въ середніе города, равнымъ образомъ посылались воеводы — стольники, дворяне, дьяки и подъячіе, вмѣсто дьяковъ (гл. VIII, ст. 3). Изъ меньшихъ городовъ нѣкоторые были приписаны къ большимъ и середнимъ, и поэтому нерѣдко называются пригородами (гл. VIII, ст. 2). Въ нихъ, какъ и въ большихъ и середнихъ городахъ, тоже были воеводы, но они назначались воеводами тѣхъ городовъ, къ которымъ пригороды были приписаны. Напротивъ, были малые города, не приписанные къ большимъ, въ которые воеводы посылались изъ Москвы; но эти воеводы не были ни бояре, ни окольничьи, а обыкновенно назначались изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (гл. VIII, ст. 2).

Мѣсто, въ которомъ воевода съ товарищи давали судъ въ дѣлахъ гражданскихъ, называлось вообще Городовымъ приказомъ (Кошихинъ гл. VII, ст. 36), Съѣзжею избою (Акты Юридическіе, № 307, II, IV), Приказною избою и Приказною палатою. Послѣднее названіе, какъ кажется, давалось приказамъ большихъ, а можетъ-быть и среднихъ городовъ. Это доказывается тѣмъ, что въ Ярославлѣ, съ присвоеніемъ ему названія отчины, велѣно Приказную избу именовать Приказною палатою[1]); изъ всѣхъ сибирскихъ городовъ, только въ Тобольскѣ была Приказная палата; въ прочихъ были Приказныя избы[2]).

[1]) 1692 года, іюля 27 (№ 1445); именный.

[2]) 1695 года, декабря 30 (№ 1527); именный, объявленный Сибирскому приказу бояриномъ Рѣпнинымъ. — Однако странно, что въ Рязани и Володимірѣ были приказныя избы (1657 года, авг. 23 (№ 213); именный. 1653 года, февр. 5 (№ 92); именный. 1661 года, іюля 2 (№ 302); Грамота стольнику Сабурову). Вообще трудно рѣшить, съ котораго времени образовалось это различіе въ названіяхъ, и имѣло ли оно какое-либо историческое или юридическое значеніе.

Судебная власть воеводъ по дѣламъ гражданскимъ простиралась на жителей города и его уѣзда[1]). Не подлежали ей, какъ мы видѣли, тѣ, которые были подвѣдомственны по гражданскимъ тяжбамъ судамъ крестьянскимъ. Отсюда можно заключить, что крестьяне различныхъ селеній судились въ гражданскихъ дѣлахъ воеводою; то же должно сказать о спорахъ гражданскихъ между свободными и свободныхъ съ крѣпостными[2]). Ограниченія права суда, принадлежавшаго воеводамъ, относились или къ тяжущимся лицамъ, или къ предметамъ и цѣнѣ иска.

1) Многія лица освобождались отъ подсудности мѣстному воеводѣ, напр. a) именитый родъ Строгановыхъ[3]); b) всѣ гости, ихъ дѣти, племянники и прикащики[4]); c) патріаршихъ домовыхъ монастырей архимандриты, игумены, священники, старцы; приказные патріаршіе люди, дѣти боярскіе и ихъ люди; патріаршіе крестьяне; слуги и крестьяне его монастырей; вотчинныя и благопріобрѣтенныя имѣнія патріаршихъ приказныхъ людей[5]); d) нѣкоторые монастыри (иногда только извѣстныя лица монастырскаго вѣдомства[6]); e) освобожден-

[1]) 1657 года, февр. 23 (№ 200); Жалованная грамота царя Бориса Θеодоровича патріаршему престолу. 1657 года, авг. 23 (№ 213); именный. 1669 года, янв. 22 (№ 431), ст. 3; Новоуказныя статьи о татиныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ. Кошихинъ, гл. VIII, ст. 1.

[2]) Улож. гл. XIII, ст. 3.

[3]) Опытъ Исторіи Росс. гос. и гр. зак. соч. Рейца, изд. проф. Морошкинъ. М. 1836 § 96, стр. 265. Жалованная грамота 1610 г. въ Собр. гос. грам. и дог., т. II. стр. 386.

[4]) Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго, Голикова, т. III, стр. 435.

[5]) 1657 года, февр. 23 (№ 200); Жалованная грамота патріаршему престолу. 1653 февр. « » (№ 93); именный. 1672 года, янв. 28 (№ 505); именный, помѣченный думнымъ дьякомъ.

[6]) 1654 года, мая 6 (№ 124); Жалованная грамота Иверскому монастырю. 1657 года, февр. 25 (№ 201); Жалованная грамота патріаршему престолу. 1657 года, мая 20 (№ 205); Подтвержденіе жалованной грамоты Троицкому Сергіеву монастырю. 1677 года, марта 9 (№ 681); Подтвержденіе жало-

ные отъ судебной власти городоваго воеводы вслѣдствіе челобитной, и подчиненные суду воеводы смежнаго города. Это дѣлалось посредствомъ судимыхъ грамотъ [1]).

Царь Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ уничтожить изъятіе изъ общей подсудности, и для этого постановилъ въ Уложеніи не давать болѣе никому несудимыхъ грамотъ, и тѣ, которыя были уже розданы, отобрать назадъ [2]).

2) Судебная власть городовыхъ воеводъ была ограничена и въ отношеніи къ предметамъ и цѣнѣ гражданскихъ исковъ. Воеводы, при которыхъ не было дьяковъ, не могли судить тяжбъ, цѣною свыше 20 рублей. Они не могли, далѣе, судить дѣлъ вотчинныхъ, помѣстныхъ и холопьихъ [3]). Такія дѣла, если они возникали въ пригородахъ, были судимы въ большихъ и середнихъ городахъ, къ которымъ малые города были приписаны, хотя и здѣсь не могли они быть рѣшены окончательно, безъ указа царскаго [4]).

Право судить дѣла помѣстныя, вотчинныя и холопьи, и иски, цѣною выше 20 рублей, принадлежало еще воеводамъ новгородскимъ, псковскимъ и казанскимъ [5]); но по свидѣтельству Кошихина, при нихъ находились дьяки, слѣд. и въ

ванной грамоты Грушицкому Покровскому монастырю. 1677 года, августа 22 (№ 703); Жалованная грамота Успенскому Зилантову монастырю. 1668, октября 26 (№ 438); Тарханная грамота Иверскому монастырю.

[1]) 1663 года, января 4 (№ 331); именный.

[2]) Улож. гл. X, ст. 153. Кажется однако, что это постановленіе относится къ отдѣльнымъ лицамъ, освобожденнымъ отъ подсудности, а не къ сословіямъ. Иначе нельзя объяснить, почему исключенія изъ подсудности оставались на прежнемъ основаніи и послѣ Уложенія, и даже давались вновь.

[3]) Улож. гл. XIII, ст. 3. Кошихинъ, гл. VIII, ст. 3.

[4]) Кошихинъ. Тамъ же. Иски, подлежавшіе суду воеводъ, при которыхъ находились дьяки, могли простираться до 10.000 рублей.

[5]) Улож. гл. XI, ст. 20. Здѣсь постановлено, что вольные люди, хотѣвшіе вступить къ кому-либо въ крестьянство, должны записываться въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Казани, а не въ другихъ городахъ. Въ гл. XIII, ст 3,

этихъ случаяхъ то же юридическое начало опредѣляло степень воеводской власти [1]).

Гражданскія дѣла, неподсудныя городовымъ воеводамъ и судамъ крестьянскимъ, судились въ московскихъ приказахъ.

C. Суды центральные.

(Московскіе приказы.)

Начало московскихъ приказовъ относится къ отдаленному времени. Подъ названіемъ судовъ, избъ, дворовъ, многіе существовали уже въ XVI вѣкѣ. По свидѣтельству Новикова, московскіе приказы упоминаются въ записныхъ книгахъ, боярскихъ спискахъ и книгахъ съ 1573 года (Большой приходъ, Бронный, Постельный); нѣкоторые съ 1584 (Посольскій), 1596 (Четь дьяка Варѳоломея Иванова) и 1599 (Казанскій дворецъ) годовъ. Древнѣйшій изъ всѣхъ московскихъ приказовъ есть Холопій судъ, который существовалъ уже до 1500 года; всѣ прочіе упоминаются въ XVII вѣкѣ [2]).

Въ періодъ Уложенія каждый приказъ состоялъ изъ одного, двухъ, трехъ, четырехъ, даже иногда изъ пяти членовъ. Они были большею частью бояре, окольничіе, думные люди, дум-

прямо повелѣвается въ понизовыхъ городахъ, подвѣдомственныхъ Казанскому дворцу, давать судъ въ дѣлахъ помѣстныхъ, вотчинныхъ и холопьихъ, и въ искахъ выше 20 рублей.

[1]) Кошихинъ, гл. VIII, ст. 1. На чемъ основывалось различіе власти воеводъ, при которыхъ находились дьяки, отъ власти тѣхъ, при которыхъ дьяковъ не было — это доселѣ неизвѣстно. Кажется оно совпадало съ различеніемъ кормленій на большое съ боярскимъ судомъ, и малое безъ боярскаго суда; по крайней мѣрѣ изъ Судебника (ст. 63, 65 и 66) видно, что намѣстники безъ боярскаго суда не могли давать полныхъ и докладныхъ грамотъ на крѣпостныхъ: ограниченіе, напоминающее о неподсудности холопьихъ дѣлъ воеводѣ, съ которымъ не было дьяка.

[2]) См. статью Новикова о московскихъ приказахъ, въ XX томѣ Россійской Вивліоѳики.

ные дьяки; въ немногихъ стольники, дворяне и дьяки. Почти во всѣхъ приказахъ, сверхъ означенныхъ членовъ, были дьяки, одинъ, или два, иногда даже болѣе, и непремѣнно извѣстное число подьячихъ (Кошихинъ гл. VI и VII).

Право суда и расправы въ дѣлахъ гражданскихъ имѣли всѣ приказы безъ исключенія; но предметы и лица, на которые простиралась судебная власть каждаго приказа въ особенности, опредѣлить чрезвычайно трудно. Причины изложены нами выше; онѣ заключаются въ несправедливомъ распредѣленіи предметовъ вѣдомства между приказами, и зависѣли отъ историческаго развитія судоустройства въ этомъ періодѣ. Чтобъ составить себѣ понятіе о кругѣ дѣйствія московскихъ приказовъ должно обратить вниманіе на юридическія начала, опредѣлявшія занятія ихъ. Такихъ началъ было много. Исчислимъ главнѣйшія изъ нихъ.

a. *Начало управленія областями или странами.*

Приказъ, коему было ввѣрено управленіе областію Московскаго царства, имѣлъ въ ней право суда и расправы во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ, и между всѣми лицами. Для нѣкоторыхъ приказовъ мы имѣемъ объ этомъ прямыя историческія свидѣтельства; о прочихъ можемъ заключать по аналогіи.

Этимъ началомъ опредѣляется подсудность въ приказахъ: 1) Казанскаго дворца; 2) Сибирскомъ; 3) въ Четвертныхъ приказахъ: a) Володимірскомъ; b) Галицкомъ; c) Костромскомъ; d) Нижегородскомъ; e) Новогородскомъ; f) Устюжскомъ; 4) Великороссійскомъ; 5) Литовскомъ; 6) Лифляндскихъ дѣлъ; 7) Малороссійскомъ; 8) Смоленскомъ.

Эти приказы состояли подъ вѣдомствомъ Государственнаго Посольскаго приказа и управляли цѣлыми областями и царствами, подвластными московскому государю (такъ приказъ Казанскаго дворца управлялъ царствами Казанскимъ и Астра-

ханскимъ; Сибирскій — царствомъ Сибирскимъ). Они учреждались, вѣроятно, по мѣрѣ присоединенія этихъ областей и царствъ къ Россіи (объ нѣкоторыхъ мы имѣемъ на это указанія въ источникахъ, напр. о приказѣ Малые Россіи (Кошихинъ, гл. VII, ст. 29) и Литовскомъ (Новиковъ въ Росс. Вивл. т. XX, стр. 328). Судебная власть ихъ простиралась на всѣ гражданскіе споры, возникавшіе въ подвѣдомственной имъ области [1]).

Ѣ. *Начало отдѣльнаго управленія гражданскими сословіями.*

Судебная власть приказовъ, подъ вѣдомствомъ коихъ состояли цѣлыя гражданскія сословія, ограничивалась, какъ кажется, одними, въ тѣсномъ смыслѣ слова, судными дѣлами, которыя возникали между лицами, принадлежащими къ этимъ сословіямъ [2]).

Приказы, завѣдывавшіе въ этомъ періодѣ цѣлыми сословіями, были слѣдующіе: 1) Аптекарскій, имѣвшій судебную власть въ исковыхъ дѣлахъ между иностранными докторами и лѣкарями, которые находились въ Россіи, и молодыми Русскими, отданными имъ на обученіе; 2) Иноземскій, между иноземцами, служившими въ русскомъ войскѣ; 3) Казачій, между атаманами и всѣмъ казачьимъ войскомъ, кормовымъ и бѣломѣстнымъ, коннымъ и пѣшимъ, въ Москвѣ и городахъ;

[1]) 1670 года, мая 18 (№ 471); именный: «Стольнику Ивану... Хитрово,.. вѣдать въ Новгородскомъ приказѣ городы... Смоленскъ (и проч.)... и тѣхъ... городовъ всѣхъ людей... судомъ и росправою и помѣстными и вотчинными дѣлами» 1682 года, іюля 2 (№ 935); именный.

[2]) Въ именномъ указѣ 1693 года, іюня 3 (№ 1469), мы находимъ: «Гусарскаго и копейнаго... строевъ Генераловъ и Полковниковъ и проч. (исчисляются лица, подсудныя Иноземскому приказу)... во всякихъ *истцовыхъ искѣхъ* судомъ ихъ и управою вѣдать и *исковъ* своихъ имъ... *искать* въ Иноземномъ приказѣ» — Въ Уложеніи (гл. XIII, ст. 1) сказано, что всѣмъ, состоящимъ подъ управленіемъ Монастырскаго приказа, судъ давать «во всякихъ *истцовыхъ искѣхъ*. И т. д.

4) **Монастырскій**, между митрополитами, архіепископами, епископами, приказными людьми, дѣтьми боярскими (состоявшими на службѣ у духовенства), ихъ дворовыми людьми и крестьянами, монастырями, архимандритами, игуменами, всѣмъ монашескимъ и священническимъ чиномъ, монастырскими слугами и крестьянами и церковнослужителями; 5) **Патріаршій розрядъ**, между всѣми, состоявшими на службѣ у патріарха: патріаршими приказными людьми, его крестьянами и дворовыми людьми и всѣми, живущими въ его домовыхъ вотчинахъ; 6) **Пушкарскій**, между пушкарями, засѣчными головами, затинщиками, воротниками, городовыми, селитряными и колодезными мастерами; 7) **Рейтарскій**, между рейтарами; 8) **Розрядный**, между дворянами нижнихъ чиновъ до стольниковъ; 9) **Стрѣлецкій**, между стрѣльцами московскими и городовыми; 10) **Ямскій**, между ямщиками; 11) **Посольскій**, между всѣми иностранцами, какого бы званія они ни были (исключая тѣхъ, которые вѣдались въ Иноземскомъ приказѣ), жившими въ Россіи, или подвластными ей; 12) **Большаго дворца**, между дворцовыми крестьянами; 14) **Большія казны**, между гостями, гостиными и суконными сотнями и многихъ городовъ купцами (купцы нѣкоторыхъ городовъ вѣдались судомъ въ таможняхъ гостемъ съ товарищи и таможенными головами; въ Новоторговомъ уставѣ 1667 года, апрѣля 22 (№ 408), въ ст. 88 и 89 предполагалось все купеческое сословіе во всемъ Русскомъ царствѣ подчинить одному приказу; но кажется эта мѣра не была приведена въ исполненіе).

c. Начало администраціи по различнымъ отраслямъ управленія.

Отдѣленіе различныхъ отраслей государственнаго и гражданскаго управленія и особливое завѣдываніе каждой изъ нихъ, появилось весьма рано, и въ періодъ Уложенія получило уже

нѣкоторую правильность. Мы видѣли, что часть военная была отдѣлена отъ другихъ и ввѣрена нѣсколькимъ приказамъ; то же самое должно сказать объ управленіи финансовомъ, полицейскомъ и уголовномъ. Судебное управленіе (по дѣламъ гражданскимъ) отдѣлилось подобно другимъ отраслямъ, но не достигло систематической правильности и большею частію сливалось съ прочими частями администраціи. По различію предметовъ гражданскаго судопроизводства, оно подраздѣлялось на нѣсколько вѣтвей, и каждая изъ нихъ была завѣдываема особливымъ приказомъ. Дѣла о помѣстьяхъ и вотчинахъ судилъ Приказъ помѣстный; Приказъ холопій завѣдывалъ спорныя дѣла о крѣпостныхъ людяхъ[1]); споры и тяжбы, возникавшіе вслѣдствіе договоровъ и гражданскихъ преступленій (delicta privata), судились въ судныхъ приказахъ[2]). Лица, подвѣдомственныя имъ, были, по словамъ Кошихина, бояре, окольничіе, думные и ближніе люди, стольники, стряп-

[1]) Кошихинъ, гл. VII, ст. 31: «А вѣдаютъ въ томъ приказѣ боярскихъ и ближнихъ чиновъ людей дворовыхъ ихъ, кабальныхъ и даныхъ, и записныхъ служилыхъ людей...» О крестьянахъ не упоминается; они вѣдались въ Помѣстномъ приказѣ.

[2]) Судныхъ приказовъ (кромѣ Патріаршаго и Дворцоваго) было сначала три: Новгородскій, Московскій и Володимірскій. По уничтоженіи Новгородскаго, Московскій и Володимірскій продолжали существовать отдѣльно, пока наконецъ именнымъ указомъ императора Петра Перваго, 1699 года, ноября 3 (№ 1713), Володимірскій судный приказъ уничтоженъ, и дѣла его переданы въ Московскій судный приказъ. Дальнѣйшая судьба суднаго приказа принадлежитъ къ послѣдующему періоду. Первоначально судные приказы вѣроятно учреждены для суда въ областяхъ, какъ то показываетъ и самое названіе ихъ. Было ли такъ и въ періодъ Уложенія — мы не знаемъ. Взаимныя отношенія судныхъ приказовъ нигдѣ не опредѣлены; даже нѣтъ ни малѣйшихъ указаній, по которымъ было бы возможно дѣлать какія-нибудь заключенія. Изъ одного указа, даннаго въ царствованіе Анны Іоанновны, видно только, что въ Московскомъ судномъ приказѣ судимы были всѣ московскихъ чиновъ люди, въ Володимірскомъ городовые дворяне, подъячіе и другіе нижнихъ чиновъ люди. (См. высоч. резолюцію на докл. сената, 1730 года, марта 20, № 5521.)

чіе и дворяне и всякіе помѣщики и вотчинники (Кошихинъ, гл. VII, ст. 32). Наконецъ Патріаршій розрядъ судилъ дѣла о духовныхъ и рядныхъ записяхъ [1]).

Вотъ главныя начала, которыми опредѣлялась судебная власть московскихъ приказовъ въ спорныхъ гражданскихъ дѣлахъ.

Въ какомъ отношеніи находились эти начала между собою, рѣшить весьма трудно, потому что оно не основывалось ни на какихъ постоянныхъ правилахъ. Замѣтимъ только, что начало управленія областями мало-по-малу вытѣсняется и уступаетъ мѣсто управленію отдѣльными отраслями администраціи. Вслѣдствіе этого, дѣла однородныя должны были сосредоточиться въ одномъ приказѣ (такъ дѣла помѣстныя и вотчинныя въ Помѣстномъ приказѣ и т. д. [2]). Но, какъ мы за-

[1]) 1667 года, мая 28; Соборныя статьи о мvроваренiи. См. Акты Археографической Коммиссіи, т. IV, № 155. Причина, почему судъ о завѣщаніяхъ принадлежалъ къ духовному, а не свѣтскому вѣдомству, заключается въ историческомъ происхожденіи нашихъ завѣщаній и въ характерѣ ихъ. Профессоръ Морошкинъ первый сдѣлалъ это замѣчаніе и подробно изложилъ въ рѣчи объ Уложеніи (стр. 52). По именному указу 1692 года, ноября 7 (№ 1452), велѣно: «заумoрнымъ животамъ и ряднымъ записямъ и новымъ сговорнымъ росписямъ и духовнымъ и инымъ всякимъ дѣламъ (о которыхъ въ указѣ писано изъ розряда), а тѣ дѣла напередъ сего вѣдомы были въ Патріаршемъ Розрядѣ, быть по прежнему указу въ Московскомъ Судномъ приказѣ, а въ Патріаршѣ Духовномъ, также и въ иныхъ... Патріаршихъ домовыхъ приказѣхъ того не вѣдать». Итакъ мысль объ исключеніи упомянутыхъ дѣлъ изъ подвѣдомственности духовному суду появилась еще до единодержавія Петра Великаго. Этотъ указъ подаетъ даже поводъ думать, что подсудность этихъ дѣлъ духовнымъ судамъ была введена вновь, а прежде того они вѣдались въ судахъ свѣтскихъ («быть по прежнему указу въ Московскомъ судномъ приказѣ»). Можетъ быть также, что этотъ указъ былъ подтвержденіемъ перваго. Изъ послѣдующихъ узаконеній видно, что этотъ указъ остался неисполненнымъ.

[2]) Въ именномъ указѣ 1651 года, августа 2 (№ 67), мы находимъ замѣчательное положеніе: *служилые люди вѣдомы въ судныхъ приказахъ, а посадскіе въ четяхъ.* Слѣд. цѣлостнаго управленія областей четверт-

мѣтили выше, законодательство не достигло еще въ этомъ періодѣ до точнаго и правильнаго разграниченія предметовъ вѣдомства.

Въ отношеніи къ областнымъ судамъ московскіе приказы составляли высшую инстанцію; ибо всѣ гражданскія дѣла, которыхъ не могли рѣшить городовые воеводы, и которыя превышали степень ихъ судебной власти, судились тѣми приказами, «подъ которымъ приказомъ который городъ написанъ, или въ которомъ приказѣ кто судимъ».

Тяжбы, возникавшія между лицами, подсудными двумъ различнымъ приказамъ, судились въ томъ приказѣ, въ вѣдомствѣ коего состоялъ отвѣтчикъ [1]). Изъ этого правила были сдѣланы нѣкоторыя исключенія, а именно: 1) Встрѣчный искъ судили въ приказѣ, которому былъ подчиненъ истецъ [2]). Если кто-либо вчинялъ искъ, и по рѣшеніи дѣла отвѣтчикъ, не сходя съ суда, вчинялъ другой искъ противъ своего истца, то послѣдній искъ назывался **встрѣчнымъ**. Это исключеніе допущено для избѣжанія излишней проволочки времени при пере-

ными приказами тогда уже не было. Съ другой стороны, судебная власть судныхъ приказовъ расширилась за предѣлы прежняго Московскаго государства. Подъ конецъ этого періода Помѣстный приказъ вѣдалъ почти всѣ земли въ Россіи (см. упомянутое сочиненіе Иванова о помѣстныхъ правахъ); многіе областные приказы болѣе не упоминаются, можетъ-быть потому, что они были уже уничтожены и области, ими завѣдываемыя, введены въ общую систему управленія. Сюда относится также замѣчательный фактъ, сообщенный Голиковымъ (см. Приб. къ Дѣян. Петра Великаго, т. III, стр. 419), что въ 1694 году Сибирскій приказъ завѣдывалъ одними сибирскими иновѣрческими доходами. Если это справедливо, то вотъ лучшее доказательство, что кругъ дѣятельности областныхъ приказовъ ограничивался наконецъ одною какою-либо отдѣльною отраслью управленія (сначала Сибирскому приказу ввѣрено было цѣлостное управленіе Сибирью).

1) Улож. гл. XII, ст. 1, 3; — гл. XIII, ст. 1, 2; — гл. XIV, ст. 3; — гл. XXIII, ст. 2; — 1692 года, ноября 7 (№ 1452); именный.

2) Улож. гл. XII, ст. 3; — гл. XIII, ст. 2; — гл. XXIII, ст. 2; — 1668 года, октября 26 (№ 438); тарханная грамота Иверскому монастырю.—1672 года, янв. 28 (№ 505); именный, помѣченный думнымъ дьякомъ.

носѣ дѣла въ приказъ отвѣтчика. 2) Въ періодъ времени отъ Уложенія до Петра Великаго многимъ дано было право искать и отвѣчать въ одномъ и томъ же приказѣ. Поводомъ къ такой привилегіи служило нерѣдко желаніе освободить извѣстныя лица, или цѣлыя сословія, отъ раззорительной волокиты по разнымъ приказамъ. Этой привилегіей пользовались: купцы [1]), патріаршихъ домовыхъ монастырей архимандриты, игумены, священники и старцы; приказные патріаршіе люди и дѣти боярскіе, ихъ люди и вотчинные крестьяне; патріаршихъ домовыхъ монастырей слуги и крестьяне [2]); жители понизовыхъ городовъ, подсудные приказу Казанскаго дворца [3]); иноземцы, подсудные Посольскому приказу [4]); московскихъ дворцовыхъ селъ тяглые люди; дворцовыхъ городовъ и селъ посадскіе люди и крестьяне [5]); подъячіе Розряднаго приказа [6]); гусарскаго, копейнаго, рейтарскаго и солдатскаго строевъ генералы, полковники и начальники, русскіе и иноземцы, всѣхъ полковъ [7]); можетъ-быть и другія лица.

Высшимъ, въ настоящемъ смыслѣ слова центральнымъ су-

[1]) 1667 года, апр. 22 (№ 408); Новоторговый Уставъ, ст. 88 и 89.

[2]) 1672 года, янв. 28 (№ 505); именный, помѣченный думнымъ дьякомъ. Этотъ указъ не совсѣмъ ясенъ. Патріархъ Іоасафъ просилъ государя, чтобъ дѣла, по которымъ исчисленныя имъ въ челобитной лица ищутъ и отвѣчаютъ (во встрѣчныхъ искахъ) въ судныхъ и другихъ приказахъ, были снесены въ одинъ приказъ, и впредь въ немъ одномъ и вѣдались. Государь назначилъ для этого Помѣстный приказъ. Слѣдствіемъ того было, что на патріаршихъ людей вчиняли искъ въ одномъ приказѣ (Патріаршемъ), а патріаршіе люди искали на постороннихъ и отвѣчали во встрѣчныхъ искахъ въ другомъ (Помѣстномъ). Другаго подобнаго исключенія мы не встрѣчаемъ въ источникахъ.

[3]) 1672 года, іюля 12 (№ 526); именный съ боярскимъ приговоромъ.

[4]) 1678.. (№ 792); именный (по частному дѣлу). — 1679 года, марта 12 (№ 805); именный, помѣченный думнымъ дьякомъ. — 1691 года, марта 31 (№ 1398); именный съ боярскимъ приговоромъ.

[5]) 1685 года, декаря 15 (№ 1145); именный.

[6]) 1688 года, октября 18 (№ 1354); именный.

[7]) 1693 года, іюня 3 (№ 1469); именный.

домъ для всѣхъ гражданскихъ дѣлъ въ цѣлой Россіи была Государева Большая Дума, состоявшая изъ думныхъ людей (бояръ и окольничьихъ), думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ. Въ ней засѣдалъ самъ царь [1]). Отношеніе думы къ приказамъ по дѣламъ гражданскимъ было то же, какое имѣли областные приказы къ городовымъ воеводамъ, состоявшимъ подъ ихъ вѣдомствомъ. Въ нее переносимы были на судъ царя и бояръ тѣ дѣла, «которыхъ за чѣмъ въ приказахъ вершити было не мочно» [2]).

Кромѣ исчисленныхъ нами общихъ, постоянныхъ судовъ, были еще суды особливые, временные. Сюда относятся:

а) Третейскій судъ (судъ третьихъ). Въ Уложеніи ему посвящена отдѣльная статья, въ которой довольно подробно изложены права и обязанности третьихъ и подсудныхъ имъ, и юридическія положенія о третейскомъ приговорѣ [3]).

Третейскій судъ носитъ вполнѣ характеръ частнаго, гражданскаго договора. Лица, между коими возникаетъ граждан-

[1]) Новиковъ, въ Росс. Вивл. т. XX, стр. 280. — Татищевъ въ примѣч. къ Судебнику, стр. 35, прим. (а).

[2]) Улож. гл. X, ст. 2. — Изъ настоящаго періода дошли до насъ два замѣчательныхъ указа: одинъ 1669 года, ноября 29 (№ 460); именный; другой 1676 года, авг. 4 (№ 656); именный. Въ нихъ сдѣлано росписаніе, въ какіе дни изъ какихъ приказовъ вносить дѣла «передъ бояры къ слушанію и вершенію», и видно, что засѣданія думы были каждый день, кромѣ субботы и воскресенья, и въ каждое засѣданіе докладывались дѣла изъ нѣсколькихъ приказовъ. — Новиковъ исчисляетъ многія присутственныя мѣста (палаты), въ которыхъ разсматривались дѣла, переносимыя изъ приказовъ (Золотая, Росправная палата, Золотая меньшая палата, Передняя, Отвѣтная и Росправная палаты). Были ли онѣ то же, что̀ Большая Дума, или отдѣленія ея, или временные, каждый разъ вновь наряжаемые суды бояръ, и называемые различно, по различнымъ палатамъ, въ которыхъ имѣли засѣданія — этого мы вѣрно не знаемъ (Миллеръ считаетъ Золотую Росправную палату за одно учрежденіе съ Большою Думою. См. Голикова Прибавленія къ Дѣяніямъ Петра Великаго, т. III, стр. 414).

[3]) Улож. гл. XV, ст. 5. — Она отдѣлена отъ прочихъ и имѣетъ особливое заглавіе (о третейскомъ судѣ).

скій споръ, добровольно соглашаются подвергнуть его рѣшенію не общихъ судебныхъ мѣстъ, которымъ они подвѣдомственны, а третьихъ лицъ, ими самими, по обоюдному и непринужденному согласію избранныхъ. Посредствомъ такого договора соединенные какъ бы сказать въ одно юридическое лице, спорящіе заключаютъ условіе съ третьими лицами. Это условіе состоитъ въ томъ, что противныя стороны, по взаимному согласію, подвергаютъ свое спорное дѣло суду этихъ третьихъ лицъ, ими избранныхъ, и обязуются почитать ихъ рѣшеніе наравнѣ съ приговоромъ судебнаго мѣста. Всѣ эти взаимныя условія составляютъ содержаніе записи о судѣ третейскомъ, которая сообщаетъ имъ обязательный характеръ и даетъ рѣшенію третьихъ силу закона.

Третейскихъ судей было, какъ кажется, обыкновенно двое. Если они давали единогласное рѣшеніе, то на него не могъ ни одинъ изъ тяжущихся приносить апелляціонной жалобы, «потому что онъ тѣхъ третьихъ самъ себѣ излюбилъ». Если тяжущіеся, вопреки условію, выраженному въ записи, не слушали третейскаго приговора, то должны были платить третьимъ безчестіе. (Быть-можетъ именно потому, что должность третейскаго судьи была почетною, въ законѣ не упомянуто о платѣ за судъ.)

Разногласное рѣшеніе третьихъ имѣло различныя послѣдствія. Если въ записи была назначена государева пеня съ судьи, рѣшившаго неправильно, то недовольный могъ, посредствомъ челобитной, просить о перенесеніи суднаго дѣла въ приказъ. Тамъ оно рѣшалось по суду, и третейскій, судья, рѣшившій его неправильно, кромѣ пени на государя, принужденъ былъ платить по гривнѣ на день проѣстей и волокитъ тому, кто чрезъ его несправедливое рѣшеніе подвергся излишнимъ издержкамъ и потерпѣлъ убытки. Если о пени не было сказано въ договорѣ, то аппелляція на разногласное рѣшеніе третей-

скихъ судей не допускалась, а поэтому нельзя было требовать и вознагражденія за проѣсти и волокиты. Итакъ, въ первомъ случаѣ третейскій судъ имѣлъ характеръ настоящаго суда; въ послѣднемъ, онъ ничѣмъ не отличался отъ мнѣнія частныхъ лицъ, неимѣющаго никакой обязательной силы.

b) Суды полковые. Они составлялись во время походовъ и судили дѣла объ обидахъ между ратными людьми. Этими судами завѣдывали полковые воеводы, или судьи, «которымъ полковые воеводы прикажутъ». Рѣшенію ихъ не подлежали споры, начавшіеся до похода, и разбирались въ судахъ, которымъ были подвѣдомственны тяжущіеся, по общимъ правиламъ подсудности (Улож. гл. X, ст. 149).

c) Въ указѣ 1693 года, января 10 [1]), упоминается о судѣ, наряженномъ для рѣшенія дѣла о безчестьи между боярами Алексѣемъ Семеновичемъ Шеинымъ и Михайломъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ (судьею назначенъ князь Борисъ Алексѣевичь Голицынъ). Быть-можетъ для подобныхъ дѣлъ между важными государственными сановниками всегда назначались временные суды, которые и уничтожались по рѣшеніи спора.

Отдѣленіе 2.

ТЯЖУЩІЯСЯ ЛИЦА.

Въ періодъ Уложенія ученіе о тяжущихся лицахъ основывалось на одномъ обычномъ правѣ, и не перешло въ законъ писанный. Юридическія положенія, къ нему относящіяся, если и излагаются въ постановленіяхъ того времени, то мимоходомъ, или же съ цѣлью измѣнить обычай. Полнаго, систематическаго ученія о тяжущихся мы не находимъ поэтому въ законодательствѣ настоящей эпохи.

[1]) № 1460; именный, объявленный изъ приказа Казанскаго дворца.

Тяжущіеся суть необходимые органы гражданскаго судопроизводства. Они или сами являются дѣятелями въ процессѣ, или мѣсто ихъ въ судѣ заступаютъ другія лица (судебные представители).

А. Тяжущіяся лица.

Каждое спорное гражданское дѣло, ставшее предметомъ судопроизводства (искъ гражданскій), необходимо предполагаетъ: во 1-хъ, одно или многія лица, которыя вчиняютъ искъ; во 2-хъ, одно или нѣсколько лицъ, противъ которыхъ этотъ искъ направленъ. Первые всегда называются въ Уложеніи истцами, вторые отвѣтчиками [1]). Такимъ образомъ истцами и отвѣтчиками были всѣ тѣ, которые искали и отвѣчали въ судѣ; исчислить — кто именно, не возможно. Поэтому въ законахъ указаны только нѣкоторыя исключенія изъ общаго правила.

Не могли быть истцами:

а) Крестьяне и люди въ своихъ дѣлахъ, безъ позволенія господина [2]). Очевидно само собою, что это ограниченіе не простиралось на иски, вчиняемые упомянутыми лицами въ крестьянскихъ судахъ. b) Малолѣтные и несовершеннолѣтніе [3]).

[1]) Въ Судебникѣ обѣ тяжущіяся стороны нерѣдко называются *истцами*. Слово *отвѣтъ* значило *возраженіе*, отсюда *отвѣтчикъ*.

[2]) Улож. гл. X, ст. 142; — гл. XIII, ст. 7; — гл. XIV, ст. 7; — гл. XX, ст. 4 и 54.

[3]) Улож. гл. XVII, ст. 13: «а какъ они будутъ въ возрастѣ»; ср. гл. XVII, ст. 54; гл. XVI, ст. 23. — Имѣло ли мѣсто по нашему древнему законодательству *возстановленіе въ первобытное состояніе* (**in integrum restitutio**), напр., опекуномъ сдѣлано упущеніе во вредъ малолѣтнаго: могъ ли на это приносить послѣдній жалобу и требовать напр. уничтоженія законно совершенной сдѣлки (купли, найма, и т. д.) по достиженіи совершеннолѣтія? — этотъ вопросъ рѣшить трудно. Въ гл. XVII, ст. 13, это дозволяется, если актъ совершенъ безъ вѣдома и согласія малолѣтнаго («съ меньшими братьями не поговоря»). То же сказано въ ст. 54 (тамъ же). Итакъ настоящей **in integrum restitutio** для малолѣтныхъ, какъ кажется, не было. — Срокомъ для наступленія совершеннолѣтія положено 15 лѣтъ. Но кажется, что

c) Дѣти противъ родителей[1]. d) Обличенные три раза въ поклепномъ искѣ[2]. e) Давшіе ложную присягу[3].

Разсматривая всѣ эти исключенія, мы замѣчаемъ, что они частью были основаны на самой сущности вещи (таковы запрещенія малолѣтнымъ и крѣпостнымъ вчинять искъ), частью же проистекали изъ постороннихъ причинъ, и въ послѣднемъ случаѣ являются прямыми ограниченіями права. Поэтому они и отнесены въ законодательствѣ къ истцамъ; ибо, по понятіямъ того времени, быть истцомъ считалось правомъ, а отвѣчать въ судѣ считалось обязанностію, и обязанностію тяжелою. Изъ узаконеній этой эпохи видно, что отвѣтчики всѣми мѣрами старались отклониться отъ судебнаго отвѣта; вотъ почему такъ подробно развито въ Уложеніи ученіе о позывѣ къ суду. Страхъ и отвращеніе отвѣтчиковъ къ процессамъ въ особенности происходилъ отъ судебной ябеды («сутяжничества»), которая до того усилась въ этомъ періодѣ, что всѣ косвенныя мѣры, принятыя законодательствомъ къ ея искорененію и появившіяся теперь во множествѣ, оказывались недѣйствительными. Такъ до Петра Великаго.

B. Судебные представители.

Судебное представительство можетъ быть различныхъ родовъ. Здѣсь должно быть изложено ученіе о заступленіи въ судѣ тяжущихся, истца или отвѣтчика.

Представленіе въ процессѣ одной изъ спорящихъ сторонъ бываетъ необходимое и свободное.

онъ опредѣлялся болѣе фактическою способностію пользоваться правами; ибо позволено было допускать къ очнымъ ставкамъ и прежде 15-ти лѣтъ, если того пожелаетъ самъ несовершеннолѣтній. Улож. гл. XVII, ст. 54.

[1]) Улож. гл. XXII, ст. 6. — Новоуказныя статьи о татиныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ, 1669 года, января 22 (№ 431), ст. 92.

[2]) Улож. гл. X, ст. 188.

[3]) Улож. гл. IX, ст. 27; — гл. XX, ст. 49.

1) Необходимое представительство. Нѣкоторыя лица не могли быть, сами собою, непосредственно, ни истцами по своимъ искамъ, ни отвѣтчиками по спорамъ, противъ нихъ вчиняемымъ. Обязанность искать и отвѣчать за нихъ лежала на другихъ лицахъ, которыя потому и могутъ быть названы необходимыми судебными представителями. Подъ сей разрядъ подходятъ:

a) Опекуны. Они искали и отвѣчали по всѣмъ тяжбамъ малолѣтныхъ.

b) Помѣщики, вотчинники и господа — за своихъ крестьянъ и крѣпостныхъ людей. Но вѣроятно, что господа нерѣдко позволяли своимъ людямъ и крестьянамъ самимъ искать и отвѣчать по своимъ дѣламъ [1]).

c) Монастырскіе стряпчіе [2]).

d) Дворцовый стряпчій — за дворцовыхъ крестьянъ [3]).

2) Свободное представительство. По началу свободнаго представительства заступленіе кѣмъ-либо мѣста истца или отвѣтчика въ судѣ не было обязанностію, налагаемою закономъ, а зависѣло отъ доброй воли тяжущихся и — исключая немногіе случаи — отъ согласія на то самихъ представителей. Они носятъ общее названіе повѣренныхъ, потому что истецъ или отвѣтчикъ «имъ въ томъ (т. е. въ веденіи процесса) вѣрятъ».

Отношенія между довѣрителемъ и повѣреннымъ не были, въ строгомъ смыслѣ, юридическія. Это видно изъ того, что объ нихъ не упоминается въ узаконеніяхъ настоящей эпохи. Причина фактическаго характера этихъ отношеній открывается

[1]) Улож. гл. X, ст. 229; — гл. XIII, ст. 7; — гл. XIV, ст. 7; — гл. XXI, ст. 66, 67 и 77.

[2]) Такъ напр. въ тарханной грамотѣ Иверскому монастырю, 1668 года, октября 26 (№ 438), и мн. др.

[3]) 1686 года, апрѣля 24 (№ 1185); именный, съ боярскимъ приговоромъ.

намъ въ Уложеніи. Оно показываетъ, что повѣренными были, большею частью, родственники [1]): дѣти, братья, племянники [2]); дворовые люди и крестьяне тяжущихся [3]); друзья [4]). Обычай избирать повѣренныхъ изъ родственниковъ или подчиненныхъ власти довѣрителя былъ такъ силенъ, что тотъ, кто не имѣлъ ни тѣхъ, ни другихъ, и самъ не могъ явиться къ суду (напр. по болѣзни и т. д.), даже освобождался отъ отвѣта [5]). Итакъ свободное судебное представительство основывалось въ настоящемъ періодѣ исключительно на началѣ нравственномъ, на взаимномъ, полномъ довѣріи между довѣрителемъ и повѣреннымъ, которое проистекало изъ связей родственныхъ, патріархальныхъ и пріязни. Только этою, чисто нравственною связью объясняется мысль, что тотъ, кто ищетъ или отвѣчаетъ по одному иску за кого-либо, обязанъ, въ случаѣ нужды, отвѣчать за него и по другому [6]). Подъ этою мыслью скрывается убѣжденіе, что довѣренность не ограничивается однимъ искомъ, но есть полная; оно въ свою очередь проистекаетъ изъ тѣсныхъ родовыхъ, семейственныхъ и патріархальныхъ отношеній. Послѣ всего сказаннаго трудно рѣшить, какъ должно смотрѣть на судебное представительство род-

[1]) «Родимцы» Улож. гл. X, ст. 185 и 108.

[2]) Улож. гл. X, ст. 109 и 149; — гл. XVI, ст. 59.

[3]) Улож. гл. X, ст. 149 и 185; — гл. XVI, ст. 59.

[4]) Улож. гл. X, ст. 149.

[5]) Улож. гл. X, ст. 108: »А будетъ кто объ немъ учнетъ бить челомъ, что онъ конечно боленъ, *а къ суду ему въ свое мѣсто прислать некого, что онъ безсемейной и безлюдной человѣкъ*«. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и законодательство обязывало родственниковъ и крѣпостныхъ людей отвѣчать за своего родственника, или господина. Улож. гл. X, ст. 149.

[6]) Улож. гл. XVI, ст. 59: «а челобитчики учнутъ бити челомъ Государю, чтобъ за тѣхъ людей, которые будутъ по службамъ, и которые учнутъ сказыватися больны, на очную ставку *велѣти быти* дѣтямъ ихъ и братьямъ и племянникамъ и людемъ, *которые за нихъ въ иныхъ приказѣхъ ищутъ и отвѣчаютъ*...

ственниковъ и людей? Кажется, оно занимало средину между необходимымъ и добровольнымъ заступленіемъ тяжущагося, и будучи наиболѣе употребительнымъ, дѣлало излишнею формальную довѣренность; вотъ почему она и не требовалась законами того времени.

Начало дѣйствительно свободнаго представительства лежитъ въ наймѣ повѣренныхъ. Объ немъ упоминается еще въ указѣ Іоанна Васильевича, 1582 года, марта 12 [1]). Здѣсь довѣритель названъ наимщикомъ, наймитомъ, а повѣренный наемнымъ доводчикомъ. Взаимныя отношенія ихъ основываются на связи юридической — на договорѣ найма, и опредѣлялись порученіемъ, даваемымъ истцомъ стряпчему, ходатайствовать по извѣстному гражданскому процессу (поэтому нанятый повѣренный не былъ обязанъ искать или отвѣчать по всѣмъ тяжбамъ нанимателя, если о томъ не постановлено въ условіи). Договоръ найма повѣренныхъ и юридическія положенія, изъ него вытекающія, не опредѣлены въ законахъ настоящаго періода. Изъ вышеприведеннаго указа видно только, что довѣритель могъ вчинять искъ противъ повѣреннаго, въ случаѣ явнаго съ его стороны злоумышленія и стачки съ противною стороною [2]).

Распространеніе ябеды, упадокъ взаимнаго довѣрія и ослабленіе связей родственныхъ и патріархальныхъ породили множество злоупотребленій во взаимныхъ отношеніяхъ между довѣрителями и повѣренными; отсюда тяжбы и волокиты, которыя неблагопріятно дѣйствовали на гражданское правосудіе и замедляли ходъ судопроизводства. Чтобъ отклонить такое вредное вліяніе на процессы, указомъ 1690 года, января 27, постановлено не допускать повѣренныхъ къ веденію тяжбы,

[1]) Судебникъ Татищева, ст. 162 стр. 210: «наймуются у ищеи или отвѣтчика стояти въ судѣ за него.»

[2]) Тамъ же.

если въ исковой челобитной нѣтъ подписи довѣрителя, что онъ дѣйствительно поручаетъ имъ искать или отвѣчать въ судѣ [1]). Чрезъ это неопредѣленный характеръ свободнаго судебнаго представительства долженъ былъ измѣниться въ опредѣленный, юридическій.

ГЛАВА II.

ПРЕДМЕТЫ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

(ГРАЖДАНСКІЕ ИСКИ.)

Органы гражданскаго судопроизводства — судьи и тяжущіеся являются дѣятелями въ процессѣ; предметъ ихъ дѣятельности есть искъ гражданскій.

Подъ именемъ гражданскаго иска вообще должно разумѣть всякое требованіе одного гражданина отъ другаго, на правѣ основанное и приводимое въ исполненіе чрезъ посредство установленныхъ отъ правительства судей и судебныхъ мѣстъ. Если это требованіе признается за справедливое тѣмъ, противъ кого оно направлено, то искъ будетъ безспорнымъ; въ противномъ случаѣ онъ можетъ быть названъ спорнымъ. Спорный искъ (искъ въ тѣсномъ смыслѣ) и есть предметъ гражданскаго судопроизводства.

Всѣ иски, какъ мы замѣтили, должны быть основаны на правѣ иска. Это право есть не что иное, какъ процессуальная сторона гражданскихъ правъ — возможность ограждать ихъ

[1]) № 1363; именный съ боярскимъ приговоромъ; «а которые истцы и отвѣтчики въ судъ вмѣсто себя пошлютъ кого инаго, и тѣмъ истцомъ и отвѣтчикомъ на исковыхъ челобитныхъ въ рукахъ своихъ въ подпискѣ писать имянно, что того человѣка въ судъ за себя послалъ онъ, и въ томъ иску тому человѣку вѣритъ».

отъ нарушеній посторонними лицами. Но какъ не всякое гражданское право необходимо имѣетъ право иска, то послѣднее можетъ и должно быть отдѣлено и разсмотрѣно особливо отъ правъ гражданскихъ, на которыхъ оно основывается.

Право вчинять гражданскій искъ необходимо предполагаетъ какое-нибудь гражданское право: ближайшее же основаніе его есть законный способъ пріобрѣтенія гражданскихъ правъ. То же самое должно сказать и о передачѣ права вчинять искъ; она совпадаетъ съ пріобрѣтеніемъ другимъ лицемъ гражданскихъ правъ, на основаніи законныхъ способовъ. Но будучи пріобрѣтено другимъ, оно въ то же самое время остается за тѣмъ, кому прежде принадлежало. Отсюда слѣдуетъ, что съ прекращеніемъ права гражданскаго еще не прекращается право иска; оно уничтожается особливыми способами. Такими признаются въ законодательствѣ настоящей эпохи:

1) Давность. Въ періодъ Уложенія не было одной общей давности. Это видно изъ того, что срокъ погашенія права на искъ не всегда былъ одинаковъ. Начало, опредѣляющее это различіе сроковъ, уловить трудно. Главнымъ образомъ оно лежало въ различіи предметовъ иска [1]).

[1]) Въ Уложеніи упоминаются въ различныхъ мѣстахъ слѣдующіе виды погашающей давности: a) Право иска о родовой вотчинѣ погашается *въ сорокъ лѣтъ*. Улож. гл. XVII, ст. 13 и 30. b) О передѣлѣ помѣстья *въ одинъ годъ* послѣ помѣстной дачи. Улож. гл. XVI, ст. 55; c) По заемнымъ кабаламъ *въ пятнадцать лѣтъ*. Улож. гл. X, ст. 256; d) О приплодѣ животныхъ *въ одинъ годъ*. Улож. гл. X, ст. 285; e) О бѣглыхъ крестьянахъ и бобыляхъ «*въ указные лѣта*». Улож. гл. XI, ст. 8. (Въ указѣ царя Василія Іоанновича, 1607 года, марта 9-го, срокомъ погашенія права иска о бѣглыхъ крестьянахъ положено *пятнадцать лѣтъ:* «впредь за пятнадцать лѣтъ о крестьянахъ суда не давать». См. Судебникъ Татищева, § 172, стр. 242 и стр. 243 примѣч. (г.)); f) Право иска малолѣтныхъ *въ пять лѣтъ* по наступленіи совершеннолѣтія, т. е. когда они достигнутъ 20-ти-лѣтняго возраста (по крайнѣй мѣрѣ такъ въ отношеніи къ мѣнѣ помѣстій). Улож. гл. XVII, ст. 54. Но если предметъ иска малолѣтныхъ до-

2) Смерть. Смертью прекращаетя право иска только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно основано на чисто-личномъ правѣ, не переходящемъ къ наслѣдникамъ, и не передаваемомъ другимъ лицамъ. Таковы напр.: право иска о безчестѣ, о боѣ, и т. д.[1]).

Право отыскивать свои гражданскія права судомъ осуществляется въ искѣ.

Каждый искъ (т. е. по прежнему опредѣленію, каждое требованіе одного лица отъ другаго, на правѣ основанное, и приводимое въ исполненіе чрезъ посредство установленныхъ отъ правительства судей и судебныхъ мѣстъ) можетъ быть размативаемъ во 1-хъ, самъ по себѣ, отдѣльно; во 2-хъ, въ отношеніи къ другимъ искамъ.

1. *Существо исковъ.*

Двѣ стороны представляются намъ въ каждомъ искѣ: формальная-внѣшняя, и матеріяльная-внутренняя.

1) Формальная сторона исковъ опредѣляется правомъ иска. Оно, какъ мы видѣли, основывается, во 1-хъ, на гражданскомъ правѣ, и есть процессуальная сторона его; во 2-хъ, на законномъ способѣ пріобрѣтенія этого гражданскаго права. Эти два основанія права вчинять иски и служатъ данными, опредѣляющими внѣшнюю сторону всякаго гражданскаго иска.

пускалъ продолженіе права иска и послѣ 20-ти-лѣтняго возраста, то погашающая давность, установленная для предмета, одерживала верхъ надъ давностію, узаконенною для малолѣтныхъ. Улож. гл. XVII, ст. 13.

[1]) Улож. гл. X, ст. 207. «А будетъ кто кому *учинитъ какое насильство, или бой и раны, или какіе нибудь убытки и обиды, и будутъ на него въ томъ челобитчики, и съ суда про то его насильство сыщется до пряма, а онъ въ томъ въ иску не раздѣлався умретъ,* а послѣ его останутся вотчины или животы, а въ тѣхъ его вотчинахъ и животахъ будутъ жена его и дѣти: и истцомъ велѣти искъ ихъ доправить того умершаго на женѣ и дѣтѣхъ».

а) По главному, основному раздѣленію всѣхъ гражданскихъ правъ на вещныя (имущественныя) и на права по обязательствамъ, иски бываютъ вещные (actiones in rem) и личные (actiones in personam). Основаніе этого различія заключается въ томъ, что предметъ вещнаго иска есть вещь физическая (res corporalis), личнаго — дѣйствіе лица. Поэтому вещь можетъ быть требуема отъ всякаго, у кого бы она ни находилась; дѣйствія — только отъ того, кто обязался что-либо сдѣлать. Отсюда, если предметъ дѣйствія есть вещь физическая, ее можно требовать только отъ того, кто обязался къ дѣйствію, а не отъ всякаго, у кого та вещь находится. Итакъ гражданскими правами, лежащими въ основаніи иска, опредѣляется его направленіе. Сообразно со всѣмъ сказаннымъ, искъ вещный можетъ быть направленъ противъ всякаго посторонняго, не состоящаго съ нами ни въ какомъ обязательствѣ; искъ личный — только противъ того лица, которое состоитъ съ нами въ обязательствѣ. Раздѣленіе исковъ на вещные и личные такъ естественно, такъ сообразно съ сущностью гражданскихъ правъ, что оно необходимо находится въ каждомъ положительномъ законодательствѣ. Оно замѣтно и въ Уложеніи, но въ немъ не развилось до общаго правила, и поэтому должно быть открываемо изъ частныхъ случаевъ [1]. Вѣроятно, что въ

[1] Исчислять всѣ случаи, въ которыхъ, по Уложенію, употреблялся искъ вещный и личный, мы почитаемъ излишнимъ. Замѣтимъ только, что бѣглые люди, крестьяне и бобыли, отыскивались искомъ вещнымъ. Улож. гл. XI, ст. 2, 7, 10; — гл. XIX, ст. 37; — гл. XX, ст. 24, 50. Иски о помѣстьяхъ и вотчинахъ вчинялись противъ того, кто ими владѣлъ. Улож. гл. XVII, ст. 35; — гл. XVI, ст. 37; — гл. XIX, ст. 10; — гл. XVII, ст. 13. Сюда же относятся и иски о поличномъ. Улож. гл. XXI, ст. 54, 91 и др. — Иски личные проистекали изъ договоровъ (изъ займовъ, купли, поклажи и т. д.) и гражданскихъ преступленій (безчестья, боя, обиды, завладѣнья, покражи и т. д.). Улож. гл. VII, ст. 32; — гл. XXII, ст. 17; — гл. XVII, ст. 35, 36; — гл. XVI, ст. 26, 37, 54; — гл. XXI, ст. 56, 89, 90. — гл. X, ст. 5, 28, 83, 195, 198, 199, 206, 214, 219, 222, 223, 233, 238, 284. И др. мѣста.

практикѣ большею частью употреблялся искъ личный; ибо процессы преимущественно вчинялись вслѣдствіе гражданскихъ преступленій[1]).

b) Пріобрѣтеніе какого-либо гражданскаго права только тогда даетъ право иска, когда это пріобрѣтеніе дѣйствительно по признанію законодательства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ законодательство не иначе почитаетъ пріобрѣтеніе права дѣйствительнымъ, какъ если оно выражено въ законно-составленномъ письменномъ актѣ (по Уложенію въ памяти, записи, кабалѣ или крѣпости. Сюда же должно отнести и записку крѣпостей въ приказахъ; безъ чего онѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, почитаются недѣйствительными; ибо такая записка, очевидно, есть то же, что крѣпость). Напротивъ, въ другихъ случаяхъ, такого письменнаго акта для удостовѣренія въ подлинности пріобрѣтенія законодательство не требуетъ. Итакъ право гражданскаго иска можетъ имѣть крѣпостное и некрѣпостное основаніе. Отсюда другое раздѣленіе самыхъ исковъ. По основанію своему гражданскіе иски бываютъ крѣпостные и некрѣпостные[2]). Различіе ихъ состоитъ въ томъ, что иски, которые по закону должны быть основаны на крѣпостяхъ, недѣйствительны, если не имѣютъ этого основанія[3]); некрѣпостные иски, напротивъ, могутъ быть основаны на всякаго рода доказательствахъ[4]).

[1]) Рѣчь объ Уложеніи, проф. Морошкина. Стр. 57.

[2]) Улож. гл. XVIII, ст. 34: «управа по кабаламъ»; ст. 36: «безкабальные иски».

[3]) Улож. гл. X, ст. 105, 189, 192.

[4]) Гражданскіе иски, возникающіе изъ преступленій, не могли быть основаны на крѣпостяхъ; это лежитъ въ существѣ преступленій. Въ Уложеніи крѣпостные иски тѣмъ существенно и отличаются отъ некрѣпостныхъ, что по послѣднимъ можно было, въ извѣстныхъ случаяхъ, винить безъ суда, а по первымъ никогда. Улож. гл. X, ст. 108 и 109. Трудно возвести это положеніе къ какому-либо юридическому началу. Вѣроятно бóльшая возможность судить крѣпостные иски безъ судоговоренія, нежели некрѣпостные, служила ему основаніемъ; ибо въ Улож. гл. X, ст. 189, именно постановлено обозначать

2) Матеріяльная, внутренная сторона исковъ опредѣляется содержаніемъ, предметомъ ихъ. По качеству, эти предметы дѣлятся на вещи физическія въ собственномъ смыслѣ (помѣстье, вотчина, домашній скотъ, и т. д.), и на вещи тоже физическія, но выражающія собою цѣнность всѣхъ прочихъ вещей — деньги [1]). По количеству, предметы гражданскихъ исковъ могутъ быть опредѣленные и неопредѣленные.

Въ нашемъ древнемъ законодательствѣ не было и не могло быть строгаго различія между исками денежными и неденежными. Нѣкоторые предметы по своей опредѣленности, положительной извѣстности, могли быть предметомъ иска и безъ опредѣленія денежной цѣны ихъ (напр. извѣстное помѣстье, вотчина, холопъ и т. д.). За то другіе, напротивъ, такъ неопредѣленны, такъ малоцѣнны, и потому, въ отдѣльности взятые, такъ неудобоисчисляемы; наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ, по существу своему, такъ подвержены скорому поврежденію, и даже совершенному уничтоженію, что отыскивать судомъ эти самые предметы невозможно (таковы всѣ убытки, наносимые разбоемъ, пожаромъ, потравою, потолокою, насиліемъ и проч.); отсюда, когда они составляютъ предметъ гражданскаго иска, послѣдній легко можетъ обратиться въ искъ денежный. Съ этою цѣлью, какъ кажется, постановлено въ Уложеніи писать въ приставныхъ памятяхъ иски съ цѣною [2]). Законодательство, принуждая истца опредѣлить величину требованія и этимъ ограничивая произволъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ допускало какъ бы единовременное вчинаніе двухъ исковъ, вмѣсто одного: не-

въ приставныхъ памятяхъ и исковыхъ челобитныхъ крѣпости, на которыхъ основанъ искъ.

[1]) Мы опустили здѣсь третій разрядъ вещей — дѣйствія лицъ, потому что всякое дѣйствіе необходимо выражается въ какомъ-либо физическомъ предметѣ, и въ этомъ видѣ составляетъ содержаніе гражданскаго иска, слѣд. подходитъ подъ категорію вещей физическихъ.

[2]) Улож. гл. XI, ст. 24; — гл. XXIV, ст. 3.

денежнаго и денежнаго; денежный искъ служилъ замѣною неденежнаго, если послѣдній не могъ имѣть мѣста. По причинамъ, нами изложеннымъ, это правило не могло равно простираться на всѣ иски; многіе вчинялись безъ означенія цѣны въ челобитныхъ и приставныхъ памятяхъ, какъ мы то видимъ изъ Уложенія и современныхъ ему юридическихъ актовъ[1]).

Кромѣ исковъ неденежныхъ, которые по свойству предметовъ обращались въ денежные, были другіе иски, исключительно денежные. Сюда преимущественно относятся иски по заемнымъ кабаламъ и иски о безчестьи и увѣчьи[2]).

Наконецъ изъ Уложенія видно, что были иски, въ которыхъ ни предметы, ни цѣна ихъ, не обозначались. Таковы были, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, иски о сносѣ бѣглыми людьми[3]), иски объ убыткахъ[4]). Точное количественное опредѣленіе такихъ исковъ совершалось въ самомъ процессѣ.

2. *Взаимныя отношенія гражданскихъ исковъ.*

Недостатокъ юридической опредѣленности и самостоятельнаго существованія гражданскихъ исковъ въ нашемъ древнемъ законодательствѣ былъ причиною, что нерѣдко различные иски смѣшивались между собою и вчинялись подъ формою одного иска, другіе, напротивъ, произвольно отдѣлялись. Эта неопредѣленность ихъ взаимныхъ отношеній видна и въ Уложеніи. Общихъ правилъ, установляющихъ отношенія гражданскихъ исковъ, не было, да и не могло быть. Поэтому мы должны ограничиться разсмотрѣніетъ нѣкоторыхъ частныхъ положеній объ этомъ предметѣ.

1) По древнему Русскому законодательству иски, относя-

[1]) Акты юридическіе, № 55 и 57.
[2]) Улож. гл. XXII, ст. 10; — гл. XXIV, ст. 1; — гл. X, ст. 28—83, 94.
[3]) Улож. гл. XI, ст. 24.
[4]) Улож. гл. X, ст. 223, 224, 222, и мн. другія.

щіеся къ одному предмету, нерѣдко соединялись въ одинъ. Въ особенности это замѣчаніе прилагается къ гражданскимъ искамъ, возникающимъ изъ преступленій. Основаніе скрывается въ полномъ, цѣлостномъ чувствѣ обиды или оскорбленія, которое высказывается въ одной жалобѣ, соединяющей въ себѣ такимъ образомъ многіе иски, существенно отличающіеся другъ отъ друга. Итакъ это сліяніе многихъ исковъ не введено положительнымъ законодательствомъ и основывалось болѣе на обычаѣ [1]), но въ послѣдствіи оно, въ извѣстныхъ случаяхъ, уже предписывалось закономъ; поводомъ къ тому служило, по видимому, желаніе сократить волокиты, уменьшить число дѣлъ и поклепныхъ исковъ [2]).

[1]) Уложеніе представляетъ намъ нѣсколько весьма замѣчательныхъ примѣровъ, какъ различные иски соединялись въ одинъ. Сюда относятся: Гл. XVII, ст. 13: «А будетъ большой братъ ту (отцовскую) вотчину кому продастъ или заложитъ, съ меньшими братьями не поговоря...; а какъ они (меньшіе братья) будутъ въ возрастѣ, *и они о той отцовской вотчинѣ на того своего большаго брата, и на купца, кто у него ту отца ихъ вотчину купитъ, или въ закладъ возьметъ учнутъ Государю бить челомъ,* и съ суда про то сыщется до пряма». — Здѣсь въ одномъ вчиняются два иска: *вещный* противъ покупщика, или залогопринимателя вотчины; *личный* — противъ старшаго брата. — Гл. XVII, ст. 35: «а будетъ послѣ того (т. е. послѣ продажи или отдачи подъ закладъ вотчины не самимъ хозяиномъ, а другимъ лицемъ) тотъ, чья та вотчина, учнетъ на него бить челомъ Государю, что онъ той своей вотчины никому самъ не продавалъ и не закладывалъ, и никому продавати и руки къ купчей или закладной въ свое мѣсто прикладывати не величалъ, а сыщется про то до пряма: и та вотчина по крѣпостямъ отдати тому вотчичю, чья та вотчина... А что отъ него (продавца или закладчика) въ той вотчинной продажѣ тому, чья та вотчина, учинится убытка: и тѣ убытки на немъ доправя, отдать тому, чья та вотчина». Искъ о предметѣ и искъ объ убыткахъ соединены *въ одинъ*. Ср. также гл. XVI, ст. 37. — Пенные иски (actiones poenales) никогда не вчинялись отдѣльно; гл. VII, ст. 32:... «будетъ онъ (служилой человѣкъ) на... стану... рукою... ударитъ... или словомъ кого обезчеститъ, или у кого грабежемъ что возметъ... и... на немъ велѣти... доправити безчестье и грабежъ *вдвое*». Гл. IX, ст. 4; — гл. XXII, ст. 17; — гл. XXV, ст. 4; — гл. XVI, ст. 37 и т. д.

[2]) Положительнымъ законодательствомъ соединялись два иска въ одинъ въ

2) Гражданскіе иски, возникавшіе вмѣстѣ съ уголовными дѣлами, не отдѣлялись отъ нихъ и рѣшались вмѣстѣ съ ними. Вотъ почему всѣ такіе иски носили характеръ уголовныхъ дѣлъ, съ которыми были связаны. По Уложенію и Новоуказнымъ Статьямъ, иски гражданскіе (къ коимъ причислялись дѣла татиныя и разбойныя, когда «истцы бьютъ челомъ... именно (т. е. называя отвѣтчиковъ) безъ поличнаго и безъ язычной молки, и не по лихованнымъ обыскамъ»), изъ которыхъ возникало уголовное дѣло («а будетъ... сыщется про то до пряма, что тѣ дѣла розбойныя и дошли до пытокъ»), судились судомъ уголовнымъ («и тѣхъ истцовъ и отвѣтчиковъ изъ суднаго приказа отсылать въ разбойной приказъ») [1]. Далѣе: когда судились гражданскіе иски, основанные на уголовномъ преступленіи, употреблялась пытка, форма инквизиціоннаго процесса, которая чрезвычайно рѣдко является въ гражданскомъ судопроизводствѣ, да и то въ замѣну крестоцѣлованія; обязанность отвѣчать по такимъ искамъ опредѣлялась участіемъ въ томъ преступленіи, которое служило имъ основаніемъ [2]; наконецъ, величина такихъ гражданскихъ исковъ опредѣлялась по показаніямъ отвѣтчиковъ «съ пытокъ», или, въ случаѣ незнанія самаго отвѣтчика (вора, грабителя, или разбойника), по показаніямъ истцовъ, уменьшеннымъ вчетверо.

Таковы характеристическіе признаки гражданскихъ исковъ,

слѣдующихъ случаяхъ: 1) Пос ѣ иска о холопѣ не льзя было вчинять иска о сносѣ, имъ учиненномъ; оба д лжны вчиняться вмѣстѣ. Улож. гл. XX, ст. 57; ср. ст. 17 и 38; тамъ же; 2) Иски о проѣстяхъ и волокитахъ по дѣламъ помѣстнымъ не отдѣлялись отъ исковъ о самыхъ помѣстьяхъ. — Новоуказныя статьи о помѣстьяхъ, 1677 года, авг. 10 (№ 700), ст. 9 и 10.

[1]) Новоуказныя статьи о татиныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ, ст. 12. — Улож. гл. XXI, ст. 49. — Ср. также Улож. гл. XXI, ст. 1, 5, 6, 7.

[2]) Улож. гл. XXI, ст. 79, 82, 83, 84, 75, 22, 27, 37, 39, 44, и мн. др. — 1669 года, 22 янв. (№ 431); Новоуказныя статьи о татиныхъ, разбойныхъ и убивств. дѣлахъ, ст. 57, 61, 87, и др.

возникающихъ и рѣшаемыхъ вмѣстѣ съ уголовными дѣлами. Они рѣзко отличаютъ ихъ отъ обыкновенныхъ гражданскихъ исковъ, ибо въ послѣднихъ мы не находимъ ничего подобнаго[1]). Начала и объясненія ихъ должно искать въ уголовномъ правѣ тогдашней эпохи. Слѣдовательно гражданскіе иски, возникающіе на основаніи уголовныхъ дѣлъ, не могутъ быть, въ строгомъ смыслѣ, почитаемы за особливые иски. Они представляютъ только другую, такъ сказать гражданскую сторону уголовныхъ дѣлъ — не болѣе.

Бываютъ однако случаи, въ которыхъ уголовное преступленіе является какъ бы несуществующимъ; но отъ этого убытокъ, претерпѣнный отъ преступленія другимъ лицемъ, не перестаетъ быть убыткомъ. Въ этихъ-то случаяхъ гражданскій искъ отдѣляется отъ уголовнаго дѣла, получаетъ самостоятельность, но уже утрачиваетъ уголовный характеръ, и является чисто гражданскимъ, какъ всѣ другіе гражданскіе иски. Въ Уложеніи изъ такихъ случаевъ упоминается только два:

а) Кто предварительно не подалъ явки (явочнаго прошенія) о вещахъ покраденныхъ, пограбленныхъ, или взятыхъ разбоемъ и найденныхъ у кого-либо («поличное»), тотъ не могъ отыскивать ихъ уголовнымъ порядкомъ. Въ замѣнъ того законодательство даетъ ему право вчинять одинъ гражданскій искъ, который и изслѣдуется гражданскимъ порядкомъ, т. е. судомъ. Здѣсь гражданскій искъ, возникающій вслѣдствіе преступленія, является самостоятельнымъ[2]).

[1]) Улож. гл. XXI, ст. 23, 24, 25.

[2]) Улож. гл. XXI, ст. 51... «а будетъ кто у кого зачто поимается, а скажетъ, что то поличное воры у него украли, или розбоемъ взяли съ иными его животы, а явокъ на то поличное, и на иные свои животы... не скажетъ, и по такому поличному тѣхъ людей, у кого поимаются *не пытать,* потому что на то поличное явокъ нѣтъ, а давати въ такомъ дѣлѣ истцомъ на тѣхъ людей, у кого они за что поимаются, *судъ,* и съ суда учинити вѣру, крестное цѣлованіе».

h) Кто поймаетъ вора (татя) и, вмѣсто того чтобъ привести его въ приказъ, станетъ пытать его у себя дома, тотъ теряетъ право отыскивать вещей, имъ покраденныхъ, уголовнымъ порядкомъ, но можетъ вчинять противъ татя обыкновенный гражданскій искъ и требовать суда[1]).

3) Отношенія между вещными и личными исками совсѣмъ не опредѣляются въ Уложеніи и послѣдующихъ законахъ. Такъ всѣ иски о тайномъ, насильственномъ, или подложномъ похищеніи имущества[2]) колеблются между этими двумя основными формами гражданскихъ исковъ; такъ возможность объ одномъ и томъ же предметѣ вчинять два иска, вещный и личный, и слѣд. возвращать себѣ этотъ предметъ вдвое, не предотвращалась законоположеніями, а только обычаемъ: сліяніемъ обоихъ исковъ въ одинъ[3]). Отступленіе отъ этаго правила и несправедливое вчинаніе двухъ исковъ, вмѣсто одного, вѣроятно преслѣдовалось и наказывалось какъ вчинаніе вообще всякаго поклепнаго иска («бить челомъ не по дѣлу»), хотя объ этомъ случаѣ нигдѣ не упоминается въ источникахъ[4]).

Неопредѣленность отношеній между вещными и личными исками въ періодъ до Петра Великаго объясняется отчасти тѣмъ, что въ практикѣ, какъ мы замѣтили, они сливались въ одинъ искъ; — еще болѣе тѣмъ, что вещный искъ не развился еще во времена Уложенія до чистой формы вещнаго иска, и носилъ на себѣ рѣзкіе слѣды иска личнаго — древнѣйшей,

1) Улож. гл. XXI, ст. 88.

2) Сюда относятся: иски о пограбленныхъ, покраденныхъ и разбоемъ взятыхъ вещахъ; иски о бѣглыхъ людяхъ; въ извѣстномъ отношеніи иски о утаенныхъ помѣстьяхъ, вылганныхъ вотчинахъ, злоумышленной продажѣ, мѣнѣ и залогѣ вотчины, помѣстья и т. д.

3) См. выше, взаимныя отношенія исковъ, стр. 91 примѣч. 1.

4) Въ Уложеніи говорится о подобномъ случаѣ, а именно когда кто-либо вчинялъ одинъ за другимъ два иска объ одномъ и томъ же предметѣ. См. гл. X, ст. 154.

первоначальной и исключительной формы всѣхъ вообще русскихъ гражданскихъ исковъ [1]).

4) Когда между двумя тяжущимися лицами происходило какое-нибудь спорное гражданское дѣло, и, вслѣдъ за нимъ, между тѣми же тяжущимися сторонами, возникало новое, то

[1]) Въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи всѣ гражданскіе иски были личные. Это явленіе объясняется тѣмъ, что они вчинялись первоначально только вслѣдствіе гражданскихъ или уголовныхъ преступленій. Примѣромъ личнаго характера нашихъ гражданскихъ исковъ могутъ служить иски о покражѣ; они, какъ очевидно, могутъ быть и *личные*, когда направлены противъ самаго вора, и *вещные*, когда вчиняются противъ всякаго владѣльца покраденной вещи, кто бы онъ ни былъ, слѣд. не обращая вниманія на то, воръ ли онъ, или нѣтъ. По нашему древнему законодательству искъ о покраденной вещи и въ послѣднемъ случаѣ былъ личный. Во времена Правды хозяинъ, нашедшій у кого-либо поличное требовалъ, чтобъ онъ показалъ ему, гдѣ онъ пріобрѣлъ эту вещь («пойдемъ на сводъ, гдѣ еси взялъ»). Это положеніе чрезвычайно важно въ ученіи объ искахъ; оно знакомитъ насъ съ внутреннимъ характеромъ первоначальнаго обычнаго права, которое стремилось обратить въ личные, иски по существу своему вещные. Ибо какъ иначе объяснить сводъ? Онъ установленъ для того, чтобъ узнать вора. Но воровство не имѣло еще въ то время характера уголовнаго преступленія (см. опытъ Ист. Росс. Гос. и Граж. Зак. стр. 61); далѣе: доказывать, что вещь принадлежитъ ему, былъ обязанъ хозяинъ, а не владѣлецъ вещи; ибо когда число сводовъ было ограничено, хозяину отдавалась вещь послѣ послѣдняго свода, хотя бы воръ и не былъ отысканъ; наконецъ сводъ установленъ и не для того, чтобы, отыскавши прямаго вора, можно было требовать отъ него возвращенія тѣхъ вещей, или цѣны ихъ, которыя были покрадены вмѣстѣ съ поличнымъ, ибо 1) какая возможность доказать, что имъ покрадены и прочія вещи, кромѣ поличнаго, когда такія дѣла разбирались не уголовнымъ судомъ, а гражданскимъ? 2) сводъ не ограничивался только тѣми случаями, когда съ поличнымъ покрадены и другія вещи, но всегда употреблялся, когда хозяинъ находилъ поличное. Итакъ хозяинъ хотѣлъ отыскать настоящаго вора, чтобъ взыскать съ него трехъ-гривенную виру, которая — замѣтимъ это — является въ періодъ Правды субститутомъ мести.

Первое ограниченіе свода (извода, изводовъ) было первымъ появленіемъ отдѣльнаго вещнаго иска въ нашемъ законодательствѣ. По Русской Правдѣ изводъ ограничивался областью (въ другую область не переходили); въ городѣ онъ продолжался до конца; въ деревняхъ только до третьяго пріобрѣтателя поличнаго. Двинская грамота допускаетъ изводы до десятаго пріобрѣтателя

эти два дѣла, преемственно слѣдующія одно за другимъ, имѣли въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣсную, необходимую связь между собою. Связь эта состояла въ слѣдующемъ: свидѣтели и общая правда, принятые обоими тяжущимися по первому дѣлу, не могли быть отводимы и во второмъ, если на нихъ ссыла-

(Опытъ Ист. Росс. Гос. и Гр. Зак. § 51, прим. 1, и § 70, прим. 4. Акты Археограф. Эксп. т. 1, № 13 и далѣе. Статья К. Калачева о Судебн. ц. Іоанна Вас., въ Юридическихъ Запискахъ, издаваемыхъ проф. Рѣдкинымъ, т. 1, М. 1841 г. стр. 125). Каковы бы ни были историческія причины такого ограниченія (кажется, ихъ должно искать въ уничтоженіи сомкнутости, отдѣльности родовъ и общинъ, и въ появленіи болѣе тѣсныхъ сношеній между городами и деревнями), его значеніе въ исторіи русскихъ гражданскихъ исковъ чрезвычайно важно. Иски о поличномъ должны были вслѣдствіе этого ограниченія раздѣлиться на два разряда. Одни, по прежнему, продолжали быть личными; такъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда сводъ простирался до самаго вора. Другіе обратились въ вещные, сохраняя на себѣ слѣды историческаго своего происхожденія изъ личныхъ исковъ; подъ эту категорію подходятъ всѣ иски, въ которыхъ сводъ ограничивался извѣстнымъ числомъ пріобрѣтателей и не доходилъ до прямаго татя. Въ послѣдствіи на воровство начали смотрѣть какъ на уголовное преступленіе (Опытъ Ист. Росс. Гос. и Гр. Зак. § 51, прим. 2), но смыслъ отвода (какъ называютъ прежній сводъ, изводъ, въ Уложеніи) мало измѣнился; онъ теперь освобождалъ того, у кого «поимаются за поличное», отъ пытки и наказанія (Улож. гл. XXI, ст. 50, 51), какъ прежде отъ трехъ–гривенной виры.

Въ періодъ Уложенія личный характеръ гражданскихъ исковъ очень рѣзко высказывается въ дѣлахъ о бѣглыхъ холопяхъ. Кто держалъ у себя бѣглаго холопа, противъ того могъ господинъ его вчинять искъ; отъ отвѣта не избавляло его и самое бѣгство холопа, даже полное незнаніе того, куда бѣглый холопъ дѣвался. Ибо тотъ, у кого онъ жилъ, былъ обязанъ найдти его и возвратить господину; въ противномъ случаѣ платилъ цѣну его, 50 рублей (Улож. гл. XX, ст. 50 и 51). — Что этотъ искъ не есть вещный, очевидно съ перваго взгляда. Онъ искъ личный, потому что принятіе къ себѣ чужаго бѣглаго холопа есть какъ бы воровство. — Изъ приведенныхъ нами статей Уложенія не видно однако, былъ ли искъ направленъ противъ того, кто первый принялъ къ себѣ на житье бѣглыхъ холопей, или онъ могъ безразлично вчиняться противъ всякаго, о которомъ только зналъ хозяинъ, что онъ держалъ у себя его холопа. При первомъ предположеніи, искъ о бѣглыхъ есть личный; при послѣднемъ — вещный, но неправильный, несознанный. (Однако есть въ Уложеніи примѣры чисто вещныхъ исковъ. Такъ гл. XI, въ ст. 7, и др.)

лась одна изъ спорящихъ сторонъ; въ противномъ случаѣ тотъ, кто отводилъ, былъ обвиняемъ въ искѣ.

Это положеніе, по основанію своему, весьма справедливо. Нѣтъ никакой причины подозрѣвать въ пристрастіи свидѣтеля или общую правду во второмъ дѣлѣ, если они не были оподозрѣны въ первомъ, особливо когда обратимъ вниманіе на то, что это правило принято только въ отношеніи къ искамъ, немедленно слѣдующимъ другъ за другомъ. Въ практикѣ, ябеда и сутяжничество не рѣдко ложно перетолковывали это положеніе въ свою пользу; вотъ почему въ Уложеніи мы находимъ нѣсколько статей, съ цѣлью — точнѣе опредѣлить это правило, измѣнить его и даже ограничить въ извѣстныхъ случаяхъ [1]).

[1]) Источникъ этого юридическаго положенія есть обычное право; поэтому оно нигдѣ не высказано въ формѣ правила и должно быть выводимо изъ частныхъ случаевъ. Подъ него подходитъ и *встрѣчный искъ*, несмотря на то, что въ немъ прежніе истецъ и отвѣтчикъ мѣняются ролями; причина та, что онъ тоже непосредственно слѣдуетъ за предыдущимъ искомъ («не сходя съ суда»). Улож. гл. X, ст. 180.

(*NB*. Итакъ вотъ еще новое объясненіе, почему встрѣчный искъ судился судомъ истца. Связь этого иска съ предыдущимъ не была бы извѣстна судьямъ, еслибъ онъ судился по общему правилу подсудности судомъ отвѣтчика. Отсюда родилась бы возможность неправильно отводить свидѣтелей и общую правду, допрошенныхъ по предыдущему иску; во всякомъ случаѣ предупрежденіе этихъ злоупотребленій повело бы къ новымъ излишнимъ сношеніямъ между судебными мѣстами по встрѣчному иску, слѣд. къ новымъ издержкамъ, проторямъ, новымъ волокитамъ, неправдамъ и ябедамъ.)

Ближайшія опредѣленія этого правила въ Уложеніи состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Въ маловажномъ искѣ одинъ тяжущійся, по стачкѣ, ссылался на свидѣтеля. Противникъ, «не хотя въ такомъ поклепномъ маломъ иску душевредства учинити», ссылался на того же свидѣтеля. Дѣло, разумѣется, рѣшалось въ пользу перваго тяжущагося; но оно было однимъ предлогомъ для того, чтобъ начать противъ того же отвѣтчика другой, большой искъ, тоже поклепный, и тотъ же свидѣтель приводился въ подтвержденіе новаго иска. По общему правилу прежній отвѣтчикъ долженъ былъ неизбѣжно сослаться на того же свидѣтеля и навѣрное проиграть процессъ: явная несправедливость! Уложеніе даетъ въ этомъ случаѣ отвѣтчику право отводить свидѣтеля или общую правду, не теряя иска, «потому что надъ нимъ истецъ его то учи-

Bayerische Staatsbibliothek München

5) Выше мы видѣли, что сліяніе нѣсколькихъ исковъ, вчиняемыхъ однимъ лицемъ, въ одинъ, случалось довольно часто; но не наоборотъ. Никогда многіе истцы не были обязаны по одному общему дѣлу соединяться какъ бы въ одно юридическое лице и вчинять одинъ общій искъ. Они могли это дѣлать; но отъ произвола каждаго изъ нихъ зависѣло «на отвѣтчикѣ искати одного своего жеребья» (т. е. своей части въ общемъ искѣ). — Въ Уложеніи это общее правило излагается въ отношеніи къ искамъ объ обидѣ, нанесенной нѣсколькимъ лицамъ «вопче»[1]).

Кто обиженъ многими лицами съ-обща (послѣднее видно изъ смысла закона, хотя и не выражено), тотъ могъ вчинять противъ всѣхъ обидчиковъ одинъ искъ, и въ такомъ случаѣ они были обязаны отвѣчать вмѣстѣ. Уложеніе смотритъ на такой искъ не какъ на одно органическое, нераздѣльное цѣлое, но видитъ въ немъ простое соединеніе нѣсколькихъ исковъ въ одинъ. Поэтому и отвѣтчики не составляютъ одного юридическаго лица; слѣд. дѣйствіе каждаго изъ нихъ не есть дѣйствіе

нилъ лукавствомъ». (Это исключеніе и по духу, и по самому выраженію, употребленному въ законѣ, совершенно сходно съ римскими actio и exceptio doli.) См. Улож. гл. X, ст. 179. — Если мы станемъ возводить это исключеніе къ его основной мысли и къ общему юридическому положенію, то получимъ слѣдующее правило: *тяжущійся въ правѣ отводить свидѣтелей и общую правду во второмъ искѣ, принятыхъ имъ въ первомъ, если докажетъ, что они дѣйствовали заодно съ противникомъ.* 2) Уложеніе опредѣляетъ также промежутокъ времени между двумя преемственными исками, послѣ котораго правило о неотведеніи прежнихъ свидѣтелей и общей правды теряетъ свою силу. Если второй искъ вчинялся хотя бы на другой день послѣ перваго, то отводить прежнихъ свидѣтелей и общую правду дозволялось потому, что прежнія отношенія ихъ къ тяжущимся могли уже измѣниться. Улож. гл. X, ст. 181.

[1]) Улож. гл. X, ст. 183. — Кажется, эта статья направлена противъ обычнаго права, которое требовало, чтобъ по общему дѣлу былъ вчиняемъ и общій искъ: положеніе, въ которомъ высказывается начало родовое, мірское, общинное.

всѣхъ прочихъ отвѣтчиковъ; если одинъ отвѣтчикъ сознается въ винѣ и помирится съ истцомъ до суда, то по этому одному не должно безъ суда признавать виноватыми и всѣхъ прочихъ отвѣтчиковъ [1]).

Итакъ, въ Уложеніи признается личное соединеніе исковъ; по общій искъ не можетъ соединять въ одно юридическое лице нѣсколькихъ истцовъ или отвѣтчиковъ, исключая, если они захотятъ того сами [2]).

Вотъ нѣсколько положеній, опредѣляющихъ взаимныя отношенія гражданскихъ исковъ въ настоящую эпоху русскаго законодательства. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы не исчерпали здѣсь всѣхъ юридическихъ правилъ, которыя сюда относятся и скрыты въ Уложеніи подъ оболочкою частныхъ случаевъ.

Выше мы сказали, что право вчинять какой-либо искъ осуществляется въ этомъ искѣ. Это осуществленіе есть полное, совершенное, поглощающее въ себѣ право иска. Словомъ, въ искѣ право вчинять этотъ искъ уничтожается. Отсюда положеніе: кто однажды искалъ по какому-нибудь гражданскому дѣлу, и оно окончилось, тотъ не можетъ вчинять объ немъ новаго иска [3]).

[1]) Улож. гл. X, ст. 184: «А будетъ кто живетъ въ одномъ помѣстьѣ или въ вотчинѣ съ братьями и съ иными помѣщики вопче, и учинятъ они кому какую обиду, и тотъ обиженный въ обидѣ своей приставитъ къ нимъ ко всѣмъ вопче, и изъ нихъ одинъ узнавъ свою вину съ истцомъ помирится до суда, а достальные безъ суда не помирятся, и истцу на тѣхъ достальныхъ дати судъ... а безъ суда ихъ по раздѣлкѣ товарища ихъ не винити». Эта статья можетъ быть истолкована двоякимъ образомъ: въ судебной практикѣ винили безъ суда всѣхъ отвѣтчиковъ, если одинъ изъ нихъ сознавалъ себя виноватымъ, 1) или на основаніи родоваго, общиннаго начала, (см. на стр. 98, примѣч. 1-ое, и начало 184-ой статьи), 2) или же потому, что признаніе одного изъ отвѣтчиковъ считали доказательствомъ виновности всѣхъ прочихъ, и на этомъ основаніи считали уже судъ излишнимъ.

[2]) Улож. гл. XVIII, ст. 37, 38.

[3]) Улож. гл. X, ст. 154: «А будетъ который истецъ въ иску своемъ съ

Искъ, а съ нимъ вмѣстѣ и право на этотъ искъ, уничтожаются по Уложенію:

1) Полюбовною сдѣлкою. Полюбовною сдѣлкою можно было прекращать спорное дѣло во всякое время, съ подачи приставной памяти и до рѣшенія дѣла, до суда и послѣ суда [1]). Взаимное согласіе на полюбовное прекращеніе тяжбы выражалось въ мировыхъ челобитныхъ, подаваемыхъ тяжущимися въ тотъ судъ, гдѣ производилось ихъ дѣло; условія мировой сдѣлки утверждались письменнымъ актомъ, который назывался мировою записью, иногда просто мировою, и составлялся по образцу всѣхъ прочихъ договоровъ и обязательствъ того времени [2]).

2) Судебнымъ приговоромъ. Судебный приговоръ, постановленный о спорномъ дѣлѣ на какомъ бы то ни было основаніи (будетъ ли то признаніе, или судъ, или неявка, или сыскъ, или крестоцѣлованіе и т. д.), навсегда уничтожаетъ искъ [3]). Аппелляція не опровергаетъ этого положенія; она

суда обвиненъ, а отвѣтчикъ его въ томъ иску оправленъ, или который отвѣтчикъ въ чьемъ иску крестнымъ цѣлованіемъ отойдетъ, или кто въ своемъ иску съ кѣмъ помирится до суда, *а послѣ того на тѣхъ же людѣхъ учнетъ онъ того же своего иску въ другорядъ искати: и ему въ томъ иску суда не давати*».

[1]) Улож. гл. XI, ст. 8; — гл. XV, ст. 1 и 2; — гл. X, ст. 121, 154.

[2]) См. примѣч. 1-ое. — Акты Юридическіе, № 269—275. — Замѣнялись ли мировыми челобитными мировыя записи, или наоборотъ, или же и тѣ и другія были необходимы для того, чтобъ полюбовная сдѣлка имѣла законную силу — этого нельзя рѣшить по изданнымъ источникамъ. Въ приведенныхъ нами статьяхъ Уложенія и юридическихъ актахъ записи и мировыя челобитныя упоминаются отдѣльно, какъ средства полюбовнаго прекращенія иска, а не вмѣстѣ; поэтому есть вѣроятіе, что мировыя челобитныя дѣлали запись излишнею, и мировая запись достигала своей цѣли безъ предварительной подачи челобитенъ.

[3]) Улож. гл. X, ст. 154, 120, 118 и мн. др. — О собственномъ признаніи («будетъ кто отвѣтчикъ на судѣ противъ чьей исковой челобитной учнетъ винитися»), см. Улож. гл. X, ст. 136; — гл. XX, ст. 39.

имѣетъ совсѣмъ другое основаніе, рѣзко отличающее ее отъ обыкновеннаго иска (см. ниже).

Смерть тяжущихся не можетъ быть отнесена къ способамъ прекращенія исковъ. Она переноситъ только искъ отъ одного лица къ другому, не измѣняя его прежняго вида [1]).

ГЛАВА III.

ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО.

Предметъ, на которомъ сосредоточивается дѣятельность судей и тяжущихся, есть, какъ мы видѣли, гражданскій искъ.

[1]) Улож. гл. X, ст. 245: «А будетъ кто кому давъ на себя въ заемныхъ деньгахъ кабалу, или въ вотчинномъ очищеньѣ, или въ иномъ въ какомъ дѣлѣ какую нибудь крѣпость да умретъ, а послѣ его въ животахъ его останутся жена его и дѣти, или иные кто его роду, а какъ онъ живъ былъ, и у него по тѣмъ кабаламъ въ заемныхъ деньгахъ и по записямъ въ вотчинномъ очищеньѣ съ истцы судъ былъ, а судныя дѣла по смерть его не вершены, а по тѣмъ суднымъ дѣламъ довелось его обвинити, и истцомъ по тѣмъ дѣламъ велѣти иски ихъ правити того умершаго на женѣ и на дѣтяхъ, или на иныхъ роду его, кто послѣ его въ животахъ его останется, и кому даны будутъ вотчины его». Это, кажется, единственная статья въ цѣломъ Уложеніи, въ которой прямо сказано, что искъ можетъ переходить по наслѣдству, но и то сказано въ отношеніи къ отвѣтчику. Статьи 132, 133, 203, 207 и вторая половина 245-ой (которая здѣсь опущена) говорятъ о переходѣ по наслѣдству *права иска* и обязанности отвѣчать по иску, или права требовать уплаты и обязанности уплачивать по рѣшеному иску (слѣд. о наслѣдственности обязательства, а не иска). Могло ли одно лице передавать свой искъ другому? Кажется, нѣтъ. Улож. гл. X, ст. 244. «А будетъ кто на комъ учнетъ искати вотчины, или двора, или лавки, или мельницы, или инаго чего вотчиннаго или помѣстнаго строенія, и отвѣтчикъ, засудяся съ истцомъ и недождався по судному дѣлу указу, то, чего на немъ истецъ искалъ, кому продастъ, или заложитъ, а по суду и по сыску доведется его въ томъ обвинити, и у того, кому онъ что продастъ, взяти и отдати истцу. А тому, кто у него то купилъ, указати на немъ по купчей и по закладной цѣнѣ назадъ деньги». Впрочемъ эта статья допускаетъ различныя толкованія, и невозможно на основаніи ея рѣшить вопроса.

Единствомъ предмета эта дѣятельность ихъ необходимо поставляется во взаимныя отношенія, которыя, очевидно, не могутъ быть оставлены на произволъ самихъ судей и тяжущихся, и потому извѣстнымъ образомъ опредѣляются въ каждомъ положительномъ правѣ, будетъ ли оно обычное право, или законодательство въ настоящемъ смыслѣ слова. Такъ образуется у каждаго народа, въ каждомъ государствѣ, цѣлая система положеній и правилъ, юридически опредѣляющихъ дѣятельность судьи въ отношеніи къ иску и тяжущимся; дѣятельность тяжущихся въ отношеніи къ судьѣ, спорному дѣлу и ихъ самихъ другъ къ другу.

Далѣе, вся дѣятельность судьи и тяжущихся направлена къ одной цѣли — спорный гражданскій искъ обратить въ безспорный. Въ этомъ смыслѣ, для судьи — рѣшить дѣло, для тяжущихся — выиграть процессъ — суть выраженія однозначительныя.

Но такое обращеніе иска изъ спорнаго въ безспорный также не можетъ совершаться иначе, какъ по извѣстнымъ, постояннымъ и опредѣленнымъ правиламъ. Они необходимы для того, чтобъ искъ обращался изъ спорнаго въ безспорный свободно, согласно съ истиной и независимо отъ произвола лицъ, являющихся дѣятелями. Совокупность правилъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія судей, тяжущихся, и спорнаго гражданскаго иска, и постепенный, правильный ходъ обращенія гражданскаго иска изъ спорнаго въ безспорный и образуетъ ученіе о гражданскомъ судопроизводствѣ.

На этомъ основаніи мы раздѣлимъ эту главу на двѣ части. Въ первой будутъ изложены формы (виды) гражданскаго судопроизводства по Уложенію и Новоуказнымъ статьямъ; во второй — постепенное движеніе судопроизводства (ходъ процесса).

Отдѣленіе 1.

ФОРМЫ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

О формахъ судопроизводства во времена Уложенія существуютъ у насъ два мнѣнія. Оба проистекаютъ изъ одного источника и разнятся между собою только въ дальнѣйшихъ своихъ приложеніяхъ.

Сводъ Законовъ Россійской Имперіи принимаетъ въ русскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ двѣ основныя формы: форму вотчинную и исковую (Св. Зак. т. X, ст. 1591; изд. 1832 г.); то же самое раздѣленіе существовало, по мнѣнію редакторовъ, и во времена Уложенія (Св. Зак. т. X, ст. 1592, примѣч.).

Разсматривая обѣ формы гражданскаго судопроизводства и вникая въ различіе ихъ, мы находимъ, что оно заключается собственно въ различіи доказательствъ, употребляемыхъ въ исковомъ и вотчинномъ судопроизводствѣ: въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ вотчиннымъ судопроизводствомъ, нельзя доказывать своего иска свидѣтелями и присягою (Св. Зак. т. X, ст. 2053); въ дѣлахъ же, судимыхъ исковою формою, допускаются всякаго рода доказательства.

Различіе доказательствъ, употребляемыхъ по тѣмъ или другимъ спорнымъ гражданскимъ дѣламъ, условливается посторонними, или случайными обстоятельствами, и потому не можетъ служить основаніемъ раздѣленія судопроизводства на виды. Уложеніе объявляетъ поклажу и заемъ недѣйствительными, если они не утверждены крѣпостію; вотъ почему иски о поклажахъ и займахъ могли быть только крѣпостными, т. е. основанными на крѣпостныхъ доказательствахъ. Бой, брань, грабежъ могли быть совершены при многихъ людяхъ, или при одномъ свидѣтелѣ, или наконецъ безъ свидѣтелей; поэтому

одинъ и тотъ же искъ о боѣ, брани или грабежѣ, могъ быть въ одномъ случаѣ доказываемъ обыскомъ, въ другомъ послушествомъ, въ третьемъ крестнымъ цѣлованіемъ: доказательства различны, а форма судопроизводства одна и та же.

Различіе формъ гражданскаго судопроизводства условливается не различіемъ доказательствъ, а различными отношеніями судей къ тяжущимся и спорному дѣлу, и тяжущихся къ судьѣ и спорному дѣлу. Если въ судопроизводствѣ является дѣятелемъ судья, т. е. если онъ какъ бы отыскиваетъ своего права, самъ собою, безъ просьбы тяжущихся, подвергаетъ кого суду, отыскиваетъ тѣхъ или другихъ доказательствъ для того, чтобъ убѣдиться въ правости или неправости подсудимыхъ, то въ такомъ случаѣ мы называемъ судопроизводство инквизиціоннымъ, слѣдственнымъ. Если же, напротивъ, дѣятелями въ судопроизводствѣ являются сами тяжущіеся, т. е. если искъ вчиняется, по просьбѣ одного изъ нихъ, а не по произволу судьи; если приведеніе доказательствъ въ пользу и противъ спорнаго дѣла, между ними возникшаго, есть ихъ обязанность, а не дѣло судьи; если, наконецъ, пропущенныя ими доказательства не обязанъ приводить вмѣсто ихъ судья, и онъ, какъ будто лице постороннее, посредникъ, произноситъ свое мнѣніе о правости и виновности тяжущихся сторонъ по однимъ доказательствамъ, ими приведеннымъ, не обращая вниманія на всѣ прочія, ими забытыя, или умышленно оставленныя — то эта форма судопроизводства есть обвинительная и обыкновенно называется обвинительнымъ, гражданскимъ процессомъ (processus accusatorius).

Конечно, такого рѣзкаго различія между этими двумя основными формами судопроизводства мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ положительномъ законодательствѣ. Ни одна изъ этихъ формъ (особливо первая) не развивается во всей чистотѣ и послѣдовательности, какой бы требовало основное начало каж-

дой изъ нихъ. Въ форму инквизиціоннаго процесса болѣе или менѣе всегда вливается начало процесса обвинительнаго, и наоборотъ: процессъ обвинительный иногда видоизмѣняется нѣсколько формою инквизиціоннаго судопроизводства. Несмотря на то, основныя начала, изъ которыхъ развивается каждая изъ этихъ формъ, такъ противоположны и такъ рѣзко обозначены, что ихъ не возможно смѣшивать.

Есть еще другое мнѣніе о формахъ русскаго гражданскаго судопроизводства до Петра Великаго, которое подкрѣпляется многими историческими доказательствами и потому имѣетъ большое вліяніе на правильное разумѣніе нашего судопроизводства до Петра и послѣ Петра. Это мнѣніе заключается въ слѣдующемъ:

Издавна, еще до Судебника, мы находимъ въ Москвѣ два приказа, въ которыхъ преимущественно передъ всѣми другими сосредоточивались спорныя гражданскія дѣла; это приказы Помѣстный и Судный. Въ Помѣстномъ приказѣ вѣдались спорныя дѣла о правахъ на недвижимыя, основанныхъ на крѣпостяхъ (письменныхъ актахъ), особливо же дѣла о правѣ собственности. Напротивъ, въ Судномъ приказѣ вѣдались спорныя дѣла по обязательствамъ, возникшимъ вслѣдствіе договора или преступленія. —Такое раздѣленіе спорныхъ гражданскихъ дѣлъ между двумя приказами во первыхъ свидѣтельствуетъ о какомъ-то тайномъ, безсознательномъ можетъ-быть, сочувствіи нашего древняго законодательства съ римскимъ правомъ; ибо въ основаніи этого раздѣленія спорныхъ дѣлъ скрывается мысль о различеніи всѣхъ гражданскихъ исковъ на вещные (in rem) и личные (in personam, ad rem). Но какъ эта мысль не была ясно сознаваема, то въ распредѣленіи спорныхъ дѣлъ между Помѣстнымъ и Суднымъ приказомъ сдѣланы отъ нея нѣкоторыя отступленія. Такимъ образомъ спорныя дѣла, которыя должно бы, сообразно съ основнымъ началомъ, судить въ

Помѣстномъ приказѣ, судились въ Судномъ, и которыя должны бы вѣдаться Суднымъ приказомъ, судились въ Помѣстномъ. Но это были отступленія, которыя ни мало не опровергаютъ главной мысли; во вторыхъ, въ Помѣстномъ приказѣ сосредоточились спорныя дѣла о недвижимыхъ, основанныя на однихъ крѣпостяхъ, или вообще на письменныхъ документахъ и актахъ, дѣла крѣпостныя. Но такъ какъ эти дѣла разбирались и рѣшались по крѣпостямъ, то въ Помѣстномъ приказѣ должна была развиться преимущественно форма судопроизводства слѣдственняя, сыскная, розыскная. Напротивъ, въ Судномъ приказѣ, гдѣ судились дѣла, основанныя на всякаго рода доказательствахъ, а не на однихъ крѣпостяхъ, должна была развиться другая форма судопроизводства, процессъ обвинительный, по преимуществу гражданскій и древнѣйшій изъ всѣхъ — судъ, въ технически-опредѣленномъ значеніи этого слова.— Безъ сомнѣнія розыскъ въ спорныхъ гражданскихъ дѣлахъ не ограничивался исключительно одними спорными дѣлами Помѣстнаго приказа; мы знаемъ также, что судомъ рѣшались иногда и дѣла вотчинныя; но это были исключенія изъ общаго правила. Несмотря на эти исключенія, судъ все же былъ главною, основною формою судопроизводства для спорныхъ дѣлъ, судимыхъ въ Судномъ приказѣ; розыскъ — для спорныхъ дѣлъ, вѣдаемыхъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Это мнѣніе, очевидно, даетъ болѣе глубокое значеніе раздѣленію судопроизводства на исковое и вотчинное, нежели первое. Оно не останавливается на одномъ различіи доказательствъ, но проникаетъ въ смыслъ этого различія и возводитъ его къ истинному основанію дѣленія судопроизводства на виды. Несмотря на то, мы дозволяемъ себѣ находить это мнѣніе не вполнѣ согласнымъ со всѣми историческими данными нашего законодательства. По послѣдовательности и глубинѣ своей оно даетъ неправильное значеніе дальнѣйшему развитію русскаго

гражданскаго судопроизводства, и потому заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія.

1) Раздѣленіе спорныхъ гражданскихъ дѣлъ между Помѣстнымъ и Суднымъ приказомъ есть главное основаніе изложеннаго мнѣнія. Мы видѣли, что вопросъ, который здѣсь естественно возникаетъ: почему одни дѣла гражданскія вѣдались въ Помѣстномъ приказѣ, а другія въ Судномъ — рѣшается тѣмъ, что въ законодательствѣ временъ Уложенія мы открываемъ смутную мысль о различіи исковъ личныхъ и вещныхъ. Отсюда требованіе отдѣлить ихъ другъ отъ друга, которое выразилось въ различіи формъ судопроизводства, принятыхъ въ Помѣстномъ и Судномъ приказахъ. Это рѣшеніе вопроса кажется намъ неправильнымъ:

a) Во времена Уложенія не было мысли о раздѣленіи гражданскихъ исковъ на вещные и личные. Главный, основный, исключительный характеръ всѣхъ гражданскихъ исковъ того времени есть характеръ личный, а не вещный. Только въ нѣкоторыхъ, и то весьма немногихъ случаяхъ, необходимость вчинанія иска вещнаго была такъ очевидна, такъ ощутительна, скажемъ даже — такъ неизбѣжна, что обычное право и законодательство какъ бы непроизвольно уступали ей — не болѣе. Это важное юридическое положеніе мы старались, по возможности, уяснить въ главѣ о гражданскихъ искахъ.

b) Поэтому не мысль о различіи вещныхъ и личныхъ исковъ, но какое-нибудь другое основаніе должно было руководить древнихъ законодателей при распредѣленіи спорныхъ гражданскихъ дѣлъ между приказомъ Помѣстнымъ и Суднымъ. Соображая историческія данныя того времени съ общимъ характеромъ законодательства, мы думаемъ, что этого основанія должно искать въ различіи предметовъ гражданскихъ правъ — различіи, которое при томъ опредѣлялось не гражданскою, а административною точкою зрѣнія.

Цѣль учрежденія Помѣстнаго приказа, по главному своему назначенію, была административная. Помѣстья давались всякихъ чиновъ служилымъ людямъ для государевой службы, преимущественно военной. Когда число такихъ помѣстій размножилось и они безпрестанно переходили отъ одного лица къ другому по мѣнѣ, поступкѣ, новому верстанью, раздѣлу, наслѣдству и т. д., опредѣленіе, кому принадлежитъ извѣстное помѣстье, доджно было сдѣлаться затруднительнымъ, и слѣд. допускать подлоги, и неправильныя присвоенія помѣстій, а это могло имѣть весьма вредныя послѣдствія; ибо на системѣ испомѣщенія основывался въ то время наборъ войска. Отсюда необходимость — опредѣлить, кто владѣетъ помѣстьемъ и какимъи менно, которая и подала поводъ къ учрежденію Помѣстнаго приказа.

Записка помѣстій за извѣстными лицами въ Помѣстномъ приказѣ имѣла важныя послѣдствія для гражданскаго права. Справлять за кѣмъ-либо помѣстье можно было не иначе, какъ если способъ пріобрѣтенія имѣлъ справедливое основаніе. Поэтому и пріобрѣтеніе помѣстья должно было подчиниться непосредственному надзору Помѣстнаго приказа.

На томъ же основаніи какъ помѣстья, вѣдались въ Помѣстномъ приказѣ вотчины и вотчинные и помѣстные крестьяне. Когда присоединились къ вѣдомству Помѣстнаго приказа вотчины — неизвѣстно. Вѣроятно основаніемъ служили сродство, издавна существовавшее между вотчиною и помѣстьемъ, частая покупка помѣстій въ вотчины, пожалованіе помѣстій въ вотчины, наконецъ переписи, которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, были причиною, что помѣстные и вотчинные крестьяне вѣдались въ Помѣстномъ приказѣ; ибо крестьяне были крѣпки землѣ, и по прежнимъ началамъ должны были находиться въ завѣдываніи того же приказа, въ которомъ вѣдались земли.

Итакъ главное, первое назначеніе Помѣстнаго приказа за-

ключалось въ утвержденіи и укрѣпленіи помѣстій, вотчинъ, помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянъ за помѣщиками и вотчинниками. А потому что онъ утверждалъ и укрѣплялъ права на помѣстья и вотчины, онъ и судилъ спорныя помѣстныя и вотчинныя дѣла. Основаніе весьма просто: въ искахъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ истецъ долженъ доказывать, что помѣстье или вотчина принадлежатъ ему на основаніи законнаго пріобрѣтенія; а пріобрѣтеніе помѣстья или вотчины, какъ мы сказали, совершалось подъ непосредственнымъ надзоромъ Помѣстнаго приказа.

Напротивъ, главное назначеніе Суднаго приказа, какъ показываетъ и самое названіе его, было судебное, а не административное; поэтому нельзя ставить его въ параллель съ Помѣстнымъ, и между ними не могло быть ничего общаго.

Чтобъ доказать еще яснѣе, что Помѣстный приказъ, по главному своему назначенію, былъ мѣстомъ административнымъ, а не судебнымъ, укажемъ на Холопій приказъ. Для дѣлъ холопьихъ онъ было то же, что̀ Помѣстный приказъ для дѣлъ помѣстныхъ и вотчинныхъ; въ немъ укрѣплялись и утверждались права господъ на холопей и судились спорныя холопьи дѣла.

Напрасно будемъ мы искать причины установленія Холопьяго приказа въ какой либо особливой формѣ судопроизводства, исключительно употреблявшейся въ спорныхъ дѣлахъ о холопяхъ; эти дѣла судились судомъ, какъ и всѣ прочія гражданскія дѣла до временъ Петра Великаго. Вѣдомство Холопьяго, какъ и Помѣстнаго приказа опредѣлялось не юридическимъ началомъ, а предметомъ; моэтому естественно, что въ немъ сосредоточились всѣ дѣла холопьи: безспорныя и спорныя, административныя и судныя, по началу: кто управляетъ или завѣдываетъ, тотъ и судитъ. Итакъ, изъ раздѣленія спорныхъ гражданскихъ дѣлъ между Помѣстнымъ и Суднымъ при-

казомъ нельзя еще заключать о существованіи, въ періодъ Уложенія, двухъ различныхъ формъ гражданскаго судопроизводства.

II. По изложенному нами мнѣнію, спорныя дѣла о правахъ на недвижимыя, преимущественно о правѣ собственности, вѣдались въ Помѣстномъ приказѣ. А въ этомъ приказѣ никогда не давали суда. Поэтому эти дѣла судились не судомъ, а какою-нибудь другою формою судопроизводства.

И это положеніе кажется намъ несправедливымъ. Въ Помѣстномъ приказѣ вѣдались дѣла: a) о помѣстьяхъ; b) о вотчинахъ; c) о помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянахъ.

Спорныя дѣла о вотчинахъ судились судомъ. Это доказывается всѣми источниками русскаго права: Судебникомъ, юридическими актами изъ періода Уложенія, самымъ Уложеніемъ и наконецъ Новоуказными Статьями.

Въ Судебникѣ статья 84-я имѣетъ заглавіе: «о земляхъ судъ»; изъ самой статьи видно, что спорныя дѣла о земляхъ (помѣстьяхъ и вотчинахъ) судились судомъ[1]); статьи 85—90: «о вотчинахъ судъ». Что о правѣ на вотчину производился судъ — это ясно видно изъ статьи 85; прочія говорятъ о протравѣ, о нарушеніи межъ и граней, о переходѣ крестьянъ, слѣд. ничего не доказываютъ въ отношеніи къ судопроизводству о правѣ вотчинномъ на недвижимыя.

Между юридическими актами, изданными Археографическою Комиссіею, помѣщено до двадцати семи правыхъ грамотъ по спорнымъ гражданскимъ дѣламъ[2]). Большая часть изъ нихъ относится и къ дѣламъ о правѣ собственности на земли

[1]) Судебн. Татищева, ст. 84. — Изъ примѣчаній къ этой статьѣ видно, что Татищевъ разумѣетъ подъ выраженіемъ: *о земляхъ судъ,* судъ о владѣніи, а не о правѣ. Но это несправедливо. Самая статья не подаетъ никакого повода къ такому толкованію. См. гл. 2, примѣч. 4.

[2]) См. Юридическіе Акты, № 1—26, 29.

и угодья; изъ всѣхъ этихъ грамотъ видно, что дѣла вотчинныя судились судомъ[1]).

Въ Уложеніи мы находимъ много мѣстъ, изъ которыхъ ясно видно, что дѣла о правѣ собственности на вотчины судились судомъ. Здѣсь мы ограничимся приведеніемъ двухъ изъ нихъ: гл. X, ст. 244: «А будетъ кто на комъ учнетъ искати вотчины или двора, или лавки, или мѣльницы . . . а по суду и по сыску доведется его въ томъ обвинити . . .» Гл. XVIII, ст. 58: «А кому даны будутъ правые грамоты всякимъ людемъ о вотчинахъ и о всякихъ дѣлѣхъ . . . а написано будетъ въ грамотѣ все судное дѣло подлинно . . .»[2])

[1]) Онѣ обыкновенно начинаются такъ: *се судъ судилъ*. Позднѣйшія (1610 года, № 25, и 1612, № 26) имѣютъ другую форму: *передъ такимъ-то судьею искалъ такой-то на такомъ-то*.

[2]) См. также Улож. гл. XVII, ст. 13, 27, 30, 31, 33. — Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ: если спорныя дѣла о вотчинахъ вѣдались *судомъ*, то почему же о нихъ такъ мало говорится въ судной статьѣ (X главѣ Уложенія) — именно тамъ, гдѣ должно бы, по видимому, ожидать подробнаго изложенія этого предмета? — Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ, замѣтимъ предварительно, что всѣ иски о правѣ собственности имѣютъ двѣ стороны; a) юридическую, о правѣ, и b) фактическую, о владѣніи. Вопросъ о правѣ на вотчину есть вопросъ о законномъ способѣ ея пріобрѣтенія. А въ какихъ именно случаяхъ вотчина, по законодательству временъ Уложенія, почитается законнымъ образомъ пріобрѣтенною — это подробно изложено въ статьѣ помѣстной и вотчинной (XVI и XVII гл. Уложенія); слѣд. нечего было упоминать о томъ въ статьѣ судной. — Весьма замѣчательно, что эти статьи, по главному, основному своему характеру, не суть процессуальныя, а догматическія; онѣ представляютъ собраніе догматическихъ, а не судебныхъ казусовъ. Въ нихъ излагается порядокъ наслѣдованія преимущественно какъ основаніе пріобрѣтенія, а не какъ наслѣдственное право. Такой характеръ этихъ статей объясняется тѣмъ, что онѣ большею частію вѣроятно заимствованы изъ положеній, развившихся въ Помѣстномъ приказѣ — мѣстѣ, по главному своему назначенію, административномъ, а не судебномъ. — Искъ о правѣ на недвижимое никогда не вчинялся, въ періодъ Уложенія, отдѣльно отъ иска о владѣніи, или правильнѣе о завладѣніи. Это очевидно доказываютъ правыя грамоты, помѣщенныя въ собраніи Юридическихъ Актовъ, и многія статьи Уложенія (напр. гл. X, ст. 211, 212, 213, 233). Поэтому весьма справедливо замѣчаетъ проф. Морошкинъ, что

Наконецъ въ Новоуказныхъ Статьяхъ дѣла помѣстныя, вотчинныя и земляныя прямо называются судными[1]).

Спорныя дѣла о помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянахъ судились судомъ. Это несомнѣнно доказывается всею XI-ю главою Уложенія, которая даже носитъ заглавіе: «судъ о крестьянѣхъ» (см. ниже примѣч.).

Наконецъ спорныя дѣла о помѣстьяхъ также судились обвинительною, а не инквизиціонною формою процесса. Эта форма называлась очными ставками и въ основаніи своемъ была то же, что̀ судъ, отличаясь отъ него только нѣкоторыми частностями (см. ниже).

Итакъ слѣдственная форма судопроизводства не употреблялась въ спорныхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ.

III. Далѣе сказано: дѣла о правѣ собственности на недвижимыя были исключительно крѣпостныя. Это положеніе кажется намъ также несправедливымъ; ибо мы знаемъ, что какъ теперь, такъ и въ періодъ Уложенія, законодательство признавало односторонніе способы пріобрѣтенія права, въ особенности давность. Итакъ, когда кто-либо вчинялъ искъ о вотчинѣ, которою владѣлъ по старинѣ, безъ крѣпостей, этотъ искъ, очевидно, не могъ быть крѣпостнымъ. Изъ Уложенія видно, что иски о вотчинахъ и въ другихъ еще случаяхъ могли быть некрѣпостными[2]).

по Уложенію «безспорное судопроизводство сливалось съ тяжебнымъ, а владѣніе смѣшивалось съ собственностію» (Разсужденіе о владѣніи по началамъ Россійскаго Законодательства. М. 1837 стр. 100); въ то время искъ о владѣніи былъ вмѣстѣ и искомъ о собственности. Вотъ почему въ Уложеніи и во всѣхъ современныхъ ему источникахъ безпрестанно говорится, что иски о владѣніи разбираются судомъ; а что право собственности на недвижимыя рѣшается тою же формою судопроизводства — объ этомъ мы такъ рѣдко находимъ прямыя свидѣтельства.

[1]) 1683 года, 22 іюня (№ 1029); именный съ боярскимъ приговоромъ. — 1686 года, марта (№ 1173); именный съ боярскимъ приговоромъ.

[2]) Улож. гл. XVI, ст. 41, 51. — гл. XVII, ст. 18.

IV. Но если даже и допустить, что всѣ спорныя помѣстныя и вотчинныя дѣла были крѣпостныя, то изъ этого еще нельзя заключать, что эти дѣла, потому именно что, они крѣпостныя, судились розыскомъ, а не судомъ; ибо въ десятой главѣ Уложенія мы находимъ множество мѣстъ, изъ которыхъ ясно и несомнѣнно видно, что дѣла крѣпостныя могли быть дѣлами судными [1]). Слѣдовательно, если спорныя помѣстныя и вотчинныя дѣла и въ самомъ дѣлѣ судились розыскомъ, то причина не въ томъ, что они крѣпостныя [2]).

Въ періодъ Уложенія русское гражданское судопроизводство имѣло двѣ формы: судъ и очныя ставки. Очными ставками преимущественно судились спорныя дѣла о правахъ на помѣстья и вотчины; судомъ — всѣ прочія спорныя гражданскія дѣла.

1. Судъ (въ томъ техническомъ, опредѣленномъ смыслѣ этого слова, въ которомъ оно употребляется въ памятникахъ нашего законодательства до Петра Великаго) есть основная, общая, и по своему происхожденію древнѣйшая форма русскаго гражданскаго судопроизводства.

По внѣшней сторонѣ, судъ есть юридическій споръ двухъ тяжущихся въ присутствіи судей [3]). Поэтому нѣтъ суда, когда

[1]) Улож. гл. IV, ст. 4; — гл. X, ст. 22, 108, 109, 189, 192, 245, 247, 353, 256, 259, 261; — гл. XXIV, ст. 1.

[2]) Выраженіе *дѣло* весьма часто подаетъ поводъ къ самымъ ошибочнымъ толкованіямъ. Оно иногда означаетъ искъ, развивающійся въ процессѣ; иногда вообще всякаго рода дѣлопроизводство. Поэтому, при чтеніи источниковъ, не должно придавать этому слову по произволу то или другое значеніе, а должно выводить его изъ общаго смысла мѣста, въ которомъ оно употребляется. Мы увидимъ въ послѣдствіи какимъ важнымъ заблужденіямъ подало поводъ произвольное толкованіе выраженія. *сыскное, розыскное дѣло.*

Отсюда слѣдующія выраженія: *судъ судити.* Оно съ перваго взгляда кажется плеоназмомъ; но въ самомъ дѣлѣ судьи судили судъ, т. е. этотъ юри-

нѣтъ юридическаго спора передъ судьями[1]); судъ начинается, когда начинается споръ (Улож. гл. X, ст. 116 и др.); судъ прекращается, когда прекращается этотъ споръ (Улож. гл. X, ст. 123 и др.). Итакъ въ Уложеніи судъ является юридическимъ, опредѣленнымъ моментомъ всего гражданскаго судопроизводства. Но эту опредѣленность получилъ онъ уже въ позднѣйшія времена. Всматриваясь въ него глубже, мы открываемъ въ немъ самую естественную, простую, общую всѣмъ народамъ и древнѣйшую обычную форму судопроизводства. Поэтому-то нигдѣ и нѣтъ логическаго ея опредѣленія; корень этой формы — изстаринный обычай, который жилъ въ народномъ сознаніи; вотъ почему о судѣ упоминается въ древнѣйшихъ источникахъ русскаго права[2]); законодательство только опредѣлило и юридически установило его внѣшнюю, формальную сторону.

По внутренней, юридической сторонѣ судъ есть форма чисто-обвинительнаго, гражданскаго процесса.

1) Судъ никогда не открывался по произвольному назначенію или предписанію судьи, но всегда по просьбѣ истца; безъ этой просьбы судъ не могъ имѣть мѣста. Отсюда выраженіе **дати судъ**.

дическій споръ тяжущихся. Далѣе: *судомъ судить, передъ судьею искать или отвѣчать, обвинить или оправдать не по суду, вершити дѣло по суду* и проч. — Улож. гл. X, ст. 105: «А кого судьи велятъ поставити *къ суду и истцу и отвѣтчику ставъ передъ судьями искати и отвѣчати* вѣжливо и смирно и не шумно, *и передъ судьями* никакихъ невѣжливыхъ словъ не говорити *и межъ себя* не бранитися».

[1]) Улож. гл. X, ст. 22. — Теперь подъ именемъ *суда* мы разумѣемъ обыкновенно присутственное мѣсто, гдѣ разбираются и рѣшаются спорныя дѣла. Но въ древнихъ источникахъ слово *судъ* никогда и нигдѣ не употребляется въ этомъ смыслѣ («а будетъ кто ни буди *пришедъ въ который приказъ къ суду*». Улож. гл. X, ст. 106). — Ср. Улож. гл. X, ст. 109.

[2]) Такъ въ Русской Правдѣ, договорной грамотѣ смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, 1228 года, и т. д.

2) Доказывать и опровергать искъ было дѣломъ тяжущихся. Поэтому они изыскивали и приводили доказательства въ свою пользу. Если какія-нибудь доказательства были ими пропущены умышленно, или неумышленно, судья не напоминалъ имъ объ этомъ, и рѣшалъ спорное дѣло на основаніи однихъ тѣхъ доказательствъ, которыя были ими представлены.

3) Дѣятельность судьи въ отношеніи къ тяжущимся и спорному дѣлу ограничивалась: а) администраціею суда. Онъ назначалъ время, въ которое долженъ былъ начаться судъ. Въ продолженіе самаго суда назначалъ, кому должно говорить. Изъ правыхъ грамотъ мы видимъ, что когда одинъ тяжущійся оканчивалъ изложеніе иска, или доводовъ, судья обращался къ другому и говорилъ ему: отвѣчай. Итакъ, внѣшняя, формальная сторона суда, установленіе его и опредѣленіе правильнаго его хода было дѣломъ судьи, а не тяжущихся. b) Опредѣленіемъ силы и дѣйствительности доказательствъ, приводимыхъ тяжущимися. Эта дѣятельность судьи была юридическая. Онъ взвѣшивалъ доказательства и оцѣнялъ ихъ по ихъ внутреннему и относительному достоинству. Такимъ образомъ, если тяжущіеся представляли крѣпости, или какіе-нибудь письменные документы, судья разсматривалъ ихъ въ судѣ. Въ періодъ Уложенія образовались многія правила, опредѣляющія взаимныя отношенія доказательствъ (на прим. послѣ ссылки на обыскъ нельзя было ссылаться на свидѣтелей и т. д.). На основаніи этихъ правилъ, доказательство, само по себѣ признаваемое закономъ и обычаемъ, не имѣло силы послѣ другаго какого-нибудь доказательства. И это относительное достоинство доказательствъ опредѣлялъ судья. Поэтому судья, на основаніи дѣйствующаго права, иногда не принималъ приводимаго доказательства, или, что все равно, объявлялъ его недѣйствительнымъ, но никогда не приводилъ вмѣсто его другаго, ни въ пользу истца, ни въ пользу отвѣтчика.

Вотъ въ чемъ заключалась внутренняя, юридическая сторона суда въ періодъ Уложенія. Этотъ чисто-обвинительный, чисто-гражданскій характеръ древняго суда объясняется:

1) Исторіею происхожденія судей, вѣдавшихъ судъ во времена Уложенія. Гражданскіе судьи временъ Уложенія были, по своему происхожденію, судьи княжескіе. Говоря о судоустройствѣ, мы сказали, что правители областей и городовъ издревле назначались княземъ, и завѣдывали первоначально частью военною, финансовою и полицейскою. Поэтому и судомъ завѣдывали они только въ отношеніи финансовомъ и административномъ: взыскивали пошлины и давали судъ. Это первоначальное, древнѣйшее значеніе княжескихъ правителей было, безъ сомнѣнія, одною изъ важнѣйшихъ причинъ развитія чисто-обвинительной формы гражданскаго судопроизводства въ законодательствѣ [1]).

2) Самымъ существомъ гражданскихъ правъ, составляющихъ исключительную, полную, неотъемлемую принадлежность частныхъ лицъ, и потому вносящихъ въ гражданское судопроизводство по преимуществу элементъ обвинительный, гражданскій.

Мы сказали, что судомъ судились въ періодъ Уложенія всѣ дѣла гражданскія. Но какія дѣла почитались гражданскими — это трудно рѣшить. Трудность заключается въ слѣдующемъ:

1) Мѣрило, по которому одни нарушенія права должно относить къ уголовнымъ преступленіямъ, а другія къ гражданскимъ, имѣетъ въ большей части случаевъ историческое основаніе. Отсюда невозможность подвести его подъ извѣстныя, опредѣленныя юридическія начала. Въ этомъ мѣрилѣ отражается вся предыдущая жизнь народа, со всѣми ея направленіями, оттѣнками и случайностями.

[1]) Рѣчь объ Уложеніи, проф. Морошкина, стр. 57.

2) Это мнѣніе вполнѣ вѣрно въ отношеніи къ русскому законодательству временъ Уложенія. Въ немъ были смѣшаны начала, внесенныя греческимъ правомъ, начала, развившіяся вслѣдствіе утвержденія и возрастанія государства и государственной власти, и начала древнѣйшія, обычныя, изъ коихъ нѣкоторыя уже утратили прежній смыслъ и значеніе. Всѣ они существовали одно возлѣ другаго, не соглашенныя между собою, и не приведенныя въ одно органическое, живое цѣлое.

3) Итакъ, для рѣшенія вопроса, какія дѣла судились въ періодъ Уложенія судомъ гражданскимъ, остается только одно средство: ограничиться исчисленіемъ дѣлъ, не восходя къ юридическимъ началамъ, по которымъ они отнесены къ дѣламъ гражданскимъ. Но и на этомъ пути представляются важныя препятствія: а) Въ Уложеніи и Законахъ этого періода изрѣдка, и большею частію мимоходомъ, говорится о формѣ судопроизводства, которою судились извѣстныя спорныя дѣла [1]. b) Лучшимъ и почти единственнымъ источникомъ остаются слѣдовательно рѣшеныя дѣла. Этотъ богатый источникъ правовѣдѣнія еще до сихъ поръ мало доступенъ для частныхъ лицъ.

[1]) Именно потому, что въ Уложеніи мало обращено вниманія на то, какія дѣла должно почитать уголовными и какія гражданскими, — выраженія, которыми опредѣляется форма судопроизводства въ извѣстномъ, данномъ случаѣ, очень неопредѣленны и сбивчивы; напр. Улож. гл. XX, ст. 21: «А кто возметъ на полнаго, или на докладнаго или на стариннаго холопа кабалу не опытавъ, безъ отпускныя, и того холопа *по сыску* отдати тому, чья крѣпость старѣе». Здѣсь сказано *по сыску*. А изъ множества другихъ мѣстъ извѣстно, что дѣла о холопяхъ судились *судомъ*. Подъ сыскомъ должно поэтому разумѣть не форму судопроизводства, а удостовѣреніе въ фактѣ на основаніи доказательствъ. Выраженіе не точно. Подобныхъ примѣровъ много въ Уложеніи. См. гл. VII, ст. 32; — гл. X, ст. 27, 235 и т. д. — Нерѣдко употребляется совершенно неопредѣленное выраженіе: *а сыщется про то допряма*. Какою формою судопроизводства сыскивали въ этихъ случаяхъ, остается неизвѣстнымъ, если нѣтъ другихъ мѣстъ, поясняющихъ это выраженіе. См. Улож. гл. X, ст. 5; — гл. III, ст. 1, 9; — гл. VI, ст. 2; — гл. VII, ст. 22; — гл. X, ст. 148 и т. д.

По всѣмъ изложеннымъ причинамъ мы ограничимся простымъ исчисленіемъ тѣхъ дѣлъ, которыя, по свидѣтельству Уложенія и послѣдующихъ законовъ, судились судомъ и слѣд. относились къ числу дѣлъ гражданскихъ. Но предварительно считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія объ отношеніи, существовавшемъ въ настоящій періодъ между извѣстною формою судопроизводства, и дѣлами, которыя судились по этой формѣ.

По Уложенію, какъ мы видѣли, гражданскіе иски нерѣдко сливались съ уголовными въ одинъ искъ, и судились вмѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣла уголовныя судились судомъ гражданскимъ[1]), а гражданскія дѣла уголовнымъ[2]).

1) Основаніе этой аномаліи заключалось въ томъ, что форма судопроизводства опредѣлялась главнымъ, основнымъ искомъ. Такъ искъ о татьбѣ или разбоѣ былъ всегда главнымъ, а искъ о вещахъ, взятыхъ татьбою или разбоемъ, второстепеннымъ. Если главный искъ былъ уголовный, то дѣла судились уголовнымъ процессомъ; если гражданскій, то гражданскимъ.

2) Основанія, по которымъ изъ двухъ исковъ, соединенныхъ въ одинъ, одинъ искъ почитался главнымъ, другой второстепеннымъ, были различны. Для дѣлъ гражданскихъ, соединенныхъ съ уголовными исками и рѣшаемыхъ судомъ уголовнымъ, такимъ основаніемъ естественно служила бóльшая важность уголовныхъ дѣлъ, въ сравненіи съ гражданскими. Но когда уголовное дѣло, въ соединеніи съ гражданскимъ, судилось гражданскимъ процессомъ, то основаніемъ могло быть:

[1]) Напр. Улож. гл. VII, ст. 30: «А будетъ кто ратные люди... станутъ грабити и учинятъ смертное убійство, или женскому полу насильство... *и по суду и по сыску* про то ихъ воровство сыщется допряма...» Также гл. X, ст. 133 и др.

[2]) Такъ напр. всѣ иски о покраденныхъ, или разбоемъ взятыхъ вещахъ, по поличному (см. Улож. гл. XXI) и т. д.

a) Намѣреніе преступника. Улож. гл. XXII, ст. 17: «А будетъ кто... наскачетъ на лошади на чью жену, и лошадью ея стопчетъ и повалитъ, и тѣмъ ея обезчеститъ, или ея тѣмъ боемъ изувѣчитъ, и беременная будетъ жена отъ того его бою дитя родитъ мертво, а сама будетъ жива, а съ суда сыщется про то до пряма... А будетъ отъ того его бою та жена и сама умретъ...»

Бой и увѣчье судились по Уложенію судомъ. А какъ убійство, по самому свойству преступленія, не составляло главной цѣли преступника, и было, такъ сказать, случайнымъ послѣдствіемъ боя, то все это дѣло разсматривалось какъ дѣло гражданское, и судилось поэтому гражданскимъ судомъ (см. 1-ое прим. на 118 стр.).

b) Невозможность вчинять уголовный процессъ. Улож. гл. X, ст. 133: «А будетъ кто помѣстной и вотчинной и прожиточной человѣкъ всякого чину учнетъ похвалятися на кого смертнымъ убивствомъ, и тотъ, на кого онъ похвалится, учнетъ Государю бити челомъ, чтобы Государь велѣлъ ему на того, кто на него похвалится, дати опасную грамоту съ большею заповѣдью... и тому дати такая опасная грамота. Да будетъ за такою грамотою и за заповѣдью тотъ, на кого та грамота будетъ дана, того, кто на него билъ челомъ, самъ убьетъ, или по его наученью кто иной его убьетъ, и того убитого женѣ и дѣтемъ и роду и племени его на того убойца дати судъ, а съ суда сыскати»[1]). По Уложенію убій-

[1]) Слова: «да будетъ за такою грамотою и за заповѣдью тотъ, на кого та грамота будетъ дана, того, кто на него билъ челомъ, самъ убьетъ, или по его наученью кто иной его убьетъ, того убитого женѣ и проч. на того убойца дати судъ» — не точны; ибо еслибъ было извѣстно, что онъ убилъ челобитчика, то не для чего было давать судъ; далѣе: еслибъ убійца и былъ извѣстенъ, то de facto, а не de jure. Слѣд. юридически эта извѣстность до суда не существуетъ. Это доказывается послѣдующими словами той же статьи: «Да будетъ сыщется про то до пряма, что того, кому дана опасная грамота, убилъ

ство судилось розыскомъ. Но розыскъ объ убійствѣ могъ имѣть мѣсто только въ такомъ случаѣ, когда убійца или былъ извѣстенъ (захваченъ во время преступленія), или по закону предполагался убійцею (по поличному, язычной молкѣ или лихованнымъ обыскамъ). Кромѣ этихъ случаевъ нельзя было судить кого-либо въ убійствѣ судомъ уголовнымъ. Поэтому, въ приведенномъ нами случаѣ, наслѣдникамъ убитаго оставалось одно средство: уличить подозрѣваемаго ими убійцу судомъ гражданскимъ. Замѣтимъ, что такой искъ, по основанію своему, имѣетъ чисто-гражданскій характеръ; истцы ищутъ на отвѣтчикѣ заповѣди по опасной грамотѣ, слѣд. по обязательству съ неустойкою, и выигрываютъ процессъ, если докажутъ, что договоръ нарушенъ. Итакъ въ этомъ искѣ убійство является какъ обстоятельство, нарушающее договоръ, которое обязаны истцы доказать, чтобъ требовать уплаты «заповѣди» [1]).

3) Наконецъ, кромѣ татьбы и разбоя, которые сначала судились гражданскимъ судомъ, «если истцы бьютъ челомъ имянно безъ поличнаго и безъ язычной молки и не по лихованнымъ обыскамъ», и уже потомъ уголовнымъ «будетъ въ Судномъ приказѣ сыщется, что тѣ дѣла разбойныя дошли до пытокъ» — всѣ спорныя дѣла судились однимъ судомъ, а не двумя. Поэтому, если два дѣла, уголовное и гражданское, сливались въ

тотъ самъ, на кого дана опасная грамота, или по его наученью кто иной то смертное убивство учинитъ...»

[1]) Замѣчательно, что по убійствамъ, о которыхъ упоминается въ Уложеніи гл. VII, ст. 30, гл. X, ст. 133, и гл. XXII, ст. 17, убійцы, кажется, не отсылались въ Разбойный приказъ для пытокъ. Съ перваго взгляда это противорѣчитъ гл. XXI, ст. 49 Уложенія; но на самомъ дѣлѣ противорѣчія нѣтъ. Убійцы, о которыхъ говорится въ этихъ статьяхъ, не подходятъ подъ категорію убійцъ, упоминаемыхъ въ XXI главѣ Уложенія. Во 1-хъ, умыселъ ихъ обнаруживался уже судомъ; во 2-хъ, они не принадлежали къ числу татей или разбойниковъ. Однако нѣтъ сомнѣнія, что еслибы эти убійцы были схвачены на самомъ преступленіи и представлены въ Губную избу, то они судились бы судомъ уголовнымъ. (Улож. гл. XXI, ст. 69, 71, 73.)

одно, то оба судились или однимъ уголовнымъ, или однимъ гражданскимъ судомъ.

Судомъ разбирались и рѣшались дѣла:

a) О правахъ вещныхъ. О правѣ собственности на землю или вотчину [1]), строеніе [2]), на крестьянъ и бобылей [3]), на холопей [4]), домашнихъ животныхъ: лошадей, коровъ, птицъ и всѣ движимыя, даже покраденныя и разбоемъ взятыя, когда законъ, по какой бы то ни было причинѣ, запрещалъ вчинять о нихъ уголовный процессъ [5]); о правахъ на чужую вещь; о вещныхъ гражданскихъ повинностяхъ (servitutes reales) [6]); закладѣ [7]).

b) О правахъ по обязательствамъ. 1) По обязательствамъ вслѣдствіе договора: о займѣ [8]), ссудѣ [9]), поклажѣ [10]), наймѣ [11]) и вообще всякаго рода обязательствамъ, возникшимъ изъ договора [12]). 2) По обязательствамъ вслѣдствіе преступле-

[1]) Улож. гл. X, ст. 211, 212, 213, 236, 244; — гл. XVII, ст. 13, 27, 30, 31, 33; — гл. XVIII, ст. 58.

[2]) Улож. гл. X, ст. 244.

[3]) Улож. гл. XI, ст. 2, 3, 5, 8, 10, 12, 17, 21, 25, 27, 28, 29, 34; — гл. XIX, ст. 38; — гл. XX, ст. 6.

[4]) Улож. гл. XVIII, ст. 58; — гл. XIX, ст. 38; — гл. XX, ст. 4, 20, 25, 28, 29, 47, 54, 55, 57, 59, 60, 67, 75, 79, 81, 87, 88, 90, 91, 94, 96, 101, 103, 109, 111, 119.

[5]) Улож. гл. XI, ст. 14, 25, 29; — гл. XX, ст. 17, 38, 55, 57, 67, 91, 93, 96; — гл. X, ст. 285; — гл. XXI, ст. 49, 51, 52, 59, 88, 91; — гл. XXIV, ст. 3 (1). — См. и другія статьи, особливо въ главѣ X.

[6]) Улож. гл. X, ст. 238, 279.

[7]) Улож. гл. X, ст. 194, 197; — гл. XVII, ст. 32, 33.

[8]) Улож. гл. X, ст. 189, 245, 246, 247, 253, 256—261; — гл. XIX, ст. 18.

[9]) Улож. гл. X, ст. 189; — гл. XI, ст. 23; — гл. XVIII, ст. 39; — гл. XIX, ст. 18.

[10]) Улож. гл. X, ст. 189, 190, 192, 194; гл. XVIII, ст. 39.

[11]) Улож. гл. X, ст. 274.

[12]) Улож. гл. X, ст. 133, 135, 141, 193, 245, 276; — гл. XI, ст. 23.

нія: о брани[1]), безчестьи[2]), боѣ, увѣчьи и ранахъ[3]), грабежѣ[4]), поджогѣ[5]), насильствѣ[6]), разореньи[7]), вообще о всякаго рода обидахъ[8]) и убыткахъ[9]).

II. Очныя ставки[10]). Очныя ставки, какъ форма гражданскаго судопроизводства, имѣютъ двойственный характеръ. По существу своему онѣ суть не что иное, какъ обвинительная форма судопроизводства, и въ этомъ смыслѣ не различаются отъ суда. Напротивъ, по нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ, онѣ должны быть причислены къ формамъ уголовнаго, инквизиціоннаго процесса. Эти признаки суть слѣдующіе:

а) Очными ставками называется форма уголовнаго процес-

1) Улож. гл. IX, ст 3.

2) Улож. гл. X, ст. 29, 30, 31, 85, 90, 94, 99, 133, 136, 142, 280, 281; — гл. XXII, ст. 11, 17; — гл. XXIII, ст. 3.

3) Улож. гл. IX, ст. 3. — гл. X, ст. 134, 136, 142, 186, 207, 281; — гл. XVIII, ст. 39; — гл. XXII, ст. 11, 17.

4) Улож. гл. VII, ст. 30; — гл. IX, ст. 3; — гл. X, ст. 136, 179, 186, 270; — гл. XVIII, ст. 39; — гл. XX, ст. 4, 65.

5) Улож. гл. X, ст. 223; — гл. XX, ст. 4.

6) Улож. гл. VII, ст. 6, 30; гл. X, ст. 207, 208, 210—216, 218, 220, 221, 222, 231, 238, 242, 279. — Насильственное завладѣніе чужой земли и угодьевъ, убытки, бой, грабежъ и смертныя убійства, совершаемыя при этомъ завладѣніи, по писцовому наказу 1684 года «?» апрѣля (№ 1074), п. 67, велѣно судить розыскомъ и очными ставками.

7) Улож. гл. XX, ст. 4.

8) Улож. гл. VII, ст. 6; — гл. X, ст. 184, 207, 229.

9) Улож. гл. VII, ст. 6, 7; — гл. IX, ст. 12, 13; — гл. X, ст. 118, 133, 140, 142, 155, 207, 208, 209, 210, 214, 217, 221, 223, 238, 240, 242, 281, 284, 291.

10) Источники для ученія объ очныхъ ставкахъ въ спорныхъ гражданскихъ дѣлахъ чрезвычайно скудны. Къ сожалѣнію, мы не могли пользоваться правыми грамотами и судными списками по спорнымъ помѣстнымъ и вотчиннымъ дѣламъ изъ временъ Уложенія, и потому должны были ограничиться немногими статьями Уложенія, въ которыхъ упоминается объ очныхъ ставкахъ, немногими извѣстіями въ Новоуказныхъ статьяхъ, и наконецъ одною рукописною судною грамотою 1676 года, мая 31-го, данною думному дворянину Абраму Никитичу Лопухину на помѣстье въ Курмышскомъ уѣздѣ.

са, которая вмѣстѣ съ разспросомъ и пыткою образуетъ то, что̀ въ періодъ Уложенія носитъ техническое названіе розыска. Въ источникахъ судъ никогда не называется очными ставками и очныя ставки судомъ; оба эти названія вездѣ различаются [1]).

b) По спорнымъ гражданскимъ дѣламъ, которыя судились очными ставками, присяга не допускалась, а въ дѣлахъ, судимыхъ судомъ, присяга была обыкновеннымъ и весьма употребительнымъ доказательствомъ.

c) Послѣ очныхъ ставокъ истцы и отвѣтчики могли подавать въ свое оправданіе дополнительныя челобитныя, и онѣ принимались въ соображеніе при рѣшеніи спорнаго дѣла. Но послѣ суда такихъ дополнительныхъ челобитенъ принимать не велѣно (Улож. гл. X, ст. 21).

d) Наконецъ по дѣламъ, рѣшаемымъ очными ставками, съ виновнаго не взимались судныя пошлины [2]).

Всѣ эти признаки, по которымъ судъ отличался отъ очныхъ ставокъ, и самое названіе послѣднихъ доказываютъ, что онѣ не составляютъ отдѣльной формы судопроизводства отъ очныхъ ставокъ, которыя употреблялись въ уголовномъ процессѣ; ибо въ XXI главѣ Уложенія не упоминается при очныхъ ставкахъ о присягѣ, пошлинахъ съ подсудимыхъ и ограниченіяхъ обвиняемаго въ подачѣ дополнительныхъ челобитенъ. Поэтому весьма вѣроятно, что очныя ставки — форма уголовнаго судопроизводства — перенесены на нѣкоторыя спорныя гражданскія дѣла, соотвѣтственно съ характеромъ этихъ дѣлъ, и сами мало-по-малу обратились въ форму гражданскаго судопроизводства.

[1]) Улож. гл. XX, ст. 25; — 1683 года, 13 іюня (№ 1022); именный съ боярскимъ приговоромъ; — 1683 года, 3 мая (№ 1010); именный. — 1683 года, 22 іюня (№ 1029); именный съ боярскимъ приговоромъ.

[2]) 1683 года, 13 іюня (№ 1022); именный съ боярскимъ приговоромъ. — 1683 года, 3 мая (№ 1010); именный.

Возможность такого измѣненія заключается въ самомъ существѣ ихъ. Вѣроятно въ нихъ прежде соединялись оба элемента судопроизводства: обвинительный и слѣдственный. Между тяжущимися происходилъ на очныхъ ставкахъ споръ въ присутствіи судьи. Къ этому обвинительному началу присоединялось и слѣдственное: судья разспрашивалъ тяжущихся. Поэтому во многихъ мѣстахъ Уложенія, гдѣ говорится объ очныхъ ставкахъ, упоминается о разспросѣ [1]).

Двойственный характеръ очныхъ ставокъ объясняетъ причину, почему эта форма судопроизводства стала употребляться въ рѣшеніи спорныхъ гражданскихъ дѣлъ (помѣстныхъ и вотчинныхъ), тогда какъ для нихъ издревле существовалъ с у д ъ. Вѣроятно (хотя мы и не имѣемъ на то положительныхъ, историческихъ указаній) изъ спорныхъ гражданскихъ дѣлъ помѣстныя начали сперва судиться очными ставками. Помѣстья были земли государевы; поэтому споры о помѣстьяхъ имѣли болѣе государственный, нежели частный, гражданскій характеръ. По Уложенію, дѣла о помѣстьяхъ судились очными ставками, дѣла о вотчинахъ судомъ [2]). Но потомъ, когда помѣстья начали мало-по-малу принимать болѣе частный, гражданскій, вотчинный характеръ, очныя ставки стали употребляться и въ спорныхъ дѣлахъ о вотчинахъ. Вслѣдствіе этого, отношеніе между судомъ и очными ставками сдѣлалось неопредѣленнымъ. Возникъ вопросъ: въ какихъ случаяхъ судить спорныя вотчинныя и помѣстныя дѣла судомъ, и въ какихъ очными ставками? Изъ Новоуказныхъ статей, въ которыхъ рѣшенъ этотъ вопросъ, видно, что очныя ставки мало-по-малу замѣнили судъ въ спорныхъ дѣлахъ о вотчинахъ [3]). Въ 1683 году, 3 мая,

[1]) Техническое выраженіе: *ставити съ очей на очи и роспрашивати.* См. Улож. гл. X, ст. 7; — гл. XX, ст. 14; — гл. XXV, ст. 15 и др.

[2]) Улож. гл. XVI, ст. 54, 59.

[3]) Въ періодъ времени отъ Уложенія до единодержавія Петра Великаго раз–

именнымъ указомъ, запрещено въ Помѣстномъ приказѣ судить дѣла очными ставками, а вмѣсто ихъ велѣно давать судъ, «для того чтобъ пошлинныя деньги не пропадали, а истцомъ не повадно бъ было затѣвать и неправдою исковъ своихъ лишку приписывать». Но въ томъ же году, 13 іюня, спорныя помѣстныя и вотчинныя дѣла опять велѣно судить по прежнему очными ставками. Это положеніе удержалось до 1697 года.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о розыскѣ и его отношеніи къ спорнымъ гражданскимъ дѣламъ. Слово розыскъ имѣетъ много различныхъ значеній, и поэтому есть одинъ изъ самыхъ неопредѣленныхъ терминовъ. Оно дѣлается употребительнымъ, кажется, въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича. Въ Уложеніи оно встрѣчается только одинъ разъ, въ главѣ XVI, ст. 23, но вмѣсто его вездѣ употребляются въ Уложеніи слова сыскъ, сыскати, сыщется.

Оно означаетъ:

1) Удостовѣреніе въ подлинности какого-либо факта, на основаніи судебныхъ доказательствъ. Отсюда выраженія: «сыскать кѣмъ-либо» или «чѣмъ-либо» (Улож. гл. II, ст. 12; — гл. XX, ст. 24); «сыщется до пряма» (Улож. гл. XX, ст. 23); «по сыску» (Улож. гл. XX, ст. 15, 21); «сыскивати всякими сыски накрѣпко» (гл. II, ст. 16), и т. д.

2) Уголовное судопроизводство.

«Кому съ кѣмъ по чьему челобитью въ Помѣстномъ приказѣ доведется въ чемъ давать очныя ставки, и тѣмъ людемъ, вмѣсто очныхъ ставокъ межъ себя во всякихъ дѣлахъ, или съ

вилось слѣдующее правило, опредѣлявшее отношеніе между судомъ и очными ставками въ спорныхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ: право на помѣстье или вотчину должно разбираться и рѣшаться очными ставками, а связанныя съ этимъ денежныя требованія и обязательства (напр. зарядъ) — судомъ. 1677 года, 10 августа (№ 700); Новоуказныя статьи о вотчинныхъ дѣлахъ, п. 31. — 1683 года, іюня (№ 1022); именный съ боярскимъ приговоромъ.

кѣмъ, кромѣ татинныхъ и разбойныхъ и иныхъ дѣлъ, подобныхъ имъ, которыя надлежатъ къ розыску, давать судъ».

1683 года, 3 мая (№ 1010); именный.

3) Нѣкоторыя мѣста въ Новоуказныхъ статьяхъ подаютъ поводъ думать, что розыскъ былъ формою судопроизводства, которою судились дѣла гражданскія.

«Для челобитья всякихъ чиновъ людей про (сдаточныя) записи розыскивать въ Помѣстномъ приказѣ безъ суда».

1677 года, 10 августа (№ 700); Новоуказныя статьи о вотчинныхъ дѣлахъ, п. 31.

«На которыя купчія и закладныя учинится споръ и челобитье... и про тѣ купчія и закладныя розыскивать, и буде доведется, давать и очныя ставки».

1684 года, 7 февраля (№ 1060); именный съ боярскимъ приговоромъ. Ср. также 1684 года « » апрѣля (№ 1074), п. 1; Писцовый наказъ — 1682 года, 11 августа (№ 951); именный съ боярскимъ приговоромъ.

На основаніи этихъ мѣстъ вѣроятно и образовалось мнѣніе, будто бы крѣпостныя дѣла судились слѣдственнымъ порядкомъ. Очевидно, ошибка заключается въ неправильномъ толкованіи слова розыскъ; ибо изъ приведенныхъ мѣстъ видно только, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданскія дѣла судились и рѣшались безъ суда; тяжущіеся не являлись на лицо передъ судьею, а подавали просьбы и представляли въ доказательство иска крѣпости. Въ періодъ Уложенія крѣпости на недвижимыя только тогда почитались дѣйствительными, когда онѣ были внесены въ приказахъ въ записныя книги, слѣд. утверждены присутственнымъ мѣстомъ (Улож. гл. XVI, ст. 12; — гл. XVII, ст. 34, 36, 39. — 1670 года, 21 іюня (№ 475); именный съ боярскимъ приговоромъ). Такимъ образомъ, когда тяжущіеся о вотчинѣ или дворѣ представляли судьямъ крѣпо-

сти, на которыхъ основывали свой искъ, судьи розыскивали, т. е. справлялись въ записныхъ книгахъ, внесены ли въ нихъ представленныя крѣпости, и поэтому принимали ихъ за доказательства, или объявляли недѣйствительными. Итакъ, въ приведенныхъ мѣстахъ подъ словомъ розыскъ не только нельзя разумѣть слѣдственнаго судопроизводства, но онъ не означаетъ даже никакой формы судопроизводства.

Нельзя опредѣлить времени, когда дѣла гражданскія начали впервые рѣшаться безъ суда. Вѣроятно, что такой порядокъ введенъ первоначально въ отношеніи къ спорнымъ дѣламъ о помѣстьяхъ. Это доказывается тѣмъ, что по крѣпостямъ розыскивали безъ суда только въ Помѣстномъ приказѣ дѣла помѣстныя и вотчинныя. Всѣ прочіе крѣпостные иски о займахъ, поклажахъ, холопяхъ и др., по прежнему судились судомъ.

Розыскъ безъ суда и очныя ставки по спорнымъ и вотчиннымъ дѣламъ имѣли между собою извѣстное, по видимому правильное отношеніе. Кажется, въ большей части случаевъ розыскъ предшествовалъ очнымъ ставкамъ. Это доказываетъ выраженіе: «розыскивать, а буде доведется, давать и очныя ставки». Слѣд. къ нимъ прибѣгали, когда розыскомъ нельзя было рѣшить спора. Г-нъ Ивановъ говоритъ въ своемъ сочиненіи (Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей, въ Россіи существовавшихъ, М. 1836 стр. 72), что «при производствѣ спорныхъ помѣстныхъ дѣлъ, по коимъ впрочемъ не было представлено письменныхъ документовъ, обыкновенно давали доносителю или истцу съ отвѣтчикомъ очныя ставки». Это положеніе отчасти несправедливо, потому что, какъ видно изъ судныхъ грамотъ, очныя ставки давались и тогда, когда тяжущіеся основывали свои права на письменныхъ актахъ.

Быть-можетъ къ очнымъ ставкамъ прибѣгали, когда розыскъ не могъ рѣшить спора по недостатку данныхъ (напр.

когда записныя книги утерялись, сторѣли и т. д.) и судьямъ нѐпочему было повѣрять подлинности представляемаго письменнаго документа.

Отдѣленіе II.

ДВИЖЕНІЕ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

(ходъ процесса)

Движеніе каждаго гражданскаго процесса дѣлится на три рѣзко обозначенныхъ отдѣла или періода. Первый отдѣлъ начинается объявленіемъ (оглашеніемъ) иска, и продолжается до суда. Онъ можетъ быть названъ пріуготовительнымъ, потому что всѣ дѣйствія, предпринимаемыя въ продолженіе этого періода тяжущимися и судьею для процесса, клонятся къ тому только, чтобъ пріуготовить и сдѣлать возможнымъ начатіе, открытіе суда. Второй обнимаетъ судъ, отъ начала его и до окончанія.

Судъ есть главная, основная, существенная часть всего судопроизводства; ибо для него предпринимаются судьею и тяжущимися упомянутыя нами предварительныя дѣйствія. Наконецъ третій отдѣлъ начинается съ окончанія суда и оканчивается исполненіемъ приговора по спорному дѣлу. Онъ есть не что̀ иное какъ развитіе, осуществленіе суда. Итакъ судъ есть узелъ, связующій всѣ части судопроизводства и дающій органическую, стройную цѣлость всему гражданскому процессу. На этомъ основаніи мы раздѣлимъ ученіе о ходѣ гражданскаго судопроизводства на три части. Въ первой изложимъ развитіе гражданскаго судопроизводства до суда; во второй — развитіе его въ продолженіе суда, въ третьей — развитіе послѣ суда.

А.

Развитіе гражданскаго судопроизводства до суда.

I.

Приставная память.

Процессъ по спорнымъ гражданскимъ дѣламъ начинался подачею приставной памяти.

Подъ именемъ приставной памяти должно разумѣть письменное объявленіе о вчинаніи иска. Оно подписывалось истцомъ (Улож. гл. X, ст. 137) и подавалось имъ въ тотъ судъ, которому былъ подсуденъ отвѣтчикъ. Въ этомъ объявленіи означались: искъ, который намѣренъ былъ вчинять истецъ, и цѣна иска (Улож. гл. X, ст. 100), имя истца, имя отвѣтчика. Приставная память была не что̀ иное, какъ предварительное увѣдомленіе судьи о тяжбѣ, которую истецъ намѣревался начать съ извѣстнымъ лицомъ. Такое увѣдомленіе было необходимо для того, чтобъ судья могъ сдѣлать нужныя распоряженія для открытія и начатія суда: вызвать отвѣтчика и дать его на поруки. Подача приставной памяти необходимо должна была предшествовать вчинанію гражданскаго иска, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда отвѣтчикъ былъ на лицо въ судѣ, и слѣд. не было нужды вызывать его, а именно: 1) когда истецъ, тотчасъ же по окончаніи суда въ одномъ дѣлѣ, вчинялъ противъ того же отвѣтчика другой искъ (Улож. гл. X, ст. 103); 2) когда немедленно по окончаніи суда отвѣтчикъ, «не сходя съ суда», объявлялъ искъ противъ истца. Такъ по Уложенію.

Возможность вчинять искъ безъ подачи приставной памяти подавала поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ. Проигравшій процессъ нерѣдко, съ досады, вчинялъ противъ своего противника «недѣльные, поклепные иски» для того только, чтобъ

вовлечь его въ хлопоты и издержки, и тѣмъ отмстить за свою неудачу. Чтобъ отвратить это, постановлено общимъ правиломъ, что вообще гражданскій искъ не можетъ быть вчиняемъ, если онъ предварительно не объявленъ въ приставной памяти. Кто намѣревался вчинять противъ одного и того же лица нѣсколько исковъ вмѣстѣ, тотъ долженъ былъ всѣ эти иски показать въ приставной памяти; который искъ былъ пропущенъ въ приставной памяти, въ томъ не велѣно давать суда. О встрѣчныхъ искахъ отвѣтчикъ долженъ былъ подавать приставную память «въ то время, какъ онъ станетъ по себѣ поручную запись въ статьѣ къ суду сбирать». По встрѣчнымъ искамъ, не показаннымъ въ этой приставной памяти, также не велѣно давать суда. Съ этого времени приставная память сдѣлалась необходимою принадлежностію гражданскаго иска, а не повѣсткою для вызова къ суду отвѣтчика. Она сдѣлалась объявленіемъ, явкою объ искѣ; поэтому иски, не обозначенные въ ней, называются въ указѣ неявленными[1]).

Названіе приставной памяти можетъ быть различно объясняемо. Оно происходитъ или отъ слова «приставить», что̀ въ нашей древней юридической терминологіи значило «вчинять искъ» (Улож. гл. X, ст. 111, 103, 179); или отъ «приставъ» — чиновника, состоявшаго при судьяхъ, котораго главная должность состояла въ вызовѣ къ суду тяжущихся. Въ первомъ случаѣ слово приставная память могло значить: памятная записка о процессѣ; во второмъ — памятная записка для пристава[2]).

[1]) 1682 года, 17 ноября (№ 968); именный съ боярскимъ приговоромъ, помѣченный думнымъ дьякомъ. Итакъ, отношеніе приставной памяти къ гражданскому иску сдѣлалось одинаково съ отношеніемъ письменной явки о покраденныхъ и разбоемъ взятыхъ движимыхъ (животахъ) — къ уголовному иску объ этихъ движимыхъ. Улож. гл. XXI, ст. 51.

[2]) Приставныя памяти, помѣщенныя въ Юридическихъ Актахъ, начинаются такъ: *память приставу*. См. №№ 55 и 56.

Приставная память подавалась дьяку. Дьякъ подписывалъ ее, вносилъ въ записную книгу въ самый день подписанія, а потомъ или отдавалъ приставу, для вызова по ней къ суду отвѣтчика (Улож. гл. X, ст. 100, 137), или по ней давалась истцу на отвѣтчика государева зазывная грамота.

II.

Вызовъ къ суду.

Вызовъ къ суду изложенъ очень сбивчиво, неопредѣленно, съ противорѣчіями и несообразностями. Всѣ эти недостатки объясняются тѣмъ, что Уложеніе, по главному своему назначенію, есть Уложеніе Москвы. Поэтому въ немъ излагается вызовъ къ суду въ московскіе приказы, и притомъ не одинъ, а два различныхъ вызова: 1) въ самой Москвѣ и 2) изъ городовъ «къ Москвѣ».

1) Для вызова отвѣтчиковъ къ суду были въ періодъ Уложенія особливые чиновники; въ Москвѣ они были при каждомъ приказѣ [1]); въ городахъ при воеводахъ (Акт. Юрид. № 289); въ волостяхъ при волостныхъ судьяхъ (Акт. Юрид. № 283). Эти чиновники вообще назывались приставами [2]); но между ними было различіе. — Въ Москвѣ, одни приставы назывались недѣльщиками [3]). Это названіе получили они отъ того, что они отправляли свою должность понедѣльно [4]); другіе называ-

[1]) Улож. гл. X, ст. 147: «*А быть недѣльщикомъ во всѣхъ приказѣхъ* за крѣпкими поруками».

[2]) Улож. гл. X, ст. 113, 120, 123, 137, 138—142.

[3]) Улож. гл. X, ст. 142. — Изъ ней видно, что *приставъ* и *недѣльщикъ* одно и то же лице. Ст. 147, 148 и мн. др.

[4]) Татищевъ, въ примѣчаніяхъ къ Судебнику § 8 примѣч. (б); Рейцъ, Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- und Rechts-Verfassung, § 48, примѣч. 4). — Отсюда слѣдующія выраженія: *пу-*

лись **заговорщиками**, потому что служили въ приставахъ по уговору съ недѣльщиками [1]) и были ихъ товарищи. — Заговорщики избирались самими недѣльщиками («кто кому вѣритъ»); каждый недѣльщикъ имѣлъ своихъ заговорщиковъ (по Судебнику семь человѣкъ, не болѣе. Судебникъ § 47), которыхъ дьякъ записывалъ въ книгу, «чтобы недѣльщики своихъ заговорщиковъ не отпиралися» [2]). Если недѣльщикъ, или одинъ изъ его заговорщиковъ, наносилъ кому-нибудь убытки, то за нихъ отвѣчали всѣ прочіе заговорщики.

Такимъ образомъ недѣльщикъ и его заговорщики были связаны съ нимъ и между собою взаимнымъ довѣріемъ и отвѣтственностію [3]).

стить въ недѣли; какъ недѣльщикъ изъ недѣли выдетъ; недѣли дѣлать. — Суд. § 47. — Улож. гл. X, ст. 148. — Поэтому сказано въ Судебникѣ: «А что заговорщикъ учинитъ кому какову продажу, или обиду, и уличатъ его въ томъ, и тѣ иски всѣ взяти на всѣхъ заговорщикахъ *тоя недѣли.* § 47.

[1]) Улож. гл. X, ст. 148: «А сколько у котораго недѣльщика будетъ товарищевъ, кому съ кѣмъ въ заговорѣ дѣлати».

[2]) Улож. гл. X, ст. 148: Званіе недѣльщиковъ и заговорщиковъ было выгодное, пользовое. Они получали за трудъ извѣстную, закономъ опредѣленную плату, которая называлась *хоженымъ,* когда приставъ вызывалъ къ суду отвѣтчика, живущаго въ городѣ («А *хоженаго* недѣльщику въ *городѣ* имати десять денегъ». Улож. гл. X, ст. 144), и *ѣздомъ* («за ѣздъ»), когда онъ жилъ въ уѣздѣ, или въ другихъ городахъ (Улож. гл. X, ст. 145). Именно потому, что должность пристава была выгодная, многіе частные люди ѣздили по городамъ и уѣздамъ подъ видомъ приставовъ (Судеб. § 47). Съ другой стороны, и недѣльщики вѣроятно отказывались въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ своихъ заговорщиковъ; ибо были обязаны отвѣчать за нихъ. Поэтому и постановлено еще въ Судебникѣ, а потомъ и въ Уложеніи, записывать «сколько у котораго недѣльщика будетъ товарищевъ, кому съ кѣмъ въ заговорѣ дѣлати».

[3]) Кромѣ названія *недѣльщика* и *заговорщика,* въ Уложеніи нѣтъ другихъ названій для пристава. Но въ Судебникѣ и источникахъ до Судебника такихъ названій много: *подвойскіе, позовники, доводчики, софьяны, биричи, разсылщики, ходаки, ѣздоки.* См. Рейца Versuch u. s. w. § 48, примѣч. 4). Судебникъ, § 47 и 48.

2) Приставъ посылался съ приставною памятью къ отвѣтчику. — Когда область, подсудная московскимъ приказамъ, была не слишкомъ велика, такой вызовъ отвѣтчика посредствомъ пристава не представлялъ никакого затрудненія. Но съ расширеніемъ области онъ долженъ былъ сдѣлаться затруднительнымъ; издержки по вызовамъ и число приставовъ должны были увеличиться. Чтобъ не посылать особаго пристава по каждому отдѣльному иску, въ Судебникѣ дозволено было писать въ одну приставную память до двадцати исковъ (Судебникъ § 44).

Отсюда должна была происходить большая проволочка для истцовъ; вызовъ къ суду нѣкоторыхъ отвѣтчиковъ долженъ былъ отъ этого происходить несравненно медленнѣе, нежели еслибы по каждому иску посылался особливый приставъ. Несмотря на всѣ эти неудобства, вызовъ тяжущихся въ Москву посредствомъ пристава продолжался весьма долго. Въ Судебникѣ есть роспись городовъ Московскаго государства (§ 46), въ которые изъ Москвы посылались приставы; изъ нея видно, что уже въ то время нѣкоторые изъ такихъ городовъ отстояли отъ Москвы на 700 верстъ и болѣе. Съ дальнѣйшимъ расширеніемъ границъ Русскаго царства эти разстоянія еще увеличились, и вызовъ къ суду посредствомъ приставовъ долженъ былъ сдѣлаться такъ неудобенъ, что наконецъ правительство нашло себя принужденнымъ замѣнить его другимъ. Этотъ новый вызовъ къ суду возлагался на самихъ истцовъ, слѣд. былъ частный; но онъ получалъ публичный характеръ выдачею истцу на этотъ вызовъ отъ правительства грамоты, которая называется въ Уложеніи зазывною. Когда образовался этотъ новый способъ вызова къ суду — мы не знаемъ; вѣроятно въ періодъ времени отъ Судебника до Уложенія; ибо въ Судебникѣ объ немъ не упоминается, а въ Уложеніи онъ является развитымъ и установившимся.

Вслѣдствіе образованія новаго вызова къ суду, прежній не уничтожился, но, кажется, ограничился; ибо отвѣтчиковъ, живущихъ въ отдаленныхъ городахъ, прежде вызывали посредствомъ приставовъ, а теперь стали вызывать посредствомъ зазывныхъ грамотъ [1]).

Однако неизвѣстно, какими именно городами ограничился прежній вызовъ къ суду; вѣроятно тѣми, которые находились въ ближайшемъ разстояніи отъ Москвы. За среднее разстояніе такихъ городовъ отъ Москвы принято въ Уложеніи 100 верстъ, но на самомъ дѣлѣ оно могло быть и больше и меньше [2]).

Изложимъ каждый изъ этихъ вызововъ въ особенности.

а) Вызовъ къ суду посредствомъ пристава.

На приставѣ, посылаемомъ для вызова къ суду отвѣтчика, лежала двоякая обязанность: объявить отвѣтчику приставную память и дать его на поруки къ суду.

«. . . отдати (приставную) память приставу, а ему по той памяти сыскавъ отвѣтчика, дати на поруки и къ суду отвѣтчика срочити безволокитно».

«А котораго отвѣтчика въ городѣ приставъ не сыщетъ, и приставу по того отвѣтчика итти къ его двору, и по приставной памяти дати его на поруку къ суду по тому же безволокитно» (Улож. гл. X, ст. 137).

«А будетъ который отвѣтчикъ учнетъ у пристава укрыватися, и во дворѣ у себя не учнетъ сказыватися, и приставу, взявъ съ собою товарищей, стеречь у двора его день и два и

[1]) Изъ Судебника мы видимъ, что въ Бѣлоозеро посылали приставовъ (§ 46), а въ 1694 году, на отвѣтчиковъ, живущихъ въ этомъ городѣ, давали зазывныя грамоты. См. Юридическіе Акты, № 57.

[2]) Улож. гл. X, ст. 148: «А ѣзду недѣльщикомъ имати на сто верстъ по полтинѣ, а гдѣ будетъ верстъ больши, или меньши того, и на тѣ версты ѣзду имати противъ тогоже, по розчету».

три. Да какъ тотъ отвѣтчикъ самъ, или человѣкъ его, или дворникъ съ двора сойдетъ, и того отвѣтчика, или человѣка его, или дворника, приставу взявъ привести въ приказъ, и сказати про него судьямъ; а судьямъ его потому же велѣти дати на поруки къ суду» (Улож. гл. X, ст. 138).

«А будетъ приставъ по приставной памяти отвѣтчика или его людей поимаетъ у воротъ его, или гдѣ на улицѣ, и станетъ по немъ просити поруки къ суду, или поведетъ его въ городъ, и тотъ отвѣтчикъ, или человѣкъ его у пристава отобьются, и приставу въ томъ мѣстѣ, гдѣ они у него отобьются, являти на нихъ окольнымъ людемъ и имена окольнымъ людемъ записавъ подати въ приказѣ судьямъ за своею рукою. А судьямъ велѣти тѣми окольными людьми сыскати. Да будетъ окольные люди въ сыску скажутъ, что они то видѣли, какъ тотъ отвѣтчикъ и люди его у пристава отбилися, и по того отвѣтчика послати подьячего отъ мѣста добраго, да съ нимъ того же пристава, кто по него ходилъ, и велѣти имъ, не доходя его двора, взяти съ собою понятыхъ, тутошнихъ стороннихъ людей, сколько человѣкъ пригоже, и съ тѣми понятыми велѣти имъ итти къ нему на дворъ, и на дворѣ ему приставную память вычесть и выговорити ему, что онъ то учинилъ не гораздо, отъ пристава отбился, и по приставной памяти поруки по себѣ не далъ; а выговоря ему велѣти его по приставной памяти приставу дати къ суду на поруки, а безъ поруки его не отпускати. Да будетъ онъ поруки по себѣ на дастъ и въ городъ не пойдетъ, и въ свое мѣсто не пошлетъ, учинится приставу силенъ, и отбився отъ пристава съ Москвы сбѣжитъ въ отчину или въ помѣстье, и у него взяти съ двора людей его или дворника, и велѣти ихъ дати на поруку, что имъ того своего боярина поставити въ приказѣ на срокъ, и въ томъ имъ дати поверстной срокъ по указу. Да будетъ тѣ люди по себѣ порука сберутъ, и имъ велѣти быти до сроку за поруками. Да будетъ тотъ ихъ

бояринъ для ихъ въ приказѣ объявится, и на него истцу дати судъ по челобитной» (Улож. гл. X, ст. 139).

«А будетъ по тѣхъ людехъ, которые послѣ его взяты будутъ въ приказъ съ двора его, поруки не будетъ, и тѣхъ его людей держати въ приказѣ до тѣхъ мѣстъ, какъ онъ самъ объявится. А будетъ онъ не объявится долгое время, хотя тѣмъ истца своего изволочити, а истецъ учнетъ бить челомъ, чтобы по него въ помѣстье его или въ вотчину послати пристава, и велѣти его приставу привести къ отвѣту къ Москвѣ съ собою вмѣстѣ, за поруками. А какъ приставъ къ Москвѣ его привезетъ, и ему за ослушаніе учинити наказаніе, что Государь укажетъ. А истцу на него дати судъ» (Улож. гл. X, ст. 140).

«А будетъ тотъ отвѣтчикъ у пристава и въ деревнѣ ухоронится, или учинится силенъ, и приставу въ его мѣсто привести съ собою человѣка, или его крестьянина, за поруками же. А будетъ у кого людей и крестьянъ нѣтъ, и взяти ему съ собою будетъ некого, и приставу о томъ въ приказѣ подати доѣздъ свой за своею рукою[1]). А судьямъ по той доѣздной памяти по того ослушника послати въ другіе инаго пристава, а къ Воеводѣ въ тотъ городъ, гдѣ тотъ ослушникъ живетъ, послати Государева грамота, чтобы Воевода на того ослушника приставу далъ стрѣльцовъ и пушкарей и затинщиковъ, сколько человѣкъ пригоже, чтобы приставу было съ кѣмъ такова ослушника изъимати. Да какъ приставъ того ослушника изъимавъ къ Москвѣ приведетъ, и тому ослушнику за его ослушаніе учинити наказаніе... А въ иску на него истцу дати судъ».

«А будетъ такой непослушникъ учинитъ также и въ третьіе, у пристава ухоронится, или учинится приставу силенъ, а по-

[1]) Здѣсь *доѣздъ* означаетъ донесеніе о причинахъ, по которымъ порученіе не могло быть выполнено; такой доѣздъ подавалъ приставъ въ свое оправданіе. Въ Юридическихъ актахъ (№ 365) помѣщено шесть доѣздныхъ памятей, но ни одна изъ нихъ не относится къ гражданскому судопроизводству.

слѣ того онъ сыщется, и по немъ истцовъ искъ . . . доправити безъ суда» (Улож. гл. X, ст. 141).

Такія правила вызова наблюдались, когда отвѣтчикъ укрывался отъ пристава и не давалъ по себѣ поруки. Они относились къ Москвѣ и московскимъ жителямъ, какъ видно изъ самаго ихъ изложенія и изъ названій судьи, приказъ, которыя относились преимущественно къ московскимъ приказамъ и судьямъ. Тѣ же самыя правила вызова вѣроятно дѣйствовали и во всѣхъ провинціяхъ и городахъ, быть-можетъ только съ нѣкоторыми измѣненіями по мѣстнымъ обычаямъ. Отвѣтчика, который не скрывался и не отбивался отъ пристава, отдавалъ приставъ на поруки.

Подъ именемъ «поруки къ суду» (Улож. гл. X, ст. 155), «поруки въ статьѣ къ суду» (гл. X, ст. 205), разумѣется въ нашихъ древнихъ памятникахъ обезпеченіе явки отвѣтчика къ суду, состоящее въ личномъ поручительствѣ. Ручались обыкновенно не одинъ, а многіе; ихъ представлялъ или самъ отвѣтчикъ («давать по себѣ поручную», гл. X, ст. 111), или вызывалъ приставъ («сбирать по комъ поручную», ст. 111); назывались они порутчиками (ст. 121). Предметъ поруки къ суду былъ различенъ: иногда поручики ручались только въ явкѣ къ суду[1]), иногда въ томъ, что отвѣтчикъ будетъ являться къ суду, пока судъ окончится («ставиться по вся дни, покамѣстъ дѣло вершится»)[2]). Въ случаѣ невыполненія отвѣтчикомъ того, въ чемъ ручались за него поручики, всѣ они вмѣстѣ, и каждый въ особенности, обязывались платить штрафъ (пеню)[3]), истцовъ искъ и убытки[4]). Обо всѣхъ этихъ усло-

[1]) Юридическіе акты № 307, III, V, VI.

[2]) Тамъ же I, IV, VIII. — Улож. гл. X, ст. 140.

[3]) Тамъ же III, V, VI, VII.

[4]) Тамъ же II, IV, VII. — Улож. гл. X, ст. 115, 116, 117, 155: «А правити истцовы иски на поручикахъ, которые порутчики будутъ въ лицахъ».

віяхъ поруки составлялась запись, которая, по своему содержанію, и называлась поручною (Улож. гл. X, ст. 111, 131). Она писалась площадными подъячими и дьячками, и подписывалась поручиками и свидѣтелями (послухами)[1]; въ ней необходимо должно было быть означено число, въ которое она составлена, потому что съ этого числа считался семидневный срокъ, въ который отвѣтчикъ былъ обязанъ явиться къ суду (Улож. гл. X, ст. 111).

По объявленіи отвѣтчику приставной памяти, и по отобраніи поручной записи, приставъ являлся въ приказъ, изъ котораго былъ посланъ, и доносилъ объ исполненіи своего порученія. Это донесеніе называлось сказкою и записывалось въ приказѣ (Улож. гл. X, ст. 110). Поручную запись долженъ былъ принести приставъ къ дьяку никакъ не позже другаго дня послѣ ея составленія; на ней дьякъ помѣчалъ годъ, мѣсяцъ и число, въ которое она представлена[2]). Вѣроятно, она отдавалась потомъ подъячему, у котораго должно было храниться судное дѣло; ибо то же самое производство соблюдалось при собираніи поручныхъ съ суда, о которыхъ мы будемъ говорить въ послѣдствіи (Улож. гл. X, ст. 114).

b) Вызовъ къ суду посредствомъ зазывныхъ грамотъ.

Вызовъ къ суду посредствомъ зазывныхъ грамотъ производился иначе, нежели вызовъ посредствомъ пристава. Въ послѣднемъ случаѣ отвѣтчика вызывалъ чиновникъ, посылаемый изъ приказа; въ первомъ — самъ истецъ, или кто другой, по его приказанію.

Зазывныя грамоты давались истцамъ, по ихъ просьбѣ, изъ приказовъ, на отвѣтчиковъ, живущихъ не въ Москвѣ, а по городамъ (Улож. гл. X, ст. 156). Онѣ писались на имя вое-

[1]) См. поручныя записи, напечатанныя въ Юрид. актахъ, № 307.

[2]) 1690 года, 27 января (№ 1363); именный съ боярскимъ приговоромъ.

воды того города, или уѣзда, гдѣ жилъ отвѣтчикъ; въ нихъ обозначалось имя истца, имя отвѣтчика, искъ, о которомъ подана истцомъ приставная память, и наконецъ заключалось повелѣніе воеводѣ, по полученіи грамоты, сыскать отвѣтчика, дать его на поруки и велѣть ему явиться къ суду въ срокъ, означенный въ грамотѣ (Улож. гл. X, ст. 116). Эти грамоты подписывались дьякомъ, справлялись, и потомъ выдавались истцу[1]). Истецъ посылалъ съ ними своего человѣка къ означенному воеводѣ. По передачѣ грамоты на ней отмѣчалось, кто и когда подалъ воеводѣ грамоту, и число, въ которое она записана въ книгу (Юрид. акты, № 57). По объявленіи отвѣтчику вызова, и по собраніи по немъ поручной записи, воевода посылалъ въ Москву, въ тотъ приказъ, который былъ означенъ въ зазывной грамотѣ, донесеніе объ исполненіи по грамотѣ (отписку) и поручную по отвѣтчикѣ[2]).

«А которые люди въ городѣхъ учнутъ чинитися сильны, на поруки даватися не учнутъ, и воеводы учнутъ на нихъ писати къ Государю, и по тѣмъ Воеводскимъ отпискамъ посылати въ городы Государевы грамоты къ Воеводамъ и велѣти по тѣхъ ослушниковъ посылати стрѣльцовъ, и пушкарей и затинщиковъ многихъ людей изъ ѣзду, и велѣти ихъ сыскивая приводити въ городъ. Да какъ такихъ ослушниковъ сыскавъ въ городъ приведутъ . . . и съ тѣхъ городовъ высылати ихъ за поруками къ Москвѣ. А какъ они на Москвѣ въ приказѣ объявятся, и имъ за ослушаніе чинити наказаніе . . . а судъ на нихъ давати по челобитнымъ» (Улож. гл. X, ст. 119).

Если отвѣтчикъ «чинился силенъ» противъ стрѣльцовъ, пушкарей и затинщиковъ, то они подавали о томъ воеводамъ

[1]) Юрид. акты, № 57. — Отсюда выраженіе: *дати по него истцу Государеву зазывную грамоту*. Улож. гл. X, ст. 114, 117.

[2]) Юридическіе акты, № 57. — Улож. гл. X, ст. 115, 117, 119, 120.

доѣздныя памяти, подписанныя ими самими и понятыми. Воеводы доносили о томъ въ Москву, въ приказъ, изъ котораго была послана зазывная грамота, и къ донесенію (отпискѣ) прилагали доѣздныя памяти. Тогда давалась истцу новая зазывная грамота, быть-можетъ по новой просьбѣ истца, какъ мы можемъ заключать изъ характера зазывныхъ грамотъ вообще, быть-можетъ по распоряженію приказа, безъ просьбы истца, одинаково съ трикратною посылкою пристава за непокорнымъ отвѣтчикомъ.

«А будетъ по которыхъ отвѣтчиковъ кому даны будутъ Государевы зазывные три грамоты, а они въ городѣхъ учинятся сильны, по Государевымъ потремъ грамотамъ поруки по себѣ недадутъ, и о томъ ихъ непослушаньѣ къ Государю Воеводы отпишутъ противъ всѣхъ трехъ грамотъ, и подъ отписками своими пришлютъ доѣздные памяти за руками тѣхъ людей, которые по нихъ изъ городовъ посланы будутъ, и за руками же стороннихъ людей, которые стороннiе люди будутъ въ понятыхъ, и сыщется про то допряма, что тѣ отвѣтчики впрямъ по тремъ Государевымъ грамотамъ учинилися непослушны, на поруки не дался, и по такихъ отвѣтчиковъ съ Москвы послати приставовъ, и велѣти ихъ изъ городовъ привозити къ Москвѣ и на Москвѣ тѣмъ ихъ винити, истцовы иски... правити на нихъ безъ суда» (Улож. гл. X, ст. 120. Ср. ст. 118).

До сихъ поръ мы говорили о вызовѣ къ суду отвѣтчика, который не давалъ по себѣ поручной записи; но многiе давали и не являлись.

Объ нихъ постановлены въ Уложенiи особыя правила, различныя по различiю мѣста жительства отвѣтчика.

1) Въ отношенiи къ отвѣтчикамъ, вызываемымъ къ суду приставомъ, наше законодательство было первоначально чрезвычайно строго. Если отвѣтчикъ, давъ по себѣ поручную за-

пись, не являлся къ суду въ срокъ, то обвинялся въ искѣ. Такъ по Судебнику. О второмъ и третьемъ вызовѣ не упоминается ни слова.

«Будетъ который отвѣтчикъ, въ истцовѣ иску давъ по себѣ поручную запись, къ суду не пойдетъ, и челобитья своего къ дѣлу не принесетъ, съ того числа, какъ по немъ поручная запись будетъ собрана, недѣлю... а истцы на нихъ учнутъ бити челомъ, что они на судъ нейдутъ, хотя отъ нихъ волокитою отбыти, и тѣхъ отвѣтчиковъ въ истцовыхъ искѣхъ винити противъ истцовы статьи, по поручной записи, недѣлею» (Улож. гл. X, ст. 111).

Изъ этого правила въ Уложеніи сдѣлано одно только исключеніе:

«А будетъ кто ни буди въ истцовѣ иску по приставной памяти данъ будетъ на поруки къ суду, и поручная запись по немъ будетъ въ приказѣ, и по той поручной записи велѣно ему стати къ суду на отсрочной срокъ, и онъ на отсрочной срокъ на Москвѣ не станетъ, и въ свое мѣсто къ суду никого не пришлетъ, а истецъ его учнетъ на него бити челомъ Государю, что онъ на отсрочной срокъ не сталъ, и тѣмъ его не винити, а дати по него истцу Государеву зазывную грамоту» (Улож. гл. X, ст. 114).

Подъ «отсрочнымъ срокомъ» здѣсь должно, кажется, разумѣть срокъ, назначаемый «для Государевы службы», т. е. службы военной, дипломатической и по особымъ порученіямъ, возлагаемымъ государемъ. На все время отправленія этой службы, тѣ, которые въ ней находились, освобождались отъ обязанности искать и отвѣчать по вчиненнымъ искамъ; на отвѣтчиковъ запрещалось давать зазывныя грамоты и посылать къ нимъ приставовъ съ приставными памятями; тѣ, которые были уже вызваны, не винились неявкою. — Такое освобожденіе отъ иска и отвѣта по спорнымъ гражданскимъ дѣламъ

на извѣстное время называлось отсрочкою, а срокъ, въ который прекращалась отсрочка, и который всегда назначался въ указѣ объ отсрочкѣ, — отсрочнымъ срокомъ (Улож. гл. X, ст. 113, 118).

Слѣд. это исключеніе относилось только къ тѣмъ, которые служили службу военную, дипломатическую или по особымъ порученіямъ, возлагаемымъ государемъ.

«А будетъ тотъ отвѣтчикъ и по Государевѣ зазывной грамотѣ къ отвѣту не станетъ же, и въ свое мѣсто никого не пришлетъ же, а поручная запись по немъ будетъ прислана, и его тѣмъ безъ суда не винити же, а дати по него Государева другая грамота... А будетъ онъ и по другой Государевѣ грамотѣ не станетъ же, и въ свое мѣсто ко отвѣту никого не пришлетъ же, а поручная запись по немъ будетъ прислана же, и его во истцовѣ иску тѣмъ обвинити безъ суда» (Улож. гл. X, ст. 115).

2) Въ отношеніи къ отвѣтчикамъ, вызываемымъ къ суду по зазывной грамотѣ, троекратный вызовъ принятъ въ Уложеніи за общее правило.

«А будетъ кто по первой зазывной грамотѣ къ отвѣту не станетъ, и въ свое мѣсто ни кого не пришлетъ, а поручная запись по немъ будетъ прислана, и истцу дати по него другая зазывная грамота... А будетъ онъ и по другой зазывной грамотѣ ко отвѣту не станетъ же, и въ свое мѣсто никого не пришлетъ же, и по него дати третья грамота... А будетъ онъ и по третьей грамотѣ не станетъ же, и въ свое мѣсто ко отвѣту никого не пришлетъ, а поручная запись по немъ будетъ прислана же, и его въ истцовѣ иску тѣмъ обвинити, потому что онъ по тремъ Государевымъ грамотамъ, давъ по себѣ поруку, къ отвѣту не сталъ» (Улож. гл. X, ст. 117).

Какія побудительныя причины заставили законодательство смягчить обычную строгость къ отвѣтчикамъ, неявлявшимся по

поручной записи, и именно къ отвѣтчикамъ, вызываемымъ по зазывной грамотѣ — этого мы не знаемъ. Весьма вѣроятно, что главнымъ основаніемъ служили справедливыя причины неявки (болѣзнь, бѣдность, служба, неожиданные несчастные случаи, и т. д.), которыя до срока явки не могли быть заявлены отвѣтчикомъ въ свое оправданіе, и такимъ образомъ безвинно подвергали его безсудному обвиненію [1]).

Просить на отвѣтчика зазывной грамоты могъ истецъ не иначе, какъ мѣсяцъ спустя послѣ срока явки къ суду; ибо послѣ первой неявки взыскивались въ пользу истца проѣсти и волокиты «за мѣсяцъ»; послѣ второй «за другой мѣсяцъ» [2]).

Таковы правила о вызовѣ къ суду по Уложенію.

Въ «Новоуказныхъ статьяхъ» сдѣланы къ нимъ нѣкоторыя дополненія и измѣненія.

Опредѣлено: людей, взятыхъ въ приказъ вслѣдствіе непослушанія отвѣтчиковъ, держать въ приказѣ недѣлю; послѣ недѣли велѣно посылать за ними подъячихъ «добрыхъ» [3]). Въ Уложеніи этотъ срокъ не положенъ, а сказано вообще: «долгое время». Въ послѣдствіи вызовъ еще сокращенъ: велѣно, когда отвѣтчикъ укрывается отъ пристава, брать людей его и приводить въ приказъ; если черезъ мѣсяцъ послѣ привода людей отвѣтчикъ не явится самъ и не пришлетъ за себя повѣреннаго, то обвинять въ искѣ безъ суда [4]). Вмѣсто недѣльнаго срока для явки къ суду отвѣтчиковъ по поручной записи, постановленъ мѣсячный срокъ. Кто въ мѣсяцъ по составленіи поручной записи не явится къ суду, тотъ обвиняется въ искѣ безъ суда [5]).

[1]) 1653 года, 4 ноября (№ 109); именный.

[2]) Улож. гл. X, ст. 115, 117.

[3]) 1678 года, 17 ноября (№ 740); именный съ боярскимъ приговоромъ.

[4]) 1685 года, 11 ноября (1140) п. 4; Судныя статьи.

[5]) 1685 года, 11 ноября (1140) п. 1; Судныя статьи.

Другія дополненія касаются до вызова къ суду отвѣтчиковъ, живущихъ въ городахъ. По Уложенію, приставы посылались въ города за отвѣтчиками, которые не давали по себѣ поручной записи, послѣ трехъ зазывныхъ грамотъ и трехъ воеводскихъ отписокъ. Въ судныхъ статьяхъ постановлено посылать пристава послѣ первой отписки; если такіе отвѣтчики скроются и отъ московскаго пристава, то онъ долженъ взять съ собою въ Москву людей его, одного или двухъ (смотря по величинѣ иска) и представить въ приказъ. Если черезъ шесть недѣль, по приведеніи людей отвѣтчика въ приказъ, самъ отвѣтчикъ, или его повѣренный, не явятся, то онъ обвиняется въ искѣ безъ суда [1]).

III.

Явка къ суду по отсрочной челобитной.

До сихъ поръ мы говорили о явкѣ къ суду, опредѣляемой закономъ или судьями. Кромѣ этой явки, въ Уложеніи упоминается еще о явкѣ по полюбовному соглашенію самихъ тяжущихся.

«А которые истцы и отвѣтчики, не ходя въ судъ, учнутъ приносити отсрочные челобитные за своими руками, а въ челобитныхъ у нихъ будетъ написано, что имъ межъ себя сыскиватися, а будетъ не сыщутся, и имъ обѣма стати въ приказѣ къ суду на срокъ, какъ они межъ себя договорятся; а будетъ кто изъ нихъ на тотъ срокъ не станетъ, и тому тѣмъ срокомъ быти виновату: да подавъ такую челобитную, кто изъ нихъ одинъ на срокъ въ приказѣ станетъ... а другой на тотъ срокъ не станетъ, и того тѣмъ срокомъ по ихъ полюбовному челобитью обвинити» (Улож. гл. X, ст. 108).

[1]) 1685 года, 11 ноября (№ 1140) п. 6.

IV.

Явка къ суду прежде срока.

«А кто по зазывной грамотѣ пріѣдетъ къ Москвѣ, и станетъ ко отвѣту... напередъ сроку, который написанъ будетъ въ зазывной грамотѣ, а истецъ его до того же сроку учнетъ на него бити челомъ о судѣ, и ихъ и напередъ сроку судити, и расправа межъ ими чинити, до чего доведется» (Улож. гл. X, ст. 116).

Тоже самое правило вѣроятно соблюдалось и въ отношеніи къ тѣмъ отвѣтчикамъ, которые вызывались къ суду приставомъ, по приставной памяти.

V.

Ставочныя челобитныя.

Когда истецъ или отвѣтчикъ являлся въ приказъ къ суду въ срокъ, или прежде срока, онъ записывалъ въ приказѣ ставочное челобитье. Ставочныя челобитныя были не что̀ иное, какъ объявленія, подаваемыя тяжущимися въ приказъ, въ которомъ долженъ былъ происходить между ними судъ, о явкѣ ихъ къ суду. Названіе ставочныя произошло отъ того, что явиться къ суду технически выражалось въ нашемъ древнемъ законодательствѣ словами стать къ суду (Улож. гл. X, ст. 101, 105, 108, 109), а явка къ суду называлась статьею (гл. X, ст. 111), ставкою (гл. X, ст. 130). Эти челобитныя приносились, кажется, словесно, а не письменно[1]), и за-

[1]) Въ судныхъ статьяхъ 1685 года, 11 ноября (№ 1140), онѣ называются *записными* (см. вступл. и п. 8). Въ Уложеніи сказано: «да кто изъ нихъ одинъ на срокъ въ приказѣ станетъ, *и челобитье свое запишетъ*». См. гл. X, ст. 108, 110, 111.

писывались въ приказѣ. Ими удостовѣрялась явка къ суду тяжущихся. Такое удостовѣреніе было чрезвычайно важно. Кто являлся къ суду, но не могъ доказать этого, тотъ какъ бы не являлся, а это могло имѣть для него невыгодныя послѣдствія. Итакъ ставочная челобитная служила доказательствомъ явки къ суду. Далѣе: по преобладающему частному, гражданскому, обвинительному характеру въ судопроизводствѣ временъ Уложенія, обвиненіе неявкою могло имѣть мѣсто только въ такомъ случаѣ, когда одинъ изъ тяжущихся являлся въ срокъ къ суду (Улож. гл. X, ст. 108, 110, 111); кажется даже, что неявкою не винили безъ просьбы противника (Улож. гл. X, ст. 110, 111).

VI.

Личный арестъ.

Если отвѣтчикъ не могъ обезпечить своей явки къ суду порукою, то мѣсто поруки заступало личное задержаніе.

«Будетъ по отвѣтчикѣ порутчиковъ не будетъ, и его держатъ въ приказѣ скована, доколѣ поруки будутъ, или судное дѣло окончится, или его отдадутъ въ береженіе приставомъ въ руки» (Кошихинъ гл. VII, ст. 40).

Итакъ личный арестъ былъ всегда вторымъ средствомъ обезпеченія явки. Къ нему прибѣгали и послѣ суда, когда никто не ручался за тяжущихся, что они явятся къ выслушанію рѣшенія, и не уѣдутъ изъ того мѣста, гдѣ происходилъ судъ по ихъ спорному дѣлу.

VII.

Неявка къ суду истца.

Излагая ученіе о вызовѣ къ суду, мы исчислили всѣ случаи, въ которыхъ отвѣтчикъ, неявляющійся къ суду, подвергался безсудному обвиненію въ искѣ.

Такому обвиненію подвергался и истецъ. Его обвиненіе необходимо условливалось явкою отвѣтчика. Въ отношеніи къ истцу законодательство было строго: 1) если отвѣтчикъ, вызываемый приставомъ, являлся къ суду въ срокъ, а истецъ, въ продолженіе недѣли послѣ подачи приставной памяти, не подавалъ на него исковой челобитной, то послѣдній обвинялся въ искѣ безъ суда («иску своего лишенъ»)[1]; 2) если отвѣтчикъ, вызываемый къ суду зазывною грамотою, являлся въ срокъ, а истецъ въ этотъ срокъ, или недѣлю спустя послѣ срока, не являлся, то онъ обвинялся въ искѣ безъ суда (Улож. гл. X, ст. 109. Ср. ст. 108).

Отъ обвиненія неявкою были освобождены въ періодъ Уложенія особливыми указами: всѣ, состоявшіе въ Дворцовомъ вѣдомствѣ[2]; Мурзы, Татары, Мордва, Чуваши и Черемисы[3]. Всѣ эти лица не обвинялись неявкою въ земляныхъ, крѣпостныхъ дѣлахъ и въ дѣлахъ о крестьянствѣ, по искамъ между собою и съ посторонними. Значеніе этой привилегіи не совсѣмъ ясно; ибо мы знаемъ, что еще по Уложенію запрещено винить неявкою въ дѣлахъ крѣпостныхъ (Улож. гл. X. ст. 108, 109) и холопьихъ (гл. XX, ст. 111, 119). Итакъ должно думать, что Новоуказными статьями это положеніе только распространено на дворцовое вѣдомство, Татаръ и т. д., для которыхъ оно, по извѣстной намъ причинѣ, до того времени не имѣло силы.

Вскорѣ послѣ Уложенія законодательство признало безсуд-

[1]) Улож. гл. X, ст. 110. — Судными статьями 1685 года семидневный срокъ измѣненъ въ мѣсячный; именнымъ съ боярскимъ приговоромъ 1690 года, 26 мая (№ 1377), мѣсячный измѣненъ въ 30-ти-дневный; а именнымъ съ боярскимъ пригоромъ того же 1690 года, 30 ноября (№ 1386), прежній 30-тидневный срокъ для явки къ суду истца, считавшійся съ помѣты приставной памяти, велѣно считать съ помѣты поручной записи. — Ср. Улож. гл. X, ст. 108.

[2]) 1686 года, 5 марта (№ 1173); именный съ боярскимъ приговоромъ.

[3]) 1686 года, 19 марта (№ 1180); именный съ боярскимъ приговоромъ.

ное обвиненіе тяжущихся несправедливымъ и отмѣнило его[1]). Поводомъ служила во многихъ случаяхъ безвинная неявка тяжущихся. Но полная отмѣна обвиненія за неявку, въ свою очередь, породила множество злоупотребленій: безконечныя, злостныя волокиты и раззореніе тяжущихся. Вслѣдствіе этого, въ 1685 году, изданы Судныя статьи, которыми возстановлено прежнее обвиненіе неявкою, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями противъ Уложенія[2]).

VIII.

Законныя причины неявки къ суду.

Явка къ суду истца и отвѣтчика не всегда была возможна. Ей могли препятствовать многія причины, которыя поэтому и должны были освобождать тяжущихся отъ обвиненія за неявку. Законодательство признало ихъ и сообщило имъ характеръ законныхъ причинъ. Въ Уложеніи изъ нихъ упоминаются слѣдующія:

1) Болѣзнь. Кто не могъ явиться къ суду по болѣзни, тотъ долженъ былъ послать, вмѣсто себя, повѣреннаго. Если не было у него кого послатъ вмѣсто себя къ суду, то къ нему посылали изъ приказа «подьячего добраго», для освидѣтельствованія, въ самомъ ли дѣлѣ онъ такъ боленъ, что не можетъ явиться, и дѣйствительно ли нѣтъ у него кого послать къ суду, вмѣсто себя. Если и то и другое оказывалось справедливымъ, то тяжущійся освобождался отъ явки къ суду, до выздоровле-

[1]) 1653 года, 4 ноября (№ 109); именный. — Этотъ указъ написанъ весьма не точно; въ немъ видна мысль законодателя ограничить обвиненіе тяжущихся неявкою, ибо это обвиненіе во многихъ случаяхъ было несправедливо; изложеніемъ указа безсудное обвиненіе вовсе уничтожено. Такимъ образомъ мысль закона и ея выраженіе въ этомъ указѣ противорѣчатъ другъ другу.

[2]) 1685 года, 11 ноября (№ 1140); Судныя статьи, п. 1.

нія (Улож. гл. XVI, ст. 59; гл. X, ст. 108, 109). Но кто не могъ, по болѣзни, явиться къ очной ставкѣ, того осматривали, а не обязывали посылать вмѣсто себя повѣреннаго. Если по освидѣтельствованіи оказывалось, что неявившійся дѣйствительно не могъ по болѣзни явиться къ очной ставкѣ, то ему давали полугодичный срокъ для выздоровленія, послѣ чего онъ былъ обязанъ послатъ, вмѣсто себя, повѣреннаго (гл. XVI, ст. 59). О неявкѣ къ суду по болѣзни, когда не было кого послать за себя къ суду, посылалась въ приказъ челобитная, или самимъ больнымъ (гл. XXI, ст. 55), или вмѣсто его кѣмъ-либо другимъ (гл. X, ст. 115, 117).

2) Государева служба. Подъ «государевою службою» разумѣлась обыкновенно служба военная («ратная, полковая»); въ Уложеніи государевою службою называлась еще, кромѣ военной, служба дипломатическая («которые въ послѣхъ, посланникѣхъ или гонцѣхъ»), и служба по чрезвычайнымъ порученіямъ, которыя возлагались государемъ и не терпѣли отлагательства («кто посланъ будетъ куды ни буди для Государева скораго дѣла». Улож. гл. X, ст. 149). Когда назначался походъ, или сборъ войска, тогда издаваемъ былъ указъ, которымъ повелѣвалось всѣмъ, состоявшимъ въ службѣ въ этомъ войскѣ, дать отсрочку въ спорныхъ дѣлахъ. Это значило, что не могли вчинять новыхъ исковъ ни состоявшіе на службѣ, ни другіе противъ нихъ, и прекращались суды по всѣмъ вчиненнымъ искамъ, въ которыхъ служащіе были истцами или отвѣтчиками. Въ этихъ отсрочныхъ указахъ обыкновенно назначалось время, съ котораго должна была начаться отсрочка, и срокъ, въ который она прекращалась[1]). На кого возлагалъ государь чрезвычайныя порученія, тѣмъ давались, каждый

[1]) Въ Полномъ Собраніи Законовъ такихъ указовъ очень много; здѣсь приведемъ нѣкоторые изъ нихъ: 1650 года, 4 февраля (№ 24); именный; —

разъ, особливыя отсрочки [1]). Но чтобъ имѣть такое дѣйствіе, служба государева должна быть недобровольная («по посылкѣ, а не своею охотою». Улож. гл. X, ст. 118); ибо въ противномъ случаѣ легко открылся бы новый способъ отбывать отвѣта въ судѣ. Она должа быть дѣйствительная, а не предполагаемая (гл. X, ст. 151, 152); это постановлено потому, что многіе, считаясь въ отлучкѣ по государевой службѣ, посылали на службу, вмѣсто себя, сыновей, племянниковъ, или родственниковъ, неверстанныхъ въ службу, а сами жили въ помѣстьѣ, или вотчинѣ, пользуясь отсрочкою для возможно долгой проволочки дѣла («хотя истца тѣмъ изволочити»).

3) Служба неполковая. Служба неполковая всегда отличается въ Уложеніи отъ ратной, военной, и не называется, какъ послѣдняя, государевою. Причина заключается въ томъ, что она, и во время Уложенія, была болѣе кормленіемъ, нежели службою [2]). На томъ основаніи, что служба по городамъ у приказныхъ дѣлъ не считалась службою, а наградою за службу, воеводство и приказная служба не освобождали отвѣтчика отъ обязанности отвѣчать въ судѣ по спорнымъ дѣламъ; а какъ воеводы и приказные люди сами отвѣчать не могли, то должны были присылать, вмѣсто себя, повѣренныхъ, въ противномъ случаѣ обвинялись неявкою (Улож. гл. X, ст. 149). Изъ этого правила сдѣланы исключенія: a) въ пользу воеводъ и приказныхъ людей, которые были на воеводствахъ и по городамъ въ Астрахани, Сибири и Теркѣ (гл. X, ст. 149); b) въ пользу всѣхъ, по-

1651 года, 10 января (№ 57); именный; — 1653 года, 10 ноября (№ 110); именный; — 1654 года, 21 февраля (№ 118); именный; — и проч.

[1]) Улож. гл. X, ст. 149: и для тое скорыя посылки Государь пожалуетъ его, велитъ ему отсрочити во всякихъ расправныхъ дѣлѣхъ».

[2]) Улож. гл. XVI, ст. 59; — гл. X, ст. 149; — Рѣчь проф. Морошкина, стр. 34.

сланныхъ «къ дѣламъ въ городы», когда по спорнымъ помѣстнымъ и вотчиннымъ дѣламъ ихъ вызывали къ очнымъ ставкамъ. Какъ тѣ, такъ и другіе не были обязаны отвѣчать прежде окончанія службы («какъ они съ Государевы службы къ Москвѣ пріѣдутъ») (гл. XVI, ст. 59).

4) Таможенные и кабацкіе откупы. Таможенные и кабацкіе откупщики и товарищи ихъ освобождались отъ отвѣта по искамъ въ тотъ годъ, въ который вчиненъ противъ нихъ искъ, а должны были отвѣчать по этимъ искамъ на другой годъ; если откупъ былъ ими взятъ на два, или на три года, то по искамъ, вчиненнымъ противъ нихъ въ первомъ году, они обязаны были отвѣчать во второмъ году; по вчиненнымъ во второмъ — въ третьемъ и т. д. (Улож. гл. XVIII, ст. 22, 23).

5) Невѣдѣніе. «А будетъ кто къ кому нибудь приставитъ въ деревенской въ какой нибудь обидѣ, а учинили де ту обиду люди, или крестьяне того, къ кому приставитъ (или) въ бѣглыхъ людѣхъ и крестьянѣхъ, и тотъ, къ кому въ такомъ дѣлѣ кто приставитъ, учнетъ бити челомъ, что люди его и крестьяне такую обиду учинили ли, и бѣглые люди и крестьяне въ помѣстьѣ его, или въ вотчинѣ есть ли, про то ему невѣдомо, и чтобы ему въ томъ дѣлѣ дати сроку до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ онъ про то дѣло провѣдаетъ, и такимъ челобитчикомъ въ такихъ дѣлѣхъ, для провѣдыванія, давати поверстной срокъ по указу» [1]).

6) Неумѣнье отвѣчать въ судѣ. «А будетъ кто въ какомъ дѣлѣ нибуди приставитъ къ недорослю, или ко вдовѣ, или къ дѣвкѣ, и отвѣчати имъ за себя не умѣти, а родимцовъ у нихъ на Москвѣ нѣтъ, а скажутъ они, что есть у нихъ родимцы, кому за нихъ отвѣчати, и тѣмъ ихъ родимцомъ отсрочено, а людей

[1]) Улож. гл. X, ст. 229. — Объ указномъ поверстномъ срокѣ см. ниже, примѣч.

у нихъ и крестьянъ такихъ нѣтъ, кому за нихъ отвѣчати; и учнутъ они бити челомъ Государю, чтобы за нихъ отвѣчати родимцомъ ихъ на отсрочной срокъ; и такимъ недорослямъ и вдовамъ и дѣвкамъ въ истцовыхъ искѣхъ срокъ давати противъ ихъ челобитья» (Улож. гл. X, ст. 185).

Вотъ всѣ законныя причины неявки къ суду, объ которыхъ упоминается въ Уложеніи. Бо́льшая часть изъ нихъ (кромѣ государевой службы и откуповъ) носитъ на себѣ характеръ фактическій и черезъ судебную практику перешла въ законъ. Поэтому онѣ излагаются мимоходомъ, казуистически, и могли пополняться новыми причинами, заимствованными изъ случаевъ. Такъ въ «Новоуказныхъ статьяхъ» мы встрѣчаемъ слѣдующее исчисленіе законныхъ причинъ неявки къ суду: «посылки для Государевыхъ дѣлъ, пожарное свое разореніе, или иное нестроеніе, или болѣзнь, или иныя какія нужныя невзгоды» [1]). Слѣд. законодательство временъ Уложенія заранѣе признавало законными всѣ причины, дѣйствительно оправдывающія неявку къ суду тяжущихся, предоставляя судьямъ подводить подъ эту общую категорію данные частные случаи.

IX.

Отводъ судей.

«А будетъ которой судья истцу будетъ недругъ, а отвѣтчику другъ или свой, и о томъ истецъ учнетъ бити челомъ Государю до суда, что ему передъ тѣмъ судьею искати не мощно; также будетъ и отвѣтчикъ до суда же учнетъ бити челомъ, что истцу его судья другъ или свой, и отвѣчать ему передъ тѣмъ судьею не мощно: и тѣхъ истца и отвѣтчика тому судьѣ, на кого будетъ такое челобитье, не судити, а судити ихъ иному судьѣ, кому Государь укажетъ» (Улож. гл. X, ст. 3).

[1]) 1653 года 4, ноября (№ 109); именный.

«А будетъ которой истецъ или отвѣтчикъ на судью свойствомъ или недружбою учнетъ бити челомъ послѣ суда, и тому челобитью не вѣрити, и дѣла изъ приказу въ приказъ не переносити» (Улож. гл. X, ст. 4).

И такъ въ Уложеніи признаются два основанія, по которымъ можно было отводить судью: свойство его съ противникомъ и недружба. Но эти основанія не отклоняли судью отъ сужденія спорнаго дѣла, если тяжущійся не выставлялъ ихъ на видъ въ челобитной.

Такъ въ отношеніи къ судьямъ, сидѣвшимъ въ приказахъ; но бояре, окольничіе и думные люди, засѣдавшіе въ боярской думѣ, должны были сами собою оставлять думу, когда доводилось рѣшать ихъ спорныя дѣла, или тяжбы ихъ свойственниковъ [1]).

Просьбу объ отводѣ судей должно было подавать до суда; послѣ суда отводъ судей не допускался, ибо при недобросовѣстности тяжущихся онъ могъ подавать поводъ къ безконечной проволочкѣ процессовъ; притомъ недовольный рѣшеніемъ судьи могъ приносить аппелляціонную жалобу.

Вслѣдствіе челобитной объ отводѣ, указомъ царскимъ назначался другой судья, въ другомъ приказѣ [2]). Если тяжущіеся отводили воеводу, то судьею назначался воевода другаго города; но отводить воеводъ по одному и тому же спорному дѣлу можно было не болѣе двухъ разъ: одинъ разъ могъ отводитъ истецъ, и одинъ разъ отвѣтчикъ [3]). Такое же ограниченіе числа отво-

[1]) 1681 года, 12 августа (№ 885); именный. — До Петра Великаго, кажется, только въ одномъ этомъ указѣ и высказана мысль, что судья не можетъ судить своего дѣла.

[2]) Это положеніе доказываетъ, что въ приказѣ былъ одинъ судья, а не многіе; иначе оно необъяснимо.

[3]) 1680 года, 22 сентября (№ 837); именный, объявленный бояриномъ Волынскимъ.

довъ вѣроятно принято было и въ отношеніи къ приказнымъ судьямъ.

В.

Развитіе судопроизводства въ продолженіи суда.

Судъ, какъ мы сказали, есть главная, существенная часть процесса. Судъ есть тотъ моментъ гражданскаго судопроизводства, въ который тяжущіеся излагаютъ доказательства въ пользу и противъ спорнаго иска. Это изложеніе доказательствъ такъ необходимо въ каждомъ гражданскомъ процессѣ, что нѣтъ ни одной формы обвинительнаго судопроизводства, въ которой бы его не было. Но судъ занимаетъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто; ибо судомъ моментъ веденія доказательствъ такъ видимо былъ отдѣленъ отъ прочихъ, что между нимъ и прочими, предыдущимъ и послѣдующимъ моментами, можно провести ясно обозначенныя границы. Такой видимой отдѣльности не имѣлъ этотъ моментъ въ очныхъ ставкахъ; ибо послѣ нихъ можно было приводить новыя доказательства [1]). Еще менѣе рѣзко онъ былъ отдѣленъ при рѣшеніи дѣла безъ суда; ибо въ очныхъ ставкахъ по крайней мѣрѣ начало этого момента видимо отдѣлялось отъ предыдущаго; но гдѣ суда не было, тамъ и начало и конецъ сливались съ предыдущими и послѣдующими моментами.

Веденіе доказательствъ было у насъ издревле словесное, изустное [2]). Это объясняется характеромъ суда, который былъ первоначально не что иное, какъ споръ тяжущихся объ искѣ, въ присутствіи судей. Въ послѣдствіи, къ этому исключительно-словесному изложенію доказательствъ въ судѣ начало мало-по-малу примѣшиваться письменное. Кажется,

[1]) См. гл. III, отд. 1, примѣч. 2-ое на стр. 123.

[2]) См. правыя грамоты, помѣщенныя въ Собраніи юридическихъ актовъ.

прежде всего стали излагать письменно исковыя челобитныя (Улож. гл. X, ст. 101), потомъ уже отвѣты и возраженія; ибо мы знаемъ, что отвѣтчикъ могъ просить отсрочки съ суда. Эти отсрочки, по некрѣпостнымъ дѣламъ, могли продолжаться недѣлю, а по крѣпостнымъ и долѣе, смотря по разстоянію города, гдѣ находилась крѣпость, нужная для отвѣтчика, отъ мѣста, гдѣ происходилъ судъ. Итакъ могло быть, что послѣ отсрочки отвѣтчикъ представлялъ суду письменное возраженіе, или оправданіе, а не словесное (гл. X, ст. 22); ибо письменное изложеніе доводовъ и опровержѣній должно было постепенно вытѣснять словесное, по мѣрѣ того, какъ обычное право переходило въ законъ писанный и исчезало въ непосредственномъ, живомъ народномъ убѣжденіи; по мѣрѣ того, какъ запутанность, сложность юридическихъ отношеній, дѣлали невозможнымъ живое сознаніе сущности спорнаго дѣла и правости передъ противникомъ. Несмотря на то, судъ остался словеснымъ (гл. X. ст. 12, 21) до самаго уничтоженія его при Петрѣ Великомъ; ибо исковая челобитная «вычитывалась отвѣтчику» (Кошихинъ гл. VII, ст. 42), а возраженіе отвѣтчика истцу.

Очныя ставки должны были впервые подать поводъ ко введенію собственно письменнаго судопроизводства; ибо доказательства, приведенныя противниками на очныхъ ставкахъ, можно было пополнять челобитными, поданными и послѣ очныхъ ставокъ. Но въ рѣшеніи дѣлъ безъ суда нѣтъ уже никакихъ признаковъ словеснаго судопроизводства. Въ этомъ отношеніи оно имѣетъ много общаго съ нашимъ теперешнимъ гражданскимъ судопроизводствомъ.

Далѣе: въ періодъ Уложенія судъ отличался строгою формальностію. Если искъ, означенный въ исковой челобитной, былъ или больше или меньше того, который показанъ въ приставной памяти, то истца обвиняли безъ суда (Улож. гл.

X, ст. 104) «роспискою». Винили и «промолкою»[1]), когда тяжущіеся не выражались въ судѣ тѣми строго-опредѣленными, формальными словами, которыя издавна были приняты въ судопроизводствѣ судебною практикою и освящены обычаемъ. Татищевъ, въ примѣчаніяхъ къ Судебнику, представляетъ весьма замѣчательный примѣръ такой судебной обмолвки. Въ Судномъ приказѣ одинъ билъ челомъ на другаго въ бою и безчестьи, и показалъ свидѣтелей, которые при томъ присутствовали, но не сказалъ: и на тѣхъ шлюся. Отвѣтчикъ заперся въ боѣ и безчестьи, но объявилъ, что свидѣтели, показанные истцомъ, тогда присутствовали, и когда его спросили: ты на нихъ шлешься ли? онъ отвѣчалъ: если самъ истецъ на нихъ не шлется и не называетъ ихъ свидѣтелями, то судьи не могутъ къ тому принудить. Отъ этой ошибки истецъ проигралъ процессъ и долженъ былъ примириться съ противникомъ (Судебникъ Татищева § 70, прим. в).

Образованіе торжественнаго, строго-формальнаго, техническаго языка, которымъ тяжущіеся обязаны говорить на судѣ, объясняется обыкновеннымъ ходомъ развитія права и законодательства. Въ періодъ обычнаго права, когда юридическія вѣрованія живутъ непосредственно въ народѣ, этотъ языкъ слагается. По общности, единству, ясности и живости вѣрованій, онъ, и безъ утвержденія положительнымъ закономъ, всегда одинаковъ, технически-опредѣленъ и правиленъ; тогда онъ не есть еще языкъ формальный, потому что не стѣсняетъ говорящаго, не предписывается ему какъ правило, которому онъ необходимо долженъ слѣдовать. Такой языкъ есть первоначально живая рѣчь, сама собою, непринужденно, выливающаяся изъ яснаго, опредѣленнаго, живаго сознанія права.

Съ упадкомъ обычнаго права измѣняется и характеръ судеб-

[1]) 1651 года, 9 января (№ 55); боярскій приговоръ.

наго языка. Онъ становится формою, въ которой тяжущіеся необходимо должны выражать свои доводы и опроверженія; ибо языкъ, которымъ бы они захотѣли, по прежнему, свободно говорить въ судѣ, не имѣетъ уже ни опредѣленности, ни одинаковости судебнаго языка, образовавшагося въ періодъ обычнаго права. Итакъ, послѣдній языкъ становится для нихъ обязательнымъ, техническимъ, въ настоящемъ смыслѣ слова. Онъ не для всѣхъ доступенъ, и поэтому дѣлается предметомъ изученія. Это-то измѣненіе въ характерѣ судебнаго языка и подаетъ въ послѣдствіи поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ: оно развиваетъ пустой, мелочной формализмъ. Отъ этого, правый истецъ или отвѣтчикъ проигрываетъ процессъ противъ неправаго противника потому только, что въ судоговореніи употребилъ не то слово, какое должно.

I.

Предметъ иска.

Состояніе предмета иска въ продолженіи процесса есть одна изъ важнѣйшихъ статей въ ученіи о гражданскомъ судопроизводствѣ. Несмотря на то, въ Уложеніи она опущена безъ вниманія. Въ одномъ мѣстѣ сказано, что бѣглый холопъ, сдѣлавшійся предметомъ тяжбы, долженъ быть послѣ суда отданъ на поруки постороннему лицу («мимо иска и отвѣтчика»); если жь никто не возьметъ холопа на поруки, то до рѣшенія спорнаго дѣла его должно отдавать «держати» приставу (Улож. гл. XX, ст. 59). Далѣе постановлено:

«Которые люди поимаются у кого за своихъ холопей, и приведутъ тѣхъ холопей въ приказъ, а чьи тѣ холопи, и тѣ люди въ тѣ поры будутъ на Государевѣ службѣ въ дальныхъ городѣхъ... и такихъ приводныхъ холопей до тѣхъ мѣстъ, какъ истцы ихъ пріѣдутъ изъ дальныхъ городовъ, отдати тѣмъ лю-

демъ, у которыхъ за нихъ поимаются, и велѣти тѣмъ людемъ, кому они будутъ отданы, къ приводу руку приложити. А какъ тѣхъ холопей у нихъ въ приказъ спросятъ, и тѣхъ холопей велѣти поставити. А будетъ они тѣхъ людей держати у себя не похотятъ, и тѣхъ приводныхъ людей до истцовъ ихъ дати на поруки. А будетъ по нихъ поруки не будетъ, и ихъ отдати беречи приставомъ, а кормити ихъ велѣти у приставовъ тѣмъ людемъ, кто за нихъ изымается, и у кого за нихъ изымается. А будетъ тотъ, кто за нихъ изъимается и у кого изъимается, кормити ихъ не учнетъ, и ихъ велѣти кормити приставомъ, а впредь за тѣхъ людей прокормъ и пожелѣзное приставу велѣти доправити на виноватомъ» (Улож. гл. XX, ст. 112).

Итакъ въ Уложенiи говорится объ однихъ спорныхъ холопяхъ; о прочихъ спорныхъ вещахъ не упоминается ни слова. Изъ этого заключаемъ, что спорная вещь, въ продолженiи процесса, оставалась за тѣмъ, у кого находилась передъ началомъ иска.

Вопросъ о состоянiи спорной вещи въ продолженiе процесса особенно важенъ въ отношенiи къ спорнымъ недвижимымъ. Изъ словъ Судебника можно, съ нѣкоторою вѣроятностiю, заключать, что прежде спорныя земли отбирались у тяжущихся и на все время процесса отдавались приставу; но что во время изданiя Судебника это положенiе потеряло свою силу [1]). Въ Уложенiи и Новоуказныхъ статьяхъ объ отписанiи спорныхъ недвижимыхъ тоже не говорится ни слова. Поэтому не понятно, откуда Татищевъ почерпнулъ извѣстiе, что въ Уложенiи постановлено отписывать земли на государя, когда возник-

[1]) Слова Судебника весьма замѣчательны: «А которыя земли за приставомъ въ судѣ, и тѣ земли досуживати» (Суд. § 84). Объ отбиранiи земель у тяжущихся на время процесса въ Судебникѣ болѣе не упоминается. Итакъ, въ 84 § вѣроятно говорится о земляхъ, уже описанныхъ до Судебника, или до изданiя неизвѣстнаго намъ указа, которымъ отписанiе земель запрещено.

нетъ споръ о крѣпости [1]). Изъ многихъ статей Уложенія скорѣе можно вывести противоположное заключеніе, а именно, что спорное недвижимое, въ продолженіе спора, оставалось за тѣмъ, кто имъ владѣлъ до начала иска. Сюда относятся:

Гл. X, ст. 244: «будетъ кто на комъ учнетъ искати вотчины, или двора, или лавки, или мѣльницы, или иного чего вотчиннаго или помѣстнаго строенія, и отвѣтчикъ, засудя съ истцомъ и недождався по судному дѣлу указу, то, чего на немъ истецъ искалъ, кому продастъ, или заложитъ, а по суду и по сыску доведется въ томъ обвинити, и у того, кому онъ что̀ продастъ, взяти и отдати истцу».

Итакъ отвѣтчикъ отдавалъ спорное, проданное имъ недвижимое, покупщику. Еслибъ оно отписывалось, на время процесса, на государя, то такая отдача не могла бы имѣть мѣста.

Гл. XVI, ст. 54: «будетъ сыщется (съ очные ставки)... до пряма, что... челобитчики отцовскихъ своихъ помѣстій никому не мѣнивали, а тѣ люди, на кого они о тѣхъ своихъ помѣстьяхъ учнутъ бити челомъ, тѣ ихъ отцовскіе помѣстья взяли себѣ мѣною въ тѣ поры, какъ они были въ робячествѣ, а не въ совершенныхъ лѣтѣхъ, и такіе помѣстья у тѣхъ людей, кто ихъ взялъ мѣною, взявъ, отдати тѣмъ челобитчикомъ, которымъ тѣ мѣновыя помѣстья будутъ даны».

[1]) Судебникъ Татищева, § 84, примѣч. (г). — Г-нъ Ивановъ, въ сочиненіи о помѣстныхъ правахъ и обязанностяхъ въ Россіи, держится того же мнѣнія. Стр. 72: «... если истецъ или отвѣтчикъ, послѣ данной подписки, въ теченіе мѣсяца самъ не явится, и доказательствъ на право владѣнія не представитъ, въ такомъ случаѣ описывали у него, до рѣшенія дѣла, столько дворовъ и четвертей, о сколькихъ производилось спорное дѣло». — Впрочемъ, изъ этихъ словъ видно, что г-нъ Ивановъ говоритъ объ описи недвижимыхъ въ обезпеченіе правой тяжбы, а не объ отбираніи спорнаго недвижимаго; ибо иначе опись имѣнія у истца, который не владѣлъ спорнымъ недвижимымъ, необъяснима. Г-нъ Ивановъ не показываетъ источниковъ, изъ которыхъ заимствовано имъ это положеніе; если не ошибаемся, его нѣтъ въ Новоуказныхъ статьяхъ.

II.

Исковая челобитная.

Подъ именемъ исковой челобитной разумѣлось прошеніе о спорномъ искѣ, которое истецъ подавалъ судьямъ. Исковая челобитная первоначально излагалась словесно; это доказываютъ правыя грамоты по спорнымъ дѣламъ, помѣщенныя въ собраніи юридическихъ актовъ [1]. Въ послѣдствіи, словесныя челобитныя мало-по-малу замѣнены письменными [2], которыя вычитывались отвѣтчику на судѣ [3].

Главныя принадлежности исковой челобитной, въ періодъ Уложенія, были слѣдующія:

1) Означеніе цѣны иска. Это была относительно-необходимая принадлежность исковой челобитной; ибо отъ произвола отвѣтчика зависѣло отвѣчать или не отвѣчать на челобитную, въ которой цѣна не была показана (Улож. гл. X, ст. 102). Поэтому мы находимъ въ Уложеніи и въ Новоуказныхъ статьяхъ законное опредѣленіе цѣны (таксу) тѣмъ предметамъ, «чему въ исковыхъ челобитныхъ цѣны будетъ не на-

[1]) Изложеніе исковой челобитной обыкновенно начинается словами: *такъ рекъ, такъ ркли, а ркучи*. См. № 1—23.

[2]) Изъ правыхъ грамотъ, напечатанныхъ въ собраніи юридическихъ актовъ, первая, въ которой говорится о писанной исковой челобитной, относится къ 1571 году (№ 23); *«подалъ судьямъ жалобницу, а въ жалобницѣ пишетъ»*. Но изъ Судебника (§ 20) мы знаемъ, что уже въ 1550 году, и вѣроятно ранѣе, въ судѣ подавались писанныя челобитныя. — Изъ всѣхъ мѣстъ Уложенія, въ которыхъ упоминается объ исковыхъ челобитныхъ, несомнѣнно слѣдуетъ, что въ то время онѣ были письменныя, а не словесныя. См. Улож. гл. X, ст. 20, 21, 101, 102, 104, 108, 111; — гл. XXIV, ст. 3 (1). — Кошихинъ, гл. VII, ст. 42.

[3]) Кошихинъ. Тамъ же. — 1690 года, 27 января (№ 1363); именный съ боярскимъ приговоромъ. — По этому указу отвѣтчикъ долженъ былъ подписываться подъ челобитною, что выслушалъ ее.

писано» [1]). Слѣд. такія челобитныя, писанныя безъ цѣны, принимались судьями (Улож. гл. XI, ст. 26). Если отвѣтчикъ не хотѣлъ отвѣчать на челобитную, написанную безъ цѣны иска, то ее возвращали истцу, для переписанія и обозначенія цѣны (гл. X, ст. 102).

2) Искъ, означенный въ исковой челобитной, долженъ быть ни больше, ни меньше того, который означенъ въ приставной памяти. Если это условіе не было соблюдено, то истецъ обвинялся въ искѣ, но и въ этомъ случаѣ не иначе, какъ по челобитью отвѣтчика. Слѣд. и эта принадлежность исковой челобитной была условно-необходимая (Улож. гл. X, ст. 104).

3) Подпись. Въ Уложеніи и Новоуказныхъ статьяхъ различаются подписныя, неподписныя (Улож. гл. X, ст. 21) и заручныя челобитныя («за своими руками») (гл. XVI, ст. 8).

Послѣднее выраженіе очень ясно; оно означаетъ челобитную, которая подписана челобитчикомъ. Такая подпись была необходимою принадлежностію каждой исковой челобитной [2]).

Смыслъ двухъ первыхъ совершенно другой, нежели какой представляется съ перваго взгляда. Объясненіе находимъ мы въ главѣ XXIII, ст. 2 Уложенія. «А будетъ которому стрѣльцу чего искати на стороннемъ человѣкѣ въ иномъ приказѣ, и ему того своего иску на стороннемъ человѣкѣ искати въ иномъ приказѣ по подписнымъ челобитнымъ изъ Стрѣлецкаго приказу, а безъ подписныхъ челобитенъ стрѣльцовъ ни въ которомъ приказѣ ни на кого ни въ чемъ суда не давати».

Итакъ подъ именемъ подписныхъ челобитенъ должно, кажется, разумѣть исковыя челобитныя, подаваемыя противъ

[1]) Улож. гл. XXIV, ст. 3 (1). — 1669 года, 22 января (№ 431); Новоуказныя статьи о татиныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлѣхъ, ст. 75.

[2]) 1690 года, 27 января (№ 1363); именный съ боярскимъ приговоромъ.

такихъ отвѣтчиковъ, которые не состояли съ истцами въ одномъ вѣдомствѣ. На вчинаніе такихъ исковъ истцы необходимо должны были имѣть дозволеніе своего начальства, и это дозволеніе свидѣтельствовалось подписью на исковой челобитной. Основаніе такого ограниченія истцовъ вѣроятно заключалось въ томъ, что веденіе исковъ отвлекало истцовъ отъ ихъ службы или должности (напр. стрѣльцовъ), и поэтому не всегда и не во всякомъ случаѣ могло быть допущено.

III.

Отвѣтъ.

Отвѣтчикъ долженъ отвѣчать на исковую челобитную истца. Если онъ не отвѣчалъ, не имѣя на то никакой причины, то обвинялся безъ суда (Улож. гл. X, ст. 101).

IV.

Ссылка.

Оба тяжущіеся, истецъ и отвѣтчикъ, должны были основывать свои доводы и опроверженія на доказательствахъ. Приведеніе доказательствъ технически называлось въ періодъ Уложенія ссылкою (Улож. гл. X, ст. 22, 168—171, 178); слаться на крѣпости (гл. X, ст. 158—160, 167, 174), въ обыскъ (г. X, ст. 161, 175, 179) и т. д. значило приводить въ доказательство крѣпость, обыскъ.

V.

Доказательства.

Всѣ доказательства, на которыя, въ періодъ Уложенія, ссылались тяжущіеся по спорнымъ гражданскимъ дѣламъ, могутъ быть раздѣлены на три разряда.

Къ первому должно отнести доказательства, основанныя на показаніяхъ самихъ тяжущихся; это есть свидѣтельство тяжущихся о своемъ дѣлѣ. Подъ этотъ разрядъ подходятъ: собственное признаніе и крестное цѣлованіе. Второй разрядъ составляютъ доказательства, основанныя на свидѣтельствѣ же, но не тяжущихся, а постороннихъ лицъ или вещей. Къ свидѣтельству вещей должно преимущественно отнести письменные документы и акты; къ свидѣтельству постороннихъ лицъ — общую правду, обыскъ и послушество. Наконецъ третій разрядъ доказательствъ составляетъ судъ Божій. Въ настоящій періодъ, изъ различныхъ формъ суда Божія, удержался одинъ только жребій.

1) Собственное признаніе. Въ Судебникѣ и въ Уложеніи мимоходомъ упоминается о собственномъ признаніи, какъ о доказательствѣ по спорнымъ гражданскимъ дѣламъ. Изъ этихъ мѣстъ видно, а) что собственное признаніе принималось за доказательство только въ такомъ случаѣ, когда тяжущійся винился, т. е. свидѣтельствовалъ не въ свою пользу; b) что собственное признаніе служило доказательствомъ только въ отношеніи къ тому, въ чемъ признавался тяжущійся. Такъ, если истецъ или отвѣтчикъ признавался (винился) только въ части иска, то его нельзя было почитать повинившимся въ цѣломъ искѣ. Изъ этого правила сдѣлано впрочемъ весьма замѣчательное исключеніе въ отношеніи къ тяжущимся, которые винились въ части иска передъ крестнымъ цѣлованіемъ; по Уложенію, ихъ велѣно обвинять во всемъ искѣ (Улож. гл. XI, ст. 29). Но въ Новоуказныхъ статьяхъ это отмѣнено, и общее правило о собственномъ признаніи по спорнымъ гражданскимъ искамъ распространено и на тяжущихся, которые винились передъ крестнымъ цѣлованіемъ [1]; c) наконецъ, чтобъ собствен-

[1]) 1678 года, 19 декабря (№ 741); именный.

ное признаніе тяжущихся могло служить доказательствомъ, самый фактъ признанія долженъ быть несомнѣнно и достовѣрно извѣстенъ судьямъ. Въ Уложеніи вездѣ упоминается или о признаніи въ судѣ, слѣдовательно въ присутствіи судей (Юрид. акты № 21), или передъ крестнымъ цѣлованіемъ, слѣд. въ присутствіи духовнаго лица, приводящаго къ присягѣ, дьяка и другихъ лицъ.

2) Крестное цѣлованіе. Присяга была рѣшительнымъ и послѣднимъ доказательствомъ, къ которому прибѣгали въ гражданскомъ судопроизводствѣ для рѣшенія спорнаго дѣла. Послѣ присяги, которою рѣшались только тѣ споры, для которыхъ не было никакихъ другихъ доказательствъ (Улож. гл. XIV, ст. 8), тяжущіеся не могли уже болѣе ни доказывать, ни опровергать спорнаго иска (гл. X, ст. 154). Къ присягѣ допускались всѣ лица безъ различія, и женщины (гл. X, ст. 173; гл. XX, ст. 45) и иноземцы (гл. XIV, ст. 3). Не допускались:

a) Принесшіе ложную присягу (гл. XIV).

b) Духовныя лица (черное и бѣлое духовенство), по правилу: «кому крестъ цѣловать, тому не священствовать». Для нихъ мѣсто присяги заступалъ жребій (гл. XI, ст. 27), или допросъ, — духовныхъ священническаго чина по священству, а иноковъ по иноческому обѣщанію (гл. XIII, ст. 4). Это правило не распространялось однако на слугъ и крестьянъ, принадлежащихъ духовенству (гл. XIII, ст. 6). Положеніе: кому крестъ цѣловать, тому не священствовать — показываетъ также, что вообще всѣ лица, принадлежавшія къ духовному званію, кромѣ духовныхъ лицъ, какъ-то: жены, дѣти и родственники ихъ, должны были присягать наравнѣ съ прочими.

c) Недостигшіе 15-ти и 20-ти-лѣтняго возраста. Присягать могли только тѣ, которые достигли 20-ти-лѣтняго возраста. Это правило во всей строгости соблюдалось въ отношеніи

къ тѣмъ, которые цѣловали крестъ за другихъ (гл. XIV, ст. 1), и которые имѣли кого послать, вмѣсто себя, къ присягѣ. Но подъ это правило не подходили лица, недостигшія 20-ти-лѣтняго возраста, которыя не имѣли кого поставить за себя къ крестоцѣлованію; имъ дозволялось присягать самимъ, даже если имъ было не болѣе 15-ти лѣтъ. Лица, недостигшія 15-ти-лѣтняго возраста, ни въ какомъ случаѣ не допускались къ присягѣ (гл. XIV, ст. 5).

d) Присягавшіе трижды. Въ отношеніи къ этимъ лицамъ, крестоцѣлованіе замѣнялось сыскомъ и пыткою (гл. XIV, ст. 1 и 2).

Особенность крестнаго цѣлованія, во времена Уложенія, заключалась въ томъ, что по спорному гражданскому дѣлу цѣловать крестъ могъ самъ тяжущійся, или вмѣсто его другое лицо [1]). Основанія этой особенности должно искать въ быту патріархальномъ и семейственномъ, который, во времена Уложенія, былъ главнымъ и почти единственнымъ основаніемъ политическаго и гражданскаго быта. Вмѣсто тяжущихся присягали ихъ люди (Улож. гл. XIV, ст. 1), родственники (гл. XX, ст. 45) и судебные представители (гл. XIV, ст. 5); но не могли цѣловать креста наемные люди и посторонніе, по просьбѣ или порученію тяжущихся [2]). Если истецъ или отвѣтчикъ хотѣлъ заставить цѣловать крестъ, вмѣсто себя, своего человѣка, то выборъ послѣдняго предоставлялся противнику; кого изъ людей выбиралъ онъ, тотъ и долженъ былъ прися-

[1]) Цѣловать крестъ не самому было привилегіею, которая давалась самимъ государемъ и выражалась въ жалованныхъ грамотахъ. — См. Царскую жалованную грамоту суконной сотни торговому человѣку Петру Рязанцеву, 1682 года, 14 января, въ Актахъ Археографической Экспедиціи, т. IV, № 252. — Голикова Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго, т. III, стр. 435.

[2]) Такъ, кажется, должно понимать слова Уложенія: «А наемнымъ людемъ и подставою креста не цѣловати и ко кресту не приводити ни которыми дѣлы». Улож. гл. XIV, ст. 5.

гать вмѣсто своего господина. Этотъ выборъ технически выражается въ Уложеніи словами: кому истецъ или отвѣтчикъ повѣритъ (гл. XIV, ст. 7, 8). Но если выбранный сбѣжитъ отъ своего господина, или умретъ, то право назначать другаго принадлежало уже не противнику, а самому господину (гл. XX, ст. 96).

Цѣловать крестъ въ спорныхъ гражданскихъ дѣлахъ предоставлялось не истцу, а отвѣтчику (Улож. гл. XIV, ст. 3, 4, 8; гл. XI, ст. 25, 26, 29); но отъ его произвола зависѣло присягать самому («взять себѣ на душу»), или отказаться и предоставить цѣловать крестъ истцу («дать истцу на душу») (гл. XIV, ст. 8). Въ этомъ случаѣ, вѣроятно истецъ былъ обязанъ присягнуть въ спорномъ дѣлѣ; ибо нигдѣ не говорится, чтобъ истецъ могъ отказаться отъ присяги и отдать ее на душу отвѣтчику. Но для исковъ русскихъ подданныхъ съ чужеземцами (а не иновѣрцами, какъ объясняетъ Татищевъ), т. е. нодданными другихъ государствъ, было сдѣлано исключеніе. Первые, будутъ ли они истцы или отвѣтчики, въ искахъ съ чужеземцами имѣли право, не приступая къ присягѣ, требовать, чтобъ жребій рѣшилъ, кому цѣловать крестъ въ спорномъ искѣ «и чей жребій вымется, и тому, поцѣловавъ крестъ, свое и взяти, или отцѣловатися» (гл. XIV, ст. 4).

Не во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ присяга принималась за доказательство. Изъ соображенія тѣхъ статей Уложенія, къ которыхъ упоминается о крестоцѣлованіи по гражданскимъ искамъ, ясно видно, что она допускалась только по дѣламъ, возникавшимъ изъ гражданскихъ преступленій [1]). Поэтому-то о

[1]) По Уложенію присяга допускалась по слѣдующимъ спорнымъ дѣламъ: 1) о бѣглыхъ крестьянахъ и ихъ имѣніи (животахъ): гл. XI, ст. 26, 27, 29; 2) о убыткахъ, причиненныхъ ратными людьми: гл. VII, ст. 30; 3) о взиманіи мыта, перевознаго и мостовщины съ ратныхъ людей: гл. IX, ст. 2 и 3; 4) о покраденныхъ и похищенныхъ вещахъ, на которыя не было запи-

присягѣ по крѣпостнымъ искамъ нигдѣ не упоминается. Въ этихъ искахъ единственнымъ доказательствомъ, какъ говоритъ Кошихинъ, служили крѣпости (Кошихинъ гл. VII, ст. 43); кто не могъ доказать своего права крѣпостями, тотъ обвинялся въ искѣ. Дѣла о недвижимыхъ никогда не рѣшались присягою; на это мы имѣемъ и прямыя свидѣтельства [1]). Наконецъ, по искамъ цѣною не болѣе рубля, мѣсто присяги заступалъ жребій (Улож. гл. XIV, ст. 10). Каждый присягалъ по своей вѣрѣ (гл. XIV, ст. 3). По искамъ между православными и иновѣрцами присяга давалась, въ періодъ Уложенія, въ приказахъ, въ которыхъ судилось спорное дѣло (гл. XIV, ст. 3); по тяжбамъ между православными — въ церкви [2]). Обрядъ принесенія присяги былъ совершенно одинаковъ съ теперешнимъ, и подробно развитъ въ Уложеніи и Новоуказныхъ статьяхъ [3]).

Кому доводилось цѣловать крестъ въ спорномъ дѣлѣ, того отдавали на поруки (Юрид. акты № 299); но если онъ не являлся къ присягѣ, не подавши предварительно о томъ челобитной, или, явившись, не присягалъ, или не ставилъ къ присягѣ своего человѣка, то обвинялся въ спорномъ дѣлѣ (Улож.

сано явки: гл. XXI, ст. 51; 5) о поклажахъ ратныхъ людей у городскихъ жителей: гл. X, ст. 190; 6) о вредѣ, причиненномъ напущеніемъ собаки: гл. X, ст. 281; 7) о поклажѣ, раскрытой и распечатанной тѣмъ, у кого она оставлена на сбереженіе: гл. X, ст. 195; 8) о боѣ, безчестьи, грабежѣ и обидѣ лицъ духовнаго сана служилыми людьми: гл. XIII, ст. 4; 9) объ обидахъ нанесенныхъ слугамъ или крестьянамъ духовныхъ лицъ; гл. XIII, ст. 5; 10) о сносѣ, сдѣланномъ бѣжавшимъ работникомъ, по которомъ были поручители: гл. XX, ст. 45; 11) о бѣглыхъ людяхъ: гл. XX, ст. 49 и 96; 12) о порчѣ и истребленіи межевыхъ знаковъ и перепахиваніи земли: гл. X, ст. 232.

[1]) 1683 года, 13 іюня (№ 1022); именный съ боярскимъ приговоромъ.

[2]) 1678 года, 19 декабря (№ 741); именный.

[3]) Улож. гл. XIV, ст. 6, 10; — 1685 года, 15 іюня (№ 1126); именный съ боярскимъ приговоромъ.

гл. XIV, ст. 6); ибо предполагалось, что во всѣхъ означенныхъ случаяхъ обязанный дать присягу сознавался, что онъ неправъ.

Особый видъ присяги есть вѣра, образное хожденіе. Крестное цѣлованіе, какъ мы видѣли, не принималось за доказательство въ дѣлахъ о земляхъ. Но могло случиться, что споръ вчинялся не о правѣ или владѣніи недвижимымъ, а только о границахъ его. Въ этомъ случаѣ, когда не было никакихъ данныхъ для рѣшенія спора, прибѣгали къ совѣсти тяжущихся. Такимъ образомъ крестное цѣлованіе внесено и въ спорныя межевыя дѣла, подъ названіемъ вѣры образнаго хожденія. Объ образномъ хожденіи говорится въ Уложеніи въ трехъ мѣстахъ. Изъ нихъ видно, что этотъ способъ доказыванія употреблялся только въ крайнихъ случаяхъ, когда спора нельзя было рѣшить ни письменными доказательствами, ни обыскомъ (гл. XVII, ст. 52; гл. X, ст. 236, 237).

Образное хожденіе заключалось въ томъ, что одинъ изъ тяжущихся, взявши образъ, шелъ съ нимъ по тому мѣсту, гдѣ, по его убѣжденію, пролегала спорная межа. Это право проводить межу, и безспорно, давалось одному изъ тяжущихся по жеребью, также какъ въ спорахъ между русскими и иностранцами жребій рѣшалъ, кому приносить присягу; но въ послѣднемъ случаѣ къ жеребью прибѣгали не иначе, какъ по требованію тяжущихся; при образномъ хожденіи къ нему приступали по закону [1]). Этотъ видъ крестнаго цѣлованія уничтоженъ въ 1683 году, «чтобъ... душевредства и клятвы не было» [2]).

[1]) Жребій бросали въ судѣ, гл. X, ст. 236. — Весьма замѣчательно, что объ образномъ хожденіи также говорится: *отдать кому на душу*. Это указываетъ на одинаковость его съ крестнымъ цѣлованіемъ.

[2]) 1683 года, 20 мая (№ 1013); Писцовый наказъ межевщикамъ, посланнымъ въ городы.

3) Письменныя доказательства. Доказываніе или опроверженіе спорнаго иска письменными актами необходимо появляется вмѣстѣ съ системою укрѣпленія такими актами гражданскихъ правъ. Въ періодъ Уложенія, письменными актами укрѣплялись всѣ права гражданскія: и права на вещи, и обязательства, основанныя на договорѣ, и наслѣдственное право. Письменные акты первоначально вѣроятно составлялись для памяти (отсюда память, запись). Въ послѣдствіи, процессуальное назначеніе ихъ развивалось все болѣе и болѣе; письменные акты начали составляться уже не для памяти, а для спору. Такъ въ Уложеніи (гл. XI, ст. 4, 19). Отсюда крѣпость — названіе, усвоенное всѣмъ тѣмъ письменнымъ актамъ, которыми доказывалось какое-либо гражданское право (гл. XVIII, ст. 17; гл. XX, ст. 21, 29, 32; гл. X, ст. 246, 247, 250).

Итакъ, система укрѣпленія гражданскихъ правъ письменными актами введена сначала обычаемъ, употребленіемъ, а не положительнымъ закономъ. Но когда однажды утвердился обычай составлять о каждомъ гражданскомъ правѣ письменный актъ, законодательство начало требовать, чтобъ права доказывались крѣпостями. Такъ многіе гражданскіе иски сдѣлались исключительно крѣпостными.

«А которые люди всякихъ чиновъ учнутъ бити челомъ на кого въ заемныхъ деньгахъ, или въ поклажахъ, или въ какой нибудь ссудѣ а... на то кабалъ и заемныхъ памятей и иныхъ никакихъ крѣпостей... въ челобитьѣ своемъ и въ приставныхъ памятѣхъ не напишутъ, и имъ на тѣхъ людей суда не давати» (Улож. гл. X, ст. 189; ср. гл. XXI, ст. 71).

«А дается во всякихъ въ денежныхъ и въ заемныхъ товарныхъ и иныхъ дѣлахъ судъ по кабаламъ и по записямъ, а у кого кабалъ нѣтъ, или утеряются, или подерутся, и иная

какая нибудь шкода учинится, и въ безкабальныхъ дѣлахъ суда не дается и вѣрить не велѣно ни чему, хотябъ на какое дѣло двадцатъ человѣкъ свидѣтелей было, все то ни во что безъ крѣпостей» (Кошихинъ гл. VII, ст. 43).

Вслѣдствіе принятія и утвержденія положительнымъ законодательствомъ системы укрѣпленія гражданскихъ правъ письменными актами, должны были образоваться извѣстныя правила составленія этихъ письменныхъ актовъ, для того, чтобъ они могли быть признаваемы за доказательство. Эти правила упоминаются въ Уложеніи, и вообще, въ судебной практикѣ того времени, были развиты довольно подробно [1]).

Крѣпостями доказывались въ періодъ Уложенія почти всѣ гражданскіе иски. Подъ это правило не подходили: a) Иски, основанные на давности [2]); b) Гражданскіе иски, возникавшіе вслѣдствіе гражданскихъ преступленій (боя, грабежа и т. д.); c) Гражданскіе иски, преслѣдуемые уголовнымъ порядкомъ (напр. объ убыткахъ, нанесенныхъ покражею, мошенничествомъ, разбоемъ, подлогомъ [3]) и т. д).

Опровергать искъ, основанный на крѣпостныхъ доказательствахъ, можно было различными способами: a) Крѣпостями [4]); b) Опроверженіемъ подлинности крѣпостей. Такое опроверженіе технически выражалось словами: оболживить, полживить крѣпость [5]). Оно состояло въ томъ, что тяжущійся, отсутствіемъ нѣкоторыхъ формальныхъ, существенныхъ принадлежностей извѣстнаго письменнаго акта, доказывалъ подложность его («что она не прямая, а лживая»).

[1]) Улож. гл. XX, ст. 103; гл. XXI, ст. 99; гл. X, ст. 246, 250, 252, 253; гл. XI, ст. 4.

[2]) Улож. гл. XVII, ст. 51.

[3]) Улож. гл. XVII, ст. 59; гл. XVI, ст. 23, 54; гл. XX, ст. 24, 25.

[4]) Улож. гл. XVII, ст. 34; гл. XX, ст. 21, 32; гл. X, ст. 254.

[5]) Улож. гл. X, ст. 259; гл. XX, ст. 20.

Письменные акты доставлялись къ суду самими тяжущимися:

«Которые крѣпости на судѣ истецъ или отвѣтчикъ въ письменныхъ или въ словесныхъ своихъ ссылкахъ объявятъ, а на судѣ ихъ въ то время не положатъ, и ихъ про тѣ крѣпости допрашивати въ судѣ же, гдѣ у нихъ тѣ крѣпости. Да будетъ скажутъ, что у нихъ тѣ крѣпости на Москвѣ, и имъ тѣ крѣпости велѣть положити вскорѣ. А будетъ они скажутъ, что у нихъ тѣ крѣпости въ городѣхъ, и имъ въ тѣхъ крѣпостяхъ дати поверстный срокъ по Государеву указу»[1]).

Кто не являлся къ суду съ крѣпостью въ назначенный срокъ, того обвиняли въ искѣ безъ суда[2]).

4) Общая правда. (Опчая правда, обчая правда, обчая ссылка.) Подъ именемъ «общей правды» разумѣлось свидѣтельство одного или нѣсколькихъ лицъ, на которое ссылались оба тяжущіеся, и истецъ и отвѣтчикъ. Уложеніе даетъ ей преимущество передъ всѣми другими видами свидѣтельства: передъ послушествомъ (гл. X, ст. 167) и обыскомъ (гл. X, ст. 168). Причина та, что показаніе свидѣтеля, на котораго ссылаются оба противника, уже по этому одному должно быть достовѣрнѣе всякаго другаго свидѣтельства. Изъ этого правила сдѣлано одно только исключеніе: общей правдѣ предпочитали повальный обыскъ, когда она не была ближняя, т. е. когда мѣсто, гдѣ должно было произвести обыскъ, было ближе мѣстопребыванія общей правды (гл. X, ст. 167). Она вовсе не допрашивалась, когда находилась въ городахъ, отдаленныхъ отъ Москвы на большое разстояніе (въ Астрахани, Сибири), и тяжущійся приносилъ жалобу на своего противника, что онъ, ссы-

[1]) Улож. гл. X, ст. 22. — Указный поверстный срокъ не опредѣленъ въ Уложеніи. Въ Судебникѣ на сто верстъ полагается семь дней. Судебникъ Татищева, § 42, 69.

[2]) 1685 года, 11 ноября (1140); Судныя статьи, п. 2.

лаясь на такую правду, только хочетъ проволочить дѣло (гл. XX, ст. 109).

Уложеніе не рѣшаетъ весьма важнаго вопроса, который естественно представляется при тщательномъ разсмотрѣніи общей правды: можетъ ли быть принята въ судѣ общая ссылка тяжущихся на такія лица, которыя, по закону, не допускаются къ свидѣтельству, напр. общая ссылка на жену одного изъ тяжущихся, на господина и т. д. Кажется, этотъ вопросъ должно рѣшать и положительно, и отрицательно, смотря по различнымъ цѣлямъ, съ которыми законодательство устранило извѣстныя лица отъ свидѣтельства. Если цѣль заключается только въ обезпеченіи тяжущихся отъ ложныхъ показаній, то общая ссылка на лица, которыя, по закону, не могли быть свидѣтелями, должна быть допущена. Напротивъ, если цѣль состоитъ въ наказаніи извѣстныхъ лицъ (напр. клятвопреступника), или сохраненіи святости и чистоты извѣстныхъ отношеній (напр. дѣтей къ родителямъ, жены къ мужу), то допросъ такой ссылки не могъ, кажется, быть допущенъ ни въ какомъ случаѣ.

Общая правда могла состоять изъ одного (гл. X, ст. 167) или нѣсколькихъ общихъ свидѣтелей. Въ послѣднемъ случаѣ, при разнорѣчіи, на двухъ одинаковыхъ показаніяхъ основывалось рѣшеніе (гл. X, ст. 169). Вызовъ къ суду общей правды, какъ позывъ къ суду отвѣтчика, производился посредствомъ пристава (гл. X, ст. 144), или посредствомъ государевой сыскной грамоты, посылаемой къ воеводѣ того города, гдѣ жилъ общій свидѣтель [1]). По прибытіи къ суду, его допрашивали, кажется, не приводя къ присягѣ; по крайней мѣрѣ объ этомъ нигдѣ не упоминается.

[1]) Улож. гл. XVIII, ст. 31. — 1678 года, 19 декабря (№ 742); боярскій приговоръ.

На ложное показаніе общей правды можно было приносить жалобу (Улож. гл. X, ст. 170). Оно вѣроятно судилось уголовнымъ судомъ, одинаково съ ложными показаніями обыскныхъ людей.

5) Обыскъ. Обыскъ есть свидѣтельство многихъ людей, живущихъ на извѣстномъ пространствѣ, на которыхъ тяжущіеся ссылаются, не называя каждаго поимянно: «на многихъ людей безимянно» (Улож. гл. X, ст. 161). Изъ этого опредѣленія вытекаютъ слѣдующія основныя положенія:

1) Обыска отводить нельзя (гл. X, ст. 161). Когда кто-либо ссылается на многихъ людей вообще, не называя ихъ именно, то невозможно предполагать стачки между имъ и тѣми, которые допрашиваются въ обыскѣ. Изъ этого правила сдѣлано было одно только исключеніе. Если одинъ изъ тяжущихся ссылался на обыскъ въ городахъ, отдаленныхъ отъ Москвы, въ Астрахани или Сибири, то другой могъ обвинять своего противника, что онъ дѣлаетъ это для проволочки дѣла, и тогда судьи отказывали въ обыскѣ. Это исключеніе, въ строгомъ смыслѣ, не есть исключеніе, ибо не проистекаетъ изъ сущности обыска (гл. XX, ст. 109).

2) Нельзя отводить никого изъ обыскныхъ людей. Есть мнѣніе, будто бы отводъ не дозволяется потому, что если нѣкоторые и покажутъ ложно, то за то другіе дадутъ справедливое свидѣтельство, и рѣшеніе, въ большей части случаевъ, будетъ правильно. Но это несправедливо. Приведенное положеніе вытекаетъ изъ основнаго начала обыска. Повальный обыскъ есть ссылка на многихъ людей безымянно. Поэтому должно спрашивать всѣхъ. Если будетъ допущенъ отводъ обыскныхъ людей, тогда въ ссылку безымянную будетъ внесено начало послушества, ссылки на извѣстныя, опредѣленныя лица, что противорѣчитъ главному, характеристическому свойству обыска, и разрушаетъ его въ самомъ понятіи. Обыскъ

есть свидѣтельство людей, означенныхъ вообще, а не поимянно; слѣд. каждый изъ нихъ необходимо долженъ имѣть способность быть свидѣтелемъ. Поэтому, Новоуказными статьями запрещено допрашивать въ обыскѣ тѣхъ, которые «сами не вѣдаютъ и не видали, а скажутъ, что слышали отъ людей»; глухихъ, нѣмыхъ, «бѣсныхъ» и «которые въ малыхъ лѣтѣхъ, а не въ возрастѣ» [1]).

Обыскъ имѣлъ различныя названія. Онъ назывался обыскомъ (Улож. гл. X, ст. 156, 157 и др.), повальнымъ обыскомъ [2]), большимъ повальнымъ обыскомъ [3]), большимъ сыскомъ (Улож. гл. XVI, ст. 35), большимъ обыскомъ (Юрид. акты № 59), наконецъ обыскомъ около житья (Улож. гл. XXI, ст. 28). Всѣ эти названія, конечно, не означали различныхъ видовъ обыска, юридически отличныхъ другъ отъ друга, и служили только для выраженія нѣкоторыхъ фактическихъ оттѣнковъ его въ различныхъ случаяхъ [4]); со всѣмъ тѣмъ, эти оттѣнки иногда имѣли значительное вліяніе на рѣшеніе спорнаго дѣла, и даже на юридическій характеръ обыска. Въ доказательство мы приведемъ здѣсь одинъ случай, который разрѣшенъ Уложеніемъ.

Отличительное свойство обыска, какъ мы видѣли, именно состояло въ томъ, что на него ссылались тяжущіеся, не называя лицъ, которые должны быть допрошены («на многихъ лю-

[1]) 1669 года, 22 января (№ 431); Новоуказныя статьи о татиныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ, ст. 28.

[2]) Улож. гл. X, ст. 161; гл. XXI, ст. 85; гл. XX, ст. 95; гл. X, ст. 175.

[3]) Улож. гл. XXI, ст. 57; — Юридическіе акты № 60.

[4]) Улож. гл. XX, ст. 95: «А которые люди учнутъ... слатися въ повальной обыскъ около своего помѣстья... версты по двѣ, и по три, и по пяти, и по шти, и по десяти». 1669 года, 22 января (№ 431); Новоуказныя статьи о татиныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ, ст. 28: «А сыскивать повальнымъ обыскомъ около тѣхъ мѣстъ по верстѣ, и по двѣ, и по три, и по пяти, и по десяти, и по пятнадцати, и по двадцати и больше».

дей безимянно»). Когда такимъ образомъ допрашивалось множество лицъ, характеръ обыска сохранялся во всей чистотѣ. Но могло быть, что, несмотря на безымянную ссылку, въ обыскѣ оказывалось не болѣе двадцати, или тридцати человѣкъ. Должно ли считать ихъ показанія повальнымъ обыскомъ, или нѣтъ? Тяжущійся могъ умышленно сослаться на такой обыскъ, для того только, чтобъ воспользоваться преимуществами, которыя обыскъ имѣетъ передъ показаніями послуховъ. Уложеніе рѣшаетъ вопросъ такъ: если обысчикъ и оба тяжущіеся скажутъ, что кромѣ двадцати или тридцати человѣкъ на извѣстномъ, для обыска опредѣленномъ пространствѣ, нѣтъ болѣе другихъ людей, то такой обыскъ почитать повальнымъ обыскомъ (гл. XX, ст. 95).

По Уложенію, обыскъ занимаетъ средину между общею правдою и послушествомъ. Изъ трехъ упомянутыхъ нами видовъ личнаго свидѣтельства, ссылка на общую правду имѣла преимущество передъ ссылкою на обыскъ (гл. X, ст. 167), а обыскъ имѣлъ преимущество передъ послушествомъ, потому что не могъ быть отводимъ противникомъ (гл. X, ст. 161).

По гражданскимъ процессамъ обыскъ производился не иначе, какъ по требованію одного изъ тяжущихся [1]). Когда который-нибудь изъ нихъ ссылался на обыскъ, судьи посылали государеву грамоту къ воеводѣ того города, гдѣ надлежало быть обыску, съ приказаніемъ произвести его немедленно [2]). По полученіи такой грамоты, воевода посылалъ «отставнаго дворянина добра» или «изъ приказа подьячаго», или

[1]) Это доказывается тѣмъ, что въ Уложеніи безпрестанно говорится: «слатися въ обыскъ», иногда съ прибавленіемъ: изъ виноватыхъ. Одно только мѣсто въ Уложеніи упоминаетъ объ обыскѣ, назначаемомъ безъ ссылки тяжущихся. См. Улож. гл. XVIII, ст. 33.

[2]) Эти грамоты назывались *сыскными*. — 1679 года, 19 декабря (№ 742); боярскій приговоръ. — 1688 года, 31 марта (№ 1294); именный.

сына боярскаго, или пушкаря[1]), произвести обыскъ на мѣстѣ. По порученію, на нихъ возложенному, они вообще назывались обыщиками, иногда сыщиками (Улож. гл. X, ст. 161). Этимъ сыщикамъ давалась наказная память, въ которой излагались предметъ обыска и обязанность сыщика (Юрид. акты № 345). Прибывши на мѣсто, гдѣ должно было производить обыскъ, сыщикъ допрашивалъ обыскныхъ людей, какъ обыкновенно допрашиваютъ свидѣтелей: бралъ показаніе отъ каждаго за его подписью, отъ свѣтскихъ людей подъ присягою, отъ лицъ духовнаго чина по священству и иноческому обѣщанію, и принималъ всѣ мѣры, чтобъ обыскные люди «стакався не лгали» (Улож. гл. X, ст. 191). На обыскѣ основывали рѣшеніе спорнаго дѣла. Если показанія разнорѣчили, то приговоръ постановлялся по большинству одинаковыхъ показаній (гл. X, ст. 191).

Въ періодъ времени отъ Уложенія до Петра Великаго обыскъ значительно измѣнился и почти совершенно основанъ на началахъ послушества. Прежнее положеніе, что обыскныхъ людей отводить нельзя, сохранилось по одной только формѣ; ибо Новоуказными статьями 1669 года постановлено не допрашивать тѣхъ, которыхъ тяжущійся имѣлъ право отводить отъ свидѣтельства[2]). Удержалось одно только существенное различіе между повальнымъ обыскомъ и послушествомъ: первый составляли показанія свидѣтелей, не поименованныхъ тяжущи-

[1]) Юридическіе акты, № 345. — Изъ наказной памяти обыщикамъ видно, что иногда посылали нѣсколькихъ производить обыскъ.

[2]) 1669 года, 22 января (№ 431); Новоуказныя статьи о татиныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ, ст. 28. — Такъ, не велѣно допрашивать дѣтей въ обыскахъ о родителяхъ; вольноотпущенныхъ о прежнихъ господахъ; работниковъ о тѣхъ, у кого живутъ въ работѣ. Весьма замѣчательно, что въ числѣ отводимыхъ отъ обыска самимъ закономъ не упомянуты тѣ, которыхъ отводить именно запрещено въ Уложеніи, а именно родственники и друзья (Улож. гл. X, ст. 161).

мися, а последнее было свидѣтельство лицъ, именно означенныхъ тѣмъ, кто ссылался на ихъ свидѣтельство.

Несмотря на формальность, опредѣленность, которую имѣетъ обыскъ въ Уложеніи, и на стремленіе законодательства настоящей эпохи основать его на началахъ послушества, въ немъ не трудно узнать свидѣтельство общины, міра, который нѣкогда былъ главнымъ основаніемъ всего нашего юридическаго быта. Такой характеръ мірскаго, общиннаго показанія обыскъ сохранилъ отчасти и въ послѣдствіи, въ дѣлахъ уголовныхъ; оговореннаго въ татьбѣ, разбоѣ или убійствѣ не пытали, не допрося въ обыскѣ, добрый ли онъ, или лихой человѣкъ. Такимъ образомъ, положеніе, что нельзя отводить обыска, объясняется и исторически. Свидѣтельство цѣлой общины, міра, неподкупно, непреложно-истинно. Эта мысль сохранилась въ пословицѣ: «гласъ народа, гласъ Божій».

Общинный бытъ Россіи рано пришелъ въ упадокъ. Еще въ 1556 году, изданы правила о произведеніи обыска [1]). Изъ этихъ правилъ видна недовѣрчивость къ обыску и обыскнымъ людямъ; упоминается о многихъ злоупотребленіяхъ обыскныхъ людей, о стачкѣ, лжи. Законодательство должно было прибѣгнуть къ различнымъ средствамъ, чтобъ противодѣйствовать вреднымъ послѣдствіямъ, которыя необходимо влекли за собою ложныя показанія въ обыскѣ, и допустило даже возможность контролировать его. Когда обыскъ потерялъ такимъ образомъ значеніе непреложнаго, неопровержимаго свидѣтельства, законодательство стало, мало-по-малу, вносить въ него начала послушества. Законъ не оставилъ, и не могъ оставить обыску его прежняго юридическаго значенія, но воспользовался древнею, обветшалою формою, и изъ нея создалъ особый видъ послушества, который доставлялъ тяжущимся новые способы

[1]) Суд. Татищева, § 107, 109, 110, 111, 112, 115, 116, 118.

доказыванія — многихъ, иногда имъ самимъ неизвѣстныхъ свидѣтелей.

6) Послушество. Подъ именемъ послушества разумѣется въ Уложеніи свидѣтельство лицъ, поимянно означенныхъ тяжущимися, на которое послѣдніе ссылаются какъ на доказательство. Чтобъ свидѣтельство было истинно, свидѣтель, «послухъ», долженъ 1) знать то, о чемъ свидѣтельствуетъ; 2) имѣть желаніе давать о томъ, о чемъ свидѣтельствуетъ, истинное показаніе.

Знаніе предмета свидѣтельства предполагаетъ въ послухѣ: a) Способность познаванія. Поэтому не могутъ быть послухами: дѣти, безумные, сумасшедшіе, глухіе, нѣмые и «бѣсные»[1]). Въ Уложеніи объ этихъ исключеніяхъ вовсе не упоминается, можетъ-быть потому, что они разумѣлись сами собою, или жили еще въ обычаѣ, какъ многія другія юридическія положенія, не вошедшія въ законъ писанный. Въ Новоуказныхъ статьяхъ нѣкоторыя изъ этихъ исключеній показаны, и внесены въ наше законодательство изъ градскихъ законовъ. b) Непосредственное знаніе того, о чемъ свидѣтельствуетъ. Поэтому не могли свидѣтельствовать тѣ, которые знали о предметѣ свидѣтельства по слухамъ[2]).

Желаніе послуха дать справедливое показаніе (по Уложенію сказку) предполагается, если нѣтъ какой-либо причины ожидать противнаго.

Такими причинами почитаются въ Уложеніи: a) Нарушеніе святости присяги. Кто однажды далъ присягу въ неправомъ искѣ, или, давши присягу, дѣлалъ ложное по-

[1]) 1669 года, 22 января (№ 431); Новоуказныя статьи о татинныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ, ст. 28,

[2]) Улож. гл. X, ст. 172. — Изъ указа 1556 года видно, что въ періодъ Судебника ссылались и на тѣхъ, которые слышали о томъ, о чемъ свидѣтельствовали («въ слухъ, видѣніе и вѣдомо»). Судебн. Татищева § 108.

казаніе, тотъ не могъ уже никогда быть свидѣтелемъ[1]). ѣ) Предрасположеніе къ истцу или отвѣтчику, проистекающее: α) изъ родства (гл. X, ст. 161). Не принималось свидѣтельство жены одного тяжущагося, по ссылкѣ другаго[2]); но свидѣтельство отца или матери одного тяжущагося, по ссылкѣ другаго, принималось за неопровержимое доказательство (гл. X, ст. 176); β) изъ «недружбы» (гл. X, ст. 161, 181; гл. XXI, ст. 76); γ) изъ стачки свидѣтеля съ однимъ изъ тяжущихся (гл. X, ст. 182, 179); δ) изъ близкихъ, хотя не родственныхъ и не дружественныхъ отношеній свидѣтеля къ одному изъ тяжущихся. По Уложенію, отпущенные крѣпостные люди не могли быть призываемы къ свидѣтельству тѣмъ, кто имѣлъ спорное дѣло съ ихъ прежнимъ господиномъ (гл. X, ст. 174). Когда крѣпостной человѣкъ отвѣчалъ въ своемъ искѣ за своего господина, истецъ не могъ призывать послѣдняго въ свидѣтели по этому иску (гл. X, ст. 178).

Не всѣ изложенныя нами причины одинаково отклоняли извѣстныя лица отъ свидѣтельства по спорному дѣлу. Иныя сами собою дѣлали свидѣтелей неспособными къ свидѣтельству; другія не иначе, какъ по просьбѣ тяжущагося, противъ котораго приводили свидѣтелей. Къ послѣднимъ преимущественно относятся: родство и недружба (Улож. гл. X, ст. 161, 181, 182, 179). Отклоненіе послуха отъ свидѣтельства самимъ тяжущимся технически называется въ нашемъ законодательствѣ отводомъ. Итакъ, подъ именемъ отвода должно разумѣть отстраненіе отъ свидѣтельства, однимъ изъ тяжущихся, свидѣтеля, на котораго ссылался другой, — отстраненіе, основанное на

[1]) Улож. гл. XI, ст. 27: «и впредь ему ни въ чемъ не вѣрить».

[2]) Улож. гл. X, ст. 177. — Судебникъ Татищева, § 122; указъ 1557 года, 2 января: «потому что жена въ его (мужа) волѣ, что ей велитъ, то она и пишетъ».

законной причинѣ и происходившее законнымъ порядкомъ. Тяжущійся подавалъ объ отводѣ просьбу судьямъ (гл. X, ст. 179), которые разсматривали ее и рѣшали, имѣетъ ли отводъ справедливое основаніе. Въ руководство они принимали Уложеніе и обычай, когда первое не опредѣляло правилъ, признаваемыхъ въ послѣднемъ.

Не могли быть отводимы: a) Родители (Улож. гл. X, ст. 176). b) Ссылка на десять человѣкъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и городовыхъ, дѣтей боярскихъ, стрѣлецкихъ головъ, гостей, дьяковъ, жильцовъ, дворовыхъ людей, стрѣлецкихъ сотниковъ и подъячихъ поимянно, въ искѣ, цѣною въ 50 рублей (гл. X, ст. 158). c) Ссылка на десять человѣкъ посадскихъ людей гостиной, суконной и черныхъ сотенъ и слободъ; стрѣльцовъ, казаковъ и вообще служилыхъ людей; ямщиковъ, монастырскихъ служекъ и крестьянъ, поимянно, въ искѣ цѣною въ 20 рублей (гл. X, ст. 159).

Въ означенныхъ трехъ случаяхъ свидѣтельство почиталось полнымъ, несомнѣннымъ и неопровержимымъ доказательствомъ. Если «тѣ люди (на которыхъ ссылался тяжущійся) по допросу скажутъ не противъ его ссылки, или и противъ его ссылки, да не всѣ во одну рѣчь, хотя одинъ не по немъ скажетъ, или они скажутъ, что про то дѣло ничего не вѣдаютъ, и его тѣмъ обвинити, потому что онъ на тѣхъ людей самъ слался изъ воли, а они сказали не противъ его ссылки» (гл. X, ст. 160).

Свидѣтелей допрашивали въ судѣ. Это доказывается правыми грамотами, помѣщенными въ собраніи юридическихъ актовъ и многими мѣстами въ Судебникѣ, Уложеніи и другихъ источникахъ, въ которыхъ упоминается о хоженомъ и ѣздѣ недѣльщику, посылаемому за свидѣтелями («на правду»). Свидѣтелей, живущихъ въ городахъ и уѣздахъ, въ которые посылались не приставы, а грамоты, вѣроятно не вызывали къ

суду, а допрашивали на мѣстѣ; на это мы не имѣемъ прямыхъ доказательствъ, но заключаемъ по аналогiи съ вызовомъ къ суду отвѣтчика, и съ допросомъ общей правды. Допросу, свидѣтелей необходимо предшествовало приведенiе ихъ къ присягѣ (Улож. гл. X, ст. 158, 173). Когда это введено впервые, утвердительно сказать нельзя. Въ Судебникѣ и современныхъ ему правыхъ грамотахъ о присягѣ свидѣтелей не упоминается. Въ Уложенiи приведенiе ихъ къ присягѣ принято за общее правило. Подъ него не подходили, разумѣется, лица духовнаго, званiя и, кажется, высшiе сановники государства, бояре, окольничьи, думные дьяки и думные люди; по крайней мѣрѣ о приведенiи ихъ къ присягѣ передъ свидѣтельствомъ нигдѣ не упоминается.

Показанiе свидѣтелей технически называлось сказкою (Улож. гл. X, 158, 159), а отобранiе показанiй — допросомъ, въ противоположность роспросу, который, уже по самому названiю, заключалъ въ себѣ начало инквизицiонное, слѣдственное [1]).

7) Жребiй. Жребiй былъ одною изъ древнѣйшихъ формъ суда Божiя (ордалiй) [2]). Въ Уложенiи онъ принимается за судебное доказательство только въ двухъ случаяхъ: 1) когда цѣна иска не превышаетъ рубля (Улож. гл. XIV, ст. 10); 2) въ искахъ съ лицами духовнаго чина [3]). — Отсюда видно, что въ перiодъ Уложенiя дѣйствiе жребiя было весьма ограниченно.

[1]) 1707 года, 22 марта (№ 2144); боярскiй приговоръ.

[2]) На эту древность жребiя указываютъ слова, очевидно проистекающiя отъ одного съ нимъ корня. *жрецъ, жертва, жеребя.* (Мы знаемъ, что въ Арконскомъ храмѣ гадали посредствомъ коня. Карамзинъ, Исторiя, т. I, стр. 99, примѣч. 228 (по 1-му изд. 4.)

[3]) Улож. гл. XIII, ст. 4. — Впрочемъ, вмѣсто рѣшенiя тяжбы жребiемъ, другой тяжущiйся могъ просить о допросѣ духовныхъ священническаго чина по священству, а иноковъ по иноческому обѣщанiю. Улож. гл. XIII, ст. 6.

Въ строгомъ смыслѣ, онъ былъ тогда не что иное, какъ субститутъ крестоцѣлованія, и то въ немногихъ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ. Такое ограниченное дѣйствіе жребія, какъ судебнаго доказательства, объясняется самымъ его характеромъ. Жребій былъ остаткомъ древнихъ языческихъ вѣрованій въ судъ Божій, который рѣшалъ, что̀ право и что̀ неправо, независимо отъ усилій человѣка. Съ утвержденіемъ христіянской религіи, это вѣрованіе должно было исчезнуть. Мѣсто суда Божія заступило цѣлованіе креста, которое тоже имѣло характеръ ордалій, но привнесло къ прежнему началу начало свободной, индивидуальной воли. Стали вопрошать совѣсть тяжущихся, подъ страхомъ неминуемаго наказанія Божія за сокрытіе истины. Ордаліи должны были тогда занять второстепенное мѣсто въ числѣ судебныхъ доказательствъ, и наконецъ, въ послѣдствіи, почти совершенно исчезли.

VI.

Отсрочка съ суда.

Оба тяжущіеся, истецъ и отвѣтчикъ, могли, въ продолженіе суда, просить объ отсрочкѣ его на нѣкоторое время. Когда отсрочки просилъ одинъ тяжущійся, то она давалась ему не иначе, какъ по какой-либо законной причинѣ. По Уложенію, Новоуказнымъ статьямъ и правымъ грамотамъ, такими законными причинами признавались: a) Доставленіе на судъ крѣпости, необходимой для рѣшенія спорнаго дѣла [1]). b) Когда тяжущійся не изготовился къ отвѣту [2]).

Могли быть и другія законныя причины отсрочки. Но когда

[1]) Улож. гл. X, ст. 22. — 1685 года, 11 ноября (№ 1140); Судныя статьи, п. 2.

[2]) Тамъ же.

оба тяжущіеся просили объ отсрочкѣ съ суда, то она давалась имъ и безъ законной причины, по одному обоюдному ихъ согласію. Они заключали между собою условіе о срокѣ, въ который должны были явиться къ суду, и это условіе означали въ собственноручной подписи подъ судною запискою[1]). Кто не являлся послѣ отсрочки, въ срокъ, назначенный или закономъ, или полюбовно самими тяжущимися, тотъ обвинялся безъ суда; истецъ терялъ свой искъ, отвѣтчикъ признавался виновнымъ[2]). Дѣло называлось недосуженнымъ, а записка объ этомъ спорномъ дѣлѣ недосуженною запискою.

VII.

Сыскъ.

Въ Уложеніи весьма часто встрѣчаемъ мы выраженіе: а съ суда сыскати (гл. X, ст. 135). Это выраженіе подавало поводъ къ различнымъ толкованіямъ и было главнымъ основаніемъ неправильнаго взгляда на гражданское судопроизводство того временни.

Тяжущіеся указывали (ссылались) на доказательства; судьи удостовѣрялись въ дѣйствительности и подлинности этихъ доказательствъ. Такое удостовѣреніе технически называлось, во времена Уложенія, сыскомъ[3]). Итакъ, выраженіе съ суда сыскати значило: удостовѣриться въ подлинности доказательствъ, приводимыхъ тяжущимися; если они ссылались на свидѣтельство — допросить свидѣтелей; если на обыскъ — обыскать; если на крѣпости, или книги — разсмотрѣть, осви-

[1]) 1686 года, 19 января (№ 1156); именный съ боярскимъ приговоромъ.

[2]) Тамъ же. — 1685 года, 11 ноября (№ 1140); Судныя статьи, п. 2.

[3]) Улож. гл. VII, ст. 6; гл. X, ст. 194; гл. XX, ст. 17; гл. X, ст. 214, 223, 235, 238, 276; гл. XX, ст. 64, 103.

дѣтельствовать крѣпости, и книги. Такъ объясняются идругія выраженія, встрѣчающіяся въ источникахъ: по суду и по сыску[1]), по суду или по сыску[2]), по судному и сыскному дѣлу[3]). Слова: сыскъ, сыщется, никогда не употреблялись въ отношеніи къ собственному признанію, присягѣ и жребію. Причина вѣроятно та, что они, по существу своему, не имѣли ничего общаго съ прочими доказательствами.

VIII.

Судная записка.

Доказательства и возраженія тяжущихся, представляемыя на судѣ словесно или письменно, и вообще все что̀ говорилось на судѣ истцомъ, отвѣтчикомъ и судьею, записывалось подъячими того приказа, гдѣ происходилъ судъ.

«А судныя дѣла въ приказѣхъ записывати подьячимъ, а черненья бы и межъ строкъ приписки и скребленья въ тѣхъ запискахъ не было. А какъ судъ отойдетъ, и истцу и отвѣтчику къ тѣмъ запискамъ прикладывати руки. А которые грамотѣ не умѣютъ, и въ тѣхъ мѣсто прикладывати руки, кому они вѣрятъ» (Улож. гл. X, ст. 11).

«А . . . для записки судныхъ дѣлъ во всѣхъ приказѣхъ быти записнымъ книгамъ, за дьячьими руками. А судныя дѣла въ тѣ книги записывати подьячимъ тогожде часу, какъ судъ отойдетъ, чтобы про то было вѣдомо, въ которомъ числѣ кто на комъ чего искалъ» (Улож. гл. X, ст. 128).

[1]) Улож. гл. VII, ст. 7; гл. IX, ст. 3; гл. XI, ст. 2, 34; гл. XVII, ст. 27; гл. XX, ст. 4; гл. X, ст. 92, 218, 244, и др.

[2]) Улож. гл. X, ст. 30, 31, 85.

[3]) Юридическіе акты, № 25.

IX.

Судъ.

(дополнительный)

Изъ многихъ статей Уложенія мы видимъ, что послѣ суда по какому-либо спорному гражданскому иску, когда не было никакихъ рѣшительныхъ доказательствъ ни въ пользу, ни противъ этого иска, тяжущимся снова давался судъ, за которымъ, въ большей части случаевъ, слѣдовало крестное цѣлованіе.

«А будетъ кто безпомѣстный и безвотчинной, или иноземецъ кормовой, или кто нибуди, похвалится на кого смертнымъ убійствомъ въ очи, или за очи, и тотъ, на кого онъ похвалится, учнетъ на него Государю бити челомъ, и на него дати судъ, а съ суда сыскати. А будетъ кто на кого въ похвальбѣ смертнаго убойства учнетъ Государю бити челомъ, а сыскати про то нѣкимъ, и имъ въ томъ дати судъ, а съ суда учинити указъ, до чего доведется»[1]).

Слѣдовательно этотъ, если можно такъ выразиться, дополнительный судъ былъ возможенъ только въ такомъ случаѣ, когда ни одинъ изъ тяжущихся не былъ обвиненъ послѣ перваго суда. — Не рѣдко доказательства, на которыя ссылался тяжущійся, или ничего не доказывали, или не могли быть приняты за основаніе при рѣшеніи спорнаго дѣла (напр. акты, которые уничтожились, послухи, умершіе до ссылки на нихъ въ послушество и т. д.). Тогда давался тяжущимся новый судъ по тому же дѣлу. Въ этомъ новомъ, дополнительномъ судѣ, они могли приводить новыя доказательства. Но какъ это не

[1]) Улож. гл. X, ст. 135; Ср. также гл. VII, ст. 30; гл. X, ст. 178, 190; гл, XI, ст. 25; гл. XX, ст. 109; гл. XXI, ст. 54.

всегда было возможно, то обыкновенно, послѣ дополнительнаго суда, спорное дѣло рѣшалось присягою.

Установленіе дополнительнаго суда очень важно. Оно давало тяжущимся возможность доказывать и опровергать спорный искъ новыми, не приведенными прежде доказательствами, и чрезъ это ослабляло строгое запрещеніе не дополнять спорнаго дѣла новыми доказательствами послѣ суда. Такимъ образомъ все, что̀ могли сказать тяжущіеся въ свою пользу и въ опроверженіе противника, излагалось ими передъ первымъ судьею; аппелляція ограничивалась уже одною жалобою на неправое рѣшеніе, а не состояла въ изложеніи новыхъ доказательствъ въ пользу и противъ спорнаго иска, какъ начали дѣлать въ послѣдствіи времени.

X.

Засуженое дѣло.

Когда судъ былъ совершенно оконченъ, и вмѣстѣ съ нимъ оканчивалось веденіе доказательствъ, важнѣйшій моментъ въ судопроизводствѣ — искъ дѣлался засуженымъ[1]). Это значило, что спорное дѣло, составляющее предметъ процесса, перестало быть дѣломъ судимымъ. Искъ засуженый не могъ быть снова опровергаемъ и доказываемъ («вчиняемъ и переговариваемъ»). Теперь, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ являлся послѣ суда, онъ становился уже предметомъ не новаго суда, а рѣшенія.

[1]) Улож. гл. X, ст. 113. — Объ судьѣ, передъ которымъ происходилъ судъ, говорится по окончаніи суда, что онъ «засудилъ судъ». Улож. гл. X, ст. 130; объ тяжущихся, что они «засудились». Улож. гл. X, ст. 116.

C.

Развитіе гражданскаго судопроизводства послѣ суда.

I.

Ставочныя поручныя записи съ суда.

«А съ суда по истцѣхъ и по отвѣтчикѣхъ имати ставочныя поручныя записи въ томъ, что тѣмъ истцомъ и отвѣтчикомъ, до вершенья суднаго дѣла, безъ указу съ Москвы не съѣзжати, а велѣти такія поручныя записи приставомъ збирати и къ дѣлу тѣ поручныя записи отдавати послѣ суда вскорѣ, а безъ поруки истца и отвѣтчика послѣ суда отпускати не велѣти, и принести приставу та поручная запись, въ приказъ къ дьячьей помѣтѣ, кончее въ третій день. А дьяку, замѣтя ту поручную запись, отдати подьячему, у кого судное дѣло будетъ. А будетъ приставъ послѣ суда въ третій день поручныя записи въ приказъ не принесетъ, и подьячему, у кого судное дѣло будетъ, про то сказати дьяку, что приставъ по судному дѣлу поручные записи къ дѣлу въ три дни не принесъ, и по той подьяческой сказкѣ приставу за то учинити наказаніе . . . и . . . велѣти ему по истцѣ и по отвѣтчикѣ поручную запись собравъ принести къ дѣлу того же дни. А будетъ тотъ приставъ ту поручную запись послѣ наказанія того дни къ дѣлу не принесетъ, и ту поручную запись по истцѣ и по отвѣтчикѣ велѣти собрати иному приставу . . . А будетъ который приставъ поручные записи по истцѣ или по отвѣтчикѣ къ дѣлу не принесетъ, а подьячій про то судьямъ не извѣститъ, а истецъ и отвѣтчикъ, не давъ по себѣ поруки, съ Москвы съѣдутъ, и за такихъ истцовъ и за отвѣтчиковъ по суднымъ дѣламъ Государевы пошлины и пересудъ и правой десятокъ правити на приставѣхъ и на подьячихъ, у которыхъ дѣла будутъ . . . А будетъ послѣ

суда съ Москвы съѣдетъ безъ порукъ одинъ отвѣтчикъ, а истецъ его на Москвѣ будетъ, а по судному дѣлу доведется того истца оправити, а отвѣтчика обвинити, и того отвѣтчика, который безъ порукъ съѣдетъ, велѣти сыскивати подъячему и приставу, которые его съ Москвы безъ порукъ отпустятъ. А давати по такихъ отвѣтчиковъ подьячимъ и приставомъ Государевы грамоты, и приставовъ и поверстный срокъ. А государевы пошлины и пересудъ и правой десятокъ за того отвѣтчика велѣти на нихъ правити безсрочно... А будетъ такова отвѣтчика подьячій и приставъ не сыщутъ, и въ лицахъ того отвѣтчика не будетъ, и за того отвѣтчика и истцовъ искъ велѣти доправити на томъ же подьячемъ и на приставѣ, которые того отвѣтчика съ Москвы безъ поруки отпустятъ, и отдавати истцомъ безволокитно» (Улож. гл. X, ст. 123).

II.

Отлучка тяжущихся.

(съѣздъ)

«А который истецъ или отвѣтчикъ, съ суда давъ по себѣ поручную запись, что ему до вершенья суднаго дѣла съ Москвы не съѣхати, да съѣдетъ, и въ томъ на него будетъ челобитье отъ того, съ кѣмъ у него будетъ дѣло, и про тотъ его съѣздъ порутчики, или сынъ его, или человѣкъ, или дворникъ по допросу скажутъ, и руки къ сказкѣ своей приложатъ; а на завтрее, или на другой, или на третій день, тотъ истецъ или отвѣтчикъ, на кого бьетъ челомъ съѣздомъ, на Москвѣ объявится; и такихъ истцовъ и отвѣтчиковъ съѣздомъ не винити. А которые послѣ поручиковы сказки на Москвѣ въ три дни не объявятся, и тѣхъ винити съѣздомъ» (Улож. гл. X, ст. 112);... «истецъ будетъ съѣдетъ, и онъ иску своего ли-

шенъ, а пошлины съ суднаго дѣла и пересудъ и правой десятокъ велѣти доправити на порутчикахъ его. А будетъ съѣдетъ отвѣтчикъ, и истцовъ искъ и Государевы пошлины и пересудъ и правой десятокъ велѣти доправити на порутчикахъ же его, которые по немъ ручалися съ суда въ статьѣ» (гл. X, ст. 116).

III.

Отсрочка тяжущимся послѣ суда.

Мы видѣли, что въ періодъ Уложенія, тяжущіеся, послѣ суда и до самаго рѣшенія ихъ дѣла, ни подъ какимъ видомъ не могли отлучаться изъ того мѣста, гдѣ происходилъ судъ (Улож. гл. X, ст. 156, 157). Изъ этого правила сдѣлано было одно только исключеніе: «для Государевы службы» давали тяжущимся отсрочку, т. е. дозволяли имъ уѣхать изъ того мѣста, гдѣ происходилъ судъ, и обязывали явиться въ извѣстный срокъ, опредѣленный общимъ указомъ объ острочкѣ. Тѣ, которымъ было отсрочено «для Государевы службы», имѣли важное преимущество, имъ однимъ исключительно принадлежавшее: ихъ ни въ какомъ случаѣ не винили неявкою. «А отсрочнымъ срокомъ мимо судныхъ дѣлъ никого ни въ чемъ не винити». Если они не явились въ срокъ для выслушанія рѣшенія, то рѣшеніе объявляли ихъ поручикамъ, и съ нихъ взыскивали искъ и пошлины (гл. X, ст. 113).

IV.

Судной списокъ.

Изъ записки «истцовыхъ и отвѣтчиковыхъ рѣчей» подъячій составлялъ короткую выписку (судный списокъ), по которой

судьи и постановляли рѣшеніе о спорномъ дѣлѣ. Судный список дьякъ свѣрялъ съ запискою суднаго дѣла и скрѣплялъ своею подписью, а записку отдавалъ подъячему, для храненія на случай спора (Кошихинъ гл. VII, ст. 42; Улож. гл. X, ст. 11, 22).

V.

Вершенье.

О судебномъ приговорѣ по спорнымъ гражданскимъ искамъ мы находимъ мало юридическихъ положеній въ законахъ настоящей эпохи. Въ Уложеніи упоминается только, что судьи приказа должны всѣ вмѣстѣ рѣшать дѣло. Рѣшеніе, постановленное ими, называлось приговоромъ. Подъ приговоромъ подписывались тѣ судьи, которые рѣшали дѣло, и если кто-либо изъ нихъ не былъ при рѣшеніи, то показывались причины его отсутствія (Улож. гл. X, ст. 23; Юрид. Акт. № 63, 66, 67, 70). Приговоръ объявлялся тяжущимся словесно («сказывать приговоръ»). Если тѣ, которымъ для «государевы службы» дана отсрочка, не являлись въ срокъ для выслушанія рѣшенія, то приговоръ объявлялся ихъ поручикамъ (Улож. гл. X, ст. 113; Юрид. Акт. № 26, стр. 71).

VI.

Правая грамота.

Подъ именемъ правой грамоты должно разумѣть письменный актъ, въ которомъ излагались судъ и рѣшеніе по какому-либо спорному дѣлу. Такой актъ составлялся въ томъ судебномъ мѣстѣ, гдѣ происходилъ судъ, и выдавался обыкновенно тому тяжущемуся, который былъ оправданъ рѣшеніемъ.

Правыя грамоты были двоякаго рода. Однѣ давались вслѣдствіе приговора, основаннаго на томъ, что̀ оказывалось по суду. Другія, вслѣдствіе приговора, постановляемаго безъ суда (напр. когда винили неявкою въ срокъ къ суду, промолкою, роспискою и т. д.). Первыя суть, въ строгомъ смыслѣ, правыя грамоты[1]); вторыя называются въ Судебникѣ и современныхъ ему источникахъ безсудными[2]). Въ Уложеніи названіе безсудная нигдѣ не встрѣчается; быть-можетъ оно замѣнено однимъ общимъ названіемъ правыхъ грамотъ.

Правыя грамоты давались не иначе, какъ по просьбѣ самихъ тяжущихся[3]). Оправданной сторонѣ было необходимо имѣть доказательство, что извѣстное спорное дѣло рѣшено правительствомъ въ ея пользу, и не могло уже снова сдѣлаться предметомъ тяжбы. Такимъ доказательствомъ служила правая грамота, которая, какъ актъ, составленный правительственнымъ мѣстомъ, имѣла силу несомнѣннаго, полнаго доказательства. Она замѣняла собою крѣпость и тѣмъ, или положительно, или отрицательно, охраняла права того, кому выдавалась. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она была обязательна только для того лица, съ которымъ оправданный и получившій правую грамоту имѣлъ тяжбу, въ другихъ, кругъ дѣйствія и значеніе ея были несравненно обширнѣе; она служила крѣпостнымъ актомъ, ограждавшимъ право противъ всѣхъ тѣхъ, которые объявляли на него свои притязанія. Правыя грамоты скрѣплялись подписью дьяка, справлялись подъячимъ и печа-

[1]) Улож. гл. XVIII, ст. 58. — Юридическіе акты, № 1—8; 13—27, 29.

[2]) Судебникъ Татищева, § 20, 21, 41, 42, 49. — 1657 года, 23 февраля (№ 200). Здѣсь выписана жалованная грамота патріарху Іову, 1599 года, 27 февраля, въ которой упоминается о безсудныхъ грамотахъ. — 1677 года, 9 марта (№ 681) (Жалованная грамота Грушицкому Покровскому монастырю, 1621 года, 8 мая) и мн. др.

[3]) Улож. гл. XVIII, ст. 61. — Юридическіе акты, № 26 (стр. 71).

тались печатью судьи, который судилъ и рѣшилъ спорное дѣло, изложенное въ правой грамотѣ[1]).

VII.

Исполненіе приговора.

По различію судебныхъ рѣшеній по частнымъ спорнымъ искамъ и исполненіе приговоровъ было различно. Когда въ искѣ обвинялся истецъ, то въ этомъ обвиненіи заключалось и самое исполненіе приговора; ибо истецъ лишался своего иска. Напротивъ изъ приговора, по которому былъ обвиненъ отвѣтчикъ, возникала для этого отвѣтчика обязанность уплатить истцу его искъ, а для истца право требовать уплаты иска отъ отвѣтчика.

Уплата исковъ была различна, по различію денежныхъ и неденежныхъ исковъ. Уплата исковъ неденежныхъ состояла въ возвращеніи истцу отвѣтчикомъ той вещи, движимой или недвижимой, которая составляла предметъ иска и процесса. Какимъ образомъ возвращалась спорная вещь истцу, если отвѣтчикъ противился и не хотѣлъ самъ, добровольно, возвратить ее, этого мы не знаемъ, потому что объ этомъ не говорится въ законахъ и актахъ того времени. Вѣроятно способы были тѣ же, какіе постановлены въ Уложеніи для выемки поличнаго и для ввода во владѣніе недвижимымъ имуществомъ. Уплата исковъ денежныхъ состояла въ выдачѣ истцу отвѣтчикомъ суммы денегъ, присужденной судебнымъ приговоромъ.

Сумма, которую отвѣтчикъ долженъ былъ уплатить истцу (величина иска), различно опредѣлялась, по различію приговоровъ или обвиненій. Если обвиняли отвѣтчика безъ суда, за

[1]) См. правыя грамоты въ собраніи юридическихъ актовъ.

неявку, или промолвку, то величина иска опредѣлялась по приставной памяти[1]). Напротивъ, когда одного изъ тяжущихся обвиняли на основаніи того, что̀ оказывалось по суду, то величина уплачиваемаго иска опредѣлялась уже не приставною памятью, не произволомъ истца, а процессомъ. Поэтому мы встрѣчаемъ въ Уложеніи: доправить искъ по суду (гл. X, ст. 238, 284), по сыску[2]).

Предметомъ иска могла́ быть также вещь физическая, которой, по какимъ бы то ни было причинамъ, отвѣтчикъ не могъ возвратить истцу. Въ этомъ случаѣ съ него взыскивали цѣну вещи. Эта цѣна опредѣлялась: 1) по смѣтѣ (Улож. гл. X, ст. 222), 2) или по закону («по указу», указная цѣна)[3]), 3) или по сказкамъ истцовъ (Улож. гл. X, ст. 284, 221), 4) или по оцѣнкѣ сторонних людей[4]), 5) или наконецъ по договору (Улож. гл. XVII, ст. 28).

Если отвѣтчикъ не уплачивалъ истцу присужденной суммы, то ее взыскивали слѣдующимъ образомъ:

а) Отвѣтчика ставили на правежъ. «Оныхъ обвиненныхъ къ платежу выводили передъ приказъ разутыхъ передъ тѣмъ, какъ судьямъ надлежитъ въ приказъ пріѣзжать, а спускали съ правежа, какъ судья выѣдетъ. У каждаго обвиненнаго стоялъ по сторону приставъ, съ прутомъ, и билъ вдоль по голой ногѣ такъ крѣпко, какъ ему отъ истца, или отвѣтчика за трудъ заплачено; слѣдственно одни на правежѣ стоя, бою не чувствовали, другіе были изувѣчены»[5]).

[1]) 1685 года, 11 ноября (№ 1140); Судныя статьи, п. 2.

[2]) Улож. гл. X, ст. 223—225, 133, 208, 242.

[3]) Улож. гл. X, ст. 209, 214, 217, 219, 220, 221, 233, 240. — 1683 года 20 мая (№ 1013); Писцовый наказъ межевщикамъ, посланнымъ въ городы, ст. 35.

[4]) Улож. гл. VII, ст. 24; гл. X, ст. 272; гл. XVII, ст. 27.

[5]) Судебникъ Татищева, § 131, примѣч. (а). — Въ источникахъ о правежѣ говорится во многихъ мѣстахъ, но какъ онъ производился, нигдѣ не изложено.

Итакъ, во времена Уложенія правежъ сдѣлался такимъ же источникомъ злоупотребленій, какъ судъ и какъ почти всѣ формы тогдашняго юридическаго быта. Но первоначальное его значеніе было совсѣмъ другое. Вѣроятно правежъ былъ наказаніемъ, присуждаемымъ должнику за неуплату долга [1]). Этимъ объясняется, почему въ Уложеніи о правежѣ долга и правежѣ иска говорится вмѣстѣ, нераздѣльно [2]). Такое наказаніе весьма естественно при неумолимой строгости къ должникамъ, которую мы замѣчаемъ въ нашемъ и во всѣхъ древнихъ законодательствахъ. Поэтому едвали справедливо мнѣніе Татищева, будто бы правежъ заимствованъ нами отъ Татаръ. Конечно, будущимъ изслѣдователямъ русскихъ древностей предстоитъ рѣшить этотъ вопросъ окончательно; но нельзя не замѣтить, что многія установленія мы считаемъ пришедшими къ намъ изъ другихъ законодательствъ, тогда какъ онѣ принадлежатъ намъ и суть чисто-національныя.

Въ послѣдствіи, кажется, правежъ сдѣлался средствомъ, чтобъ заставить должника уплатить долгъ. На это значеніе указываетъ Татищевъ, объясняя причину, почему не велѣно держать на правежѣ больше мѣсяца: «болѣе мѣсяца на правежѣ не стоять для того, естьли въ мѣсяцъ ничего вымучить не можно, то и въ годъ бьючи уже не доправить» [3]). Чрезъ это правежъ сдѣлался излишнимъ; ибо истцамъ были предоставлены законодательствомъ другія средства взысканія долга. Это и злоупотребленія, съ нимъ связанныя, пріуготовили отмѣну его при Петрѣ Великомъ.

[1]) «И бити его на правежѣ безо всякія пощады, не для того, что на немъ тѣ достальныя деньги взяти: для того, чтобъ на то смотря инымъ не повадно было такъ воровати». Улож. гл. X, ст. 133.

[2]) Улож. гл. X, ст. 265. — О правежѣ говорится въ Уложеніи (гл. X) вслѣдъ за ученіемъ о займѣ и заемныхъ кабалахъ.

[3]) Судебникъ Татищева, § 131, примѣч. (б).

Къ правежу «ставились» всѣ обвиненные, неплатившіе иска, кромѣ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ: митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, бояръ, окольничьихъ, думныхъ людей и думныхъ дьяковъ[1]). Такое исключеніе въ пользу этихъ лицъ вѣроятно сдѣлано потому, что они вообще не подвергались тѣлесному наказанію. Обвиненные или сами ставились къ правежу, или посылали вмѣсто себя своихъ людей (Улож. гл. X, ст. 151, 261). За сто рублей правежъ продолжался мѣсяцъ, за бо́льшую или меньшую сумму, по расчисленію[2]).

Правежу предшествовало составленіе, на основаніи судебнаго приговора, правежной выписи, которая соотвѣтствовала выписи къ крестному цѣлованію. По этой выписи обвиняемыхъ отдавали на поруки. Извѣстныя лица (поручики) ручались въ томъ, что обвиненный будетъ ставиться на правежъ ежедневно, до самаго его окончанія; въ случаѣ несоблюденія имъ этого условія, они обязывались платить за отвѣтчика искъ и пеню. Объ этомъ поручительствѣ составлялась поручная запись за подписью свидѣтелей, и вообще по всѣмъ правиламъ составленія обыкновенныхъ поручныхъ записей[3]).

Правежъ прекращался: истеченіемъ срока правежа; сдѣлкою между истцомъ и отвѣтчикомъ (Улож. гл. X, ст. 84); уплатою истцова иска за отвѣтчика кѣмъ-либо постороннимъ (гл. XX, ст. 46). Послѣ правежа отвѣтчикъ могъ просить отсрочки въ уплатѣ иска. Такая отсрочка, даваемая на мѣ-

[1]) Изъ духовныхъ лицъ не ставили на правежъ чиномъ выше архимандридритовъ. Улож. гл. X, ст. 84; изъ свѣтскихъ — выше стольниковъ. Улож. гл. X, ст. 91.

[2]) Улож. гл. X, ст. 261: Для правежа по искамъ о безчестьи не было постановлено опредѣленнаго времени. Улож. гл. X, ст. 84.

[3]) Улож. гл. X, ст. 151. — Юридическіе акты, № 316, 1, III. — 1669 года, 22 января (№ 431); Новоуказныя статьи о татиныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ, ст. 16.

сяцъ и болѣе, технически называлась переводомъ, потому что уплата откладывалась, переводилась на слѣдующій мѣсяцъ. Но если и по истеченіи «указнаго» мѣсяца отвѣтчикъ не платилъ иска, то приступали уже къ другимъ средствамъ взысканія [1]).

b) Искъ взыскивали въ помѣстьяхъ и вотчинахъ съ людей и крестьянъ обвиненнаго (Улож. гл. X, ст. 262).

c) У кого не было людей и крестьянъ, въ уплату иска обращали имущество: дворы и движимое имѣніе («животы») (Улож. гл. X, ст. 262, 269; гл. XXI, ст. 68).

d) За недостаткомъ движимаго имущества обращались къ недвижимому, къ пустымъ вотчинамъ (Улож. гл. X, ст. 263).

Взысканіе долга или иска изъ имущества производилось слѣдующимъ образомъ: имущество, сперва движимое, потомъ пустое недвижимое, оцѣнялось, и или отдавалось истцу (Улож. гл. X, ст. 262, 263), или продавалось постороннимъ (гл. X, ст. 263, 269; гл. XXI, ст. 68). Въ обоихъ случаяхъ излишекъ, остающійся отъ цѣны имущества, возвращался отвѣтчику. Но если въ уплату иска не доставало имущества, тогда недостающее взыскивали съ обвиненнаго и людей его (послѣднее положеніе, противорѣчащее тому, что мы сказали выше, образовалось уже послѣ Уложенія) (Улож. гл. X, ст. 263, 264).

Съ постепеннымъ сближеніемъ системы помѣстной съ системою вотчинною образовалось правило — обращать въ плату иска не одни пустыя вотчины, но и пустыя помѣстья; только помѣстья нельзя было продавать никому, кромѣ родственниковъ отвѣтчика. Послѣ отдачи помѣстья въ уплату иска, долгъ отвѣтчика уничтожался, хотя бы этотъ долгъ и превышалъ цѣну помѣстья. Чрезъ это, число отдаваемыхъ истцамъ

[1]) Улож. гл. X, ст. 261. — Указъ съ боярскимъ приговоромъ 1558 года, 15 мая, Судебникъ Татищева § 131.

головою, de facto, должно было значительно уменьшиться [1]). Въ послѣдствіи, не только пустыя, но и жилыя (населенныя) помѣстья и вотчины велѣно было «описывать и цѣнить... и продавать и истцомъ отдавать въ платежъ исковъ ихъ» [2]).

е) Когда у отвѣтчика не было имущества на уплату иска, тогда приступали къ послѣднему, крайнему средству удовлетворенія истцовъ и кредиторовъ: самого отвѣтчика, лично, отдавали истцу для заработки долга. Эта отдача отвѣтчика технически называлась выдачею головою до искупу [3]).

Выдача головою есть древнѣйшій способъ удовлетворенія требованій на извѣстномъ лицѣ; кто не вознаграждалъ за убытокъ, не платилъ долга, того самого отдавали истцу. Основаніе этого установленія, несогласнаго съ нашими теперешними понятіями, объясняется исторически. У всѣхъ народовъ, въ первый періодъ ихъ существованія, обязательства устанавливаютъ не частную, ограниченную зависимость, но полное, цѣлостное подчиненіе одного власти другаго; обязательство обнимаетъ цѣлый юридическій бытъ лица, его личность, семейство и имущество. Первоначально, слѣдствіемъ выдачи головою, вѣроятно, было поступленіе выданнаго въ полное распоряженіе того, кому выдавали головою. Онъ могъ дѣлать съ нимъ, что̀ хотѣлъ: мстить за невыполненіе обязательства, или сдѣлать своимъ рабомъ [4]). Но въ послѣдствіи

[1]) 1656 года, 11 мая (№ 197); именный.

[2]) 1685 года, 2 октября (№ 1135); именный съ боярскимъ приговоромъ.

[3]) Улож. гл. X, ст. 204, 206, 264, 265, 268, 271, 275; гл. XX, ст. 39, 40; гл. XXI, ст. 88.

[4]) Это предположеніе оправдывается нѣкоторымъ образомъ тѣмъ, что за убійство выданнаго человѣка присуждалось наказаніе по усмотрѣнію государя («что Государь укажетъ»), а не обыкновенное, положенное за убійство. Улож. гл. X, ст. 268. — Итакъ наказаніе за такое убійство является какимъ-то исключеніемъ изъ общаго правила; неопредѣленность его свидѣтельствуетъ о томъ, что оно начало вводиться не задолго до Уложенія, а для объясненія

характеръ выдачи головою измѣнился; она сдѣлалась или одною пустою формою, которая лишена была всякаго содержанія [1]), или, въ большей части случаевъ, обратилась въ способъ вознагражденія, къ которому прибѣгали въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда всѣ прочія средства удовлетворенія истцовъ оказывались недостаточными. Этотъ новый характеръ выдачи головою ясно видѣнъ въ Судебникѣ и Уложеніи.

Выдачѣ головою, въ заработку иска, подлежали одни лица низшихъ сословій [2]). Эти лица выдавались истцу не навсегда, а «до искупа», т. е. до того времени, пока кто-либо заплатитъ за отвѣтчика долгъ, или онъ заработаетъ его своими трудами. Для этого опредѣлена была заработная плата. Годичная работа мущины оцѣнялась въ 5 рублей, женщины въ половину; дѣтей, которые достигли 10-ти-лѣтняго возраста, въ 2 рубли, «а которые дѣти у нихъ будутъ недоросли, меньши десяти лѣтъ, и тѣмъ недорослямъ въ окупъ истцова иску ничего не зачитати, потому что такіе недоросли въ таковы лѣта не ра-

этого срока необходимо предположить измѣненіе прежнихъ отношеній между истцами и выданными имъ до искупа.

[1]) Такова была выдача головою боярина, окольничьяго, думнаго человѣка патріарху, митрополиту, архіепископу или епископу за безчестье. Улож. гл. X, ст. 27, 28. — Татищевъ (Судебникъ § 55 примѣч. (а)). «Отдача головою была разная: (1) Знатныхъ людей за бесчестья фамильныя посылали къ старшему въ родѣ обезчещенномъ; но сіе было токмо лицемъ. Какъ онаго привезутъ, то пріимающій долженъ его съ честью пріять и Государя за оборону благодарить. Хотябъ приведенной хозяина какъ ни ругалъ словами, онъ долженъ молчать, и какъ гостя счестью отпустить».

[2]) Татищевъ говоритъ: «дѣйствительно за долги отдавали болѣе посадскихъ и крестьянъ дворцовыхъ, или государственныхъ». Судебникъ § 55 примѣч. (а). — Изъ Уложенія видно, что головою не выдавали: дворянъ и дѣтей боярскихъ, гл. X, ст. 204, служилыхъ всякихъ чиновъ людей (кромѣ дѣтей боярскихъ, «которые ходятъ въ приставѣхъ», гл. X, ст. 264, стрѣльцовъ, гл. X, ст. 265, и кромѣ казаковъ, пушкарей, затинщиковъ и иныхъ меньшихъ чиновъ служилыхъ людей, гл. X, ст. 266). Новоуказными статьями запрещено выдавать головою мѣщанъ. 1673 года, 19 марта (№ 546); именный.

ботаютъ»[1]. Кажется, что во времена Уложенія по долгамъ мужа жену не отдавали головою истцу вмѣстѣ съ мужемъ; это доказывается тѣмъ, что долги, лежавшіе на мужѣ, платились имъ, а не женою, и на оборотъ, долги жены не падали на отвѣтственность мужа[2]. Если это предположеніе справедливо, то естественно возникаетъ вопросъ: какія дѣти отдавались головою, до искупу, съ однимъ супругомъ и какія оставались при другомъ? Судя по аналогіи съ древнѣйшими началами наслѣдованія, съ матерью должны были отдаваться дочери, съ отцемъ сыновья (разумѣется, неотдѣленные)[3]. Впрочемъ это одно предположеніе. Новоуказными статьями выдача головою мужа безъ жены, и жены безъ мужа, отмѣнена. Постановлено общимъ правиломъ, не разрознивать семейства, и выдавать въ заработку обоихъ супруговъ вмѣстѣ[4].

Съ тѣхъ, кому выдавались отвѣтчики головою, бралась порука въ томъ, что они ихъ не убьютъ, не изувѣчатъ, и вообще не нанесутъ имъ никакого вреда[5]. По заработкѣ отвѣтчиками долга, истцы обязаны были поставить ихъ въ приказѣ, изъ котораго

[1]) Улож. гл. X, ст. 266. Наравнѣ съ работою женщинъ цѣнилась работа «срослыхъ дѣвокъ». Улож. гл. XX, ст. 40; гл. XXI, ст. 88.

[2]) 1657 года, 25 іюля (№ 210), патріаршій приговоръ, помѣченный думнымъ дьякомъ. — 1660 года « » (№ 290); именный воеводамъ въ Нижній Новгородъ и Каргополь. — Тоже самое доказываетъ Руская Правда XIII столѣтія: «Аже холопъ крадетъ коголюба, то господиноу вы оупати и, любо *выдати и,* съ кымъ боудеть кралъ. а женѣ и дѣтемъ не надобѣ; а оже боудоуть съ нимъ крали и хоронили, то всѣхъ выдати». «Древнѣйшее руское право *Эверса.* Спб. 1835. — Также см. Улож. гл. XXI, ст. 88. — Наконецъ 1669 года, 22 января (№ 431); Новоуказныя статьи о татиныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлѣхъ, ст. 16: «выдавать головою до искупу, безъ женъ».

[3]) Такъ у насъ до сихъ поръ въ крестьянскомъ быту; дочь наслѣдуетъ матери, сыновья отцу.

[4]) 1688 года, 14 марта (№ 1285); именный съ боярскимъ приговоромъ.

[5]) Улож. гл. X, ст. 266, 271. — 1688 года, 14 марта (№ 1285); именный съ боярскимъ приговоромъ.

эти отвѣтчики имъ были выданы (Улож. гл. X, ст. 266), послѣ чего ихъ отпускали на волю [1]). Съ тѣхъ, которые, по закону, не могли быть выдаваемы истцамъ, долгъ взыскивали иначе; ихъ били на правежѣ до тѣхъ поръ, пока они «раздѣлаются» съ истцами (Улож. гл. X, ст. 204), или денежное ихъ жалованье обращали въ уплату иска (гл. X, ст. 265).

VIII.

Судебныя пошлины и издержки.

«Каждый шагъ въ присутствіе суда былъ купленъ цѣною денегъ». Это замѣчаніе, впервые сдѣланное г. профессоромъ Морошкинымъ [2]), вполнѣ справедливо въ отношеніи къ судопроизводству временъ Уложенія. Не было ни одного дѣйствія, предпринимаемаго для развитія спорнаго иска, которое бы не оплачивалось тяжущимися. Историческія причины, лежащія въ основаніи этого финансоваго характера судопроизводства, доселѣ остаются невыясненными. Во времена Судебника, Уложенія и въ періодъ, предшествовавшій реформѣ Петра Великаго, пошлины съ гражданскаго судопроизводства уже сдѣлались источникомъ государственныхъ доходовъ, и взиманіе ихъ какъ бы отраслью финансоваго управленія; такъ, судебными пошлинами жаловали Государи и монастыри, въ награду за службу [3]).

[1]) Улож. гл. XX, ст. 40. — Обезпеченіе невредимости отвѣтчиковъ порукою введено, вѣроятно, въ предупрежденіе мести истцовъ надъ выданными имъ отвѣтчиками. Такое же обезпеченіе давали господа, которымъ выдавались ихъ бѣглые холопы. Улож. гл. XX, ст. 92.

[2]) Рѣчь объ Уложеніи, стр. 56, въ концѣ.

[3]) Улож. гл. X, ст. 125. — 1654 года, 8 мая (№ 125); Жалованная грамота боярину Бутурлину на дворечество съ путемъ. — Акты Археографической Коммиссіи. Спб. 1836. Т. IV, № 145. 1663 г. 1 декабря;

Главнаго основанія происхожденія судебныхъ пошлинъ должно, кажется, искать въ древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи, въ самомъ происхожденіи Русскаго государства. Ктобъ ни были призванные союзными племенами на княжество и владѣніе — нѣтъ сомнѣнія, что они внесли съ собою въ наше отечество начало, хотя и не враждебное, но тѣмъ не менѣе чуждое. По выраженію Нестора, они были «находницы», а не «насельницы», и уже по этому одному не могли принимать живаго участія въ дѣлахъ племенъ, имъ добровольно подчинившихся. Весьма естественно, что они ничего не дѣлали для туземцевъ безъ вознагражденія, и это-то вознагражденіе, получивши извѣстную правильность, развилось въ послѣдствіи въ цѣлую систему пошлинъ, которая, въ періодъ Уложенія, была уже опредѣлена весьма подробно. Если это предложеніе справедливо, то финансовый характеръ нашего древняго гражданскаго судопроизводства, болѣе всѣхъ другихъ доказательствъ, свидѣтельствуетъ о преобладаніи въ судопроизводствѣ этой эпохи начала обвинительнаго, гражданскаго; ибо историческія начала нашего законодательства, съ небольшими измѣненіями, удержались до переворота Петра Великаго.

Въ періодъ Уложенія, характеръ пошлинъ, взимаемыхъ съ тяжущихся за судопроизводство, во многомъ измѣнился противъ прежняго. По Судебнику, судебныя пошлины всегда принадлежали судьѣ. Поэтому тѣ только пошлины принадлежали государю, которыя взимались съ дѣлъ, рѣшаемыхъ имъ самимъ, или дѣтьми его [1]). По Уложенію, всѣ печатныя и суд-

Жалованная грамота игумена Покровскаго монастыря съ братіею соборному старцу Пафнутію Кувшинову.

[1]) Судебникъ Татищева, § 38, примѣч. (а): «Бояре печатали своими печатьми, и пошлины брали себѣ, а у Государя опредѣленъ былъ Печатникъ». О тѣхъ и другихъ пошлинахъ говорится въ Судебникѣ особливо, о первыхъ въ § 33, 34, 35, а о вторыхъ въ § 38, 39, 40, 42, 44.

ныя пошлины уже взимались на государя, въ казну[1]). Въ этомъ замѣчательномъ измѣненіи отразилось то же стремленіе къ внутренней централизаціи всего Русскаго царства, о которомъ мы уже имѣли случай замѣтить въ другомъ мѣстѣ.

Судебныя пошлины и платы были различны въ періодъ Уложенія. Однѣ взимались съ тяжущихся въ пользу казны («Государевы пошлины») другія въ пользу судей и лицъ, которыя принимали участіе въ движеніи процесса (напр. недѣльщиковъ, подъячихъ).

Къ числу государевыхъ пошлинъ относились:

а) Подписныя и печатныя пошлины. Обѣ упоминаются вмѣстѣ[2]), потому что, первоначально, приложеніе печати заступало мѣсто подписи[3]). Онѣ взимались за «печатаніе» и подписаніе наказныхъ памятей (Улож. гл. XVIII, ст. 39), зазывныхъ (гл. X, ст. 115, 117), сыскныхъ (гл. XVIII, ст. 33, 32) и правыхъ грамотъ (ст. 58). Изъ Уложенія видно, что подписаніе и печатаніе исчисленныхъ актовъ, въ началѣ процесса, служило только какъ бы поводомъ ко взиманію исковыхъ и челобитенныхъ пошлинъ; ибо при подписаніи и печатаніи зазывныхъ грамотъ, взимались вмѣстѣ и пошлины съ исковаго челобитья и съ крѣпости, на которой былъ основанъ вчиняемый искъ (ст. 34—42). Не всѣ лица были обязаны платить подписныя и печатныя пошлины. Въ видѣ привилегіи отъ такой платы освобождались: 1) Жители Сибири, по искамъ, вчиняемымъ ими въ Москвѣ противъ жителей дру-

[1]) Это измѣненіе сдѣлано Борисомъ Θеодоровичемъ Годуновымъ. Голикова, Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго. М. 1790 года, т. III, стр. 424. — Судебникъ Татищева, § 38, примѣч. (а).

[2]) Улож, гл. X, ст. 114, 115, 117, 118. — Судебн. § 33, 34. — Улож. гл. XVIII, ст. 28.

[3]) «Судьи для того выписки печатали, что многіе писать не умѣли». Судебникъ Татищева, § 34, примѣч. (а).

гихъ, отдаленныхъ городовъ (ст. 47); — 2) Головы и сотники московскихъ стрѣльцовъ, и московскіе стрѣльцы всѣхъ приказовъ (ст. 49); — 3) Стрѣлецкіе и казачьи головы, сотники, стрѣльцы и казаки городовые, по искамъ между собою (ст. 51); — 4) Англійскіе и голландскіе гости, въ искахъ съ Русскими (ст. 55); — 5) Бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки (ст. 56); — 6) Троицы Сергіевъ (ст. 59) и Новоспасскій монастыри (ст. 60); — 7) Кормовые, а не помѣстные иноземцы, стараго и новаго выѣзду, «для ихъ бѣдности и иноземства» (ст 63). — Быть-можетъ и другія лица.

Ђ) Государевы судныя пошлины. Судныя пошлины взимались за судъ, въ тогдашнемъ, а не въ теперешнемъ смыслѣ слова. Величина ихъ опредѣлялась величиною иска; съ рубля исковой суммы положено было платитъ 10 копѣекъ [1]). Для правильнаго взиманія этой пошлины постановлено въ Уложеніи означать «сколько съ... дѣла доведется взяти государевыхъ пошлинъ» въ особенныхъ записныхъ книгахъ, которыя находились въ каждомъ приказѣ, и подписывались дьяками (Улож. гл. X, ст. 128). Привилегію не платить судныхъ пошлинъ имѣли: 1) стрѣльцы, въ искахъ не свыше 12 рублей; 2) всѣ истцы, въ искахъ со стрѣльцами, когда эти иски не превышали ста рублей (гл. X, ст. 124), 3) атаманы и казаки въ 12-тирублевыхъ искахъ (гл. XXIV, ст. 1); 4) монастыри и всѣ лица духовнаго чину; 5) крестьяне нѣкоторыхъ монастырей [2]);

[1]) Улож. гл. X, ст. 124. — 1654 года, 8 мая (№ 125); Жалованная грамота боярину Бутурлину на дворечество съ путемъ.

[2]) 1654 года, 6 мая (№ 124); Жалованная грамота Иверскому монастырю на вотчины и прочія угодья. — 1657 года, 20 мая (№ 205); Подтвержденіе жалованной грамоты Троицко-Сергіеву монастырю на вотчины, данной въ 7133 году (1625) царемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Весьма вѣроятно, что всѣ монастырскіе крестьяне были освобождены отъ платы судныхъ пошлинъ; ибо въ 124 статьѣ, X гл. Уложенія, гдѣ подробно исчислены всѣ лица, обязанныя платить судныя пошлины, объ нихъ не упоминается.

6) кажется, патріаршіе крестьяне также не платили этой пошлины, потому что объ нихъ не упоминается въ росписи. Въ послѣдствіи эта привилегія могла быть дана и другимъ лицамъ [1]).

Пошлины, которыя взимались въ пользу судей и недѣльщиковъ, были слѣдующія:

а) Пересудъ. Въ Уложеніи и послѣдующихъ узаконеніяхъ много говорится о пересудѣ, но ни изъ одного мѣста не видно, для чего была введена эта пошлина. Въ Судебникѣ, мѣсто, въ которомъ говорится о пересудѣ, весьма темно и сбивчиво: «А пересудчикомъ пересудъ имати на виноватомъ по 20 копѣекъ, а меньше рубля пересуда нѣтъ; а съ поля всякаго пересудъ. А списокъ кто оболживитъ, да шлется на правду, и въ томъ пересудъ» [2]). Итакъ, пересудъ (не въ смыслѣ пошлины) не

[1]) 1657 года, 20 мая (№ 205); Подтвержденіе жалованной грамоты Троицко-Сергіеву монастырю на вотчины, данной въ 7133 (1625) году царемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Θеодоровичемъ.

[2]) Судебникъ Татищева, § 51. — Трудности, представляющіяся при объясненіи этого мѣста, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) что значатъ слова: «а меньше рубля *пересуда* нѣтъ?» Татищевъ, въ примѣчаніи къ этому параграфу, обясняетъ такъ: въ дѣлѣ, меньше рубля, пересуда нѣтъ. Это толкованіе оправдывается тѣмъ, что иски, цѣною въ рубль, рѣшались жребіемъ, а выше рубля — крестоцѣлованіемъ. Слѣд. рублевые иски дѣйствительно могли имѣть прежде какое-нибудь различіе со всѣми другими исками, напр. могли окончательно рѣшаться въ первой инстанціи. Но, съ другой стороны, можно принимать эти слова Судебника и въ буквальномъ ихъ смыслѣ: пошлина пересудъ (ибо объ ней идетъ рѣчь въ цѣломъ §) взимается, когда она не менѣе рубля. Это значитъ: пересудъ не взимается, когда искъ цѣною менѣе пяти рублей. Подтвержденіемъ этого толкованія можетъ служить наказъ монастырскому слугѣ, приведенный нами въ главѣ о судоустройствѣ, изъ котораго видно, что слуга могъ судить монастырскихъ крестянъ въ искахъ не свыше 5-ти рублей. Если однако, на основаніи обоихъ толкованій (различающихся между собою только въ величинѣ иска, переносимаго, по Судебнику, на судъ второй инстанціи) и принять, что *пересудъ* означаетъ пошлину, взимаемую съ исковъ, которые судились только въ второй степени суда, то все же 2) остается необъяснимымъ, почему пересудъ взимался съ каждаго иска,

значитъ только сужденіе дѣла во второй инстанціи, но имѣетъ и другое значеніе, которое трудно опредѣлить, по недостатку данныхъ. Намъ кажется, что пересудъ, во второмъ своемъ значеніи, именно выражаетъ то, что мы назвали выше судомъ дополнительнымъ, который давался тяжущимся, когда въ первомъ судѣ дѣло не могло быть рѣшено, по недостатку доказательсвъ. Этимъ объясняется взиманіе пересуда съ дѣлъ, рѣшаемыхъ окончательно въ первой степени суда[1]): названіе могло

рѣшаемаго судебнымъ поединкомъ («а съ поля всякаго пересудъ»)? Мы знаемъ положительно, что поле присуждалось тѣмъ же судомъ, который судилъ спорное дѣло съ самаго начала. (См. правыя грамоты въ Собраніи Юридическихъ актовъ). Отсюда, далѣе, непонятно, 3) какой смыслъ имѣетъ, по Судебнику, слово: *пересудчикъ?* Изъ сказаннаго видно, что *пересудчиками* не могли называться одни судьи, судившіе спорное дѣло во второй инстанціи. Итакъ, необходимо, вмѣстѣ съ первымъ, допустить и другое значеніе пересуда. Если мы обратимъ вниманіе на весьма важное обстоятельство, что иски, цѣною въ рубль, рѣшались окончательно жребіемъ, а выше рубля, крестоцѣлованіемъ; что, по всей вѣроятности, присяга замѣнила въ нашемъ законодательствѣ прежніе судебные поединки, и что поэтому, между положеніемъ Судебника: *а меньше рубля пересуда нѣтъ,* и другимъ положеніемъ, образовавшимся въ послѣдствіи, не приводить къ присягѣ въ рублевыхъ искахъ, могла находиться связь, намъ теперь неизвѣстная, то можно, съ нѣкоторою вѣроятностію, предположить, что *пересудъ* означалъ пошлину, которая взималась каждый разъ, когда какое-либо дѣло рѣшалось не тѣмъ судомъ, которымъ оно первоначально судилось, *а другимъ,* слѣд. или второю степенью суда (которую первоначально составлялъ судъ Царевъ), или судомъ Божіимъ, какимъ былъ, кажется, во времена Судебника, судебный поединокъ, замѣненный въ послѣдствіи присягою. Не дѣлая дальнѣйшихъ выводовъ о преждебывшемъ, древнѣйшемъ тожествѣ верховныхъ и жреческихъ судовъ у славянскихъ народовъ, которому это толкованіе 51 § Судебника, и многіе факты могутъ подавать поводъ, мы замѣтимъ здѣсь только, что такое толкованіе, во 1-хъ вполнѣ объясняетъ смыслъ приведеннаго мѣста, и во 2-хъ, разрѣшаетъ важный вопросъ, почему пересудъ издревле взимался въ пользу судей.

[1]) 1653 года, 25 декабря; Наказъ Покровскаго монастыря слугѣ Гаврилѣ Воронину. См. Акты Археографической Экспедиціи, т. IV, № 67. — 1659 года, « » декабря; Наказъ слугѣ Иверскаго монастыря Антипу Григорьеву. Тамъ же, № 112. — 1678 года, 20 августа; Наказъ Корнилія, митрополита

затеряться, но самый предметъ удержаться и во времена Уложенія. Пересудъ, какъ и судныя пошлины, взимался съ иска: съ рубля исковой суммы взыскивали вдвое противъ судныхъ пошлинъ, а именно 20 копѣекъ («по шти алтынъ, по четыре деньги») (Улож. гл. X, ст. 124).

ѣ) Правый десятокъ. Въ Судебникѣ сказано, что правой десятокъ взимался подвойскимъ. По толкованію Татищева, подвойскій былъ то же, что теперь сторожь присутственнаго мѣста. Итакъ, правый десятокъ былъ пошлиною съ иска, взимаемою въ пользу сторожей. Того же толкованія придерживается г. Ивановъ, въ сочиненіи о помѣстныхъ правахъ въ Россіи [1]). Праваго десятка взималось по копѣйкѣ съ рубля [2]). Въ періодъ Уложенія, пересудъ и правый десятокъ такъ слились съ судными пошлинами, что вмѣстѣ съ ними составляли какъ бы одну нераздѣльную пошлину. Это видно изъ того, что всѣ тѣ, которые были освобождены отъ платы судныхъ пошлинъ, освобождались отъ платы пересуда и праваго десятка; кромѣ того, они записывались, вмѣстѣ съ судными пошлинами, въ записныя книги, хранившіяся въ приказахъ [3]). Съ исковъ, вчиняемыхъ на основаніи подложныхъ крѣпостей («лживыхъ ка-

Новгородскаго и Великолуцкаго, Тихвинскаго монастыря архимандриту Варсонофію. Тамъ же № 225.

[1]) Судебникъ Татищева, § 51, и примѣч. (б). — Иванова, Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей, въ Россіи существовавшихъ. Москва, 1836 года стр. 81.

[2]) Улож. гл. X, ст. 124. — Названіе *правый десятокъ,* въ періодъ Уложенія утратило прежнее свое буквальное значеніе, какъ и многія другія, удержавшіяся въ настоящую эпоху отъ древнѣйшихъ временъ. Быть можетъ такъ называлась прежде 10-ти копѣечная судная пошлина.

[3]) Улож. гл. X, ст. 124, 128. — 1654 года, 6 мая (№ 124); Жалованная грамота Иверскому монастырю на вотчины и прочія угодья. — 1664 года « » октября (№ 364); Грамота Новгородскому воеводѣ, боярину и князю Ивану Рѣпнину.

балъ и записей»), и объ насильствѣ, судныя пошлины, пересудъ и правый десятокъ взыскивались вдвое [1]).

c) Ѣздъ и хоженое. Подъ названіемъ ѣзда и хоженаго разумѣлась пошлина, взимаемая приставомъ, за вызовъ къ суду отвѣтчика, или свидѣтеля. Различіе хоженаго и ѣзда опредѣлялось мѣстомъ жительства отвѣтчиковъ и свидѣтелей. Если они жили въ городѣ, то приставъ получалъ хоженое, потому что ходилъ за ними; если внѣ города, то ѣздъ, за ѣзду. Хоженое было всегда одинаково. Приставъ получалъ за вызовъ отвѣтчика 5 копѣекъ, за вызовъ общаго свидѣтеля — десять. Вотъ смыслъ выраженія: «А хоженое недѣльщику въ городѣ 10 денегъ, а на правду вдвое» [2]). Ѣздъ опредѣлялся числомъ верстъ отъ того мѣста, гдѣ происходилъ судъ, до того, гдѣ жилъ отвѣтчикъ, или свидѣтель; за каждую версту ѣзды, приставъ получалъ по деньгѣ, полтину за сто верстъ. Въ Судебникѣ сказано, что при вызовѣ общаго свидѣтеля, приставъ получалъ по копѣйкѣ ѣзда заверсту; но въ Уложеніи нѣтъ уже этаго различія [3]).

d) Пожелѣзное и прокормъ. Пожелѣзное и прокормъ были пошлины, взимаемыя приставомъ за то, что онъ извѣстныя лица держалъ у себя и кормилъ. Приставамъ отдавались на руки: 1) Отвѣтчики, когда по нихъ не было съ суда поруки. 2) Холопи, когда они составляли предметъ тяжбы (Улож.

[1]) Улож. гл. X, ст. 124. — Слово *насильство,* въ древнемъ нашемъ законодательствѣ, имѣло совсѣмъ другое значеніе, нежели какое оно получило въ послѣдствіи. Потрава (Улож. гл. X, ст. 208), загонъ къ себѣ на дворъ чужой скотины, безъ всякой справедливой причины (Улож. гл. X, ст. 210), завладѣніе чужею землею (Улож. гл. X, ст. 211), отгонъ, покража, истребленіе чужихъ бобровъ (Улож. гл. X, ст. 214), порча бортныхъ деревьевъ (Улож. гл. X. ст. 218), и другія, тому подобныя насильственныя дѣйствія, назывались вообще *насильствомъ.* — Ср. Улож. гл. X, ст. 215, 216, 220, 221, 222, 233, 242, 279, и др.

[2]) Улож. гл. X, ст. 144. — Судебникъ § 45.

[3]) Судебникъ § 45. — Улож. гл. X, ст 148.

гл. XX, ст. 94). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, въ пользу пристава взималось пожелѣзное — пошлина, получившая это названіе, вѣроятно, потому, что лица отданныя приставу, сковывались и содержались въ цѣпяхъ, — и прокормъ — деньги за пропитаніе содержимаго. Первой полагалось по $1^1/_2$ коп., а второй по 2 коп. на день (гл. XX, ст. 94). Новоуказными статьями 1658 года запрещено приставамъ взимать пожелѣзное, а вмѣсто того постановлено, выдавать имъ жалованье изъ Суднаго приказа[1]).

Вотъ всѣ пошлины, которыя взимались съ тяжущихся въ продолженіе гражданскаго процесса. О другихъ не упоминается въ Уложеніи. Можетъ-быть въ Московскихъ приказахъ дѣйствительно не было положено другихъ пошлинъ, кромѣ тѣхъ, которыя нами исчислены; но столько же вѣроятно, что иныя пропущены, или неупомянуты случайно. Таковы: ротное, вѣрное — за приведеніе къ присягѣ; смотрѣное — за освидѣтельствованіе на мѣстѣ (съ дозору); судное — за судъ; жеребейное — вѣроятно за рѣшеніе дѣла жребіемъ, о которыхъ упоминается въ юридическихъ актахъ, современныхъ Уложенію[2]).

Къ издержкамъ по судопроизводству должно отнести проѣсти и волокиты, платимыя за продолженіе процесса долѣе положеннаго закономъ времени. Онѣ уплачивались тѣмъ, отъ чьей вины произошла проволочка, тому, кто отъ нея терпѣлъ убытки. Не смотря на различное названіе, проѣсть и волокита составляли, вмѣстѣ, одну нераздѣльную плату, которая, по

[1]) 1658 года, 1 марта (№ 221); именный.

[2]) 1653 года, 25 декабря; Наказъ Покровскаго монастыря слугѣ Гаврилѣ Воронину. Акты Археографической Экспедиціи, т. IV, № 67. — 1659 года, « » декабря; Наказъ слугѣ Иверскаго монастыря, Антипу Григорьеву. Тамъ же, № 112. — 1679 года, 11 января; Наказъ Соловецкаго монастырскаго собора доводчику Корнилу Аникіеву. Тамъ же, № 232. — Наказы монастырскимъ прикащикамъ. См. Юридическіе акты, № 334, I, III.

этому, въ одно и тоже время, была и вознагражденіемъ за издержки содержанія, и штрафомъ за волокиту.

Происхожденіе платы за проѣсть и волокиту объясняется характеромъ нашего древняго процесса. Нельзя было вести тяжбу, не явившись лично въ приказъ, къ суду; поэтому истецъ и отвѣтчикъ необходимо должны были, во все продолженіе процесса, постояннно находиться тамъ, гдѣ судилась ихъ тяжба; а это вовлекало иногда въ значительныя издержки на содержаніе, особливо тѣхъ, которые не имѣли постояннаго мѣста жительства въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходилъ судъ. Вѣроятно, въ вознагражденіе этихъ-то издержекъ, и въ наказаніе за проволочку и введена плата проѣстей и волокиты.

Величина вознагражденія за проѣсть и волокиту опредѣлялась числомъ дней, въ которые продолжался процессъ сверхъ обыкновеннаго, закономъ опредѣленнаго времени. За каждый день проволочки полагалось по 10 коп. проѣстей и волокиты, что составляло по 3 рубли на мѣсяцъ [1]. Но кто вчинялъ, «поклепные» или уже однажды рѣшеные иски, съ того взыскивалась проѣсть и волокита въ пользу праваго тяжущагося за все то время, въ которое продолжалась тяжба, отъ дня составленія поручной записи, и до дня рѣшенія дѣла; ибо каждый день, въ который такой процессъ продолжался, былъ уже днемъ проволочки [2].

Платить проѣсть и волокиту долженъ былъ, какъ мы уже сказали, тотъ, отъ чьей вины произошла проволочка, слѣд. 1) дьякъ и подьячій, которые тянули дѣло [3]; 2) городовый

[1]) Улож. гл. X, ст. 18, 130, 139, 140, 141; гл. XV, ст. 5; гл. XVIII, ст. 43; гл, V, ст. 113—115, 117—119, 229, 162.

[2]) Улож. гл. X, ст. 18, 154. — За ложный искъ о утаенномъ помѣстьѣ полагалась двойная плата проѣстей и волокиты. Улож. гл. XVI, ст. 26.

[3]) Улож. гл. X, ст. 18. — Они платили двойную проѣсть и волокиту (по 20 коп. на день).

судья, который, при пересылкѣ дѣла изъ низшей инстанціи въ высшую, не собралъ поручной записи по тяжущихся, и отъ того одинъ изъ нихъ не являлся къ суду (Улож. гл. X, ст. 130); 3) отвѣтчикъ, который не давался на поруки (гл. X, ст. 139; гл. XVIII, ст. 43), или собравши по себѣ поруку, не являлся къ суду въ срокъ (гл. X, ст. 113, 115, 119, 140, 141); 4) третейскій судья, давшій неправильный приговоръ по дѣлу (гл. XV, ст. 5); 5) поручики, которые не поставили отвѣтчика къ суду на срокъ (гл. X, ст. 229); 6) обыскные люди, которые дали ложное показаніе, и тѣмъ продолжили процессъ (гл. X, ст. 162). Изъ Новоуказныхъ статей видно, что многія лица были освобождены отъ платы проѣстей и волокиты [1]). Можетъ быть и прежде и послѣ давались подобныя привиллегіи.

Мы сказали, что проѣсть и волокита платились за проволочку дѣла. По этому началу, въ различныхъ случаяхъ различно опредѣлялся день, съ котораго почитали проволочку начавшеюся: если въ проволочкѣ былъ виновенъ дьякъ или подьячій, то онъ платилъ проѣсть и волокиту съ перваго дня суда [2]), и до челобитья о проволочкѣ; если проволочка произошла отъ того, что городовый судья, вмѣстѣ съ спорнымъ дѣломъ, не прислалъ поручныхъ по тяжущихся, то первымъ днемъ проволочки считался тотъ, въ который одинъ изъ тя-

[1]) Этою привиллегію пользовались всѣ, состоявшіе въ дворцовомъ вѣдомствѣ, въ искахъ между собою и съ посторонними. Она распространялась даже на тѣхъ, которые вели съ ними тяжбы. 1686 года, 5 марта (№ 1173); именный съ боярскимъ приговоромъ. Потомъ такая же привиллегія дана Мурзамъ, Татарамъ, Мордвѣ, Чувашамъ и Черемисамъ. 1686 года, 19 марта (№ 1180); именный съ боярскимъ приговоромъ.

[2]) Улож. гл. X, ст. 6. — Такъ, кажется, должно понимать выраженіе: «*какъ дѣло зачалося*». Впрочемъ дьякъ и подьячій могли быть виновны въ проволочкѣ дѣла, какъ до суда, такъ во время, и послѣ суда; поэтому и первый день проволочки былъ различно опредѣляемъ.

жущихся записывалъ свою ставку къ аппелляціонному суду (Улож. гл. X, ст. 130), до присылки поручной записи; если въ проволочкѣ былъ виноватъ отвѣтчикъ, недавшійся на поруки, то недѣлю (гл. X, ст. 139), а по Новоуказнымъ статьямъ мѣсяцъ спустя[1]) послѣ подачи истцомъ приставной памяти, до явки его къ суду; если, наконецъ, кто либо вчинялъ поклепный искъ, то обязанъ былъ платить проѣсть и волокиту за все время, съ собранія по отвѣтчикѣ поручной записи, до окончанія дѣла[2]).

Въ періодъ Новоуказныхъ статей образовалось нѣсколько новыхъ, замѣчательныхъ положеній о платѣ проѣстей и волокиты. По Уложенію, только за поклепные и вновь вчиняемые иски взимались проѣсти и волокиты съ начала и до конца процесса; въ прочихъ искахъ положена была плата проѣстей и волокитъ за одну проволочку. Но Новоуказными статьями это положеніе измѣнено и дополнено: всякій истецъ, обвиненный въ искѣ, долженъ былъ платить отвѣтчику проѣсть и волокиту по гривнѣ на день, хотя бы даже сумма проѣстей и волокитъ превышала цѣну иска. Тому же подвергались и отвѣтчики, обвиненные въ искѣ, кромѣ тѣхъ, которые обвинены «какимъ безхитростнымъ дѣломъ» т. е. промолвкою, указною недѣлею и т. д.[3]).

Итакъ, различіе между поклепными и непоклепными исками, въ отношеніи къ платѣ проѣстей и волокитъ, уничтожилось; за всякій проигранный процессъ взыскивался этотъ штрафъ съ обвиненнаго, въ пользу противника. — Какіе бы ни были поводы къ такому измѣненію прежнихъ постановленій о проѣстяхъ и волокитахъ, можно сказать утвердительно, что

1) 1685 года, 11 ноября (№ 1140); Судныя статьи, п. 1.

2) Улож. гл. X, ст. 18, 154; гл. XVI, ст. 26. — 1683 года, 22 іюня, (№ 1029); именный съ боярскимъ приговоромъ.

3) 1651 ода, 9 января (№ 55); боярскій приговоръ.

въ немъ выражается новый взглядъ на судопроизводство — взглядъ постепенно приготовленный предшествовавшимъ развитіемъ идеи государства. которое ясно обнаруживается въ различныхъ частяхъ законодательства этой эпохи. Всѣ частныя, гражданскія дѣйствія, прежде безразличныя, теперь все болѣе и болѣе подводятся подъ категоріи справедливыхъ, или несправедливыхъ дѣйствій, и съ этой точки зрѣнія опредѣляются законодательствомъ. Многія, по прежнимъ понятіямъ гражданскія преступленія, получаютъ теперь, отъ этого, характеръ преступленій государственныхъ; дѣйствія безразличныя возводятся на степень гражданскихъ преступленій. На этомъ-то основаніи, обвиненный платилъ прежде проѣсть и волокиту только за время проволочки; но въ періодъ Новоуказныхъ статей онъ долженъ былъ уплачивать штрафъ за все время процесса. Кажется однако, что число дней, за которые взималась проѣсть и волокита, различно опредѣлялось въ поклепныхъ и непоклепныхъ искахъ. Въ первыхъ, какъ уже замѣчено, проѣсть и волокита взимались со дня подачи приставной памяти, въ послѣднихъ — съ начала суда и до дня рѣшенія. Итакъ, въ послѣднемъ случаѣ, время, употребленное на вызовъ къ суду, исключалось изъ общаго счета дней, за которые взималась проѣсть и волокита[1]).

Другія измѣненія въ ученіи о проѣстяхъ и волокитахъ произошли вслѣдствіе отмѣны обвиненія безъ суда, и по этому не долго сохраняли свою силу. Кто не искалъ и не отвѣчалъ въ продолженіе недѣли, съ того постановлено взыскивать проѣсть и волокиту со дня явки къ суду одного изъ тяжущихся, до дня явки къ суду противника[2]). Но со введеніемъ преж-

[1]) 1685 года, 11 ноябра (№ 1140); Судныя статьи, п. 8.

[2]) 1653 года, 4 ноября (№ 109); именный. — Это положеніе отмѣнено Судными статьями 1685 года, 11 ноября (№ 1140); п. 8.

няго обвиненія неявкою, взысканіе проѣстей и волокиты за дни, предшествовавшіе суду, отмѣнено, и возстановлены прежнія положенія [1]).

IX.

Переносъ судебныхъ дѣлъ въ высшія инстанціи.

Перенесеніе спорныхъ судебныхъ дѣлъ изъ низшей инстанціи въ высшую происходило двоякимъ образомъ:

1) Излагая судоустройство временъ Уложенія мы сказали, что судебная власть городовыхъ и пригородныхъ воеводъ была ограничена, и въ отношеніи къ цѣнѣ, и въ отношеніи къ предметамъ гражданскихъ исковъ. Когда такимъ образомъ искъ, превышающій судебную власть воеводъ, поступалъ на ихъ рѣшеніе, или когда они не знали, какъ рѣшить его, они сами собою, безъ просьбы тяжущихся, пересылали его на рѣшеніе высшей инстанціи (Улож. гл. X, ст. 2, 130). Такой порядокъ переноса дѣлъ можетъ быть названъ порядкомъ слѣдственнымъ.

2) Но могли быть случаи, что одинъ изъ тяжущихся находилъ рѣшеніе, постановленное судьею, несправедливымъ. Тогда онъ долженъ былъ приносить на то жалобу въ высшую инстанцію, и на основаніи этой жалобы, высшій судъ вытребовалъ отъ низшаго дѣло, разсматривалъ его, и постановлялъ по немъ новое рѣшеніе. Такой порядокъ перенесенія спорнаго гражданскаго дѣла изъ низшей инстанціи въ высшую, вслѣдствіе жалобы одного изъ тяжущихся, можетъ быть названъ гражданскимъ, аппелляціоннымъ.

Судъ по каждому спорному гражданскому иску, кромѣ тѣхъ, которые особыми привиллегіями были исключены изъ

[1]) 1685 года, 11 ноября (№ 1140); Судныя статьи, п. 8.

общей подсудности, необходимо происходилъ сперва въ низшей инстанціи (Улож. гл. X, ст. 130, 20). Если дѣло должно было быть по слѣдственному порядку перенесено въ высшую инстанцію, то списокъ этого суднаго дѣла посылался судьями въ то присутственное мѣсто, подъ которымъ они состояли. Если по порядку аппелляціонному,— то пересылкѣ дѣла и рѣшенію должна была предшествовать аппелляціонная жалоба, поданная недовольнымъ тяжущимся въ высшее присутственное мѣсто (гл. X, ст. 7). Но въ Уложеніи ничего не говорится ни о томъ, какимъ образомъ судный списокъ и рѣшеніе вытребовались высшею инстанціею отъ низшей, ни о срокахъ для аппелляціи. Присланное въ высшую инстанцію спорное гражданское дѣло уже не судилось въ ней, потому что было засужено (гл. X, ст. 130) въ низшей инстанціи, но, или рѣшалось, если поступало слѣдственнымъ порядкомъ, или перевершивалось, — если переносилось порядкомъ аппелляціоннымъ.

Такъ было, когда судъ по какому-либо спорному гражданскому дѣлу, перенесенному на рѣшеніе высшей инстанціи, не требовалъ никакихъ измѣненій. Но могло случиться: 1) что одинъ изъ тяжущихся опровергалъ судный списокъ («оболживить списокъ»), т. е. доказывалъ, что судъ по этому спорному дѣлу не такъ происходилъ въ низшей инстанціи, какъ онъ былъ изложенъ въ спискѣ, присланномъ въ высшее присутственное мѣсто, или 2) что судьи сами, по разсмотрѣніи присланнаго къ нимъ списка суднаго дѣла, находили, что судъ былъ неполонъ, неясенъ, или происходилъ не согласно съ законами.

Къ какимъ средствамъ прибѣгали въ первомъ случаѣ, для того, чтобъ удостовѣриться въ справедливости опроверженій суднаго списка однимъ изъ тяжущихся, объ этомъ ничего не сказано въ Уложеніи; но въ Судебникѣ производство по такого рода дѣламъ изложено весьма подробно (Судебникъ, ст. 69). Вѣроятно, тоже самое производство, можетъ-быть съ нѣкото-

рыми измѣненіями, удержалось и въ настоящую эпоху. Во второмъ случаѣ судьи приговаривали «дати судъ съ головы» (Улож. гл. X, ст. 10) т. е. назначали подвергнуть спорный искъ новому суду. Но мы не знаемъ, происходилъ ли этотъ новый судъ въ высшей инстанціи, передъ тѣми же судьями, которые опровергли первый судъ, или спорный искъ опять обращался въ низшую инстанцію, и тамъ подвергался новому суду.

Рѣшеніе и перевершеніе спорнаго иска въ высшей инстанціи не иначе, какъ на основаніи суда, произведеннаго въ низшемъ присутственномъ мѣстѣ, давало гражданскимъ процессамъ того времени весьма правильный ходъ и строгую послѣдовательность въ ихъ развитіи. Всѣ доказательства и опроверженія въ пользу и противъ спорнаго гражданскаго иска однажды навсегда излагались въ судѣ; имъ и огранчивался моментъ веденія доказательствъ; высшая степень суда только постановляла рѣшеніе, котораго не былъ въ правѣ постановить низшій судья, или давала рѣшеніе по тому же самому дѣлу, которое было уже однажды рѣшено въ нисшей инстанціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ произносила свой приговоръ и о ея рѣшеніи. Аппелляціонная жалоба заключала въ себѣ только просьбу перевершить спорный гражданскій искъ, потому что нисшій судъ рѣшилъ его неправильно. Доказательства, въ ней излагаемыя, имѣли цѣлью убѣдить въ этомъ высшее присутственное мѣсто— не болѣе. Она не могла заключать въ себѣ новыхъ доводовъ въ пользу или противъ спорнаго иска, ибо этотъ искъ, пополненный новыми доказательствами, измѣнился бы и образовалъ новый спорный гражданскій искъ, новое спорное дѣло, что явно противорѣчило бы понятію о перевершеніи. Тогда судья неправильно подвергся бы взысканію за неправильное рѣшеніе, и неправильно такой искъ, пополненный новыми доказательствами, рѣшался бы во второй истанціи. Итакъ, во времена

Уложенія, аппелляціонное рѣшеніе было ничто иное, какъ рѣшеніе тяжбы между судьею и недовольнымъ тяжущимся; они являлись здѣсь лицами равными; оба равно платили другъ другу безчестье и убытки, если были неправы[1]). Только въ одномъ случаѣ мы находимъ отступленіе отъ изложенныхъ нами правилъ; это при назначеніи суда съ головы. Но и здѣсь спорный искъ не измѣнялся, а все прежнее производство его уничтожалось, и объявлялось, какъ бы несуществующимъ юридически. Назначали новый судъ, который производилъ совсѣмъ новое дѣло, не имѣющее, юридически, ничего общаго съ предыдущимъ.

Скажемъ въ заключеніе, что по Уложенію, частная жалоба, подаваемая въ продолженіе процесса, строго отличалась отъ аппелляціонной. Это ясно видно изъ того, что если тяжущійся жаловался на судью, что онъ волочилъ дѣло, то это дѣло не переносилось на судъ и рѣшеніе высшей инстанціи, но судья подвергался наказанію и ему предписывалось «судныя дѣла вершити безволокитно» (Улож. гл. X, ст. 15).

[1]) Улож. гл. X, ст. 5 и 6. — Судья платитъ тяжущемуся тройный искъ. — Тамъ же, ст. 9. Тяжущійся судьѣ безчестье.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Реформы, происшедшія въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ при Петрѣ Великомъ и въ послѣдующія царствованія, до учрежденія о губерніяхъ.

(1696—1775)

Уже много было говорено и писано о значеніи Петра Великаго въ русской исторіи, но вопросъ не рѣшенъ и до сихъ поръ. Это объясняется тѣмъ, что мы еще почти современники Петра Великаго, и едва только начинаемъ высвобождатся изъ-подъ непосредственнаго вліянія реформы, имъ произведенной. Для насъ эта реформа не есть еще вполнѣ прошедшее, на которое бы мы могли смотрѣть прямо и безпристрастно. Оставляя по этому въ сторонѣ вопросъ о значеніи реформы, мы замѣтимъ здѣсь только вообще, для уясненія нашего предмета, что въ періодъ Уложенія обычное право замѣтно изглаживалось въ народномъ сознаніи: это доказывается самимъ Уложеніемъ и законами, послѣ него изданными. Такому ослабленію обычнаго права много содѣйствовали слѣдующія причины:

1) Въ періодъ Уложенія, юридическія отношенія становились мало-по-малу многосложнѣе, разнообразнѣе и поэтому запутаннѣе, нежели были прежде. Каждое юридическое отношеніе, прежде простое, теперь начало дробиться на нѣсколько различныхъ отношеній, по различнымъ оттѣнкамъ, въ немъ заключавшимся. Этихъ новыхъ отношеній нельзя уже было судить

по обычному праву, по существу своему простому, однообразному; явилась потребность восходить къ юридическимъ началамъ, лежащимъ въ основаніи обычнаго права, а оно чрезъ это должно было придти въ упадокъ.

2) При постепенномъ развитіи законодательства, въ немъ появлялись новыя юридическія положенія, которыя хотя и были результатомъ предыдущаго, однако во многихъ отношеніяхъ измѣняли его. Такимъ образомъ старое продолжало существовать подлѣ новаго, нерѣдко противоположнаго ему по основному своему началу. Отъ такого смѣшенія различныхъ началъ, и отъ того, что обычай потерялъ прежнюю, исключительную силу, — обычныя вѣрованія должны были утратить свою ясность и опредѣленность.

Когда живое сознаніе права ослабѣло, буква закона, которая была его выраженіемъ, сдѣлалась мало-по-малу мѣриломъ и единственнымъ источникомъ права. Отсюда развился юридическій формализмъ, сутяжничество, ябеда, душевредство, которыя, въ періодъ новоуказныхъ статей, чрезвычайно усилились и служатъ доказательствомъ, что тогда существовали однѣ только формы древняго права, а духъ его изгладился и изчезъ изъ народнаго сознанія.

Таково было состояніе правосудія въ нашемъ отечествѣ въ концѣ XVII вѣка. Такимъ засталъ его Петръ Великій. Самымъ простымъ, скорымъ и вѣрнымъ способомъ измѣнить такой порядокъ вещей, весьма естественно, казалось — дать Россіи лучшіе законы. Лучшими, разумѣется, должны были казаться тѣ, подъ которыми жили народы просвѣщенные, имѣвшіе организованное устройство и строгое правосудіе. Тогда не было и не могло быть убѣжденія, до котораго впослѣдствіи довелъ долговременный опытъ, что никакой законъ, какъ бы онъ хорошъ ни былъ, самъ по себѣ не водворяетъ права; что чуждое, только перешедши въ сознаніе, можетъ быть усвоено

и принести ожидаемые плоды. Петръ Великій вознамѣрился исправить тогдашній юридическій бытъ Россіи введеніемъ иностранныхъ законовъ. Реформою открывается новый періодъ русскаго законодательства, періодъ нововведеній и заимствованій, по своему характеру и направленію рѣзко отличающійся отъ предыдущаго, и во многихъ отношеніяхъ противоположный ему. Въ развитіи своемъ онъ подвергся многимъ, существеннымъ измѣненіямъ, и наконецъ, въ наше время, выразился, въ результатахъ своихъ, въ сводѣ законовъ Россійской Имперіи, какъ обычное право въ Уложеніи.

Съ Петра Великаго предметомъ законодательства является уже не развитіе началъ, сокрытыхъ въ обычномъ правѣ, а самыя начала, ихъ критика и установленіе. До Петра Великаго все развитіе законодательства ограничивалось: а) дальнѣйшимъ опредѣленіемъ, поясненіемъ, истолкованіемъ началъ, лежавшихъ въ основаніи тогдашняго права; поводомъ служили обыкновенно новые юридическіе случаи, представляемые судебною практикою и не рѣшенные существовавшими законами; b) нѣкоторыми незначительными измѣненіями, рѣдко выходившими изъ круга существующихъ, обычныхъ началъ права. Со времени реформы, самыя начала права подверглись сужденію, и критеріемъ при этомъ служилъ лучшій юридическій бытъ Россіи, какъ понимали его законодатели. Такимъ образомъ, до Петра Великаго, русское законодательство преимущественно развивалось аналитически, отъ казусовъ къ началамъ; послѣ Петра Великаго, синтетически — отъ началъ къ ихъ приложенію.

Отсюда: русское законодательство этой эпохи представляетъ не развитіе однихъ и тѣхъ же началъ, а безпрестанное измѣненіе ихъ, уничтоженіе существующихъ, и замѣщеніе другими. Каждый законодатель приносилъ свой собственный взглядъ на юридическій бытъ Россіи, и сообразно съ нимъ, дѣлалъ тѣ

или другія измѣненія въ законодательствѣ. Поэтому, при изученіи законовъ этого періода, должно преимущественно обращать вниманіе на личность законодателей, ихъ понятія и убѣжденія, а не на внутреннюю послѣдовательность развитія юридическихъ началъ, ибо ея не было, и не могло быть во многихъ случаяхъ.

Далѣе: когда юридическія начала, лежавшія въ основаніи юридическаго быта, сами сдѣлались предметомъ критики и обсужденій, обычай долженъ былъ, и юридически, потерять прежнюю свою силу. Отсюда объясняется строгое предписаніе, повторявшееся въ продолженіи этого періода нѣсколько разъ, во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ непремѣнно испрашивать разрѣшенія у Верховной Власти, и твердо придерживаться буквальнаго смысла закона. Не только обычное право ослабѣло въ этотъ періодъ, но и самый ходъ законодательства измѣнился. Новыя, чуждыя начала внесены въ право. По этимъ двумъ основаніямъ законодатели весьма правильно опасались, чтобъ свобода судьи въ толкованіи закона не повлекла за собою произвольныхъ рѣшеній, или рѣшеній на основаніи прежнихъ обычныхъ началъ, противныхъ, или по крайней мѣрѣ несогласныхъ съ новыми, и отняли всю силу у обычая.

Вся сила реформы сосредоточилась преимущественно на государственномъ и гражданскомъ управленіи древней Россіи, потому что ближайшею ея причиною были злоупотребленія, вкравшіяся въ администрацію. Наконецъ замѣтимъ, что въ продолженіе этого періода, всѣ начала, заимствованныя изъ иностранныхъ законодательствъ и пересаженныя на русскую почву, измѣнили свой характеръ, утратили историческую, жизненную сторону, приняли въ себя другое содержаніе и такимъ образомъ низведены до правильнѣйшихъ, удобнѣйшихъ, вообще лучшихъ средствъ и формъ управленія.

Перейдемъ теперь къ краткому обозрѣнію тѣхъ измѣненій,

которыя произошли, вслѣдствіе реформы, въ русскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ, до изданія учрежденія о управленіи губерній.

СУДОУСТРОЙСТВО.

Въ устройствѣ гражданскихъ судовъ настоящей эпохи мы находимъ многія новыя начала, которыя, конечно, были приготовлены предыдущимъ развитіемъ, но до Петра Великаго не были ясно высказаны и введены въ дѣйствующее законодательство. Эти начала суть: a) отдѣльное судебное управленіе купечества и мѣщанства отъ прочихъ классовъ; b) коллегіяльное устройство судебныхъ мѣстъ; c) отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной, собственно административной; d) начало контрольное и инквизиціонное.

1. Отдѣльное управленіе купечества и мѣщанства отъ прочихъ классовъ. Говоря о судоустройствѣ временъ Уложенія и Новоуказныхъ статей, мы замѣтили, что необходимость отдѣльнаго управленія купечества отъ прочихъ классовъ была чувствуема еще до Петра Великаго и высказана въ новоторговомъ уставѣ 1667 года. Петръ Великій первый привелъ эту мысль въ исполненіе, подчинивъ купечество, посадскихъ людей и ремесленниковъ бурмистрамъ, замѣненнымъ въ послѣдствіи магистратами. Все устройство купеческихъ, мѣщанскихъ, вообще горожанскихъ судовъ, всѣ чины, ими завѣдывающіе, бургомистры, ратманы, ратсгеры и т. д. очевидно заимствованы изъ иностранныхъ законодателствъ. Петръ Великій велѣлъ: «магистратовъ градскихъ... учинить на основаніи Рижскаго и Ревельскаго Регламента, по всѣмъ городамъ»[1]. Такимъ образомъ городское сословіе создано у насъ Петромъ Великимъ. Магистраты судили не только спорныя

[1]) 1718 года, 11 іюля (№ 3208); Высочайшія резолюціи на меморіялъ иноземца Фика п. 8 и рез.

дѣла, возникающія исключительно изъ купеческихъ оборотовъ и юридическихъ отношеній, но всѣ дѣла гражданскія между купцами, мѣщанами и ремесленниками.

2. Коллегіяльное устройство судебныхъ мѣстъ. Введеніе коллегіяльнаго устройства, въ настоящемъ смыслѣ слова, безспорно принадлежитъ Петру Великому. До него, управленіе областію, или отдѣльною отраслью администраціи находилось обыкновенно въ рукахъ воеводы съ товарищи, или судьи съ товарищи. Но товарищи придавались воеводѣ и судьѣ потому только, что одному управлять было трудно; ему нужны были совѣтники, помощники, которые могли бы исправлять его должность во время его отсутствія, болѣзни, смерти и т. д. Отсюда неопредѣленность отношеній ихъ къ главному воеводѣ или судьѣ. Вся власть, юридически, сосредоточивалась въ его рукахъ, ограничиваясь только, de facto, мнѣніемъ и совѣтами его помощниковъ. Петръ Великій видѣлъ злоупотребленія, проистекающія изъ такой безграничной власти правителей [1]), и для того замѣнилъ ее властью нѣсколькихъ лицъ вмѣстѣ, изъ коихъ каждое было совершенно независимо другъ отъ друга, и поэтому, участвуя наравнѣ со всѣми другими въ управленіи, могло, вмѣстѣ съ тѣмъ, контролировать ихъ дѣйствія. Главный управитель сдѣлался съ того времени старшимъ членомъ своихъ товарищей; единовластіе его изчезло. Коллегіяльное устройство, какъ и отдѣльное управленіе городскихъ классовъ, заимствовано Петромъ Великимъ изъ Шведскаго законодательства.

[1]) 1718 года, 22 декабря (№ 3261); именный, въ началѣ: «учинены коллегіи, т. е. собраніе многихъ персонъ (вмѣсто приказовъ), въ которыхъ президенты или предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи: дѣлали, что хотѣли. Въ коллегіяхъ же президентъ не можетъ, безъ соизволенія товарищевъ своихъ, ничего учинить. Также и прочія обязательства великія суть, что отъимаютъ старыя поползновенія дѣлать».

3. Отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной. Отдѣленія судебной власти отъ исполнительной не было въ нашемъ древнемъ законодательствѣ; ибо сосредоточеніе всѣхъ властей въ одномъ правительственномъ мѣстѣ (приказѣ), или лицѣ было, какъ мы замѣтили, одною изъ характеристическихъ чертъ нашего древняго устройства. Конечно, подвѣдомственность опредѣлялась нерѣдко по частнымъ признакамъ; но если лице, по чему бы то ни было, подчинялось извѣстному мѣсту или лицу, то оно подчинялось ему вполнѣ, по судебному, межевому, полицейскому, финансовому управленію. На этомъ основаніи и исполнительная власть не отдѣлялась отъ судебной. Въ эпоху, не задолго предшествующую реформѣ Петра Великаго, отдѣленіе власти судебной отъ исполнительной начало мало-по-малу обнаруживаться; особливо это замѣтно въ опредѣленіи отношеній между духовною и свѣтскою властью. Но это отдѣленіе выражалось только въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, и не было возведено до опредѣленнаго юридическаго начала. У насъ, оно, очевидно, имѣло и имѣетъ цѣлью облегченіе правительственныхъ мѣстъ и лицъ, которыя были бы слишкомъ обременены, еслибъ завѣдывали и тою и другою отраслью управленія.

4. Начало контрольное и инквизиціонное. Установленіе особливыхъ чиновниковъ для наблюденія за присутственными мѣстами и лицами, въ отправленіи ихъ должности, и для сохраненія казенныхъ интересовъ, не было, въ строгомъ смыслѣ, нововведеніемъ при Петрѣ Великомъ. Не говоря уже о томъ, что всѣ «вѣрные» таможенные и кабацкіе головы и цѣловальники, по окончаніи своей должности, отдавали отчетъ въ управленіи общинѣ ихъ избравшей, и потомъ считались приказомъ, въ вѣдомствѣ котораго они состояли [1]), мы замѣтимъ,

[1]) 1676 года, 17 мая (№ 642); именный.

что, по свидѣтельству Кошихина, ко всѣмъ знатнымъ посланникамъ были приставлены дьяки, которые наблюдали за ними въ отправленіи ихъ должностей, и обо всѣхъ отступленіяхъ доносили Государю, въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, гдѣ и были вѣдомы (Кошихинъ гл. VII, ст. 1).

Со временъ Петра Великаго, контроль чиновниковъ и присутственныхъ мѣстъ, въ отправленіи ихъ должностей, и инквизиціонное начало въ дѣлахъ казны, получили обширнѣйшее развитіе и кругъ дѣйствія, чрезъ установленіе фискаловъ и прокуроровъ. Фискалы и прокуроры, какъ и все провинціяльное устройство, заимствованы Петромъ Великимъ изъ Швеціи. Трудно опредѣлить, въ чемъ именно состояло различіе между ними. Кажется, фискалы, по главному своему назначенію, были истцы со стороны казны, казенные стряпчіе, какъ были монастырскіе стряпчіе, по дѣламъ монастырскимъ, и патріаршіе, по имѣніямъ патріарха. Напротивъ, прокуроры были, преимущественно, блюстители законовъ; они смотрѣли за тѣмъ, чтобъ присутственныя мѣста, при которыхъ они были установлены, не отступали отъ законнаго порядка и формъ [1]). Впрочемъ, строгаго различія между фискалами и прокурорами не было, и должности ихъ, во многихъ отношеніяхъ, были совершенно одинаковы.

Установленіе фискаловъ и прокуроровъ не было однимъ послѣдствіемъ нововведеній; потребность ихъ глубоко лежала въ юридическомъ бытѣ Россіи во времена Петра Великаго.

1) Когда развилось понятіе о строгомъ различіи между благомъ общимъ и частнымъ, имѣніемъ частныхъ лицъ и казны,

[1]) Въ Финляндіи, гдѣ удержались, съ значительными измѣненіями, формы шведскаго государственнаго устройства и управленія, введеннаго у насъ Петромъ Великимъ, это различіе между фискалами и прокурорами еще сохранилось. См. *Rein,* statistische Darstellung des Grossfürstenthum's Finnland. Helsingfors, 1839 in 8⁰, стр. 81 и 93.

первыя, при взаимномъ столкновеніи интересовъ частныхъ съ общими, находили себѣ дѣятельныхъ защитниковъ, а послѣдніе — интересы казны и дѣла уголовныя, если не были связаны съ частными, оставались безъ истцовъ. Петръ Великій видѣлъ эту беззащитность казны, тѣмъ болѣе потому, что издержки, нужныя для войны, заставляли его безпрестанно помышлять о средствахъ усиленія государственныхъ доходовъ. Вотъ что и побудило его установить фискаловъ.

2) Первоначально, когда управленіе находилось въ рукахъ выборныхъ чиновниковъ, и только центральное, преимущественно политическое, военное и финансовое управленіе было ввѣрено княжескимъ или царскимъ намѣстникамъ, необходимость контроля, или наблюденія надъ чиновниками, въ отправленіи ихъ должностей, не могла быть чувствуема въ такой мѣрѣ, какъ въ послѣдствіи, потому что государство состояло изъ областей, соединенныхъ между собою болѣе политическою, нежели внутреннею связью. Въ послѣдствіи, когда выборные отъ общины, или міра, мало-по-малу изчезли, и правители, образовавши постоянныя коллегіальныя присутствія, утратили, каждый въ отдѣльности, характеръ лицъ, облеченныхъ особенною довѣренностію самаго государя; когда политическое единство замѣнилось внутреннею централизаціею государства, и оно образовалось въ одно органическое цѣлое; наконецъ, когда прежнее дѣлопроизводство, развившееся изъ обычая, замѣнено новымъ, заимствованнымъ изъ иностранныхъ законодательствъ — непосредственный надзоръ надъ присутственными мѣстами и лицами сдѣлался необходимъ. Этой потребности удовлетворилъ Петръ Великій введеніемъ прокуроровъ.

Сначала учреждены **фискалы** (въ 1711 г.), съ[1]) большими правами и властью; они могли всякаго требовать къ суду

[1]) 1711 года, 2 марта (№ 2330); именный, данный сенату, п. 9.

«кто не правду учинитъ», и не подвергались никакой отвѣтственности, если не доказывали доноса [1]); сами же они и имѣнія ихъ не были подвѣдомственны общимъ присутственнымъ мѣстамъ, но чрезъ оберъ-фискала судились сенатомъ [2]). Отсюда должны были проистекать большія злоупотребленія; поэтому права фискаловъ, въ послѣдствіи, ограничены; сначала имъ запрещено вмѣшиваться въ гражданскія («челобитчиковы») дѣла [3]), и предоставлено доносить по безгласнымъ дѣламъ «иже не имѣютъ челобитчика о себѣ» [4]), а въ царствованіе Императрицы Екатерины I они подчинены, по частнымъ, гражданскимъ искамъ, вѣдомству общихъ присутственныхъ мѣстъ [5]).

[1]) 1711 года, 5 марта (№ 2331); именный, данный сенату, п. 5.

[2]) 1712 года, 16 января. Объ этомъ указѣ упоминается въ указѣ сената 1721 года, 24 февраля (№ 3745). Если не ошибаемся, его нѣтъ въ Полномъ Собраніи Законовъ.

[3]) 1713 года, 24 апрѣля (№ 2669); именный, объявленный изъ сената.

[4]) 1714 года, 17 марта (№ 2786); именный, п. 3.

[5]) 1725 года, 20 апрѣля (№ 4698); именный, п. 11. — Первоначально установлены: *оберъ-фискалъ* при сенатѣ, и при немъ четыре *фискала*, въ томъ числѣ два изъ купечества; по *четыре фискала* въ каждой губерніи, въ томъ числѣ *провинціалъ-фискалъ* и *фискалы* изъ купечества; по одному и по два фискала въ городахъ; они назывались и *земскими*, или *ландфискалами* (1714 года, 17 марта (№ 2786); именный. Ср. 1711 года, 10 августа (№ 2414); Резолюціи сената на докладные пункты оберъ-фискала Былинскаго, п. 1 и 2. — 1718 года, 26 ноября (№ 3244); именный. Ср. 1749 года, « » (№ 3479); Инструкція или наказъ земскимъ фискаламъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, п. 2). Въ послѣдствіи мы находимъ *генералъ-фискала, оберъ-фискала государственнаго* (при сенатѣ), *оберъ-фискаловъ* воинскихъ коллегій, *оберъ-фискаловъ* въ Москвѣ, и въ войскѣ у дивизій, *фискаловъ* въ коллегіяхъ и въ магистратѣ (1723 года, 22 февраля (№ 4170); именный, данный сенату). Сверхъ того, по епархіямъ учреждены духовные фискалы изъ духовныхъ особъ, подъ названіемъ *провинціалъ-инквизиторовъ;* при сунодѣ *протоинквизиторъ,* а въ городахъ и заказахъ *инквизиторы.* (1721 года « » (№ 3870); Инструкція данная отъ Святѣйшаго Сунода Московскаго Даниловa монастыря строителю Іеромонаху Пафнутію, опредѣленному Протоинквизиторомъ, или главнымъ фискаломъ по дѣламъ духовнаго вѣдомства во всей Россіи).

Въ 1722 году, впервые установлены прокуроры: въ сенатѣ генералъ и оберъ-прокуроры, а въ коллегіяхъ прокуроры [1]). Въ послѣдствіи они были уничтожены, неизвѣстно кѣмъ и когда, и возстановлены манифестомъ Императрицы Анны Іоанновны, на прежнемъ основаніи [2]).

Представимъ теперь краткій очеркъ реформы, произведенной Петромъ Великимъ въ судоустройствѣ.

Областное, провинціяльное Судоустройство.

Въ 1708 году, вся Россія раздѣлена Петромъ Великимъ на восемь губерній: Московскую, Ингерманландскую, Кіевскую, Смоленскую, Архангельскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую [3]). Въ послѣдствіи, въ 1719 году, каждая губернія подраздѣлена еще на нѣсколько провинцій [4]). Всѣ эти гу-

[1]) 1722 года, 12 января (№ 3877); именный, данный сенату, п. 4.

[2]) 1728 года, 2 октября (№ 5625); манифестъ. — Послѣ учрежденія *генералъ-* и *оберъ-прокуроровъ* при сенатѣ и *прокуроровъ* въ государственныхъ коллегіяхъ, мы находимъ *прокуроровъ* въ магистратахъ и надворныхъ судахъ (1722 года, 18 января (№ 3880); именный, п. 1. — 1722 года, 27 апрѣля (№ 3981); именный). За тѣмъ установлены: *оберъ-прокуроръ* въ сѵнодѣ, равный генералъ-прокурору (1722 года, 11 мая (№ 4001); именный), и прокуроры при губернаторахъ (1733 года, 3 сентября (№ 6475), именный) при канцеляріяхъ и конторахъ (1741 года, 12 декабра (№ 8480); именный).

[3]) 1708 года, 18 декабря (№ 2218); именный, объявленный изъ ближней канцеляріи. — Въ 1713 году, изъ Риги съ Смоленскомъ образована особливая Рижская губернія (1713 года, 28 іюля (№ 2703); именный); но въ 1719 году, мы находимъ уже новое раздѣленіе Россіи на 10 губерній: С. Петербургскую, Московскую, Кіевскую, Азовскую, Рижскую. Архангельскую, Сибирскую, Казанскую, Нижегородскую, Астраханскую. Новыми были Нижегородская и Астраханская (1719 года, 29 мая (№ 3380); именный, состоявшійся въ сенатѣ).

[4]) С. Петербургская губернія раздѣлена на 12 провинцій, Московская на 9, Кіевская, Азовская, Архангельская, Сибирская, Казанская, Астраханская, каждая на 4 провинціи; Нижегородская на 3, Рижская на 2 (1719 года, 29 мая (№ 3380); именный, состоявшійся въ сенатѣ).

берніи, съ небольшими измѣненіями, организованы по образцу Ингерманландской; ибо изъ многихъ указовъ мы видимъ, что почти тоже устройство, которое введено было во всѣхъ губерніяхъ, существовало въ Ингерманландской еще до учрежденія губерній въ Россіи[1]). Въ новомъ областномъ устройствѣ, судебное управленіе было отдѣлено отъ собственно административнаго, исполнительнаго и полицейскаго (въ обширномъ смыслѣ).

а) *Областное устройство въ административномъ отношеніи.*

Высшая административная власть въ губерніи принадлежала губернатору. Подъ нимъ состояли: вице-губернаторъ, который заступалъ его мѣсто во время его отсутствія[2]); въ провинціяхъ, если въ нихъ находились гарнизоны, оберъ-коменданты и коменданты (вѣроятно по городамъ)[3]), а гдѣ гарнизоновъ не было, тамъ сначала ландраты съ комиссарами, а потомъ воеводы провинціальные[4]), по городамъ городовые[5]), а подъ послѣдними, въ пригородахъ, пригородные воеводы[6]).

[1]) 1705 года, 3 марта (№ 2039); именный. — 1708 года, 21 марта (№ 2194); Докладные пункты князя Меншикова съ Высочайшими резолюціями, ст. 24. — 1707 года, 17 января (№ 2135); именный, объявленный княземъ Меншиковымъ. — 1706 года, 12 марта (№ 2097); именный, объявленный княземъ Меншиковымъ Копорскому Коменданту Римскому-Корсакову.

[2]) 1714 года, 17 марта (№ 2786); именный, п. 8. — Отношеніе вице-губернатора къ губернатору весьма неясно въ законахъ Петра Великаго; иногда вице-губернаторы состояли при губернаторахъ (1715 года, 28 января (№ 2879); именный); иногда они имѣли въ своемъ управленіи города (1713 года, 24 апрѣля (№ 2673); именный п. 3) и провинціи (1719 года, 29 мая (№ 3378); именный, объявленный изъ сената).

[3]) 1714 года, 17 марта (№ 2786); именный, п. 8. — 1715 года, 28 января (№ 2879); именный.

[4]) 1719 года, 19 мая (№ 3380); именный, состоявшійся въ сенатѣ.

[5]) 1728 года, 26 іюня (№ 5315); сенатскій, п. 9. — 1728 года, 12 сентября (№ 5333); Наказъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ, п. 7.

[6]) 1715 года, 28 января (№ 2879); именный.

До реформъ, произведенныхъ Петромъ Великимъ въ областномъ устройствѣ, при каждомъ воеводѣ находились помощники, товарищи, которые избирались изъ помѣщиковъ, жителями того города, гдѣ находился воевода, и вѣдали съ нимъ всѣ дѣла города и уѣзда [1]). Отношеніе ихъ къ воеводѣ было то же самое, какое существовало между судьями, вѣдавшими приказы, и ихъ товарищами; послѣдніе были помощники, совѣтники первыхъ. Это управленіе воеводами «съ товарищи» Петръ Великій замѣнилъ чисто-коллегіяльнымъ, — ландратскими правленіями. Они заимствованы не изъ Швеціи, какъ вообще все областное устройство, а изъ Остзейскихъ провинцій; ибо мы знаемъ, что когда Эстляндія находилась подъ властію Даніи, мѣстное управленіе ея ввѣрено было намѣстнику и земскому совѣту, состоявшему изъ 12 ландратовъ.

Ландраты учреждены въ Россіи въ 1713 году. Положеніе о нихъ состояло въ слѣдующемъ: «учинить ландратовъ въ большихъ губерніяхъ по двѣнадцати, въ среднихъ по десяти, въ меньшихъ по восьми; дѣла ихъ то, что они всѣ дѣла съ губернаторомъ дѣлать и подписывать и губернаторъ у нихъ не яко властитель, но яко президентъ, и имѣть оному только два голоса, а прочимъ по одному, и никакого дѣла безъ оныхъ не дѣлать. — Вице-губернаторамъ по три доли, а оберъ-комендантамъ въ-полы противъ своихъ губернаторовъ имѣть ландратовъ, гдѣ будутъ оные въ особыхъ городахъ той губерніи, а не при губернаторѣ [2]). — Въ губерніяхъ, въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ гарнизоновъ нѣтъ, оберъ-комендантамъ и комендантамъ не быть, а быть, вмѣсто ихъ, ландратомъ, по одному человѣку надъ каждою долею (въ которой 5536 дворовъ, или по

[1]) 1705 года, 19 января (№ 2018); именный, объявленный Розряду бояриномъ Стрѣшневымъ.

[2]) 1713 года, 24 апрѣля (№ 2673); именный, п. 3.

скольку будетъ удобнѣе, по разсужденію губернаторскому). — Изъ ландратовъ всегда быть при губернаторахъ по два человѣка, съ перемѣною по мѣсяцу, или по два мѣсяца. — А при окончаніи года, ландратамъ съѣзжаться къ губернаторамъ... для исправленія дѣлъ всѣмъ вмѣстѣ (того ради губернаторамъ ни для какихъ сборовъ и дѣлъ отъ себя никуда въ ландратское правленіе нарочныхъ не посылать); а судить тѣхъ ландратовъ губернаторамъ самимъ, съ вице-губернаторами и съ ландратами»[1]).

Послѣ 1719 года, въ указахъ болѣе не упоминается о ландратахъ; когда именно они уничтожены — неизвѣстно; весьма вѣроятно, что они отмѣнены съ изданіемъ новаго положенія объ областномъ устройствѣ (въ 1719 году, 29 мая); ибо въ немъ не упоминаются ландраты въ числѣ прочихъ губернскихъ и провинціяльныхъ чиновниковъ[2]).

Въ 1722 году, когда судебное управленіе было снова ввѣрено губернаторамъ и воеводамъ, имъ приданы были въ помощь ассессоры, въ главныхъ городахъ по два, а въ провинціяльныхъ по одному. Такъ было возстановлено, еще при Петрѣ Великомъ, прежнее управленіе посредствомъ воеводъ «съ товарищи»[3]). Мѣсто прежнихъ приказныхъ избъ, приказныхъ палатъ, заступили теперь губернаторскія и воеводскія канцеляріи, которыя вообще назывались земскими канцеляріями[4]); здѣсь засѣдали губернаторы и вое-

[1]) 1715 года, 28 января (№ 2879); именный.

[2]) Ландраты упоминаются въ послѣдній разъ въ именномъ указѣ, объявлонномъ изъ сената, 1719 года, 17 апрѣля (№ 3354).

[3]) 1722 года, 12 марта (№ 3917); Сенатскій Юстицъ-Коллегіи. — 1722 года, 4 апрѣля (№ 3935); именный, состоявшійся въ сенатѣ.

[4]) 1720 года, 20 апрѣля (№ 3571); Наказъ земскимъ дьякамъ или секретарямъ, п. 2.

воды, принимали челобитныя и отправляли дѣла[1]. При нихъ находился земскій секретарь или дьякъ[2].

Отношенія между губернаторами и провинціяльными и городовыми воеводами опредѣлить весьма трудно, и въ царствованіе Петра Великаго они едва ли были доведены до той систематической правильности, которую видимъ въ послѣдствіи, особливо со времени изданія учрежденія о губерніяхъ. Выше уже замѣчено, что вице-губернаторы иногда состояли при губернаторахъ и находились съ ними въ одномъ городѣ; иногда же они управляли провинціями, наравнѣ съ провинціяльными воеводами. Мы знаемъ, что всѣ городовые воеводы состояли подъ аппелляціею губернатора; но воеводы нѣкоторыхъ городовъ, по отдаленности, были подчинены надзору ближайшихъ провинціяльныхъ воеводъ[3]. Сверхъ того, губернаторы, вице-губернаторы, оберъ-коменданты и провинціяльные воеводы, будучи высшими управителями губерній или провинцій, въ то же время служили первою инстанціею для жителей того города и уѣзда, въ которомъ они находились[4].

b) *Областное устройство въ судебномъ отношеніи.*

а) Общіе суды.

Высшая судебная власть въ губерніяхъ принадлежала сначала ландрихтерамъ. Изъ устройства Ингерманландской

[1]) Тамъ же, п. 3.

[2]) 1718 года, 26 ноября (№ 3244); именный. — 1719 года . . января (№ 3294); Инструкція или наказъ воеводамъ, п. 41.

[3]) 1728 года, 12 сентября (№ 5333); Наказъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ помощникамъ, п. 6.

[4]) Это видно изъ устройства С. Петербургской губерніи. (1719 года, 29 мая (№ 3380); именный, состоявшійся въ сенатѣ. — 1722 года, 4 апрѣля (№ 3935); именный, состоявшійся въ сенатѣ.

и первоначальнаго устройства вообще всѣхъ нашихъ губерній видно даже, что сперва, въ цѣлой губерніи, былъ одинъ только ландрихтеръ, и что онъ судилъ спорныя дѣла о земляхъ [1]). Но кому принадлежалъ въ это время судъ во всѣхъ прочихъ спорныхъ искахъ — неизвѣстно.

Трудно рѣшить, откуда заимствованы ландрихтеры. Мы находимъ ихъ въ Швеціи и Эстляндіи; но здѣсь они составляли коллегіи и судили всѣ спорные иски. Напротивъ, ландрихтеры, установленные у насъ, судили собственно одни спорныя дѣла о земляхъ, и то по приказанію ландратской коллегіи, подъ которой они состояли [2]); сверхъ того, они не составляли коллегій, но каждый изъ нихъ имѣлъ свою канцелярію земскихъ дѣлъ [3]). Въ 1718 году, въ новой росписи губернскихъ чиновъ, мы находимъ уже оберъ-ландрихтера и ландрихтера [4]). Можно, съ нѣкоторою вѣроятностію, заключать, что оберъ-ландрихтеры вскорѣ опять отмѣнены; ибо въ 1719 году, въ штатѣ С. Петербургской губерніи, снова упоминается только объ одномъ ландрихтерѣ на всю губернію [5]). Въ послѣдствіи, ландрихтеры были уничтожены [6]); мы не знаемъ побудительной причины ихъ уничтоженія, но можно думать, что установленіе по городамъ и провинціямъ судовъ и судей, коимъ ввѣ-

[1]) 1707 года, 17 января (№ 2135); именный, объявленный княземъ Меншиковымъ, п. 2 и 3. — 1715 года, 28 январа (№ 2879); именный: «ежели... споръ какой въ земляхъ будетъ, и о томъ для розыску и межеванья посылать ландрихтеровъ».

[2]) 1713 года, 24 апрѣля (№ 2673); именный, п. 3: «ландрихтерамъ быть каждому подъ вышереченнымъ (ландратскимъ) консиліумомъ въ своей провинціи». — 1715 года, 28 января (№ 2879); именный.

[3]) 1708 года, 21 марта (№ 2194); Докладные пункты князя Меншикова съ Высочайшими резолюціями, ст. 24.

[4]) 1718 года, 26 ноября (№ 3244); именный.

[5]) 1719 года, 29 мая (№ 3380); именный, состоявшійся въ сенатѣ.

[6]) Если не ошибаемся, оберъ-ландрихтеры и ландрихтеры въ послѣдній разъ упоминаются въ указѣ Юстицъ-Коллегіи, 1719 года 16 ноября (№ 3453).

рено было рѣшеніе спорныхъ поземельныхъ и исковыхъ дѣлъ, сдѣлало ландрихтеровъ не нужными [1]).

Учрежденіе городовыхъ и губернскихъ судовъ было, впервые, предположено Петромъ Великимъ въ 1718 году [2]), и въ послѣдствіи, кажется, приведено въ исполненіе. Первые называются въ указахъ уѣздными [3]), земскими [4]), нижними, нижними городовыми, провинціяльными [5]) судами. Гдѣ такихъ судовъ не было, тамъ должность ихъ возлагалась на воеводъ [6]), губернаторовъ, вице-губернаторовъ, оберъ-ландрихтеровъ, ландрихтеровъ и городовыхъ судей [7]). Городовые, или нижніе суды состояли подъ апелляціей главныхъ [8]), высшихъ, надворныхъ судовъ [9]), заимствованныхъ изъ шведскаго

[1]) По установленіи Юстицъ-Коллегіи, вѣроятно вслѣдствіе существованія отдѣльнаго помѣстнаго приказа и ландрихтеровъ — отдѣльныхъ губернскихъ судей для спорныхъ дѣлъ о земляхъ, — возникъ слѣдующій вопросъ: «помѣстнымъ ли однимъ, или суднымъ дѣламъ вмѣстѣ, какъ въ Швеціи, такъ и въ той (Юстицъ-Коллегіи) быть, и въ какой силѣ, только ли въ одномъ С. Петербургѣ, или по провинціямъ и городамъ?» (1718 года, 9 мая (№ 3202); Высочайшая резолюція на докладъ Юстицъ-Коллегіи п. 1. — Вопросъ выраженъ не совсѣмъ ясно. Кажется, Юстицъ-Коллегія испрашивала разрѣшенія на то, быть ли помѣстнымъ и суднымъ дѣламъ вмѣстѣ, и если быть, то въ одномъ ли С. Петербургѣ, или и въ провинціяхъ и городахъ?) Петръ Великій повелѣлъ: «быть одному уставу или уложенью». (Тамъ же рез. на 1 п.) Такимъ образомъ, въ силу этой резолюціи, городовые и губернскіе суды должны были вѣдать поземельныя и исковыя спорныя дѣла, а слѣдовательно, ландрихтеры, отдѣльно завѣдывавшіе одними поземельными спорными дѣлами, должны были сдѣлаться излишними.

[2]) Тамъ же. 1718 года, 22 декаря (№ 3261); именный, п. 8.

[3]) 1719 года, « » января (№ 3294); инструкція или наказъ воеводамъ, п. 5.

[4]) 1722 года, 27 апрѣля (№ 3979); именный п. 7.

[5]) 1720 года, 4 мая (№ 3577); именный, объявленный изъ Юстицъ-Коллегіи.

[6]) 1719 года, 16 ноября (№ 3453); указъ изъ Юстицъ-Коллегіи.

[7]) 1720 года, 4 мая (№ 3577); именный, объявленнный изъ Юстицъ-Коллегіи.

[8]) 1718 года, 9 мая (№ 3202); Высочайшая резолюція на докладъ Юстицъ-Коллегіи, п. 1.

[9]) 1718 года, 22 декабря (№ 3261); именный, п. 2.

законодательства. Надворные суды, по первоначальному предположенію, должны были находиться въ каждой губерніи, а въ послѣдствіи только въ главныхъ губернскихъ городахъ (С. Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Курскѣ, Ярославлѣ, Воронежѣ, Нижнемъ Новѣгородѣ, Смоленскѣ и Тобольскѣ[1]). Они составляли вторую, высшую инстанцію въ областномъ устройствѣ, и соотвѣтствовали нынѣшнимъ соединеннымъ палатамъ; съ тою только разницею, что послѣднія установлены для одной губерніи, а первымъ были подсудны многія губерніи, какъ гофгерихтамъ въ Швеціи. Кромѣ того, отъ неправильности тогдашней администраціи и смѣшенія управленія мѣстнаго съ центральнымъ, надворные суды были, въ одно и тоже время, высшими областными судами для губерній, причисленныхъ къ ихъ судебному округу, и нижними, городовыми, для уѣздовъ и городовъ, въ которыхъ были установлены[2]). О составѣ надворныхъ судовъ ничего не говорится въ указахъ Петра Великаго. Мы знаемъ только, что московскій надворный судъ состоялъ изъ трехъ полковниковъ, одного подполковника и двухъ царедворцевъ, и долженъ былъ управлять губерніею, вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ[3]). Мѣсто надворныхъ судовъ, гдѣ ихъ не было, заступали губернаторы[4]).

Въ одно время съ судами предположено было установить и городовыхъ судей[5]). Въ слѣдующемъ году, мы находимъ, что такіе судьи были дѣйствительно учреждены Юстицъ-Коллегіею во всѣхъ большихъ городахъ; но въ 1722 году, они были отмѣнены, и судебная власть ихъ передана воеводамъ, а въ го-

[1]) 1719 года, 8 января (№ 3269); именный.

[2]) 1722 года, 4 апрѣля (№ 3935); именный состоявшійся въ сенатѣ.

[3]) 1719 года, 8 апрѣля (№ 3344); именный, объявленный изъ сената.

[4]) 1719 года, 16 ноября (№ 3453); указъ изъ Юстицъ-Коллегіи. — 1720 года, 4 мая (№ 3577); именный, объявленный изъ Юстицъ-Коллегіи.

[5]) 1718 года, 22 декабря (№ 3261); именный, п. 2.

родахъ, гдѣ воеводъ не было, и которые находились въ значительномъ разстояніи (въ двухъ-стахъ верстахъ) отъ главнаго города провинціи, установлены для многихъ смежныхъ городовъ особливые ассессоры, съ правомъ судить дѣла, не превышающія цѣною 10 и 20 руб. [1]). Вскорѣ послѣ того, эти ассессоры замѣнены судебными коммиссарами, съ правомъ судить дѣла, цѣною въ 50 рублей [2]). Цѣль установленія городовыхъ судей и отношеніе ихъ къ городовымъ и провинціяльнымъ судамъ, намъ неизвѣстны. По всѣмъ вѣроятіямъ, они должны были заступать мѣсто судовъ, тамъ, гдѣ ихъ не было. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что со времени передачи судебной власти воеводамъ и губернаторамъ, нигдѣ болѣе не упоминается о судахъ городовыхъ и провинціяльныхъ.

Вотъ краткій очеркъ реформъ, произведенныхъ Петромъ Великимъ въ общемъ областномъ устройствѣ Россіи. Отношеніе между собственно судебною и административною властію, во время раздѣленія ихъ, опредѣлялось тѣмъ, что воеводы и губернаторы не имѣли права судить спорныхъ гражданскихъ дѣлъ [3]), но наблюдали надъ судьями, чтобъ они не волочили дѣлъ, и не дѣлали несправедливостей; они принимали жалобы [4]), отправляли ихъ въ надлежащій судъ [5]), и исполняли рѣшенія, дѣлая свои представленія высшему судебному мѣсту, если находили ихъ неправильными [6]).

[1]) 1722 года, 12 марта (№ 3917); сенатскій Юстицъ-Коллегіи.

[2]) 1722 года, 4 апрѣля (№ 3935); именный, состоявшійся въ сенатѣ.

[3]) 1707 года, 17 января (№ 2135); именный, объявленный княземъ Меншиковымъ, п. 5. — 1719 года, « » января (№ 3294); инструкція или наказъ воеводамъ, п. 5.

[4]) 1714 года, 8 декабря (№ 2865); именный, объявленный изъ сената.

[5]) 1720 года, 20 апрѣля (№ 3571); наказъ земскимъ дьякамъ или секретарямъ, п. 7.

[6]) 1719 года, « » января (№ 3294); инструкція или наказъ воеводамъ, п. 6.

Вслѣдствіе раздѣленія власти судебной и административной, должны были образоваться и два рода инстанцій: однѣ по административному, другія по судебному управленію. Такъ и было; первоначально организованы администативныя инстанціи: городовые и провинціяльные воеводы и коменданты состояли подъ апелляціею губернаторовъ [1]); съ 1719 года, опредѣлены и судебныя инстанціи: городовые и провинціяльные суды и судьи подчинены надворному суду [2]). Уничтоженіе судей, установленныхъ по городамъ Юстицъ-Коллегіею, и ввѣреніе судебной власти губернаторамъ и воеводамъ, тогда какъ въ другихъ городахъ оставались, по прежнему, городовые и провинціяльные суды, и слѣдовательно судебная власть не сливалась въ одномъ лицѣ съ исполнительною, административною — должны были породить большую неправильность въ областномъ устройствѣ того времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать весьма неопредѣленнымъ учрежденіе о подчиненности присутственныхъ мѣстъ и лицъ, и порядокъ принесенія апелляціонныхъ жалобъ. Это, и новость областнаго учрежденія, введеннаго въ Россіи Петромъ Великимъ, были причиною чрезвычайнаго умноженія жалобъ, подаваемыхъ лично самому Государю. Много было издано указовъ, запрещавшихъ жаловаться мимо установленныхъ инстанцій; но они оставались безъ дѣйствія, не смотря на безпрестанныя подтвержденія.

b) Особенные суды.

Сюда относится устройство духовныхъ, крестьянскихъ и купеческихъ, ремесленныхъ, мѣщанскихъ судовъ.

1) Духовные суды. Въ 1722 году, послѣ установленія сѵнода, Петръ Великій учредилъ по городамъ духовныхъ

[1]) 1714 года, 21 марта (№ 2787); именный, объявленный изъ сената.

[2]) 1719 года, 15 іюля (№ 3403); указъ изъ Юстицъ-Коллегіи.

дѣлъ управителей[1]). Они вѣдали, въ первой инстанціи, спорные гражданскіе иски, вчиняемые противъ духовныхъ[2]). Вторую областную инстанцію составляли епархіальные архіереи[3]). Такое учрежденіе особливыхъ духовныхъ судовъ, для гражданскихъ исковъ противъ духовныхъ лицъ, было не что иное, какъ видоизмѣненіе прежнихъ началъ управленія, сообразно съ новымъ областнымъ устройствомъ Россіи: отдѣльное управленіе духовенства и лицъ, ему подвластныхъ, въ дѣлахъ свѣтскихъ, удержано; только введены въ немъ двѣ инстанціи, изъ коихъ первая соотвѣтствовала городовымъ воеводамъ и судамъ, а вторая надворнымъ судамъ.

2) Крестьянскіе суды. Въ устройствѣ ихъ не произошло, въ царствованіе Петра Великаго, никакихъ существенныхъ измѣненій. Когда установлены были коменданты и ландраты, замѣнившіе сначала воеводъ, къ нимъ перешло и право суда надъ крестьянами въ дѣлахъ гражданскихъ[4]). Въ этотъ, какъ и въ предыдущій періодъ, судебное управленіе крестьянъ не сосредоточивалось въ одномъ какомъ-либо присутственномъ мѣстѣ, но было раздѣлено между различными вѣдомствами. Крестьяне, приписанные къ заводамъ, фабрикамъ, къ артиллеріи, судомъ вѣдались въ томъ управленіи, которому были подчинены фабрики, заводы и т. д.; крестьяне помѣщичьи, вотчинные, монастырскіе, патріаршіе, епископскіе, дворцовые и ямщики, по прежнему судились въ своихъ искахъ передъ помѣщиками и прикащиками. Частыя измѣненія въ управленіи ихъ ограничивались однимъ перечисленіемъ изъ одного вѣдомства въ другое.

[1]) 1722 года, 4 сентября (№ 4081); сѵнодскій, п. 1.

[2]) Тамъ же, п. 10.

[3]) Тамъ же, п. 3.

[4]) 1706 года, 12 марта (№ 2097); именный, объявленный княземъ Меншиковымъ копорскому коменданту Римскому-Корсакову. — 1715 года, 28 января (№ 2879); именный.

3) Суды городскаго сословія. Городское сословіе, какъ мы выше замѣтили, создано въ Россіи Петромъ Великимъ. Еще въ 1699 году, установлены по городамъ выборные[1]), бурмистры, съ властью судебною и административною[2]). Такъ введено отдѣльное управленіе купечества отъ прочихъ городскихъ и уѣздныхъ жителей въ дѣлахъ торговыхъ[3]). Этому управленію, въ послѣдствіи, дана болѣе правильная организація; къ Новгороду, Пскову, Астрахани и «инымъ такимъ городамъ», велѣно было приписать малые города и уѣзды. Появилось, въ отношеніи къ торговому сословію, раздѣленіе Россіи на провинціи, которое предшествовало, задолго, общему преобразованію нашего областнаго устройства. Бурмистры большихъ городовъ должны были вѣдать бурмистровъ малыхъ городовъ, и, въ свою очередь, вѣдались Бурмистерскою Палатою, которая находилась въ Москвѣ[4]), состояла изъ бурмистровъ, и вскорѣ переименована въ Ратушу, а члены ея, въ бургомистровъ[5]). Нѣкоторые посады были однако изъяты, по именнымъ указамъ, изъ этого общаго порядка управленія, и вѣдались оберъ-комендантами и воеводами[6]). Послѣднее измѣненіе въ управленіи купеческимъ сословіемъ состояло въ томъ, что, по введеніи новаго областнаго устройства, городовые бур-

[1]) 1699 года, 30 января (№ 1674); именный. — 1699 года, 30 января (№ 1675); именный, объявленный изъ Разряда. — 1715 года, 28 января (№ 2879); именный.

[2]) 1699 года, 30 мая (№ 1686); статьи, присланныя изъ Воронежа въ Разрядъ.

[3]) 1699 года, 5 октября (№ 1699); именный. — 1700 года, 26 іюля (№ 1708); именный.

[4]) 1699 года, 27 октября (№ 1706); именный.

[5]) 1699 года, 17 ноября (№ 1718); именный.

[6]) 1709 года, 4 января (№ 2220); именный, состоявшійся въ Преображенскомъ Приказѣ, за подписаніемъ царевича Алексѣя Петровича, и послѣдовавшій, на основаніи онаго, приговоръ Ратуши.

гомистры подчинены по апелляціи губернаторамъ [1]). Чрезъ это Бурмистерская Палата въ Москвѣ должна была потерять прежнее свое значеніе. Въ 1718 году, предположено учредить городовые магистраты на основаніи Рижскаго и Ревельскаго регламентовъ [2]). Этимъ положено первое основаніе отдѣльному управленію городоваго сословія по всѣмъ дѣламъ, которыя до него относились [3]). Въ 1721 году, оно было подробно и систематически развито въ Регламентѣ Главнаго Магистрата [4]), и такимъ образомъ, еще при Петрѣ Великомъ, установилось окончательно. Во этомъ уставѣ, всѣ города, по числу дворовъ, раздѣлены на пять классовъ [5]), изъ коихъ первые два заключали въ себѣ большіе города, два вторые—средніе, а послѣдній—малые города. Въ малыхъ городахъ были одни бургомистры съ извѣстнымъ числомъ ратмановъ; въ среднихъ бургомистры составляли магистратъ; въ большихъ городахъ устройство магистратовъ отличалось только тѣмъ, что въ нихъ одинъ изъ бургомистровъ назначался президентомъ [6]). Число бургомистровъ и ратмановъ было различно, смотря по величинѣ города. Они выбирались изъ гостей, гостиной сотни, гостинныхъ дѣтей и первостатейныхъ гражданъ «добрыхъ, пожиточныхъ и умныхъ людей» [7]).

Областныя присутственныя мѣста и лица, управлявшія го-

[1]) 1715 года, 28 января (№ 2879); именный.

[2]) 1718 года, 11 іюня (№ 3208); Высочайшая резолюція на меморіялъ иноземца Фика. Резол. на 8 п.

[3]) 1721 года, 16 января (№ 3708); Регламентъ или уставъ Главнаго Магистрата, гл. IX, гл. XIV.

[4]) Тамъ же.

[5]) Тамъ же, гл. V. Къ первому отнесены города, въ которыхъ было 2000 дворовъ и болѣе; ко второму 1000—2000; къ третьму 500—1000; къ четвертому 250—500; къ пятому города, въ которыхъ было менѣе 250 дворовъ.

[6]) Тамъ же, гл. VI.

[7]) Тамъ же.

родскимъ сословіемъ, дѣлились на три инстанціи; на бургомистровъ малыхъ городовъ подавались апелляціонныя жалобы магистратамъ, въ коихъ не было президентовъ, и которые, слѣдовательно, равнялись провинціяльнымъ судамъ и воеводамъ. Недовольные рѣшеніемъ этихъ магистратовъ жаловались, въ большихъ городахъ, магистратскимъ президентамъ. Итакъ, губернскіе магистраты, составляя третью инстанцію, соотвѣтствовали надворнымъ судамъ [1]).

Послѣ Петра Великаго, общее областное устройство Россіи подверглось новымъ измѣненіямъ. Начала, внесенныя имъ въ русское законодательсто, были намъ чужды. Многосложное областное устройство, имъ данное, противорѣчило простому, однообразному устройству древней Россіи. При установленіи многихъ областныхъ чиновъ, присутственныхъ мѣстъ, инстанцій и отдѣльныхъ управленій (изъ коихъ мы упомянули только о нѣкоторыхъ, собственно относившихся къ судебному управленію), при неопредѣленности законовъ и частомъ ихъ измѣненіи, весьма немногіе знали, у кого искать защиты противъ нарушеній права. Содержаніе чиновниковъ, учрежденныхъ Петромъ Великимъ, требовало большихъ издержекъ, тягостныхъ для народа. Все это побудило Екатерину I, въ 1727 году

[1]) Тамъ же, гл. VI. Изъ инструкціи магистратамъ 1724 года (№ 4624) п. 28 видно, что вмѣсто трехъ областныхъ инстанцій предположенныхъ Регламентомъ Главнаго Магистрата для городоваго сословія, учреждены только двѣ: на городовыхъ бургомистровъ и магистраты приносились апелляціонныя жалобы прямо въ магистраты, уравненные съ надворными судами. Такая неопредѣленность числа инстанцій замѣтна и въ общемъ областномъ устройствѣ. Вообще, изъ указовъ видно, что Петръ Великій имѣлъ первоначально въ виду учредить три областныхъ инстанціи, но, въ послѣдствіи, потому ли, что были установлены коллегіи, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, онъ, во всѣхъ областныхъ управленіяхъ учредилъ по двѣ инстанціи.

«какъ надворные суды, такъ и всѣхъ лишнихъ управителей, и канцеляріи ихъ, и конторы, камерировъ и земскихъ комиссаровъ и прочихъ тому подобныхъ вовсе отставить, а положить всю расправу и судъ, по прежнему, на губернаторовъ и воеводъ . . . , чтобы подданнымъ тѣмъ показано быть могло облегченіе, а вмѣсто бы разныхъ многихъ канцелярій и судей, знали токмо одну канцелярію»[1]). Такимъ образомъ, прежнее областное устройство возстановлено, и удержалось неизмѣнно до учрежденія о губерніяхъ. Дополненія и поясненія, къ нему относящіяся, въ главныхъ чертахъ, состояли въ слѣдующемъ:

1) Городовые комиссары, учрежденные Петромъ Великимъ, замѣнены, по прежнему, воеводами, и подчинены, въ порядкѣ апелляціонномъ, воеводамъ провинціяльныхъ городовъ[2]). Послѣдніе имѣли при себѣ помощниковъ, которые, послѣ Петра Великаго, перестали называться ассессорами, а получили старое названіе «товарищей», какъ видно изъ многихъ указовъ[3]).

2) Власть административная и судебная, соединенныя въ одномъ лицѣ воеводы «съ товарищи», были строго отличены другъ отъ друга въ законахъ, и служили основаніемъ двоякой подчиненности воеводъ въ порядкѣ инстанцій. Въ судебномъ отношеніи, воеводы городовые, провинціяльные и губернаторы непосредственно подчинены были Юстицъ-Коллегіи[4]); въ админи-

[1]) 1727 года, 15 марта (№ 5033); именный, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, п. 4.

[2]) 1726 года, 15 іюля (№ 4929); именный, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта сенату. — 1727 года, 24 февраля (№ 5017); именный, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта сенату, п. 2. — 1727 года, 15 марта (№ 5033); именный, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, п. 2.

[3]) 1726 года, 15 іюля (№ 4929); именный, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта сенату. — 1727 года, 18 сентября (№ 5157); именный, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. — 1728 года, 12 сентября (№ 5333); Наказъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ.

[4]) 1728 года, 18 сентября (№ 5157); именный, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. — 1728 года, 26 іюня (№ 5315); сенатскій, п. 8. —

стративномъ, пригородные воеводы были подвѣдомственны городовымъ[1]); городовые воеводы — провинціяльнымъ[2]), а провинціяльные воеводы — губернатору[3]). Вслѣдствіе этого, по одному и тому же спорному дѣлу, частныя жалобы подавались однимъ присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ, а апелляціонныя другимъ.

3) Воеводъ городовыхъ положено перемѣнять чрезъ каждые два года[4]). Въ этомъ, какъ и во всей реформѣ областнаго устройства, введеннаго Петромъ Великимъ, видно стремленіе возстановить наше прежнее управленіе. Законъ, смѣнять воеводъ чрезъ извѣстное число лѣтъ, существовалъ издавна[5]). Съ какою цѣлью онъ былъ возстановленъ теперь — неизвѣстно Быть можетъ, основаніемъ служили остатки прежняго характера кормленій, который имѣли воеводства; по крайней мѣрѣ мы знаемъ достовѣрно, что по древнему законодательству смѣна воеводъ черезъ извѣстное число лѣтъ (три года), была введена для отвращенія злоупотребленій, которымъ кормленія подавали поводъ, а можетъ быть и для того, чтобъ давать воеводскія мѣста другимъ лицамъ, заслужившимъ награды.

По смерти Петра Великаго произошла новая реформа и въ особенныхъ областныхъ управленіяхъ. Главною цѣлію ея была централизація всѣхъ отдѣльныхъ судебныхъ управленій въ рукахъ мѣстнаго воеводы. Такимъ образомъ, послѣдовательность юридическаго начала возстановлена; единовластіе утверждено и въ особенномъ областномъ управленіи.

1730 года, 22 іюля (№ 5597); именный, вслѣдствіе Высочайше утвержденнаго доклада. — 1730 года, 20 марта. — 1739 года, 22 мая (№ 7815); Высочайшая резолюція на докладъ сената, п. 9.

[1]) 1728 года, 12 сентября (№ 5333)); наказъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ, п. 7.

[2]) Тамъ же, п. 6. — 1728 года, 26 іюня (№ 5315); сенатскій, п. 9.

[3]) 1728 года, 26 іюня (№ 5315); сенатскій, п. 8.

[4]) 1730 года, 20 марта (№ 5522).

[5]) Голиковъ. Доп. къ дѣян. Петра Вел. т. III, стр. 423, 426.

1) Купеческіе суды. Магисраты подчинены губернаторамъ и воеводамъ [1]). Въ этотъ же періодъ времени установлены словесные суды [2]), существовавшіе до Петра Великаго подъ названіемъ таможенныхъ, и подчинены по апелляціямъ магистратамъ и ратушамъ [3]). Въ послѣдствіи мы увидимъ значеніе ихъ и цѣль ихъ учрежденія.

2) Крестьянскіе суды. Крестьяне различныхъ вѣдомствъ были подчинены суду воеводъ и губернаторовъ. — Въ законахъ говорится о такомъ подчиненіи дворцовыхъ крестьянъ [4]), ямщиковъ [5]) и крестьянъ сѵнодскаго вѣдомства [6]). Всѣ

[1]) 1727 года, 24 февраля (№ 5017); именный, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта сенату, п. 2. — 1727 года, 15 марта (№ 5033); именный, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, п. 2, 5, ст. 1. — 1732 года, 17 марта (№ 5992); сенатскій. — 1737 года, 20 іюля (№ 7333); инструкція С. Петербургской воеводской канцеляріи, п. 8. — Въ царствованіе Елисаветы Петровны, магистраты, замѣненные ратушами (1728 года, 5 іюля (№ 5302); сенатскій), возстановлены, а съ тѣмъ вмѣстѣ возстановлено и все прежнее устройство областныхъ судовъ средняго сословія; магистраты приписныхъ городовъ, по прежнему подчинены, по апелляціи, провинціяльнымъ, провинціяльные — губернскимъ (1744 года, 20 августа (№ 9018); сенатскій). Но Екатерина II подчинила губернскіе магистраты губернаторамъ (1764 года, 21 апрѣля (№ 12137); наставленія губернаторамъ, п. IX), и такимъ образомъ возстановила устройство, введенное Екатериною I, съ тою только раницею, что прежде каждый воевода завѣдывалъ магистратомъ.

[2]) 1754 года, 5 мая (№ 10222); сенатскій, п. 1.

[3]) 1766 года, 10 августа (№ 12721); указъ изъ Главнаго Магистрата, съ приложеніемъ инструкціи словеснымъ судамъ.

[4]) 1728 года, 12 сентября (№ 5333); наказъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ, п. 12. — 1732 года, 26 мая (№ 6068); сенатскій.

[5]) 1728 года, 30 іюня (№ 5299); сенатскій, п. 6.

[6]) 1727 года, 15 марта (№ 5033); именный, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, п. 4. — 1728 года, 12 сентября (№ 5333); наказъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ, п. 13. — Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, управленіе крестьянъ сѵнодальнаго вѣдомства, вслѣдствіе учрежденія Коллегіи Экономіи, подверглось значительнымъ измѣненіямъ. Часть этихъ крестьянъ осталась, по прежнему, въ управленіи архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ, которые поэтому и были главными судь-

они стали подсудны воеводамъ и губернаторамъ, на основаніи прежнихъ началъ подсудности, дѣйствовавшихъ еще до преобразованій Петра Великаго, и изложенныхъ въ главѣ о судоустройствѣ въ періодъ Уложенія.

Съ изданіемъ учрежденія для управленія губерній заключился рядъ реформъ въ областномъ устройствѣ. Начала, внесенныя въ это устройство Петромъ Великимъ и замѣненныя прежними при его преемникахъ, были возстановлены Екатериною II, и развиты съ большею полнотою, послѣдовательностію и опредѣленностію. Періодъ Петра Великаго, въ этой отрасли законодательства, заключился; съ новымъ учрежденіемъ, управленіе губерній получило правильную, систематическую организацію, котарая лежитъ въ основаніи ихъ настоящаго устройства.

1) Власть судебная, при Императрицѣ Екатеринѣ II, снова отдѣлена отъ власти исполнительной. Раздѣленіе этихъ двухъ властей, какъ мы уже замѣтили, впервые появилось со временъ Петра Великаго. При его преемникахъ оно сохранилось только въ отношеніи къ высшимъ правительственнымъ мѣ-

ями по спорнымъ гражданскимъ искамъ, возникавшимъ между ними (1763 года, 6 іюня (№ 11844); инструкція Высочайше учрежденной Коллегіи Экономіи. п. 7); другая состояла подъ управителями и прикащиками, посылаемыми отъ Коллегіи Экономіи, и замѣненными потомъ выборными управителями отъ крестьянъ (1764 года, 13 августа (№ 12226); Высочайше утвержденный докладъ Президента Коллегіи Экономіи, князя Куракина), и подъ казначеями. Сверхъ того, надъ округами сѵнодальныхъ крестьянъ установлены, по городамъ, *попечители* (см. тамъ же), а въ послѣдствіи четыре *экономическихъ правленія,* въ Ярославлѣ, Казани, Ельцѣ и Вологдѣ (1770 года, 28 іюля (№ 13487); Высочайше утвержденный докладъ сената). Въ какой мѣрѣ простиралась судебная власть воеводъ и губернаторовъ на сѵнодальныхъ крестьянъ со времени этихъ реформъ въ ихъ управленіи, не видно изъ современныхъ указовъ.

стамъ, въ подчиненіи губернаторовъ и воеводъ, по судебному управленію, Юстицъ-Коллегіи, а по власти исполнительной, сенату. Но, въ отношеніи къ губерніямъ, оно изчезло: ибо въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ сосредоточены обѣ власти, и они сами исполняли приговоры, по которымъ постановляли рѣшеніе. По «Учрежденію о губерніяхъ», судебная и исполнительная власти снова отдѣлены одна отъ другой, и каждая изъ нихъ ввѣрена особливымъ присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ. — Вся Россія раздѣлена на губерніи или намѣстничества, изъ коихъ каждое должно было заключать въ себѣ отъ 300 до 400 тысячъ душъ [1]); губерніи, смотря по надобности, могли дѣлиться на области или провинціи [2]). Наконецъ, каждая губернія или область дѣлилась на уѣзды или округи, въ коихъ полагалось отъ 20 до 30 тысячъ душъ [3]). Исполнительная власть, въ губерніяхъ, ввѣрена намѣстникамъ [4]) и губернскимъ правленіямъ [5]), въ уѣздахъ — нижнимъ земскимъ судамъ [6]), а въ городахъ — городничимъ или комендантамъ [7]). Всѣ эти мѣста и лица не имѣли судебной власти [8]), ею завѣдывали особливые суды, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Между судебными и исполнительными присутственными мѣстами и лицами установлены извѣстныя отношенія. Должность исполнительныхъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ состояла въ приведеніи въ исполненіе приговоровъ и рѣшеній мѣстъ судебныхъ. Отсюда, если возникало

[1]) 1775 года, ноября 7 (№ 14392); Учрежденіе для управленія губерній Всероссійскія Имперіи, п. 1.

[2]) Тамъ же, ст. 15.

[3]) Тамъ же, ст. 16 и 17, 193 и 194.

[4]) Тамъ же, ст. 83 и 85.

[5]) Тамъ же, ст. 96, 97, 98 и 99.

[6]) Тамъ же, ст. 224, § 3.

[7]) Тамъ же, ст. 253 и 254, § 3.

[8]) Тамъ же, ст. 82, 85, 96, 97, 229, 254, 266, 268.

спорное гражданское дѣло въ какомъ либо не судебномъ присутственномъ мѣстѣ, оно не судило его, но передавало тому мѣсту, которому дѣло подсудно по закону. По тому же началу, судебныя мѣста не исполняли сами своихъ приговоровъ по спорнымъ дѣламъ, но передавали, для исполненія, административнымъ присутственнымъ мѣстамъ [1]).

2) Для отдѣльныхъ отраслей управленія установлены въ губерніяхъ высшія присутственныя мѣста и лица, въ которыхъ, какъ въ высшей областной инстанціи, сосредоточивались дѣла, возникавшія въ губерніи. Эта централизація областнаго управленія не была, однако, общая для всѣхъ управленій въ губерніи, но существовала для каждой отрасли въ отдѣльности. Центральнымъ присутственнымъ мѣстомъ исполнительной власти, для цѣлой губерніи, было губернское правленіе; судебное управленіе, по дѣламъ гражданскимъ, сосредоточивалось въ гражданской палатѣ; но не было въ губерніяхъ общихъ центральныхъ мѣстъ, для судебной и исполнительной власти. Централизація областнаго управленія по отдѣльнымъ отраслямъ, съ сохраненіемъ самостоятельности, независимости каждой изъ нихъ, не была нововведеніемъ при Екатеринѣ II. Это начало впервые внесено въ наше областное устройство Петромъ Великимъ, съ установленіемъ ландрихтеровъ, а въ послѣдствіи земскихъ и надворныхъ судовъ, не зависѣвшихъ отъ воеводъ и губернаторовъ. Но уже при немъ, а еще болѣе при его преемникахъ, это начало уступило мѣсто прежнему, и всѣ отрасли управленія соединены въ одной воеводской канцеляріи.

3) Учрежденіемъ о губерніяхъ возстановлено въ областномъ устройствѣ коллегіяльное начало, впервые введенное Петромъ Великимъ, и замѣненное въ послѣдующія царствованія лич-

[1]) См. приведенныя статьи.

нымъ управленіемъ. Это начало, какъ и всѣ другія, проведено императрицею Екатериною II, съ большою послѣдовательностію, по всѣмъ инстанціямъ областнаго управленія, и — что всего замѣчательнѣе — положено въ основаніе устройства однихъ судебныхъ присутственныхъ мѣстъ [1]); губернское правленіе — мѣсто, по преимуществу исполнительное, административное — удержало старинное, совѣщательное устройство [2]), бывшее въ древней Россіи единственной, исключительной формой судоустройства. — Основаніе этого различія въ устройствѣ судебныхъ и исполнительныхъ присутственныхъ мѣстъ заключается въ томъ, что власть исполнительная, по существу своему есть необходимо власть дѣятельная, выражающаяся въ единствѣ, опредѣленности и скорости дѣйствія. По этому-то она и ввѣрена лицу физическому. По общирности, многосторонности этой власти, ему приданы совѣтники, которые помогаютъ ему уяснить предѣлы, цѣль и направленіе его дѣятельности въ извѣстномъ, данномъ случаѣ. Таково было назначеніе губерн-

[1]) Тамъ же, ст. 183: «большинство голосовъ дѣло рѣшитъ». Въ учрежденіи о губерніяхъ прямо говорится только о коллегіальномъ устройствѣ верхнихъ земскихъ судовъ (ст. 183, 184), губернскихъ магистратовъ (ст. 325, 326), верхнихъ расправъ (ст. 369, 370) и верхнихъ надворныхъ судовъ (ст. 462, 463). *Палаты* названы *департаментами коллегій:* уголовная — Юстицъ-Коллегіи (ст. 106), гражданская — Юстицъ- и Вотчинной-Коллегіи (ст. 115), казенная — Камеръ- и Ревизіонъ-Коллегіи (118). Этимъ уже, нѣкоторымъ образомъ, опредѣлено и устройство ихъ; но объ уѣздныхъ судахъ и нижнихъ расправахъ, равно какъ и о формѣ устройства прочихъ областныхъ присутственныхъ мѣстъ, не говорится ни слова.

[2]) Тамъ же, ст. 103: «*Два Совѣтника* опредѣляются въ губернское правленіе, для *вспоможенія* губернатору. Они разсужденіемъ своимъ уважаютъ дѣло, и *потомъ исполняютъ положенія губернаторскія.* Буде же случится, что губернаторскія приказанія не соотвѣтствуютъ пользѣ общей, и губернатора разсужденіями отъ того отвратить имъ не можно, тогда совѣтники долженствуютъ внести въ правленіе письменно свое мнѣніе, *но приказаній губернаторскихъ отмѣнить не могутъ, и по онымъ исполнять обязаны*».

скаго правленія. При городничьемъ, который имѣетъ гораздо меньшій кругъ дѣятельности въ сравненіи съ губернаторомъ, не было совѣтниковъ. Напротивъ, судебнымъ присутственнымъ мѣстамъ, установленнымъ исключительно для опредѣленія права, дано коллегіальное устройство; ибо опредѣленіе права основывается на сужденіи, которое, естественно, должно быть полнѣе и многостороннѣе, когда въ немъ принимаютъ участіе не одно, а многія лица.

4) При Петрѣ Великомъ, выборные, кажется, перестали участвовать въ общемъ областномъ управленіи; по крайней мѣрѣ, въ его царствованіе объ нихъ болѣе не упоминается. Встрѣчается въ указахъ выраженіе: «выбрать изъ людей достойныхъ» [1]; но не всегда можно опредѣлить, выбирали ли тѣ, кому ввѣрено было областное управленіе, или, по прежнему, жители губерній и провинцій. Ходъ реформы, ея направленіе и отношеніе къ древнему быту, заставляютъ думать, что послѣдніе остатки избирательнаго начала въ русскомъ областномъ судоустройствѣ уничтожены при Петрѣ I. Періодъ законодательства, незадолго предшествующій перевороту, представляетъ рядъ постепенныхъ замѣнъ выборныхъ коронными чиновниками. Чужеземное устройство, введенное Петромъ Великимъ, не могло благопріятствовать избирательному началу: мы не знали этого устройства и привыкали къ нему неохотно; нужны были для службы люди ревностные и хорошо знакомые съ новымъ устройствомъ, а такихъ могло назначать одно правительство, бывшее главнымъ двигателемъ реформы. Одно устройство судовъ городоваго сословія представляетъ, въ этомъ

[1]) Изъ указа 1718 года, « » декабря (№ 3264); именный, п. 5, видно, что высшіе чиновники балотировались сенатомъ, а изъ сенатскаго указа 1725 года, 22 сентября (№ 4780), что судебные комиссары, воеводы, камериры и ассесоры назначались герольдмейстеромъ.

отношеніи, замѣчательное исключеніе; они состояли изъ выборныхъ [1]).

Полное возстановленіе древняго избирательнаго начала въ нашемъ областномъ судоустройствѣ принадлежитъ Екатеринѣ II. По учрежденію о губерніяхъ, бо́льшая часть областныхъ присутственныхъ мѣстъ состояла изъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій, кромѣ духовенства; со времени Екатерины II, оно не принимало никакаго участія въ свѣтскомъ управленіи, и не имѣло поэтому представителей въ областномъ учрежденіи. Отношеніе избирательнаго начала къ началу короннаго управленія, и юридическія положенія, служившія основаніемъ первому, по учрежденію о губерніяхъ, опредѣлялись слѣдующимъ образомъ [2]: a) высшія губернскія присутственныя мѣста (губернское правленіе и палаты) состояли исключительно изъ однихъ коронныхъ чиновниковъ. Ими замѣщались и городническія должности (ст. 59, 60, 61, 71). b) Среднія инстанціи (верхній земскій судъ, верхняя расправа и губернскій магистратъ) были составлены изъ коронныхъ предсѣдателей (ст. 60, 62, 74) и выборныхъ членовъ (ст. 65, 73, 75). Такой же составъ имѣли нижнія расправы (ст. 74) и земскіе суды, въ уѣздахъ, гдѣ не было, или было немного дворянскихъ имѣній (ст. 66). c) Наконецъ, первыя инстанціи (уѣздные суды, городовые магистраты и нижніе земскіе суды) завѣдывались исключительно одними выборными (ст. 66, 67, 72, 75). d) Устройство совѣстнаго суда представляетъ замѣчательную особенность: онъ состоялъ изъ выборныхъ членовъ (ст. 65, 73, 75), подъ предсѣдательствомъ совѣстнаго судьи, который назначался намѣстникомъ, изъ кандидатовъ, выбранныхъ су-

[1]) См. статью о устройствѣ городскихъ судовъ.

[2]) Мы ограничиваемся здѣсь разсмотрѣніемъ однихъ исполнительныхъ и судебныхъ притутственныхъ мѣстъ.

дебными мѣстами губерніи, а не сословіями (ст. 63). e) Выборные чиновники, состоявшіе въ этихъ присутственныхъ мѣстахъ, не иначе могли вступить въ отправленіе своихъ должностей, какъ съ утвержденія губернатора, или губернскаго правленія [1]). f) По окончаніи срока своего служенія, они не давали отчета въ отправленіи своей должности сословію, ихъ избиравшему, но подлежали общей отвѣтственности передъ правительствомъ, наравнѣ съ коронными чиновниками [2]). Наравнѣ съ ними, выборные считались въ дѣйствительной службѣ, пользовались чинами и наградами [3]). g) Наконецъ, поселянамъ дозволено избирать своихъ засѣдателей нетолько изъ поселянъ же, но изъ «дворянъ, ученыхъ людей, чиновныхъ людей и разночинцевъ» (ст. 75).

Изъ сказаннаго видно, что избирательное начало, возстановленное императрицею Екатериною II, не было основано на представительствѣ, но скорѣе на представительствѣ выборныхъ передъ правительствомъ, о пользахъ и выгодахъ избиравшаго ихъ сословія. По этому-то, они ничѣмъ и не отличались отъ чиновниковъ, назначаемыхъ самимъ правительствомъ, утверждались имъ, и могли даже избираться изъ другихъ сословій. Въ этомъ отношеніи, возстановленіе ихъ было дѣйствительнымъ возстановленіемъ прежнихъ «выборныхъ, добрыхъ людей».

5) До Петра Великаго, у насъ не было строгаго юридическаго различія между сословіями, а поэтому и управленія ихъ

[1]) Ст. 63, 65, 66, 67, 73, 75. — Объ утвержденіи градскаго главы, бургомистровъ, ратмановъ, старостъ и судей словеснаго суда не говорится ни слова, ст. 72.

[2]) 1784 года, 25 іюня (№ 16025); сенатскій. — 1785 года, 8 апрѣля (№ 16177).

[3]) Учрежд. о губерніяхъ, ст. 50—53. — 1797 года, 19 января (№ 17748); именный, объявленный генералъ-прокуроромъ. — 1801 года, 1 августа (№ 19961); именный, данный сенату, п. 3.

не были строго отдѣлены другъ отъ друга, и нерѣдко находились въ рукахъ одного лица, или присутственнаго мѣста. Такъ, служилые люди судились преимущественно воеводами; крестьяне каждой волости, въ искахъ между собою, имѣли свой судъ; но крестьяне различныхъ селъ ходили подъ судъ воеводъ, какъ и посадскіе люди; купцы, по дѣламъ купеческимъ, имѣли свои особливые, такъ называемые таможенные суды, подчиняясь однако, по общему управленію, власти мѣстнаго воеводы. Въ царствованіе Петра Великаго, городское сословіе было отдѣлено отъ прочихъ и получило особливое управленіе. Екатерина II довершила начатое Петромъ Великимъ. Изданіемъ дворянской грамоты[1]) и городоваго положенія[2]), она отдѣлила дворянство отъ другихъ классовъ, и образовала изъ городовыхъ жителей особливое сословіе. Такимъ образомъ, окончательное, юридическое раздѣленіе сословій принадлежитъ ея царствованію. Образованіе сословій должно было отразиться и въ областномъ управленіи. Въ учрежденіи о губерніяхъ, различіе ихъ играетъ важную роль, и имѣло большое вліяніе на составъ и назначеніе многихъ областныхъ присутственныхъ мѣстъ.

а) Суды первыхъ двухъ инстанцій дѣлились на три разряда, по тремъ свѣтскимъ сословіямъ. Уѣздные и верхніе земскіе суды учреждены для дворянъ; городовые магистраты и ратуши и губернскіе магистраты — для городскаго сословія; нижнія и верхнія расправы — для сельскаго. Въ учрежденіи о такомъ назначеніи исчисленныхъ мѣстъ нигдѣ не сказано; только о расправахъ говорится, что онѣ установлены для «однодворцевъ, всякихъ прежнихъ служебъ служилыхъ людей, черносошныхъ государственныхъ крестьянъ, государевыхъ крестьянъ, припи-

[1]) 1762 года, 18 февраля (№ 11444); манифестъ. — 1785 года, 19 апрѣля (№ 16186).

[2]) 1785 года, 21 апрѣля (№ 16187).

санныхъ къ какимъ ни есть мѣстамъ, или заводамъ, ямщиковъ, экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ и прочихъ, временно въ коронномъ управленіи состоящихъ» (ст. 335); но доказательствомъ служитъ:

b) Составъ ихъ. Уѣздные суды состояли исключительно изъ выборныхъ отъ дворянства (ст. 67); верхній земскій судъ изъ дворянскихъ засѣдателей (ст. 166); городовые магистраты и ратуши — изъ однихъ выборныхъ отъ купечества и мѣщанства (ст. 280); губернскіе магистраты изъ засѣдателей отъ купцовъ и мѣщанъ[1]); нижняя и верхняя расправы изъ засѣдателей отъ поселянъ, «кои составляютъ подсудное вѣдомство» ихъ (ст. 75).

c) Началомъ управленія по классамъ объясняется составъ нижняго земскаго суда. Исправникъ могъ быть выборнымъ, или назначеннымъ отъ правительства, смотря по числу дворянскихъ имѣній въ уѣздѣ (ст. 66); но засѣдатели были отъ дворянъ и поселянъ, потому что нижній земскій судъ установленъ для тѣхъ и другихъ. Городское сословіе не имѣло въ немъ своихъ выборныхъ, и не было ему подвѣдомственно (ст. 23, 35, 65—67, 75, 166, 336). Напротивъ, въ совѣстномъ судѣ, учрежденномъ для всѣхъ свѣтскихъ сословій, были засѣдатели отъ дворянства, городскаго сословія и поселянъ (ст. 396). Наконецъ, въ верхнемъ и нижнемъ надворныхъ судахъ, гдѣ судились спорныя дѣла лицъ, не принадлежавшихъ къ

[1]) Ст. 308. — Весьма замѣчательно, что засѣдатели отъ купечества и мѣщанства въ губернскомъ магистратѣ избирались изъ однихъ мѣщанъ и купцовъ того губернскаго города, въ которомъ находился губернскій магистратъ, тогда какъ засѣдатели верхняго земскаго суда и верхней расправы избирались изъ дворянъ и поселянъ цѣлой губерніи (ст. 166 и 75). Причины этого отступленія должно искать въ желаніи соблюсти выгоды купеческаго сословія: отвлеченіе городовыхъ купцовъ и мѣщанъ отъ ихъ промысловъ, для служенія въ губернскомъ городѣ, было бы для нихъ тягостно.

сословіямъ тѣхъ столичныхъ губерній, гдѣ эти суды были установлены, всѣ члены назначались отъ правительства, потому что выборъ ихъ, очевидно, не могъ имѣть мѣста (ст. 440, 441, 476).

d) Мы выше замѣтили, что всѣ первыя областныя инстанціи состояли исключительно изъ однихъ выборныхъ. Только въ нижней расправѣ предсѣдатель былъ назначаемъ правительствомъ (ст. 74); вторыя имѣли уже коронныхъ предсѣдателей (ст. 60, 62); но высшія областныя присутственныя мѣста, намѣстническое правленіе и палаты, состояли исключительно изъ однихъ коронныхъ чиновниковъ (ст. 60, 61). Такой же постепенный переходъ отъ начала избирательнаго, къ началу назначенія чиновниковъ отъ правительства, находимъ мы и въ древнемъ областномъ управленіи; могло даже быть, что послѣднее служило образцомъ первому. До Петра Великаго, первыя областныя инстанціи состояли, большею частію, изъ однихъ выборныхъ: таковы были крестьянскіе, волостные суды; воеводы, назначаемые царемъ, имѣли при себѣ выборныхъ товарищей; наконецъ, приказы, бывшіе нѣкогда для Московскаго княжества высшими областными инстанціями, состояли исключительно изъ однихъ коронныхъ судей.

e) Назначеніе расправныхъ судей (предсѣдателей нижней расправы) правительствомъ, было исключеніемъ въ общемъ устройствѣ низшихъ областныхъ присутственныхъ мѣстъ, и, кажется, имѣло основаніемъ ме́ньшую степень образованности крестьянскаго сословія, отсутствіе уѣздныхъ крестьянскихъ собраній, и вотчинное право государства на крестьянъ, не состоящихъ въ частномъ владѣніи.

6) Учрежденіемъ о губерніяхъ установлены три областныя судебныя инстанціи. Первую составляли: нижняя расправа, городовый магистратъ и уѣздный судъ; вторую, верхняя расправа, губернскій магистратъ и верхній земскій судъ; третью,

высшую, палаты (гражданская и уголовная). Но административныя, исполнительныя присутственныя мѣста и лица въ губерніи дѣлились только на двѣ инстанціи: къ первой принадлежали земскіе суды и городничіе, ко второй губернское правленіе (ст. 225, 256, 258, 260, 263, 264, 270).

7) По учрежденію о губерніяхъ, судъ уголовный и гражданскій отдѣлены другъ отъ друга. Въ этомъ отдѣленіи замѣтна постепенность: первыя областныя судебныя инстанціи соединяютъ въ себѣ оба суда, и въ нихъ они не различаются (ст. 197, 283, 337); во вторыхъ инстанціяхъ оба суда, уголовный и гражданскій, хотя и сосредоточиваются въ одномъ присутственномъ мѣстѣ, однако уже различены и отдѣлены другъ отъ друга. Верхніе земскіе суды, верхнія расправы и губернскіе магистраты дѣлятся на два департамента, и каждый имѣетъ своего предсѣдателя и членовъ; первый судитъ дѣла уголовныя, вторый — гражданскія (ст. 67—169, 309—311, 353—355). Наконецъ, въ высшей областной инстанціи, оба суда совершенно отдѣлены другъ отъ друга, и каждый ввѣренъ особливой палатѣ (ст. 106, 115).

Отдѣленія гражданской и уголовной судебной власти не было у насъ со времени реформъ Петра Великаго до учрежденія губерній при Екатеринѣ II. Городовые, провинціяльные и надворные суды судили всѣ спорныя дѣла, уголовныя и гражданскія. Въ послѣдствіи, эта судебная власть, безъ всякихъ измѣненій, перешла къ губернаторамъ и воеводамъ, которые и завѣдывали ею до 1775 года. Напротивъ, по древнему законодательству, судебная уголовная власть отдѣлялась отъ гражданской, и завѣдывалась въ областяхъ особенными присутственными мѣстами, губными избами, а въ Москвѣ разбойнымъ приказомъ. Совсѣмъ тѣмъ, отдѣленіе уголовнаго и гражданскаго суда, при Екатеринѣ II, было нововведеніемъ, а не возвращеніемъ къ древнему юридическому началу; ибо до

Петра Великаго, существованіе особливыхъ судовъ для дѣлъ уголовныхъ имѣло лишь историческое основаніе, а именно, прежнюю подсудность дѣлъ уголовныхъ князю. Это видно изъ множества грамотъ. Въ дѣлахъ гражданскихъ, самосудная власть общинъ сохранялась весьма долго, и, по свидѣтельству Кошихина, существовала даже во времена Алексѣя Михайловича въ нѣкоторыхъ волостяхъ и дворцовыхъ селахъ; духовенство сохранило ее надъ своими подданными до царствованія императрицы Екатерины, а дворянство удержало и до сихъ поръ. Итакъ, въ отдѣльномъ завѣдываніи уголовнаго и гражданскаго суда выразилось различіе суда княжескаго и самосуда. Въ послѣдствіи, когда всѣ части Россіи слились въ одно цѣлое, и внутреннее единство замѣнило внѣшнее, различіе самосуда и суда княжескаго мало по малу изчезло, что доказывается измѣненіями въ составѣ уголовныхъ и гражданскихъ судовъ до реформъ Петра Великаго, и сохранилось, только въ отдѣльномъ управленіи уголовной и гражданской судебной власти. Въ царствованіе Екатерины II, о различіи суда княжескаго и самосуда не могло быть и рѣчи. Слѣд. причины отдѣленія дѣлъ гражданскихъ отъ уголовныхъ, въ высшихъ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, должно искать въ требованіяхъ судебной администраціи и различіи между уголовными и гражданскими дѣлами.

8) Учрежденіемъ о губерніяхъ введены въ наше областное устройство два новыхъ присутственныхъ мѣста, имѣющихъ мало общаго съ остальными, и которыхъ мы не находимъ въ древнемъ русскомъ законодательствѣ, и новомъ до 1775 года: это — совѣстный и надворный суды[1])

[1]) Мысль объ установленіи надворнаго суда возникла впервые въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны. — Въ 1730 году, вслѣдствіе доклада сената, велѣно было учредить въ Москвѣ судный приказъ, «въ которомъ всякаго чина людямъ, *которые обрѣтаться будутъ на Москвѣ,* судъ да-

Въ каждой губерніи учрежденъ одинъ совѣстный судъ (ст. 395). Онъ не завѣдывалъ какою-либо отдѣльною отраслью управленія, и не былъ установленъ для извѣстнаго класса, или сословія, но судилъ дѣла, которыя не могутъ быть подводимы подъ формальный законъ, безъ нарушенія естественной справедливости. Итакъ, кругъ дѣятельности совѣстнаго суда чрезвычайно обширенъ, и не можетъ быть исчерпанъ исчисленіемъ извѣстныхъ дѣлъ, или какимъ-либо частнымъ опредѣленіемъ. Поэтому въ законѣ сказано, въ общихъ выраженіяхъ, что сужденію совѣстнаго суда подлежатъ всѣ «дѣла, касающіяся до таковыхъ преступниковъ, кои иногда болѣе по несчастливому какому ни на-есть приключенію, либо по стеченію различныхъ обстоятельствъ, впали въ прегрѣшенія, судьбу ихъ отягощающія выше мѣръ ими содѣяннаго» (ст. 399). Подъ эту категорію, при извѣстныхъ условіяхъ, могли подходить всякаго рода дѣла; но нѣкоторыя, по опредѣленію закона, относились къ ней постоянно и исключительно. Сюда принадлежали: 1) дѣла по преступленіямъ, совершаемымъ безумными, или малолѣтными; 2) дѣла о колдовствѣ, «поколику въ оныхъ заключается глупость, обманъ, или невѣжество» (ст. 399); 3) дѣла объ освобожденіи изъ тюрьмы тѣхъ, которые содержатся въ ней «не во оскорбленіи особы Императорскаго Величества, не по измѣнѣ, не по смертоубійству, не по воровству или разбою» (ст. 401).

вать и рѣшеніе чинить» (См. Высочайшую резолюцію на докладъ сената, 1730 года, 20 марта (№ 5521)). Въ докладѣ сенатъ доказывалъ необходимость установленія такого суднаго приказа, между прочимъ, прежнимъ существованіемъ отдѣльнаго Володимірскаго суднаго приказа, но не совсѣмъ правильно; ибо Володимірскій судный приказъ былъ, послѣ Боярской думы, высшей центральной инстанціей для извѣстныхъ областей (первоначально, вѣроятно, одной Володимірской) московскаго государства, какъ Московскій судный приказъ для всего московскаго княжества, и слѣдовательно не имѣлъ ничего общаго съ надворнымъ судомъ.

Итакъ, судя по цѣли, совѣстный судъ долженъ былъ быть органомъ естественной справедливости въ губерніи, и этимъ-то онъ отличался отъ всѣхъ прочихъ областныхъ присутственныхъ мѣстъ. Для всѣхъ губернскихъ учрежденій постановлено правиломъ, «не рѣшатъ инако, какъ въ силу государственныхъ узаконеній» (ст. 124); напротивъ, совѣстному суду вмѣнено въ особенную обязанность наблюдать въ рѣшеніи дѣлъ: «1) человѣколюбіе вообще; 2) почтеніе къ особѣ ближняго, яко человѣку; 3) отвращеніе отъ угнѣтенія, или притѣсненія человѣчества; и для того совѣстный судъ никогда судьбы ничьей да не отяготитъ, но ввѣряется оному совѣстный разборъ и осторожное и милосердное окончаніе дѣлъ, ему порученныхъ» (ст. 397). Установленіе присутственнаго мѣста, судящаго преимущественно на основаніи естественной справедливости, необходимо требовало точнаго опредѣленія отношеній этого мѣста къ прочимъ областнымъ присутственнымъ мѣстамъ, судящимъ по строгому положительному закону; въ противномъ случаѣ, изъ органа естественной справедливости, совѣстный судъ легко могъ сдѣлаться самовольнымъ ревизоромъ рѣшеній всѣхъ областныхъ присутственныхъ мѣстъ, и чрезъ это стать въ противоположность съ прочими судами, которымъ, по назначенію своему, онъ долженъ былъ служить дополненіемъ. Поэтому, Екатерина II постановила правиломъ, что «совѣстный судъ ни въ какое дѣло самъ собою не вступаетъ» (ст. 398). Дѣятельность его начинается только въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: 1) когда какое-либо областное учрежденіе найдетъ, что рѣшеніе извѣстнаго дѣла, по положительному закону, было бы въ сущности несправедливо, и потому передаетъ его совѣстному суду, для сужденія на основаніи естественной справедливости; сюда, разумѣется, относятся и всѣ тѣ дѣла, которыя, по прямому выраженію закона, могутъ быть судимы только въ совѣстномъ судѣ; 2) по прошенію частныхъ лицъ (ст. 398).

Послѣднее требуетъ объясненія. Если бы совѣстному суду безусловно предоставлено было право судить дѣла по прошеніямъ частныхъ лицъ, то отсюда необходимо явился бы произволъ въ сужденіи дѣлъ по закону, или по естественной справедливости. Чрезъ это нарушилось бы установленное закономъ отношеніе между сужденіемъ по закону и по сущей правдѣ. Мало этого: въ подсудности дѣлъ появилась бы шаткость и неопредѣленность: одинъ тяжущійся требовалъ бы рѣшенія дѣла въ обыкновенныхъ судебныхъ мѣстахъ, другой въ совѣстномъ судѣ.

Для избѣжанія этого совѣстному суду продоставлено право судить дѣла по прошеніямъ частныхъ лицъ, только въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: 1) Когда кто либо жалуется на содержаніе въ тюрьмѣ безъ допроса, и по неизвѣстной ему причинѣ. 2) «Совѣстнаго суда должность есть въ гражданскихъ дѣлахъ примирять тѣхъ тяжущихся, кои просьбою прибѣгаютъ къ разбирательству совѣстнаго суда; для примиренія же совѣстный судъ требуетъ отъ истца и отвѣтчика, или средствъ въ силу узаконеній къ ихъ примиренію, и буде согласятся, то совѣстный судъ укрѣпитъ ихъ согласіе печатью, или буде же не согласятся, то совѣстный судъ требуетъ отъ истца и отвѣтчика назначенія съ каждой стороны по одному, или по два посредника, на мѣстѣ живущихъ; . . . когда же посредники назначены и объявлены совѣстному суду, тогда, на другой, или на третій день, посредники, обще съ совѣстнымъ судомъ, разсматриваютъ дѣло и потомъ изыскиваютъ средство къ примиренію истца и отвѣтчика, и на чемъ посредники согласятся, то и предложатъ совѣстному суду, который приложитъ печать къ согласію посредниковъ, и истецъ и отвѣтчикъ теряютъ право возобновлять впредь о томъ просьбу во всякомъ судебномъ мѣстѣ; а буде посредники не согласятся, тогда совѣстный судъ предложитъ посредникамъ свое мнѣніе, какъ при-

мирить безъ разоренія, безъ тяжбы, безъ спора, ссоры или ябеды истца и отвѣтчика...; буде же посредники и тогда не согласятся, то совѣстный судъ призоветъ истца и отвѣтчика, и предложитъ примирительные способы, и буде оные примутъ, то совѣстный судъ укрѣпитъ печатью примиреніе ихъ; буде же не примутъ, то совѣстный судъ истцу и отвѣтчику объявитъ, что совѣстному суду до той ихъ распри уже дѣла нѣтъ, а пошли бы, куда по законамъ надлежитъ» (ст. 400).

Отсюда видно, что въ рѣшеніи спорныхъ гражданскихъ дѣлъ совѣстный судъ принималъ только, такъ сказать, посредническое участіе. На этомъ основаніи, для передачи гражданскихъ дѣлъ на рѣшеніе совѣстнаго суда, совершенно необходимо было взаимное согласіе тяжущихся. Далѣе; въ рѣшеніи спорныхъ гражданскихъ дѣлъ, совѣстный судъ, какъ и посредники, не имѣлъ принудительной власти, ибо онъ только мирилъ, а не судилъ дѣло; если примирительные способы не достигали своей цѣли, то дѣятельность совѣстнаго суда прекращалась; въ самой возможности начать въ обыкновенныхъ судебныхъ мѣстахъ спорное гражданское дѣло, уже подвергнутое однажды рѣшенію совѣстнаго суда, ясно открывается отличительный характеръ этого учрежденія быть примирителемъ, посредникомъ, а не судьею тяжущихся.

Вникая глубже въ участіе, принимаемое совѣстнымъ судомъ въ рѣшеніи гражданскихъ тяжебъ, нельзя не замѣтить, что только такое, и ни какое другое, не могло быть предоставлено присутственному мѣсту, которое, по главному своему назначенію, было органомъ естественной справедливости. Для рѣшенія спорныхъ гражданскихъ дѣлъ установленъ законъ положительный, который, опредѣляетъ формальную справедливость по обнаруженнымъ даннымъ; никто не можетъ принудить тяжущихся судиться иначе; если, по этому, возможно рѣшеніе спорнаго гражданскаго дѣла иначе, какъ на основаніи строгаго

положительнаго закона, то это только при взаимномъ согласіи истца и отвѣтчика разобрать дѣло по доброй совѣсти, не стѣсняясь закономъ, и возстановить нарушенное между ними согласіе. Такими добросовѣстными судьями являются въ нашемъ законодательствѣ посредники и совѣстный судъ. Только они могутъ обратить вниманіе, при рѣшеніи тяжбы, на такія обстоятельства, которыя передъ закономъ не имѣютъ юридической силы, напр. на бѣдность или достаточное состояніе тяжущихся, на предыдущія отношенія ихъ между собою, ни сколько не касающіяся предмета тяжбы, на данные, не основанные на положительныхъ доказательствахъ, и т. д. Очевидно, что главная задача при такомъ сужденіи есть не простое формальное возстановленіе нарушеннаго права, но прекращеніе тяжбы, примиреніе противниковъ, съ нѣкоторыми обоюдными уступками и пожертвованіями. Безъ добросовѣстнаго, искренняго желанія самихъ противниковъ прекратить тяжбу, оно не возможно; поэтому-то дѣятельность совѣстнаго суда прекращается, когда тяжущіеся не примутъ ни одного изъ примирительныхъ способовъ, предлагаемыхъ имъ, и тѣмъ докажутъ на дѣлѣ, что они хотятъ не примиренія, а возстановленія формальнаго права[1]).

Надворные суды были учреждены въ столицахъ (ст. 433, 472), по два въ каждой. Одинъ изъ нихъ назывался выс-

[1]) «Буде кто не доволенъ рѣшеніемъ совѣстнаго суда, тотъ имѣетъ жалобу приносить въ *высшій совѣстный судъ*». Какой именно судъ разумѣется подъ названіемъ: *высшій совѣстный судъ*, не совсѣмъ ясно. Въ послѣдствіи, это названіе усвоено сенату. Кажется, что сначала была мысль установить два совѣстныхъ суда, высшій и низшій какъ были два земскихъ суда, двѣ расправы, два магистрата и два надворныхъ суда; послѣ, эта мысль могла быть оставлена, но выраженіе случайно удержалось въ редакціи (такъ въ X т. св. зак. встрѣчается названіе *нижній земскій судъ*). Въ строгомъ смыслѣ, на совѣстный судъ не можетъ быть суда, кромѣ верховной власти; ибо на добрую совѣсть нельзя жаловаться, тѣмъ менѣе присутственнымъ мѣстамъ, судящимъ по закону.

шимъ, другой низшимъ. Послѣдній состоялъ подъ апелляціею перваго (ст. 482).

Надворные суды были установлены для тѣхъ исключительно лицъ, которыя не имѣютъ постояннаго мѣстопребыванія (осѣдлости) въ столицахъ, и находятся въ нихъ только «по службѣ военной, придворной и гражданской, такожъ по дѣламъ, промысламъ и упражненіямъ своимъ» (ст. 477). Въ губерніяхъ, всѣ эти лица были подвѣдомственны судебнымъ присутственнымъ мѣстамъ, «до котораго кто по званію и состоянію своему принадлежитъ» (ст. 477); причиною тому была, вѣроятно, малочисленность ихъ; но въ столицахъ, гдѣ число ихъ чрезвычайно велико, и даже превышаетъ число осѣдлыхъ жителей, необходимо было установить для нихъ особливое присутсвенное мѣсто. Ближайшее основаніе этой необходимости заключалось въ томъ, что губернскія присутственныя мѣста въ столицахъ уже имѣли свой опредѣленный кругъ дѣятельности. Если бъ къ предметамъ ихъ занятій прибавились еще всѣ дѣла гражданскія и уголовныя, возникающія между неосѣдлыми жителями столицъ, то они были бы слишкомъ обременены множествомъ дѣлъ, а чрезъ это замедлилось бы отправленіе правосудія въ подсудной имъ губерніи.

Но есть другая, юридическая причина установленія надворныхъ судовъ, заключающаяся въ самомъ устройствѣ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Составъ ихъ, какъ мы видѣли, опредѣлялся сословіемъ, для котораго они были установлены. Дворяне судились уѣзднымъ и верхнимъ земскимъ судомъ; городское сословіе — магистратами, сельское — расправами; въ каждомъ изъ этихъ судебныхъ мѣстъ были выборные засѣдатели отъ того сословія, которое имъ было подвѣдомственно. Итакъ, однимъ изъ основныхъ положеній учрежденія о губерніяхъ было то, что въ двухъ низшихъ инстанціяхъ всякій могъ быть судимъ только присутственнымъ мѣстомъ, составленнымъ

изъ членовъ, принадлежащихъ къ одному съ нимъ сословію и къ одной губерніи. По этому началу, тѣ, которые не имѣли осѣдлости въ столицахъ, не могли бытъ судимы присутсвенными мѣстами столичныхъ губерній, и для нихъ установлены надворные суды. Въ губерніяхъ, эта послѣдовательность юридическихъ началъ была нарушена по малочисленности неосѣдлыхъ жителей.

Временно пребывающіе въ столицахъ не были, однако, подсудны надворному суду по всѣмъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. 1) «Запрещается нижнему надворному суду судить дѣла въ дѣйствительной военной службѣ находящихся чиновъ, другія, какъ только тѣ, кои войти могутъ по долгамъ и другимъ обязательствамъ гражданскимъ; дѣла же, касающіяся до преступленій по службѣ и должности, да будутъ предоставлены суду воинскому, на основаніи воинскихъ узаконеній» (ст. 478). 2) Спорныя гражданскія дѣла о недвижимыхъ имѣніяхъ, принадлежащихъ временно пребывающимъ въ столицахъ, также не были подсудны надворному суду (ст. 479, 480). Причина та, что въ отношеніи къ нимъ безусловно было принято начало территоріяльной, земской подсудности: гдѣ недвижимое имѣніе находилось, тамъ и судился споръ о немъ, смотря по сословію, къ которому принадлежалъ его хозяинъ [1]).

9) Екатеринѣ II принадлежитъ также правильная организація контрольной и инквизиціонной власти въ губерніяхъ.

Петръ Великій первый установилъ въ Россіи фискаловъ [2]). Власть ихъ была, преимущественно, инквизиціонная: «долженъ

[1]) Апелляціи на рѣшеніе верхняго надворнаго суда приносились въ палаты (ст. 453); этимъ вполнѣ доказывается приведенная нами причина установленія надворныхъ судовъ; палаты состояли изъ однихъ коронныхъ чиновниковъ. Поэтому и не могло быть никакого различія между палатами, въ отношеніи къ подсудимымъ и тяжущимся.

[2]) 1711 года, 2 марта (№ 2330); именный, данный сенату, п. 9.

онъ надъ всѣми дѣлами тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ... и кто неправду учинитъ, то долженъ позвать его передъ сенатъ (это сказано объ оберъ-фискалѣ) и тамо его уличать»[1]). Такіе фискалы были установлены въ провинціяхъ[2]), и городахъ[3]). Мало по малу, власть ихъ опредѣлилась болѣе юридически: они сдѣлались почти исключительно ходатаями, стряпчими по дѣламъ, которыя касались казенныхъ и общественныхъ интересовъ[4]). Вмѣстѣ съ этимъ ограниченіемъ круга дѣйствія фискаловъ, сдѣлалось необходимымъ установленіе особливыхъ чиновниковъ, для контроля дѣйствій присутственныхъ мѣстъ и лицъ, коимъ ввѣрено было отправленіе правосудія. Въ этомъ, если мы не ошибаемся, заключалась главная причина и основаніе установленія прокуроровъ.

Въ губерніяхъ, они впервые установлены Петромъ Великимъ въ 1722 году, при магистратахъ и надворныхъ судахъ[5]). Въ царствованіе Анны Іоанновны, прокуроры учреждены при губернаторахъ[6]), но въ послѣдствіи, кажется, отмѣнены; ибо указомъ Елизаветы Петровны велѣно были возстановить ихъ на прежнемъ основаніи[7]). О фискалахъ болѣе не упоминается въ нашихъ законахъ съ 1730 года. Кажется, они были отмѣнены; ибо въ сенатскомъ указѣ того же года, 15 мая, упоминается о фискальской канцеляріи, какъ уже не существовавшей въ то время (№ 5557).

[1]) 1711 года, 5 марта (№ 2331); именный, данный сенату, п. 3.

[2]) Тамъ же. — 1711 года, 10 августа (№ 2414); резолюціи сената на докладные пункты фискала Былинскаго, п. 1 и 2.

[3]) 1714 года, 17 марта (№ 2786); именный.

[4]) См. тамъ же, п. 2, 3, 4. — 1719 года, « » (№ 3479); инструкція или наказъ земскимъ фискаламъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, п. 2.

[5]) 1722 года, 27 апрѣля (№ 3981); именный.

[6]) 1733 года, 6 сентября (№ 6475); именный.

[7]) 1741 года, 12 декабря (№ 8480); именный.

Итакъ, при изданіи учрежденія о губерніяхъ, находились въ губерніяхъ одни прокуроры. Екатерина II, предпринимая реформу нашего областнаго устройства, обратила вниманіе на власть контрольную и инквизиціонную. Новая организація, данная ею этимъ двумъ властямъ, какъ и большая часть учрежденій, при ней изданныхъ, основана на предыдущихъ данныхъ нашего законодательства. Всѣ постановленія о фискалахъ и прокурорахъ, изданныя со временъ Петра Великаго, приняты ею въ соображеніе, и вошли въ составъ новаго положенія о фискальской и прокурорской должности; имъ дано только единство и бо́льшая послѣдовательность.

По учрежденію о губерніяхъ, въ каждомъ намѣстничествѣ установлены прокуроры и стряпчіе. Губернскій прокуроръ и два губернскихъ стряпчихъ, казенныхъ и уголовныхъ дѣлъ, опредѣлены при губернскомъ правленіи и палатахъ (ст. 42); при каждомъ присутственномъ мѣстѣ второй инстанціи установлены одинъ прокуроръ и два стряпчихъ (ст. 43, 44, 45); наконецъ, въ каждомъ уѣздѣ учреждено по одному стряпчему (ст. 46). Губернскій прокуроръ и стряпчіе, при немъ установленные, составляли какъ-бы коллегію [1]); въ случаѣ разногласія «губернскаго прокурора голосъ перевѣсъ даетъ тому мнѣнію стряпчаго, къ которому онъ пристанетъ» (ст. 406, п. 2). Но, образуя съ прокуроромъ коллегію только въ случаѣ сомнѣнія, стряпчіе вообще были подчинены ему (ст. 405, п. 11), и вмѣсто него, и его именемъ, предлагали заключенія палатамъ [2]).

[1]) Ст. 405, п. 8. «Губернскому прокурору *для совѣта* опредѣляются губернскій стряпчій уголовныхъ дѣлъ, и губернскій стряпчій казенныхъ дѣлъ, *и почитается, что они всѣ трое едиными устами говорятъ*».

[2]) Ст. 406, п. 1. Весьма замѣчательны слѣдующія слова закона (тамъ же п. 6): «*Въ тяжебныхъ дѣлахъ* губернскій стряпчій можетъ производить дѣло и безъ согласія губернскаго прокурора, выслушивая однакоже его за-

Съ перваго взгляда кажется, что между должностью прокуроровъ и стряпчихъ не было никакого существеннаго различія; какъ тѣ, такъ и другіе, по словамъ закона, «смотрятъ и бдѣніе имѣютъ о сохраненіи вездѣ всякаго порядка, законами опредѣленнаго, и въ производствѣ и отправленіи самыхъ дѣлъ. Они сохраняютъ цѣлость власти, установленій и интереса императорскаго величества, наблюдаютъ, чтобъ запрещенныхъ сборовъ съ народа никто не собиралъ, и долгъ имѣютъ повсюду истреблять зловредныя взятки» (ст. 404). На этомъ основаніи, какъ прокуроры, такъ и стряпчіе, имѣли право давать свои заключенія и предложенія присутственнымъ мѣстамъ, подчиненнымъ ихъ надзору [1]). Но если мы вникнемъ въ предметы занятій прокурора и стряпчихъ, то увидимъ, что они хотя и имѣли много общаго и сходнаго между собою, по основному началу, однако отличались другъ отъ друга, вслѣдствіе различнаго направленія дѣятельности прокуроровъ и стряпчихъ на одни и тѣ же предметы.

ключеніе. Въ уголовныхъ же дѣлахъ *и въ интересныхъ*, губернскій прокуроръ письменно дастъ свои заключенія, по коимъ губернскіе стряпчіе поступать должны». Какое различіе между тяжебными и интересными дѣлами имѣло здѣсь въ виду законодательство? Мы знаемъ, что губернскіе стряпчіе не принимали никакого участія въ тяжебныхъ дѣлахъ между частными лицами (тамъ же, п. 4). Итакъ, слово *интересныя* не употреблено здѣсь въ противуположность частнымъ, но означаетъ только видъ дѣлъ, подчиненныхъ надзору стряпчаго. Не должно ли, подъ названіемъ *дѣлъ интересныхъ*, разумѣть дѣла гражданскія о казенномъ имуществѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. объ имѣніи собственно и непосредственно принадлежащемъ государству, а подъ дѣлами *тяжебными*, дѣла объ общественномъ имуществѣ, которое имѣло своихъ истцовъ и защитниковъ, и потому не требовало такого близкаго надзора со стороны губернскаго прокурора. Впрочемъ, каково бы ни было упоминаемое въ законѣ различіе, для насъ важно то, что по дѣламъ тяжебнымъ, находящимся подъ надзоромъ губернскаго стряпчаго, онъ не состоялъ въ полной зависимости отъ губернскаго прокурора. Это было исключеніемъ изъ общаго правила.

[1]) Ст. 405, п. 6, 7 и 9. — Ст. 406, п. 3, 5 и 8.

Главное назначеніе прокуроровъ заключалось въ наблюденіи за исполненіемъ законовъ въ губерніи или намѣстничествѣ[1]); по этому-то, имъ предоставлено было и толкованіе, или объясненіе законовъ (ст. 405, п. 1 и 6). Изъ этого главнаго назначенія прокуроровъ вытекали слѣдующія обязанности: а) наблюдать за сохраненіемъ установленнаго законами порядка и формъ дѣлопроизводства[2]) и b) быть блюстителями общественныхъ интересовъ, слѣдовательно казенныхъ, общественныхъ и уголовныхъ исковъ[3]). Итакъ прокуроры были, по учрежденію о губерніяхъ, живые органы, представители закона, и должны были напоминать о его существованіи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ нарушался въ губерніи, и оставался безгласнымъ, или приходилъ въ забвеніе (ст. 405, п. 3).

Напротивъ, губернскіе стряпчіе, по главному своему характеру, были истцы, ходатаи, по общественнымъ искамъ. Стряпчій казенныхъ дѣлъ былъ истцемъ «по казеннымъ дѣламъ, и по дѣламъ, нарушающимъ общій порядокъ, или противнымъ власти и присяжной должности», а стряпчій уголовныхъ дѣлъ «по уголовнымъ винамъ и преступленіямъ, нарушающимъ законы, всякій разъ тамъ, гдѣ истца нѣтъ, но доказательства имѣетъ» (ст. 406, п. 3, § 2). Должность губернскихъ стряпчихъ, какъ видно съ перваго взгляда, находилась въ самой тѣсной, необходимой связи съ обязанностію прокурора; обѣ служили какъ бы выраженіемъ одной общей, главной цѣли — обезпечить ненарушимость законовъ и общаго блага. Въ самомъ дѣлѣ, въ понятіе о наблюденіи за общими интересами, необходимо входило понятіе о возбужденіи и наблюденіи за правильнымъ ходомъ такихъ исковъ, которые не

1) Ст. 405, п. 2. — Ст. 407: «коихъ долгъ есть быть взыскателями исполненія узаконеній».

2) Ст. 405, п. 4, § 1, 3, 4, 5, и п. 5.

3) Ст. 405, п. 4, § 2, 6, 8, 10, и п. 7, и 13.

касались частныхъ интересовъ каждаго гражданина въ отдѣльности, но имѣли предметомъ общее государственное имущество, или общее благо, не всегда имѣвшія за себя истцовъ и челобитчиковъ. Итакъ веденіе казенныхъ и уголовныхъ исковъ, и надзоръ за правильнымъ ихъ развитіемъ, входило, въ строгомъ смыслѣ, въ составъ обязанностей губернскаго прокурора. Но, по многосложности его занятій, и невозможности быть, въ одно и тоже время, истцомъ и блюстителемъ законовъ въ цѣлой губерніи, обязанность стряпчаго отдѣлена отъ прочихъ предметовъ дѣятельности прокуроровъ, и ввѣрена особливымъ чиновникамъ.

Изъ этого юридическаго единства прокурорской и стряпческой должности вытекаютъ слѣдующія положенія въ учрежденіи о губерніяхъ:

a) Предметы занятій прокурора и стряпчихъ не строго разграничены другъ отъ друга въ законѣ, и круги дѣйствій тѣхъ и другихъ часто сливаются. Такъ, прокуроръ давалъ свои заключенія по дѣламъ «такого существа, что они вмѣстѣ и частныя и общественныя, или частныя, но касаются и до казеннаго интереса»[1]; съ другой стороны, стряпчіе, будучи, по главному своему назначенію, истцами по общественнымъ искамъ, давали «заключенія, сходственныя съ сохраненіемъ общаго, законами установленнаго парядка»[2].

b) Стряпчіе, при веденіи общественныхъ исковъ, пользовались бо́льшими правами, нежели обыкновенные истцы[3].

[1]) Ст. 405, п. 7. — Ст. 406, п. 6.

[2]) Ст. 406, п. 3, § 1, п. 5: «Губернскіе стряпчіе право имѣютъ... смотрѣть и бдѣніе имѣть о сохраненіи порядка, каждому мѣсту предписаннаго, и чтобъ истцы и отвѣтчики надлежащее къ суду и судьямъ почтеніе сохраняли, чтобъ присутственныя мѣста собирались въ свое время и засѣданія имѣли въ повелѣнное время; въ случаѣ же подозрѣнія по дѣлу на котораго засѣдателя, буде самъ не удержится отъ присутствія, они ему о томъ прилично напоминать могутъ».

[3]) Ст. 406, п. 4. «Губернскіе стряпчіе право имѣютъ требовать въ томъ

c) Стряпчіе были совѣтники прокурора (ст. 405, п. 8), его подчиненные (ст. 405, п. 11; ст. 406, п. 1 и 6), «и почитается, что они всѣ трое едиными устами говорятъ» (ст. 405, п. 8). Въ случаѣ сомнѣнія «до котораго мѣста дѣло надлежитъ, или въ сомнѣніи о узаконеніяхъ» губернскій прокуроръ и стряпчіе составляли коллегію, подъ предсѣдательствомъ прокурора, которая и рѣшала возникшій вопросъ (ст. 406, п. 2).

d) Изъ того же юридическаго единства прокурорской и стряпческой должности объясняется установленіе въ каждомъ уѣздѣ только по одному уѣздному стряпчему, вмѣсто прокурора и двухъ стряпчихъ. Ограниченный кругъ дѣятельности не требовалъ раздѣленія между многими лицами занятій, по существу своему одинаковыхъ и вытекающихъ изъ одного юридическаго начала.

Устройство центральныхъ судовъ.

Въ первой части настоящаго разсужденія было замѣчено, что центральныя учрежденія Россіи временъ Уложенія раздѣлялись, собственно, на два разряда, и составляли двѣ инстанціи; къ нисшей принадлежали приказы, высшую составляла большая боярская дума. Такое же раздѣленіе сохранилось и послѣ реформъ Петра Великаго. Коллегіи замѣнили приказы, сенатъ боярскую думу.

I.

Со вступленіемъ на престолъ Петра Великаго, прежнія частыя измѣненія въ числѣ приказовъ и предметахъ ихъ вѣ-

мѣстѣ, гдѣ они опредѣлены, сообщенія всякаго дѣла, касающагося до ихъ должности». Вліяніе ихъ на присутственныя мѣста и лица, въ качествѣ блюстителей законности, соединенномъ съ званіемъ истцовъ по общественнымъ искамъ, давало имъ важныя преимущества передъ частными истцами. Ср. ст. 405, п. 10.

домства, продолжались безпрерывно. Многіе приказы были уничтожены[1]); установлялись канцеляріи (Ижерская, Дворцовая, Вотчинная, Ингерманландская, Ямская и т. д.[2]). Всѣ эти реформы происходили, однако, на основаніи прежнихъ юридическихъ началъ. Устройство приказовъ, въ сущности, не измѣнялось. Новое распредѣленіе предметовъ вѣдомства происходило не на основаніи систематическаго отдѣленія другъ отъ друга различныхъ отраслей администраціи, но вслѣдствіе временныхъ, частныхъ потребностей, особенныхъ цѣлей, иногда, по прежнему, въ слѣдствіе бо́льшаго или ме́ньшаго довѣрія къ лицу, завѣдывавшему приказомъ. Но въ 1717 году установлены коллегіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ произошла существенная, коренная реформа въ устройствѣ нижнихъ центральныхъ инстанцій.

Различіе между приказами и коллегіями преимущественно заключается въ томъ, что приказы, хотя и состояли нерѣдко изъ нѣсколькихъ лицъ, однако были, по преимуществу, установленія бюрократическія, носившія на себѣ личный характеръ. Коллегіи, по самому основанію своему, суть присутственныя мѣста, въ настоящемъ значеніи слова — лица нравственныя (personae morales), постоянныя и неизмѣнныя, не смотря на перемѣну членовъ, изъ коихъ онѣ составлены. Съ учрежденіемъ коллегій появилось въ нашей администраціи систематическое раздѣленіе и отдѣльное завѣдываніе различныхъ отраслей управленія. Случайное, или, по крайней мѣрѣ, вре-

[1]) 1699 года, 3 ноября (№ 1713); именный. — 1700 года, 18 февраля (№ 1766); именный. — 1700 года, 16 декабря (№ 1818); именный. — 1701 года, 2 ноября (№ 1874); именный. — 1711 года, 25 апрѣля (№ 2353); сенатскій. — 1711 года, 8 іюня (№ 2370); сенатскій. — 1712 года, 12 августа (№ 2570); сенатскій.

[2]) 1705 года, 3 марта (№ 2039); именный. — 1706 года, 15 сентября (№ 2120); именный, объявленный изъ Розряда — 1723 года, 30 сентября (№ 4314); сенатскій.

менными обстоятельствами условливающееся распредѣленіе предметовъ вѣдомства между различными правительственными учрежденіями, должно было уступить мѣсто другому, болѣе постоянному, имѣющему общее основаніе. Конечно, при Петрѣ Великомъ, и то другое было еще весьма несовершенно; но оно положило начало правильнѣйшей организаціи, и всѣ послѣдующія реформы центральныхъ учрежденій происходили уже въ слѣдствіе общаго взгляда на цѣлый составъ и организмъ государственнаго управленія.

а) *Общіе центральные суды.*

Петръ Великій учредилъ девять коллегій [1]), а именно: Коллегію иностранныхъ дѣлъ, замѣнившую собою прежній Посольскій приказъ; Камеръ-коллегію, Юстицъ-коллегію, Ревизіонъ-коллегію, Адмиралтейскую, Воинскую, Коммерцъ-коллегію, Штатсъ-конторъ-коллегію, Бергъ- и Мануфактуръ-колле-

[1]) 1717 года, 11 декаря (№ 3129); именный. — 1718 года, 12 декабря (№ 3255); именный, объявленный изъ сената. — Коллегіи предположено открыть въ 1718 году. Уставъ ихъ заимствованъ изъ шведскаго законодательства («Всѣмъ коллегіямъ надлежитъ нынѣ, на основаніи *Шведскаго устава*, сочинить во всѣхъ дѣлахъ и порядкахъ по пунктамъ, а которые пункты въ Шведскомъ регламентѣ неудобны, или съ ситуаціею сего государства не сходны, и оные оставить, по своему разсужденію»... 1718 года, 28 апрѣля (№ 3197); именный). Поэтому въ числѣ членовъ коллегіи, по закону Петра Великаго, необходимо должны были находиться и иностранцы. Это видно изъ слѣдующаго, любопытнаго «реэстра людямъ въ коллегіяхъ», помѣщеннаго въ именномъ указѣ 1717 года, 11 декабря (№ 3129). «*Русскіе:* президентъ, вице-президентъ (русскій или иноземецъ), четыре коллегіи совѣтники, четыре коллегіи ассессоры, одинъ секретарь, одинъ нотарій, одинъ актуарій, одинъ регистраторъ, одинъ переводчикъ, подъячіе трехъ статей. *Иноземцы:* одинъ совѣтникъ или ассессоръ, одинъ секретарь, шкрейверъ». Генеральный Регламентъ Коллегій былъ изданъ уже въ 1720 году, (28 февраля (№ 3534), и служитъ главнымъ основаніемъ настоящаго устройства коллегіяльныхъ присутственныхъ мѣстъ въ Россіи. По этому мы и ограничились, въ настоящемъ разсужденіи, однимъ объясненіемъ основнаго юридическаго начала коллегіяльнаго устройства.

гію[1]). Установленіе каждой изъ нихъ повлекло за собою важныя измѣненія въ прежней системѣ государственнаго управленія. Мы ограничимся однимъ краткимъ очеркомъ реформъ, произшедшихъ вслѣдствіе учрежденія Юстицъ-коллегіи, потому что ей ввѣрено почти исключительно судебное управленіе, составляющее предметъ настоящаго разсужденія[2]).

До реформы Петра Великаго, гражданское судебное управленіе находилось, преимущественно, въ завѣдываніи двухъ приказовъ: Помѣстнаго и Суднаго[3]). Петръ Великій хотѣлъ унич-

[1]) 1717 года, 15 декабря (№ 3133); именный.

[2]) Несмотря на новую систему управленія, введенную Петромъ Великимъ, вслѣдствіе которой судебное управленіе совершенно отдѣлено отъ полицейскаго, финансоваго, военнаго и т. д., прежнее начало, по которому многія отрасли были ввѣрены одному лицу или присутственному мѣсту («кто управляетъ тотъ и судитъ»), удержалось даже и послѣ учрежденія коллегій. Такъ, *Коммерцъ*-коллегія судила «споры и тяжбы по морскимъ учрежденіямъ» (1719 года, 3 марта (№ 3318); Регламентъ (уставъ) Государственной Коммерцъ-коллегіи, п. 8), «споры между городами о торгахъ, торговыхъ и ярмоночныхъ правахъ» (тамъ же, п. 12), вексельныя дѣла (тамъ же, п. 21), дѣла иностранныхъ купцовъ (тамъ же, п. 25. — 1727 года, 18 августа (№ 5142); именный, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ). Такъ, Бергъ- и Мануфактуръ-коллегія вѣдала судомъ и расправою бергъ- и мануфактуръ-заводчиковъ (1731 года, 12 ноября (№ 5875); сенатскій); соляные промышленники судились Соляною конторою (1732 года, 2 октября (№ 6202); именный, данный сенату) и т. д.

[3]) Изъ законовъ Петра Великаго видно, что до учрежденія коллегіи, жалобы и апелляціи по дѣламъ, производившимся въ областныхъ инстанціяхъ, подавались въ *Расправную палату* (1713 года, 4 сентября (№ 2710); сенатскій; — 1719 года, 20 января (№ 3285); указъ изъ Юстицъ-коллегіи ви Расправную Палату. Такимъ образомъ, въ ней сосредоточивалось судебное управленіе Россіи. Она замѣняла собою Юстицъ-коллегію, и уничтожена, вѣроятно, вскорѣ послѣ открытія сей послѣдней, какъ видно изъ указа 1719 года, 20 января. Объ отношеніи Расправной палаты къ прочимъ нижнимъ центральнымъ учрежденіямъ мы ничего не знаемъ, по неопредѣленности законовъ, да и самыхъ юридическихъ началъ того времени. Учрежденіе, или правильнѣе, образованіе Расправной Палаты въ центральную судебною инстанцію, относится, кажется, къ реформамъ Петра Великаго; ибо, по прежнему законо-

тожить это раздѣленіе судебнаго управленія, и, по учрежденіи коллегій, велѣлъ всѣ спорныя гражданскія дѣла, вотчинныя и исковыя, судить въ одной Юстицъ-коллегіи [1]).

Такая важная реформа не могла, однако, произойти вдругъ. Отдѣльное завѣдываніе помѣстныхъ, вотчинныхъ и исковыхъ дѣлъ удержалось долго, и дѣйствительно уничтожено только въ 1775 году, съ изданіемъ учрежденія для управленія губерній. По множеству и важности дѣлъ и правильности организаціи, Помѣстный приказъ болѣе походилъ на постоянное присутственное мѣсто, нежели на прочіе приказы. Распредѣленіе предметовъ его вѣдомства между другими присутственными мѣстами, особливо при обычности судей къ прежнему порядку управленія, должно было представлять большія затрудненія. Вѣроятно по всѣмъ этимъ причинамъ, велѣно было «Помѣстному приказу быть особливо (для умноженія дѣлъ), однакожь подъ управленіемъ Юстицъ-коллегіи, а спорныя дѣла, для рѣшенія, приносить въ Юстицъ-коллегію» [2]). Изъ этого мѣста видно, что Петръ Великій хотѣлъ оставить Помѣстный приказъ только на время. Но уже въ 1721 году, этотъ приказъ (переименованный, въ 1720 году, въ Канцелярію вотчинныхъ дѣлъ [3])), снова отдѣленъ отъ Юстицъ-коллегіи, и преобразованъ въ Вотчинную-коллегію [4]), которая судила спорныя дѣла о недвижимыхъ имѣніяхъ, и уничтожена въ 1786 году [5]), послѣ введенія учрежденія о губерніяхъ, по которому тяжебныя

дательству, Расправная палата имѣла совсѣмъ другое назначеніе, и общее судебное управленіе находилось въ завѣдываніи Помѣстнаго и Суднаго приказовъ.

[1]) 1718 года, 9 мая (№ 3202); Высочайшая резолюція на докладъ Юстицъ-коллегіи, 1, и резол.

[2]) (3202) резол. на 1 п. (3282).

[3]) Указъ 1720 года, 4 іюля. См. обозрѣніе помѣстныхъ правъ въ Россіи, Иванова, стр. 50.

[4]) 1722 года, 18 января (№ 3881); именный, данный сенату.

[5]) См. обозрѣніе помѣстныхъ правъ, Иванова стр. 87.

дѣла о недвижимыхъ должны были судиться областными присутственными мѣстами [1]).

b) *Особенные центральные суды.*

Для городскаго сословія.

Говоря о присутственныхъ мѣтахъ и лицахъ, коимъ ввѣрено, при Петрѣ Великомъ, судебное управленіе купеческаго сословія, мы замѣтили, что еще въ 1699 году, всѣ городовые бурмистры были подчинены по апелляціи Бурмистерской палатѣ, которая находилась въ Москвѣ [2]), и переименована потомъ въ Ратушу [3]). Эта Ратуша и была центральнымъ присутственнымъ мѣстомъ, въ которомъ сосредоточивалось судебное управленіе купечества въ цѣлой Россіи. Съ реформою первоначальнаго областнаго управленія купечества, и съ установленіемъ коллегій, центральное судебное управленіе городскаго сословія подверглось новому измѣненію. Вѣ 1721 году, учрежденъ Главный магистратъ, равный съ коллегіями, которому приносились жалобы на губернскіе магистраты [4]). Въ царствованіе Петра II онъ былъ уничтоженъ [5]), но при Елисаветѣ Петровнѣ возстановленъ на прежнемъ основаніи [6]).

[1]) Учр. о губерніяхъ, ст. 115 «палата гражданскаго суда ни что иное есть, какъ соединенный департаментъ Юстицъ и Вотчинной коллегіи, которому поручается апелляція для ревизіи гражданскихъ дѣлъ». — Въ 1762 году, Вотчинная и Юстицъ-коллегія раздѣлены на три департамента, изъ коихъ каждый состоялъ подъ апелляціею цѣлой коллегіи (1762 года, 29 январа (№ 11422); именный, объявленный сенату генералъ-прокуроромъ Глѣбовымъ), а въ слѣдующемъ году на четыре, которые состояли подъ непосредственною апелляціею сенатскихъ департаментовъ (1763 года, 15 декабря (№ 11989); манифестъ, п. 9).

[2]) 1699 года, 27 октября (№ 1706); именный.

[3]) 1699 года, 17 ноября (№ 1708); именный.

[4]) 1721 года, 16 января (№ 3708); Регламентъ Главнаго магистрата, гл. II и IX.

[5]) 1727 года, 18 августа (№ 5142); именный, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ.

[6]) 1743 года, 21 мая (№ 8734); Высочайше утвержденный докладъ сената.

Для духовенства.

Устройство центральныхъ судовъ для духовенства и подвластныхъ ему людей и крестьянъ, въ дѣлахъ гражданскихъ, подверглось, въ главномъ своемъ основаніи, тѣмъ же реформамъ, какимъ и общее судоустройство. Мало по малу, приказы и личныя управленія замѣнились коллегіями. Но ко этому главному направленію реформы присоединилось, въ отношеніи къ гражданскимъ судамъ для духовенства, другое, не менѣе важное стремленіе, сильно обнаружившееся при Петрѣ Великомъ, и развившееся окончательно при его преемникахъ: — стремленіе разрушить отдѣльную отъ государства свѣтскую общину, образовавшуюся изъ Церкви, и ввести составныя ея части въ общій организмъ государства. Оба эти направленія реформы Петра Великаго выразились въ преобразованіяхъ судовъ, учрежденныхъ для духовенства, и должны по этому служить намъ главнымъ руководствомъ при объясненіи этихъ преобразованій.

Новому порядку вещей въ юридическомъ бытѣ духовенства предшествовали, какъ и всѣмъ реформамъ Петра Великаго, важныя измѣненія въ древнемъ устройствѣ свѣтско-церковной общины, не касавшіяся однако юридическихъ началъ, лежащихъ въ основаніи этого устройства. Такія измѣненія появились еще задолго до Петра Великаго; при немъ онѣ только яснѣе начали выражать собою новыя направленія законодательства, рѣзко высказавшіяся въ послѣдствіи, въ реформѣ. Еще въ первые годы, царствованія, Петръ Великій уничтожилъ Патріаршій разрядъ, и всѣ спорныя гражданскія дѣла «по духовнымъ (завѣщаніямъ), и по ряднымъ, и по инымъ какимъ крѣпостямъ», о помѣстьяхъ и вотчинахъ велѣлъ передать въ Помѣстный [1]), а прочія спорныя гражданскія дѣла, касавшіяся движимаго имущества, въ

[1]) 1700 года, 16 декабря (№ 1818); именный.

Московскій судный приказъ [1]). Такимъ образомъ уже здѣсь высказалась мысль о секуляризаціи: множество дѣлъ, изъ духовнаго вѣдомства, перешло въ гражданское.

Въ одно время съ этой реформой произошла другая. Для всѣхъ людей и крестьянъ, подвластныхъ духовенству, которые до того времени вѣдались въ различныхъ приказахъ, установлено было одно центральное судебное мѣсто, подъ названіемъ Монастырскаго приказа [2]). Въ 1718 году, въ резолюціяхъ на докладные пункты Рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго, Петръ Великій впервые высказалъ мысль, что «для лучшаго впредь управленія... мнится быть удобно Духовной коллегіи» [3]). Это подало поводъ къ новымъ реформамъ въ судебномъ управленіи духовенства и его подчиненныхъ. Патріаршихъ крестьянъ предположено ввѣрить въ управленіе Патріаршему дворецкому, монастырскихъ — мѣстнымъ губернскимъ

[1]) 1701 года, 7 ноября (№ 1876); именный: «заумορнымъ животамъ, и ряднымъ записямъ, и духовнымъ, и инымъ всякимъ дѣламъ... быть по прежнему въ Московскомъ судномъ приказѣ». (По Духовному регламенту, дѣла о сомнительныхъ духовныхъ завѣщаніяхъ знатныхъ особъ разматривались и рѣшались Духовною и Юстицъ-коллегію 1721 года, 25 января (№ 1718); Регламентъ или уставъ Духовной-коллегіи, часть III, ст. 11). Въ послѣдствіи, съ установленіемъ Юстицъ-коллегіи, всѣ дѣла о раздѣлѣ «по завѣтамъ и безъ завѣтовъ оставшагося отъ умершихъ имѣнія наслѣдникамъ, и о причитаніи въ наслѣдство достойныхъ, и о лишаемыхъ отъ наслѣдія, также и о свидѣтельствѣ завѣтовъ, или духовницъ» велѣно также передать въ свѣтское вѣдомство (1722 года, 12 апрѣля (№ 3963); Высочайшей резолюціи на докладные пункты сνнода, п. 2. и рез.). Это послѣднее постановленіе было, очевидно, лишь поясненіемъ и дополненіемъ предыдущихъ.

[2]) 1701 года, 24 января (№ 1829); именный, объявленный Розряду. — 1706 года, 20 мая (№ 2108); именный, объявленный изъ Розряда. — Монастырскій приказъ не былъ, въ строгомъ смыслѣ, учрежденъ, но возстановленъ Петромъ Великимъ, ибо существовалъ еще до него, но былъ, въ послѣдствіи уничтоженъ.

[3]) 1718 года, 20 ноября (№ 3239); Высочайшія резолюціи на доношеніе Разанскаго митрополита Стефана. Рез. на 5 п.

правительствамъ, а духовенство—Духовной коллегіи[1]). Такимъ образомъ, мысль о секуляризаціи сдѣлала новые успѣхи: значительное число имѣній, принадлежащихъ духовенству, должно было перейти въ свѣтское вѣдомство. Кажется однако, что этотъ указъ остался безъ дѣйствія. Хотя мы и не имѣетъ на то прямыхъ указаній, однако можемъ заключать изъ того, что вскорѣ послѣ изданія Духовнаго регламента (1721 г.) всѣ патріаршіе, архіерейскіе и монастырскіе крестьяне подчинены, по суду въ дѣлахъ гражданскихъ, Духовному сvноду[2]).

Такое возвращеніе къ прежнему порядку вещей было, впрочемъ, только временное. Мысль о передачѣ въ свѣтское вѣдомство всѣхъ тѣхъ отраслей управленія, которыя не относи-

[1]) 1718 года, 10 декабря (№ 3252); Высочайшія резолюціи на докладные пункты. Рез. на 10 п.

[2]) 1721 года, 14 февраля (№ 3734); Высочайшія резолюціи на докладъ сvнода, п. 5. — 1721 года, 3 марта (№ 3749); сенатскій. — Замѣтимъ здѣсь, что прежняя отдѣльность патріаршаго вѣдомства отъ общаго духовнаго сохранилась даже и послѣ учрежденія сvнода. Это видно изъ судебнаго управленія духовенства. Въ 1722 году, судъ и апелляція въ дѣлахъ гражданскихъ съ лицами, подчиненными сvнодальному вѣдомству, сосредоточивались, въ высшей инстанціи, въ сvнодѣ и приказахъ, при немъ состоявшихъ. Раздѣленіе спорныхъ гражданскихъ дѣлъ между приказами и сvнодомъ весьма замѣчательно. 1) *Сvнодъ*. Сюда приносились жалобы на сvнодальныхъ членовъ, архіереевъ, протоинквизитора и сvнодскихъ служителей, и подавались апелляціи на областныхъ духовныхъ судей по спорнымъ исковымъ дѣламъ (1722 года, 4 сентября (№ 4081); сvнодскій, п. 4 и 5). 2) *Приказы:* Духовный. Ему были подсудны, по спорнымъ гражданскимъ дѣламъ, всѣ московскіе жители духовнаго вѣдомства, и всѣ обыватели бывшей Патріаршей области (тамъ же, п. 7, ст. 1). Дворцовый судилъ дѣла между крестьянами и бобылями сvнодальныхъ домовыхъ вотчинъ (тамъ же, ст. 2). Наконецъ, Монастырскій давалъ судъ и принималъ апелляціи по спорнымъ гражданскимъ дѣламъ, которыя возникали между всѣми прочими людьми и крестьянами, подвѣдомственными сvноду, и по искамъ, на нихъ вчиняемымъ (тамъ же, ст. 2 и 3). Въ послѣдствіи, этотъ приказъ переименованъ въ Камеръ-контору сvнодальнаго правительства, и поставленъ подъ апелляціею сvнода. — 1725 года, 14 января (№ 4632); сенатскій.

лись къ духовному управленію въ настоящемъ смыслѣ слова, но вѣдались духовнымъ правительствомъ, не была забыта, и еще при Петрѣ Великомъ выразилась въ повелѣніи учредить особливую коллегію «для розыскныхъ дѣлъ», касающихся духовенства [1]). Послѣдующія царствованія развили ее вполнѣ. Екатерина I раздѣлила сѵнодъ на два «апартамента», и изъ нихъ второму поручила судебное управленіе духовенства и его подвластныхъ. Это отдѣльное отъ сѵнода присутственное мѣсто, названное Коллегіею Экономіи Сѵнодальнаго Управленія [2]), и переименованное потомъ въ Канцелярію Сѵнодальнаго Экономическаго Правленія [3]) было составлено изъ шести свѣтскихъ особъ, и находилось подъ апелляціею сената, а не сѵнода, какъ Монастырскій приказъ [4]). Императрица Анна Іоанновна сдѣлала еще болѣе: она совершенно отчислила Коллегію Экономіи изъ сѵнодскаго вѣдомства, и подчинила ее, во всѣхъ отношеніяхъ, сенату [5]), поручивъ ей въ управленіе предметы вѣдомства патріаршихъ приказовъ, слѣдовательно всѣ отрасли свѣтской администраціи, бывшія прежде въ завѣдываніи патріарха [6]).

Всѣми этими узаконеніями судебная власть въ спорныхъ гражданскихъ дѣлахъ навсегда исключена изъ духовнаго вѣдомства.

[1]) 1723 года, 8 февраля (№ 4160); именный.

[2]) 1726 года, 26 сентября (№ 4959); именный, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, п. 4. Послѣ установленія Коллегіи Экономіи, повелѣно было титуловать сѵнодъ, *святѣйшимъ*, а не *правительствующимъ*. — 1726 года, 14 іюля (№ 4925); именный, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.

[3]) 1745 года, 4 іюня (№ 9166); именный, объявленный изъ сѵнода.

[4]) 1726 года, 12 іюля (№ 4919); именный.

[5]) 1738 года, 15 апрѣля (№ 7558); именный, данный сенату.

[6]) 1738 года, 30 октября (№ 7679); именный, данный сенату.

II.

Сенатъ. Въ древней Россіи верховная судебная власть сосредоточивалась въ Большой Боярской Думѣ. Здѣсь постановлялись окончательные судебные приговоры по дѣламъ, которыя, по какимъ-либо причинамъ, не были окончательно рѣшены въ низшихъ инстанціяхъ, и рѣшались общіе юридическіе вопросы, возникавшіе изъ частныхъ случаевъ, въ руководство судьямъ на будущее время. Послѣднее доказывается многими боярскими приговорами, изданными до единодержавія Петра Великаго, и въ первые годы его царствованія.

Въ 1711 году, Петръ Великій учредилъ сенатъ, для управленія государствомъ во время его отсутствія [1]). Сенатъ состоялъ, первоначально, изъ девяти членовъ, назначенныхъ самимъ Государемъ [2]). Въ 1718 году постановлено, что онъ долженъ состоять изъ президентовъ коллегій [3]); но въ 1722 году это положеніе отмѣнено, и велѣно было избрать другихъ президентовъ, а прежнимъ быть въ сенатѣ, вмѣстѣ съ министрами, состоящими при иностранныхъ дворахъ [4]); изъ президентовъ коллегій членами сената оставлены только президенты Воинской, Иностранной и Бергъ-Коллегіи; но и они должны были присутствовать въ сенатѣ лишь въ извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ случаяхъ [5]). Такое измѣненіе въ составѣ сената сдѣлано съ тою цѣлью, «дабы сенатскіе члены партикулярныхъ дѣлъ не имѣли, но непрестанно трудились о распорядкѣ государства и правомъ судѣ, и смотрѣли бъ надъ коллегіями, яко

[1]) 1711 года, 22 февраля (№ 2321); именный: «опредѣлили быть, для отлучекъ нашихъ, Правительствующій сенатъ, для управленія».

[2]) Тамъ же.

[3]) 1718 года, « » декабря (№ 3264); именный, п. 1.

[4]) 1722 года, 12 января (№ 3877); именный, данный сенату, п. 1.

[5]) Тамъ же, п. 2.

свободные отъ нихъ, а сами, будучи въ оныхъ, какъ могутъ сами себя судить?»[1]). Но въ послѣдствіи, президентамъ коллегій снова повелѣно присутствовать въ сенатѣ, какъ сказано въ законѣ «для малолюдства»[2]).

Вскорѣ послѣ учрежденія, сенату присвоена высшая судебная власть въ государствѣ[3]). Въ немъ рѣшались окончательно дѣла, переносились слѣдственнымъ порядкомъ и по апелляціоннымъ жалобамъ изъ коллегій[4]). Эта власть оставалась постоянно за сенатомъ, несмотря на возвышеніе и упадокъ его политической власти[5]). Сенатъ составлялъ первоначально одно общее присутствіе. Но въ царствованіе Анны Іоанновны онъ былъ раздѣленъ на департаменты (числомъ пять; изъ нихъ

[1]) Тамъ же, п. 6.

[2]) 1722 года, 16 мая (№ 4011); именный, данный сенату. Послѣдующія узаконенія о составѣ сената не представляютъ собою ничего особенно замѣчательнаго. Еще при Петрѣ Великомъ постановлено правиломъ, что сенатъ долженъ состоять изъ тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, по назначенію Государя (1722 года, 27 апрѣля (№ 3978); именный, п. 1.). Послѣднее подтверждено Екатериною I (1726 года, 7 марта (№ 4847); именный, п. 1.). Итакъ, въ составѣ сената и боярской думы не было никакого существеннаго различія. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ правительственномъ мѣстѣ, находились высшіе сановники государства, назначаемые непосредственно верховною властію.

[3]) 1711 года, 2 марта (№ 2330); именный, данный сенату, п. 1.

[4]) 1718 года, « » декабря (№ 3264); именный, п. 2 и 3. — 1722 года, 27 апрѣля (№ 3978); именный, п. 2 и 4.

[5]) Значеніе сената въ политическихъ переворотахъ Россіи, его усиленіе и упадокъ въ различныя царствованія, относятся къ исторіи государственнаго права. Замѣтимъ только, что по учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта при императрицѣ Екатеринѣ I, сенатъ велѣно называть *высокимъ, а не правительствующимъ* (1726 года, 14 марта (№ 4853); именный, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта сенату); но при Аннѣ Іоанновнѣ ему снова данъ титулъ *правительствующаго* (1730 года, 4 марта (№ 5510); манифестъ), а Елисаветою Петровною возвращены прежнія «сила и власть въ правленіи внутреннихъ всякаго званія государственныхъ дѣлъ» (1741 года, 12 декабря (№ 8480); именный).

четвертый былъ департаментъ юстиціи и «челобитческихъ дѣлъ»), которые не составляли собою отдѣленій сената, а приготовляли дѣла къ рѣшенію въ общемъ собраніи; исключеніе сдѣлано только для маловажныхъ дѣлъ; они рѣшались департаментами[1]). Но въ 1762 году «для разсмотрѣнія и рѣшенія юстицкихъ, вотчинныхъ и всякихъ однихъ апелляціонныхъ дѣлъ» былъ учрежденъ въ сенатѣ особливый департаментъ, состоявшій изъ трехъ или четырехъ сенаторовъ, подъ апелляціею, общаго собранія[2]). Этимъ положено первое основаніе настоящему устройству сената.

СУДОПРОИЗВОДСТВО.

Реформа, произведенная Петромъ Великимъ въ судоустройствѣ, пересоздала прежнія юридическія начала, на которыхъ оно было основано и образовалось исторически. Новое, введенное имъ въ Россію, не имѣло съ прежнимъ ничего общаго, и, хотя было отмѣнено, по смерти Петра Великаго, въ областномъ управленіи, однако, при Екатеринѣ II, сдѣлалось снова общимъ и почти исключительнымъ въ нашемъ законодательствѣ.

Другой характеръ имѣютъ преобразованія, начавшіяся съ Петра Великаго въ гражданскомъ судопроизводствѣ. Въ нихъ главнымъ предметомъ законодательной дѣятельности были не столько основныя юридическія начала, сколько подробное опредѣленіе формъ и уже существовавшихъ отношеній между судьями и тяжущимися, и сихъ послѣднихъ между собою. Цѣлый рядъ узаконеній со временъ Петра, относящихся къ судопроизводству, имѣетъ главною цѣлью обезпечить тяжущихся отъ корыстолюбія и несправедливости судей, судей

[1]) 1730 года, 1 іюня (№ 5570); именный, данный сенату.

[2]) 1762 года, 29 января (№ 11422); именный, объявленный сенату генералъ-прокуроромъ Глѣбовымъ.

отъ ябедъ тяжущихся, отвратить волокиты и вчинаніе пустыхъ, вымышленныхъ исковъ. Такимъ образомъ, несмотря на реформы, гражданское судопроизводство, и послѣ Петра Великаго, представляло смѣшеніе стараго съ новымъ. Этимъ смѣшеніемъ и неопредѣленностію началъ объясняется другая, важная характеристическая черта реформы въ судопроизводствѣ. На нее имѣла большое и рѣшительное вліяніе судебная практика и толкованіе законовъ присутственными мѣстами. Этотъ фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что служитъ ключемъ къ разрѣшенію многихъ, съ перваго взгляда необъяснимыхъ положеній въ гражданскомъ судопроизводствѣ.

Собственно два узаконенія ихъ примѣненіе въ судебной практикѣ произвели переворотъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ, и лежатъ въ основаніи нынѣ дѣствующихъ законовъ. Указомъ 1697 года, 21 февраля, отмѣнены судъ и очныя ставки, и введенъ розыскъ; а указомъ 1723 года, 5 ноября, установлена форма суда; всѣ прочіе законы, относящіеся къ судопроизводству, служатъ поясненіемъ или дополненіемъ этихъ двухъ указовъ. Судебная практика опредѣлила взаимное отношеніе различныхъ формъ судопроизводства, установленныхъ Петромъ Великимъ, и въ этомъ заключается ея важное вліяніе на послѣдующее развитіе гражданскаго судопроизводства.

Начало реформъ въ гражданскомъ процессѣ относится къ 1697 году. Петръ Великій, видя безчисленныя злоупотребленія, проистекавшія изъ суда и очныхъ ставокъ, отмѣнилъ ихъ и ввелъ розыскъ. Послѣдующія реформы изгладили слѣды этого важнаго переворота въ древнемъ гражданскомъ судопроизводствѣ; въ нынѣшнемъ законодательствѣ сохранились отъ него только нѣкоторыя положенія, относящіяся къ свидѣтельству. Но, въ эпоху Петра, этотъ переворотъ былъ такъ многозначителенъ по своему характеру, послѣдствіямъ и

вліянію на послѣдующія реформы, что мы считаемъ необходимымъ изложить его подробнѣе, и въ связи съ древнимъ судопроизводствомъ.

Въ періодъ Уложенія, главною, основною формою гражданскаго судопроизводства былъ судъ. Тяжущіеся являлись предъ судьями, и въ ихъ присутствіи, словесно, излагали свои доказательства и опроверженія. По особеннымъ причинамъ, въ гражданское судопроизводство введены, въ послѣдствіи, для дѣлъ помѣстныхъ и вотчинныхъ, очныя ставки и сужденіе спорныхъ дѣлъ безъ суда.

Словесное судопроизводство достигаетъ своей цѣли лишь въ первыя эпохи народной жизни, и въ періодъ возмужалости, періодъ полнаго юридическаго сознанія. Въ первомъ случаѣ, живое сознаніе обычнаго права и простота отношеній уже опредѣляютъ правильность словеснаго изложенія и опроверженій; въ послѣднемъ — логическая послѣдовательность и опредѣлительность началъ права, и бо́льшая или ме́ньшая степень юридическаго образованія. Въ эпоху, незадолго предшествующую реформѣ Петра Великаго, непосредственныя юридическія вѣрованія изчезли, а время сознанія началъ права еще не наступало. Въ эту переходную эпоху, обвѣтшавшія формы юридическаго быта стали служить поводомъ и предлогомъ къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ и неправдамъ, прикрытымъ видомъ законности.

Таковы были и судъ и очныя ставки во время Петра Великаго. Современные указы служатъ тому яснымъ доказательствомъ: «въ судѣхъ и въ очныхъ ставкахъ отъ истцовъ и отвѣтчиковъ бываетъ многая неправда и лукавство, и ищутъ многіе истцы исковъ своихъ затѣвая напрасно, также и отвѣтчики въ прямыхъ искѣхъ отвѣчаютъ неправдою жъ, составными вымыслы своими и лукавствомъ, хотя тѣми составными затѣйливыми отвѣты прямыхъ исковъ напрасно отбыть, забывъ

страхъ Божій; а иные истцы и отвѣтчики, для такихъ же своихъ коварствъ и неправды, нанимаютъ за себя въ суды и въ очныя ставки свою братью и боярскихъ людей ябедниковъ и составщиковъ же, воровъ и душевредцевъ, и за тѣми ихъ воровскими и ябедническими и составными вымыслы и лукавствомъ, въ вершеньи тѣхъ дѣлъ, правымъ и маломочнымъ людемъ въ оправданіи чинится многая волокита и напрасные харчи и убытки и разоренье, а виновнымъ, что довелось... учинить указъ, отъ того отбывательство и продолженіе, а ябедникамъ и ворамъ поживки»[1]). Итакъ, пустые, злонамѣренные иски и оправданія, безконечное продолженіе процессовъ, неправильное раскрытіе тяжебнаго дѣла — вотъ чему подавали поводъ судъ и очныя ставки. Петръ Великій хотѣлъ пресѣчь зло въ самомъ его основаніи, и для этого уничтожилъ обѣ эти формы судопроизводства, и установилъ, вмѣсто ихъ, розыскъ.

Мы уже замѣтили, что подъ розыскомъ разумѣлась, до Петра Великаго, форма уголовнаго судопроизводства. Обвиняемый къ какомъ-либо преступленіи допрашивался судьею «противъ доноса или извѣта» т. е. по тѣмъ обвинительнымъ пунктамъ, которые заключались въ доносѣ. Если онъ не сознавался, то его ставили съ очей на очи съ обвинителемъ, дѣлали объ немъ повальный обыскъ, и наконецъ пытали. Итакъ, главное различіе между судомъ и розыскомъ заключалось въ томъ, что въ судѣ тяжущіеся являлись сами передъ судьями, и вступали въ словесный споръ объ искѣ. Здѣсь приводились ими доказателства и опроверженія, и судьѣ оставалось только наблюдать за правильностію развитія спора, и удостовѣряться въ подлинности и достовѣрности доказательствъ, приводимыхъ тяжущимися. Напротивъ, сущность розыска заключалась въ допросѣ; въ немъ, по этому, не могло быть рѣчи о словесномъ

[1]) 1697 года, 21 Февраля (№ 1572); именный.

спорѣ между истцомъ и отвѣтчикомъ. Поэтому, въ розыскѣ, судьи должны были имѣть гораздо бо́льшее вліяніе на ходъ и развитіе процесса, нежели въ судѣ; ибо въ розыскѣ все движеніе процесса совершалось чрезъ посредство судьи. Во весь моментъ веденія доказательствъ онъ не былъ простымъ свидѣтелемъ того, что говорили тяжущіеся, и, такъ сказать, блюстителемъ правильнаго хода спора, но живымъ средоточіемъ тяжбы, въ которомъ сужденіе о спорномъ дѣлѣ, весьма естественно, шло рядомъ съ выслушиваніемъ доводовъ, и не могло оставаться безъ вліянія на допросъ.

Отсюда дѣлается яснымъ, съ какою цѣлью Петръ Великій уничтожилъ судъ и очныя ставки въ дѣлахъ гражданскихъ, и замѣнилъ ихъ розыскомъ. Онъ вовсе не хотѣлъ, какъ думаютъ нѣкоторые, замѣнить гражданское судопроизводство уголовнымъ, обвинительное слѣдственнымъ [1]). Видя жалкое состояніе правосудія, вслѣдствіе ябедъ, волокитъ и безчисленныхъ неправдъ тяжущихся, онъ понималъ, что словесное судопроизводство — судъ и очныя ставки — воспитывали зло, отдавая весь ходъ процесса во власть тяжущихся, и тѣмъ открывая поле ихъ дѣятельности. Ему казалось лучшимъ средствомъ противъ произвола тяжущихся, подчинить ихъ, и самое развитіе процессовъ, контролю судей, которые уже по званію своему должны быть блюстителями правосудія. Съ этою мыслью и введенъ имъ розыскъ, какъ такая форма судопроизводства, по

[1]) Доказательствомъ можетъ служить указъ 1697 года, 16 марта (№ 1576), изданный въ дополненіе и поясненіе указа 1697 года, 21 февраля. Въ этомъ указѣ излагаются правила о допросѣ отвѣтчиковъ, о взиманіи проѣстей и волокитъ «въ нынѣшнихъ розыскныхъ дѣлѣхъ», а въ концѣ сказано: «А которыя статьи въ Уложеньѣ надлежатъ къ *розыску,* и по тѣмъ статьямъ *розыскивать по прежнему*». Очевидно, что Петръ Великій отличалъ розыскныя дѣла гражданскія, отъ розыскныхъ уголовныхъ, и что розыскъ, установленный имъ для первыхъ, имѣлъ существенное различіе отъ розыска, которымъ судились послѣднія.

которой судьи принимаютъ дѣятельное участіе въ ходѣ и развитіи спорнаго дѣла, и тѣмъ стѣсняется произволъ истца и отвѣтчика[1]).

Введеніе розыска въ дѣлахъ гражданскихъ, вмѣсто судовъ и очныхъ ставокъ, имѣло весьма важныя послѣдствія для судебной практики. Современники Петра не поняли цѣли, съ которою онъ замѣнилъ суды розыскомъ, да и трудно имъ было понять ее; ибо въ указѣ было просто сказано, что вводится розыскъ, а слово розыскъ, какъ мы видѣли, имѣло въ то время нѣсколько различныхъ значеній, и чаще всего употреблялось въ смыслѣ уголовнаго судопроизводства. Отсюда большая шаткость, неопредѣленность гражданскаго судопроизводства того времени. Бывали случаи, что въ дѣлахъ чисто гражданскихъ прибѣгали къ пыткѣ; съ другой стороны судьи и приказные люди, воспитанные на старыхъ началахъ права, очень хорошо понимали, что между уголовнымъ и гражданскимъ судопроизводствомъ должно быть существенное различіе, и тол-

[1]) Въ рѣчи объ Уложеніи, г. проф. Морошкинъ говоритъ, что одни дѣла *некрѣпостныя* судились *розыскомъ,* слѣдственною формою судопроизводства, и приводитъ въ доказательство слѣдующее мѣсто, вѣроятно взятое изъ указа 1697 года, 21 февраля: «крѣпостныя дѣла по крѣпостямъ, некрѣпостныя по розыску».

Это мнѣніе кажется намъ не совсѣмъ справедливымъ. Розыскъ, какъ видно изъ предыдущаго, въ отношеніи къ дѣламъ гражданскимъ не означалъ формы судопроизводства, а сужденіе и рѣшеніе дѣла безъ суда. Что же касается до мѣста, на которомъ г. Морошкинъ основываетъ свое мнѣніе, будто бы розыскомъ судились одни дѣла некрѣпостныя, то вотъ подлинныя слова указа: «А *быть* по вышеписанному, вмѣсто судовъ и очныхъ ставокъ, *розыскужъ, въ крѣпостныхъ дѣлахъ по крѣпостямъ, а въ некрѣпосныхъ дѣлахъ по розыску*». (п. 12). Смыслъ этого мѣста очевидно тотъ: всѣ дѣла, крѣпостныя и некрѣпостныя, судить розыскомъ; но первыя по крѣпостямъ, а послѣднія по некрѣпостнымъ доказательствамъ, каковы свидѣтельство, общая правда, повальный обыскъ и т. д. Въ этомъ смыслѣ розыскъ употребляется во многихъ мѣстахъ Уложенія и указахъ того времени, и здѣсь, очевидно, не означаетъ формъ судопроизводства.

куя слово розыскъ въ смыслѣ уголовнаго процесса, старались удержать судъ для дѣлъ гражданскихъ. Какъ бы то ни было, достовѣрно то, что въ практикѣ прежнее раздѣленіе на судъ и розыскъ удержалось [1]). Это, и въ особенности, какъ должно думать, сужденіе дѣлъ гражданскихъ уголовнымъ порядкомъ, побудили Петра Великаго, въ 1723 году, издать извѣстное въ нашемъ законодательствѣ положеніе о формѣ суда [2]). Объ этой формѣ судопроизводства существуютъ у насъ два противуположныхъ мнѣнія. Одни думаютъ, что она была такимъ же нововведеніемъ, какъ и бо́льшая часть учрежденій, данныхъ Россіи Петромъ Великимъ; другіе, напротивъ, видятъ въ ней возстановленіе нашего древняго суда, формы гражданскаго судопроизводства, разумѣется видоизмѣненной сообразно съ потребностями времени. Послѣднее мнѣніе впервые высказано г. профессоромъ Морошкинымъ, сначала на лекціяхъ, потомъ печатно, въ рѣчи объ Уложеніи [3]).

Ближайшее разсмотрѣніе формы суда не оставляетъ, какъ намъ кажется, никакого сомнѣнія въ справедливости послѣдняго предположенія.

1. Формою суда введено словесное, обвинительное судопроизводство. Тяжущіеся должны были являться на судъ сами, или посылать за себя повѣренныхъ [4]); по явкѣ ихъ, отвѣтчику читались обвинительные пункты истца, и онъ долженъ былъ отвѣчать на нихъ словесно (принимать отъ него письменные отвѣты было строго запрещено закономъ [5]). Эта форма судопроизводства имѣетъ такое разительное сходство съ на-

[1]) 1723 года, 5 Ноября (№ 5344)); именный.

[2]) Тамъ же, въ началѣ.

[3]) Рѣчь объ Уложеніи.

[4]) 1723 года, 5 ноября (№ 4344); именный, п. 7.

[5]) Тамъ же, п. 3. «*Отвѣчать словесно,* а письменнаго отвѣта отнюдь не принимать».

шимъ древнимъ судомъ, что не возможно отвергать ихъ близкаго сродства между собою, не имѣя положительныхъ доказательствъ противнаго.

2) Если мы вникнемъ въ отдѣльныя положенія о судопроизводствѣ, постановленныя указомъ о формѣ суда, то увидимъ, что всѣ они клонятся исключительно къ исправленію и поясненію тѣхъ частей нашего древняго гражданскаго судопроизводства, которыя наиболѣе подавали поводъ къ злоупотребленіямъ. Это отношеніе между законоположеніями о древнемъ судѣ и формѣ суда, при одинаковости основныхъ началъ сихъ послѣднихъ, служитъ еще сильнѣйшимъ доказательствомъ ихъ внутренняго и историческаго сродства между собою.

а) Главный недостатокъ нашего стариннаго суда заключался въ томъ, что онъ не обезпечивалъ тяжущихся отъ безконечнаго продолженія тяжебъ. Неправые истцы и отвѣтчики, разумѣется, пользовались этимъ, и вводили своихъ противниковъ въ большія издержки, и даже раззоряли въ конецъ; то и другое происходило отъ того, что судъ требовалъ, необходимо, личнаго присутствія тяжущихся, или ихъ повѣренныхъ. Нерѣдко тяжущіеся, не имѣя кому повѣрить своей тяжбы, должны были сами пріѣзжать издалека въ то мѣсто, гдѣ происходилъ судъ, и проживали тамъ, до окончанія процесса, послѣднее имущество. Средствъ къ продолженію суда было много. Одинъ изъ тяжущихся могъ безусловно требовать отсрочки суда для доставленія нужной крѣпости, или для того, чтобъ изготовиться къ отвѣту. Онъ могъ также безконечно волочить процессъ неявкою по первымъ вызовамъ, позднею явкою, просрочкою и т. д. Именно на эти-то возможные случаи промедленія процесса, которымъ подавала поводъ неопредѣленность прежнихъ законовъ, Петръ Великій обратилъ особенное вниманіе при введеніи формы суда. По подачѣ истцомъ прошенія, отвѣтчикъ призывался въ судъ (о позывѣ въ судъ не постановлено

никакихъ правилъ), и ему сообщалась тамъ копія съ прошенія «для вѣдѣнія къ оправданію», и очевидно съ тою цѣлью, чтобъ отнять возможность требовать отсрочки суда для соображенія отвѣта. Черезъ семь дней послѣ полученія копіи, отвѣтчикъ непремѣнно долженъ былъ явиться на судъ, въ чемъ и давалъ реверсъ при полученіи копіи съ прошенія. Впрочемъ отвѣтчика отпускали изъ суда только въ такомъ случаѣ, если его движимое и недвижимое имѣніе могли обезпечить искъ; въ противномъ случаѣ, по немъ собирали поруки, но не далѣе недѣли, а если порукъ не было, его держали подъ арестомъ[1]).

Итакъ, во всякомъ случаѣ, между объявленіемъ отвѣтчику объ искѣ и сообщеніемъ ему копіи съ прошенія, и началомъ суда, не должно было, по формѣ суда, проходить болѣе одной недѣли. Тотъ же самый срокъ, и въ продолженіи того же самаго времени, давался и истцу; это отнимало у него всякую возможность и право требовать отсрочки для собранія нужныхъ документовъ, кромѣ развѣ въ случаѣ непредвидимаго возраженія со стороны отвѣтчика. Но и эта отсрочка давалась только одинъ разъ въ продолженіи всего процесса. Такъ же строго опредѣленъ и самый ходъ суда. Въ положеніяхъ, сюда относящихся, видно стремленіе законодательства противодѣйствовать волокитамъ и ябедническимъ отговоркамъ. Тяжущіеся должны били явиться на судъ не позднѣе 8 часовъ; кто являлся позднѣе, тому предписывали явиться на другой день. Если то же повторялось во второй разъ, то его удерживали въ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ происходить судъ, до слѣдующаго утра.

Неявившійся тяжущійся (исключая тѣхъ, которые представляли законныя причины неявки) отыскивался съ барабаннымъ боемъ, и публиковался указъ, чтобъ онъ явился въ продолже-

[1]) Тамъ же, п. 5.

ніи недѣли; если онъ не являлся, или явившись, не представлялъ законной причины неявки, то обвинялся въ искѣ [1]).

b) По древнему судопроизводству, ходъ обвиненій истца и возраженій отвѣтчика былъ чрезвычайно произволенъ. Сперва вычитывали отвѣтчику челобитную истца. Нерѣдко она была длинна, утомительна, и заключала въ себѣ нѣсколько различныхъ исковъ, смѣшанныхъ въ изложеніи, такъ что отвѣтчикъ затруднялся, ка́къ и на что отвѣчать ему, и просилъ отсрочки. Съ другой стороны и отвѣчикъ, вмѣсто того чтобъ возражать на обвиненіе истца, самъ обвинялъ его въ чемъ либо, или взводилъ доносъ, или объяснялъ искъ враждою, старыми обидами и т. д. словомъ, отклонялся отъ дѣла и запутывалъ процессъ, вводя въ него посторонніе предметы, новые иски, и нарушая правильное развитіе доказательствъ и опроверженій— одно изъ самыхъ существенныхъ условій судопроизводства.

Для того чтобъ дать правильный, логическій ходъ процессу, Петръ Великій измѣнилъ прежнюю форму челобитенъ, и велѣлъ писать ихъ по пунктамъ: каждый пунктъ долженъ былъ заключать въ себѣ особливое обвиненіе, отдѣльную статью жалобы, со всѣми къ ней относящимися доказательствами, такъ чтобъ объ этой же статьѣ болѣе не упоминалось въ другихъ пунктахъ [2]). Въ этомъ раздробленномъ видѣ, искъ дѣлался предметомъ судоговоренія. Сперва отвѣтчику читался одинъ пунктъ. Отвѣтъ долженъ былъ прямо и непосредственно относиться только къ этому пункту; строго было запрещено говорить въ отвѣтѣ о постороннемъ, или о другихъ пунктахъ [3]). Если отвѣтъ заключалъ въ себѣ ссылку на «даль-

[1]) Тамъ же, п. 6.

[2]) Тамъ же, п. 1: «какъ челобитныя, такъ и доношенія, писать пунктами, *такъ чисто, дабы что писано въ одномъ пунктѣ, въ другомъ бы того не было*».

[3]) Тамъ же, п. 3. «Когда станутъ честь первый пунктъ, тогда отвѣчать...

нюю справку», то «дабы время не тратить», приступали къ чтенію другаго пункта; если же отвѣтъ самъ въ себѣ былъ полонъ, то предоставлялось возражать истцу, потомъ опять отвѣтчику. Для ускоренія хода суда, строго было запрещено давать тяжущимся отсрочки. Только отвѣтчику давался поверстный срокъ, для доставленія документовъ нужныхъ къ дѣлу [1]). Такое раздѣленіе челобитной на пункты, при бóльшей степени юридическаго образованія, нежели какое мы имѣли во времена Петра Великаго, дѣйствительно могло имѣть результатомъ болѣе послѣдовательное, строгое и логически необходимое движеніе тяжбы въ судѣ. Каждый пунктъ, по намѣренію Петра Великаго, долженъ былъ заключать въ себѣ отдѣльную часть иска. Мéньшій объемъ и мéньшая сложность, запутанность этой части, въ сравненіи съ цѣлымъ искомъ, нерѣдко заключавшимъ въ себѣ нѣсколько разнородныхъ исковъ, очевидно должны были упростить самое судоговореніе, и дать бóльшую возможность судьѣ предупреждать всякія отклоненія тяжущихся отъ предмета тяжбы, и наблюдать за строгою правильностію и послѣдовательностію судоговоренія. Поэтому составленіе челобитенъ по пунктамъ въ началѣ не было вовсе пустою формою, а должно было имѣть весьма важное значеніе въ движеніи процесса.

на оной только, а не на всѣ, и не только посторонняго, но ниже о другихъ пунктахъ говорить, ниже обличать отвѣтчику того, кто бьетъ челомъ, или доноситъ, въ какихъ его противныхъ дѣлахъ, кромѣ того пункта»...

[1]) Тамъ же, п. 4. Въ положеніи о формѣ суда не опредѣлено именно, сколько разъ могли тяжущіеся, попеременно, доказывать и опровергать спорный пунктъ иска; но кажется, что при изданіи указа, Петръ Великій имѣлъ въ виду только два спора по каждому пункту; одинъ главный, другой дополнительный, и потому оставилъ этотъ предметъ безъ ближайшаго опредѣленія. Это видно изъ слѣдующихъ словъ: «А когда (отвѣтчикъ) первый пунктъ совсѣмъ очиститъ... тогда спросить истца: имѣетъ ли онъ еще что доказательства, и потомъ отвѣтчика, что онъ имѣетъ ли болѣе къ оправданію, и буде не имѣетъ, велѣть руки приложить»...

c) Кромѣ медленности и проволочки, въ судахъ нашихъ укоренились, отъ неопредѣленности законовъ, и многія другія злоупотребленія. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ дѣлахъ некрѣпостныхъ винили и безъ суда «неявкою». Ябедники, разумѣется, воспользовались этимъ. Когда срокъ явки къ суду приближался, одинъ изъ тяжущихся вчинялъ противъ своего противника другой искъ, и въ другомъ приказѣ. По новому иску, послѣдняго требовали къ суду, между тѣмъ какъ, по прежнему, въ другомъ приказѣ, онъ просрочивалъ и обвинялся въ искѣ, очевидно безъ всякой вины. Противъ этого въ формѣ суда постановлено правиломъ, чтобъ никакое присутственное мѣсто не задерживало тѣхъ, которые имѣютъ гдѣ либо тяжбу, или задержавъ, немедленно извѣщало о томъ, кого слѣдуетъ, чтобъ не подвергнуть тяжущагося неправильному обвиненію неявкою[1]). Другой случай. Въ древнихъ постановленіяхъ о судопроизводствѣ, отношенія между довѣрителями и повѣренными, по спорнымъ дѣламъ были чрезвычайно неопредѣленны, да и самая подпись вѣрителя подъ челобитною, которую долженъ былъ подать повѣренный, установлена не задолго до Петра Великаго. Тяжущіеся воспользовались и этимъ. Процессъ, проигранный повѣреннымъ, довѣритель вчинялъ снова, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не довѣрялъ никому вести тяжбы. Случалось также, что отъявленный ябедникъ, стакнувшись съ однимъ изъ тяжущихся, называлъ себя родственникомъ, другомъ или близкимъ другаго, принималъ на себя веденіе его тяжбы, и проигрывалъ процессъ умышленно. Петръ Великій дозволилъ допускать къ суду повѣренныхъ «только съ письмами вѣрющими, что̀ оный (повѣренный) учинитъ, онъ (довѣритель) прекословить не будетъ»[2]).

[1]) Тамъ же, п. 6.
[2]) Тамъ же, п. 7.

3) Наконецъ, доказательствомъ того, что подъ названіемъ формы суда Петръ Великій возстановилъ наше древнее гражданское судопроизводство, служатъ слѣдующія слова указа 1723 года, 5 ноября: «понеже о формѣ суда многіе указы прежде были сочинены, изъ которыхъ нынѣ собрано, и какъ судить надлежитъ, тому форма яснѣе изображена, по которой во всякихъ дѣлахъ, какого бъ оныя званія ни были, исполнять должно, а не по старымъ указамъ; ибо въ судахъ много даютъ лишняго говорить, и много ненадобнаго пишутъ, что весьма запрещается; и не надлежитъ различать (какъ прежде бывало) одинъ судъ, другой розыскъ, но токмо одинъ судъ»... Здѣсь упоминаются старые указы о судопроизводствѣ, служившіе основаніемъ при составленіи формы суда; послѣдняя должна, по словамъ указа, яснѣе изображать то, что заключалось въ первыхъ. Спрашивается, о какихъ именно указахъ упоминается здѣсь? очевидно не объ Уставѣ Воинскаго Процесса, изданномъ въ 1716 году, ибо онъ не былъ отмѣненъ изданіемъ формы суда, и продолжалъ дѣйствовать послѣ 1723 года; не къ розыску — потому что розыскъ, по главнымъ своимъ началамъ, не имѣлъ ничего общаго съ формою суда, и, слѣдовательно, не могъ служитъ ей основаніемъ; остается предположить, что подъ старыми указами Петръ Великій разумѣлъ Уложеніе и Новоуказныя Статьи, въ которыхъ, дѣйствительно судъ, изложенъ довольно подробно.

Итакъ, въ 1723 году, Петръ Великій возстановилъ нашъ древній судъ, отмѣненный розыскомъ. Причины этого возвращенія къ прежней формѣ судопроизводства, задолго до того времени найденной неудобною, съ точностью неизвѣстны. Главною изъ нихъ были, по всѣмъ вѣроятіямъ, требованія судебной практики. Сужденіе гражданскихъ процессовъ уголовнымъ порядкомъ, вслѣдствіе ложнаго толкованія слова розыскъ, заставило почувствовать необходимость гражданскаго,

обвинительнаго судопроизводства. Въ практикѣ, послѣднее продолжало существовать подъ формою суда. Вѣроятно по этому, Петръ Великій снова обратился къ суду, и возстановилъ его съ тѣми измѣненіями и дополненіями, коихъ требовала недостаточность и неопредѣленность прежнихъ законовъ о судѣ, обнаруженныя практикою и злоупотребленіями.

Возстановленіе суда было послѣднею важною реформою общаго гражданскаго судопроизводства въ избранный нами періодъ времени. Послѣдствія ея были неизчислимы. Въ послѣдующемъ періодѣ они породили потребность новыхъ реформъ, которыя продолжались до позднѣйшаго времени, и теперь продолжаются. Реформа 1723 года была тѣмъ несравнено важнѣе предыдущихъ, что ею уголовное и гражданское судопроизводство, дотолѣ строго отдѣленныя другъ отъ друга, слиты въ одно; розыскъ въ дѣлахъ уголовныхъ уничтоженъ [1]). Даже Уставъ Воинскаго Процесса, дѣйствовавшій до того времени независимо, и неподвергавшійся ни какимъ существеннымъ реформамъ, уступилъ мѣсто суду [2]). Раскрытіе послѣдствій этого переворота въ уголовномъ и военномъ судопроизводствѣ не входитъ въ предѣлы настоящаго разсужденія.

Примѣчанія. I. Въ общемъ обзорѣ реформъ гражданскаго процесса, мы коснулись однихъ главныхъ, основныхъ положе-

[1]) 1723 года, 5 ноября (№ 4344); именный, въ началѣ «не надлежитъ различать (какъ прежде бывало) *одинъ судъ, другой розыскъ,* но токмо одинъ судъ», п. 5: «надлежитъ прежде суда (кромѣ сихъ дѣлъ: измѣны, злодѣйства или словъ противныхъ на Императорское Величество и Его Величества фамилію и бунтъ) дать списокъ отвѣчику съ пунктовъ»... (Указомъ сената, 1725 года, 3 мая (№ 4713), объяснено, что подъ *злодѣйствомъ* должно разумѣть богохульство, церковный мятежъ, расколъ, смертоубійство, разбой, татьбу съ поличнымъ). Въ концѣ: «Всѣ суды и розыски имѣютъ по сей формѣ отправляться, *не толкуя, что сія форма суда къ тому служитъ, а къ другому не служитъ*»...

[2]) 1724 года, 30 ноября (№ 4607); Указъ изъ Военной Коллегіи.

нiй, и опустили измѣненiя, сдѣланныя въ частяхъ судопроизводства. Такихъ измѣненiй было много. Бóльшая часть изъ нихъ принадлежитъ Петру Великому. Важнѣйшiя сутъ слѣдующiя: 1) въ ученiи о тяжущихся лицахъ. Нѣкоторымъ лицамъ, какъ то: архимандритамъ, игуменамъ, монахамъ и монахинямъ, запрещено быть самимъ ходатаями по дѣламъ. 1727 года, 31 iюня (№ 5135); сvнодскiй. 1738 года, 23 января (№ 7493); сvнодскiй. — 2) О судебномъ представительствѣ. Со временъ Петра Великаго, свободное судебное представительство получило чисто-гражданскiй характеръ; безъ вѣрющаго письма повѣренный не допускался къ суду. 1700 года, 14 февраля (№ 1755); именный. 1713 года, 24 апрѣля (№ 2671); именный, обявленый изъ сената, п. 6. 1719 года, 15 января (№ 3282); именный, объявленный изъ сената. 1720 года, 28 декабря (№ 3696); сенатскiй. 1721 года, 16 февраля (№ 3736); именный, состоявшiйся въ сенатѣ. Мы видѣли, что въ постановленiи о формѣ суда, содержанiе вѣрющаго письма опредѣлено точнѣе («что оный учинитъ, онъ прекословить не будетъ» 1723 года, 5 ноября (№ 4344), п. 7); въ послѣдствiи запрещено допускать повѣренныхъ къ апелляцiи, если объ этомъ правѣ не упомянуто въ вѣрющихъ письмахъ. 1775 года, 21 октября (№ 14382); указъ изъ Военной Коллегiи. — 3) Объ отводахъ судей. Отводъ судей служилъ, во времена Петра Великаго, предлогомъ къ продолженiю тяжебъ. Иногда тяжущiеся объявляли подозрѣнiя противъ судей, безъ всякой основательной причины, для того только, чтобъ выиграть время. Вслѣдствiе этого, были изданы многiя узаконенiя объ отводѣ судей. 1697 года, 7 октября (№ 1597); именный. 1720 года, 5 января (№ 3480); именный, данный сенату. 1720 года, 4 мая (№ 3577); именный, объявленный изъ Юстицъ-коллегiи. 1723 года, 25 октября (№ 4338). 1723 года, 20 мая (№ 4506);

именный, объявленный изъ сената, въ пополненіе указа 1723 года, 25 октября. 1724 года, 13 ноября (№ 4593); именный. 1743 года, 28 октября (№ 8812); сенатскій. На основаніи этихъ указовъ, тяжущійся долженъ былъ подавать объ отводѣ челобитную, до подписанія срочныхъ сказокъ о явкѣ къ суду; если онъ отводилъ президента, то прошеніе его представлялось высшему суду, который переносилъ дѣло въ другой судъ; если же отводили одного изъ членовъ, то дѣло оставалось въ томъ же судѣ, но отводимый не принималъ участія въ рѣшеніи. Главными законными причинами отвода были свойство или недружба. Кромѣ того, допущены и другія; нѣкоторыя изъ нихъ изчислены въ указѣ 1724 года, 13 ноября, и вошли въ Сводъ Гражданскихъ законовъ. — 4) Объ обезпеченіи иска. Постановлено собирать поруки по истцахъ. 1698 года, 6 мая (№ 1631); боярскій приговоръ. Со введеніемъ формы суда, личная порука замѣнена вещною: искъ обезпечивался имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ; только при недостаткѣ имущества прибѣгали къ порукѣ. — 5) О доказательствахъ: запрещено допускать къ свидѣтельству раскольниковъ и три года небывшихъ у исповѣди. 1724 года, 4 іюня (№ 4526); именный, объявленный изъ сената. 1745 года, 17 декабря (№ 9237); сенатскій. Запрещено допускать къ крестоцѣлованію одно лице вмѣсто другаго («А у вѣры быть истцу и отвѣтчику самимъ, а не дѣтемъ, не свойственникомъ, и не людемъ ихъ и крестьяномъ»). 1697 года, 21 февраля (№ 1572); именный, п. 7. 6) О мѣрахъ взысканія. Уничтоженъ правежъ, и замѣненъ отсылкою на галеры, отдачею въ работу и въ прядильный домъ; за каждый мѣсяцъ работы выдавался рубль въ уплату долга. 1718 года, 15 января (№ (3140); именный, объявленный изъ сената. 1720 года, 12 декабря (№ 3685); именный. 1722 года, 6 апрѣля (№ 3950); именный. 1722 года, 18 сентября (№ 4093); сенатскій. Унич-

тожена выдача головою, и замѣнена ссылкою. 1701 года, 4 іюля (№ 1863); именный. — 7) О частныхъ и апелляціоныхъ жалобахъ изданы весьма важныя постановленія, служащія основаніемъ теперешнихъ законоположеній объ этомъ предметѣ. Императрицею Екатериною II, установленъ апелляціонный обрядъ: подписка удовольствія или неудовольствія, годичный апелляціонный срокъ, и отсылка дѣлъ изъ низшаго присутственнаго мѣста въ высшее, въ случаѣ апелляціи. 1762 года, 30 іюля (№ 11629); именный. Петръ Великій установилъ полугодичный срокъ для рѣшенія дѣлъ присутственными мѣстами, и дозволилъ тяжущимся, по истеченіи этого срока, приносить жалобу на медленность и проволочку дѣла. 1714 года, 8 декабря (№ 2865); именный, объявленный изъ сената. 1720 года, 4 мая (№ 3577); именный, объявленный изъ Юстицъ-коллегіи. 1724 года, « » (№ 4624); Инструкція магистратамъ, п. 4. При всѣхъ этихъ измѣненіяхъ, первыя инстанціи остались, по прежнему, въ строгомъ смыслѣ судебными, а прочія ревизіонными; это видно изъ того, что Петръ Великій велѣлъ представить сенату «для наказанія» тѣхъ просителей, которые будутъ подавать Рекетмейстеру дополнительныя челобитныя послѣ суда и допросовъ. 1722 года, 5 Февраля (№ 3900); Наказъ Рекетмейстеру, п. 4, — и что въ высшихъ инстанціяхъ дѣлались только выписки изъ дѣлъ, а не производили новаго суда. Тамъ же, п. 2. 1721 года, 29 апрѣля (№ 3776); сенатскій, и многіе другіе. По учрежденію для управленія губерній, изъ областныхъ инстанцій нижнія были судебныя, вторыя и судебныя и ревизіонныя, и высшія (уголовная и гражданская палаты) чисто ревизіонныя (ст. 108, 116, 181, 323, 367).

II. Кромѣ реформъ въ общемъ гражданскомъ судопроизводствѣ, произошли въ этотъ періодъ важныя перемѣны и нововведенія и въ особенныхъ его Формахъ. При Петрѣ Великомъ

изданъ уставъ военнаго[1]), а при Петрѣ Второмъ уставъ таможеннаго суда. Форма военнаго суда была издана, первоначально, исключительно для военныхъ (гл. I, п. 3, 2) и 5)) и рѣзко отличалась ото всѣхъ прочихъ формъ судопроизводства, принятыхъ въ нашемъ законодательствѣ, тѣмъ, что допускала письменное производство, вмѣсто словеснаго (гл. IV, п. 2). Поэтому, хотя указомъ Петра Великаго и постановлено, что Воинскій Уставъ «касается до всѣхъ правителей земскихъ» (1716 года, 10 апрѣля (№ 3010); именный, данный сенату), однако форма военнаго суда не могла сдѣлатся основною формою гражданскаго судопроизводства, особливо послѣ указа 1723 года, 5 ноября, которымъ строго запрещено было принимать на судѣ письменные отвѣты. Итакъ, все вліяніе воинскаго процесса на гражданское судопроизводство должно было, въ то время, ограничиться однимъ примѣненіемъ устава о военномъ судѣ къ тѣмъ частямъ гражданскаго судопроизводства, которыя, въ первомъ, были развиты полнѣе и лучше, напримѣръ, къ ученію объ отводахъ, свидѣтельствѣ, присягѣ, и т. д. Такъ дѣйствительно и было. Мы не знаемъ навѣрное, въ какой степени сильно было это вліяніе, но можемъ сказать утвердительно, что форма суда, изданная Петромъ Великимъ, оставалась главною основною формою гражданскаго судопроизводства долгое время послѣ него, и даже въ царствованіе Екатерины II. (1752 года, 30 іюня (№ 10002); указъ изъ юстицъ-коллегіи. 1761 года, 4 января (№ 11181); сенатскій. 1763 года, 10 сентября (№ 11913); сенатскій, вслѣдствіе Высочайше утвержденнаго доклада августа 25). Напротивъ, въ настоящее время письменное судопроизводство, введенное впервые съ изданіемъ положенія о воинскомъ процессѣ, состав-

[1]) 1716 года, 30 марта (№ 3006); Воинскій уставъ, III часть. Краткое изображеніе процессовъ, или судебныхъ тяжебъ.

ляетъ основную форму общаго гражданскаго процесса, а судъ по формѣ — словесное судопроизводство — сдѣлалось второстепенною, дополнительною формою, къ которой прибѣгаютъ тяжущіеся и присутственныя мѣста только въ крайнихъ случаяхъ, когда обыкновеннымъ, письменнымъ производствомъ невозможно рѣшить, кто правъ, истецъ или отвѣтчикъ. Когда произошла эта реформа неизвѣстно, потому что не было указа, которымъ бы словесное производство спорныхъ гражданскихъ дѣлъ велѣно было замѣнить письменнымъ. Первый поводъ ко введенію письменнаго производства въ гражданскій процессъ должно было, по всѣмъ вѣроятіямъ, подать учрежденіе для управленія губерній; ибо въ немъ или вовсе не говорится о формѣ, по которой должны быть судимы спорныя гражданскія дѣла (такъ въ статьяхъ объ уѣздномъ судѣ, городовомъ магистратѣ, и нижней расправѣ), или упоминается одно письменное производство. Особенно замѣчательно то, что о послѣднемъ упоминается только въ статьяхъ о судебныхъ мѣстахъ второй инстанціи, которыя, по главному своему назначенію, были суды ревизіонные, и именно въ отношеніи къ спорнымъ дѣламъ, судимымъ впервые (ст. 181, 323, 367). Можетъ быть на основаніи этого мимоходнаго указанія и введено письменное судопроизводство въ гражданскихъ судахъ. Этому вѣроятно содѣйствовало и то, что словесное судопроизводство становилось болѣе и болѣе затруднительнымъ и тягостнымъ (что доказывается рѣдкимъ употребленіемъ этой формы въ наше время) и не представляло важныхъ удобствъ, связанныхъ съ письменнымъ производствомъ. Словесное судопроизводство необходимо требовало личнаго присутствія тяжущихся, или ихъ повѣренныхъ, тамъ, гдѣ происходилъ судъ, а письменное судопроизводство этого вовсе не требовало. При томъ, послѣднее давало болѣе средствъ тяжущимся обдумать и правильно изложить свои доказательства и опроверженія, нежели словесное;

случайныя обстоятельства (замѣшательство, робость, неожиданность, возраженія и т. подобн.) не имѣли почти ни какого вліянія на ходъ тяжбы въ письменномъ судопроизводствѣ, а въ словесномъ могли рѣшать окончательно судьбу процесса. Эти, а можетъ быть и другія причины, заставили судей и тяжущихся предпочесть письменное судопроизводство словесному, и ввели первое во всеобщее употребленіе. Но какъ форма суда не была отмѣнена указомъ, то и было предоставлено тяжущимся избирать ту или другую форму судопроизводства. Это положеніе, развившееся изъ обычая и судебной практики, перешло и въ Сводъ Законовъ.

Гораздо труднѣе опредѣлить, на какомъ основаніи форма суда получила въ нашемъ законодательствѣ значеніе дополнительнаго судопроизводства? Причины, которыя приводятся обыкновенно, недостаточны, и не выдерживаютъ критики. Многіе думаютъ, что форма суда даетъ тяжущимся такія средства защиты, которыхъ не представляетъ письменное судопроизводство. Какія же именно? Не должно забывать, что какъ обыкновенное гражданское судопроизводство, такъ и форма суда, требуютъ, чтобъ въ дѣлахъ гражданскихъ доводы и опроверженія были основаны на положительныхъ, формальныхъ доказательствахъ, ибо въ гражданскомъ судопроизводствѣ улика не имѣетъ юридической силы. Итакъ, если улика — единственное средство защиты, котораго не даетъ письменное судопроизводство, — не имѣетъ никакого значенія въ судѣ по формѣ, то какія же преимущества можетъ онъ имѣть, для тяжущихся, предъ письменнымъ судопроизводствомъ? Скорѣе, и съ бо́льшимъ основаніемъ можно думать, что письменное судопроизводство представляетъ тяжущимся несравненно болѣе средствъ глубоко вникнуть въ существо спорнаго дѣла, и воспользоваться всѣмъ, что можетъ только служить къ опроверженію противника, и защищенію своего пра-

ва. Намъ кажется, что образованіе изъ формы суда дополнительной формы судопроизводства имѣетъ одно историческое основаніе, и можетъ быть объяснено не иначе, какъ положеніями и духомъ древняго судопроизводства, который, во времена Екатерины II, не совсѣмъ еще изчезъ въ нашей судебной практикѣ. Мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ судъ по одному и тому же дѣлу давался два раза. Если по первому суду нельзя было рѣшить дѣла, по недостатку доказательствъ, то тяжущимся снова давали судъ, и уже потомъ рѣшали дѣло, или на основаніи приведенныхъ доказательствъ, или на основаніи присяги. Когда спорныя гражданскія дѣла стали производиться письменно, и въ гражданскомъ процессѣ образовались двѣ различныя формы, коихъ взаимное отношеніе не было строго опредѣлено ни закономъ, ни практикою, — къ этимъ формамъ легко могло быть приложено прежнее правило, по которому судъ, въ одномъ и томъ же дѣлѣ, при недостаточности доказательствъ, давался два раза. А какъ письменное судопроизводство сдѣлалось главною, основною формою, то судъ по формѣ занялъ въ практикѣ мѣсто прежняго дополнительнаго суда, и сохранилъ это назначеніе и до нашего времени. Это объясненіе, не будучи основано ни на какихъ положительныхъ, историческихъ данныхъ, есть не болѣе, какъ одно предположеніе. Только разработка архивовъ и старыхъ судебныхъ дѣлъ, относящихся къ этой эпохѣ, можетъ пролить свѣтъ на доселѣ загадочную исторію развитія нашихъ процессуальныхъ формъ; ибо опредѣленіе ихъ взаимныхъ отношеній, ихъ бóльшая или мéньшая употребительность, находились въ большой зависимости отъ судебной практики, и почти исключительно на ней одной и основывались.

III. Таможенные словесные суды. По древнему русскому законодательству, таможенный судъ былъ установленъ для споровъ между купцами, по дѣламъ, исключительно отно-

сившимся къ купеческимъ оборотамъ, и отличался отъ обыкновеннаго гражданскаго суда только тѣмъ, что во 1-хъ, производился скорѣе, съ меньшею формальностію; во 2-хъ, допускалъ по спорнымъ дѣламъ о займахъ, поклажахъ и ссудахъ некрѣпостныя доказательства, которыя, въ обыкновенномъ судѣ, считались въ такихъ дѣлахъ недѣйствительными, и въ 3-хъ, производился безпошлинно. Всѣ эти отступленія отъ обыкновеннаго судопроизводства, очевидно, образовались вслѣдствіе приспособленія древняго суда къ дѣламъ купеческимъ, которыя, по существу своему, требовали скораго производства, не могли быть строго формальны по быстротѣ, неожиданности торговыхъ операцій, и началу взаимнаго довѣрія, доброй совѣсти, необходимо преобладающему въ купеческихъ сдѣлкахъ. Указами 1701, 1703 и 1720 годовъ, Петръ Великій постановилъ «никому... ни какихъ крѣпостей и заемныхъ памятей и росписокъ и домашнихъ писемъ... мимо учиненныхъ крѣпостныхъ и писчихъ избъ, также и бурмистрамъ въ таможенныхъ книгахъ ни какихъ долговыхъ денегъ вмѣсто крѣпостей, писать, а у кого такія явятся, онымъ не вѣрить» [1]. Такимъ образомъ, всѣ некрѣпостныя денежныя сдѣлки и условія объявлены недѣйствительными передъ судомъ, и вслѣдствіе этого, таможенный судъ долженъ былъ самъ собою уничтожиться.

Отсюда произошло большое стѣсненіе купеческихъ и торговыхъ оборотовъ. Часто успѣхъ важной торговой операціи зависѣлъ отъ одной минуты, послѣ которой сдѣлка не могла уже принести ни какой пользы; совершить же ее въ одну минуту крѣпостнымъ порядкомъ было невозможно. Съ признаніемъ юридической недѣйствительности некрѣпостныхъ денежныхъ обязательствъ, должны были уничтожиться и договоры, осно-

[1]) 1726 года, 1 февраля (№ 4828); сенатскій.

ванные на честномъ словѣ, составленные при свидѣтеляхъ, или за однимъ изустнымъ поручительствомъ, а чрезъ это подорвано взаимное довѣріе — главный двигатель быстраго и успѣшнаго хода торговли.

Такія послѣдствія юридической недѣйствительности некрѣпостныхъ обязательствъ по торговлѣ, побудили сначала императрицу Екатерину I, по представленію Главнаго магистрата, отмѣнить, въ отношеніи къ купечеству, общее постановленіе Петра Великаго о заключеніи денежныхъ договоровъ и условій, и возстановить древній таможенный судъ.

Въ послѣдствіи, въ царствованіе Петра II (1727 года, 17 іюня (№ 5102) и императрица Екатерины II (1766 года, 10 августа (№ 12721); указъ изъ Главнаго магистрата, съ приложеніемъ инструкціи словеснымъ судамъ) объ этомъ судѣ изданы важныя постоновленія, давшія ему бо́льшую всеобщность и юридическую опредѣленность, и служащія главнымъ основаніемъ теперешнихъ законоположеній о словесныхъ судахъ.

ПОЛОЖЕНІЯ.

I. Устройство приказовъ основано на началѣ личнаго управленія.

II. Исторія русскаго судоустройства, до реформы Петра Великаго, представляетъ постепенное замѣненіе суда мірскаго, судомъ княжескимъ.

III. Цѣловальники древней Россіи суть происхожденія родоваго, патріархальнаго.

IV. Устройство инстанцій имѣло, до Петра Великаго, политическое основаніе.

V. Свободное судебное представительство, по древнему русскому праву, почти исключительно основывалось на патріархальномъ, родовомъ и семейственномъ бытѣ.

VI. Иски вещные и личные не были строго различены въ Уложеніи.

VII. Установленіе строго крѣпостныхъ исковъ не принадлежитъ Петру Великому, а относится къ древнему русскому законодательству.

VIII. *Судъ* былъ основною, древнѣйшею формою обвинительнаго, гражданскаго судопроизводства.

IX. *Очныя ставки* были формою древняго уголовнаго процесса, но въ примѣненіи къ дѣламъ гражданскимъ имѣли характеръ обвинительнаго судопроизводства.

X. Судомъ судились дѣла вотчинныя и исковыя. Различіе между вотчиннымъ и исковымъ судопроизводствомъ, по древнему праву, не есть существенное.

XI. Въ Уложеніи смѣшаны два различныхъ вида вызова къ суду: *публичный* — по приставной памяти, и *частный* — по зазывной грамотѣ.

XII. Древній судъ производился *словесно*.

XIII. Повальный обыскъ былъ первоначально свидѣтельствомъ общины, міра, и только съ упадкомъ общиннаго быта основанъ на началахъ послушества.

XIV. Въ Уложеніи *сыскъ* не всегда означаетъ слѣдствіе и слѣдственное судопроизводство.

XV. По Уложенію, судъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, безъ приговора высшаго судебнаго мѣста давался два раза по одному и тому же дѣлу.

XVI. До учрежденія о губерніяхъ, искъ, рѣшеный въ низшихъ судебныхъ инстанціяхъ, не судился вновь въ высшихъ, а только пересматривалось рѣшеніе, о немъ постановленное. Апелляція была не что иное, какъ тяжба между судьею и тяжущимся, недовольнымъ его рѣшеніемъ.

XVII. Коллегіяльное устройство судовъ введено у насъ впервые Петромъ Великимъ.

XVIII. Отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной, административной, появилось у насъ съ царствованія Петра Великаго.

XIX. Въ русскомъ законодательствѣ со временъ Петра Великаго замѣтно постоянное стремленіе соединить въ однихъ судебныхъ присутственныхъ мѣстахъ спорныя дѣла вотчинныя и исковыя.

XX. Отдѣльное судебное управленіе городскаго сословія впервые введено Петромъ Великимъ.

XXI. При Екатеринѣ II, въ губернское устройство введены оба начала управленія: древнее — начало личнаго управленія и новое — коллегіяльное.

XXII. Выборные члены областныхъ (губернскихъ и уѣздныхъ) судовъ, установленные Екатериною II, и древніе цѣловальники, юридически, не различаются другъ отъ друга.

XXIII. По Учрежденію о губерніяхъ, различіе сословій играетъ весьма важную роль въ областномъ судоустройствѣ.

XXIV. Отдѣленіе суда уголовнаго отъ гражданскаго имѣетъ различныя основанія въ древнемъ и новомъ русскомъ законодательствѣ.

XXV. Совѣстный судъ, по Учрежденію о губерніяхъ, есть органъ естественной справедливости.

XXVI. Участіе сословій въ областномъ судоустройствѣ есть главное юридическое основаніе учрежденія въ столицахъ надворныхъ судовъ.

XXVII. Должности прокурора и стряпчихъ, хотя и отличаются другъ отъ друга, однако имѣютъ одно юридическое основаніе.

XXVIII. Въ основаніи реформъ судебнаго управленія духовенства со временъ Петра Великаго лежитъ стремленіе секуляризировать свѣтско-церковную общину, развившуюся въ древней Россіи.

XXIX. Одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ ученія о русскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ со временъ Петра Великаго, есть судебная практика.

XXX. Подъ названіемъ *розыска*, Петръ Великій хотѣлъ ввести не слѣдственное, а обвинительное судопроизводство, отличавшееся отъ суда одною только формою.

XXXI. Изданіемъ *формы суда* Петръ Великій возстановилъ наше древнее, гражданское судопроизводство.

XXXII. Настоящее значеніе формы суда, и отношеніе ея къ обыкновенному гражданскому судопроизводству наиболѣе опредѣлились судебною практикою — органомъ древнихъ юридическихъ обычаевъ.

XXXIII. Письменное судопроизводство сдѣлалось общимъ болѣе вслѣдствіе потребностей времени, нежели на основаніи положительнаго закона.

ВЗГЛЯДЪ

НА ЮРИДИЧЕСКІЙ БЫТЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Въ наше время русская исторія становится предметомъ общаго любопытства и дѣятельнаго изученія. Прежде она была доступна однимъ избраннымъ, на которыхъ потому и смотрѣли съ какимъ-то удивленіемъ, переходящимъ въ благоговѣніе. Теперь всѣ образованные люди интересуются русской исторіей; не только у насъ, даже въ Европѣ многіе ею занимаются. Объяснять причины этого новаго, весьма недавняго явленія мы считаемъ излишнимъ. Россія Петра Великаго, Россія Екатерины II, Россія XIX вѣка объясняютъ его достаточно. Прибавимъ, что всѣ нѣкогда обширныя и сильныя государства, основанныя Славянами, пали. Одна Россія, государство тоже славянское, создалась такъ крѣпко и прочно, что вынесла всѣ внѣшнія и внутреннія бури, и изъ каждой выходила какъ будто съ новыми силами. Ея судьба совсѣмъ особенная, исключительная въ славянскомъ мірѣ, отчасти истребленномъ, отчасти порабощенномъ и угнетѣнномъ въ прочихъ его отрасляхъ. Это дѣлаетъ ее явленіемъ совершенно новымъ, небывалымъ въ исторіи. Одинъ поверхностный взглядъ на бытъ древней Россіи, еще не заслоненный отъ неопытнаго взгляда европейскими формами, совершенно убѣждаетъ въ этой мысли.

Удивительное дѣло! На одномъ материкѣ, раздѣленныя нѣсколькими народами, Европа и Россія прожили много вѣковъ, чуждаясь другъ друга, какъ будто съ умысломъ избѣгая всякаго близкаго соприкосновенія. Европа объ насъ ничего не знала, и знать не хотѣла; мы ничего не хотѣли знать объ Европѣ. Были встрѣчи, но рѣдкія, какія-то оффиціальныя, недовѣрчивыя, слишкомъ натянутыя, чтобъ произвести дѣйствительное сближеніе. Еще и теперь, когда многое перемѣнилось, Европа больше знаетъ какіе-нибудь Караибскіе острова, чѣмъ Россію. Есть что-то странное, загадочное въ этомъ фактѣ!

Въ исторіи — ни одной черты сходной, и много противоположныхъ. Въ Европѣ дружинное начало создаетъ феодальныя государства; у насъ дружинное начало создаетъ удѣльное государство. Отношеніе между феодальной и удѣльной системой — какъ товарищества къ семьѣ. Въ Европѣ сословія, у насъ нѣтъ сословій; въ Европѣ аристократія, у насъ нѣтъ аристократіи; тамъ особенное устройство городовъ и среднее сословіе — у насъ одинаковое устройство городовъ и селъ, и нѣтъ средняго, какъ нѣтъ и другихъ сословій; въ Европѣ рыцарство, у насъ нѣтъ рыцарства; тамъ церковь, облеченная свѣтскою властью, въ борьбѣ съ государствомъ, — здѣсь церковь, неимѣющая никакой свѣтской власти, и въ мірскомъ отношеніи зависимая отъ государства; тамъ множество монашескихъ орденовъ — у насъ одинъ монашескій орденъ, и тотъ основанъ не въ Россіи; въ Европѣ отрицаніе католицизма — протестантизмъ; въ Россіи не было протестантизма; у насъ мѣстничество — Европа ничего не знаетъ о мѣстничествѣ; тамъ сначала нѣтъ общиннаго быта, потомъ онъ создается; здѣсь сначала общинный бытъ, потомъ онъ падаетъ; тамъ женщины мало по малу выходятъ изъ подъ строгой власти мущинъ; здѣсь женщины, сначала почти равныя мущинамъ, по-

томъ ведутъ жизнь восточныхъ женщинъ; въ Россіи, въ исходѣ XVI вѣка, сельскіе жители прикрѣпляются къ землѣ; въ Европѣ, послѣ основанія государствъ, не было такого явленія.

Какъ понятно удивленіе перваго, который замѣтилъ это глубокое, совершенное различіе! Точно, онъ могъ забыть изъ-за него человѣческое единство всѣхъ племенъ и народовъ! Подвигъ Петра могъ представиться ему нарушеніемъ неотъемлемыхъ правъ народа на самобытность. Намъ теперь это и странно и смѣшно; но не станемъ укорять перваго за ложный взглядъ: соблазнъ былъ слишкомъ великъ.

Съ XVIII вѣка наше отчужденіе, холодность къ Европѣ вдругъ совершенно изчезаютъ и замѣняются тѣсной связью, глубокой симпатіей. Такъ же ревностно принялись мы отказываться отъ своего и принимать чужое, европейское, какъ прежде отказывались отъ чужого и держались своего. Нашихъ старинныхъ обычаевъ, природнаго языка, самаго имени мы стали стыдиться. Близорукіе видѣли въ этомъ отступничествѣ какое-то непростительное легкомысліе, невыполнимое желаніе перемѣнить свою національность на чужую. Дальше они ничего не видали. Старовѣры пятнали его преступленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, то было странное время! То былъ какой-то безумный фантастическій маскарадъ. Каждый жадно выбиралъ роль, надѣвалъ костюмъ, и простодушно вѣрилъ, что переродился, принимая обманъ за дѣйствительность. Кто не переодѣлся, на того смотрѣли съ презрѣніемъ. Никогда самообольщеніе не доводило до такой слѣпоты.

Теперь это время прошло. Мы можемъ судить его безпристрастно. Оно было вызвано горячимъ, искреннимъ, но безсознательнымъ стремленіемъ выйдти изъ положенія, въ которомъ стало какъ-то тѣсно и неловко. Но когда мы стали выходить изъ этого положенія, котораго не понимали, въ другое, котораго тоже не понимали, руководствуясь однимъ темнымъ чув-

ствомъ, оказалось, что мы чуть-чуть не дѣти. Мы обнаружили много силъ, ума, благородства, много очень хорошаго, но въ такихъ юношескихъ формахъ, какъ будто мы только что начинали жить.

Что же дѣлали до XVIII вѣка?

Новѣйшіе изслѣдователи доказываютъ, что Славяне въ Европѣ исконные жители, переселившіеся сюда по крайней мѣрѣ не позже германскаго племени, и нельзя сказать когда, — такъ давно. Но оставимъ ихъ. Возьмемъ почти несомнѣнно достовѣрную исторію Россіи съ прибытія къ намъ иноземной дружины съ сѣвера, въ половинѣ IX вѣка. Что дѣлали мы съ половины IX до XVIII вѣка — цѣлые восемь съ половиной вѣковъ? вовсе не жили? это не правда. Факты противорѣчатъ этому. Наша исторія представляетъ постепенное измѣненіе формъ, а не повтореніе ихъ; слѣд., въ ней было развитіе, не такъ какъ на Востокѣ, гдѣ съ самаго начала до сихъ поръ все повторяется почти одно и тоже; а если по временамъ и появлялось что-нибудь новое, то замирало, или развивалось на европейской почвѣ. Въ этомъ смыслѣ, мы народъ европейскій, способный къ совершенствованію, къ развитію, который не любитъ повторяться и безчисленное число вѣковъ стоять на одной точкѣ. Въ чемъ же состояло наше развитіе до XVIII вѣка? какой смыслъ его? какое его движущее начало? Вотъ тайна, до сихъ поръ еще никѣмъ не разгаданная! Множество «взглядовъ на русскую исторію» брошено, множество «теорій русской исторіи» построено, а разрѣшеніе этихъ вопросовъ все-таки не подвинулось ни на шагъ впередъ. На древнюю русскую исторію смотрѣли съ точки зрѣнія исторіи всѣхъ возможныхъ восточныхъ и западныхъ, сѣверныхъ и южныхъ народовъ, и никто ея не понялъ, потому что она въ самомъ дѣлѣ не похожа ни на какую другую исторію. Наконецъ, къ теоріямъ и взглядамъ всѣ охладѣли и потеряли довѣріе. Въ нихъ видѣли пов-

тореніе прежнихъ, неудачныхъ попытокъ. Нѣкоторые записные ученые пошли дальше. Они объявили, что теорія русской исторіи, другими словами — русская исторія какъ наука — невозможна, даже не нужна, даже вредна; что должно изучать и изучать одни факты. Исторически они были правы. Они сказали это, когда являлись теоріи и взгляды, одни другихъ несообразнѣе, страннѣе, а фактовъ почти никто не зналъ. Но ошибка ихъ состояла въ томъ, что когда это время прошло, они все продолжали твердить одно и тоже.

Большая ошибка! Во первыхъ, однажды возникшій вопросъ, рано или поздно, непремѣнно долженъ быть разрѣшенъ; это его неотъемлемое право. Отложить его разрѣшеніе на время можно, иногда должно; непризнавать его, отвергать, значитъ стоять ниже вопроса. Во вторыхъ, въ противоположеніи фактовъ теоріи, взгляду, скрывается важное заблужденіе. Взглядъ, теорія, непремѣнно предполагаютъ фактическое знаніе предмета. Безъ послѣдняго невозможны первые. Какъ строить теорію о предметѣ, котораго мы вовсе не знаемъ? Но и наоборотъ, фактическое изученіе невозможно безъ взгляда, безъ теоріи. Одно необходимо переходитъ въ другое. Сухое знаніе всѣхъ фактовъ не достижимо, по ихъ безконечному множеству; сверхъ того, оно совершенно безполезно, ибо не даетъ ровно ничего, въ сущности ни на іоту не прибавляетъ къ нашему знанію. Взглядъ, теорія, опредѣляютъ важность фактовъ, придаютъ имъ жизнь и смыслъ, мѣшаютъ запутаться въ ихъ безконечномъ лабиринтѣ; словомъ, только съ ихъ помощью можно возсоздать исторію, какъ она была.

Въ доказательство ссылаемся на послѣднее время нашей историко-литературной дѣятельности. Тѣ, которые всего больше возставали противъ взглядовъ и теорій, уступили непреложному закону мышленія, и безсознательно строили теоріи русской исторіи — правда, не очень удачныя, — но строили.

(Можетъ быть и **сознательно**; мы однако не хотимъ подозрѣвать ихъ въ недобросовѣстномъ стремленіи ввести монополію въ науку русской исторіи). Во множествѣ издавались источники, что̀ вездѣ и всегда имѣетъ свою безотносительную важность и пользу, но не обогащаетъ историческую литературу, составляя въ тоже время одно изъ ея существенныхъ, необходимыхъ условій. Собственно ученое обработываніе русской исторіи представляетъ самую жалкую картину. За исключеніемъ весьма немногихъ статей и изслѣдованій, которыя можно пересчитать по пальцамъ, такъ ихъ немного; все прочее служитъ блистательнымъ доказательствомъ, какъ неблагопріятно дѣйствуетъ на науку отсутствіе всякаго направленія, всякой общей мысли. Писано, если хотите, довольно, даже гораздо больше, нежели сколько нужно, чтобъ не привести ни къ какимъ результатамъ. Но всѣ изслѣдованія поражаютъ какою-то безцвѣтностью, безхарактерностью, случайностью выбора. Вопросы существенные, важные, оставлены въ сторонѣ; мелочи поглотили все вниманіе розыскателей. Между отдѣльными изслѣдованіями никакого единства, такъ-что изъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ ничего не слѣдуетъ, тогда какъ они должны бы дополнять и пояснять другъ друга. Отсюда — никакого довѣрія къ сочиненіямъ по русской исторіи. Для всѣхъ, кто ею занимается, сдѣлалось общимъ мѣстомъ не читать ихъ, а изучать одни источники. Хуже нельзя отозваться объ исторической литературѣ. Въ другихъ охладѣлъ всякій интересъ къ предмету, чего онъ, самъ по себѣ, безъ сомнѣнія не заслуживаетъ.

Итакъ, чтобъ понять тайный смыслъ нашей исторіи, чтобъ оживить нашу историческую литературу, необходимы взглядъ, теорія. Они должны представить русскую исторію какъ развивающійся организмъ, живое цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, одними началами. Явленія ея должны быть поняты какъ

различныя выраженія этихъ началъ, необходимо связанныя между собою, необходимо вытекающія одно изъ другого.

I.

Гдѣ ключъ къ правильному взгляду на русскую исторію?

Отвѣтъ простой. Не въ невозможномъ отвлеченномъ мышленіи, не въ почти безплодномъ сравненіи съ исторіею другихъ народовъ, а въ насъ самихъ, въ нашемъ внутреннемъ бытѣ.

Многіе не безъ основанія думаютъ, что образъ жизни, привычки, понятія крестьянъ сохранили очень многое отъ древней Руси. Ихъ общественный бытъ нисколько не похожъ на общественный бытъ образованныхъ классовъ. Посмотрите же, какъ крестьяне понимаютъ свои отношенія между собою и къ другимъ. Помѣщика и всякаго начальника они называютъ отцомъ, себя — его дѣтьми. Въ деревнѣ старшіе лѣтами зовутъ младшихъ робятами, молодками, младшіе старшихъ — дядями, дѣдами, тетками, бабками, равные — братьями, сестрами. — Словомъ, всѣ отношенія между не-родственниками сознаются подъ формами родства, или подъ формами прямо изъ него вытекающаго и необходимо съ нимъ связаннаго, кровнаго, возрастомъ и лѣтами опредѣленнаго, старшинства или меньшинства. Безспорно, въ устахъ народа эта терминологія съ каждымъ годомъ или изчезаетъ, или становится болѣе и болѣе безсмысленнымъ звукомъ. Но замѣтимъ, что она не введена насильственно, а сложилась сама собою, въ незапамятныя времена. Ея источникъ — прежній взглядъ русскаго человѣка на свои отношенія къ другимъ. Отсюда мы въ полномъ правѣ заключить, что когда-то эти термины навѣрное не были только фразами, но заключали въ себѣ полный, опредѣленный, живой смыслъ; что когда-то всѣ и неродственныя отношенія дѣйствительно опредѣлялись у насъ

по типу родственныхъ, по началамъ кровнаго старшинства или меньшинства. А это неизбѣжно приводитъ насъ къ другому заключенію, что въ древнѣйшія времена русскіе Славяне имѣли исключительно родственный, на однихъ кровныхъ началахъ и отношеніяхъ основанный бытъ; что въ эти времена о другихъ отношеніяхъ они не имѣли никакого понятія, и потому, когда онѣ появились, подвели и ихъ подъ тѣже родственныя, кровныя отношенія.

Выражаясь какъ можно проще, мы скажемъ, что у русскихъ Славянъ былъ, слѣдовательно, первоначально одинъ чисто-семейственный, родственный бытъ, безъ всякой примѣси; что русско-славянское племя образовалось въ древнѣйшія времена исключительно однимъ путемъ нарожденія. Это совершенно согласно и съ первыми историческими извѣстіями.

Есть большое вѣроятіе, что точно такой же исключительно семейственный, родственный бытъ имѣли первоначально и всѣ прочіе Славяне; но историческая судьба ихъ и наша была не одинакова. Послѣдніе, въ разныя времена, смѣшались съ другими народами, или подпали подъ ихъ власть. Оттого ихъ исключительно родственный, семейственный бытъ долженъ былъ насильственно перерваться, можетъ быть, слишкомъ рано для ихъ дальнѣйшаго историчесскаго дѣйствованія и даже для самаго ихъ существованія.

Другія обстоятельства сопровождали наше развитіе. Никогда иноплеменные завоеватели не селились между нами, и потому не могли придать нашей исторіи свой національный характеръ. Много народовъ прошло черезъ Русь. Торговый путь и восточныя монеты, находимыя въ Россіи, указываютъ на безпрестанныя сношенія съ иностранцами. Были и завоеванія: Авары, Хозары, какіе-то сѣверные выходцы, кажется Норманны, и Татары попеременно покоряли русскихъ Славянъ, опустошали ихъ земли и собирали тяжкую дань. Но всѣ эти

пріязненныя и непріязненныя столкновенія съ иноплеменниками не имѣли и не могли имѣть, въ самой малой степени, тѣхъ послѣдствій для нашей послѣдующей исторіи, какія имѣло въ другихъ земляхъ поселеніе завоевателей у туземцевъ, и смѣшеніе ихъ между собою. Кто знаетъ, какъ необразованный Славянинъ неохотно поддается чуждому вліянію, какъ онъ вездѣ и всегда остается при своихъ нравахъ и обычаяхъ, даже одиноко и надолго заброшенный между иностранцами, — тотъ пойметъ, что торговыя сношенія русскихъ Славянъ съ иностранцами, какъ бы они часты и продолжительны ни были, не могли нисколько измѣнить внутренняго, домашняго и общественнаго быта первыхъ. Нѣсколько словъ и названій предметовъ, имъ неизвѣстныхъ — вотъ все, что̀ могли имъ передать чужеземцы. Тѣмъ менѣе могли измѣнить ихъ бытъ толпы варваровъ, мгновенно появляшіяся и мгновенно изчезавшія. Авары никогда не смѣшивались съ русскими Славянами, и обращались съ ними слишкомъ жестоко, чтобъ послѣдніе когда либо могли забыть свое различіе съ ними. Потомъ Авары изчезли, до единаго. Хозары брали одну дань; тѣмъ и ограничилось ихъ владычество. Татары господствовали надъ ними издалека. Имъ нужны были подушная и покорность. Вліяніе ихъ на нашъ внутренній бытъ ограничилось посылкою въ Россію сборщиковъ податей, — и то только съ начала, — вмѣшательствомъ въ распри удѣльныхъ князей и нѣсколькими, еще весьма сомнительными, неудачными попытками обратить насъ къ исламу. Впрочемъ роль фанатическихъ пропагандистовъ такъ мало шла къ Монголамъ, равнодушнымъ покровителямъ всѣхъ возможныхъ религій, что они ее скоро оставили, если когда нибудь и принимали на себя. Не только они не поселились у насъ на правахъ завоевателей: они даже не ставили у насъ своихъ хановъ, а сажали русскихъ же князей, которые никогда искренно не держали ихъ стороны, кланялись имъ, пока было нужно и выгодно, и

воспользовались ихъ покровительствомъ, чтобъ усилиться и свергнуть ихъ же иго. И монгольское влiянiе ограничилось нѣсколькими словами, вошедшими въ нашъ словарь; можетъ быть, и даже вѣроятно, нѣсколькими обычаями, не совсѣмъ для насъ лестными, каковы: пытка, кнутъ, правежъ; но эти обычаи, безъ всякаго сомнѣнія, заимствованы, а не навязаны, и заимствованы больше вслѣдствiе тогдашняго быта Руси, чѣмъ вслѣдствiе сношенiй съ Татарами. И безъ нихъ они бы конечно образовались, только подъ другими формами и названiями. Одни сѣверные выходцы Варяги сост а в л ютъ какъ будто исключенiе. Сначала они покоряютъ сѣверно-русскихъ Славянъ, и ограничиваются, подобно другимъ, данью. Но потомъ, призванные нѣсколькими союзными русско-славянскими и финскими племенами, они дружиной поселяются между ними, изъ призванныхъ властителей становятся завоевателями, покоряютъ всѣ племена, имъ еще не подвластныя, ставятъ въ ихъ городахъ своихъ правителей, и основываютъ обширное, какъ кажется, феодальное государство. Но . . . замѣчательное явленiе! тогда какъ въ другихъ земляхъ они на долго придаютъ свой характеръ быту страны, ими покоренной, у насъ, напротивъ, они скоро подчиняются влiянiю туземнаго элемента, и наконецъ совершенно въ немъ изчезаютъ, завѣщавъ намъ надолго мысль о государственномъ единствѣ всей русской земли, дружинное начало и систему областнаго правленiя. Впрочемъ, и эти слѣды сѣверной дружины такъ переродились на русской почвѣ, такъ прониклись нацiональнымъ элементомъ, что въ нихъ почти невозможно узнать ихъ не-славянскаго первообраза. Не станемъ здѣсь изслѣдовать, какъ и почему это сдѣлалось. Для насъ самый фактъ важенъ, а онъ несомнѣненъ. А между тѣмъ Варяги — единственные, принесшiе къ намъ какiе-то чуждые элементы. Считаемъ излишнимъ упоминать о другихъ племенахъ, какъ напр., финскихъ, которыя или из-

чезли, или вполнѣ подчинились господству или вліянію русско-славянскаго элемента.

Итакъ, постороннія начала никогда не были насильственно вносимы въ жизнь русскихъ Славянъ. Единственные, которымъ можно бы приписать это — Варяги, утонули и распустились въ славянскомъ элементѣ. Постороннія вліянія были — это несомнѣнно. Но они не были вынужденныя, извнѣ налагаемыя, а естественныя, свободно принимаемыя. Врядъ ли они были сильны; во всякомъ случаѣ, они не могли намъ дать ненаціональнаго, искуственнаго развитія. Такимъ образомъ исторія вполнѣ предоставила насъ однимъ нашимъ собственнымъ силамъ. Это еще болѣе справедливо, если мы вспомнимъ, что мы не сидѣли на плечахъ у другаго народа, который, будучи просвѣщеннѣе насъ, могъ бы сообщить намъ, даже противъ нашей воли, плоды своей высшей цивилизаціи. На своей почвѣ мы не имѣли предшественниковъ, а если и имѣли, то такихъ, отъ которыхъ намъ нечего было заимствовать.

Итакъ мы жили сами собой, развивались изъ самихъ себя. Отсюда, слѣдующее, необходимое заключеніе: если нашъ бытъ, исключительно семейственный, родственный, измѣнялся, безъ рѣшительнаго посторонняго вліянія, слѣд., свободно, самъ собой, то и смысла этихъ измѣненій должно искать въ началахъ того же семейственнаго быта, а не въ чемъ-либо другомъ; другими словами: наша древняя, внутренняя исторія была постепеннымъ развитіемъ исключительно-кровнаго, родственнаго быта.

Но по какому закону онъ развивался? На это отвѣчаетъ намъ новая исторія съ появленія христіянства. Христіянство открыло въ человѣкѣ и глубоко развило въ немъ внутренній, невидимый, духовный міръ. Древнее человѣчество, подавленное природой, или художественно, но безсознательно съ нею уравновѣшенное, какъ бы примиренное, или погруженное, въ

одну практическую, государственную дѣятельность, имѣло о немъ какое-то темное предчувствіе, но не знало его. Христіянство нашло его и поставило безконечно высоко надъ внѣшнимъ, матеріяльномъ міромъ. Послѣдній обреченъ былъ ему на служеніе. Оттого, съ появленія христіянства внутренній міръ стремится къ неограниченному господству надъ событіями и дѣйствіями. Духовныя силы человѣка, его стремленія, надежды, требованія, упованія, которыя прежде были глубоко затаены и не могли высказываться, христіянствомъ были сильно возбуждены и стали порываться къ полному, безусловному осуществленію. Характеръ исторіи долженъ былъ совершенно измѣниться.

Когда внутренній духовный міръ получилъ такое господство надъ внѣшнимъ, матеріяльнымъ міромъ, тогда и человѣческая личность должна была получить великое, святое значеніе, котораго прежде не имѣла. Въ древности, о человѣкѣ, помимо опредѣленій кастъ, сословій, національностей и гражданства, не имѣли никакого понятія. Даже древнія религіи, исключительно мѣстныя, національныя, брали подъ свое покровительство только извѣстныя племена, извѣстныя гражданства; другихъ онѣ знать не хотѣли, или преслѣдовали. Словомъ, въ древности человѣкъ какъ человѣкъ ничего не значилъ.

Христіянство, во имя внутренняго, духовнаго міра, отрицаетъ всѣ видимыя, матеріяльныя, условныя, слѣдовательно, несущественныя, ничтожныя различія между людьми. Всѣ народы и племена, всѣ касты и сословія, всѣхъ, и свободныхъ и несвободныхъ, оно равно призываетъ къ спасенію, всѣхъ равно называетъ по духу чадами Божіими, всѣмъ обѣщаетъ и даетъ равное участіе въ благахъ небесныхъ. Первыя христіянскія общины представляютъ пеструю смѣсь разноплеменныхъ и разносословныхъ людей, уравненныхъ и соединенныхъ истиной, жаждой пріобщиться къ одной небесной, духовной жизни.

Такъ возникла впервые въ христіянствѣ мысль о безконечномъ, безусловномъ достоинствѣ человѣка и человѣческой личности. Человѣкъ — живой сосудъ духовнаго міра и его святыни; если не въ дѣйствительности, то въ возможности онъ предстатитель Бога на землѣ, возлюбленный сынъ Божій, для котораго самъ Спаситель міра сошелъ на землю, пролилъ святую кровь свою и умеръ на крестѣ. Такой совершенно новый взглядъ на человѣка долженъ былъ вывести его изъ ничтожества, освободить изъ подъ ига природы и внѣшняго міра, который случайно или давалъ ему значеніе, или ставилъ на равнѣ съ безсловесными, ниже ихъ. Изъ опредѣляемаго человѣкъ сталъ опредѣляющимъ, изъ раба природы и обстоятельствъ — господиномъ ихъ. Теперь, чрезъ истину, онъ сталъ первое и главное.

Христіянское начало безусловнаго достоинства человѣка и личности, вмѣстѣ съ христіянствомъ, рано или поздно, должно было перейдти и въ міръ гражданскій. Оттого признаніе этого достоинства, возможное нравственное и умственное развитіе человѣка сдѣлались лозунгами всей новой исторіи, главными точками или центрами, около которыхъ она вертится. Правда, много скорбнаго встрѣчаемъ мы на пути, уже пройденномъ; много скорбнаго еще предстоитъ. Къ благороднымъ, великодушнымъ порывамъ и стремленіямъ, къ чистымъ побужденіямъ не рѣдко примѣшивались низкія и мелочныя страсти, плачевныя заблужденія, добровольныя и недобровольныя ошибки, невѣжество и безсознательность. Но кто понимаетъ исторію, кто умѣетъ читать ея спутанныя, часто горькія страницы, для того есть отрада въ великой цѣли и въ постепенномъ, хотя и медленномъ ея достиженіи. Такъ для всѣхъ народовъ новаго, христіянскаго міра одна цѣль: безусловное признаніе достоинства человѣка, лица, и всестороннее его развитіе. Только всѣ идутъ къ ней разными путями, безконечно

разнообразными, какъ сама природа и историческія условія народовъ.

Германскія племена, передовыя дружины новаго міра, выступили первыя. Ихъ частыя, вѣковыя, непріязненныя столкновенія съ Римомъ, ихъ безпрестанныя войны и далекіе переходы, какое-то внутреннее безпокойство и метаніе — признаки силы, ищущей пищи и выраженія, — рано развили въ нихъ глубокое чувство личности, но подъ грубыми, дикими формами. Германцы жили разрозненно. Ихъ жестокость къ рабамъ и побѣжденнымъ была неумолима; ихъ семейныя отношенія были юридическія. Издавна появились у нихъ дружины — добровольные союзы, заключаемые для военной цѣли между храбрымъ, славнымъ вождемъ и людьми, жаждавшими завоеваній и добычи. Начало личности положено въ основаніе этихъ союзовъ. Предводитель не былъ полновластнымъ господиномъ дружины. Она была обязана вѣрно служить ему, но и онъ обязанъ былъ дѣлиться съ ней добычей. Нарушеніе условій разрушало союзъ. Съ самаго начала всѣ отношенія Германцевъ запечатлѣны этимъ началомъ личности и выражаются въ строгихъ юридическихъ формахъ.

Перешедши на почву, гдѣ совершалось развитіе древняго міра, гдѣ сохранились еще живые слѣды его и уже пронеслась проповѣдь Евангелія, они почувствовали всю силу христіянства и высшей цивилизаціи. Долго благоговѣлъ варваръ-Германецъ передъ именемъ Рима и не смѣлъ коснуться добычи, уже ни кѣмъ не защищаемой. Онъ ревностно принималъ новое ученіе, которое, высокимъ освященіемъ личности, такъ много говорило его чувству, — и въ тоже время вбиралъ въ себя римскіе элементы, наслѣдіе древняго міра. Все это мало по малу начало смягчать нравы Германцевъ. Но и смѣшавшись съ туземцами почвы, ими завоеванной, принявши христіянство, усвоивши себѣ многое изъ римской жизни и быта, они сохра-

нили глубокую печать своей національности. Государства, ими основанныя — явленіе совершенно новое въ исторіи. Они проникнуты личнымъ началомъ, которое принесли съ собою Германцы. Всюду оно видно; вездѣ оно на первомъ планѣ, главное, опредѣляющее. Правда, въ новооснованныхъ государствахъ оно не имѣетъ того возвышеннаго, безусловнаго значенія, которое придало ему христіянство. Оно еще подавлено историческими элементами, безсознательно проникнуто эгоизмомъ, и потому выражается въ условныхъ, рѣзко обозначенныхъ, часто суровыхъ и жосткихъ формахъ. Оно создаетъ множество частныхъ союзовъ въ одномъ и томъ же государствѣ. Преслѣдуя самыя различныя цѣли, но еще не сознавая ихъ внутренняго, конечнаго, органическаго единства, эти союзы живутъ другъ возлѣ друга разобщенные или въ открытой борьбѣ. Надъ этимъ еще не установившимся, разрозненнымъ и враждующимъ міромъ царитъ церковь, храня въ себѣ высшій идеалъ развитія. Но мало по малу, подъ разнообразными формами, повидимому, не имѣющими между собою ничего общаго, или даже противуположными, воспитывается человѣкъ. Изъ области религіи мысль о безусловномъ его достоинствѣ постепенно переходитъ въ міръ гражданскій и начинаетъ въ немъ осуществлятся. Тогда чисто историческія опредѣленія, въ которыхъ сначала сознавала себя личность, какъ излишнія и ненужныя, падаютъ и разрушаются, въ различныхъ государствахъ различно. Безчисленные частные союзы замѣняются въ нихъ однимъ общимъ союзомъ, котораго цѣль — всестороннее развитіе человѣка, воспитаніе и поддержаніе въ немъ нравственнаго достоинства. Эта цѣль еще недавно обозначилась. Достиженіе ея въ будущемъ. Но мы видимъ уже начало. Совершеніе неминуемо.

Русско-славянскія племена представляютъ совершенно иное явленіе. Спокойныя, миролюбивыя, они жили постоянно на

своихъ мѣстахъ. Начало личности у нихъ не существовало. Семейственный бытъ и отношенія не могли воспитать въ русскомъ Славянинѣ чувства особности, сосредоточенности, которое заставляетъ человѣка проводить рѣзкую черту между собою и другими и всегда и во всемъ отличать себя отъ другихъ. Такое чувство рождаютъ въ неразвитомъ человѣкѣ безпрестанная война, частыя столкновенія съ чужеземцами, одиночество между ними, опасности, странствованія. Онъ привыкаетъ надѣяться и опираться только на самаго себя, быть вѣчно на чеку, вѣчно на сторожѣ. Отсюда возникаетъ въ немъ глубокое сознаніе своихъ силъ и своей личности. Семейный бытъ дѣйствуетъ противуположно. Здѣсь человѣкъ какъ-то расплывается; его силы, ничѣмъ не сосредоточенныя, лишены упругости, энергіи и распускаются въ морѣ близкихъ, мирныхъ отношеній. Здѣсь человѣкъ убаюкивается, предается покою и нравственно дремлетъ. Онъ довѣрчивъ, слабъ и безпеченъ, какъ дитя. О глубокомъ чувствѣ личности не можетъ быть и рѣчи. Для народовъ, призванныхъ ко всемірно-историческому дѣйствованію въ новомъ мірѣ, такое существованіе безъ начала личности невозможно. Иначе они должны бы навсегда оставаться подъ гнетомъ внѣшнихъ, природныхъ опредѣленій, жить, не живя умственно и нравственно. Ибо когда мы говоримъ, что народъ дѣйствуетъ, мыслитъ, чувствуетъ, мы выражаемся отвлеченно: собственно дѣствуютъ, чувствуютъ, мыслятъ единицы, лица, его составляющія. Такимъ образомъ личность, сознающая, сама по себѣ, свое безконечное, безусловное достоинство — есть необходимое условіе всякаго духовнаго развитія народа. Этимъ мы совсѣмъ не хотимъ сказать, что она непремѣнно должна ставить себя въ противоположность съ другими личностями, враждовать съ ними. Мы, напротивъ, думаемъ, что послѣдняя цѣль развитія — ихъ глубокое, внутренное примиреніе. Но во всякомъ

случаѣ, каковы бы ни были ея отношенія, она непремѣнно должна существовать и сознавать себя.

Этимъ опредѣляется законъ развитія нашего внутренняго быта. Оно должно было состоять въ постепенномъ образованіи, появленіи начала личности, и слѣд., въ постепенномъ отрицаніи исключительно кровнаго быта, въ которомъ личность не могла существовать. Степени развитія начала личности и совпадающія съ ними степени упадка исключительно родственнаго быта опредѣляютъ періоды и эпохи русской исторіи.

Такъ, задача исторіи русско-славянскаго племени и германскихъ племенъ была различна. Послѣднимъ предстояло развить историческую личность, которую они принесли съ собою, въ личность человѣческую; намъ предстояло создать личность. У насъ и у нихъ вопросъ поставленъ такъ неодинаково, что и сравненіе невозможно. Послѣ мы увидимъ, что и мы и они должны были выйдти, и въ самомъ дѣлѣ вышли на одну дорогу. Теперь, съ этой точки зрѣнія, бросимъ бѣглый взглядъ на внутренній бытъ древней Россіи до Петра Великаго.

II [1]).

Въ древнѣйшія времена часть теперешней европейской Россіи была заселена кроткими и мирными русско-славянскими племенами. Сельская промышленность и торговля сырыми продуктами были главнымъ ихъ занятіемъ. Эти племена состояли изъ большихъ и малыхъ поселеній, которыя, въ противоположность разрозненной жизни первоначальныхъ Германцевъ, представляютъ нашихъ предковъ собранными вмѣстѣ,

[1]) Считаемъ нужнымъ предупредить читателей, что въ этомъ очеркѣ мы ограничились обзоромъ одного юридическаго быта.

жившими группами. Вглядываясь въ каждое поселеніе, мы видимъ, что это — разросшаяся, размножившаяся семья, которой члены и потомки живутъ вмѣстѣ, на одномъ корню. Такъ все первобытное славянское населеніе Россіи было огромное дерево, спокойно выросшее изъ одного зерна; поселенія и племена — его вѣковыя вѣтви и отпрыски.

Внутри поселеній царствуетъ чисто семейный бытъ подъ управленіемъ старшаго рожденіемъ и лѣтами. Его власть была семейная, родительская; подвластные ему были какъ будто его дѣти и между собой соединены родственными узами и отношеніями.

Намъ теперь трудно вдуматься въ этотъ бытъ. Сами не подозрѣвая, мы, когда его представляемъ, невольно придаемъ ему черты теперешняго человѣческаго общества, судимъ объ немъ по нашему семейному быту, проникнутому гражданственностію, которой онъ не зналъ. Его создала природа, кровь; она его поддерживала и имъ управляла. Оттого совершенная юридическая неопредѣленность — его отличительная черта. Напрасно станемъ мы искать въ немъ власти и подчиненности, правъ и сословій, собственности и администраціи. Человѣкъ жилъ тогда совершенно подъ опредѣленіями природы; мысль еще не освободила его отъ ея ига.

При всей ограниченности онъ представляетъ многія прекрасныя черты. Люди жили сообща, не врознь, не отчужденные, какъ потомъ; не было еще гибельнаго различія между моимъ и твоимъ — источника послѣдующихъ бѣдствій и пороковъ; всѣ, какъ члены одной семьи, поддерживали, защищали другъ друга, и обида, нанесенная одному, касалась всѣхъ. Такой бытъ долженъ былъ воспитать въ русскихъ Славянахъ семейныя добродѣтели: кроткіе, тихіе нравы, довѣрчивость, необыкновенное добродушіе и простосердечіе. На рабовъ и чужеземцевъ они смотрѣли не съ юридической, а съ семейной,

кровной точки зрѣнія. Оттого было хорошо у Славянъ заѣзжимъ чужеземцамъ и плѣннымъ: и на нихъ простирался покровъ и благословеніе семейной жизни. Много трогательныхъ обычаевъ вынесли наши предки изъ этой первоначальной жизни, обычаевъ, отъ которыхъ развалины долго сохранялись и теперь еще отчасти сохраняются въ простомъ народѣ.

Этотъ древнѣйшій, чисто патріархальный бытъ не могъ быть вѣчнымъ. Не говорите въ грустномъ раздумьи — «да, потому что все человѣческое проходитъ». Все проходитъ, но не потому, что вѣчное круговращеніе, вѣчная смѣна одного другимъ — смыслъ и задача жизни. Все проходитъ потому, что существующее хорошее жизнь ведетъ еще къ лучшему. Въ смерти — зачатки обновленія и воскресенія. На младенца, на юношу мы смотримъ съ внутреннею скорбію; мы знаемъ, что изчезнетъ то непередаваемое очарованіе, которымъ исполнены его неопредѣленныя, невысказанныя черты. Но выше этой скорби ставитъ насъ сознаніе, что весеннее обаяніе юности смѣнится строгой красотой и полнотой жизни возмужалаго возраста. Оно даетъ намъ силы подавить грусть, пристально и холодно взлянуть на юность, и мы въ ней самой открываемъ тогда причины ея несостоятельности. Къ тому же приводитъ и исторія.

Въ чисто семейномъ быту нашихъ предковъ лежали зачатки его будущаго разрушенія. Онъ былъ созданъ природой, а не мыслью, не сознаніемъ, которыя могли бы дать ему твердость, постоянство, а вмѣстѣ и опредѣленность, ему совершенно неизвѣстную. Но кровныя связи слишкомъ не прочны, чтобы поддержать общественный бытъ. Племена, заселявшія Россію, большею частью разрозненныя, иногда враждующія между собою, тоже произошли отъ одной семьи, но почти совсѣмъ забыли свое единство; отъ него осталось одно смутное воспоминаніе. Тоже предстояло и семейному быту поселеній; рано

или поздно, онъ долженъ былъ поколебаться. Чѣмъ дальше расходились линіи, тѣмъ больше должно было забываться между ними кровное родство. Въ добавокъ, семьи и роды переходили изъ поселенія въ поселеніе, ссорились и отдѣлялись другъ отъ друга. Могли быть и другія причины, приведшія поселенія къ внутренней разрозненности, ибо трудно, почти невозможно слѣдить за развитіемъ быта въ эти отдаленныя времена, отъ которыхъ дошли до насъ одни скудныя, отрывочныя извѣстія, когда это такъ не легко и въ ближайшія эпохи. Мало по малу внутренняя разрозненность поселеній повлекла за собою важныя измѣненія въ ихъ быту и устройствѣ.

Мы видѣли, что главами поселеній были сначала старшіе по роду и лѣтамъ; потому они и назывались старѣйшинами; по смерти одного мѣсто его заступалъ старшій по немъ. Но когда народонаселеніе усилилось, семьи и линіи въ одномъ поселеніи размножились, появилось много старшихъ родомъ и лѣтами, а кто изъ нихъ старѣе не возможно было опредѣлить, — стали избирать старѣйшинъ.

Съ перваго взгляда это измѣненіе кажется неважнымъ; но оно предполагало существенную перемѣну въ прежнемъ бытѣ. Въ немъ, въ этомъ измѣненіи, обнаружилось, что поселенія, внутри себя, распались на частные, тоже семейные союзы. Какъ прежде племена разъединялись, такъ и семьи въ поселеніяхъ. Только условія послѣдняго распаденія были неодинаковы съ первымъ. Племена были разбросаны на большомъ пространствѣ; имъ можно было забыть и незнать другъ друга. Напротивъ, въ поселеніяхъ семьи жили рядомъ, на небольшомъ клочкѣ земли; забыть и не знать другъ друга онѣ не могли; связи и отношенія между ними необходимо поддерживались, но онѣ не были уже только дружественныя. Особенные интересы производили между ними непріязненныя столкновенія, въ поселеніяхъ неустройства и несогласія. Лице старѣйшины должно

было вырости, характеръ его власти измѣнился. Оставаясь по прежнему патріархальной, она начинаетъ получать легкій, едва замѣтный юридическій оттѣнокъ, какъ и отношенія семей, составляющихъ поселеніе. Необходимость внутренней тишины и порядка принуждаетъ поселенія прибѣгать, при несогласіяхъ, къ ихъ собственному главѣ — старѣйшинѣ. Они отдаются на его судъ и приговоръ. Онъ становится посредникомъ, миротворцемъ и судьею въ поселеніи, лицомъ необходимымъ и еще болѣе важнымъ, чѣмъ былъ прежде.

Возрастающее значеніе старѣйшинъ было признакомъ возрастающей разрозненности семей. Каждая болѣе и болѣе начинаетъ погружаться въ свои особенные интересы, внутри себя жить своею особенною жизнью, точно такою же, какою жило сначала цѣлое поселеніе. Въ этихъ семьяхъ тотъ же семейный, родственный бытъ, связи и кровное единство, такой же старѣйшина по роду и лѣтамъ. Общія потребности еще поддерживаютъ связи между семьями. О важнѣйшихъ дѣлахъ, которыя до всѣхъ ихъ касаются, старѣйшина поселенія совѣщается съ ихъ старѣйшинами. Съ бо́льшимъ ослабленіемъ единства поселенія, котораго старѣйшина былъ представителемъ, семьи мало по малу становятся главными дѣятелями, и власть ихъ общаго старѣйшины ослабѣваетъ. Образуются въ поселеніяхъ общія совѣщанія — вѣча (отъ вѣщать), такія же неопредѣленныя, юридически неустановленныя собранія, какъ и весь тогдашній бытъ. То были сходбища семей для общаго совѣщанія, — праматери теперешнихъ крестьянскихъ сходокъ, и столько же неправильныя.

Мало по малу семьи привыкаютъ, несмотря на внутреннюю разрозненность, всѣ важныя и общія дѣла дѣлать вмѣстѣ, поговоря между собою. Поселенія становятся общинами. Нѣкоторыя изъ нихъ для защиты отъ внѣшнихъ враговъ строятъ ограды и получаютъ названіе городовъ; но внутреннее

устройство всѣхъ общинъ по прежнему совершенно одинаково, ибо та же основа во всѣхъ.

Дальнѣйшее развитіе общиннаго быта состояло въ бóльшемъ и бóльшемъ его распаденіи. По мѣрѣ того, какъ возрастала особность семей, и онѣ вживались въ свои особенные интересы, единство общинъ продолжало ослабѣвать. Власть изъ рукъ общинныхъ старѣйшинъ переходитъ къ главамъ семействъ, къ старѣйшинамъ отдѣльныхъ, родственныхъ союзовъ. Наконецъ, первые изчезаютъ и избираются только въ случаѣ войны или опасности. Ихъ мѣсто заступаютъ вѣчевыя собранія. Вмѣсто одного главы въ общинахъ появляются многіе главы — старѣйшины надъ семьями. Непріязненныя столкновенія между ними, ссоры и вражды — неминуемы. Открываются нескончаемыя усобицы, внутреннія волненія въ общинахъ. Это-то состояніе и описываетъ лѣтописецъ словами: «не было у нихъ правды и всталъ родъ на родъ; были у нихъ усобицы, и начали они воевать другъ противъ друга».

Какъ развивался общинный бытъ, такъ въ незапамятныя времена и въ огромныхъ размѣрахъ развивался бытъ племенной. Мы можемъ судить объ этомъ по разительному сходству племеннаго устройства съ общиннымъ. Общины, принадлежавшія къ одному племени, собирались на племенныя вѣча. Были и племенные старѣйшины — князья; но какъ въ общинахъ, они не вездѣ удержались.

Когда общинный бытъ совершенно разрушился и семьи стали дѣйствовать независимо, свободно, вся власть перешла къ нимъ. За обиду онѣ удовлетворяли себя сами; споръ рѣшался боемъ или отдавался на судъ выборныхъ посредниковъ. Такъ появилась кровная месть, поединки, цѣловальники, или присяжные. Нѣкоторыя семьи, по богатству, извѣстности, талантамъ и другимъ причинамъ, возвысились надъ прочими; появилось различіе между знатными и незнатными,

которое обозначалось все болѣе и болѣе. Такъ развивался древнѣйшій общественный бытъ русскихъ Славянъ, — у однихъ племенъ скорѣе, у другихъ медленнѣе; у однихъ послѣдовательнѣе, полнѣе и рѣзче, чѣмъ у другихъ; но главныя черты этого развитія тѣ же у всѣхъ. Оно постепенно вело Россію къ бо́льшему и бо́льшему разъединенію. Политическое единство цѣлаго русско-славянскаго племени было уже утрачено; единство внутри племенъ изчезало. Даже общины, вслѣдствіе этого развитія, распадались на свои составныя части; процессу разложенія не предвидѣлось конца.

Въ это время возникаетъ въ Россіи новый порядокъ вещей, принесенный извнѣ.

Въ половинѣ IX вѣка на сѣверномъ краю ея совершилось важное, многознаменательное событіе. Нѣсколько племенъ, истерзанныхъ внутренними смутами, отсутствіемъ порядка и устройства, рѣшились власть надъ собою отдать чужеземцу: явленіе не столько загадочное, какъ кажется съ перваго взгляда. Кровный бытъ не можетъ развить общественнаго духа и гражданскихъ добродѣтелей. Взаимныя зависти мѣшали племенамъ рѣшиться на выборъ начальника, старѣйшины, князя изъ своей среды, и они, чувствуя необходимость власти, невозможность самимъ управляться, лучше хотѣли подчиниться третьему, постороннему, равно чуждому для всѣхъ. Особенныя, частныя причины склонили ихъ выборъ на Варяговъ. По призыву союзныхъ племенъ, является въ Россію воинственная дружина, подъ предводительствомъ вождей, которыхъ наши предки по-своему называютъ князьями. О происхожденіи этой дружины и до сихъ поръ спорятъ. Несомнѣннымъ кажется, что преобладающіе въ ней элементы были германскіе. Едва перешедши на новую почву, она начинаетъ воевать на право и на лѣво, покорять окрестныя племена и угнетать призвавшія. Подъ начальствомъ втораго своего предводителя, Олега, она

оставляетъ сѣверъ Россіи и переходитъ на югъ, продолжая дѣло завоеванія и покоренія и восполняя свои ряды подвластными племенами; нѣкоторыя поддаются ей добровольно. Такъ длится слишкомъ сто лѣтъ. Во всѣхъ дѣйствіяхъ Варяговъ въ ихъ новомъ отечествѣ проглядываютъ суровые побѣдители, равнодушные къ призвавшему и покоренному народу, страстные къ войнѣ, жаждавшіе добычи. Воинственный духъ заставляетъ ихъ искать новыхъ завоеваній, ведетъ къ стѣнамъ Византіи, и полу-Варягъ, полу-Славянинъ Святославъ еще мечтаетъ навсегда поселиться въ Болгаріи. Гдѣ дружинѣ было лучше, тамъ и было ея отечество.

Изъ русско-славянскихъ племенъ, волей и неволей покорившихся дружинѣ, образуется сильное, обширное государство; но устройство его носитъ на себѣ не-славянскій отпечатокъ; кажется, оно было феодальное. Если этого не видно изъ словъ лѣтописца, что предводители варяжской дружины сажали своихъ мужей въ покорившихся или покоренныхъ городахъ, — словъ, которыя, впрочемъ, подлежатъ различному толкованію, — то это болѣе нежели вѣроятно изъ того, что Рогвольдъ и Туръ имѣли свои наслѣдственныя владѣнія; что въ договорѣ Олега и особенно Игоря говорится о состоящихъ подъ ихъ рукою свѣтлыхъ князьяхъ въ русской землѣ, изчисляются ихъ имена, всѣ не-славянскія, посылаются отъ нихъ послы вмѣстѣ съ послами Олега и Игоря, и выговаривается на ихъ часть контрибуція у Грековъ.

Каковы бы ни были Варяги, пришедшіе къ намъ, ихъ значеніе въ русской исторіи весьма важно. Они принесли съ собою первые зачатки гражданственности и политическаго, государственнаго единства всей русской земли. Мы совсѣмъ не хотимъ этимъ сказать, что безъ нихъ и то и другое было бы невозможно; мы говоримъ о фактахъ, какъ они были. Со временъ Варяговъ появляются въ Россіи элементы, ей до того со-

вершенно неизвѣстные. Она была раздроблена; Варяги соединяютъ ее въ одно политическое тѣло. Первая идея государства на нашей почвѣ имъ принадлежитъ. Они приносятъ съ собою дружину, учрежденіе не русско-славянское, основанное на началѣ личности и до того чуждое нашимъ предкамъ, что въ ихъ языкѣ нѣтъ для него даже названія; ибо мы по привычкѣ называемъ его дружиной; но это слово не вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію германскаго учрежденія, придавая ему какой-то частный, домашній, полу-семейный оттѣнокъ, какой дружины дѣйствительно получили у насъ въ послѣдствіи, но котораго не могли имѣть сначала. Варяги приносятъ съ собой право князя наслѣдовать послѣ смерда-поселянина и новую систему управленія, неизвѣстную семейно-общинной до-варяжской Руси. Эта система строга, убыточна, раззорительна для подданныхъ. Она совершенно равнодушна къ управляемымъ, противополагаетъ ихъ интересы интересамъ правителя, его обогащеніе поставляетъ главною цѣлью и рѣзко выдвигаетъ его лице изъ среды подвластныхъ. Наконецъ, Варягамъ принадлежитъ начало виръ, или денежныхъ платъ за преступленія въ Россіи; названіе и числовое сходство съ германскими вирами обличаютъ въ нашихъ вирахъ не славянское происхожденіе.

Не прошло вѣка — и Варяги начали терять свою національность. Въ Святославѣ подъ варяжскими формами уже виденъ Славянинъ. Частыя сношенія съ Варягами, прибытіе въ Россію новыхъ сѣверныхъ дружинниковъ и выходцевъ, долго поддерживали національную особность нашихъ властителей; но въ княженіе Ярослава Варяги сливаются съ русскими Славянами, перестаютъ отъ нихъ отличаться и совершенно подчиняются туземному русско-славянскому элементу. Говорится еще въ лѣтописяхъ о Варягахъ внѣ русской земли; о славяно-русскихъ Варягахъ не упоминается болѣе ни слова.

Но вдругъ не могъ совершенно изчезнуть варяжскій элементъ: слѣды его остались. Около двухъ вѣковъ Варяги были главными дѣятелями въ нашей исторіи, основали у насъ государство, и все это время стояли во главѣ его; естественно, что ихъ учрежденія долго сохраняли печать своего историческаго происхожденія. Только вмѣстѣ съ Варягами и онѣ обрусѣли въ послѣдствіи такъ, что, не знай мы ничего о варяжскомъ періодѣ, мы бы и не заподозрили, что они не русскіе.

При Ярославѣ Великомъ изчезли Варяги: съ его времени начинаетъ преобладать русско-славянскій элементъ. Перерванная нить нашего національнаго развитія подымается опять, съ той точки, на которой оно остановилось передъ пришествіемъ дружины. Но отнынѣ оно не ограничивается однимъ общиннымъ, частнымъ, домашнимъ бытомъ: оно обхватываетъ собою и государственный бытъ, созданный чужеземцами и вмѣстѣ съ ними подчинившійся вліянію туземнаго элемента.

Передъ прибытіемъ Варяговъ семьи начинали становиться главными дѣятелями въ нашемъ внутреннемъ бытѣ. Единство внутри племенъ и общинъ падало. Но и семьямъ предстоялъ тотъ же путь. Подобно имъ, и онѣ должны были размножиться и обратиться наконецъ въ многовѣтвистые роды, а роды со временемъ распасться на свои составныя части и утратить сознаніе своего внутренняго, кровнаго единства. Такъ и было. Въ лицѣ потомства Ярослава Великаго, или, правильнѣе, Владиміра, выступаетъ на сцену историческаго дѣйствованія *семья*, разросшаяся потомъ въ цѣлый *родъ*. Конечно, она не была единственная въ тогдашней Руси; были и другія; но ихъ судьбы терялись въ массахъ народа, и покрыты мракомъ. Не то представляетъ княжескій родъ Владиміровъ. Онъ дѣйствуетъ въ высшей, государственной сферѣ; онъ одинъ; онъ всегда на виду. Обладая Россіей, онъ управляетъ его исторіей. Оттого мы на немъ можемъ подробно изучать

постепенное развитіе семьи и рода, законы этого развитія и необходимый его исходъ. Весь нашъ государственный бытъ, отъ Ярослава до усиленія Москвы, есть исторія развитія родоваго начала, предоставленнаго самому себѣ, исторія его постепеннаго разложенія и упадка.

Ярославъ, князь чисто русскій, первый задумалъ основать государственный бытъ Руси и утвердить ея политическое единство на родовомъ началѣ. Такая мысль, въ его время, была естественна. Феодальный порядокъ не могъ укорениться на нашей почвѣ, и изчезъ вмѣстѣ съ Варягами. Оставалось построить государство по началамъ туземнымъ, до которыхъ тогда развился нашъ древній бытъ. Такимъ началомъ было начало семьи, рода. Къ нему и прибѣгнулъ Ярославъ Великій.

Вся Россія должна была принадлежать одному княжескому роду. Каждый князь, членъ рода, получилъ свою часть; на какомъ основаніи онъ владѣлъ ею — неопредѣлено. Старшій въ родѣ, ближайшій по рожденію къ родоначальнику, долженствовалъ быть главнымъ, первымъ между князьями, великимъ. Ему, какъ старшему, подчинены всѣ прочіе князья въ ихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ между собою. Онъ былъ представителемъ единства княжескаго рода, главою всѣхъ князей и вмѣстѣ представителемъ политическаго единства Руси. Его мѣстопребываніемъ былъ Кіевъ, резиденція Ярослава и его предковъ. Открывался періодъ удѣловъ.

Государственная система Ярослава очевидно была неполна и слишкомъ неопредѣленна. Множество вопросовъ, возникшихъ потомъ, она оставила не разрѣшенными. Но не должно забывать, что въ его время родовое начало не было еще обработано юридически, подробно, какъ въ послѣдствіи, когда оно, утративъ жизнь, обратилось въ матеріялъ для многосложной и утонченной казуистики. Кромѣ того, основное ея начало было

непрочно; рано или поздно, она должна была разрушиться сама собою.

Вскорѣ послѣ смерти Ярослава, когда удѣльный періодъ только что начинался, возникло колебаніе между территоріяльнымъ началомъ и личнымъ, родовымъ и семейнымъ, колебаніе, которое окончилось разрушеніемъ политическаго единства Россіи. О томъ и другомъ мы скажемъ особливо.

По завѣщанію Ярослава, всѣ сыновья его (кромѣ послѣдняго — малолѣтняго) получили по удѣлу. Старшему достался Кіевъ, и каждый старшій въ княжескомъ родѣ имѣлъ право владѣть имъ. Чрезъ это Кіевъ дѣлался старшимъ, первымъ между удѣльными городами древней Руси. Такъ начало старшинства между князьями переходило и на территорію. Если Кіевъ былъ удѣломъ старшаго, то Переяславль долженъ былъ сдѣлаться удѣломъ старшаго по немъ, ибо онъ достался второму сыну Ярослава; Черниговъ — третьяго, потому что онъ отданъ былъ Ярославомъ третьему сыну, и т. д. Словомъ, іерархія кровнаго старшинства должна была сообщиться землѣ, и породить іерархію территоріяльнаго или городоваго старшинства. Послѣдняя, утвердившись, могла бы поддержать политическое единство Россіи, ибо сама по себѣ она, однажды установленная, была неподвижна и прочна. Но ее создала первая, которая, безпрестанно измѣняясь съ смертью и рожденіемъ князей, влекла за собою и территоріяльное устройство. Сначала, когда великій или другой князь умиралъ, происходило перемѣщеніе всѣхъ князей изъ удѣла въ удѣлъ, для уравновѣшенія кровнаго и городоваго распорядка. Но равновѣсіе не могло долго продолжаться. Увеличеніе и уменьшеніе числа князей его нарушало; это должно было дать перевѣсъ началу личному. Появились безпрестанно новые дѣлежи Россіи. Начало территоріяльное уступило личному. А тогдашнее личное начало, въ противуположность территорі-

яльному, не могло упрочить государственной цѣлости Россіи. Его представлялъ родъ. Но законъ развитія рода — распаденіе, уничтоженіе единства. Едва успѣли обозначиться линіи — ближайшее потомство родоначальника, — какъ онѣ начали уже забывать свое кровное единство, общее происхожденіе и стали преслѣдовать свои частныя, особенныя цѣли, основываясь на правахъ ихъ ближайшаго предка, а не общаго родоначальника. Частный, болѣе тѣсный кровный союзъ исключалъ общій, обнимавшій всѣхъ членовъ. Такъ, по началу родовому, которое должно было поддерживать единство Россіи и княжескаго рода, послѣ общаго родоначальника старшимъ былъ его старшій сынъ, потомъ второй, потомъ третій и т. д. Послѣ этого перваго, ближайшаго потомства родоначальника, старшинство переходило къ старшему внуку (старшему сыну старшаго сына) родоначальника, потомъ ко второму, потомъ къ сыновьямъ второго родоначальника по старшинству рожденія и т. д. По другому началу, которое мы, въ отличіе отъ родоваго, будемъ называть семейственнымъ, старшій внукъ родоначальника (старшій сынъ старшаго сына), основываясь на ближайшихъ интересахъ семьи, къ которой онъ принадлежалъ, и не думая о далекихъ для него интересахъ цѣлаго рода, старался присвоитъ себѣ права, принадлежавшія его отцу, и не обращалъ вниманія на права старшаго дяди, основанныя на родовомъ началѣ. Между обоими этими взаимно исключающими, враждебными началами — родовымъ и семейственнымъ, отчиннымъ, рано произошло колебаніе, которое, по закону распаденія кровнаго быта, должно было окончиться побѣдою послѣдняго надъ первымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить и политическое единство Россіи, основанное на единствѣ княжескаго рода и такъ неразрывно съ нимъ связанное.

Удивительное зрѣлище представляетъ западная, особенно югозападная Россія въ первую половину періода удѣловъ, до

исхода XII вѣка! Вся она покрыта русско-славянскими общинами, по прежнему земледѣльческими и торговыми, изъ которыхъ многія были многолюдны и уже достигли высокой степени процвѣтанія. Вѣковыя преданія, семейно-общинное устройство и бытъ живутъ въ нихъ. Самое племенное устройство еще не совсѣмъ изчезло; временами ярко оживаетъ о немъ воспоминаніе. Надъ этимъ первобытнымъ, патріархальнымъ міромъ носится другой міръ — странное сліяніе элементовъ, столько противоположныхъ, варяжскаго и русско-славянскаго — міръ князей-витязей, въ которыхъ течетъ еще варяжская кровь; міръ дружинъ, еще являющихъ живые слѣды своего не славянскаго происхожденія, міръ кровавыхъ битвъ, борьбы и безпокойной дѣятельности. Княжескій родъ, выдающійся надъ русскою землею, представляется оторваннымъ отъ родимой почвы и неимѣющимъ постояннаго мѣста; кругъ его дѣятельности очерченъ; въ немъ онъ вращается; его члены разрознены, переходятъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного края въ другой, далекій, съ нетвердымъ сознаніемъ своихъ взаимныхъ кровныхъ отношеній. Въ лицѣ первыхъ князей русско-славянскій міръ какъ будто готовится освободить себя отъ ига природы и дать просторъ личности ослабленіемъ кровнаго союза.

Взглядъ княжескаго рода на Россію — какое-то сліяніе славяно-русскаго и варяжскаго элементовъ. Мысль о ея единствѣ, нераздѣльности какъ государства, странно существуетъ подлѣ мысли, что она — наслѣдственное, вотчинное достояніе княжескаго рода и, слѣдовательно, дѣлима, какъ частное имѣніе. На княжескихъ дружинахъ — та же печать. Дружинное начало поддерживаютъ, въ періодъ удѣловъ, старый варяжскій обычай, воинственный духъ князей, ихъ безпрестанные переходы изъ княжества въ княжество, изъ общины въ общину, борьба родоваго начала съ семейственнымъ. Составъ дружинъ самый разнообразный, разноплеменный, разнохарактерный.

Все равно, кто служитъ, лишь бы служилъ вѣрно: Торкъ, Венгръ, Печенѣгъ, Славянинъ — какое дѣло князю? Но преобладающій элементъ въ составѣ дружинъ долженъ былъ быть русско-славянскій. Естественно, что въ ихъ рядъ вступала вся удалая часть туземнаго населенія, пробужденная отъ покоя патріархальной жизни и ринутая въ тревожную дѣятельность надеждою добычи и приключеній. Съ другой стороны, семьи и роды, выдававшіеся въ общинахъ надъ остальными жителями, занимавшіе высшее мѣсто въ общественномъ быту, должны были наконецъ сгруппироваться около князей — вершинъ общественной іерархіи. И тѣ и другіе внесли въ чисто личный, договорный характеръ дружинъ элементы семейной, патріархальной жизни. Для русскаго Славянина съ мыслью о князѣ необходимо соединялось представленіе о начальникѣ рода, племени: таковъ былъ кругъ понятій, въ которомъ онъ выросъ и который онъ переносилъ съ собою всюду. Оттого, сдѣлавшись дружинникомъ, онъ становился къ князю въ отношенія полу-договорныя. Обрусѣвшій князь, начальникъ дружины, выросшій въ патріархальной средѣ, то же не могъ пребывать въ однихъ чисто личныхъ, договорныхъ отношеніяхъ къ своей дружинѣ: онъ былъ ея начальникомъ и вмѣстѣ становился ея отцомъ и братомъ. Такъ князь и его сподвижники начали представлять собою военное учрежденіе, переложенное на семейные нравы.

Сначала князья, полу-правители, полу-вотчинники, по понятіямъ народа преемники прежнихъ племенныхъ и общинныхъ старѣйшинъ, жили между собою согласно. Но не долго. Семейственное начало, разлагающее родъ, рано начало высказываться. Дяди обдѣляли племянниковъ въ пользу своихъ сыновей, племянники возставали на дядей, сыновья присвоивали себѣ достоинство и владѣнія отцовъ, на которыя предъявляли свои права старшіе родичи. Когда, такимъ образомъ, един-

ство княжескаго рода, находившее менѣе поборниковъ, было поколеблено, вопросъ о старшинствѣ между всѣми князьями сталъ спорнымъ, а съ нимъ стало спорнымъ и право владѣть Кіевомъ. Начались непрерывныя войны, которыми рѣшалась борьба двухъ враждебныхъ началъ семьи и рода. Ихъ предметомъ были Кіевъ или удѣлы. Долго сохранялъ первый въ глазахъ князей значеніе политическаго центра Россіи; долго съ его обладаніемъ соединялась мысль о власти надъ прочими князьями. Но съ упадкомъ единства княжескаго рода эта власть болѣе и болѣе становилась призракомъ. Тогда въ княжескомъ родѣ повторилось то же явленіе, которое представляетъ развитіе общинъ: мало по малу видимый представитель единства сталъ простымъ княземъ. Члены княжескаго рода начали съ общаго согласія рѣшать дѣла, которыя касались до всего княжескаго рода и Россіи. Появляются съѣзды князей, которые въ исторіи рода соотвѣтствуютъ вѣчамъ въ исторіи общинъ. Но и съѣзды не могутъ поддержать единства распадающагося рода. Они только обнаруживаютъ слабость великихъ князей и еще разъ высказываютъ начало семейственное, враждебное роду. Тщетно Владиміръ Мономахъ и сынъ его Мстиславъ Великій стараются возсоздать политическую систему Ярослава. Пока они живы, она держится, но не собственными силами, а личными достоинствами и доблестями этихъ князей. Когда ихъ не стало, опять обнаружилась вся ея несостоятельность, еще съ большей силой, чѣмъ прежде; ибо Владиміръ Мономахъ и Мстиславъ, возстановляя прежнее, сами дѣйствовали подъ вліяніемъ вотчиннаго начала, и въ новомъ устройствѣ Россіи дали первенство потомству Всеволода надъ прочими линіями Владимірова княжескаго рода: это вызвало ненависть послѣднихъ, особенно Святославичей. Ожесточенная борьба Ольговичей и Мономаховичей показала, что единство княжескаго рода навсегда утрачено.

Въ продолженіи этихъ неумолкающихъ битвъ и частыхъ переходовъ князей на время оживаетъ сначала дремлющее и постепенно распадающееся, потомъ сокрытое отъ насъ варяжскимъ слоемъ — общинное начало. Мы видѣли, что само въ себѣ оно не имѣло зачатковъ жизни и развитія. Оно клонилось все болѣе и болѣе къ упадку, потому что не было основано на личномъ началѣ, первомъ, необходимомъ условіи всякой гражданственности, а покоилось на началѣ кровномъ, которое, отрицая себя, отрицало и древній общинный бытъ. Но перенесенныя въ міръ безконечныхъ войнъ, всегда окруженныя опасностями, общины невольно должны были выступить на поприще политической дѣятельности. Эта дѣятельность вообще слаба, болѣе отрицательна, но тѣмъ не менѣе замѣтна. Часто мѣняя владѣнія, переходя изъ мѣста въ мѣсто, князья не могли имѣть однихъ интересовъ съ общинами. Первые, съ малыми исключеніями, равнодушно смотрѣли на послѣднія. Отсюда — угнетенія и насилія со стороны князей и ихъ дружинъ. Имъ были нужны деньги и войско; прочее ихъ мало заботило. За битвой и побѣдой слѣдовалъ грабежъ, опустошеніе областей побѣжденнаго князя. Все это должно было наконецъ нарушить совершенное бездѣйствіе общинъ. Онѣ почувствовали необходимость внутренняго единства, сомкнутости, и приняли оборонительное положеніе. Не способныя жить безъ князя, онѣ, разумѣется, желали себѣ князей, отличившихся гражданскими и воинскими доблестями, которые, управляя ими безъ насилія, могли, въ случаѣ нужды, защищать ихъ отъ безпрестанныхъ, разорительныхъ набѣговъ. Истощеніе и ослабленіе князей дало общинамъ возможность осуществлять это желаніе. Онѣ обладали средствами для войны, онѣ были цѣлью вѣчныхъ распрей между князьями. Оттого онѣ мало по малу стали выбирать себѣ князей, призывать и изгонять ихъ, заключать съ ними ряды или условія. Вѣча получили тогда большую власть, и звонъ вѣчевыхъ коло-

коловъ часто раздавался въ Россіи. Возвратились опять времена избранія старѣйшинъ въ лицѣ князей. И точно, въ предпочтеніи извѣстныхъ княжескихъ династій другимъ, въ отношеніяхъ общинъ къ князьямъ, видны глубокіе слѣды исключительно патріархальнаго, до-варяжскаго быта первыхъ.

Особенно развились общины на сѣверѣ. Между ними первое мѣсто занимаетъ Новгородъ.

Тѣ же самыя причины, которыя возбудили дѣятельность общинъ въ тогдашней Россіи, благопріятствовали и Новгороду. Но къ нимъ присоединились еще и другія, не менѣе важныя: географическое положеніе на торговомъ пути сдѣлало Новгородъ центромъ промышленности и торговли, и рано развило въ немъ общинный духъ. Оттого Новгородцы не ладили съ своевольной варяжской дружиной, не терпѣли ея насилій, и когда она удалилась на югъ, можетъ-быть, столько же манимая Византіей, сколько тревожимая Новгородцами, имъ стало свободнѣе дышать, чѣмъ остальной Россіи: гордое требованіе князя у Святослава, кровавая месть надъ Варягами при Ярославѣ, доказываютъ это. Когда насталъ періодъ удѣловъ, право ставить князя въ Новѣгородѣ удержалось за княземъ кіевскимъ. За каждой смѣной послѣдняго слѣдовала смѣна и новгородскаго князя. Такъ ни одна княжеская династія не могла въ немъ окрѣпнуть и утвердиться. Наконецъ, вниманіе борющихся князей отвлечено было на юго-западъ Россіи, къ Кіеву — солнцу періода удѣловъ, послѣдней цѣли всѣхъ честолюбивыхъ стремленій. Новгородъ остался внѣ этого движенія; его не коснулись опустошительныя войны; ему не надобно было нѣсколько разъ возставать изъ развалинъ, какъ прочимъ общинамъ древней Россіи: съ самаго начала его общинный бытъ и сохранился и поддерживался.

Подобно прочимъ общинамъ, Новгородъ не замедлилъ воспользоваться возможностію избирать своихъ князей. Но его

положеніе и историческія обстоятельства дали ему средства удержать за собою эту привиллегію и обратить ее въ право, которымъ онъ почти неограниченно пользовался до самаго конца своего политическаго существованія.

На Новгородъ долго смотрѣли, какъ на какое-то странное исключеніе изъ жизни древней Россіи. Объяснить его старались иноземнымъ вліяніемъ. Теперь, когда старая Русь сдѣлалась извѣстнѣе, этотъ историческій предразсудокъ мало по малу изчезаетъ. Все внутреннее новгородское устройство говоритъ противъ него. Въ этомъ устройствѣ нѣтъ ни одной не-русской, не славянской черты. Новгородъ — община въ древне-русскомъ смыслѣ слова, какими были болѣе или менѣе и всѣ другія общины; только особенныя историческія условія дали формамъ ея рѣзче обозначиться, продлили гораздо долѣе ея политическое существованіе. Новгородъ остался для насъ образцомъ первоначальнаго, русско-славянскаго общиннаго быта. Въ его внутреннемъ устройствѣ мы открываемъ ту же неопредѣленность, то же отсутствіе твердой, юридической, на началѣ личности созданной общественности, которыя характеризуютъ нашу древнюю внутреннюю жизнь.

Новгородъ состоялъ изъ множества общинъ; каждая изъ нихъ имѣла, въ главныхъ чертахъ, одинаковое устройство съ цѣлой новгородской общиной. Въ послѣдней верховная власть находилась въ одно и то же время въ рукахъ князя и вѣча. По существу своему противоположные, оба живутъ рядомъ, другъ возлѣ друга, и ничѣмъ неопредѣлены ихъ взаимныя отношенія. Постояннаго государственнаго устройства нѣтъ: новый князь — новыя условія. Они сходны; но потому, что они условія, они изобличаютъ отсутствіе яснаго сознанія о государственномъ бытѣ. Князь избирается Новгородомъ; онъ отъ него зависитъ и всегда можетъ быть удаленъ изъ общины, когда имъ недовольны. Власть его ограничена въ частностяхъ, не опредѣлена

въ сущности. Исторія родила къ ней недовѣріе Новгородцевъ: отсутствіе государственныхъ идей мѣшало схватить ее въ определенныхъ юридическихъ формахъ. Въ свою очередь, и вѣче представляетъ совершенно неопредѣленное народное собраніе. Дѣла рѣшались не по большинству голосовъ, не единогласно, а какъ-то совершенно неопредѣленно, собща. Живую картину его и теперь еще представляютъ крестьянскія сходки. Несогласные съ толпой подвергались народной мести; ихъ убивали или бросали въ Волховъ; имущество ихъ предавалось разграбленію. Обыкновенно вѣче бывало одно; но иногда ихъ бывало и два, враждебныхъ между собою. Главные новгородскіе сановники — посадники и тысячскіе были когда-то княжескіе чиновники, но потомъ, вмѣстѣ съ княземъ, стали выборными. Какъ во всякой древней русской общинѣ, въ Новгородѣ были бояре и смерды, старшіе и младшіе. Но какова была новгородская аристократія, мы незнаемъ; знаемъ только, что въ послѣднее время она играла важную роль.

Свою власть и свои отношенія къ другимъ Новгородъ сознавалъ въ тѣхъ же формахъ, въ какихъ и князья: онъ былъ господиномъ и государемъ, съ городами считался братствомъ. Подобно князьямъ, онъ управлялъ своими областями, которыя не принимали участія въ его политическомъ устройствѣ (исключая, можетъ-быть, той части новгородской территоріи, которая изначала была заселена однимъ племенемъ); жителей этихъ областей называлъ своими смердами, посылалъ ими править своихъ посадниковъ и сбиралъ съ нихъ дань и войско.

Отношенія Новгорода къ остальной Россіи опредѣлялись его характеромъ и исторіей. Онъ былъ на краю Россіи, далеко отъ театра вѣчныхъ войнъ и раздоровъ. Торговля отвлекла всю его дѣятельность и вниманіе за море. Сдѣлавши его богатымъ и сильнымъ, она дала ему возможность быть всегда въ

оборонительномъ положеніи въ отношеніи къ князьямъ, ослабленнымъ междоусобіями, говорить съ ними смѣло и оружіемъ поддерживать слова. Поэтому князья должны были избрать себѣ другую цѣль, обратиться въ другую сторону. Новгородъ былъ какъ бы торговая волость, забытая и оставленная помѣщикомъ: богатая и сильная, потому что оставлена, оставляемая, потому что была сильна и богата и никому не поддавалась. Имѣя совершенно розные интересы съ остальной Россіей, но связанный съ ней сосѣдствомъ, языкомъ, вѣрой и преданіями, Новгородъ всячески старался избѣгать непріязненныхъ съ нею столкновеній, тонко и искусно лавировалъ между перекрещивающимися интересами князей, чтобъ не вызвать изъ ихъ среды сильнаго врага. Покуда князья еше кочевали изъ города въ городъ, это до нѣкоторой степени было возможно; но когда ихъ переходы кончились и появились княжества, болѣе или менѣе сильныя, въ близкомъ сосѣдствѣ отъ Новгорода, ему пришлось плохо. Рано завидѣлъ онъ возрастающую опасность. Сначала онъ все еще дѣйствовалъ уклончиво, потомъ, тѣснимый, старался по крайней мѣрѣ не дать усилиться ни одному изъ сосѣднихъ княжествъ и держалъ сторону слабыхъ противъ сильныхъ. Но когда Московское взяло рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми другими, послѣдній часъ Новгорода пробилъ. Іоаннъ III только совершилъ то, что̀ было издавна задумано и приготовлено его предшественниками.

Въ судьбахъ Новгорода много страннаго, особеннаго. Его существованіе не прекратилось само собой, но насильственно перервано — жертва сколько идеи, столько же и физическаго возрастанія и сложенія московскаго государства. Мы не можемъ о Новгородѣ сказать, какъ о древней Руси передъ Петромъ Великимъ, что онъ отжилъ свой вѣкъ и больше ему ничего не оставалось дѣлать какъ изчезнуть. Незадолго передъ уничтоженіемъ его самостоятельности, въ немъ обнаружилось

какое-то неясное стремленіе идти по тому же пути, по которому великій преобразователь, через два съ половиной вѣка, повелъ всю Россію — удивительное сближеніе, много говорящее и въ пользу переворота, совершеннаго Петромъ, и въ пользу Новгорода. Какой особенный оттѣнокъ получила бы реформа древней русской жизни въ Новгородѣ, какіе были бы результаты ея на почвѣ, столько различной отъ московской по исторіи и общественному быту, мы не знаемъ и не беремся рѣшить. Въ лицѣ Новгорода пресѣкся неразвившійся, особенный способъ или видъ существованія древней Руси, неизвѣстный прочимъ ея частямъ. Одно можно сказать съ достовѣрностью: своимъ долгимъ существованіемъ Новгородъ вполнѣ изчерпалъ, вполнѣ развилъ весь исключительно-національный общинный бытъ древней Руси. Въ новгородскомъ устройствѣ этотъ бытъ достигъ своей апогеи, дальше которой не могъ идти. Мы видѣли, каковъ онъ былъ, этотъ бытъ, и какъ мало было въ немъ зачатковъ гражданственности, твердаго прочнаго государственнаго устройства.

Тогда какъ на сѣверѣ община усиливалась и прибирала власть къ своимъ рукамъ, въ остальной Россіи нарождался новый порядокъ вещей. Политическая система, основанная Ярославомъ, которой шаткость обнаружилась съ самаго начала, привела наконецъ совершенное уничтоженіе государственнаго единства Россіи. Долго еще манилъ Кіевъ честолюбіе князей и собиралъ ихъ вокругъ себя; но въ предѣлахъ прежней Руси имъ становилось тѣсно. Владиміръ Мономахъ отдалъ въ удѣлъ одному изъ младшихъ своихъ сыновей, Георгію Долгорукому, отдаленный Суздаль. Въ этой малолюдной странѣ суздальскій Юрій строитъ города, перезываетъ туда жителей, населяетъ пустыни. Привязанный къ юго-западной Руси, цѣли всѣхъ русскихъ князей, невольный изгнанникъ въ далекомъ краю, младшемъ изъ всѣхъ, Долгорукій окружаетъ себя вос-

поминаніями. Онъ устроиваетъ свой удѣлъ по образцу, съ которымъ не разставалась его мысль; на новую почву онъ переноситъ названія окрестностей кіевскихъ. Кіевъ былъ еще для него тѣмъ же, чѣмъ и для другихъ удѣльныхъ князей со временъ Ярослава; онъ всячески добивается чести быть великимъ княземъ кіевскимъ, мнимѳю главою прочихъ князей, мнимою главою Россіи; всю жизнь свою преслѣдуетъ эту цѣль, и наконецъ достигаетъ, не задолго до смерти.

Совершенно иначе дѣйствуетъ уже сынъ и преемникъ его въ суздальской области — Андрей Боголюбскій. Онъ выросъ и воспитанъ далеко отъ Кіева; Кіевъ для него не то, что̀ былъ для его отца, Юрія. На западную и юго-западную Русь онъ смотритъ, какъ на владѣнія. Воспоминанія не связываютъ его съ ними; сердце его лежитъ къ суздальской области. Оттого ему здѣсь хорошо; онъ не думаетъ переѣхать въ Кіевъ, и сѣсть на велико-княжескій престолъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ его глазахъ, не отуманенныхъ историческими предразсудками, что̀ было кіевское велико-княжеское достоинство? — пустой титулъ, не дававшій никакой власти. Если Андрей не понималъ этого отчетливо, то онъ такъ чувствовалъ: въ 1169 году, взявши Кіевъ приступомъ, онъ отдалъ его въ управленіе брату своему Глѣбу, а самъ остался жить во Владимірѣ на Клязьмѣ.

Съ этого времени все начинаетъ принимать у насъ новый видъ. Сознаніе родоваго единства между князьями давно уже совершенно изчезло, а съ нимъ мало по малу и послѣдній признакъ политическаго единства Россіи. Великаго князя въ прежнемъ смыслѣ уже не было, и Кіевъ пересталъ быть столицей. Распадаясь и разъединяясь болѣе и болѣе, вѣтви прежде единаго княжескаго рода перестаютъ наконецъ думать о Кіевѣ, перестаютъ искать велико-княжескаго достоинства; ближайшіе семейные интересы мало по малу сосредоточиваютъ

на себѣ все ихъ вниманіе. Чѣмъ владѣли отцы и дѣды, тѣмъ хотятъ теперь владѣть и князья, ихъ потомки, не простирая далѣе своихъ честолюбивыхъ видовъ. Они заботятся только объ удержаніи за собою наслѣдственныхъ удѣловъ — не болѣе. Такимъ образомъ княжескія вѣтви и фамиліи получаютъ наконецъ осѣдлость. Князья перестаютъ блуждать по лицу всей русской земли, ища владѣній и чести, соотвѣтствующихъ мѣсту, которое они занимаютъ въ родовой лѣствицѣ. Россія распадается на нѣсколько территорій, совершенно отдѣльныхъ и независимыхъ другъ отъ друга; каждая имѣетъ въ главѣ свой особый княжескій родъ.

Въ политической сферѣ семья одержала верхъ надъ родомъ. Но это первенство не уничтожало родоваго начала въ его основаніи, а только въ явленіи. Родовое начало сохранилось и продолжало жить. Теперь только ограничилось его поприще. Оно стало опредѣлять политическій бытъ разрозненныхъ княженій. Въ каждомъ изъ нихъ, въ маломъ видѣ, повторяется то же, что было сначала въ цѣлой Руси. Княжескіе роды размножаются; между ихъ членами счетъ — по родовому старшинству. Старшій называется великимъ, и потому много великихъ князей въ Россіи. Между князьями — распри и междоусобія за старшинство; потомъ мало по малу и княжества раздробляются на мельчайшія части. Это должно было дать новый характеръ князьямъ. Дѣйствуя въ ограниченной сферѣ, они становятся простыми вотчинными владѣльцами, наслѣдственными господами отцовскихъ имѣній. Ихъ отношенія къ владѣніямъ, сначала неопредѣленныя, теперь опредѣляются. Области, княженія обращаются въ ихъ собственность, которую они дѣлятъ между своими дѣтьми. Вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно измѣняется прежній полу-варяжскій, полу-славянскій характеръ княжескихъ дружинъ. Послѣдніе слѣды ихъ не русскаго происхожденія изчезаютъ. Пока война и странствованія поддерживали

воинственный духъ князей и ихъ окружающихъ, отношенія князей и дружинъ были крайне неопредѣленны. Лице князя не выдавалось рѣзко. Онъ все еще былъ какъ бы первый между равными. Осѣдлая, болѣе мирная жизнь должна была измѣнить эти отношенія. Когда князь сталъ вотчинникомъ, господиномъ въ своихъ владѣніяхъ, и дружинники его сдѣлались мало по малу его слугами. Они отправляютъ при немъ придворныя должности. Лице князя выростаетъ. По прежнему, слуги лично свободны, переходятъ отъ одного князя къ другому; но они служатъ, а князь — господинъ.

Такая перемѣна отразилась и во внутреннемъ устройствѣ областей. Общинное начало, вызванное на время къ политической дѣятельности, опять сходитъ со сцены. Вѣча постепенно теряютъ государственный характеръ. Утверждается постоянная, близкая власть князей, владѣющихъ удѣлами наслѣдственно, какъ вотчинами. Самое управленіе областей получаетъ иное значеніе. Изъ неопредѣленнаго, какимъ было сначала, когда князь сажалъ въ области своихъ сыновей, оно болѣе и болѣе становится домашнимъ, вотчиннымъ. Князю нужно удержать у себя въ службѣ своихъ слугъ; прежде они жили вмѣстѣ съ нимъ войной и добычей; теперь имъ нужно содержаніе, и князь отдаетъ имъ въ кормленіе области. Слуги-кормленщики управляютъ ими и получаютъ съ нихъ доходъ. При отсутствіи правильной государственной администраціи, эта система управленія падаетъ страшнымъ разореніемъ на области; произволъ и корыстолюбіе правителей, ни чѣмъ необузданные, возрастаютъ до безмѣрности.

Конечно, не вдругъ произошли всѣ эти перемѣны, и не равно послѣдовательно совершались онѣ въ разныхъ частяхъ Россіи; но зачатки этого новаго порядка вещей уже видны въ стремленіяхъ Андрея Боголюбскаго. Андрей окруженъ уже не дружиной, а двором ъ. Впервые при немъ встрѣчаемъ мы это

общее названіе приближенныхъ князя. Онъ не терпитъ въ своей области соперниковъ, и хочетъ быть самовластнымъ. Братьевъ и племянниковъ своихъ онъ удаляетъ изъ своего княжества. Такъ въ этомъ замѣчательномъ историческомъ лицѣ впервые воплощается въ государственномъ бытѣ древней Россіи новый типъ — типъ вотчинника, господина, неограниченнаго владѣльца своихъ имѣній, типъ, который еще опредѣленнѣе высказывается потомъ въ его братѣ и преемникѣ, Всеволодѣ Георгіевичѣ, и развивается окончательно въ Москвѣ.

Мало по малу изъ этого новаго взгляда на княжества, какъ на собственность князей, на власть послѣдняго, какъ на власть вотчиннаго владѣльца, выработывается совершенно новый порядокъ наслѣдованія. Пока еще не изчезла мысль о государственномъ единствѣ Россіи, а потомъ княжествъ, одинъ князь былъ непремѣнно главнымъ, первымъ, и такимъ былъ тотъ, который въ родѣ былъ старшимъ. Но эта мысль начала постепенно изчезать, князья стали менѣе думать о сохраненіи государственнаго единства княжествъ и дѣлили ихъ между своими дѣтьми, какъ наслѣдство. Начало родовое мало по малу стало вытѣсняться началомъ семейственнымъ, и нисходящіе получаютъ перевѣсъ передъ боковыми родственниками.

Въ нашей древней государственной жизни это было важнымъ и рѣшительнымъ шагомъ впередъ. Правда, раздробленіе Россіи пошло тогда быстрѣе. Казалось, новое начало должно было совершенно уничтожить ея политическое существованіе. Но въ этомъ началѣ разрѣшилась вся неопредѣленность, всѣ вопросы, возникшіе изъ Ярославовой политической системы. Оно обнаружило, что государственное устройство, основанное на родовомъ началѣ, несостоятельно; что государственный и кровный бытъ — враждебны, и одинъ изъ нихъ непремѣнно долженъ уступить мѣсто другому: взяло верхъ кровное начало — изчезло государство. По крайней мѣрѣ исторія довела до ка-

кого-нибудь положительнаго, твердаго результата. Съ него можно было идти далѣе, не оглядываясь назадъ, вновь приняться за созиданіе государства уже не по старымъ началамъ. Московскіе князья и сдѣлали это.

Въ общемъ ходѣ развитія древней русской жизни, упраздненіе родоваго начала семейственнымъ, покуда совершившееся въ одной политической сферѣ, еще важнѣе, еще многознаменательнѣе. До того времени у насъ вездѣ, во всемъ дѣйствуетъ родъ. Онъ создаетъ племена, общины, удѣльную систему. Пока не настало время его отрицанія, человѣку не было возможности выйдти изъ очарованнаго круга исключительно кровныхъ отношеній; ибо родъ объемистъ и широкъ; нѣтъ ему границъ, нѣтъ такихъ далекихъ вѣтвей, которыя, по родовому началу, не могли бы сосчитаться родствомъ. Конечно, личность, ища себѣ простора, часто порывала сѣти, которыми ее опутывали кровныя отношенія. Но выходъ изъ нихъ былъ безсознателенъ, былъ нарушеніемъ закона, тяготѣвшаго надъ цѣлою жизнью. Чтобъ отрѣшится отъ него, нужно было мужество, котораго хватало у иныхъ на время, на одинъ случай, не хватало на всю жизнь. Притомъ весь бытъ такъ былъ сложенъ по кровнымъ началамъ, что о другихъ отношеніяхъ, кромѣ родственныхъ, не было и понятія. Но, когда семейное начало взяло верхъ надъ родовымъ, и главнымъ стала семья, а не родъ, родовой союзъ потерялъ свою обязательную силу. Непризнаніе его перестало быть нарушеніемъ закона. Семьи стали независимы другъ отъ друга. Ихъ взаимныя отношенія, уже неопредѣляемыя кровными началами, должны были опредѣляться чѣмъ-нибудь другимъ, и въ этомъ еще невысказанномъ другомъ лежалъ зародышъ будущихъ юридическихъ отношеній. Граница, предѣлъ кровнаго союза, такимъ образомъ, обозначились. Можно было наконецъ указать въ жизни на отношенія, въ которыхъ родство не было обязательно. Важный шагъ впередъ въ развитіи

личности, прежде всюду стѣсненной и подавленной, которой кровныя отношенія заранѣе указывали мѣсто въ общественномъ быту: низшее передъ другими, несмотря на ея достоинства; по необходимости, высшее передъ прочими; иначе, захоти старшій быть ниже младшаго, позоръ падалъ на его голову и на голову его потомковъ.

Какъ всегда бываетъ въ исторіи, новое семейственное начало выступило сперва робко, нерѣшительно и развивалось подъ старыми формами, созданными родовымъ началомъ. Вдругъ оно не могло отъ нихъ отрѣшиться; потому-то въ немъ мы опять встрѣчаемся съ понятіемъ о старшинствѣ, зависимости младшихъ отъ старшихъ, — этими принадлежностями родоваго начала. Новое борется съ старымъ его же оружіемъ, имъ прыкрываетъ себя. По родовому началу, старшій братъ отецъ прочимъ братьямъ и своимъ сыновьямъ. И тѣ и другіе — его дѣти; но какъ первый его сынъ старшій изъ его дѣтей, то онъ старше и своихъ дядей. Такъ первенство семьи надъ родомъ присвоено сначала одному старшему сыну; родовой счетъ сыновей съ боковыми удержанъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ какъ будто и родовой союзъ. Но главное было сдѣлано: новое начало поставлено и узаконено. Сперва оно измѣнило прежнія родовыя отношенія, потомъ разрушило ихъ.

Въ то время, какъ политическая жизнь Россіи такимъ образомъ мало по малу измѣнялась вмѣстѣ съ понятіями князей, послѣдніе слѣды единства изчезали, и на сѣверо-востокѣ Россіи еще удерживалась одна тѣнь велико-княжескаго достоинства, важное событіе ускорило окончательное паденіе стараго и развитіе новаго порядка вещей. Мы говоримъ о монгольскомъ игѣ. Какъ буря, оно сокрушило все, чт̀о было на поверхности: остались одни зерна, спрятанныя въ землѣ. Теперь они стали рости, и имъ было просторно; ничто имъ не мѣшало.

Монголы сдѣлали много зла Россіи: изъ конца въ конецъ они ее опустошили, и опустошали не разъ. Рабскія привычки, понятія, наклонности, уловки, — хотя и обманчивая, но единственная защита слабаго противъ дикой силы, — если невпервые тогда у насъ появились, то усилились. Несмотря на это, они играютъ важную отрицательную роль въ нашей исторіи.

Когда они завоевали Россію, князья не могли уже княжить безъ ихъ согласія, а должны были ѣздить въ Орду и получали отъ хановъ ярлыки или утвержденіе въ княжескомъ достоинствѣ, если были имъ угодны. Это повлекло за собою важныя измѣненія въ нашемъ политическомъ бытѣ. Удѣльные князья и великій князь остались. Прежде они садились на престолъ сами собою, большею частію по началамъ родоваго старшинства; по крайней мѣрѣ оно служило предлогомъ. Но ханамъ были чужды родовые разсчеты. Какое было имъ дѣло до того, который князь имѣетъ лучшее право по народнымъ понятіямъ? По нихъ тотъ былъ князь, кто имъ былъ угоднѣе, кто ревностно исполнялъ ихъ волю, былъ вѣрнымъ слугой и исправно платилъ дань. Это были личныя качества, не всегда совпадавшія съ родовыми преимуществами. Такъ является для правъ князей на престолъ новое мѣрило, чуждое древней Руси; оно противопоставляется прежнему родовому, и разрушаетъ его. Одно не лучше другаго. За то изчезаетъ старое, отжившее, которое мѣшало идти впередъ: татарское вслѣдъ за нимъ изчезло.

Этого мало: монгольское иго усилило власть великаго князя и тѣмъ возсоздало видимый центръ политическаго единства Руси. Въ сѣверо-восточной ея половинѣ, какъ прежде въ юго-западной, и по тѣмъ же причинамъ, велико-княжеское достоинство, передъ монгольскимъ игомъ, стало пустымъ титуломъ; оно не давало уже никакой власти надъ прочими князьями. Теперь великій князь — органъ и орудіе ханской воли. Онъ дѣйствуетъ, распоряжается князьями во имя хана.

Неповиновеніе ему — неповиновеніе ханской волѣ, за которымъ слѣдовало лишеніе княжескаго сана, самая смерть. Къ услугамъ великаго князя, ханскаго слуги, монгольскіе отряды противъ ослушниковъ. Странное явленіе! Монголы разрушаютъ удѣльную систему въ самомъ основаніи, возсоздаютъ политическое единство, словомъ дѣйствуютъ въ нашихъ интересахъ, сами того неподозрѣвая!

Но, какъ мы видѣли, они дѣйствовали отрицательно. Положительно воспользовались всѣми выгодами монгольскаго ига даровитые, умные, смышленые князья московскіе.

Около вѣка послѣ наложенія на насъ монгольскаго ярма, московскому князю, Іоанну Даниловичу Калитѣ, внуку Александра Невскаго, удалось добиться велико-княжескаго достоинства. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ небогатыхъ и несильныхъ князей: только восемь городовъ ему принадлежало. Эта небольшая княжеская вотчина черезъ столѣтіе выросла въ московское государство.

Іоаннъ Калита былъ въ полномъ смыслѣ князь-вотчинникъ, и смотрѣлъ на свои владѣнія, какъ на собственность. Въ немъ вполнѣ высказался этотъ новый типъ власти, смѣнившій прежнюю. Озабоченный одною цѣлью умножить свои вотчины и оставить большое наслѣдство дѣтямъ, Іоаннъ дѣйствуетъ очень искусно и пользуется всѣмъ, чѣмъ можетъ. Обязанность собирать ордынскую дань въ это время лежала на великомъ князѣ. Это представило Іоанну удобный случай обогатиться; онъ накупилъ много волостей и городовъ на Руси, собралъ большую казну и въ завѣщаніи всѣ свои имѣнія раздѣлилъ между женой и дѣтьми.

Когда онъ умеръ, нѣсколько князей искали велико-княжескаго достоинства, все еще на основаніи родоваго старшинства; но въ глазахъ хановъ права Симеона, сына Іоаннова, были лучше, дѣйствительнѣе. Его отецъ служилъ вѣрой и

правдой; самъ онъ имѣлъ много денегъ и могъ въ ордѣ дарить больше, нежели его соперники: лесть и золото доставили ему то, чего бы онъ никогда не добился другими путями.

Вотъ каковы были первые зачатки будущаго Московскаго государства, обнявшаго всю Россію! Оно создается по новымъ началамъ. Московскіе князья прежде всего неограниченные, наслѣдственные господа надъ своими вотчинами; прежде всего они заботятся о томъ, чтобы умножить число своихъ имѣній. Лучшимъ средствомъ для этой цѣли было велико-княжеское достоинство — и они стараются удержать его за собою. Единственнымъ средствомъ для удержанія велико-княжескаго достоинства была милость, благоволеніе хановъ — и они ничего не щадятъ, чтобы имъ нравиться. Какъ великіе князья, они главные, первые между всѣми русскими князьями; но они знаютъ, что само по себѣ это первенство — звукъ, неимѣющій смысла; что только дѣйствительная сила можетъ дать ему значеніе, которое оно давно утратило. Ограждаемые покровительствомъ хановъ, авторитетомъ ихъ власти, и опираясь на свою собственную силу, московскіе великіе князья угнетаютъ князей, правдой или неправдой отнимаютъ у нихъ владѣнія, вмѣшиваются въ ихъ распри, становятся ихъ судьями и собираютъ въ ихъ владѣніяхъ ордынскій выходъ.

Такъ дѣйствовали всѣ московскіе великіе князья. Быстро подвигались они къ своей цѣли, быстро обращалась Россія въ ихъ наслѣдственную вотчину. Каждый великій князь передавалъ свое достоинство старшему сыну. Чѣмъ далѣе, тѣмъ они становились самостоятельнѣе. Опираясь на собственное могущество, они начали рѣшительно господствовать надъ удѣльными князьями и сбрасывать иго Орды, тягостное и для нихъ болѣе ненужное. Къ этому времени она уже слабѣла. Въ ней появились междоусобія, и нѣсколько хановъ соперничали между собою. Еще московскіе великіе князья пользовались этими

враждами, чтобъ болѣе утвердиться, однако не долго. Вскорѣ открылась для нихъ возможность безъ опасенія сбросить личину покорности.

Но въ самомъ московскомъ великомъ княженіи скрывались еще зачатки разрушенія, наслѣдіе предъидущаго политическаго быта. Какъ вотчина, оно дѣлилось на части между дѣтьми великихъ князей. Старшій великій князь, не былъ сильнѣе прочихъ, получая равный съ ними удѣлъ. Внутренніе раздоры и счеты между московскими князьями были неминуемы и обнаружились, когда образовались боковыя линіи, по прежнему предъявлявшія свои права на велико-княжеское достоинство по началамъ родового старшинства. Кровное начало очевидно мѣшало еще государству. Оставалось сдѣлать одинъ шагъ — пожертвовать семьей государству: этотъ шагъ и былъ сдѣланъ, но невдругъ. Чтобъ отвратить возможное соперничество между дѣтьми, великіе князья стали давать старшему сыну бóльшую часть, а прочимъ — меньшія. Кровные интересы начали мало по малу уступать мѣсто желанію сохранить и упрочить силу московскаго великаго князя. Въ этомъ уже заключалась неясная мысль о государствѣ. Части братьевъ великаго князя становились все меньше. Братья Іоанна III получили только по три города; братья Василія Іоанновича не были даже самостоятельными удѣльными князьями, а простыми владѣльцами, подданными великаго князя. Удѣлы совершенно изчезаютъ, и когда разными неправдами Василій отнялъ удѣлъ у князя сѣверскаго, послѣдній въ тогдашней Россіи, какой-то юродивый бѣгалъ по Москвѣ съ метлой, говоря, что пора очистить государство отъ послѣдняго сору. И точно, удѣлы сдѣлались тогда анахронизмомъ, запоздалымъ остаткомъ прошедшаго.

Уничтоженіе удѣльной системы и соединеніе Россіи въ нераздѣльное цѣлое, подъ властью одного великаго князя, было не только началомъ новой эпохи въ нашей политической жизни,

но важнымъ шагомъ впередъ въ развитіи всего нашего внутренняго быта. Политическая система, созданная московскими великими князьями—нѣчто совершенно новое въ русской исторіи; она представляетъ полное отрицаніе всѣхъ прежнихъ системъ, не въ однихъ явленіяхъ, но въ самомъ основаніи. Ярославова система покоилась на родовомъ началѣ и раздробила Россію на княжества; семья послѣ Андрея Боголюбскаго обратила княжества въ вотчины, дѣлившіяся до безконечности. Въ московской системѣ территоріяльное начало получило рѣшительный перевѣсъ надъ личнымъ. Кровные интересы уступаютъ мѣсто политическимъ; держава, ея нераздѣльность и сила поставлены выше семьи. Въ исторіи образованія Московскаго государства не столько важно стѣсненіе и покореніе удѣловъ, принадлежащихъ не-московскимъ князьямъ, сколько постепенное увеличеніе части, оставляемой великому князю, и уменьшеніе частей прочихъ князей, его братьевъ: то было дѣломъ возрастающей силы, это — актомъ мысли, сознанія.

Такъ сначала въ государственной сферѣ происходитъ отрицаніе исключительно кровнаго, семейнаго начала, послѣдняго, самаго ограниченнаго круга кровнаго союза и кровныхъ отношеній. На сцену дѣйствія выступаетъ личность. Она не произвольно выходитъ изъ кровнаго союза, ставитъ себя выше семьи: она отрицаетъ ихъ во имя идеи, и эта идея — государство. Появленіе государства было вмѣстѣ и освобожденіемъ отъ исключительно кровнаго быта, началомъ самостоятельнаго дѣйствованія личности, слѣдовательно началомъ гражданскаго, юридическаго, на мысли и нравственныхъ интересахъ, а не на одномъ родствѣ основаннаго общественнаго быта.

Но и личность и идея государства сначала едва видимы подъ старыми, установившимися формами. И та и другая ими проникнуты. Типъ вотчино-владѣльца, полнаго господина надъ своими имѣніями, лежитъ въ основаніи власти московскаго

государя; изъ за этого типа трудно разглядѣть ея новое, болѣе высокое значеніе. Московскій государь еще великій князь; онъ отчичь, дѣдичь, наслѣдственный господинъ своихъ владѣній. Области и государство — его вотчина; придворная служба преобладаетъ, и названіе слуги теперь почетный титулъ, жалуемый за заслуги. Подобно удѣльнымъ князьямъ — вотчинникамъ, онъ раздаетъ свои области въ кормленіе своимъ слугамъ. Долго сохряняются эти черты; до самаго Петра Великаго онѣ мало измѣняются, по крайнѣй мѣрѣ снаружи. Но теперь рядомъ съ ними проступаютъ и другія — провозвѣстницы новаго. Съ Іоанна III московскіе государи принимаютъ титулъ царя, усвоиваютъ многія принадлежности власти византійскихъ императоровъ: гербъ двуглаваго орла, регаліи, вѣнчаніе и помазаніе на царство; велико-княжескій дворъ и придворныя церемоніи устроиваются по византійскому образцу. Самому ли Іоанну принадлежитъ первая мысль этихъ нововведеній, или она внушена ему его супругой, греческой царевной Софіей—все равно. Они свидѣтельствуютъ, что прежнія формы были недостаточны, узки, не выражали новаго значенія московскаго государя. Изъ-подъ велико-княжеской вотчины проглядываетъ государство, отвлеченное нравственное лице, имѣющее свое физическое существованіе и самостоятельное, рузумное значеніе. Образуется государственная территорія — не случайное соединеніе земель, а правильное, органическое тѣло, имѣющее свою жизнь и свои потребности. Внѣшняя политика и дѣятельность московскихъ государей, войны и мирные трактаты, пріобрѣтенія земель, перестаютъ быть частнымъ дѣломъ и получаютъ высокое, разумное значеніе. Ими удовлетворяются теперь потребности государства. Начало подданства начинаетъ смѣнять начало холопства; является понятіе о государственной службѣ, о гражданствѣ, о равенствѣ передъ судомъ. Улучшенія внутренняго управленія, судопроизводства,

обузданіе произвола кормленщиковъ, законодательство, все это показываетъ, что въ Московскомъ государствѣ подъ старыми формами развилось уже новое содержаніе.

Развитіе совершилось впрочемъ медленно. Въ продолженіи слишкомъ двухъ столѣтій старое было сильно поколеблено, но не разрушено; новое проникло въ жизнь, многое въ ней измѣнило, но не отрѣшилось отъ историческихъ формъ, подъ которыми появилось; все стало другимъ, однако сохраняло прежній видъ. Московское государство только приготовило почву для новой жизни.

Эту переходную эпоху нашей исторіи — утреннюю зарю новаго, вечернюю стараго, — эпоху неопредѣленную, какъ всѣ серединныя времена, — ограничиваютъ отъ предыдущаго и послѣдующаго два величайшихъ дѣятеля въ русской исторіи, Іоаннъ IV и Петръ Великій: первый ее начинаетъ, второй оканчиваетъ и открываетъ другую. Раздѣленные цѣлымъ вѣкомъ, совершенно различные по характеру, они замѣчательно сходны по стремленіямъ, по направленію дѣятельности. И тотъ и другой преслѣдуютъ однѣ цѣли. Какая-то симпатія ихъ связываетъ. Петръ Великій глубоко уважалъ Іоанна IV, называлъ его своимъ образцомъ и ставилъ выше себя. И въ самомъ дѣлѣ, царствованіе Петра было продолженіемъ царствованія Іоанна. Недоконченныя, остановившіяся на полудорогѣ реформы послѣдняго продолжалъ Петръ. Сходство замѣтно даже въ частностяхъ. Оба равно живо сознавали идею государства и были благороднѣйшими, достойнѣйшими ея представителями; но Іоаннъ сознавалъ ее какъ поэтъ, Петръ великій какъ человѣкъ, попреимуществу практическій. У перваго преобладаетъ воображеніе, у второго — воля. Время и условія, при которыхъ они дѣйствовали, положили еще бòльшее различіе между этими двумя великими государями. Одаренный натурой энергической, страстной, поэтической, менѣе реальной, не-

жели преемникъ его мыслей, Іоаннъ изнемогъ наконецъ подъ бременемъ тупой, полу-патріархальной, тогда уже безсмысленной среды, въ которой суждено было ему жить и дѣйствовать. Борясь съ ней на смерть много лѣтъ и не видя результатовъ, не находя отзыва, онъ потерялъ вѣру въ возможность осуществить свои великіе замыслы. Тогда жизнь стала для него несносной ношей, непрерывнымъ мученіемъ: онъ сдѣлался ханжой, тираномъ и трусомъ. Іоаннъ IV такъ глубоко палъ именно потому, что былъ великъ. Его отецъ Василій, его сынъ Өеодоръ не падали. Этимъ мы не хотимъ оправдывать Іоанна, смыть пятна съ его жизни; мы хотимъ только объяснить это до сихъ поръ столько загадочное лице въ нашей исторіи. Его многіе судили, очень не многіе пытались понять, да и тѣ увидѣли въ немъ только жалкое орудіе придворныхъ партій, чѣмъ Іоаннъ не былъ. Всѣ знаютъ и всѣ помнятъ его казни и жестокости; его великія дѣла остаются въ тѣни; о нихъ никто не говоритъ. Добродушно продолжаемъ мы повторять отзывы современниковъ Іоанновыхъ, не подозрѣвая даже, что они-то всего больше объясняютъ, почему Іоаннъ сдѣлался такимъ, каковъ былъ подъ конецъ: равнодушіе, безучастіе, отсутствіе всякихъ духовныхъ интересовъ — вотъ что встрѣчалъ онъ на каждомъ шагу. Борьба съ ними—ужаснѣе борьбы съ открытымъ сопротивленіемъ. Послѣднее вызываетъ силы и дѣятельность, воспитываетъ ихъ; первыя ихъ притупляютъ, оставляя безотрадную скорбь въ душѣ, развивая безумный произволъ и ненависть. Петръ, одаренный страшной волей и удивительнымъ практическимъ смысломъ, жилъ вѣкомъ позже, когда обстоятельства уже измѣнились и многое было приготовлено; у него былъ предшественникъ, даже предшественники; съ увѣренностію геніяльнаго человѣка онъ принялся за свое дѣло; онъ имѣлъ рѣдкое счастіе видѣть, какъ его начинанія зрѣли и приносили плоды: но и характеръ самаго Петра

отлился въ суровую, жосткую форму; и ему нужны были шумныя развлеченія, въ которыхъ онъ могъ бы забываться; и на него находили минуты, когда мышцы его слабѣли, и тяжкое, скорбное изнеможеніе, душевная усталость прерывала его неутомимую дѣятельность.

Внутренній бытъ Россіи, передъ появленіемъ Московскаго государства, въ главныхъ чертахъ мало измѣнился противъ прежняго. Кровныя начала, изчезнувшія въ политической сферѣ, продолжали жить и преобладать въ остальныхъ. Необходимость создать крѣпкое, прочное государство шла впереди, торопила событія и рано обнаружила несостоятельность кровныхъ началъ въ политической жизни. Но въ гражданской сферѣ они не подвергались такой строгой критикѣ и могли жить спокойно не тревожимыя ничѣмъ; они и жили, какъ будто разсчитывая на безконечное существованіе.

Древняя до-Іоанновская Русь представляется погруженною въ родственный бытъ. Глубокихъ потребностей другого порядка вещей не было, и откуда имъ было взяться? Личность — единственная, плодотворная почва всякаго нравственнаго развитія, еще не выступала; она была подавлена кровными отношеніями. Были, конечно, нѣкоторыя важныя реформы: христіянство и церковь пересоздали семейный бытъ, истребили многоженство и наложничество. Князья постепенно уничтожили кровную месть и замѣнили денежнымъ вознагражденіемъ, сперва въ пользу обиженнаго или его родственниковъ, потомъ вирой въ свою пользу. Они установили уголовныя наказанія, неизвѣстныя древней Руси. Но такихъ реформъ было не много. Общины, города и волости, по прежнему, не имѣли никакого правильнаго общиннаго устройства и потеряли то временное политическое значеніе, которое получили было. Въ нихъ сохранялся старинный славянскій общинный бытъ, развившійся изъ исключительно-родственнаго. Только теперь надъ ними

тяготѣла произвольная, корыстолюбивая власть княжескихъ областныхъ правителей-кормленщиковъ, которые владѣли ими, какъ своими вотчинами, управляли сами и посредствомъ своихъ слугъ, и такъ разоряли, что князья многимъ общинамъ дали, въ видѣ изъятія и милости, жалованныя несудимыя грамоты, которыми онѣ освобождались отъ подвѣдомственности правителямъ. Послѣ общинъ существуетъ множество отдѣльныхъ родовъ. Большею частью они находились въ службѣ у другихъ родовъ, или князей, и были безконечно-различны по богатству и знатности. Съ уничтоженіемъ удѣловъ, княжескія фамиліи также низошли въ разрядъ служилыхъ родовъ. Теперь всѣ эти роды стали служить московскому государю. Одни непосредственно окружили его, сдѣлались его приближенными; прочіе стали ниже въ извѣстной постепенности. Такъ сложилась лѣствица родовъ, которой низшія ступени терялись въ простомъ народѣ, высшія оканчивались у подножія царскаго престола. Общихъ интересовъ, которые могли бы соединить эти роды въ одно цѣлое и создать сословіе, не было и не могло быть; они жили разрозненно, каждый своею особенною жизнью, преслѣдуя свои исключительно родовые интересы. Стать выше другихъ родовъ, по крайней мѣрѣ не уступить первенства низшимъ, не потерять своей р о д о в о й ч е с т и, — вотъ что̀ прежде всего сосредоточивало на себѣ все ихъ вниманіе и часто производило между ними непріязненныя столкновенія. Перенеся въ службу родовыя понятія и стремленія, они должны были, рано или поздно, встрѣтиться лицомъ къ лицу съ государствомъ, котораго живымъ представителемъ былъ теперь царь; ибо для нихъ служба была внѣшнимъ выраженіемъ ихъ родовыхъ преимуществъ; они старались подчинить ее законамъ родоваго старшинства, сдѣлать орудіемъ своихъ частныхъ интересовъ. Не такъ понимали ее московскіе государи. Они требовали отъ своихъ слугъ полнаго, безусловнаго повинове-

нія; они хотѣли видѣть въ нихъ гибкіе органы своей власти. Они проводили начало личности; служебные роды — начало родовое. Царь посылалъ на службу двоихъ, одного старшимъ, другаго младшимъ, по своимъ разсчетамъ; а младшій отказывался служить, говоря, что по родовымъ онъ старше, и его честь оскорблена. Ни польза государства, ни царская опала, ни самый страхъ смерти не могли принудить его ею пожертвовать. Царю оставалось что-нибудь изъ двухъ: или всѣ служилые роды замѣнить людьми неродословными, или при раздачѣ мѣстъ сообразоваться съ законами родоваго и служебнаго старшинства. Первое было невозможно; оставалось согласиться на послѣднее. Такъ раздача мѣстъ, назначеніе въ должности не зависѣли отъ безусловной воли царя. Ему хотѣлось назначить лучшаго, достойнѣйшаго, а онъ назначалъ по необходимости старшаго. Мало по малу важнѣйшіе государственные чины и званіе члена царской думы сдѣлались исключительною принадлежностію извѣстныхъ родовъ; другимъ доступъ къ нимъ былъ закрытъ. Правда, царь могъ давать чины кому хотѣлъ; но съ высшими чинами естественно были соединяемы и высшія должности въ государствѣ. Если высшій чинъ, а вмѣстѣ и высшая должность, были даны человѣку незнатнаго рода, всѣ прочіе знатные родичи, которымъ достались относительно низшія, отказывались служить. Черезъ это цари были вынуждены жаловать въ высшіе чины однихъ родословныхъ людей. Въ царской думѣ засѣдали одни высшіе сановники — бояре и окольничіе; поэтому она наполнилась одними знатными родичами; прочіе, несмотря ни на какія личныя качества, не могли сдѣлаться ея членами.

Государство не могло ужиться рядомъ съ этими домашними, частными, кровными интересами, которые въ лицѣ безграничныхъ областныхъ правителей и служилыхъ родовъ связывали ему руки и отнимали возможность свободно развиваться и дѣйство-

вать. Рано вступило оно съ ними въ борьбу и довершило въ администраціи побѣду надъ удѣлами и кровнымъ началомъ, которая еще прежде была одержана въ болѣе широкой, политической сферѣ. Уже Іоаннъ III получилъ названіе «Грознаго» за строгое обращеніе съ вельможами. Для обузданія произвола областныхъ правителей онъ издалъ Судебникъ, которымъ установилъ судопроизводство и величину пошлинъ. Есть даже извѣстіе, что онъ первый завелъ окладныя книги, которыми опредѣлилъ доходы правителей съ областей. Но никто ни прежде, ни послѣ, до самаго Петра Великаго, не дѣйствовалъ такъ энергически противъ вельможъ и областныхъ правителей, угнетавшихъ народъ, какъ Іоаннъ IV. Не знаемъ, до какой степени были справедливы его опасенія противъ ихъ заговоровъ и тайныхъ козней: подозрительный, страстный характеръ могъ внушить ему многое, чего не было. То вѣрно, что въ нѣкоторыхъ вельможахъ, бывшихъ удѣльныхъ князьяхъ, или близкихъ ихъ потомкахъ, не совсѣмъ изчезли при немъ воспоминанія о недавнемъ времени, когда они были такіе же независимые владѣтели, какъ царь московскій. Они не могли быть ему преданы, служили неохотно, роптали и измѣняли или уѣзжали, когда могли. Остальные думали только о себѣ и нерадѣли о государствѣ. Области находились въ бѣдственномъ положеніи: цѣлыя села пустѣли отъ грабительства правителей и ихъ слугъ. Іоаннъ предпринимаетъ рѣшительныя, коренныя реформы и надѣется осуществить ихъ посредствомъ двухъ органовъ, враждебныхъ вельможеству, и слѣдовательно наилучшихъ для его цѣлей: людей худородныхъ, въ особенности дьяковъ, грамотныхъ, знающихъ порядокъ управленія, но большею частію низкаго званія и потому недостигавшихъ до высшихъ степеней, — и общинъ, которыя страдали отъ произвола правителей. Сначала Іоаннъ отдѣлилъ уголовное и уголовно-полицейское управленіе и поручилъ его въ исключи-

тельное завѣдываніе выборныхъ отъ общинъ, губныхъ старостъ и цѣловальниковъ (присяжныхъ). И тѣ и другіе существовали и прежде, но теперь они получили юридическое значеніе, котораго не имѣли. Потомъ въ 1550 году онъ издалъ Судебникъ. Въ немъ гораздо подробнѣе, нежели при Іоаннѣ III, опредѣлены были порядокъ суда, пошлины, нѣкоторыя части гражданскаго управленія, и власть областныхъ правителей еще болѣе ограничена: старосты и цѣловальники получили участіе въ гражданскомъ судѣ; безъ нихъ правители не могли судить никакихъ тяжбъ и исковъ, не могли сажать въ тюрьму жителей общинъ; даже раскладки и сборъ податей и повинностей предоставлены выборнымъ; такимъ образомъ разорительное вмѣшательство областныхъ правителей и ихъ людей должно было прекратиться. Въ послѣдствіи и сборъ всѣхъ особливыхъ царскихъ доходовъ порученъ выборнымъ отъ общинъ. Правители удержали одну распорядительную, поверхностную, общую власть надъ областями: внутренній распорядокъ отданъ въ руки выборныхъ. Но недовольный еще этими мѣрами и видя, что злоупотребленія и угнетенія продолжались, Іоаннъ наконецъ совсѣмъ уничтожилъ областныхъ правителей и все мѣстное управленіе отдалъ въ полное завѣдываніе самихъ общинъ, подчинивъ ихъ непосредственно московскимъ приказамъ. Остались намѣстники въ однихъ пограничныхъ областяхъ, но къ нимъ были, кажется, приставлены дьяки, ибо послѣ Іоанна мы находимъ уже при намѣстникахъ дьяковъ. Эти дьяки должны были наблюдать за дѣйствіями намѣстниковъ, сами принимали участіе въ управленіи и обо всемъ доносили царю.

Таковы были реформы Іоанна въ областномъ управленіи; но еще важнѣйшія предприняты имъ въ государственномъ устройствѣ. Цѣль ихъ та же: сломить вельможество, дать власть и просторъ одному государству. Всѣ главныя отрасли управле-

нія ввѣрены дьякамъ: они завѣдывали приказами; вельможи почти отстранены отъ гражданскихъ дѣлъ, и за то ненавидѣли Іоанна. Еще Дума находилась въ ихъ рукахъ; они одни были ея членами; Іоаннъ и въ нее вводитъ новое начало личнаго достоинства. Подъ названіемъ думныхъ дворянъ онъ сажаетъ въ Думу людей незнатнаго рода, имъ самимъ избранныхъ: при ея не-коллегіяльномъ устройствѣ они не могли не имѣть важнаго вліянія на ея рѣшенія. Но всѣ эти мѣры казались Іоанну еще недостаточными; онъ хотѣлъ совершенно уничтожить вельможество и окружить себя людьми незнатными, даже низкаго происхожденія, но преданными, готовыми служить ему и государству безъ всякихъ заднихъ мыслей и частныхъ разсчетовъ. Въ 1565 году онъ установилъ опричнину. Это учрежденіе, оклеветанное современниками и непонятое потомствомъ, не внушено Іоанну — какъ думаютъ нѣкоторые — желаніемъ отдѣлиться отъ Русской-Земли, противопоставить себя ей: кто знаетъ любовь Іоанна къ простому народу, угнетенному и раздавленному въ его время вельможами, кому извѣстна заботливость, съ которой онъ старался облегчить его участь, тотъ этого не скажетъ. Опричнина была первой попыткой создать служебное дворянство и замѣнить имъ родовое вельможество, на мѣсто рода, кровнаго начала, поставить въ государственномъ управленіи начало личнаго достоинства: мысль, которая подъ другими формами была осуществлена потомъ Петромъ Великимъ. Если эта попытка была безуспѣшна и надѣлала много зла, не принеся никакой пользы, не станемъ винить Іоанна. Онъ жилъ въ несчастное время, когда никакая реформа не могла улучшить нашего быта. Опричники, взятые изъ низшихъ слоевъ общества, ничѣмъ не были лучше бояръ; дьяки были только грамотнѣе, свѣдущѣе въ дѣлахъ, чѣмъ вельможи, но не уступали имъ ни въ корыстолюбіи, ни въ отсутствіи всякихъ общихъ, нравственныхъ

интересовъ; общины, какъ ни старался Іоаннъ поднять ихъ и оживить для ихъ же собственной пользы, были мертвы; общественнаго духа въ нихъ не было, потому что въ нихъ продолжался прежній полу-патріархальный бытъ. За какія реформы ни принимался Іоаннъ, всѣ онѣ ему не удались, потому что въ самомъ обществѣ не было еще элементовъ для лучшаго порядка вещей. Іоаннъ искалъ органовъ для осуществленія своихъ мыслей и не нашелъ; ихъ неоткуда было взять. Растерзанный, измученный безплодной борьбой, Іоаннъ могъ только мстить за неудачи, подъ которыми похоронилъ онъ всѣ свои надежды, всю вѣру, все, что было въ немъ великаго и благороднаго — и мстилъ страшно. Онъ умеръ. Современники его прокляли. Конечно не всѣ: повѣрья, которыя и теперь еще ходятъ объ немъ въ простомъ народѣ, доказываютъ это. Потомство не воздало ему должнаго, даже не пожалѣло о немъ. А ученые и писатели — они повторяли слова современниковъ, которые кричали громче другихъ. Только одинъ его понялъ — великій преемникъ его начинаній, которому суждено было довершить его дѣло и благословить Россію на новый путь.

Послѣ Іоанна IV всѣ его реформы или рушились, или потеряли смыслъ. Нѣкоторыя изчезли еще при немъ; такъ при немъ изчезло раздѣленіе на опричнину и земщину; появились опять намѣстники въ областяхъ. Послѣ него чинъ думнаго дворянина обратился въ обыкновенный чинъ, который жаловался и знатнымъ родичамъ. Старосты и цѣловальники въ значеніи, которое придалъ имъ Іоаннъ, изчезли, мы даже не знаемъ когда; они удержались только въ уголовномъ управленіи и собирали нѣкоторые доходы царской казны, да то было не привиллегія, а обязанность, повинность.

Но мысль о реформахъ, о необходимости улучшить внутренній бытъ не изчезла. Уже при сынѣ и преемникѣ Іоанна она выразилась въ законодательной мѣрѣ, которой настоящій

смыслъ не понятъ, потому что на нее до сихъ поръ смотрятъ съ теперешней, а не съ тогдашней точки зрѣнія. Въ 1592 году переходы крестьянъ съ мѣста на мѣсто были запрещены; сельское народонаселеніе прикрѣплено къ землѣ. Съ юридической точки зрѣнія это событіе необъяснимо; но на него и не должно такъ смотрѣть. Въ древней Россіи не было юридическаго быта; личность, въ гражданской сферѣ, сама по себѣ ничего не значила. Оно было вызвано цѣлями политическими, административными и полицейскими. Еще до Іоанна IV по многимъ причинамъ усилилось въ Россіи бродяжничество; право, основанное на обычаѣ, переходить съ земли на землю, при тогдашней грубости, необразованности его усиливало. Привыкнувъ къ скитальческой жизни, многіе шли на разбой и воровство (татьбу); появились цѣлыя шайки лихихъ людей, отъ которыхъ не было покоя жителямъ. Сверхъ того обычай переходить породилъ между землевладѣльцами другой обычай — переманивать крестьянъ съ чужихъ земель на свои, обѣщая выгоды и льготы. Богатые воспользовались имъ въ ущербъ бѣдныхъ. Ѳеодоръ Іоанновичъ, или, правильнѣе, Борисъ Годуновъ, хотѣлъ пресѣчь и то и другое зло въ самомъ основаніи, и запретилъ переходы; окончательное ихъ уничтоженіе относится къ царствованію Шуйскаго. Вслѣдствіе совершенной юридической неопредѣленности древняго русскаго быта, за уничтоженіемъ переходовъ послѣдовало постепенное смѣшеніе двухъ сословій, до того совершенно различныхъ: холопскаго и крестьянскаго. Сливаясь, они воздѣйствовали одно на другое; многія положенія, относившіяся сначала къ однимъ холопямъ, перенесены и на крестьянъ. Удержались неважныя, чисто-формальныя историческія различія, болѣе и болѣе терявшія смыслъ.

Вскорѣ потомъ наступила эпоха внутреннихъ смутъ, неустройствъ и волненій. Ими начался XVII вѣкъ. Поводъ ихъ былъ случаенъ, исходъ не принесъ никакихъ существенныхъ

измѣненій въ прежнемъ бытѣ. Послѣ 1612 года все пришло въ прежній порядокъ. Какъ море, Россія взволновалась и улеглась, не сохранивъ въ своемъ общественномъ устройствѣ никакихъ слѣдовъ недавней бури: очевидно, время умственнаго и нравственнаго развитія еще не наступало. Оттого вся эта эпоха вообще болѣе относится къ политической, нежели къ внутренней исторіи Россіи. Но она обнаружила, что идея государства уже глубоко проникла въ жизнь: Россія сама встала на свою защиту во имя вѣры и Москвы, тогдашняго государственнаго центра нашего отечества.

Когда новая династія вступила на престолъ и все успокоилось, опять возобновилась на время прерванная борьба царей съ отживавшими остатками до-государственной Россіи. По прежнему поприще ея — администрація, управленіе; но теперь она совершается тихо, медленно. Побѣда государства обозначается цѣлымъ рядомъ постепенныхъ законодательныхъ реформъ, которыя идутъ, непрерываясь, до окончательной великой реформы Петра. Іоаннъ IV ненавидѣлъ и боялся своихъ враговъ и оттого придалъ борьбѣ страстный, кровавый характеръ. Московскіе государи XVII вѣка ихъ уже не страшатся. Они какъ будто предчувствуютъ ихъ необходимое уничтоженіе и подготовляютъ его исподоволь, косвенными мѣрами.

Алексѣй Михайловичъ обходитъ Думу и всѣ важнѣйшія дѣла дѣлаетъ посредствомъ подъячихъ Тайнаго приказа. Мѣстническіе споры становятся мало по малу безвредными для государства. Оно ихъ преслѣдуетъ, какъ ослушаніе царской воли, или откладываетъ. Наконецъ въ 1682 году Ѳеодоръ Алексѣевичъ соборнымъ постановленіемъ уничтожилъ ихъ совсѣмъ. И такъ, къ временамъ Петра Великаго отъ родоваго вельможества удержались только наслѣдственность важнѣйшихъ чиновъ и Боярская дума, послѣдняя уже почти безъ всякаго государ-

ственнаго значенія; но и онѣ съ учрежденіемъ сената и введеніемъ табели о рангахъ изчезли — навсегда.

Областные правители были ограничены и стѣснены. Многіе доходы ихъ, особливо отъ суда и управленія, стали доходами государства. При Алексѣѣ Михайловичѣ областные правители изъ намѣстниковъ стали воеводами. Ихъ право управлять областями посредстомъ своихъ людей изчезаетъ; мѣсто послѣднихъ заступаютъ приказные люди. Въ царствованіе Θеодора Алексѣевича воеводамъ придаются выборные отъ дворянъ. Сверхъ того многими законами воеводы поставлены въ совершенную административную зависимость отъ московскихъ приказовъ, обязаны были давать подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, словомъ, перестали быть неограниченными владѣльцами управляемыхъ областей. Характеръ кормленщиковъ они удержали еще за собою, но уже не въ прежнемъ значеніи: они стали теперь вмѣстѣ и органами государства.

Но не только въ административной сферѣ уходилъ и изглаживался прежній порядокъ вещей, когда-то исключительно правившій внутреннею жизнью Россіи: онъ упадалъ и разрушался даже въ гражданскомъ быту; и въ немъ стало высказываться начало личности. Юридическія отношенія начали брать верхъ надъ кровными, родственными. Прежде порядокъ наслѣдованія, имущественныя и личныя отношенія между членами семей и родовъ опредѣлялись однимъ обычаемъ, нравами, свято соблюдаемыми; теперь они стали нуждаться въ посредничествѣ государства; оно устанавливаетъ ихъ и охраняетъ страхомъ наказаній. Появляется порча общественныхъ нравовъ — естественная и необходимая спутница всѣхъ переходныхъ эпохъ, когда одинъ порядокъ вещей смѣняется, но еще не смѣнился другимъ. Напрасно будемъ мы искать причину этой видимой перемѣны въ постороннихъ вліяніяхъ — татарскомъ игѣ и внутреннихъ смятеніяхъ начала XVII вѣка. Нельзя отрицать

этихъ вліяній, но они всего не объясняютъ: грубая, неразвитая и непризнанная личность искала простора; въ тѣсномъ кругу преобладающихъ кровныхъ отношній ей становилось душно; они не давали ей развиваться, подавляли ее своими непреложными законами. И безъ всякихъ постороннихъ вліяній она, рано или поздно, предъявила бы свои права и въ частномъ, общественномъ быту, какъ прежде предъявила ихъ въ политическомъ и государственномъ. Законъ жизни былъ одинъ: и явленія были одинаковы.

III.

Древняя русская жизнь изчерпала себя вполнѣ. Она развила всѣ начала, которыя въ ней скрывались, всѣ типы, въ которыхъ непосредственно воплощались эти начала. Въ строгой послѣдовательности она провела Россію сперва черезъ общинный бытъ, потомъ черезъ родовой и семейственный; она постепенно выводила на сцену исторіи типы племеноначальника, начальника рода и вотчинника, и осуществляла ихъ въ большихъ размѣрахъ. Послѣднимъ ея усиліемъ, вѣнцомъ ея существованія были первые зачатки государства и начало личности. Въ нихъ она превзошла себя, какъ бы вышла изъ своихъ предѣловъ, хотя и государство и личность долго созрѣвали и готовились къ дѣйствованію подъ формами, ею созданными и развитыми. Она сдѣлала все, что̀ могла, и, окончивши свое призваніе, прекратилась. Ее порицать, пренебрегать ею, или сожалѣть объ ней, думать о ея возвращеніи, доискиваться въ ней чего она не дала и не могла дать — равно ошибочно. И то и другое обнаруживаетъ взглядъ неисторическій, слѣдовательно непремѣнно ложный. Лучшій критикъ, судья исторіи — сама исторія. Она высчитываетъ напередъ всѣ возможности, взвѣшиваетъ всѣ доводы и за и противъ съ

неподражаемою подробностію, и потомъ рѣшитъ — безъ апелляціи. Намъ остается только вглядѣться въ этотъ судъ, въ эту критику, понять ее. Иначе мы непремѣнно впадемъ въ односторонность.

Начало личности узаконилось въ нашей жизни. Теперь пришла его очередь дѣйствовать и развиваться. Но какъ? Лице было приготовлено древней русской исторіей, но только какъ форма, лишенная содержанія. Послѣдняго не могла дать древняя русская жизнь, которой все назначеніе, конечная задача только въ томъ и состояли, чтобъ выработать начало личности, высвободить ее изъ-подъ ига природы и кровнаго быта. Сдѣлавшись независимой не черезъ себя, а какъ бы извнѣ, вслѣдствіе исторической неизбѣжности, личность сначала еще не сознавала значенія, которое она получила, и потому оставалась бездѣятельною, въ ладу съ окружающею и ей несоотвѣтствовавшею средою. Но это не могло долго продолжаться. Неоживленная личность должна была пробудиться къ дѣйствованію, почувствовать свои силы и себя поставить безусловнымъ мѣриломъ всего.

Впрочемъ вдругъ она не могла сдѣлаться самостоятельною, начать дѣйствовать во имя самой себя. Она была совершенно неразвита, не имѣла никакого содержанія. Итакъ, оно должно было быть принято извнѣ; лице должно было начать мыслить и дѣйствовать подъ чужимъ вліяніемъ.

Такое вліяніе было для него необходимо и благодѣтельно. Оно освободило его отъ всего непосредственнаго, даннаго, развязало ему руки, возбудило къ нравственному развитію и приготовляло къ совершенной, безусловной самостоятельности.

Вотъ характеръ и значеніе эпохи внутреннихъ преобразованій, которая наступила въ Россіи въ XVIII вѣкѣ и окончилась недавно. Въ сферѣ политической и государственной личность ранѣе стала независимою; поэтому она впервые въ ней

начала дѣйствовать неограниченно и подъ европейскимъ вліяніемъ. Въ Петрѣ Великомъ личность на русской почвѣ вступила въ свои безусловныя права, отрѣшилась отъ непосредственныхъ, природныхъ, исключительно-національныхъ опредѣленій, побѣдила ихъ и подчинила себѣ. Вся частная жизнь Петра, вся его государственная дѣятельность есть первая фаза осуществленія начала личности въ русской исторіи.

Какъ всякое историческое явленіе, эпоха преобразованій имѣетъ множество различныхъ сторонъ, и потому можетъ быть разсматриваема съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Многіе обвиняютъ ее въ томъ, что она пришла слишкомъ внезапно, дѣйствовала круто, насильственно, разорвала русскую исторію на двѣ половины, совершенно между собою несхожія, ничѣмъ несвязанныя, и насъ сдѣлала безхарактерными, жалкими междоумками или недоумками; наконецъ, что она лишила Россію національности, подчинила ее исключительному господству европейскихъ элементовъ и апостазію отъ національнаго возвела на степень добродѣтели.

Эти обвиненія, окончательно формулированныя въ послѣднее время, вызваны состояніемъ, въ которое мы пришли, когда эпоха реформъ оканчивалась. Къ нему они и относятся, а не къ ней. Какъ историческое явленіе, они важны, характеризуя состояніе одной части общества послѣ реформы; какъ взглядъ на цѣлый отдѣлъ исторіи, они не имѣютъ никакой цѣны, по своему совершенно субъективному смыслу.

Во первыхъ, эпоха реформъ наступила у насъ не внезапно; она приготовлена всѣмъ предъидущимъ бытомъ. Кто не согласенъ съ нашимъ взглядомъ на русскую исторію, тому мы укажемъ на появленіе иностранныхъ обычаевъ еще до Петра; на умноженіе иностранцевъ въ московской Россіи; на всякаго рода отступничества отъ прежнихъ нравовъ; наконецъ, на упадокъ государственнаго устройства и управленія передъ

реформой. Разложеніе быта выражалось въ страшныхъ, неслыханныхъ злоупотребленіяхъ. Въ доказательство ссылаемся не на общественное мнѣніе и литтературу, которыхъ тогда въ Россіи не было, а на современные акты и законы.

Что реформа дѣйствовала круто, насильственно — это правда. Но чтобъ вывесть изъ этого какое-нибудь заключеніе въ пользу или противъ нея, должно сперва рѣшить: что̀ была современная ей Россія, и можно ли было дѣйствовать иначе?

Въ началѣ XVIII вѣка мы только что начинали жить умственно и нравственно. Мы были несчастныя дѣти, окруженныя самыми невыгодными условіями. — Къ бѣдной внѣшней природѣ присоединились глубокое невѣжество, полу-восточныя привычки, которыя держали насъ въ черномъ тѣлѣ, въ самыхъ зачаткахъ убивали всякое нравственное развитіе, всякую общественность, всякую свободу и движеніе. Тогда — страшная недавняя старина! — дѣлались вещи, непостижимыя, невообразимыя теперь. Чудовищны были время и общественность, которыя могли пересоздать благородную натуру Іоанна IV и наперекоръ ей воспитать ее въ нравственнаго урода, изверга, не знавшаго границъ произволу. Только такая грубая, дикая, жалкая среда, въ которой не было и тѣни общественнаго мнѣнія, никакихъ общихъ, ни нравственныхъ, ни даже физическихъ интересовъ, сдѣлала возможнымъ преобразованіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно совершилось, со всѣми его крутыми мѣрами и насиліями. Оправданіе эпохи реформъ — въ ея цѣляхъ: средства дала, навязала ей сама старая Русь. Петръ дѣйствовалъ, какъ воспитатель, врачъ, хирургъ, которыхъ не обвиняютъ за крутыя и насильственныя мѣры. Нельзя было иначе дѣйствовать; невозможное теперь было тогда, по несчастію, необходимо, неизбѣжно.

Сверхъ того не забудемъ, что реформа особенно сосредоточилась въ государственной сферѣ, въ управленіи; прочихъ сто-

ронъ жизни она коснулась какъ будто мимоходомъ, и то большею частью тамъ, гдѣ они соприкасались съ государствомъ. А мы знаемъ, каково было положеніе государства передъ реформой и при Петрѣ: со всѣхъ сторонъ враги, а войска, денегъ, средствъ имъ противостоять не было. Въ управленіи— безпорядокъ и отсутствіе централизаціи. Тутъ некогда было выжидать, дѣйствовать исподоволь. Нужды были слишкомъ настоятельны, чтобъ можно было вести реформу медленно, спокойно, разсчитывая на много лѣтъ впередъ.

Потомъ говорятъ, что эпоха преобразованій отдѣлила старую Русь отъ новой непроходимою бездной, ничѣмъ не наполненной, изъ насъ сдѣлала ни то, ни се, что-то среднее между древней Россіей и Европой — амфибій человѣческаго рода. Но это не такъ. Внутренняя связь между древней и новой Россіей, какъ мы видѣли, есть. Есть и внѣшняя, въ событіяхъ. Петръ Великій ничего не зналъ о различіи древней и новой Россіи. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что продолжаетъ дѣло своихъ предковъ; такое же убѣжденіе имѣли и его сподвижники. Татищевъ безпрестанно сравниваетъ указы Петра съ Уложеніемъ и законами Іоанна, и не такъ, какъ мы теперь сравниваемъ Русскую Правду съ варварскими законами Германцевъ, а какъ постановленія, дополнявшія другъ друга въ практикѣ, относившіяся къ одной и той же жизни, разрѣшавшія одни и тѣ же вопросы. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствія и законы Петра Великаго — лучшее доказательство, какъ въ его время обѣ Россіи, потомъ различенныя, были слиты въ одно нераздѣльное цѣлое. Мы скажемъ больше: ни одинъ живой вопросъ, возникшій въ древней Руси, не оставленъ Петромъ Великимъ безъ разрѣшенія. Какъ онъ ихъ рѣшилъ — объ этомъ мы не будемъ теперь разсуждать: рѣшилъ онъ всѣ. Мнѣніе, будто Петръ не зналъ Россіи, не имѣетъ никакого основанія. Онъ зналъ ее отлично, въ мелочахъ, въ подробностяхъ; но

онъ пренебрегалъ голословной казуистикой древней Россіи, которая гонялась за частностями и не развила ни одного юридическаго начала.

Непроходимая бездна между старымъ и новымъ создана послѣ воображеніемъ, совершенно отвлеченнымъ пониманіемъ исторіи. Новый міръ еще менѣе походитъ на древній, чѣмъ новая Русь на старую. Тамъ дѣйствуютъ и новые народы; однако мы знаемъ, что и древній міръ преобразовался мало по малу. Наполеонъ создалъ новый порядокъ вещей во Франціи, нисколько не похожій на тотъ, который имъ смѣнился; однако мы не говоримъ, что Франція до Наполеона и послѣ Наполеона — двѣ совсѣмъ разныя, ничѣмъ несвязанныя между собою Франціи. Вглядываясь въ событія, мы видимъ, что прежнее естественнымъ порядкомъ выродилось въ новое, какъ они ни различны между собою. Такъ и у насъ было.

Междоумками мы точно стали, но не во время реформы и не вслѣдствіе реформы. Вспомните людей временъ Елизаветы, Екатерины: ихъ, право, нельзя упрекнуть въ безхарактерности, въ неопредѣленности. Всѣ они носятъ на себѣ такой рѣзкій типъ, что ихъ почти съ перваго взгляда можно узнать. Еслибъ эпоха реформъ сбила ихъ съ толку, они не могли бъ быть такими. Да и смотрѣли на преобразованія предки наши XVIII вѣка совсѣмъ другими глазами, нежели мы теперь. Они понимали реформу совершенно практически, брали съ бытовой, живой стороны. Имъ и въ голову не приходила мысль, что она можетъ лишить насъ народности, оторвать отъ прошедшаго. Себя они считали Русскими, такими же, какими были ихъ предки XVII вѣка, и въ самомъ дѣлѣ, они были Русскіе, для которыхъ настало время здраваго смысла, не стѣсненнаго историческими преданіями. Недоумками мы сдѣлались уже послѣ, когда эпоха преобразованій начала приходить къ концу, стало слагаться общество и родилось безсознательное требо-

ваніе самостоятельности мысли и дѣйствій. — Тогда къ прошедшему, настоящему и будущему мы приступили съ вопросами. То, что̀ прежде само собой разумѣлось, теперь представилось задачей, требующей еще разрѣшенія. Все стало предметомъ критики, сужденій, и пока результаты этой критики не обнаружились, не выработался какой-нибудь взглядъ, сомнѣніе и нерѣшительность поразили умъ и дѣятельность. Но это было явленіе новое въ Россіи, не слѣдствіе реформы, а необходимая прелюдія къ другому порядку вещей, который тогда зарождался.

Самое важное, капитальное обвиненіе эпохи преобразованій состоитъ въ томъ, что она, будто бы, лишила насъ народности и безусловно подчинила европейскому вліянію. Тутъ явное недоразумѣніе, частью отъ слова народность, частью отъ отвлеченнаго взгляда на русскую исторію.

Національность, народность въ разныя эпохи развитія имѣютъ у одного и того же народа разныя значенія. Сначала, когда народъ пребываетъ въ непосредственномъ, природномъ состояніи, народность въ его глазахъ неразрывно связана съ внѣшними формами его существованія; иначе и быть не можетъ, ибо другаго существованія онъ не знаетъ и представить себѣ не въ силахъ. Для него перемѣна формъ есть и утрата народности; онъ не узнаетъ себя подъ другою внѣшностію. Иванъ Берсень говорилъ еще въ XVI вѣкѣ, что народу, у котораго измѣняются обычаи, не долго стоять, и, по понятіямъ тогдашней Руси, онъ былъ правъ. Но когда народъ начинаетъ жить болѣе духовною жизнію, и слово — народность одухотворяется въ его устахъ. Онъ перестаетъ разумѣть подъ нимъ однѣ внѣшнія формы, но выражаетъ имъ особенность народной физіономіи; — это нѣчто неуловимое, непередаваемое, на что̀ нельзя указать пальцемъ, чего нельзя ощупать руками, чисто духовное, чѣмъ одинъ народъ отличается отъ другаго, несмотря

на видимое сходство и безразличіе. Словомъ, національность становится выраженіемъ особенности нравственнаго, а не внѣшняго, физическаго существованія народа. Съ бо́льшимъ сближеніемъ различныхъ народовъ она болѣе и болѣе одухотворяется, отрѣшается отъ внѣшняго, случайнаго, въ сущности безразличнаго: изчезнуть она не можетъ, пока не изчезнетъ самъ народъ.

Въ первомъ смыслѣ наша народность сильно тронулась; въ высшихъ классахъ общества она почти совсѣмъ изчезла. Но замѣтимъ: не съ реформы XVIII вѣка, а раньше, гораздо раньше, еще съ начала Московскаго государства. Оно внесло въ нашу народную жизнь первые зачатки нравственнаго существованія, развившіеся потомъ; оно впервые посягнуло и на нашу народность, въ тѣсномъ, непосредственномъ значеніи слова. Москва — первоначальница нашего ненаціональнаго развитія. Многимъ это покажется теперь страннымъ, но оно дѣйствительно такъ было.

Во второмъ смыслѣ мы никогда не теряли своей народности; нельзя указать ни на одну минуту въ нашей исторической жизни, начиная съ какого угодно времени, въ которую бы мы перестали быть Русскими и Славянами, потому что это совершенно, математически невозможно; *мы* всегда будемъ *мы*, и никогда *они*, кто-нибудь другой; иначе мы тотчасъ же изчезнемъ съ лица земли, перестанемъ существовать, какъ особенный народъ.

Мысль, что черезъ реформу мы потеряли или почти потеряли народность, есть не слѣдствіе изученія древней и новой исторіи Россіи, а одинъ изъ тѣхъ безсвязныхъ воплей, которые вырвались изъ нашей груди, когда, вмѣстѣ съ реформой, одна фаза нашего развитія кончилась, а другая не наступала. Тогда мы почувствовали какую-то усталость, нравственное разслабленіе, изъ которыхъ, казалось, не было выхода. До-

прашивая себя, откуда бы могла взяться эта преждевременная дряхлость, и думая, что за ней смерть, многіе обратились къ ближайшему прошедшему, придали ему страшный характеръ, освѣтили его траурнымъ свѣтомъ, обставили погребальными факелами. Имъ представилась, безспорно, одна изъ величайшихъ эпохъ нашей исторіи, время ея возрожденія, картиной упадка и разрушенія. Но эти краски ей чужды. Олицетвореніе древней и новой Россіи родило такое отвлеченное воззрѣніе. Многіе подумали, что за европейскимъ вліяніемъ въ Россіи XVIII и начала XIX вѣка ничего не было; что Европа, со всѣми особенностями, перешла къ намъ и водворилась у насъ на мѣсто прежняго. Еслибъ такъ было, Россія была бы теперь такъ же похожа на остальныя европейскія государства, какъ Англія на Францію, Франція на Германію. А этого сходства совсѣмъ нѣтъ. Отчего же? оттого, что не Европа къ намъ перешла, а мы оевропеились, оставаясь Русскими по прежнему; ибо когда человѣкъ или народъ что-нибудь беретъ, заимствуетъ у другаго, онъ не перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Посмотрите на факты: Петръ и его преемники не имѣли никакого понятія о позднѣйшемъ противоположеніи Россіи и Европы. Они и не думали ввести у насъ иностранное, вмѣсто русскаго. Они видѣли недостатки въ современной имъ Россіи, хотѣли ихъ исправить, улучшить ея бытъ, и съ этою цѣлью часто прибѣгали къ европейскимъ формамъ, почти никогда не вводя ихъ у насъ безъ существенныхъ измѣненій; что̀ изъ нашего исключительно національнаго казалось имъ хорошо, удовлетворительно, то они оставляли. Такъ дѣйствовали и частныя лица: все, что̀ имъ казалось хорошимъ, было хорошо, откуда бы ни пришло. Упрекъ Петру, что онъ будто бы предпочиталъ иностранцевъ Русскимъ, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія; гдѣ могъ, онъ всегда замѣщалъ первыхъ послѣдними. Извѣстно, что иностранцы не всегда были имъ довольны. На-

конецъ, въ гражданскихъ и военныхъ штатахъ, составленныхъ при Петрѣ, на одного иностранца вездѣ положено по два Русскихъ. Еслибъ онъ предпочиталъ первыхъ, онъ бы такъ не поступалъ. Просто, они были ему нужны, ибо знали то, чего не знали тогда Русскіе и что было необходимо для Россіи.

Вообще никогда не должно забывать, что эпоха преобразованій, какъ все живущее, имѣла внутреннее единство, цѣлость. Практическія пользы, улучшенія поглощали всю дѣятельность; объ именахъ и названіяхъ мало думали. Русское и иностранное — все сливалось въ одно, чтобъ вести Россію впередъ. Но когда эта эпоха стала клониться къ концу, а новые пути для такого же цѣлостнаго, живаго дѣйствованія еще не были найдены, мы почувствовали въ себѣ пустоту, скуку; дѣятельность смѣнило бездѣйствіе, необходимое, потому что прежніе источники дѣйствованія изсякли. Живой духъ эпохи изчезъ. Отъ нея оставался трупъ, который сталъ разлагаться на свои составныя стихіи, уже ничѣмъ не соединенныя. Тогда-то появилось у насъ противоположеніе русскаго европейскому, желаніе думать, дѣйствовать и чувствовать національно, народно, или во что бы то ни стало, по-европейски. — Требованіе самостоятельности и требованіе лучшаго, которыя нашли представителей въ этихъ двухъ крайностяхъ, прежде слитыя во едино, теперь распались и стали враждебны. Серединой между ними было уже безмысліе и апатія. Такимъ образомъ настоящій смыслъ эпохи реформъ былъ потерянъ и забытъ. Ее начали безусловно порицать или безусловно хвалить, но съ важными недоразумѣніями и натяжками съ обѣихъ сторонъ, потому что ее подводили подъ извѣстныя, одностороннія точки зрѣнія, которымъ она никакъ не поддавалась. Въ наше время этотъ дуализмъ, признакъ едва зарождавшейся въ насъ умственной и нравственной жизни, начинаетъ изчезать и становится прошедшимъ. Его смѣняетъ мысль о че-

ловѣкѣ и его требованіяхъ. Чтò эпоха преобразованій сдѣлала въ практической жизни, то теперь происходитъ у насъ въ области мысли и науки. Непереступаемыя границы между прошедшимъ и настоящимъ, русскимъ и иностраннымъ, разрушаются; открывается широкое воззрѣніе, не стѣсняемое никакими предразсудками, прирожденными или выдуманными ненавистями. Можетъ-быть, мы оттого и начинаемъ питать такія глубокія симпатіи къ Петру Великому. На другомъ поприщѣ онъ велъ насъ по той же дорогѣ.

Итакъ, внутренняя исторія Россіи — не безобразная груда безсмысленныхъ, ничѣмъ несвязанныхъ фактовъ. Она, напротивъ, стройное, органическое, разумное развитіе нашей жизни, всегда единой, какъ всякая жизнь, всегда самостоятельной, даже во время и послѣ реформы. Исчерпавши всѣ свои исключительно національные элементы, мы вышли въ жизнь общечеловѣческую, оставаясь тѣмъ же, чѣмъ были и прежде — русскими Славянами. У насъ не было начала личности: древняя русская жизнь его создала; съ XVIII вѣка оно стало дѣйствовать и развиваться. Оттого-то мы такъ тѣсно и сблизились съ Европой; ибо совершенно другимъ путемъ она къ этому времени вышла къ одной цѣли съ нами. Развивши начало личности до нельзя, во всѣхъ его историческихъ тѣсныхъ, исключительныхъ опредѣленіяхъ, она стремилась дать въ гражданскомъ обществѣ просторъ человѣку, и пересоздавала это общество. Въ ней наступалъ тоже новый порядокъ вещей, противуположный прежнему, историческому, въ тѣсномъ смыслѣ національному. А у насъ вмѣстѣ съ началомъ личности человѣкъ прямо выступилъ на сцену историческаго дѣйствованія, потому что личность въ древней Россіи не существовала, и слѣдовательно не имѣла никакихъ историческихъ опредѣленій. Того и другаго не должно забывать, говоря о заимствованіи и реформахъ Россіи въ XVIII вѣкѣ: мы

заимствовали у Европы не ея исключительно національные элементы; тогда они уже изчезли или изчезали. И у ней и у насъ рѣчь шла тогда о человѣкѣ; сознательно или безсознательно — это все равно. Бо́льшая развитость, высшая степень образованія, большая сознательность была причиной, что мы стали учиться у ней, а не она у насъ. Но это не измѣняетъ ничего въ сущности. Европа боролась и борется съ рѣзко, угловато развившимися историческими опредѣленіями человѣка; мы боролись и боремся съ отсутствіемъ въ гражданскомъ быту всякой мысли о человѣкѣ. Тамъ человѣкъ давно живетъ и много жилъ, хотя и подъ односторонними историческими формами; у насъ онъ вовсе не жилъ, и только что началъ жить съ XVIII вѣка. Итакъ, вся разница только въ предъидущихъ историческихъ данныхъ, но цѣль, задача, стремленія, дальнѣйшій путь одинъ. Бояться, что Европа передастъ намъ свои отжившія формы, въ которыя она сама ужь не вѣритъ, или надѣяться, что мы передадимъ ей свои — древне-русскія, въ которыя мы тоже изверились, — значитъ не понимать ни новой европейской, ни новой русской исторіи. Обновленныя и вѣчно юныя, онѣ сами творятъ свои формы, не стѣсняясь предъидущимъ, думая только о настоящемъ и будущемъ.

Такой взглядъ объясняетъ много загадочныхъ явленій въ нашей внутренней жизни. Понятнымъ дѣлается, почему не было и нѣтъ у насъ сословій, какъ въ Европѣ; почему нашъ гражданскій бытъ и устройство, сходные съ европейскими въ частностяхъ, совершенно не сходны въ общемъ; отчего мы европейскія формы предпочли всѣмъ прочимъ, не заимствуя однако тѣхъ, которыя исключительно принадлежатъ къ ея прошедшему, и отъ него удержались; отчего въ насъ такъ много удивительно хорошаго и, рядомъ съ тѣмъ, такъ много удивительно дурнаго, отчего такая странная распу-

щенность, безсвязность, случайность царствуютъ во всемъ, что мы ни дѣлаемъ, что ни предпринимаемъ; отчего..... но всего не пересчитаешь.—Читатель, занимаясь русской исторіей или думая о своей жизни, самъ увидитъ, что въ нашемъ взглядѣ есть большая доля правды.

Москва.
23 февраля, 1846 года.

ОТВѢТЪ «МОСКВИТЯНИНУ».

Во второмъ нумерѣ «Москвитянина» въ статьѣ г. М... З... К.... подъ заглавіемъ: «о мнѣніяхъ Современника, историческихъ и литературныхъ», помѣщенъ подробный разборъ моей статьи: «взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи», напечатанной въ I № Современника. Тонъ критики, кажущаяся дѣльность возраженій, послѣдовательность взгляда, — все налагаетъ на меня обязанность отвѣчать. Г. М.... З.... К.... удостоилъ мою статью прочтеніемъ, слѣдовательно на этотъ разъ споръ возможенъ...

Признаюсь, авторъ критики поставилъ меня въ затруднительное и неловкое положеніе. Въ моей статьѣ я отстаивалъ необходимость теоріи для русской исторіи: это была основная мысль, заставившая меня взяться за перо. Критика г. М.... З.... К.... показала весь вредъ, происходящій отъ теоретическаго воззрѣнія, и мнѣ какъ будто приходится опровергать себя. Постараемся объяснить это очевидное недоразумѣніе.

Что̀ такое теорія? Опредѣленіе и изложеніе законовъ, по которымъ данный предметъ живетъ и измѣняется. Значитъ теорія русской исторіи есть обнаруженіе законовъ, которые опредѣлили ея развитіе. Но жизнь народа есть органическое цѣлое, въ которомъ измѣненія происходятъ послѣдовательно и по внутреннимъ причинамъ; все въ ней условлено одно дру-

гимъ, такъ что настоящее есть послѣдовательный результатъ прошедшаго, прошедшее естественно переходитъ въ настоящее; поэтому, когда мы думаемъ, что въ народной жизни лучшее смѣняется очевидно худымъ и неудовлетворительнымъ, мы жестоко себя обманываемъ: это лучшее только кажется намъ такимъ; ближе его разсматривая, мы замѣтимъ въ немъ тѣ органическіе недостатки, которые величайшій критикъ и физіологъ — дѣйствительная жизнь открываетъ гораздо прежде ученыхъ изслѣдованій и обнаруживаетъ практически, уничтожая это лучшее и замѣняя его другимъ — недостаточнымъ для насъ, потому что мы стремимся впередъ, но лучшимъ сравнительно съ тѣмъ, что̀ имъ упразднено. Этому измѣненію сужденій объ историческихъ событіяхъ и лицахъ, поправкѣ, такъ сказать, этихъ сужденій чрезвычайно способствуетъ теорія. Обнимая однимъ взглядомъ цѣлое, указывая безпрестанно на единство въ самыхъ разнообразныхъ и разновременныхъ явленіяхъ, она заставляетъ на каждомъ шагу сравнивать, повѣрять фактъ фактомъ, выводъ выводомъ, и открывать новыя стороны въ одномъ и томъ же предметѣ; такъ слагается наконецъ мѣрило для фактовъ, лежащее внѣ личныхъ пристрастій и предубѣжденій, условленныхъ вліяніемъ окружающей среды. Возможность въ одно и тоже время судить историческое явленіе на основаніи прошедшаго и чаемаго будущаго расширяетъ кругъ зрѣнія, рождаетъ многосторонній взглядъ на предметъ, освобождаетъ отъ исключительности, легко переходящей въ ограниченность. Все это плоды теоретическаго взгляда, и въ этомъ его заслуга; ибо если онъ не изчерпываетъ предмета, то во всякомъ случаѣ заставляетъ о немъ думать, его изслѣдовать.

Не такъ понимаетъ теорію авторъ критики, г. М.... З.... К.... у него она слагается не изъ наблюденій надъ внутреннимъ процессомъ предмета, а изъ идеаловъ, конечно прекрасныхъ, благородныхъ, но, къ сожалѣнію, покуда нигдѣ и никогда

еще не воплотившихся. Не замѣчая этого, онъ ревностно отыскиваетъ ихъ въ русской исторіи и— что мудренаго— съ помощью добросовѣстнаго злоупотребленія фактовъ, находитъ. Онъ до того погруженъ въ свою мысль, что не слышитъ вопіющаго противъ него голоса дѣйствительности, не видитъ вещей самыхъ простыхъ, осязательныхъ, даже не замѣчаетъ, что его возвышенные идеалы оскорбительно-несправедливы. Такихъ теорій нельзя не отвергать, — и вотъ объясненіе недоразумѣнія, о которомъ мы говорили выше. Постараемся доказать это.

Взглядъ автора существенно вотъ въ чемъ заключается: начало личности, предоставленное самому себѣ и развиваемое романо-германскимъ міромъ, лишено любви, и потому порождаетъ ассоціацію, а не общину. Въ настоящее время западная Европа живо почувствовала односторонность, неудовлетворительность, этого начала, и въ лицѣ своихъ «передовыхъ мыслителей» остановилась передъ общиной, которая для него существуетъ лишь какъ абстрактная формула, требованіе. Что же такое община? Такое общество, или общежитіе, въ которомъ царитъ абсолютный законъ, родовая норма личности, но вслѣдствіе сознательнаго и свободнаго подчиненія ей всѣхъ индивидуумовъ, его составляющихъ. Община въ этомъ значеніи была и есть сущность, внутренняя основа славянскаго племени. Такъ какъ развитіе этого начала стоитъ теперь на очереди въ исторіи и есть задача славянскаго міра, то къ нему уже и обратились лучшіе европейскіе умы съ сочувствіемъ и ожиданіемъ. Читатели могутъ подумать, что я преувеличилъ, если можно такъ выразиться, мнѣнія г. М.... З.... К.... и сдѣлалъ ихъ невѣроятными. Вотъ его подлинные слова.

«Развитіе германскаго начала личности, предоставленной себѣ самой, не имѣетъ ни конца, ни выхода; путемъ исчерпыванія историческихъ явленій личности, до идеи о человѣкѣ, то есть до начала абсолютнаго соединенія и

подчиненія личностей подъ верховный законъ, логически дойдти нельзя; потому что процессъ аналитическій никогда не переходитъ самъ собою въ синтетическій» (стр. 172).

«Западный міръ выражаетъ теперь требованіе органическаго примиренія начала личности съ началомъ объективной и для всѣхъ обязательной нормы— требованіе общины. Это требованіе совпадаетъ съ нашею субстанціею: въ оправданіе формулы мы приносимъ бытъ, и въ этомъ точка соприкосновенія нашей исторіи съ западною».

«Общинный бытъ Славянъ основанъ не на отсутствіи личности, а на свободномъ и сознательномъ ея отреченіи отъ своего полновластія» (стр. 173).

«Что касается до насъ, то признаемся, мы никакъ не можемъ понять того логическаго процесса, посредствомъ котораго изъ германскаго начала, предоставленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности, можетъ возникать иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи? Какимъ образомъ начало разобщающееся обратится въ противоположное начало приниженія и единенія? Какимъ образомъ, говоря словами автора, понятіе о личности перейдетъ въ понятіе о человѣкѣ?» (стр. 146 и 147).

«Если вы скажете, что можно дойдти до утомленія, до сознанія практической пользы и даже необходимости ограничить разгулъ личности, то мы замѣтимъ вамъ, что такого рода сознаніе, какъ результатъ самыхъ разнородныхъ и всетаки личныхъ потребностей, не выведетъ изъ круга развитія личности. Наприм. бѣднякъ почувствуетъ необходимость взять у богатаго кусокъ хлѣба, чтобы не умереть съ голода; положимъ даже, что богатый почувствуетъ съ своей стороны необходимость уступить что-нибудь бѣдному, чтобы не довести послѣдняго до отчаянія и не потерять всего; положимъ что они сойдутся и съ общаго согласія постановятъ какой бы то ни было порядокъ. Этотъ порядокъ, для того и для другаго, будетъ отнюдь не абсолютнымъ человѣческимъ закономъ, а только удобнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ достиженію личнаго благосостоянія. Представится другое средство, они за него ухватятся, и будутъ правы; ибо, уступая внѣшней необходимости, личность ограничивала себя въ пользу себя самой. До идеи человѣка мы все-таки не дошли и не дойдемъ. И такъ на личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего, можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіею; но абсолютной нормы, закона безусловно общественнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности, путемъ логики, вывести нельзя; слѣдовательно не выведетъ его и исторія. Наконецъ, откуда бы оно ни пришло, въ какой бы формѣ и подъ какимъ бы названіемъ ни явилось, вы должны сознаться, что передъ нимъ личность утратитъ свое абсолютное значеніе; другая власть, отъ нея независящая, не ею созданная, воцарится надъ личностью и ограничитъ ее. Мѣрило личности будетъ уже не въ ней самой, а внѣ ея; оно получитъ объективное, самостоятельное значеніе, въ совпаденіи съ нимъ личность найдетъ свое оправ-

даніе, въ отступленіи отъ него свое осужденіе. Вы скажете, что это мѣрило не должно быть навязано, что личность, признавая въ немъ свой собственный идеалъ и подчиняясь ему, совершитъ актъ свободы, а не рабства; такъ, — и слѣдовательно личности предстоитъ одно назначеніе: познать свою родовую норму, свой законъ. Но для того, чтобы познать его, она должна признавать его существующимъ. Ей должно быть всегда присуще хотя темное сознаніе и закона и своего несовершенства, своей не правоты передъ нимъ; а это сознаніе несовмѣстно съ чувствомъ неограниченнаго полновластія личности и ея значенія какъ мѣрила для всего» (стр. 147 и 148).

Я сказалъ въ своей статьѣ, что само въ себѣ общинное начало не имѣло зачатковъ жизни и развитія. Г. М.... З.... К.... говоритъ:

«Не смотря на всѣ натяжки автора, мы видѣли противное въ призваніи князей, увидали бы тоже въ принятіи Христіянской вѣры, которое было дѣломъ всей земли, если бы только авторъ разсудилъ за благо сказать о немъ хоть одно слово; мы видѣли тоже въ сознаніи неспособности жить безъ князя и въ повторяющихся призваніяхъ; наконецъ, мы видимъ, что въ позднѣйшую эпоху, когда упразднилось государство, это общинное начало, по словамъ автора не имѣвшее зачатковъ жизни и развитія, спасло единство и цѣльность Россіи, и снова, какъ въ 862 г., такъ и въ 1612 г., создало изъ себя государство. Нѣтъ; общинное начало составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи, прошедшей, настоящей и будущей; сѣмяна и корни всего великаго, возносящагося на поверхности, глубоко зарыты въ его плодотворной глубинѣ, и никакое дѣло, никакая теорія, отвергающая эту основу, не достигнетъ своей цѣли, не будетъ жить» (стр. 158).

«Семейство и родъ представляютъ видъ общежитія, основанный на единствѣ кровномъ; городъ съ его областью — другой видъ, основанный на единствѣ областномъ, и позднѣе епархіальномъ; наконецъ единая обнимающая всю Россію государственная община, послѣдній видъ, выраженіе земскаго и церковнаго единства. Всѣ эти формы различны между собою, но онѣ суть только формы, моменты постепеннаго расширенія одного общиннаго начала, одной потребности жить вмѣстѣ въ согласіи и любви, потребности, сознанной каждымъ членомъ общины, какъ верховный законъ обязательный для всѣхъ, и носящій свое оправданіе въ самомъ себѣ, а не въ личномъ произволеніи каждаго. Таковъ общинный бытъ въ существѣ его; онъ основанъ не на личности и не можетъ быть на ней основанъ; но онъ предполагаетъ высшій актъ личной свободы и сознанія — самоотреченіе. Въ каждомъ моментѣ его развитія онъ выражается въ двухъ явленіяхъ, идущихъ параллельно и необходимыхъ одно для другаго. Вѣче родовое (н. п. княжескіе сеймы) и родоначальникъ.

Вѣче городовое и князь. Вѣче земское или дума и царь. Первое служитъ выраженіемъ общаго связующаго начала; второе — личности. Положимъ, взаимныя отношенія князей предопредѣлялись родовымъ началомъ; но что такое князь въ отношеніи къ міру, если не представитель личности, равно близкій каждому, если не признанный заступникъ и ходатай каждаго лица передъ міромъ. Почему община не можетъ обойтись безъ него; какому требованію, глубокому, существенному духа народнаго онъ отвѣчаетъ, если не требованію сочувствія къ страждущей личности, состраданія, благоволенія и свободной милости? Признавъ его и поставивъ надъ собою, община выразила въ живомъ образѣ свое живое единство. Каждый отрекся отъ своего личнаго полновластія и вмѣстѣ спасъ свою личность въ лицѣ представителя личнаго начала» (стр. 159 и 160).

«Идеалъ Новогородскаго быта, къ которому онъ стремился—можно опредѣлить какъ согласіе князя съ вѣчемъ. Иногда оно осуществлялось, не на долго, и эти рѣдкія минуты представляютъ апогей быта Новогородскаго. Таково напр. княженіе Мстислава, его прибытіе въ Новгородъ, его подвиги и прощаніе съ Новгородцами. Въ грамотахъ Новогородскихъ значеніе князя опредѣляется отрицательно: не дѣлай того, не заводи другаго. Положительныя требованія заключались въ живомъ сознаніи всей земли; ихъ нельзя было уписать въ пяти строкахъ. И такъ элементы будущаго государственнаго устройства, міръ и личность, существовали въ Новѣгородѣ, и вся Новогородская исторія выражала стремленіе къ ихъ соглашенію. А почему Новгородъ не возвелъ ихъ въ правильную государственную форму, тому причина простая. Новогородская земля была часть русской земли, а не вся Россія; государство же должно было явиться только какъ юридическое выраженіе единства всей земли» (стр. 164 и 165).

«Способъ рѣшенія по большинству запечатлѣваетъ распаденіе общества на большинство и меньшинство и разложеніе общиннаго начала; вѣче, выраженіе его, нужно именно для того, чтобы примирить противоположности; цѣль его— вынести и спасти единство. Отъ этаго оно обыкновенно оканчивается въ лѣтописяхъ формулою: «снидошася вси любовь». Способъ рѣшенія единогласный, отличаемый авторомъ отъ формы вѣчевыхъ приговоровъ, въ которыхъ не было счета голосовъ и балотировки, относится къ ней какъ совокупность единицъ къ цѣлому числу, какъ единство количественное къ единству нравственному, какъ внѣшнее къ внутреннему» (стр. 165).

Кажется эти выписки достаточно меня оправдываютъ; воззрѣніе дѣйствительно невѣроятное — только не по моей винѣ: вся честь парадоксальности посылокъ, неестественности пониманія и произвольности выводовъ нераздѣльно принадлежитъ

г. М.... З.... К.... А что его посылки парадоксальны, пониманіе не естественно, выводы произвольны — это видно изъ самаго поверхностнаго разбора его «теоріи».

Во первыхъ, авторъ думаетъ, что ассоціація, результатъ исключительнаго развитія начала личности — ложная, неудовлетворительная форма общественности, въ которой человѣкъ не можетъ выйдти изъ очарованнаго круга исключительнаго опредѣленія личности и сдѣлаться въ самомъ дѣлѣ человѣкомъ. Этой формѣ противополагается община, гдѣ господствуетъ абсолютный законъ, родовая норма личности, передъ которой всѣ добровольно и сознательно «принижаются». Требованіе прекрасно; но я бы попросилъ г. М.... З.... К.... высказать мнѣ эту родовую норму личности, этотъ абсолютный законъ. Правда или нѣтъ, что у разныхъ народовъ, въ разныя времена она различна? Правда или нѣтъ, что она различна у одного и того же народа въ разныя эпохи? Какъ въ человѣкѣ измѣняется сознаніе о томъ, что̀ хорошо и что̀ дурно, такъ и въ народѣ, и въ цѣломъ человѣчествѣ. Если это справедливо—исканіе абсолютной нормы личности есть исканіе философскаго камня или той блаженной, но нигдѣ небывалой земли, гдѣ люди—воплощенные ангелы, незнающіе ни зла ни законовъ. Абсолютный законъ — идеалъ, создаваемый въ разное время разными народами и лицами различно, и выдвигаемый ими впередъ какъ цѣль, къ которой должно стремиться, а у восточныхъ, младенствующихъ и въ переходномъ состояніи находящихся народовъ отодвигаемый назадъ, какъ утраченное, предметъ вѣчныхъ скорбныхъ воспоминаній. И въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ свидѣтельствуетъ о новой фазѣ развитія и сознанія и есть достояніе и плодъ исторіи. Этихъ идеаловъ было столько, и такъ они различны, что наконецъ нельзя было не усомниться въ абсолютной истинности, не напасть на мысль объ ихъ историческомъ или, если хотите, физіологическомъ

значенiи для человѣчества. Затѣмъ осталось одно общее понятiе о добрѣ и злѣ, которому невозможно дать абсолютной формы, ибо оно неизбѣжно формулируется извѣстнымъ историческимъ образомъ, слѣдственно не абсолютно. Можетъ быть впрочемъ авторъ не принимаетъ и развитiя въ исторiи человѣчества, какъ онъ не признаетъ многаго, что̀ однако несомнѣнно: въ такомъ случаѣ намъ нечего дѣлать, ибо о бѣломъ и черномъ не спорятъ. Пусть насъ разсудятъ читатели, для которыхъ я и отвѣчаю моему критику.

Возьмите тотъ же вопросъ съ другой стороны. Г. М.... З.... К.... знаетъ, какъ разнообразны требованiя людей, составляющихъ всякое общество. Безспорно, произволъ и случайность играютъ въ этомъ не маловажную роль; но всего имъ нельзя приписать: темпераментъ, природныя наклонности и особенности людей полагаютъ между ними существенное различiе. Спрашивается, какая родовая норма будетъ такъ всѣмъ имъ близка, что они ей подчинятся сознательно и добровольно? Кажется и у древнихъ Славянъ ея не было, если они находили иногда нужнымъ бить, даже убивать нѣкоторыхъ членовъ своихъ общинъ за несогласiе съ общимъ мнѣнiемъ. Вы говорите о самоотреченiи и самопожертвованiи? Прекрасно. Но вѣдь если оно вынуждено, то оно уже не добровольное и сознательное, слѣдовательно не самопожертвованiе и самоотреченiе, а невынужденнаго въ отношенiи ко всѣмъ, мы рѣшительно нигдѣ и никогда не видали, даже не видали у Славянъ, которыхъ сущность, по вашимъ же словамъ, общинное устройство и бытъ. Что̀ же съ этимъ дѣлать! люди своекорыстны и злы; надо, какъ это ни горько, видѣть ихъ, какъ они есть, и по нимъ создавать и устроивать ихъ общественный бытъ. Перетродите родъ человѣческiй — о, тогда другое дѣло! Укажите намъ на человѣческое общество, въ которомъ бы всѣ до единаго были готовы на самоотреченiе и самопожертвованiе—мы

хоть и не признаемъ нормы между ними господствующей за абсолютную родовую норму личности, однако не усомнимся признать ихъ устройство за самое вожделенное. Но покуда такое общество не отыскалось, позвольте мнѣ, и со мною конечно многимъ другимъ, остаться при мысли, что то общественное устройство возможно-лучшее, въ которомъ, для человѣка, его желаній и дѣятельности, открыто самое широкое поприще,—словомъ, такое устройство, гдѣ абсолютная общинная норма, о которой вы говорите, вовсе не существуетъ. Сожительство съ другими, безъ котораго человѣкъ не можетъ обойдтись, неизбѣжно влечетъ за собой для него разныя обязанности: облзанность поддерживать это общежитіе, обязанность не мѣшать и не вредить другимъ. И этого уже слишкомъ достаточно. Попробуйте водворить еще вашу абсолютную норму— и общежитіе сдѣлается невыносимымъ бременемъ, такимъ тяжелымъ, что будетъ перевѣшивать всю тяжесть, всю невозможность одиночества.

И что за требованіе общей (мы уже не назовемъ ее, послѣ сказаннаго, абсолютной) нормы для людей, передъ которой всѣ добровольно и сознательно «принижаются»? Что за мысль, что каждый, живя какъ ему угодно, удовлетворяя своимъ наклонностямъ и влеченіямъ, по прихоти, не останется человѣкомъ, совершенно сообразнымъ съ своей родовой нормой? Право, чтобы убѣдиться въ этой мысли, надо быть влюбленнымъ въ нее до полнаго пренебреженія дѣйствительности; ибо самое поверхностное наблюденіе очевидно приводитъ къ другимъ результатамъ.

Взглядъ г. М.... З.... К.... на человѣка слишкомъ узокъ, хотя и вѣренъ себѣ.

Наконецъ я бы хотѣлъ знать, какимъ образомъ г. М.... З.... К.... разрѣшаетъ нѣкоторые практическіе вопросы, естественно возникающіе изъ его взгляда. Чтобы всѣ въ

одинъ голосъ сознавали родовую норму личности и добровольно и сознательно ей подчинялись — это математически невозможно. Стало-быть ее опредѣлятъ не всѣ. Кто же? Большинство? Нѣтъ, ибо оно можетъ заблуждаться, и потомъ главное, по словамъ г. М... З... К... «способъ рѣшенія по большинству запечатлѣваетъ распаденіе общества на большинство и меньшинство и распаденіе общиннаго начала». Меньшинство? Опять нельзя; съ этимъ и авторъ не согласенъ, и всѣ тѣ, которые думаютъ одинаково со мною. Какъ же? Непосредственнымъ сознаніемъ, какъ-то само собою? Это невозможно, и непремѣнно или будетъ на основаніи мнѣнія большинства, или меньшинства. Допустимъ однако эту невозможность. Что жь дѣлать съ тѣми, которые не согласны? Наказать ихъ, принудить согласиться? Такъ и авторъ не думаетъ. Изгнать? Хорошо. Они или пристанутъ къ другой общинѣ, гдѣ добровольно подчинятся закону, тамъ властвующему; но тогда гдѣ жь родовой законъ личности? Община значитъ живетъ не по родовому закону? Или они, эти изгнанные, не найдутъ другой общины, потому что вездѣ царитъ родовой законъ, подъ который они не подошли добровольно и сознательно: имъ остается или основать новую общину, или жить по одиначкѣ, внѣ всякаго общества, служа живымъ опроверженіемъ системы г. М... З... К... Иначе, право, я не знаю, что имъ дѣлать! Пусть поправитъ меня г. М... З... К..., если я ошибаюсь: я торжественно, печатно признаюсь, что заблуждался до сихъ поръ. А покуда, г. М... З... К..., во всѣхъ перемѣнахъ общественнаго быта, въ наше время, я вижу одно, очень высказанное стремленіе: дать человѣку, личности сколь возможно болѣе развитія, сколько дозволяютъ условія общественной безопасности и спокойствія. Въ концѣ такого развитія предвидится не царство абсолютнаго закона, а совершенно свободная дѣятельность лица; абсолютный законъ все болѣе и болѣе сво-

дится къ самой общей внѣшней категоріи—не мѣшай другимъ, не стѣсняй ихъ, ибо безъ этого невозможно общежитіе.

Теперь нѣсколько словъ о славянскихъ общинахъ. Дѣствительно, у древнѣйшихъ Славянъ были общины: я признаю это тѣмъ охотнѣе, что и въ статьѣ, вызвавшей возраженіе г. М... З... К..., говорилъ тоже самое. Но что̀ такое онѣ были, какая была ихъ дальнѣйшая судьба, — вотъ въ чемъ существенное разногласіе между нами. Я вижу ихъ въ началѣ и говорю: да онѣ были; потомъ вижу постепенное ихъ паденіе и совершенное уничтоженіе; не имѣю никакой возможности опровергнуть этотъ фактъ, очевидный не только у насъ, но и у всѣхъ славянскихъ племенъ, сдѣлавшихъ хоть одинъ шагъ въ гражданской цивилизаціи, и ограничиваюсь его объясненіемъ. Многія данныя доводятъ меня до мысли, что славянскія общины пали потому, что были непосредственныя, основанныя первоначально на кровномъ родствѣ, проникнутыя патріархальностью, которая, какъ видно изъ всей исторіи, падаетъ съ успѣхами и развитіемъ гражданственности — и эту мысль я и высказываю. Положимъ, что я ошибаюсь; противопоставьте же моей гипотезѣ другую, болѣе правдоподобную, основательную, но не отрицайте фактовъ: они явны, они говорятъ за себя. Вмѣсто того, что̀ дѣлаетъ г. М... З... К...? Видя, что наши общины утрачиваютъ и политическое и даже административное, гражданское значеніе (ибо какъ же этого не видать!), онъ все-таки продолжаетъ твердить, что онѣ существуютъ, и наконецъ пророчески восклицаетъ: «нѣтъ; общинное начало «составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи, прошедшей «и настоящей и будущей; сѣмяна и корни всего великаго, воз«носящагося на поверхности, глубоко зарытые въ его плодо«творной глубинѣ, и никакое дѣло, никакая теорія, отвергаю«щая эту основу, не достигнетъ своей цѣли, не будетъ жить». Г. М... З... К... упорно отрицаетъ факты. Что̀ жь съ этимъ

дѣлать? приходится замолчать. Законодательство и всѣ учрежденія со времени Петра Великаго съ каждымъ днемъ дѣлаютъ новыя завоеванія въ нашемъ общественномъ устройствѣ въ пользу другаго высшаго начала общественности, а г. М... З... К... увѣряетъ, что общинный бытъ господствуетъ у насъ теперь. Какъ же съ нимъ спорить?

Одна посылка не вѣрна практически, другая не вѣрна исторически; что жь можетъ быть выводъ изъ нихъ, объ отношеніяхъ романо-германскаго міра къ славянскому? Въ системѣ г. М... З... К... это не правда, потому что основанія вывода неправильны. Какъ! простой психологическій фактъ, ежедневно повторяющійся на каждомъ изъ насъ, даетъ намъ право строить системы, дѣлать заключенія о будущихъ судьбахъ славянскаго племени, произносить приговоръ надъ цѣлой, доселѣ лучшей частью человѣчества? Странно! По крайней мѣрѣ это не метода историка или критика. Оспоривайте чьи угодно мысли и историческія теоріи, но на основаніи положительныхъ данныхъ, совершившихся событій, а не мечтаній о будущемъ, которое отъ насъ сокрыто. Вы напримѣръ думаете, что наша сущность — общинное начало, и основываете это на мечтаніяхъ, а не фактахъ, ибо они говорятъ противъ васъ; гораздо съ бо́льшимъ правомъ я бы могъ утверждать, что наша задача — развить личность до высшей степени. Обѣ гипотезы въ своемъ родѣ прекрасны, но что жь изъ этого? Вправѣ ли мы, говоря о будущемъ, грудью отстаивать представленія, которыя мы о немъ составили, каждый по своему? Дѣйствуя такъ, мы свидѣтельствуемъ только о младенчествѣ нашего пониманія. Пора намъ хоть когда-нибудь отъ этого отдѣлаться. Что славянскій міръ новая почва въ исторіи, и по всѣмъ видимостямъ не безплодная — это безспорно. Но что за роль ему предстоитъ: устыдить ли Европу блескомъ своего развитія и величія, или стать съ нею рядомъ и дружно идти по дорогѣ, общей всѣмъ

человѣческимъ племенамъ, разумѣется сохраняя свои особенности національныя и другія, — объ этомъ г. М... З... К... такъ же мало знаетъ, какъ и я, если только захочетъ смиренно въ этомъ сознаться.

Вотъ съ какой теоріей выступилъ противъ меня г. М... З... К... Въ этомъ всеоружіи онъ разбираетъ мою статью, сначала общую ея часть. Въ разборѣ я нашелъ рядъ придирокъ, а не возраженій. Я сказалъ: русско-славянскія племена образовались нарожденіемъ; чрезъ всю нашу древнюю исторію никакіе элементы не были насильственно вторгнуты въ нашу жизнь; слѣдовательно мы развивались безпрепятственно, изъ себя, развивали свои историческіе элементы. Эти элементы, первоначальныя данныя — исключительно кровный родственный бытъ; слѣдовательно ихъ развитіе наполняетъ нашу внутреннюю исторію. Въ чемъ же должно было состоять это развитіе? Новая исторія привела меня къ мысли, что оно должно состоять въ постепенномъ отрицаніи, распаденіи исключительно кровнаго элемента и въ постепенномъ приготовленіи личности къ самостоятельному дѣйствованію. Историческая часть служитъ подтвержденіемъ этой мысли. Кажется ясно и просто. Если я заблуждаюсь, опровергните премиссы, докажите, что нашъ бытъ не былъ исключительно кровный, родственный, — что въ составъ русскихъ Славянъ вошли другіе сильные элементы, измѣнившіе нашъ внутренній бытъ,—что личность является у насъ дѣйствующею съ самого начала, словомъ, какъ-нибудь подорвите одну изъ основъ исторіи, и она рушится сама собою. Въ критикѣ г. М... З... К... не находимъ ничего подобнаго.

Онъ говоритъ, что и всѣ народы образовались чрезъ нарожденіе, какъ будто я когда-нибудь доказывалъ противное; не касаясь нисколько замѣчанія, что постороннія начала никогда не были насильственно вносимы въ жизнь русскихъ Сла-

вянъ, отрицаетъ, что въ древнѣйшія времена они имѣли исключительно родственный бытъ, а почему — Богъ вѣсть; кто жь не видитъ, что если народъ образовался чрезъ нарожденіе и развивался совершенно самостоятельно, то у него и не могло быть сначала другаго быта, кромѣ исключительно родственнаго! Потомъ, мимоходомъ, критикъ спрашиваетъ, почему въ изчисленіе родственныхъ названій, которыя даются у насъ другъ другу въ крестьянскомъ быту, попали ребята, вѣроятно забывши, что гдѣ люди считаются родствомъ, тамъ непремѣнно существуетъ и представленіе о старшинствѣ и меньшинствѣ по лѣтамъ, которое между прочимъ выражается и въ словѣ р о б я т а, какъ въ словахъ о т р о к ъ, ч а д ь, д ѣ т с к і й и т. д. и нераздѣльно съ патріархальнымъ бытомъ. Затѣмъ г. М... З... К... въ видѣ возраженія приводитъ, что въ Германіи родственныя названія употреблялись въ средневѣковыхъ гильдіяхъ, а во Франціи употребляются и теперь въ простомъ народѣ. Что̀ жь изъ этого? спрошу я. Во Франціи и Германіи рядомъ съ этими отношеніями, показывающими не совсѣмъ пережитые патріархальные элементы, я вижу другія явленія, объясняемыя другими началами, а у русско-славянскихъ племенъ ихъ не вижу; здѣсь все сводится къ патріархальнымъ элементамъ. Неужели критику могла хотя на одну минуту пр дти въ голову странная мысль, что я не признаю присутствія кровныхъ элементовъ въ быту европейскихъ народовъ и не вижу рѣшительно никакихъ зачатковъ гражданскихъ элементовъ въ древнемъ быту Россіи? А это выходитъ изъ его возраженія. Я указывалъ на преобладающіе элементы, грунтъ, почву, на которой совершалась исторія у насъ и въ Европѣ, на то, что̀ опредѣляло развитіе, а г. М... З... К... показалось, что я и не подозрѣваю присутствія патріархальныхъ началъ въ европейскихъ народахъ и гражданственности у насъ. Хорошо же онъ меня понялъ!

Въ числѣ возраженій встрѣчаемъ также слѣдующее:

«Такого рода терминологія (взятая изъ родственныхъ отношеній), болѣе или менѣе встрѣчающаяся у всѣхъ племенъ, ничего не доказываетъ, или лучше она доказываетъ со всѣмъ не то, что полагаетъ авторъ. Она выражаетъ ту мысль, что *кромѣ* выполненія вынуждаемыхъ закономъ обязанностей, человѣкъ хотѣлъ бы найти въ другомъ сочувствіе, совѣтъ, любовь; а для выраженія этихъ требованій всего ближе заимствовать терминологію изъ семейнаго быта» (стр. 138).

Ближе, но не вообще, а судя по семейному быту; это во первыхъ. Потомъ, покуда типомъ близости служатъ родственныя отношенія, я все еще въ правѣ думать, что или патріархальные элементы еще не совсѣмъ пережиты народомъ, или что онъ въ нихъ порядкомъ не вглядѣлся, не вполнѣ ихъ созналъ; вѣдь и это часто бываетъ. Мало ли о чемъ понятія измѣнились, а терминологія остается, по привычкѣ, прежняя. Говоря о родственныхъ отношеніяхъ, г. М... З... К... всегда думаетъ о родственной любви и совсѣмъ выпускаетъ изъ виду родственныя ненависти, которыя сильнѣй, продолжительнѣй всякой другой. Отъ этой идеализаціи всего существующаго и непрактичность, недѣйствительность взгляда критика.

Удовлетворившись такими придирками, думая, что онѣ ужь совершенно опровергли основанія взгляда, критикъ отвергаетъ мой выводъ, что наша древняя внутренняя исторія была постепеннымъ развитіемъ исключительно кровнаго, родственнаго быта, и противопоставляетъ ему свой собственный выводъ.

«Въ первыхъ строкахъ нашей лѣтописи мы читаемъ признаніе несостоятельности родоваго начала и потребности третейской власти, сознательно и свободно призванной; съ этого времени семейное и родственное начало безпрерывно видоизмѣнялось безъ рѣшительнаго, посторонняго вліянія; слѣдовательно въ древнемъ нашемъ быту были искони другія начала, которыя развивались вмѣстѣ съ нимъ, и слѣдовательно этотъ бытъ не былъ исключительно семейственнымъ, родственнымъ» (стр. 138 и 139).

Я сказалъ, что смыслъ нашей внутренней исторіи до Петра — высвобожденіе, нарожденіе личности и, на оборотъ,

разложеніе, распаденіе патріархальныхъ элементовъ. Чтò это значитъ? То, что человѣкъ является въ Россіи первоначально погруженнымъ въ исключительно патріархальный бытъ, подъ его исключительнымъ опредѣленіемъ, а потомъ тотъ же человѣкъ, мало по малу пробуждается къ внутренней, самостоятельной дѣятельности, какъ лице. Если и сперва и потомъ дѣйствовалъ и жилъ человѣкъ, ясно, что всѣ начала, которыя когда-либо опредѣляли или еще будутъ опредѣлять его бытъ, заключались въ немъ въ зародышѣ. Но развѣ я когда-нибудь отвергалъ это? Развѣ я доказывалъ, что у насъ сначала былъ исключительно родственный бытъ помимо человѣка? А изъ словъ г. М... З... К... это выходитъ; я говорю объ элементахъ, формахъ, опредѣлявшихъ человѣка, и показываю, какъ онѣ постепенно измѣнялись, конечно не сами по себѣ, а чрезъ его посредство и для него, а г. М... З... К... непремѣнно хочется, чтобъ я человѣка отбросилъ, да и объяснилъ ему, какъ исключительно родственный бытъ перешелъ въ неродственный, гражданскій и государственный. Еслибы онъ этого не хотѣлъ, онъ не увидѣлъ бы искони въ нашемъ древнемъ быту какихъ-то другихъ началъ только потому, что «на первыхъ строкахъ нашей лѣтописи мы читаемъ признаніе несостоятельности родоваго начала и потребности третейской власти, сознательно и свободно призванной», и «что съ этаго времени семейное и родственное начало безпрерывно измѣнялось безъ рѣшительнаго посторонняго вліянія». Эти начала, на которыя намекаетъ г. М... З... К... — тѣ общія свойства человѣческой природы, которыя одинаковы у всѣхъ народовъ, во всѣ времена; но только формы, въ которыхъ они выражаются, всегда вполнѣ соотвѣтствуютъ той эпохѣ, когда обнаруживаются, и потому вполнѣ ею объясняются. Призваніе, о которомъ говоритъ авторъ, служитъ блистательнымъ доказательствомъ этой истины; мысль, которая его вызвала — желаніе благо-

устройства и порядка, — общая всѣмъ народамъ въ мірѣ; форма, въ которой она выразилась, до того патріархальна, что не имѣй мы никакихъ другихъ свидѣтельствъ и данныхъ, мы по одному этому событію могли бы догадаться, что тогда господствовалъ у насъ патріархальный бытъ. Изъ тѣхъ тысячи варіацій, которыя разыгрывались на эту тему призванія, г. М... З... К... могъ бы кажется заключить, какъ чуждъ для насъ тотъ порядокъ мыслей, который побудилъ нашихъ предковъ въ IX вѣкѣ послать за море искать «третейскую власть».

Вотъ и все о моей основной точкѣ зрѣнія. То что̀ слѣдуетъ далѣе о христіянствѣ, мнѣ кажется страннымъ. Сверхъ того взглядъ г. М... З... К... на религію вообще не современенъ, и потому я считаю безполезнымъ и невозможнымъ спорить съ нимъ объ этомъ.

За тѣмъ, выписавъ изъ моей статьи очеркъ развитія начала личности въ западной Европѣ, авторъ, дѣлаетъ на него свои замѣчанія:

«Когда мы прочли его въ первый разъ, мы все ожидали дополненій, оговорокъ, до такой степени онъ показался намъ одностороннимъ; но ничего подобнаго не нашлось въ статьѣ; напротивъ, та же мысль опредѣлялась все рѣзче и рѣзче. Скажите однако, неужели въ самомъ дѣлѣ Германцы исчерпали все содержаніе Христіянства? Неужели они были единственными дѣятелями въ исторіи Запада? Неужели всѣ явленія ея представляютъ только моменты развитія одного начала—личности? Вѣдь это противно самымъ простымъ, элементарнымъ понятіямъ, почерпаемымъ изъ всей исторической литературы французской и нѣмецкой? И этотъ взглядъ, уничтожающій не менѣе половины западнаго міра, брошенъ вскользь, какъ будто даже не подлежащій спору. Для кого же все это писано?»

«Сколько намъ извѣстно, Гизо первый понялъ развитіе всего западнаго міра, какъ стройное цѣлое. Онъ видѣлъ въ немъ встрѣчу, борьбу и какое-то отрицательное примиреніе въ равновѣсіи трехъ началъ: личности, выражаемой германскимъ племенемъ, отвлеченнаго авторитета, перешедшаго по наслѣдству отъ древняго Рима и Христіанства. Послѣднее начало, само по себѣ цѣльное, въ западной Европѣ распалось на два историческія явленія, подъ тѣми же категоріями авторитета и личности. Римскій міръ понялъ Христіянство подъ формою католицизма, германскій міръ—подъ формою протестантизма. Можетъ-

быть, Гизо потому только не провелъ дуализма чрезъ западное Христіянство, что восточная половина Европы была ему мало извѣстна. Германское начало, идея личности, создала цѣлый рядъ однородныхъ явленій. Въ сферѣ государства: различные виды искусственной ассоціаціи, коей теорія изложена въ «Contrat social» Руссо; въ сферѣ религіи — протестантизмъ; въ сферѣ искусства — романтизмъ. Въ тѣхъ же сферахъ развились изъ римскаго начала совершенно противоположныя явленія: идея отвлеченной верховной власти, формулированная Макьявелемъ; католицизмъ и классицизмъ. Мы не навязываемъ этого взгляда г. Кавелину, но какъ же увѣрять насъ, что римское начало не участвовало наравнѣ съ германскимъ въ образованіи западной Европы, и что въ одномъ послѣднемъ заключается зародышь будущаго?» (стр. 143 и 144).

У г. М... З... К... постоянное правило — приписывать мнѣ, чего я не говорилъ, требовать — чего я не обязался дѣлать. Я нигдѣ не сказалъ, что Германцы изчерпали все содержаніе христіянства, что они были единственными дѣятелями въ исторіи Запада, что римское начало не участвовало наравнѣ съ германскимъ въ образованіи западной Европы: поэтому не считаю и нужнымъ отвѣчать на эти вопросы. Я представилъ бѣглый обзоръ, какъ начало личности, принесенное на европейскую почву германскими племенами, развивалось, смягчалось подъ вліяніемъ христіянства и греко-римскаго міра, и наконецъ теперь, болѣе и болѣе утрачивая свою историческую исключительность, переходитъ въ болѣе широкій, многосторонній типъ человѣка. Въ современномъ требованіи гуманности, проводимомъ всюду и котораго послѣднимъ словомъ является благосостояніе и нравственное развитіе каждаго человѣка въ особенности и всѣхъ вмѣстѣ, я вижу результатъ развитія германскаго элемента подъ указанными вліяніями христіянства и греко-римскаго міра. Г. М... З... К... принялъ эту очень простую и теперь довольно общую мысль за очеркъ западной исторіи, и на этомъ основаніи укоряетъ меня въ односторонности взгляда, въ уничтоженіи половины западнаго міра, наконецъ спрашиваетъ: «для кого же все это писано?» Странно! Если г. М... З... К... идетъ отъ готовой мысли,

что авторитеты, принципы и т. д. прежніе, теперешніе и будущіе не выражали сознанія человѣка объ истинѣ и не средство для его развитія, то конечно я писалъ не для него; а онъ идетъ отъ этой мысли: у него и христіянство, и античный міръ, и начало личности вытянуты въ одну линію, тогда какъ послѣднее — живая почва, основаніе, а первые два — элементы, на него дѣйствующіе, его воспитывающіе.

Изложивъ послѣ того свои мнѣнія о личности, ея безсиліи перейдти въ человѣка, какъ будто бы это были противоположности, а не разныя опредѣленія одного и того же человѣка, изложивъ необходимость для личности сознавать свой родовой законъ и свою неправоту передъ нимъ, откуда доктрина «приниженія» личности, г. М... З... К... говоритъ:

«И такъ должно различать личность съ характеромъ исключительности, ставящую себя мѣриломъ всего, изъ себя самой создающую свои опредѣленія, и личность какъ органъ сознанія; эти два вида авторъ безпрестанно смѣшиваетъ; въ одномъ только мѣстѣ онъ различаетъ ихъ»... (стр. 148). «Авторъ различилъ историческое проявленіе личности враждующей отъ ея абсолютнаго значенія какъ сознающей себя; но тою же фразою, онъ связалъ оба вида неразрывно, признавъ первый необходимымъ условіемъ, какъ бы приготовленіемъ ко второму. Примиреніе личностей—есть послѣдняя цѣль; путь къ ней—вражда; личность непремѣнно должна сознавать себя—сознаніе пріобрѣтается отрицаніемъ, не логическимъ разумѣется, а полнымъ практическимъ отреченіемъ отъ всѣхъ опредѣляющихъ ее отношеній». (стр. 149).

Изъ моего взгляда критикъ выводитъ за меня, что «русскій долженъ былъ сперва сдѣлатъ изъ себя Германца, чтобъ потомъ научиться отъ него быть человѣкомъ», какъ будто стать самостоятельнымъ значитъ стать Нѣмцемъ. Съ этимъ я рѣшительно несогласенъ, ибо оно слишкомъ лестно для нихъ и слишкомъ обидно для насъ.

Г. М... З... К... продолжаетъ:

«И вотъ наконецъ мы дошли до исходной точки разбираемой нами статьи. Ключь къ образу мыслей автора у насъ въ рукахъ; мы понимаемъ откуда произошла неполнота опредѣленія историческаго вліянія христіянства, невѣ-

роятная односторонность взгляда на развитіе западной Европы, пристрастное сужденіе о древнемъ бытѣ Германцевъ и Славянъ, восхваленіе Іоанна Грознаго и клевета на его современниковъ. Все это вытекаетъ какъ нельзя естественнѣе изъ одной мысли о способѣ пріобрѣтенія сознанія, а эта мысль, есть конечно одинъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ современныхъ заблужденій. Авторъ, къ сожалѣнію, не счелъ за нужное доказывать ее; онъ даже не высказалъ ее строго и положительно, хотя и не скрылъ, какъ дѣло извѣстное и всѣми признанное. Чтò не доказано, того разумѣется и опровергать нельзя, и потому намъ остается въ этомъ случаѣ предложить автору вопросъ: чтобы такое могло дать намъ право заключать, что тамъ, гдѣ господствуетъ бытъ семейный, нѣтъ личности въ смыслѣ сознанія или что тотъ, кто живетъ подъ опредѣленіемъ семейнаго родства, не сознаетъ въ себѣ возможности отрѣшиться отъ него, или что человѣкъ, который никогда не билъ другаго, и не бьетъ его, не сознаетъ своей силы, или наконецъ, что онъ живетъ? Всѣ эти вопросы въ сущности тождественны, и если они имѣютъ видъ шутки неумѣстной въ нашей рецензіи, то въ томъ виноваты не мы; неужели признать болѣе умѣстнымъ въ современной наукѣ мнѣніе о безсознательности родственнаго устройства, какъ необходимой принадлежности, и вытекающее отсюда послѣдствіе, что въ началѣ XVIII вѣка мы только что начинали жить умственно и нравственно?» (стр. 150 и 151).

Абсолюты — это камень, на которомъ г. М... З... К... часто спотыкается и каждый разъ падаетъ. Еслибъ человѣкъ когда-нибудь могъ открыть искомое X, абсолютную норму личности, и ей добровольно и сознательно подчинился, какъ мечтаетъ авторъ критики, тогда, безспорно, онъ бы сдѣлался пассивнымъ органомъ одного сознанія, и тогда ему не для чего было бы добиваться сознанія путемъ отрицанія, и теоретическаго и практическаго. Къ несчастію это не такъ. Человѣкъ безпрестанно ищетъ и безпрестанно находитъ: удовлетвореніе смѣняется неудовлетвореніемъ и такъ далѣе до безконечности; абсолютное нигдѣ не оказывается, а между тѣмъ человѣкъ становится развитѣй, многостороннѣй. Чтò заставляетъ его идти этимъ путемъ, чтò возбуждаетъ въ немъ недовольство тѣмъ, чѣмъ онъ обладаетъ? Требованія, въ немъ самомъ лежащія и которыя безпрестанно измѣняются. Такимъ образомъ человѣкъ создаетъ свои опредѣленія изъ себя: не

будь въ немъ этихъ требованій, онъ вѣчно оставался бы однимъ и тѣмъ же, какъ окружающая его природа, строго и безусловно повинующаяся внѣшнему закону. А какъ создаваніе новаго быта исторически, вездѣ и всегда, возбуждаетъ противодѣйствіе, желаніе удержать старое, то между тѣмъ и другимъ происходитъ столкновеніе, вражда, практическое отрицаніе. По степени гражданской образованности оно выразится въ убійствѣ, или дракѣ, или брани, или ссорѣ, или наконецъ въ самомъ миролюбивомъ, добросовѣстномъ обсужденіи, но тѣмъ не менѣе столкновеніе все-таки будетъ, и оно необходимо выразится въ фактахъ, внѣшнихъ дѣяніяхъ, въ мірѣ практическомъ. Я не знаю абсолютной, родовой нормы личности и не признаю ея существованія; знаю, что человѣкъ былъ и до сихъ поръ находится въ столкновеніяхъ съ другими людьми, въ недобровольной зависимости отъ нихъ, тягостной для него и не только для него совершенно безполезной, но и положительно вредной; чрезъ всю исторію видно стремленіе отдѣлаться отъ этой зависимости если не совсѣмъ, то какъ можно болѣе ограничить ее самымъ необходимымъ и неизбѣжнымъ; чѣмъ ближе человѣкъ подходитъ къ этой цѣли, тѣмъ онъ миролюбивѣе относится къ другимъ людямъ, потому что вражда имѣетъ менѣе основанія, поводовъ и причинъ. Вотъ почему я и сказалъ, что примиреніе личностей — цѣль развитія; вотъ на какомъ основаніи я думаю, согласно съ фактами, что путь, ведущій къ этому примиренію—вражда, отрицаніе. Живя, мы не къ старому возвращаемся, а новое создаемъ, до котораго достигнуть невозможно безъ практическаго отрицанія стараго. Сознаніе личности при зависимости вызываетъ эту борьбу; а гдѣ нѣтъ ея, тамъ нѣтъ и сознанія, другими словами — глубоко-чувствуемой потребности самостоятельной личности. Вы можете указать мнѣ на переходныя эпохи въ исторіи, когда сознаніе и фактъ противорѣчатъ другъ другу. Но за то

именно ихъ и называютъ переходными, ненормальнымъ состоянiемъ. Онѣ оканчиваются всегда тѣмъ, что сознанiе наконецъ осуществляется на дѣлѣ, воплощается. Ваша идеальная личность, добровольно и сознательно подчиняющая себя родовому закону, подчиняется своему сознанiю, стало-быть она — личность, изъ себя создающая свои опредѣленiя; иначе она несознающая личность, изъ этого круга вы не выйдете, какъ ни бейтесь.

Критикъ меня спрашиваетъ: «чтобы такое могло дать намъ «право заключать, что тамъ, гдѣ господствуетъ бытъ семей-«ный, нѣтъ личности въ смыслѣ сознанiя, или что тотъ, кто живетъ подъ опредѣленiемъ семейнаго родства, не сознаетъ «въ себѣ возможности отрѣшиться отъ него, или что чело-«вѣкъ, который никогда не билъ другого и не бьетъ его, не «сознаетъ своей силы, или наконецъ, что человѣкъ, еще не «лишившiй себя жизни, не знаетъ, что онъ живетъ?» Хорошо онъ сдѣлалъ, предупредивъ, что не шутитъ; иначе я бы право не догадался, видя это сопоставленiе самыхъ разнородныхъ вопросовъ подъ именемъ тождественныхъ. Постараюсь объяснить дѣло, какъ я его понимаю: семейный законъ прекрасенъ для несовершеннолѣтнихъ, какъ средство воспитанiя, и очень стѣснителенъ для совершеннолѣтнихъ, которые хотятъ быть, какъ говорится, на своихъ ногахъ. Теперь, если совершеннолѣтнiй подчиняется этому закону и не думаетъ о самостоятельности, значитъ сознанiя этой самостоятельности у него нѣтъ, стало-быть нѣтъ у него и сознанiя своей личности, вслѣдствiе котораго необходимо и неизбѣжно рождается требованiе самостоятельности. Всѣ возраженiя, которыя можно мнѣ сдѣлать на это, будутъ непремѣнно сводиться или къ личнымъ отношенiямъ родителей и совершеннолѣтнихъ дѣтей, слѣдовательно сюда нейдутъ, или къ не юридическому характеру семейныхъ отношенiй, что возможно только въ до-граждан-

ственной семьѣ, и слѣдовательно предполагаетъ совершенное отсутствіе сознанія личности, самостоятельности въ людяхъ. Думаю, что теперь моя мысль ясна. Послѣ этого я надѣюсь, г. М... З... К... ужь не станетъ считать тождественными съ первыми двумя вопросами остальные два; я живу, потому что это ощущаю; сознаніе моей силы можетъ во мнѣ быть и не быть, хотя и нѣтъ никакой причины пріобрѣтать это сознаніе побоями, и именно людей; а сознаніемъ или несознаніемъ самостоятельности опредѣляются отношенія къ другимъ людямъ. Я могу отъ нея отказаться — добровольно, по своимъ соображеніямъ, влеченіямъ и т. д.; тогда это — актъ моей воли, моего сознанія, уже предполагающій меня самостоятельнымъ. Семейный законъ противорѣчитъ началу личной самостоятельности; слѣдовательно между обоими принципами обыкновенно возникаютъ столкновенія, и теоретическія и практическія; гдѣ семья и личная самостоятельность живутъ дружно, надо искать причинъ въ постороннемъ, а не въ этихъ двухъ принципахъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Вотъ опроверженія общей теоретической части моей статьи. Каковы они, мы видѣли. За этимъ слѣдуетъ разборъ исторической части. Взглянемъ.

Г. М... З... К... видитъ доводы противъ моего мнѣнія объ исключительно семейномъ, родственномъ бытѣ древнихъ Славянъ въ томъ, что они чувствовали обиду и мстили за нее и, въ особенности, что Славяне хорошо принимали иностранцевъ. Противъ перваго возраженія право нечего сказать; во второмъ авторъ кажется забылъ, что враждебность къ иностранцамъ у всѣхъ народовъ появляется вмѣстѣ съ первымъ сознаніемъ національности (не говоря о постороннихъ случайныхъ причинахъ враждебности),—что ни въ первобытномъ состояніи, ни при высокой степени образованности этой враждебности нѣтъ; это фактъ не исключительно-славянскій, а всемірно-историче-

скій. Только формы гостепріимства сначала и потомъ различны. Формы славянскаго гостепріимства патріархальны, что и было для меня новымъ доказательствомъ семейнаго быта древнихъ Славянъ. Кто оказываетъ одно патріархальное гостепріимство, тотъ конечно воспитанъ въ исключительно-патріархальномъ, т. е. родственномъ, кровномъ быту. Думаю, что это ясно и не подлежитъ сомнѣнію.

Мое объясненіе призванія Варяговъ тоже не нравится г. М.... З.... К....; онъ находитъ его страннымъ.

«Странный выводъ! Нѣсколько сосѣднихъ племенъ живутъ независимо другъ отъ друга; въ каждомъ изъ нихъ господствуютъ родовыя вражды; имъ захотѣлось жить въ союзѣ и согласіи; у всякаго племени много старѣйшинъ, имѣющихъ разныя права быть старѣйшинами надъ союзомъ племенъ; они отказываются отъ своихъ притязаній, чтобы не возбудить соперничества и вражды въ другихъ, и предлагаютъ добровольно власть надъ собою чужеземцамъ; все это отъ того, что въ нихъ не было духа общественности, котораго кровный бытъ не развиваетъ. Отсутствіе общественнаго духа породило у насъ первое общество!»... (стр. 154.)

Остроумно, но невѣрно! Люди, которые такъ завистливы другъ къ другу, что не могутъ согласиться уступить власть кому-нибудь изъ своей среды, подчиниться ему, а ѣдутъ за-море, къ чужому, постороннему—можно ли признать въ нихъ духъ общественности? Положимъ, что они вызвали чужихъ для защиты отъ враговъ — выводъ относительно общественности будетъ тотъ же. Требованіе общественности было, какъ и у всѣхъ въ мірѣ оно есть, а духа не было. Только тотъ, кто не умѣетъ, не знаетъ, самъ не можетъ сладить, ищетъ чужой помощи. Развѣ о такихъ вещахъ можно еще спорить?

Авторъ оспориваетъ также, что Варяги первые принесли идею государства на нашу почву; если они были призваны, такъ не имъ принадлежитъ она: вотъ какъ онъ разсуждаетъ. Но это натяжка. Варяги призваны въ качествѣ судей, военныхъ стражей, какъ угодно. Пришедши, они вскорѣ начали

дѣлать то, что̀ во всемъ мірѣ дѣлали: воевать направо и налѣво племена, брать съ нихъ дань, вѣроятно не легкую, судя по ихъ частымъ возстаніямъ; даже на мѣстѣ, куда были призваны, они не усидѣли, а выбрали такое, которое имъ было больше по сердцу. И выходитъ, что славянскія племена (далеко не всѣ) хотѣли одного, сдѣлалось совсѣмъ другое, и не чрезъ нихъ, а чрезъ дѣятельность Варяговъ, которые, силой удерживая за собой русско-славянскія племена, связали ихъ внѣшними узами въ одно цѣлое. Вотъ почему я и сказалъ, что идея государства принесена варягами на нашу почву: мысль о единствѣ всей Россіи была результатомъ ихъ завоеваній.

На стр. 154 и 155 г. М... З... К... старается доказать, что дружина не была учрежденіемъ исключительно германскимъ, — что къ намъ принесено Варягами дружинное начало въ значеніи ближайшей свиты почетнаго лица, князя или боярина, а дружины въ смыслѣ совокупности людей, собравшихся для общаго дѣла и избравшихъ себѣ на время и для извѣстной цѣли предводителя—явленіе національное, туземное. Родовое начало, какъ очень оригинально заключаетъ критикъ, могло имѣть мѣсто только въ дружинѣ въ первомъ смыслѣ, при отношеніяхъ личныхъ; стало-быть, по его мнѣнію, въ дружинахъ, собиравшихся для общаго дѣла, подъ начальствомъ избраннаго вождя родовыхъ отношеній не могло быть. Твердо вѣруя въ это, авторъ опирается на свою мысль какъ на каменную гору и въ упоеніи побѣды иронизируетъ надъ моимъ мнѣніемъ.

«Не потому ли авторъ отрицаетъ существованіе дружины, что трудно было объяснить происхожденіе бурлака или казака изъ того семейнаго быта, въ которомъ (по словамъ его) человѣкъ лишается упругости, энергіи, распускается въ морѣ мирныхъ отношеній, убаюкивается, предается покою, нравственно дремлетъ, становится слабъ, довѣрчивъ и безпеченъ какъ дитя. Конечно подъ этотъ типъ хилаго домосѣда трудно подвести Ермака и Тараса Бульбу; что жь дѣлать! Изъ исторіи ихъ не вычеркнешь». (стр. 155 и 156.)

И въ другомъ мѣстѣ:

«Никто вѣроятно не будетъ отрицать того, что каждый народъ въ своей національной поэзіи изображаетъ идеалъ самого себя, сознаетъ въ образахъ различныя стремленія своего духа. Чего нѣтъ въ народѣ, того не можетъ быть въ его поэзіи, и что есть въ поэзіи, то непремѣнно есть и въ народѣ. Какимъ образомъ воображеніе народа, изнѣженнаго семейною жизнью, лишеннаго энергіи, предпріимчивости и вовсе не сознающаго идеи личности, могло создать цѣлый сонмъ богатырей? Сколько намъ извѣстно старъ-матёръ казакъ Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, и прочіе бездомные удальцы, искатели приключеній имѣли и достаточный запасъ силъ и соразмѣрную увѣренность въ себѣ самихъ. Любая германская дружина не постыдилась бы ихъ принять. Какимъ же образомъ связать ихъ съ родовымъ устройствомъ, съ ограниченнымъ домашнимъ бытомъ, въ которомъ убаюкивалась личность, изъ котораго никогда не вырывалась она на просторъ. Или вы скажете, что и они занесены въ народную фантазію изъ-за моря?» (стр. 163 и 164).

Но критикъ торжествуетъ преждевременно; ускокъ и казакъ гораздо ближе къ патріархальному и родовому быту, чѣмъ онъ думаетъ; онъ этого не видитъ, вѣроятно, по той же самой причинѣ, по которой идея человѣка и принципъ личности кажутся ему не разрѣшимой антиноміей. Общество, основанное на патріархальныхъ отношеніяхъ, не даетъ простора и мѣста личности; поэтому личность, возникшая въ такой средѣ, рвется вонъ на волю; она не могла получить въ патріархальномъ обществѣ того гражданскаго воспитанія, которое даетъ лишь правильный, юридически-устроенный бытъ, заставляя каждаго понимать необходимость организованнаго общежитія, и потому уважать и не нарушать чужихъ правъ: поэтому такая личность является необузданною, дикою, противо-общественною; въ ней много поэтическаго, какъ во всемъ, носящемъ на себѣ печать силы и нестѣсняемой игры человѣческой природы; но въ то же время въ ней нѣтъ элементовъ гражданской общественности, способной создать правильное человѣческое общество. Ускоки, казаки—одна сторона патріархальнаго быта, совершенно соотвѣтствующая другой, кроткой, миролюбивой, осѣдлой жизни.

Чтобъ удостовѣриться, что казаки и ускоки — le revers de la médaille патріархальнаго общества, стоитъ прочесть описаніе запорожскихъ казаковъ въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей россійскихъ»; стоитъ только обратить вниманіе на то, что юридически-устроенныя общества, именно потому, что они основаны на началѣ личности, не высылаютъ изъ себя ватагъ ускоковъ и казаковъ; живой, дѣятельной, предпріимчивой части населенія и въ нихъ довольно мѣста и дѣла. Германскія дружины основали государства и дали имъ первую форму, которая потомъ развивалась и выработывалась; всѣ государства или державы, основанныя славянскими дружинами, разрушились, болѣе отъ недостатка внутренняго цемента, чѣмъ отъ внѣшнихъ условій. Это многозначительный фактъ, приводящій насъ къ основному различію германскихъ и славянскихъ дружинъ: первыя заключали въ себѣ юридическіе элементы, вторыя—нѣтъ; первыя были основаны на началѣ личности, вторыя — проникнуты патріархальностью, рѣшительно неудобной для развитія лица и слѣдовательно правильнаго общежитія. Вотъ въ какомъ смыслѣ я считаю дружину варяжскую явленіемъ совершенно новымъ на нашей почвѣ, такимъ, котораго нельзя объяснить изъ туземныхъ элементовъ; далѣе въ этомъ же смыслѣ я сказалъ, что слово «дружина» не вполнѣ передаетъ намъ значеніе этого германскаго учрежденія: оно было юридическое, а не патріархальное, которое превосходно передается словомъ «дружина». Не перетолковывая данныхъ, едва ли можно съ этимъ спорить. Фактъ факту рознь: самые повидимому сходные весьма часто отстоятъ другъ отъ друга какъ небо и земля по своему внутреннему значенію. Такъ и съ дружинами германскими и славянскими.

Стран. 158: «Слѣдя за развитіями русскаго государства онъ (то есть я) упустилъ изъ виду русскую *землю*; забывая, что *земля* создаетъ государство, а не государство землю. Мы видѣли, говоритъ онъ, что само въ себѣ общин-

ное начало не имѣло зачатковъ жизни и развитія. Несмотря на всѣ натяжки автора, мы видѣли противное въ призваніи князей, увидали бы тоже въ принятіи Христіанской вѣры, которое было дѣломъ всей земли, еслибы только авторъ разсудилъ за благо сказать о немъ хотя бы слово; мы видѣли тоже въ сознаніи неспособности жить безъ князя и въ повторяющихся призваніяхъ; наконецъ, мы видимъ, что въ позднѣйшую эпоху, когда упразднилось государство, это общинное начало, по словамъ автора не имѣвшее зачатковъ жизни и развитія, спасло единство и цѣльность Россіи, и снова, какъ въ 862 г., такъ и въ 1612 г., создало изъ себя государство.»

Не во гнѣвъ будь сказано г. М... З... К..., я не вездѣ вижу, чтобъ земля создавала государство; способъ принятія нами христіянской вѣры едва ли можно употребить какъ аргументъ противъ меня: критикъ столько разъ заставлялъ меня обращать вниманіе на разные предметы; позволяю и я себѣ обратить его вниманіе на разсказъ лѣтописи о крещеніи Руси. Итакъ всѣ эти доводы—неубѣдительны.

«Авторъ (то есть я) опять повторяетъ, что общинное начало клонилось болѣе и болѣе къ упадку, потому что не было основано на личномъ началѣ: не общинное начало, а родовое устройство, которое было низшею его степенью, клонилось къ упадку, а такъ какъ въ немъ были зачатки жизни и сознанія, то оно спасло себя и облеклось въ другую форму. Родовое устройство прошло, а общинное начало уцѣлѣло въ городахъ и селахъ, выражалось внѣшнимъ образомъ въ вѣчахъ, позднѣе въ земскихъ думахъ».

Нѣсколько строкъ ниже г. М... З... К... говоритъ:

«Автору непремѣнно нужно было связать его (общинное начало) неразрывно съ родовымъ началомъ, чтобъ принести оба въ жертву личности. Достается же отъ него русской исторіи!»

Неудачность послѣдней фразы извиняется увлеченіемъ г. М... З... К... Онъ такъ увлекся, что даже нашелъ возможность разорвать на части единый, цѣльный, человѣческій и народный организмъ, и каждому изъ нихъ придать свою особенную жизнь. По его мнѣнію, въ древней Россіи было родовое начало, но рядомъ и другое — общинное начало, которое

жило и развивалось независимо отъ него. Чтобъ придать этой мысли хоть тѣнь правдоподобія, нужно было создать новую теорію общины—словомъ, подъять геркулесовскіе труды. И изъ любви къ мечтѣ г. М... З... К... ихъ подъялъ! Мы — такъ думаемъ, что община, неоснованная на личности, есть только призракъ общины, разлетающійся при первомъ прикосновеніи гражданственности; родовой бытъ исключаетъ личность, а какъ онъ у насъ господствовалъ, то и наши общины были призрачныя, потому-то онѣ и изчезли.

Послѣдній выводъ изъ всѣхъ разсужденій автора состоитъ въ томъ, «что богатырь, какъ созданіе народной фантазіи, князь, какъ явленіе дѣйствительное въ мірѣ гражданскомъ, наконецъ монахъ, какъ явленіе той же личности въ сферѣ духовной», опровергаютъ мое мнѣніе объ отсутствіи личности въ древней Руси. Явное недоразумѣніе! Ибо гдѣ есть человѣкъ, тамъ конечно есть и личность въ смыслѣ почвы развитія и сознанія; этого я и не опровергалъ никогда; я сказалъ только, что эта личность не была началомъ дѣйствующимъ, самостоятельнымъ, опредѣляющимъ бытъ, а пассивнымъ, страдательнымъ, и противъ этого нельзя спорить, не дѣлая натяжекъ. Мимоходомъ замѣтимъ, что монахъ не можетъ быть названъ явленіемъ туземнымъ на нашей почвѣ, и относится къ другому порядку вещей, принесенному къ намъ.

Что касается до противорѣчій въ томъ, что я сказалъ о Новѣгородѣ, то дѣйствительно «они заключаются только въ словахъ, а не въ мысли». Говоря, что «въ лицѣ Новогорода пресѣкся неразвившійся, особенный способъ существованія древней Руси, неизвѣстный прочимъ ея частямъ», — я имѣлъ вотъ какую мысль: мы видѣли какъ переродилась Русь, въ которой утвердился порядокъ вещей, существенно различный съ новгородскимъ и продолженный Москвой и россійской имперіей. Такое же перерожденіе необходимо предстояло и само-

стоятельнымъ общинамъ—Новгороду и Пскову, но вслѣдствіе насильственнаго прекращенія ихъ самостоятельности мы не можемъ гадать, какъ бы оно тамъ совершилось. Въ такомъ же смыслѣ я сказалъ, что о Новгородѣ нельзя сказать какъ о Россіи передъ Петромъ Великимъ, что онъ отжилъ свой вѣкъ и больше ему ничего не оставалось дѣлать, какъ изчезнуть: самое сравненіе съ до-петровской Россіей показываетъ, что я разумѣлъ учрежденія, бытъ, а не существованіе Новгорода. Стремленіе его идти по тому же пути, по которому въ послѣдствіи пошла вся Россія, чего г. М... З... К... не признаетъ, доказывается слѣдующими словами митрополита Филиппа Новгородцамъ:

«А нынѣ слышу въ дѣтѣхъ вашихъ, въ Новугородцѣхъ, да и въ многыхъ у васъ въ молодыхъ людехъ, которые еще не навыкли доброй старинѣ еже стояти и поборати по благочестьи, а иніи деи не познавъ доброго наказанія отецъ своихъ, благочестивыхъ родителей, да по животѣхъ ихъ осталися, по грѣхомъ, ненаказани, какъ жити въ благочестіи: да и нынѣча деи тѣ несмысленные, копячася въ сонмы, да поостряются на многая стремленія и на великое земли неустроеніе, нетишину, хотячи ввести мятежь великъ и расколу въ святѣй Божьей церкви, да оставя православіе и великую старину да приступити къ Латыномъ» (Акт. Истор. Т. I. № 281. стр. 516).

Стремленія секуляризовать церковныя имущества въ Новгородѣ и Псковѣ—слишкомъ общеизвѣстный фактъ. Конечно г. М... З... К... можетъ мнѣ возразить, что въ Новгородѣ шла рѣчь о духовномъ устройствѣ и бытѣ, а при Петрѣ о гражданскомъ и государственномъ; но сходство тѣмъ не менѣе разительно; въ разныхъ сферахъ происходили въ нашихъ древнихъ обществахъ и Петровой Россіи одинаковыя явленія: недовольство прежнимъ, оставленіе обычаевъ отцовскихъ и прилѣпленіе къ иностранной новизнѣ.

Особенно сильныя нападки со стороны г. М... З... К... вызываетъ мой взглядъ на Іоанна Грознаго. «Въ словахъ автора»—говоритъ критикъ—«безъ его вѣдома, промелькнула

мысль, оскорбительная для человѣческаго достоинства, та мысль, что бываютъ времена, когда геніальный человѣкъ не можетъ не сдѣлаться извергомъ, когда испорченность современниковъ, большею частію безсознательная, разрѣшаетъ того, кто сознаетъ ее, отъ обязательности нравственнаго закона, по крайней мѣрѣ до того умаляетъ вину, что потомкамъ остается соболѣзновать о немъ, а тяжкую ношу отвѣтственности за его преступленія свалить на головы его мучениковъ». (стр. 169 и 170).

Это не аргументъ противъ меня. Надобно умышленно закрыть себѣ глаза, чтобъ не видать, что исторія исполнена такихъ оскорбительныхъ для человѣческаго достоинства явленій. Въ ихъ уменьшеніи, въ уничтоженіи ихъ возможности учрежденіями, образованіемъ, перерожденіемъ нравовъ и обычаевъ и заключается смыслъ и цѣль исторіи. Г. М... З... К... думаетъ, что человѣкъ искони былъ то, что̀ теперь, только формы измѣнились; а мы, напротивъ, думаемъ, что человѣкъ съ большими усиліями, сквозь тысячу ошибокъ, заблужденій, предразсудковъ и страданій сталъ тѣмъ, что̀ онъ теперь есть, и не позволяемъ себѣ отдѣлять форму отъ содержанія. У г. М... З... К... есть готовый рецептъ для всѣхъ историческихъ дѣятелей и явленій, а мы по необходимости выводимъ его изъ данныхъ, фактовъ. Все то, что̀ защищали современники Іоанна уничтожилось, изчезло; все то, что̀ защищалъ Іоаннъ IV, развивалось и осуществлено; его мысль такъ была живуча, что пережила не только его самого, но вѣка, и съ каждымъ возрастала и захватывала больше и больше мѣста. Какъ же прикажете судить этого преобразователя? Неужели онъ былъ неправъ? Что̀ касается до образа его дѣйствій, я отозвался о немъ слишкомъ рѣзко и опредѣлительно, чтобъ можно было усомниться въ моемъ мнѣніи на этотъ счетъ. Мой отзывъ остается въ своей силѣ, несмотря на негодованіе г. М...

З... К... Практическая жизнь и дѣятельность у насъ даже до сихъ поръ кажется чѣмъ-то прозаическимъ и не совсѣмъ чистымъ; названіе «человѣкъ практическій» очень недавно, и только въ образованныхъ слояхъ общества перестало быть синонимомъ съ неблагороднымъ, нечестнымъ человѣкомъ. Не знаю какъ для г. М... З... К..., а для меня это фактъ, многознаменательный. Онъ даетъ намъ мѣру для общественнаго быта эпохи, въ которую слово практическій могло имѣть такое значеніе. Вы скажете: въ древней Руси этого не было. Дѣйствительно не было — потому что не было идеала для лучшаго, — идеала, принесеннаго къ намъ съ реформой и новыми учрежденіями. Дѣйствуя практически въ такой средѣ, нельзя было не подвергнуться ея вліянію, не принять на себя ея оттѣнка. И это было съ Іоанномъ IV. Вы находите, что было бы клеветой упрекать Сильверста, Адашева, князя Курбскаго, митрополита Филиппа и многихъ другихъ въ равнодушіи, безучастіи, въ отсутствіи всякихъ духовныхъ интересовъ? Во первыхъ, согласитесь, что нѣсколько людей не составляютъ цѣлаго народа, цѣлаго общества; и въ Азіи была не одна замѣчательная личность, а все-таки Азія страна безличности. Во вторыхъ, всѣ лица, которыхъ вы назвали, положимъ очень были преданы своему дѣлу, но замѣтьте, всѣ они защищали обычай, старину, уходившую патріархальность, каждый въ смыслѣ своего званія; ихъ нельзя назвать поэтому поборниками идей, возможныхъ только въ личности, отрѣшившейся отъ даннаго, непосредственнаго содержанія, и свободно избирающей лучшее по своему крайнему разумѣнію; что касается до беззлобія обвинителей Іоанна, то это по крайней мѣрѣ еще вопросъ; о Курбскомъ этого сказать нельзя; о множествѣ другихъ бояръ, наводившихъ Крымцевъ на Россію, замышлявшихъ отдать Россію Литвѣ—то же нельзя; нельзя даже совершенно безопасно сказать, что они ходатайствовали за честь Россіи.

Если ужь вы не находите возможнымъ оправдать Іоанна, не идеализируйте по крайней мѣрѣ его современниковъ; скажите лучше, что все вмѣстѣ сливалось въ такой хоръ, который даже черезъ триста лѣтъ страшно слышать намъ, современникамъ лучшей эпохи. Такое замѣчаніе было бы по крайней мѣрѣ понятно. Отъ ужасовъ того времени намъ осталось дѣло Іоанна; оно-то показываетъ, на сколько онъ былъ выше своихъ противниковъ. Для его оправданія, право, мнѣ вовсе не было нужно прибѣгать къ тѣмъ tours de force, тѣмъ насиліямъ надъ «здравымъ чувствомъ», на которыя какъ будто намекаетъ критикъ: я судилъ по фактамъ, по всей исторіи, какъ ревностный защитникъ историческаго развитія и здраваго смысла, а не туманно-мистическихъ теорій, прекрасныхъ въ головѣ, мертвыхъ покуда въ дѣйствительности.

Стр. 171. «Нѣсколько далѣе авторъ говоритъ: «въ началѣ XVIII вѣка, мы только что начинали жить умственно и нравственно». Противъ этого считаемъ излишнимъ возражать. Доведенная до такой крайности, односторонность становится невинною».

Итакъ, г. М... З... К... находитъ мою мысль до того забавною или нелѣпой, что не удостоиваетъ ее даже возраженія. Это въ его волѣ. Повторяю, что я отвѣчаю не для критика, а для читателей: я не льщу себя надеждой убѣдить перваго; наши мнѣнія слишкомъ рѣзко расходятся; послѣдніе могутъ быть безпристрастны, выслушавъ насъ обоихъ, и потому къ нимъ я и обращаюсь. Умственное и нравственное развитіе невозможно безъ развитой, самостоятельной личности; всѣ древнерусскія формы, какъ ведущія свое начало изъ патріархальнаго порядка вещей, препятствовали ея развитію; стало-быть дѣйствительно, не шутя, мы начали жить умственно и нравственно только въ XVIII вѣкѣ; до этого времени, т. е. до реформы замѣтно какое-то тревожное, безпокойное стремленіе къ такой жизни — никакъ не болѣе: всѣ факты тогдашняго

нашего умственнаго и нравственнаго развитія доказываютъ это самымъ убѣдительнымъ образомъ.

Остановимся на этомъ. Восемь тезисовъ г. М... З... К... о древней русской исторіи, изъ которыхъ половина, по собственному его признанію, «имѣетъ видъ гипотезъ», не касаются до насъ. Такъ какъ у критика «не было ни возможности, ни намѣренія доказать ихъ», то и намъ не для чего писать на нихъ опроверженія. Станемъ ждать времени, когда эти тезисы примутъ видъ строго выработанной системы подъ даровитымъ перомъ г. М... З... К...

ЮРИДИЧЕСКІЙ БЫТЪ СИЛЕЗІИ И ЛУЖИЦЪ

и

ВВЕДЕНІЕ НѢМЕЦКИХЪ КОЛОНИСТОВЪ [1]).

Земли, лежащія на востокъ отъ Эльбы до мѣста, гдѣ съ нею соединяется Саала и оттуда до богемскихъ лѣсовъ, и вся область на югъ отъ Дуная къ Мурѣ, Дравѣ и Савѣ была первоначально (почти исключительно) заселена славянскими племенами, и даже на западномъ берегу Эльбы, въ Люнебурскомъ округѣ, въ Алтмаркѣ, Турингіи, Франконіи по Редницу и Пигницу, и въ настоящей Австріи, они занимали немалое пространство. Во всѣхъ этихъ земляхъ, равно какъ и въ Каринтіи, Крайнѣ, Штейермаркѣ, большей части Богеміи и Моравіи, въ королевствѣ и герцогствахъ Саксонскихъ, въ обѣихъ Лужицахъ, Маркахъ, Силезіи, Помераніи, Мекленбургѣ, Рюгенѣ и Голштейнѣ они изчезли почти безъ остатку. Большая часть этого края совсѣмъ онѣмечилась. Одна исторія сообщаетъ извѣстіе о прежнемъ населеніи; только немногія, удержавшіяся слова, названія многихъ мѣстечекъ и нѣкото-

[1]) Эта статья составлена по извѣстному сочиненію Цшоппе (Tzschoppe) и Штенцеля (Stenzel) подъ заглавіемъ: Urkundensammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte und der Einführung und Verbreitung deutscher Kolonisten und Rechte in Schlesien und der Ober-Lausitz. Hamburg, 1832. 1 vol. in-4°.

рыхъ знатныхъ фамилій и кое-гдѣ небольшіе округи еще живо свидѣтельствуютъ объ изчезнувшемъ народѣ, какъ ветхая развалина, зданія, надъ которымъ уже воздвигнуто зданіе новое. Здѣсь въ краткомъ очеркѣ, мы представимъ юридическій бытъ славянскихъ племенъ Силезіи и Верхней Лужицы. Такъ называемая теперь Лужица была преимущественно населена Милчанами. Они были покорены Нѣмцами и, подъ именемъ Мейссенскаго округа, присоединены къ Германской имперіи (965). Потомъ находились подъ властью маркграфовъ мейссенскихъ, Поляковъ, Богемцевъ и другихъ. Въ Верхней Селезіи, а быть можетъ и въ Нижней, жили Хроваты, которыхъ главнымъ мѣстомъ былъ Краковъ. Въ X вѣкѣ, Силезія, подвластная Богемцамъ, была до рѣки Одера причислена къ пражской эпархіи (968), а въ послѣдствіи, когда Краковъ и Силезія были завоеваны Болеславомъ Храбрымъ, королемъ польскимъ, здѣсь основано особливое епископство въ Бреславлѣ (въ концѣ X столѣтія). Въ нижней части страны, до половины тринадцатаго вѣка принадлежавшей Силезіи, на нижнемъ Одерѣ, тамъ гдѣ онъ обращается на сѣверъ, жилъ, какъ кажется, особый народъ, Лебузы, которые, быть-можетъ, принадлежали къ племени Сербовъ. Здѣсь основано лебузское епископство. Изъ исторіи извѣстно, что въ 1163 году Силезія отдана сыновьямъ Владислава, и стала независима отъ Польши; потомъ раздѣлена и распалась на двѣ главныя части: Верхнюю и Нижнюю Силезію; каждая изъ нихъ, съ теченіемъ времени, раздѣлилась еще на нѣсколько герцогствъ.

Между Верхнею Лужицею и Силезіею было то существенное и важное различіе, что первая находилась подъ властью чужеземца завоевателя, а послѣдняя имѣла своихъ туземныхъ князей. Когда Нѣмцы проникли въ славянскія земли и покорили Лужицу, прежнее состояніе жителей, разумѣется, измѣнилось во многомъ. Мы знаемъ, что Нѣмцы не мягко обраща-

лись съ Славянами, принуждали креститься или оставлять родину, забирали себѣ всю землю, и обращали простой народъ въ рабство, въ которомъ онъ, можетъ-быть, отчасти находился и прежде (отсюда названіе slave, рабъ). Маркграфъ мейссенскій Экгардъ I особенно прославился тѣмъ, что въ своемъ владѣніи, свободныхъ Милчанъ сдѣлалъ рабами. Часть славянскаго дворянства присоединилась къ нѣмецкому завоевателю, и чрезъ то удержала и умножила свои права. Но большая часть земли стала достояніемъ завоевателя, который обработывалъ ее туземцемъ, обращеннымъ въ рабство.

Въ Верхней Лужицѣ посады въ укрѣпленныхъ мѣстахъ и съ землями, къ нимъ принадлежащими, пали во власть Нѣмцевъ; а родный общинный бытъ разрушенъ до корня и замѣненъ нѣмецкимъ.

Напротивъ Силезія подъ властью туземнаго князя и дворянства удержала свое народное устройство, пока наконецъ и здѣсь, особенно въ нижней Силезіи, оно не подверглось совершенному измѣненію, хотя и безъ внѣшняго насилія.

Верховная власть. Верховная власть надъ большею частію теперешней Силезіи и значительною частію теперешняго Марка до Мюнхеберга, принадлежала княжескому роду Пястовъ, и передавалась по наслѣдству. Дѣти обыкновенно раздѣляли между собою княжество отца. Такъ образовалось множество независимыхъ княжествъ. Земли князей, умершихъ бездѣтно, переходили по завѣщанію. Правда, что назначаемый по завѣщанію не всегда принимался подданными прежняго князя (такъ Бреславцы не признали власти Генриха III Глоговскаго); но такіе случаи составляли исключеніе изъ общаго правила.

Герцоги имѣли въ своихъ земляхъ привиллегіи, которыя обыкновенно называются регаліями. Къ регаліямъ въ строгомъ смыслѣ относились: 1) право судить дѣла въ высшей инстанціи и брать за то пошлины, 2) право добывать руду, 3) право

чеканить монету [1]), 4) право продавать соль, 5) право налагать и взимать пошлины, 6) исключительное право основывать города и мѣстечки, наблюдать за дешевизною, продажею жизненныхъ припасовъ и торговлею вообще, отсюда право заводить кружечныя, мясныя, хлѣбныя, башмачныя и другія лавки (Bänke). (Тамъ, гдѣ герцоги отказались отъ всѣхъ своихъ правъ, и эти права перешли частью къ епископамъ частью къ вельможамъ; епископы и вельможи основывали сами новые города и мѣстечки, и давали имъ тѣ или другія свободы, уже не испрашивая на то соизволенія герцоговъ, которое прежде было необходимо). 7) регаліи въ водахъ и лѣсахъ, какъ напр. право рыбной ловли, право строить мельницы и плотины, и право охоты.

Кромѣ этихъ правъ верховной власти, лишь случайно и въ извѣстныхъ случаяхъ уступаемыхъ герцогами, были еще другія, которыя они постоянно передавали дружинѣ и духовенству. Одно названіе ихъ уже показываетъ, что они существовали до введенія въ славянскія земли нѣмецкаго права, и съ появленіемъ его изчезли или удержались подъ другими названіями. Эти многообразныя повинности подданныхъ къ князю и его двору, со времени водворенія Нѣмцевъ, названы земскимъ обычнымъ польскимъ правомъ (jus Polonicum), въ противоположность привиллегіямъ и свободамъ нѣмецкаго права. Къ такимъ повинностямъ относятся:

Подати натурою и деньгами. Въ Силезіи древнѣйшая изъ податей, взимаемыхъ на князя, называлась Poradlne,—поплужное, отъ Radlo — плугъ, орало (какъ у насъ въ Россіи посошное, отъ сохи). Кромѣ нея были и другія: Podworowe— подворная, Dan — дань, Mir — міръ, Pomot (по Линде и На-

[1]) Бандтке доказалъ, что въ концѣ XII вѣка, въ Краковѣ куньи мордки и бѣличьи головы употреблялись вмѣсто денегъ.

рушевичу отъ Pomoc—помощь). Targowe—торговая (пошлины съ продажи), Sep или Osep — осыпь (подать съ зерноваго хлѣба). Opolie — ополье (?), Naraz—нарезъ (по Линде, подать овсомъ; по другимъ, подать смѣшаннымъ хлѣбомъ изъ ржи и ячменя, для откармливанія свиней). Кромѣ упомянутыхъ, были и другія: подать за пользованіе близлежащимъ лѣсомъ (census silvaticus), она обыкновенно платилась зерновымъ хлѣбомъ; подать быками, коровами, свиньями, баранами и ягнятами, сперва уплачиванная натурою, потомъ замѣненная денежнымъ сборомъ.

Крестьяне обязаны были отправлять и извѣстныя работы, которыя обыкновенно назывались: angaria, perangaira или servitia, и замѣнены въ послѣдствіи денежною платой или податьми натурой. Таковы были: Powoz — повозъ (обязанность перевозить людей, дрова, сѣно и т. д.), съ теченіемъ времени ограниченная и замѣненная денежною платою; Podwoda—подвода, тѣмъ отличалась отъ повоза, Powoz, что требовалась въ чрезвычайныхъ случаяхъ подъ гонцевъ и пр., Prewod—проводъ (обязанность давать проводниковъ), Stan — станъ (обязанность доставлять князю, его свитѣ и служителямъ, во время пути, ночлегъ и содержаніе), въ послѣдствіи также перешедшая въ денежную подать. Повинности охоты княжеской были самыя тяжелыя. Крестьяне были обязаны принимать въ свое жилье княжескихъ бобровниковъ, сокольниковъ, ловцовъ оленей, кабановъ и другихъ дикихъ звѣрей, птичьихъ привадчиковъ, псарей и охотничьихъ собакъ; кормить ихъ, давать подводы и помогать на охотѣ. Кромѣ того, они должны были смотрѣть за бобрами, живущими въ околодкѣ, чтобъ ихъ не отпугали, и помогать бобровникамъ въ ловлѣ бобровъ. Эта обязанность называлась Bobrowinci.

Далѣе: Lesne — лѣсное (обязанность доставлять дрова); aratura — пашенное (обязанность пахать землю на князя);

presеca—прасѣка (косьба сѣна); pobito (?) — побитое (объясняютъ: обязанность прибивать доски на крышахъ), Slad или Zlad — слѣдъ, тоже что Pogon — погонь (обязянность преслѣдовать воровъ и покраденный скотъ).

Glova—уголовное, пеня за убійство, платимая князю и штрафныя деньги, взыскиваемыя съ округа, когда въ немъ было найдено мертвое тѣло, и убійца не отысканъ; treschne—(отъ trestkac, показывать), подать въ пользу судьи, (honorar). Сюда же относится обязанность идти на помощь къ грабимымъ.

Военную службу обязанъ былъ нести каждый, способный носить оружіе: одни въ наступательной войнѣ, другіе въ оборонительной.

Отъ обязанности служить въ наступательной войнѣ освобождались большею частью подданные духовенства; цѣлые монастыри рѣдко пользовались этой привиллегіей, но она давалась часто и отдѣльнымъ владѣніямъ. Обязанность принимать участіе въ оборонительной войнѣ соблюдалась строже. Крестьяне должны были помогать въ постройкѣ новыхъ городовъ и крѣпостей, и въ починкѣ старыхъ; колоть ледъ въ крѣпостныхъ рвахъ, платить стражу, stroza, — подать на содержаніе крѣпостнаго караула, — и служить лично въ оборонительной войнѣ.

Собственно общія земскія подати были первоначально лишь чрезвычайныя, и взимались съ согласія всей земли. Древнѣйшія изъ нихъ назывались Schoss (collecta, exactio, или exactio provincialis)—поземельная подать съ каждаго участка обрабатываемой земли. Въ XIII вѣкѣ вошли въ обычай чрезвычайныя подати, подъ именемъ Beden (petitiones); названіе показываетъ, что онѣ взимались не иначе, какъ съ согласія земли; но въ извѣстныхъ случаяхъ этого согласія не требовалось, а именно: когда самъ герцогъ или одна изъ его крѣпостей попадались въ непріятельскія руки, и за нихъ требовали выкупа;

когда непріятельское войско требовало извѣстной суммы денегъ за оставленіе страны; когда герцогъ или его сыновья вступали въ совершеннолѣтіе (дѣлались способными носить оружіе), или когда дочери его вступали въ супружество. Въ 1249 году Болеславъ заключилъ договоръ съ епископомъ, въ томъ, чтобы общія и чрезвычайныя подати налагались на церковныя имѣнія лишь съ согласія бароновъ (бояръ) и самыхъ епископовъ. Епископъ же не имѣлъ права противиться утвержденію бароновъ. Во время богемскаго владычества общая чрезвычайная земская подать называлась «берна». Король налагалъ ее, на основаніи оцѣнки (taxatio), производимой его чиновниками. Эта подать, какъ поземельная, взималась съ гуфовъ (отдѣльное отмежеванное поле) и дворовъ.

Кромѣ того, по различнымъ поводамъ, короли собирали вспомогательныя суммы (petitiones), которыя мало по малу обратились въ постоянныя подати.

Сверхъ изчисленныхъ нами денежныхъ податей и сборовъ, взималась еще съ каждаго гуфена, особливая подать зерномъ (exactio annonalis). Кажется, эта подать первоначально была чрезвычайная и потомъ уже обратилась въ постоянную.

Духовенство. Власть епископовъ въ Силезіи была во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно сильна. Между многими епископствами, основанными въ прежде бывшихъ славянскихъ земляхъ, одно изъ главныхъ безспорно было епископство Бреславское, какъ по множеству земель, ему принадлежащихъ, такъ въ особенности по княжескимъ правамъ надъ Нейсскою страною и въ послѣдствіи надъ Гроткау. По такому богатству, вѣроятно и называлось оно золотымъ епископствомъ. Оно было основано Болеславомъ I не за долго до 1000 года, и съ половины XII вѣка имѣетъ достовѣрную исторію, основанную на несомнѣнныхъ источникахъ. Первый изъ нихъ есть булла папы Адріана IV, отъ 23 апрѣля 1155 года, которою онъ утверж-

даетъ всѣ тогдашнія (поименно названныя) владѣнія и права епископовъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Силезія, управляемая отраслью дома Пястовъ, составила самостоятельное и отъ Польши отдѣльное государство, возникли между епископами и силезскими герцогами особыя отношенія, во первыхъ по поводу десятины, которую всюду требовало духовенство; во вторыхъ, по епископскимъ владѣніямъ, разбросаннымъ по всей Силезіи; и въ третьихъ, по правамъ, которыя епископы присвоивали себѣ надъ Нейсскою землею. Въ 1199 году, герцогъ Болеславъ I отдалъ Нейсскую землю сыну своему Ярославу, герцогу оппельнскому, а Ярославъ, какъ епископъ бреславскій, предоставилъ ее своему епископству, которое и владѣло ею по смерти его и до новѣйшаго времени.

Извѣстно, что духовенство и вообще епископы, благопріятствуемые чрезмѣрно усилившеюся властью папъ, на основаніи церковнаго права, объявляли свои притязанія на десятину, на всемъ пространствѣ своей епископіи, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ десятина уже принадлежала по праву отдѣльнымъ церквамъ или духовнымъ общинамъ. Но почти нигдѣ не могли они вполнѣ утвердить свое право; по крайней мѣрѣ, въ Германіи и въ славяно-нѣмецкихъ земляхъ имъ всегда противились князья, и большуя часть десятины присвоивали себѣ или предоставляли своей дружинѣ. Тоже самое было и въ Силезіи. Въ особенности оспориваемо было право епископовъ взимать десятину съ новораспашныхъ земель. Далѣе: земли и деревни, даримыя епископству герцогами и вельможами, были всегда обременены многими земскими повинностями (такъ называемаго польскаго права). Епископы же хотѣли владѣть своими имѣніями по всей вольности церковнаго имущества, а герцоги не соглашались на то. Наконецъ, епископы начали домогаться владѣнія Нейсскою землею на всѣхъ княжескихъ правахъ, какъ

владѣлъ ею герцогъ — епископъ Ярославъ. Герцоги же хотѣли удержать княжескую власть за собою, уступая епископству одно право землевладѣльческое. Трудно рѣшить, кто изъ нихъ былъ правъ: герцогъ или епископъ. Что касается до десятины, то по церковному праву безсомнѣнно былъ правъ епископъ; но по обычному, право было на сторонѣ герцога. Имѣніями же епископство должно было владѣть, разумѣется, только на тѣхъ правахъ, на какихъ они ему доставались. То же должно сказать и объ Нейсской землѣ; но самое право на эту землю кажется сомнительнымъ. Ибо если Ярославъ и дѣйствительно оставилъ на эту землю грамоту, то достовѣрно, что въ XIII вѣкѣ ея уже не было, и епископы нигдѣ на нее не ссылались. Положимъ даже, что Ярославъ передалъ и княжескую власть (чего, кажется, на дѣлѣ не было): братья могли равно оспоривать самое право передачи.

Долго продолжалась взаимная крамола и распря, пока наконецъ не кончилась въ пользу епископа. Въ 1290 году, Генрихъ IV далъ, умирая, привиллегію, которая стала на все послѣдующее время основаніемъ всѣхъ правъ и могущества епископовъ и капитула. Въ удовлетвореніе за безчисленныя насильства, нанесенныя имъ и предшественниками его церкви св. Іоанна и ея имуществамъ, онъ освободилъ, съ согласія своихъ бароновъ, всѣ города, деревни, имѣнія и владѣнія епископства отъ всѣхъ служебностей, налагаемыхъ нѣмецкимъ и польскимъ правомъ, также ото всѣхъ податей, подводъ и повинностей всякаго рода; особенно освободилъ Нейсскую и Отмакавскую землю и всѣ церковныя имущества Бреславскаго округа отъ всѣхъ служебностей; отказался за себя и за своихъ наслѣдниковъ и преемниковъ отъ права суда и верховнаго герцогскаго права надъ церковными имуществами, и далъ церкви право высшаго суда въ Нейсской и Отмакавской землѣ; далъ епископству полную свободу суда и монеты, и уступилъ все

полное герцогское право и верховное владычество. Чтобъ привести въ исполненіе всѣ эти статьи, Генрихъ повелѣлъ своему второму постельничему немедленно ввести епископа и его уполномоченныхъ во владѣніе всѣми дарованными правами и вольностями, и возвратилъ епископству всѣ имѣнія и деревни, отнятыя у него отцемъ его или дядею. Всѣ эти важныя привиллегіи Бреславскаго епископства были подтверждены королемъ Іоанномъ и маркграфомъ Карломъ моравскимъ, при епископѣ Бретиславѣ, въ 1342 и 1345 году. Въ послѣдствіи свѣтская власть епископовъ, особливо когда Силезія подпала подъ власть Богеміи, начала приходить въ упадокъ, при столкновеніи съ возрастающею властью королей богемскихъ.

Дворянство. Туземное дворянство Силезіи и Верхней Лужицы, какъ кажется, не дѣлилось на классы. Правда, мы находимъ здѣсь знатное и незнатное дворянство; но это различіе не состояло въ различіи правъ состояній. Напротивъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, преимущества знатнаго дворянства (бароновъ) передъ незнатнымъ происходило отъ мѣста, занимаемаго имъ при дворѣ, государственныхъ должностей, которыя ему поручались, и богатства. Это преимущество, вообще весьма неопредѣленное, никогда не было здѣсь принадлежностію извѣстныхъ опредѣленныхъ фамилій.

Къ исключительнымъ правамъ дворянства, по всѣмъ вѣроятіямъ, относилось отправленіе всѣхъ придворныхъ и государственныхъ должностей, которыя не завѣдывались духовными лицами. Далѣе: имѣнія дворянства несли, но въ меньшей мѣрѣ, тяжести такъ называемаго польскаго права, право верховнаго суда надъ своими подданными, а въ Силезіи, быть-можетъ, право нижняго суда получало дворянство отъ князя. Далѣе: подати налагались лишь съ согласія дворянства; оно пользовалось преимуществами въ платѣ церковныхъ десятинъ, а именно: не платило ея съ шестаго гуфена нововоздѣланной

земли, и могло платить той или другой церкви, по произволу; послѣднее называлось правомъ рыцарей (Ritterrecht, jus militare), и подавало поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ: синодальныя постановленія долгое время боролись съ ними, но тщетно. Наконецъ это право начало выводиться частными договорами, и наконецъ совершенно изчезло давностію.

Сословіе крестьянъ. О прежнемъ состояніи крестьянъ и вообще обязанныхъ (Hörige) мы даже теперь, послѣ многихъ розысканій, знаемъ весьма немногое. Польскіе крестьяне, вѣроятно туземцы, покоренные завоевателями или дворянствомъ, были въ угнетеніи дворянства, въ X и началѣ XI вѣка. Дальнѣйшія постановленія о крестьянахъ, изданныя при королѣ Казимірѣ Великомъ, и послѣдующая исторія крестьянъ въ Польшѣ показываетъ намъ, что состояніе ихъ падало все ниже и ниже. Въ Силезіи однакожь еще были туземные свободные землепашцы (liberi Poloni). Но обыкновенно въ источникахъ упоминается о различныхъ обязанныхъ поселянахъ, которыхъ дарили по одиначкѣ, или семействами, но не какъ рабовъ, а какъ крѣпостныхъ [1]) крестьянъ или работниковъ, принадлежащихъ къ извѣстному участку земли или имѣнію. Имѣнія естественно дарились и продавались вмѣстѣ съ жившими на нихъ обязанными поселянами. Но изъ того, что имѣніе продавалось вмѣстѣ съ его жителями, еще нельзя заключать, что они были непремѣнно крѣпостные; единственное возможное заключеніе то, что они были обязанные, ибо господинъ продавалъ только то, что̀ ему принадлежало, т. е. права свои на тѣхъ, которые жили въ имѣніи, а эти права были весьма многоразличны.

[1]) Такъ мнѣ кажется, должно переводить слово Leibeigene. Называть крѣпостныхъ рабами, значить неумѣть различить одно отъ другаго, и обнаружить непростительное невѣжество въ исторіи нашего законодательства. Нѣмецко *Knecht* — рабъ, *leibeigen* — крѣпостной, *hörig* — обязанный.

Въ Силезіи было множество различныхъ классовъ поселянъ. Въ источникахъ упоминается о кметяхъ, изъ коихъ иные были свободные, другіе несвободные; далѣе о садовникахъ (hortulani) и виноградаряхъ (cultores vineae); рыболовахъ (piscatores), которые жили по одиначкѣ и цѣлыми селами, но, повидимому, не владѣли ими исключительно и не составляли отдѣльныхъ общинъ. — Затѣмъ упоминается въ источникахъ о множествѣ другихъ обязанныхъ поселянъ различнаго рода, которые, кромѣ обыкновенныхъ службъ всѣхъ обязанныхъ, должны были отправлять и особенныя, на нихъ исключительно лежащія работы. Какъ несвободные рабочіе люди, они могли бы быть, въ извѣстномъ отношеніи, причислены къ домашнимъ слугамъ или дворнѣ въ обширномъ смыслѣ. Генрихъ I въ 1204 году называетъ ихъ ministeriales et famuli. Они жили въ господскихъ дворахъ и отдѣльно, многіе вмѣстѣ, другіе врозь по разнымъ домамъ и деревнямъ, гдѣ имѣли свои земли. На этомъ основаніи къ нимъ могутъ быть причислены и рыболовы, можетъ быть, даже и садовники.

Къ нимъ причислялись: охотники. Особые охотники были для дикихъ козъ, оленей и кабановъ, потомъ: бобровники, сокольники и птицеловы. Пчеловоды. Пчеловодство было весьма значительно въ лѣсахъ, которые нѣкогда покрывали Силезію. Объ немъ часто упоминается, какъ о правѣ господскомъ, при передачѣ имѣній. Пастухи или скотники (agarones). Нарошеники (Narochnick). Они вѣроятно были крѣпостные, которые занимались откармливаніемъ свиней. Дворецкіе (Kämmerer, Kamerarii). Эти дворецкіе не были высшіе, а низшіе придворные служители: это видно изъ того, что многіе изъ нихъ были обязаны отправлять различныя работы. Быть можетъ, они отправляли свою должность по очередно, какъ стольники втораго разряда (Unter-truchsesse, subdapiferi), которые были также нижніе придворные служители. Различнаго рода ремеслен-

ники, какъ то: бочары (Lagenarii s. opifices vasorum), каменщики (caementarii), токари (tornatores), хлѣбники (pistores), мясники (carnifices), мельники, каменосѣчцы, повара, ткачи, наконецъ прислужники и слуги (ministeriales et famuli), которыхъ и герцогъ Генрихъ I называетъ hospites (1204 г.). Вѣроятно, они были то же, что въ Лужицѣ gosti, гдѣ были рабы (Knechte) такъ называемые.

Нѣкоторые изъ рабочихъ людей и слугъ герцога назывались десятниками (decimi). Можетъ быть, этимъ названіемъ обозначались тѣ изъ крѣпостныхъ герцога, которые не платили церквамъ десятины и потому, по всѣмъ вѣроятіямъ, платили ее герцогу. Въ числѣ десятниковъ герцогскихъ упоминаются: смерды, лазаки, сторожане, попрачники и земледѣльцы.

Смерды (Smardones) составляли особливый классъ обязанныхъ Славянъ, которые въ Силезіи были поселены на пашнѣ, и находились въ лучшемъ положеніи, нежели прочіе классы обязанныхъ. Болѣе мы не имѣемъ объ нихъ никакихъ извѣстій. Антонъ говоритъ, что названіе ихъ вѣроятно происходитъ отъ слова смирдъ—навозъ, smerbziec Польск. и smerdzin Богемск.—смердѣть, и дано имъ по ихъ занятію. Поэтому-то вѣроятно сочинитель Петерсбергской хроники говоритъ объ нихъ: eodem servitio sordidi.

Лазаки (Lazaki) были кажется то же, что въ Германіи die Lassen. Они не были рабы (Knechte), но не могутъ быть поставлены на ровнѣ съ свободными, и по этому состояли подъ властью герцогскихъ старостъ. Названіе ихъ вѣроятно происходитъ отъ слова: Laska — милость, покровительство.

Сторожане (Strozones) были безспорно герцогскіе стражи, которыхъ держали для карауловъ въ крѣпостяхъ.

Кто были Попрачники (popratznici), мы не знаемъ; быть можетъ охотники (по Польски poprawa). Не знаемъ также, кто были Сирники (Sirnik s. Sirdnicones). Sernik по-польски,

Syrnik по-богемски значитъ: корзинка, въ которой сушатъ сыръ; zer (жиръ), zyr — пища, для откармливанія свиней. И такъ, судя по словопроизводству, Sirdnicones имѣли что-то общее съ Narochnichi; они, кажется, были низшаго класса княжескіе рабочіе люди.

Пахатные крестьяне (aratores) были, безъ всякаго сомнѣнія, крѣпостные, которые обработывали землю господина, на его хуторѣ, не владѣя сами землями, какъ другіе крѣпостные, и состояли на положеніи работниковъ.

Отдѣльный классъ жителей Силезіи составляли Жиды. Они издавна владѣли здѣсь имѣніями. Въ XIII вѣкѣ они считались рабами княжескаго двора, и, несмотря на частыя гоненія, находили часто и своихъ защитниковъ.

Весьма замѣчательны привиллегіи, данныя имъ герцогомъ Генрихомъ IV бреславскимъ въ своихъ владѣніяхъ, и потомъ распространенныя въ Швейдницкомъ и Глогавскомъ княжествѣ. Этими привиллегіями не только приняты подъ защиту и покровительство вообще ихъ личность, имущество, богослуженіе, школы и ремесла, но и юридическія отношенія ихъ по торговлѣ и ссудамъ подъ залоги, и по судопроизводству. Согласно съ этими привиллегіями, спорныя дѣла Жидовъ были подсудны палатину или его намѣстнику, а не городскимъ и не земскимъ судьямъ. Если Жидъ ночью звалъ на помощь, а христіянинъ, живущій въ сосѣдствѣ, не хотѣлъ помочь ему, то платилъ высшую пеню — тридцать шиллинговъ. Далѣе, сообразуясь съ папскими постановленіями, Генрихъ IV опредѣлилъ, что христіянинъ, который обвинялъ Жида въ убійствѣ младенца, и не могъ доказать своего обвиненія свидѣтельствомъ трехъ христіянъ и трехъ Жидовъ, подвергался казни, слѣдовавшей Жиду, еслибъ преступленіе его было доказано.

Управленіе. Князья управляли землею чрезъ своихъ придворныхъ и государственныхъ чиновниковъ, которые избирались

или изъ дворянства, или изъ духовенства. Вообще они назывались должностными (officiales), или служителями, управлявшими должностями (ministeriales nostra officia regentes), а знатнѣйшіе изъ нихъ графами и баронами. Эти знатные придворные служители, избранные изъ дворянства и духовенства, не должны быть смѣшиваемы съ низшими служителями, которые отправляли низшія службы и работы при дворѣ господина.

Различіе между высшими придворными сановниками Силезіи и Германіи, кажется, въ особенности заключалось въ томъ, что эти должности съ ихъ владѣніями, правами и обязанностями не были въ Силезіи наслѣдственны, какъ въ Германіи, а раздавались княземъ по его усмотрѣнію. Какъ и всѣ прочія государственныя должности, первоначально онѣ не были даже необходимо пожизненны.

Въ Силезіи, какъ и въ Германіи, придворные сановники нерѣдко получали государственныя должности. Дворецкій (camerarius), кромѣ должностей, о которыхъ мы можемъ заключать по самому названію, заботился о необходимомъ продовольствіи и запасахъ двора, во время путешествій герцога, взималъ подати, бралъ залоги съ тѣхъ, которые ихъ медленно платили, сзывалъ подданныхъ къ верховному суду, и въ извѣстныхъ случаяхъ былъ въ этомъ судѣ предсѣдателемъ. Для отправленія всѣхъ этихъ должностей князья должны были имѣть многихъ дворецкихъ; и вотъ почему Болеславъ II (1263) имѣлъ главнаго дворецкаго.

Въ числѣ придворныхъ служителей упоминаются далѣе стольникъ (dapifer), кравчій (pincerna), конюшій (agazo) и казначей (thesaurarius); но объ особенностяхъ ихъ должностей ничего не говорится. Такъ же о маршалѣ, оруженосцѣ (armiger). Но мы знаемъ, объ знаменоносцѣ (vexillifer), что онъ былъ вмѣстѣ и предсѣдателемъ въ судѣ. Ловчіе (venatores) завѣдывали лѣсами; надъ ними, и надъ сокольниками былъ

главный ловчій (summus venator). Для измѣренія земель былъ княжескій межевщикъ (mensurator). Канцлеръ начальствовалъ надъ канцеляріей. Подъ его вѣдомствомъ состояли главные нотаріусы (summus notarius), протонотаріусы, потомъ придворные нотаріусы (notarii curiae), которые изготовляли акты, что̀ въ послѣдствіи лежало въ обязанности придворныхъ писцовъ (scriptores curiae). Всѣ они были духовнаго званія. — Должность старосты, который, по мнѣнію Бандтке, былъ первоначально управителемъ княжескихъ имѣній, кажется, не была общая, но ограничивалась извѣстнымъ округомъ, какъ и должность палатиновъ. Отсюда названіе Палатинъ бреславскій, лигницкій, оппельнскій, и т. д. Палатины были, кажется, то же, что въ послѣдствіи головы (capitanei). Такъ мы видѣли, что Жиды состояли подъ палатинами; въ послѣдствіи мы находимъ ихъ подъ вѣдомствомъ земскихъ головъ. (Можетъ-быть, также, Procuratores и summi Procuratores — послѣдующіе головы). Далѣе упоминается о трибунахъ, какъ о мѣстныхъ начальникахъ: трибунъ глогавскій, бейтенскій, и др. Объ ихъ должности намъ ничего неизвѣстно; говорится только, что въ 1202 году кастелянъ саганскій и трибунъ глогавскій, какъ представитель герцога, опредѣлили границы одной деревни вмѣстѣ съ окольными жителями.—Также мало знаемъ мы, что за должность имѣлъ ключникъ (claviger); кажется онъ былъ тоже мѣстнымъ начальникомъ. Судя по названію, можно думать, что ключники сначала имѣли ключи отъ хранилища драгоцѣнныхъ вещей, и были должностью немаловажною. Почти всѣ исчисленные нами должностные люди имѣли, какъ и въ Германіи, своихъ подчиненныхъ, которые иногда заступали ихъ мѣсто. Такъ въ источникахъ упоминаются: под-коморникъ, под-стольникъ, под-кравчій, под-маршалъ, под-казначей и под-ловчій. — Княгини имѣли также своихъ придворныхъ и низшихъ чиновниковъ.

Во многихъ источникахъ упоминаются также володари (Wlodarii). Wodarski значитъ мызникъ, Vogt, Wlodarz деревенскій шульцъ, судья. Вѣроятно володари были мѣстные чиновники и управляли княжескими деревнями, которыя состояли на польскомъ правѣ. Въ послѣдствіи, съ распространеніемъ нѣмецкаго права, мѣсто ихъ могли заступить шульцы. — Одно достовѣрно, что володари различались отъ жупановъ, и что они какъ фохты, предсѣдательствовали въ судахъ деревенскихъ.

Юрисдикція. Верховный судъ (judicium majus, supremum) надъ всею землею принадлежалъ, сколько намъ извѣстно, самому князю; но отъ него чрезъ передачу переходилъ иногда во владѣніе другихъ лицъ.

Весьма многоразличенъ былъ объемъ подсудности верховнаго суда. Вообще ему были подсудны большія, тяжкія или уголовныя преступленія (magnae, graves, majores, principales seu capitales causae), которыя влекли за собою потери членовъ или жизни. Къ такимъ преступленіямъ отнесены въ источникахъ тяжкія, смертельныя раны, кровопролитіе, насиліе, грабежъ по дорогамъ и воровство. Такъ называемый судъ крови (judicium sanguinis, jurisdictio gladii), кажется, не обнималъ собою всего верховнаго суда, а составлялъ только главную часть его; ибо къ верховному суду относились еще и другія права, которыя не состояли въ необходимой связи съ чисто-судебною властью.

Дѣла, подсудныя верховному суду, судили обыкновенно самъ князь или кастелянъ въ своемъ бургграфствѣ. Въ знакъ милости, какъ исключеніе, князь назначалъ особливаго придворнаго чиновника для разбора подданныхъ духовенства или нѣмецкихъ колонистовъ, съ подданными другихъ властей.

Еще въ XII вѣкѣ вся земля была раздѣлена на кастелянства, или, такъ называемыя въ послѣдствіи, бургграфства. Этими округами, которые сначала были весьма обширны, и

потомъ уменьшились въ объемѣ вслѣдствіе образованія новыхъ округовъ и раздробленія старыхъ, управляли кастеляны или бургграфы. Кромѣ надзора надъ крѣпостями, ихъ защиты, вооруженія и предводительства войскъ, кастеляны вѣдали судъ въ округахъ, приписанныхъ къ ихъ крѣпостямъ.

Въ своихъ кастелянствахъ кастеляны кажется судили обыкновенно дѣла, подсудныя верховному суду. Уже въ XIII вѣкѣ эти дѣла отличались отъ дѣлъ, подсудныхъ нижнему суду. Это доказывается многими привиллегіями духовенства, которому дано было право суда надъ своими подданными въ маловажныхъ дѣлахъ (minores causae), и актами объ основаніи нѣмецкихъ городовъ и деревень, въ которыхъ маловажныя дѣла судилъ фохтъ или шульцъ, а дѣла важныя герцогъ предоставлялъ себѣ.

Жупаны, древніе польскіе судьи, завѣдывали низшей юрисдикціей. Извѣстно, что Сервицики и Хроваты, жившіе въ Краковской области и прочіе Славяне, находились первоначально подъ жупанами или судьями. Мейссенскій уѣздъ дѣлился сначала на судебные округи, которые назывались жупанствами. Это названіе сохранилось даже до позднѣйшаго времени, когда эта страна совсѣмъ онѣмечилась. Въ Силезіи нѣтъ и слѣдовъ жупанствъ; только въ источникахъ мы встрѣчаемъ названіе жупановъ (Suppani, Suppanii), княжескихъ чиновниковъ, и находимъ, что они управляли юрисдикціей на ряду съ кастелянами, или скорѣе подъ начальствомъ кастеляновъ. Вѣроятно преобладающее могущество знатныхъ фамилій, которыя въ Силезіи управляли бургграфствами, весьма рано ослабили значеніе древнихъ жупановъ.

Кромѣ высшей юрисдикціи надъ жителями княжескихъ деревень, которыя находились въ бургграфствѣ, кастеляны судили еще споры между подданными разныхъ владѣльцевъ. Судья, которому былъ подсуденъ преступникъ и судья того мѣста, гдѣ совершено преступленіе, судили вмѣстѣ. Въ началѣ

XIII вѣка упоминаются уже придворные судьи (judices curiae), но объ объемѣ ихъ власти не говорится ни слова. Они вѣроятно были то же для всей земли, что кастеляны для кастелянствъ. Первоначально, находясь постоянно при дворѣ князя, они вѣроятно разбирали споры между придворными служителями, въ особенности завѣдывали высшей юрисдикціей надъ нѣмецкими общинами, и общинами духовенства, изъятыми изъ подсудности кастеляновъ.

Трудно опредѣлить, какъ далеко простиралась юрисдикція кастелянъ надъ подданными дворянства, кромѣ споровъ между разными владѣльцами. Частныя исключенія изъ-подъ юрисдикціи бургграфовъ, даруемыя князьями монастырямъ и устроеннымъ на нѣмецкомъ правѣ городамъ и селеніямъ; далѣе: учрежденіе и распространеніе придворныхъ и земскихъ судовъ— все это стѣсняло болѣе и болѣе власть кастеляновъ. Потомъ она ограничилась одними деревнями (Burglehngüter), непосредственно принадлежащими къ городу, и наконецъ мало по малу, кастеляны совершенно изчезли.

О дѣлопроизводствѣ въ древнихъ кастелянскихъ и жупанскихъ судахъ мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій. Кажется, его преимущественное отличіе отъ нѣмецкаго, было то, что кастелянъ и жупанъ, или исправляющій его должность низшій судья (subjudices), какъ судьи въ собственномъ смыслѣ слова, сами произносили рѣшеніе, тогда какъ въ нѣмецкомъ судѣ, какъ извѣстно, шеффены находили приговоръ. Замѣчательно, что въ числѣ доказательствъ, къ коимъ прибѣгали въ древнихъ польскихъ судахъ, находились и испытанія огнемъ и водою.

Пени къ коимъ присуждали польскіе суды, обозначались обыкновенно предѣломъ наибольшаго и наименьшаго. Эти пени, въ сравненіи со штрафами нѣмецкаго права, кажутся весьма тяжкими, они вѣроятно рѣдко взыскивались и замѣнялись тѣ-

лесными наказаніями: лишеніемъ членовъ или жизни. Можно даже думать, что при назначеніи такихъ огромныхъ пеней, законодательство имѣло въ виду цѣлый округъ, который во многихъ случаяхъ отвѣчалъ передъ судомъ за преступленіе.

Собственно славянскій, туземный, древнѣйшій, земскій судъ—верховное судилище дворянства и, какъ кажется, вообще всѣхъ свободныхъ, былъ цауда (судъ), или цаудовой судъ. По этому въ Моравіи онъ назывался zuda provincialis; въ Силезіи—judicium Polonicale per totam terram. Это высшее уголовное и гражданское судилище судило въ Силезіи дѣла объ убійствахъ, ранахъ, долгахъ и проч. Объ устройствѣ его, составѣ, объемѣ и дѣлопроизводствѣ мы доселѣ не имѣемъ почти никакихъ извѣстій. Знаемъ только, что въ XIV вѣкѣ оно пришло въ упадокъ. Причины этого упадка заключались, во первыхъ, въ преобладаніи нѣмецкихъ правъ въ деревняхъ и городахъ, которые, со всѣми принадлежащими къ нимъ деревнями, сдѣлались подсудными городскимъ фохтамъ по маловажнымъ дѣламъ, и придворнымъ судамъ (Hofgerichte) по дѣламъ первой важности; во вторыхъ, въ распространеніи нѣмецкаго леннаго права почти по всей землѣ силезской; а ленныя имѣнія были подсудны придворнымъ судамъ, сперва по леннымъ, а въ послѣдствіи по всякимъ дѣламъ. Начиная съ XIV вѣка, вотчинныя имѣнія все чаще и чаще обращались въ ленныя, и слѣд., исключались изъ подсудности цаудовому суду. Правда въ XIV, XV и XVI вѣкѣ ленныя имѣнія иногда были обращаемы и въ вотчинныя, и такимъ образомъ становились подсудными цаудѣ; но въ послѣдствіи это не было общимъ, и они оставались въ подсудности надворнымъ судамъ; въ третьихъ, въ постепенномъ организованіи земскихъ судовъ, по образцу нѣмецкихъ, особливо тамъ, гдѣ нѣмецкій языкъ и бытъ взяли перевѣсъ надъ славянскимъ. Какъ верховное судилище дворянства, они заступили мѣсто цаудоваго суда и имѣли право рѣшать тяжбы

о вотчинныхъ имѣніяхъ. Все это естественно произошло вслѣдствіе измѣнившагося положенія Силезіи, которая нѣмечилась все болѣе и болѣе. Въ четвертыхъ, усилившись во власти, князья отнимали у цауды одну привиллегію за другою, вѣроятно потому въ особенности, что въ Нижней Силезіи они скоро совсѣмъ обнѣмечились, и слѣдовательно возненавидѣли польскій и славянскій бытъ. Туземные Славяне ненавидѣли Нѣмцевъ и были гораздо болѣе привержены верхне-силезскимъ и польскимъ князьямъ, а князья нижне-силезскіе тѣснѣе и тѣснѣе сближались съ преданными имъ Нѣмцами и старались всѣми силами истребить все туземное и польское. Чрезъ это и права цауды мало по малу заключились въ тотъ тѣсный кругъ, который они занимали незадолго до своего уничтоженія.

Изъ этого періода упадка цаудъ, сохранились намъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ ихъ устройствѣ, и неправильно думаютъ нѣкоторые, что цауды и первоначально были то же, чѣмъ стали въ послѣдствіи. Въ концѣ XVII вѣка самимъ цаудамъ мало было извѣстно объ ихъ прежнемъ устройствѣ.

Княжескія привиллегіи даны были цаудамъ въ концѣ XV вѣка. Изъ протоколовъ, дошедшихъ до насъ отъ конца XV вѣка и составленныхъ по образцу нѣмецкихъ, и изъ упомянутыхъ привеллегій видно, что уже тогда цауды не судили уголовныхъ дѣлъ, но только тяжбы о вотчинахъ, и большею частью однѣ юридическія сдѣлки, до вотчинъ касающіяся, которыя, по взаимному соглашенію, опредѣлено подвергать суду цаудъ. Къ вѣдомству цаудовыхъ судовъ, по свидѣтельству протоколовъ, относилось, во первыхъ все, что касалось до устроенія суда и его засѣданій; потомъ, вызовъ къ суду; вводъ во владѣніе, выдача (Verreichung), оцѣнка, мировыя сдѣлки, (consense), передачи исковъ (cessiones), выслушаніе свидѣтелей, ликвидація, взятіе подъ залогъ (Pfändungs-Executionen), опечатаніе, опись наслѣдства (Inventuren), даръ при жизни (dona-

tiones inter vivos), принятіе завѣщаній и публикація ихъ, имѣніе мужа, достающееся по смерти его женѣ (Leibgeding), приданое дочерей (Abstattungen der Töchter), договоры, интерцесіи, протесты и рекогниціи и рѣшеніе всѣхъ тяжбъ о вотчинахъ.

Цаудовый судъ состоялъ изъ предсѣдателя и земскаго судьи, который назывался Ченча, Sandza, Szandza, Sandzyn, Zandza, Czandza, изъ нѣсколькихъ засѣдателей, которые также назывались шёффенами, и изъ писаря. По всѣмъ вѣроятіямъ, Ченча избирался первоначально владѣльцами вотчинныхъ или цаудовыхъ имѣній. Но въ 1547 году Рюгенскій Ченча назначался княземъ, а Глогавскій земскимъ головою. Въ древнія времена цауды, вѣроятно въ силу собственной власти, давали судъ; въ послѣдствіи, въ XVI вѣкѣ, они производили свое право отъ княжеской милости.

Засѣдатели, числомъ отъ четырехъ до десяти, должны были быть изъ владѣльцевъ вотчинныхъ рыцарскихъ имѣній, или «мужей» (Manne); съ ними вмѣстѣ находился уполномоченный отъ окружнаго города, принадлежавшаго къ цаудѣ. Въ Глогавѣ мы находимъ въ цаудѣ засѣдателя изъ недворянскаго сословія, по причинѣ соборнаго капитула.

Княжескія повелѣнія посылались судьею по порядку отъ одного члена цауды къ другому. Уставленіе цаудоваго суда, при его открытіи, имѣло много сходства съ древне-нѣмецкимъ производствомъ, въ вопросахъ судьи о правѣ и времени уставленія суда, и въ отвѣтахъ, которые давали засѣдатели. Судъ уставлялся обыкновенно трижды въ году; чрезвычайно — по требованію тяжущихся, такъ что въ году цауды имѣли иногда шесть, даже двѣнадцать засѣданій. Акты цаудоваго суда утверждались, по большей части, печатью судьи; въ Рюгенѣ къ нимъ, сверхъ того, прилагалась и земская печать.

Цауды пришли въ упадокъ преимущественно въ XVII столѣтіи, когда правители начали отнимать у дворянства послѣд-

ніе остатки его древней самостоятельности: въ чемъ дворянство само помогало. Со всѣмъ тѣмъ въ Силезіи, какъ и въ другихъ земляхъ, были отъ времени до времени попытки возобновить, утвердить учрежденіе, высоко цѣнимое по своей древности и вмѣстѣ служившее оплотомъ противъ угнетеній фиска и власти. Но стремленіе правительствъ ослабить власть цаудовыхъ судовъ оставалось то же. Наконецъ послѣдніе шесть (Волавскій, Глогавскій, Рюгенскій, Геррнстедскій, Гуравскій, Равдтенскій) цаудъ уничтожены съ подчиненіемъ Силезіи прусскому владычеству.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о монетномъ управленіи.

Право чеканить монету, было, какъ мы видѣли, регаліею. Монеты обыкновенно мѣнялись три раза въ годъ и были завѣдываемы монетчиками. Позднѣе (съ 1268 года) князь ежегодно продавалъ ее монетчикамъ. Кажется, что монетчики находились во всѣхъ торговыхъ мѣстечкахъ (Marktort), что̀ при тогдашней простотѣ чеканки (большею частью жестяной монеты, bracteaten), весьма вѣроятно. Монетчики безспорно были свободные, хотя и низшіе княжескіе служители, и должны были собирать княжескіе доходы съ кружечной продажи вина, мясныхъ лавокъ, а въ торговые дни съ ремесленниковъ, торговцевъ. Они имѣли право отъ каждой марки кружечнаго сбора удерживать въ свою пользу 24-ю часть и въ продолженіи трехъ торговыхъ дней въ году продавать соль. Въ городахъ они были свободны отъ податей. Подъ ихъ вѣдомствомъ находилась княжеская плавильня, также свободная отъ городскихъ податей, въ которой плавилось серебро и золото (crematio seu purificatio argenti). Здѣсь находились и вѣсы, на которыхъ производилась закупка благородныхъ металловъ, и ихъ проба. Какъ плавильню, такъ и право монеты князья часто отдавали подъ залогъ и продавали отдѣльнымъ горожанамъ и даже цѣлымъ городамъ, но только на извѣстное время.

Таковъ былъ, въ главныхъ чертахъ, славянскій юридическій бытъ Силезіи и верхней Лужицы, до введенія и распространенія въ нихъ нѣмецкаго права. Переходя къ нему, мы теперь должны разрѣшить вопросъ: что разумѣлось подъ названіемъ нѣмецкаго права, въ противоположность польскому?

Нѣмецкое право означаетъ не что иное, какъ юридическія отношенія городовъ и деревень, установленныя по образцу городовъ нѣмецкихъ. Слѣдовательно, подъ нѣмецкимъ правомъ должно разумѣть тѣ новыя юридическія отношенія, въ которыя, вслѣдствіе введенія его, поставлены были силезскія деревни и города между собою, къ судьямъ, поземельнымъ владѣльцамъ и наконецъ верховной власти; отношенія, образовавшія въ нихъ свободныя, сомкнутыя общины, совсѣмъ, или почти совсѣмъ не несущія тягостей польскаго права. Общины эти принимали участіе въ управленіи общественныхъ дѣлъ, подъ вѣдомствомъ городоваго совѣта, и въ судебномъ управленіи, въ лицѣ шеффеновъ, подъ вѣдомствомъ своихъ шульцовъ и фохтовъ, въ дѣлахъ низшей юрисдикціи, и подъ вѣдомствомъ князя, или его уполномоченнаго сановника, въ дѣлахъ высшей; и ставили новыя юридическія отношенія въ своихъ судебныхъ приговорахъ и частныхъ постановленіяхъ (Willkühren).

Такія городскія и деревенскія общины, въ нѣмецкомъ значеніи этого слова, образовались въ Силезіи и Лужицѣ. Польскія деревни и города не имѣли съ нѣмецкими ничего общаго, кромѣ внѣшняго сходства. Деревни состояли изъ извѣстнаго числа домовъ, построенныхъ болѣе или менѣе близко другъ отъ друга, съ принадлежащими къ этимъ домамъ полями, а такъ называемые города считали лишь большее число жителей, обыкновенно поселенныхъ около крѣпости (Burg), и замыкались общею оградой, рвомъ и деревянными досками. Въ этомъ только и заключалось главное различіе между польскою деревнею и городомъ, потому что по польскому праву, какъ город-

скіе, такъ и деревенскіе жители (а въ особенности деревенскіе) были по большей части крѣпостные, или по крайней мѣрѣ, обязанные; обработывали поля своихъ господъ и отправляли службы; а въ такъ называемыхъ городахъ, сверхъ того жили многіе помѣщики и знатные люди округа, кастеляны крѣпости, князья, часто со свитою, крѣпостные и свободные ремесленники, необходимые при высшемъ классѣ дружины, и потому находившіеся въ большемъ числѣ, нежели въ деревняхъ и наконецъ свободные купцы. Здѣсь бывали то же торги, съ которыхъ князья имѣли нѣкоторые доходы, также съ мясныхъ лавокъ и кружечной продажи. Во время войны въ городахъ находили убѣжище окольные крестьяне. Различіе между городомъ и деревней было, но одно внѣшнее, не юридическое. Крѣпости (Burgen) были укрѣпленныя мѣста, съ принадлежащими къ нимъ землями и посадами и продолжали существовать, отдѣльно отъ городовъ, даже тогда, когда послѣдніе получили нѣмецкое право (Фламское или Франкское право было тоже, что нѣмецкое [1]). Чтобъ уяснить, что̀ въ городахъ вообще называлось нѣмецкимъ правомъ, (въ отличіе отъ частныхъ правъ магдебургскаго и др.) скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о перенесеніи правъ одного города на другіе.

[1]) Названіе *Фламское, Франкское право* объясняется слѣдующимъ образомъ: въ Силезіи много такъ называемыхъ франкскихъ и фламскихъ гуфеновъ. Вѣроятно эти названія получили свое начало отъ фламскихъ и франкскихъ переселенцевъ. — Кромѣ того, въ Силезіи употреблялось *Саксонское* право, которое вошло въ употребленіе вѣроятно уже послѣ того, какъ Саксонское Зерцало сдѣлалось въ Силезіи общеизвѣстнымъ, и принято какъ нѣмецкое земское право, съ тѣми измѣненіями, которыя найдены необходимыми. Кромѣ изложеннаго нами значенія нѣмецкаго права, оно означало еще, въ противоположность польскому или цаудовому праву рыцарскихъ имѣній, *ленное право,* въ противоположность имѣній, которыя отдавались въ потомственную (вотчинную) собственность. Наконецъ *Шреденское право* (Schröder Recht, jus Srzedense) было ничто иное, какъ право города Неймаркта; ибо, до введенія въ этомъ городѣ нѣмецкаго права, онъ назывался по польски Srzoda.

Въ Силезіи и другихъ земляхъ было въ обыкновеніи давать младшимъ городамъ, при самомъ основаніи или въ послѣдствіи, право, или, какъ говорили, права старѣйшихъ городовъ. Избирая такимъ образомъ старые и слѣдовательно уже развившіеся въ своемъ устройствѣ города въ образецъ младшимъ, установляли, вмѣстѣ съ ихъ общими положеніями, и многія особенныя, и въ возможно краткомъ очеркѣ уставляли различныя правила, которыя, при ихъ разнообразіи, легко могли быть пропущены въ самомъ писанномъ актѣ, или дарованной грамотѣ. Но было бы ошибочно думать, что переносъ устройства одного города на другой было то же самое, что въ наше время нелѣпое перенесеніе всего государственнаго устройства одной земли на другую; ибо въ нѣмецко-славянскихъ провинціяхъ, какъ и въ Польшѣ и въ Литвѣ, всѣ городовыя общины, по существу своему, были чисто нѣмецкія, и во всякомъ случаѣ юридическія отношенія такихъ общинъ были гораздо проще и сходнѣе между собою, нежели цѣлыхъ государствъ. Притомъ въ принятомъ городовомъ устройствѣ дѣлали по нуждѣ измѣненія, и наконецъ дополняли необходимое, совершенно по образцу Нѣмцевъ, посредствомъ частныхъ (сепаратныхъ) постановленій (Willkühren), или сами собою, или со спросу съ образцовымъ городомъ (Mutterstadt).

Особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующее, весьма важное различіе въ способѣ передачи новымъ городамъ, при самомъ ихъ основаніи, правъ другаго города. На это различіе ученые не всегда обращаютъ должное вниманіе: иногда одинъ городъ получалъ отъ другаго извѣстную форму устройства, т. е. правительственнаго; въ немъ устанавливались тѣ же внутреннія отношенія гражданъ между собою, къ Фохту и къ землевладыкѣ. Иногда, напротивъ, одинъ городъ получалъ отъ другаго права, по которымъ судили въ судахъ. Конечно, право государственное и гражданское не были въ то время такъ

строго отдѣлены другъ отъ друга, какъ теперь; однако было существенно различно, получилъ ли такой-то городъ, наприм. магдебургское право въ томъ смыслѣ, что граждане должны платить такую же поземельную подать, такъ же избирать магистратъ, шеффеновъ и цѣховыхъ головъ, что фохтъ долженъ имѣть тѣ же привиллегіи, и слѣдовательногородъ имѣть то же правительственное устройство, какъ Магдебургъ, или получалъ Магдебургскую судную грамоту, которая преимущественно содержала въ себѣ рѣшенія гражданскихъ споровъ, и опредѣленія формы и сущности судоустройства. Это существенное различіе гражданскаго или государственнаго устройства, переносимаго отъ старшаго города на младшій, особенно рѣзко высказывается въ Силезіи.

Обычай давать новымъ городамъ права старыхъ былъ такъ всеобщъ, что только весьма немногіе города составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе изъ общаго правила. Несмотря на неопредѣленность выраженій въ источникахъ, можно сказить положительно, что вообще подъ словами: «дать нѣмецкое право», или «основать по нѣмецкому праву, которое имѣлъ другой городъ», должно разумѣть собственно внутреннія городскія общинныя отношенія, вольности и преимущества, вообще *устройство*, которое переносили отъ старшаго города на младшій, а не передачу того, что̀ мы преимущественно называемъ гражданскимъ правомъ, съ которымъ рождались и другія отношенія между старшимъ и младшимъ городомъ, нежели при передачѣ правительственнаго устройства. Это еще яснѣе доказывается тѣмъ, что многіе города, вскорѣ послѣ основанія, или въ послѣдствіи, получали вообще право такого-то города и сверхъ того отдѣльныя права другихъ городовъ. Этимъ объясняется, почему устройство нѣкоторыхъ городовъ образовалось не по образцу одного, а разныхъ городовъ. Не должно однако думать, что вообще, чрезъ принятіе однимъ городомъ

правъ другаго, первый необходимо дѣлался низшею судебною инстанціей въ отношеніи къ послѣднему. Такъ было большею частію лишь при заимствованіи гражданскаго права. Всякій городъ, получая отъ другаго его гражданскія права съ согласія князя, обязывался, во первыхъ, не передавать этихъ правъ другимъ городамъ, и во вторыхъ, въ сомнительныхъ случаяхъ требовать разрѣшенія отъ старшаго города, отъ котораго заимствовано право.

Города Неймарктъ, Бреславъ, Швейдницъ, Ратиборъ и Нейссе были, посредственно и непосредственно, центральными пунктами, изъ коихъ нѣмецкое городовое право распространилось по всей Силезіи.

Скажемъ теперь о древнѣйшемъ переселеніи въ Силезію нѣмецкихъ колонистовъ и о распространеніи ихъ правъ.

Первые слѣды дѣйствительнаго переселенія нѣмецкихъ колонистовъ, или, по крайней мѣрѣ, желанія вызвать ихъ, находимъ мы въ грамотѣ Лебусскаго монастыря 1175 года, въ которой герцогъ Болеславъ I, въ пользу монаховъ, съ коими онъ основалъ Лебусъ, на вѣчныя времена освобождаетъ отъ всѣхъ польскихъ правъ тѣхъ Нѣмцевъ, которые станутъ обработывать землю монастырскую, или поселятся на ней.—Воздѣлываніе полей этими иноземными колонистами началось и продолжалось чрезвычайно живо и дѣятельно. Число ихъ быстро увеличивалось. Родилась потребность опредѣлить отношенія этихъ колонистовъ къ герцогу, особливо въ разсужденіи высшей судебности и споровъ съ туземцами—Поляками. Вліяніе многочисленныхъ нѣмецкихъ переселенцевъ сдѣлалось наконецъ столь значительно, что названія славянскихъ мѣстечекъ или стали замѣняться нѣмецкими, или по формѣ, и особливо по окончанію, переиначиваться на нѣмецкій ладъ и выговоръ. Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ относительно быстромъ распространеніи нѣмецкихъ учрежденій въ Силезіи, большая часть

городовъ, незадолго до XIV вѣка, получила нѣмецкое право, какъ въ Верхней Лужицѣ, Неймаркѣ и Поммераніи, хотя названіе «Нѣмецкое право» и не было вездѣ въ одинаковомъ употребленіи. Грамотъ на нѣмецкое право древнѣйшихъ городовъ Верхней Лужицы мы не имѣемъ, можетъ-быть, потому что оно принималось лишь мало по малу; весьма вѣроятно однакожь, что многое, намъ неизвѣстное, потеряно. Около половины XIV вѣка всѣ деревни въ княжествѣ Бреславскомъ и Неймарктѣ имѣли уже нѣмецкое право, и скоро получили нѣмецкое, или онѣмеченное названіе. Чѣмъ болѣе селилось Нѣмцевъ, чѣмъ болѣе нѣмецкій языкъ и нравы укоренялись при княжескихъ дворахъ, тѣмъ чаще древнія польскія названія замѣнялись нѣмецкими. Это происходило различными способами. Во первыхъ, чрезъ перемѣну владѣльцевъ; польскія названія мѣстечекъ большею частью связаны съ именами старыхъ владѣльцевъ. По этому, когда Нѣмцы стали владѣть ими, то и названія стали нѣмецкія. Другія перемѣны произошли отъ перевода на нѣмецкій. Нѣкоторыя объясняются мѣстностію, на которую приходили Нѣмцы. Многія другія лишь измѣнены ими на свой ладъ и выговоръ, или получили нѣмецкія окончанія, или искажены такъ, что совсѣмъ не узнаешь стараго славянскаго корня. Такимъ-то образомъ многія мѣстечки стали имѣть два названія: нѣмецкое и польское; со временемъ нѣкоторыя назывались тремя и даже четырьмя различными именами.

Намъ возразятъ, можетъ-быть, что невѣроятно, чтобы въ такое короткое время такое множество Нѣмцевъ могло поселиться въ чисто-славянской землѣ и получить такое обладаніе надъ массою туземцевъ, измѣнивъ совершенно все ихъ внутренное устройство, и самый языкъ. Въ отвѣтъ мы замѣтимъ, во первыхъ, что то же самое было въ Лебусѣ и въ Неймаркѣ. Послѣднимъ, въ половинѣ XIII вѣка, овладѣли маркграфы бранденбургскіе ангалтинской линіи, и заселили его колони-

стами, которые, въ столь же короткое время, а именно къ началу XIV вѣка, уже основали новые нѣмецкіе города, или совершенно преобразовали старые въ нѣмецкія общины (чего нельзя объяснить нѣмецкимъ завоеваніемъ, какъ въ XIII вѣкѣ, въ Мекленбургѣ и Поммераніи). Все городовое право Польши и Литвы образовалось по нѣмецкому. Ученый Пельцель [1]) очень хорошо и подробно показалъ, какъ уже въ IX вѣкѣ Нѣмцы находились въ значительномъ числѣ въ Богеміи; какое сильное вліяніе они имѣли на правленіе и администрацію страны, на воздѣлываніе почвы и образованіе. Привиллегіи, данныя Нѣмцамъ въ Прагѣ уже въ XI вѣкѣ, показываютъ, какъ имъ покровительствовали тамошніе князья. Раннее распространеніе нѣмецкаго городоваго права въ Моравіи доказалъ ученый Монзе [2]), а Шлёцеръ [3]) собралъ извѣстіе о поселеніи нѣмецкихъ и фландрскихъ колонистовъ въ Венгріи и Седмиградской области въ XI и XII вѣкѣ.

Главная причина, почему князья вызывали въ свои владѣнія нѣмецкихъ колонистовъ, и тѣ охотно выселялись, заключалась въ обоюдной выгодѣ. Іодокъ, игуменъ Августинскаго монастыря въ Бреславлѣ (ум. въ 1447 году) разсказываетъ въ хроникѣ своего монастыря, что въ 1221 году герцогъ Генрихъ I далъ игумену Витославу привиллегію ввести нѣмецкое право во многихъ деревняхъ, которыя находились на польскомъ правѣ, и мало приносили пользы или доходу. Онъ повторяетъ здѣсь тѣ же самые слова, которыми выразился герцогъ Генрихъ I, въ 1221 году, когда онъ дозволилъ этому мона-

[1]) Geschichte der Deutschen und ihrer Sprache in Böhmen, in den Abhandl. d. Böhm. Gesellsch. d. Wissensch. v. J. 1788 S. 344.

[2]) Ueber die ältesten Municipal-Rechte in Mähren, in d. Abhandl. der Böhm. Gesellsch. d. Wissenschaften v. J. 1787. S. 75.

[3]) Kritische Sammlungen zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen. Götting. 1795.

стырю основать многія деревни на нѣмецкомъ правѣ для усиленія доходовъ. Іоаннъ бреславскій прямо говоритъ (въ 1495 году), что Поляковъ считали менѣе способными къ прилежной обработкѣ земли. Самое позволеніе, даваемое князьями монастырямъ и частнымъ землевладѣльцамъ вводить въ города и деревни нѣмецкое право, всегда считалось особенною милостію, и было дѣйствительно, милостію, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи. Съ другой стороны много было поводовъ и удобства къ выселенію нѣмецкихъ колонистовъ. Постоянныя, изъ рода въ родъ поддерживаемыя семейственныя связи польскихъ Піястовъ, съ нѣмецкими и уже онѣмеченными князьями богемскими: связи, которыя были необходимы при безпрерывныхъ войнахъ Пястовъ между собою. Самые князья преимущественно опирались на Нѣмцевъ, и потому оказывали имъ особенное покровительство. Монастыри тоже много соѣйствовали къ вызову колонистовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при сосѣдствѣ Германіи и Богеміи, гдѣ уже было много Нѣмцевъ въ монастыряхъ, и при общей церковной связи, здѣсь съ самаго введенія христіянства, было много Нѣмцевъ между лицами чернаго и бѣлаго духовенства. Въ XIII вѣкѣ была уже основана большая часть монастырей. Францисканцы, Доминиканцы, Бенедиктинцы, Стражи Святаго Гроба и другіе ордена были уже за-долго распространены въ Силезіи; Іоганнитскіе, Нѣмецкіе и Храмовые рыцари имѣли владѣнія въ ней. Всѣ эти общины, первоначально чуждыя и переселившіяся сюда мало по малу, владѣли многими и пространными землями, изъ коихъ наибольшая часть была имъ уступлена уже въ XIII вѣкѣ; на то вызывалъ духъ времени, да и земли, большею частью, лежали пустыя, и имѣли мало цѣны. Должно отдать справедливость духовенству, особливо Цистерцензцамъ и Августинцамъ, что они много содѣйствовали къ улучшенію земледѣлія и тѣмъ, разумѣется, къ увеличенію своихъ доходовъ. Духовенство

весьма рано поняло всю выгоду обработки пустыхъ земель свободными колонистами. Этимъ объясняется, какимъ образомъ, начиная съ XIII вѣка, въ Лебузѣ Цистерцензцы, Августинцы въ Бреславлѣ, особливо Цистерцензскія монахини, учрежденныя святою Гедвигою въ Требницѣ, въ неимовѣрно короткое время разчистили лѣса и сдѣлали землю удобную для земледѣлія, въ чемъ они нашли себѣ подражателей въ Генрихѣ I и туземномъ дворянствѣ.

Но всѣ эти причины еще недостаточны для объясненія такого быстраго преобладанія нѣмецкаго языка надъ славянскимъ; впрочемъ не должно забывать, что хотя и рано началось преобладаніе нѣмецкаго языка при дворѣ, въ черномъ и высшемъ бѣломъ духовенствѣ, и что нѣмецкіе составители актовъ уже переводили славянскія выраженія на нѣмецкій, однако изъ всего этого не слѣдуетъ, чтобы въ устахъ низшихъ классовъ языкъ народа былъ такъ рано замѣненъ нѣмецкимъ. Потомъ, когда источники говорятъ, что такое-то мѣстечко въ черномъ народѣ (in vulgari, vulgariter) звалось нѣмецкимъ именемъ, то вѣроятно такъ его называли самые жители его, Нѣмцы, или его нѣмецкіе сосѣди. Далѣе, не всѣ мѣстечки, въ которыя позволено было ввести нѣмецкое право, тотчасъ же воспользовались этой привиллегіей. Наконецъ, что особенно важно, нѣмецкое право давалось не однимъ нѣмецкимъ колонистамъ, но и другимъ, даже Полякамъ. Что особенно давало силу размножившимся колоніямъ иностранныхъ поселенцевъ и рѣшило ихъ преобладаніе, это высшая степень образованности, личныя свободы и выгоды, которыя давались нѣмецкимъ правомъ; поэтому Нѣмцы не могли быть поглощены въ польскомъ населеніи; напротивъ Поляки сдѣлались Нѣмцами вмѣстѣ съ вольностями нѣмецкаго права. Наконецъ покровительство, оказываемое Нѣмцамъ князьями, особливо въ Нижней Силезіи имѣло также не малое вліяніе на распространеніе нѣмецкаго начала

въ дворянствѣ и народѣ. Мы уже замѣтили выше, что туземное дворянство весьма рано начало обработывать свои земли нѣмецкими колонистами. Безъ сомнѣнія, тоже самое дѣлали и переселившіеся нѣмецкіе рыцари. Выгода земледѣлія вообще, и въ особенности выгода обработывать земли трудолюбивыми и свободными Нѣмцами, скоро сдѣлались очевидными. Нижне-Силезскіе князья, сами вполнѣ онѣмеченные, болѣе опирались на Нѣмцевъ, нежели на природныхъ Поляковъ, и всячески противодѣйствовали туземному началу, что между прочимъ доказывается уничтоженіемъ цаудоваго суда. Это подало поводъ къ многочисленнымъ жалобамъ, даже въ самомъ духовенствѣ, въ назначеніи церковныхъ участковъ, въ капитулахъ (Pfründe), изъ коихъ всѣми мѣрами старались вытѣснить Поляковъ. Часто прибѣгали къ насильственнымъ средствамъ и выгоняли природныхъ Поляковъ изъ деревень, какъ и городовъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что еще въ 1405 году епископъ Іоаннъ бреславскій приказалъ польскимъ мужикамъ въ Войцѣ, въ пять лѣтъ выучиться по-нѣмецки; въ противномъ же случаѣ его милость не станетъ держать ихъ ни въ одной деревнѣ подъ его властью. На такія распоряженія не давались грамоты, поэтому подобныя извѣстія рѣдки; но достовѣрность ихъ не подлежитъ сомнѣнію.

О происхожденіи иностранныхъ колонистовъ мы находимъ одни разбросанныя и далеко неудовлетворительныя извѣстія. Изъ источниковъ видно, что упоминаются болѣе другихъ нѣмецкіе колонисты, и что притомъ вольности нѣмецкаго права давались, кромѣ Поляковъ и Нѣмцевъ, и другимъ народамъ. Извѣстно, что въ XII вѣкѣ въ сѣверную Германію переселялись Фламандцы и были принимаемы какъ колонисты. Еще теперь мы находимъ въ Силезіи очень много фламандскихъ гуфеновъ; поэтому весьма вѣроятно, что Фламандцы селились и въ Силезіи. Кромѣ того, мы находимъ между силезскими ко-

лонистами Франковъ, Баварцевъ, Швабовъ, Саксонцевъ, Турингцевъ и Австрійцевъ.

Объ основаніи деревень по нѣмецкому праву. Прежде основанія деревни по нѣмецкому праву, необходимо было на то согласіе князя, а иногда епископа, если кто хотѣлъ сдѣлать о десятинѣ распоряженіе, несогласное съ земскимъ обычаемъ и церковнымъ правомъ. Монастыри и духовныя общины получали привиллегію основывать деревни по нѣмецкому праву, иногда на цѣлую область; часто она давалась монастырямъ на всѣ ихъ владѣнія; но, по большей части, на отдѣльныя деревни, а въ послѣдствіи даже на отдѣльные гуфены, которые причислялись къ нѣмецкой деревнѣ. Эти привиллегіи всегда почитались особенною милостію, давались дворянамъ въ награду за вѣрную службу и заключали въ себѣ отказы князя отъ всѣхъ или части правъ, которыя давало имъ польское право надъ крестьянами, несостоявшими непосредственно подъ ихъ властью.

Обыкновенно князья навсегда отказывались въ пользу землевладѣльцевъ отъ собственно такъ называемыхъ службъ, и связанныхъ съ ними податей польскаго права, но удерживали за собою подать поземельную, вообще право налагать подати, часть судебныхъ пошлинъ и воинскую повинность; даже отъ послѣдней они иногда освобождали на нѣсколько лѣтъ. Часто они предоставляли на волю землевладѣльца давать освобожденному мѣсту нѣмецкое, или польское, или какое-нибудь другое право, т. е. заселять его свободными, или крѣпостными и вообще распоряжаться по произволенію. По этому изъ того, что извѣстное мѣсто было освобождено отъ тягостей польскаго права, нельзя еще заключить, что оно необходимо получало нѣмецкое право; ибо освобожденіе давалось владѣльцу, который могъ тогда селить Нѣмцевъ, но не былъ къ тому обязанъ Также изъ согласія князя на основаніе какой-нибудь деревни

по нѣмецкому праву нельзя еще заключать, что землевладѣлецъ необходимо воспользовался позволеніемъ. Отъ его воли зависѣли и способъ и время привести это въ исполненіе. По этому весьма часто проходило нѣсколько лѣтъ, прежде нежели землевладѣльцы воспользовались данными имъ привиллегіями.

Всѣ такія нѣмецкіе деревни освобождались отъ подсудности не только кастеляну, въ кастелянствѣ котораго онѣ находились, но и ко всѣмъ прочимъ княжескимъ чиновникамъ. Низшій судъ всегда принадлежалъ землехозяину, а отъ него передавался шульцу. Герцогъ удерживалъ за собою верховный судъ, т. е. судъ въ высшихъ уголовныхъ дѣлахъ и по апелляціямъ на приговоры сельскаго суда, и разбирательство споровъ между подданными различныхъ землевладѣльцевъ. Право верховнаго суда могло быть пріобрѣтено не иначе, какъ посредствомъ особливыхъ княжескихъ привиллегій.

Во всѣхъ означенныхъ случаяхъ, исключительно подсудныхъ верховной власти, кастеляны и другіе чиновники иначе не могли вызывать къ суду подданныхъ, имѣвшихъ нѣмецкое право, какъ по письменному и печатью утвержденному полномочію отъ князя, и должны были судить по нѣмецкому праву. Нѣмцы, позванные такимъ образомъ къ суду, часто имѣли право не отвѣчать ни передъ кѣмъ, кромѣ самаго князя, или пользовались привиллегіею не быть вызываемы и судимы нигдѣ, кромѣ того суда, въ вѣдомствѣ котораго состояли. Въ послѣдствіи, когда былъ формально установленъ придворный судъ, всѣ тѣ, которые имѣло нѣмецкое право, были отнесены къ нему, и тѣмъ отстранены отъ всякаго отвѣта передъ польскимъ судомъ, потому что личностію подсудимаго всегда опредѣлялась и самая форма судопроизводства. Одну треть судебныхъ пошлинъ получалъ землевладѣлецъ; двѣ трети герцогъ. Въ видѣ исключенія, герцогъ удерживалъ себѣ иногда одну треть судебныхъ пошлинъ, иногда же уступалъ землевладѣльцу

все свое верховное право надъ частною собственностію, что однакожь не давало послѣднему права верховнаго суда. Далѣе, герцогъ обыкновенно удерживалъ въ свою пользу герцогскій хлѣбъ (annona ducalis), который заключался обыкновенно въ шеффелѣ пшеницы и шеффелѣ овса съ гуфена. Въ княжеской привиллегіи, даваемой землевладѣльцу на введеніе въ какую либо деревню нѣмецкаго права, рѣдко постановлялись условія, на которыхъ землехозяинъ могъ отдавать имѣніе арендатору; однако есть примѣры.

Получивши привиллегію отъ князя (князья и епископы, сдѣлавшіеся князьями, разумѣется, не имѣли въ ней нужды), землевладѣлецъ заключалъ письменный договоръ съ однимъ или многими арендаторами (Locatores) и передавалъ имъ деревню или участокъ земли, который долженъ былъ состоять на нѣмецкомъ правѣ, съ опредѣленнымъ или приблизительно предполагаемъ числомъ гуфеновъ, при чемъ границы (межи) старались опредѣлять съ возможною точностію. По обычаю, князь вмѣстѣ съ многими сановниками и окольными людьми обходилъ межи, и обозначалъ ихъ камнями, или кучами земли, (копицами), старыми деревьями или водами. Съ половины XIII вѣка всѣ гуфены продавались арендаторамъ, или подрядчикамъ поселенія (Unternehmer); но землевладѣлецъ удерживалъ за собою десятину, подать и господскія права. Цѣна была чрезвычайно разнообразна, по свойствамъ земли, по удерживаемой господиномъ за собою поземельной подати, по величинѣ гуфеновъ и цѣнѣ денегъ, которыя въ XIV вѣкѣ безпрестанно измѣнялись. Не должно однако упускать изъ виду, что такая продажа не была такъ называемая чистая продажа, но только условная запродажа для основанія гуфеновъ на нѣмецкомъ правѣ.

Весьма рано вошло въ обычай основывать новыя деревни по нѣмецкому праву, по образцу древнѣйшихъ, на томъ же правѣ основанныхъ. Обыкновенное содержаніе договоровъ между зем-

левладѣльцемъ и арендаторомъ, или основателемъ (отдатчикомъ въ наемъ, locator), состояло въ слѣдующемъ: арендаторъ обязывался заселить переданное ему число гуфеновъ земледѣльцами. За это ему уступалась должность шульца (die Schultisei или Scholzerei, Scultetia) въ наслѣдственную (также на женское поколѣніе переходящую) и дѣлимую собственность, съ полнымъ правомъ распоряжаться по произволу и цѣлымъ и частями; въ послѣдствіи такое распоряженіе могло имѣть мѣсто не иначе, какъ съ одобренія землевладѣльца.

Къ правамъ шульца относились: 1) должность шульца, какъ предсѣдателя деревенскаго суда для разрѣшенія тяжебъ, относящихся къ нижней подсудности (и весьма рѣдко высшей), полицейскій надзоръ надъ деревнею и третій пфенингъ съ суда, то есть третья часть съ штрафовъ, приговоренныхъ и взыскиваемыхъ деревенскимъ судомъ; остальныя двѣ части принадлежали землевладѣльцу. Отсюда должность шульца называлась вообще судомъ (judicium), а иногда даже, третьимъ пфенингомъ. 2) Шульцъ получалъ или извѣстное число, или извѣстную часть всѣхъ гуфеновъ, принадлежащихъ къ деревнѣ• въ послѣдствіи обыкновенно десятую часть; эта часть была свободна отъ поземельной подати и десятины (mansi liberi). 3) Къ должности шульца отнесено было еще и много другихъ различныхъ правъ по положенію и свойству мѣста; большею частью кружечная продажа (taberna), или право продавать пиво. Обыкновенно сюда же принадлежало право печь хлѣбъ и бить скотину, или хлѣбная и мясная лавка; также башмачная лавка и кузница. Шульцъ обыкновенно получалъ право кружечной продажи безпошлинно (libera taberna), а иногда и съ обязанностію платить особливую пошлину. Во многихъ мѣстахъ шульцу дозволялось строить мельницы, ловить рыбу, даваемо было право разводить овецъ, и уступались сады. Въ замѣнъ того, шульцъ былъ обязанъ: 1) собирать подать,

слѣдующую съ крестьянъ и доставлять ее землевладѣльцу; 2) наблюдать за сборомъ десятины; 3) когда самъ землевладѣлецъ, или его уполномоченный давали судъ, что случалось трижды въ году: въ Рождество, на Святой недѣлѣ и въ Троицынъ день — давать ему и его свитѣ, каждый разъ, обѣдъ и кормъ лошадямъ. Эта повинность въ послѣдствіи замѣнена была извѣстною суммою денегъ, а въ другихъ мѣстахъ падала отчасти и на самыхъ крестьянъ; наконецъ 4) какъ вассалъ верховнаго судьи, онъ долженъ былъ, въ случаѣ опасности, служить за него ленную службу владѣтельному князю, что̀ часто встрѣчается, еще въ XIII вѣкѣ, но въ послѣдствіи замѣнено постоянною податью. Мѣсто шульца было часто значительнымъ достояніемъ и потому нерѣдко давалось рыцарскимъ родамъ, наравнѣ съ настоящими наслѣдственными ленными имѣніями; такъ было особенно въ Нейссенѣ, гдѣ епископы хотѣли образовать около себя сильную ленную дружину на походъ и свиту; отсюда рыцарскія права шульцовъ, съ особыми преимуществами рыцарскихъ имѣній.

Первымъ признакомъ происхожденія рыцарскихъ правъ въ шульціяхъ (Schultisei, шульція) должно считать дозволеніе свободно пасти овецъ на крестьянскихъ поляхъ, вслѣдствіе котораго права сами крестьяне во многихъ мѣстахъ не могли держать овецъ. Это право пастбища, принадлежавшее шульціямъ, упоминается въ немногихъ грамотахъ и то не въ древнѣйшихъ; на другихъ шульціяхъ лежали другія подати и повинности въ пользу князя, какъ то: petitiones, постой (statio), или обязанность давать князю и его свитѣ, во время путешествія, квартиру и содержаніе.

Многія шульціи уменьшились въ объемѣ правъ отъ дѣлимости ихъ при наслѣдованіи, и отъ распродажи отдѣльныхъ правъ, съ ними связанныхъ; другія, напротивъ, увеличились вслѣдствіе прикупки другихъ правъ. Часто эти шульціи возвращались

къ землехозяину, или выкупались имъ и вновь отдавались, или продавались подъ другими условіями, обыкновенно съ меньшимъ количествомъ къ нимъ приписанныхъ земель. Часто эти шульціи, раздробленныя, болѣе не возстановлялись, смотря потому, какъ землевладѣльцу было выгоднѣе. Потомъ, свободные гуфены не рѣдко обращались въ податные; но для этого нужно было согласіе князя. По этой причинѣ мы находимъ въ послѣдствіи шульціи, не свободныя отъ податей; это произошло посредствомъ правъ, связанныхъ съ верховною судебностію.

О колонистахъ и ихъ обязанностяхъ обыкновенно ничего не говорится въ грамотахъ, кромѣ опредѣленія поземельной подати, десятины съ каждаго гуфена и числа льготныхъ лѣтъ. Но въ послѣдствіи упоминается, что поля, принадлежащія къ деревнѣ, давались колонистамъ, какъ лично свободнымъ людямъ, въ наслѣдственную собственность, на правахъ наслѣдственнаго фермерства (эмфитевтическихъ имуществъ) съ правомъ продавать и закладывать ихъ, хотя не иначе, какъ съ согласія землевлалѣльца. Ихъ гуфены назывались податными, или крестьянскими (mansi censuales, или rusticales), въ отличіе отъ свободныхъ гуфеновъ, принадлежавшихъ шульцамъ. Всѣ ихъ подати обозначались въ формальномъ договорѣ, изъ коихъ однако ни одинъ не дошелъ до насъ. Обыкновенно имъ давалось отъ землехозяина извѣстное число льготныхъ лѣтъ, въ продолженіи коихъ они не должны были платить ни подати, ни десятины. Число этихъ льготныхъ лѣтъ, было, смотря по обстоятельствамъ, весьма различно: при воздѣланныхъ земляхъ (mansi parati, culti, qui campus sunt) менѣе, отъ одного до трехъ лѣтъ; при невоздѣланныхъ (non culti) и поросшихъ лѣсомъ (silva, silvestres, non extirpati), отъ трехъ до шестнадцати лѣтъ; часто, безъ различія земель, льготныхъ лѣтъ давалось отъ одного до трехъ и шести. Отсюда видно, что колонисты получали иногда воздѣланныя деревни и гуфены, и весьма вѣроятно, что часто,

первоначально крѣпостные крестьяне дѣлались свободными и продолжали владѣть своими землями уже на нѣмецкомъ правѣ.

Ежегодная подать, платимая крестьянами, состояла обыкновенно изъ $^1/_4$ денежной марки съ каждаго гуфена, весьма рѣдко изъ $^1/_2$ марки, иногда больше, но лишь въ случаѣ, когда десятина была менѣе обыкновенной; или меньше, если почва земли была особенно дурна. Гораздо болѣе разнообразія находимъ мы во взиманіи десятины, которую крестьяне платили съ гуфеновъ. Въ послѣдствіи времени, при основаніи всякой деревни по нѣмецкому праву, землевладѣлецъ и тотъ, кто имѣлъ право на десятину, заключали между собою особливое условіе. Вотъ почему мы находимъ, что нѣкоторыя изъ древнѣйшихъ нѣмецкихъ деревень, коихъ грамоты дошли до насъ, платили полевую десятину, то есть стоячимъ хлѣбомъ (manipulatim in campo), или полную десятину. Со временемъ это измѣнилось и уже въ первой половинѣ XIII вѣка установленъ обычай, который считался принадлежностью нѣмецкаго права, взимать съ каждаго гуфена, вмѣсто десятины, одинъ малтеръ или два шеффеля ржи зерномъ. Было также не рѣдко извѣстное отношеніе величины десятины къ величинѣ подати. Вообще въ этомъ отношеніи мы находимъ большое разнообразіе, весьма естественное при свободныхъ договорахъ. Десятину, если она не состояла въ стоячемъ хлѣбѣ, должны были нѣмецкіе крестьяне платить въ томъ мѣстѣ, которое было назначено въ грамотѣ. Обыкновенно назначалось самое близкое; въ случаѣ отдаленности его, иногда имѣли право на особенное вознагражденіе: хлѣбъ, платимый герцогу (das Herzogskorn) и состоящій въ двухъ шеффеляхъ ржи съ податнаго гуфена, платился и вмѣстѣ съ десятиною, но большею частью особливо, и перевозился крестьянами въ то мѣсто, куда назначалъ герцогъ.

О службахъ, которыя нѣмецкіе крестьяне должны были первоначально, со времени самаго ихъ водворенія, отправлять

землевладѣльцу, мы не знаемъ ничего положительнаго, кромѣ того, что касается до угощеній во время суда (die Mahlzeiten zum Dreidinge), которыя, какъ мы уже замѣтили выше, падали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отчасти и на крестьянъ. Впрочемъ едва ли можно открыть въ грамотахъ объ основаніи деревень по нѣмецкому праву происхожденіе службъ; ибо въ этихъ грамотахъ землевладѣльцы обыкновенно не выговариваютъ себѣ ничего такого, что относится къ собственно такъ называемой барщинѣ. По этому происхожденіе той барщины, которую мы находимъ въ послѣдствіи, должно приписать герцогскому праву, основанному на особливыхъ договорахъ.

Когда князья отказывались отъ многихъ своихъ правъ и давали позволеніе основать деревню по нѣмецкому праву, эти права, какъ мы уже замѣтили выше, дарились не крестьянамъ, а землевладѣльцу; а князья удерживали за собою лишь тѣ права, которыя не были именно обозначены въ грамотахъ, хотя иногда права, ими оставляемыя за собою, также обозначались въ актѣ. Къ послѣднимъ, по большей части, относится обязанность нести военную службу. Во первыхъ, Нѣмцы должны были служить во время походовъ, даже за границу, хотя впрочемъ иногда и бывали освобождаемы; во вторыхъ, они должны были принимать участіе въ земской оборонѣ (Landwehr), отъ которой освобожденіе встрѣчалось рѣже. Но вообще подданные землевладѣльцевъ изъ духовенства пользовались многими облегченіями. Такъ колонисты въ Уѣстѣ были обязаны выставлять только трехъ воиновъ, въ панцыряхъ, для крѣпостнаго гарнизона, на то время, пока князь находился съ войскомъ за границею. Они давали и военныя подводы, но не столь тяжкія, какъ подводы Поляковъ. Отъ крѣпостной постройки Нѣмцы были большею частью совершенно свободны, кромѣ особенныхъ, крайнихъ случаевъ. Князья удерживали за собою прочія права, которыя не были именно помянуты. Сюда

относится напримѣръ станъ (Lager). Кромѣ того, князья удерживали за собою все то, что̀ вытекало изъ княжескаго права. Это былъ богатый, неизчерпаемый источникъ правъ и притязаній на всякіе, самые многоразличные предметы.

Такъ какъ значеніе княжескаго права (jus ducale) весьма неопредѣленно, то мы считаемъ необходимымъ сказать объ немъ нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что оно имѣло важное вліяніе на сельскій бытъ.

Къ герцогскому праву принадлежали, во первыхъ, звонкая монета (pecunia monetalis), которая взималась съ гуфеновъ, принадлежавшихъ нѣмецкимъ крестьянамъ; во вторыхъ, герцогскій хлѣбъ (annona ducalis), съ каждаго гуфена, по два шеффеля ржи; въ третьихъ, хлѣбный сборъ (exactio annonalis); въ четвертыхъ, денежный налогъ (exactio pecunialis); въ пятыхъ, чрезвычайные налоги (collectae, contributiones), къ которымъ относились первоначально такъ называемыя Beden (petitiones), и которые возобновлялись безпрестанно, несмотря на столь часто даруемыя права не платить ихъ; въ шестыхъ, службы (servitia): это выраженіе имѣло весьма много различныхъ значеній. Сюда относились подводы, пахота и повинности на охотѣ (Iagd); въ седьмыхъ, ленное служеніе шульцовъ (servitium dextrariale); и въ осьмыхъ, верховная судебность (jus supremum).

Эти тягости и службы, вытекавшія изъ герцогскаго права, были весьма значительны, даже и въ отношеніи къ крестьянамъ, состоявшимъ на нѣмецкомъ правѣ; несправедливое разширеніе ихъ, дѣлало ихъ еще болѣе обременительными; это видно изъ многихъ грамотъ.

Объ отношеніи церкви къ деревнямъ, вновь основаннымъ по нѣмецкому праву, находимъ мы въ грамотахъ весьма немногія, и то неудовлетворительныя указанія. Обыкновенно церкви давалось два гуфена, свободныхъ отъ повинностей. Несмотря

на то, что въ XIV вѣкѣ еще многія деревни были основаны по нѣмецкому праву, мы замѣчаемъ, что уже въ началѣ этого вѣка, это общепринятое названіе, которое оставалось въ употребленіи до исхода XIV вѣка, часто уже не употреблялось, но было замѣняемо общими, принятыми въ канцеляріяхъ и изъ грамотъ почерпнутыми формулами, которыя впрочемъ, съ небольшими измѣненіями, заключали въ себѣ тѣ же условія, какъ и прежде. Далѣе, мы замѣчаемъ, что нѣмецкое и эмфитевтическое право стали полагать однозначительными, вѣроятно для того, чтобъ утвердить за землевладѣльцемъ болѣе опредѣленное право собственности (dominium directum) надъ крестьянскими землями.

Между прочимъ изъ источниковъ видно, что не одни крестьяне становились на отношеніи нѣмецкаго права, но и садовники.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на главныя слѣдствія основанія столькихъ деревень на нѣмецкомъ правѣ. Во первыхъ, иностранные переселенцы, отчасти болѣе образованные, нежели туземцы, привлечены въ страну, они привели земледѣліе въ лучшее состояніе, что̀ уже доказывается введеніемъ нѣмецкаго плуга; во вторыхъ, колонисты, образуя собою свободныя общины, разсѣянныя по всей странѣ, доказали своимъ примѣромъ, какъ выгодно воздѣлываніе земли свободными собственниками; въ третьихъ, они положили начало сословія свободныхъ крестьянъ, давъ собою поводъ къ тому, что и многіе туземцы были освобождены отъ тяжкихъ польскихъ повинностей и получили первое основаніе на тѣхъ же нѣмецкихъ правахъ и вольностяхъ. Сравнивая число деревень и воздѣланныхъ гуфеновъ въ половинѣ XIV вѣка съ теперешнимъ, мы найдемъ, что въ то время княжество Бреславское было почти такъ же хорошо заселено, какъ и теперь. Задача наша состояла въ томъ, чтобы показать первоначальное основаніе деревень по нѣмецкому

праву и объяснить все, сюда относящееся. Другимъ предоставляемъ изслѣдованіе происхожденія лаудемій, служебъ крестьянскихъ и другихъ отношеній. Замѣтимъ только, что при такихъ изслѣдованіяхъ должно обращать особенное вниманіе на безконечное разнообразіе этихъ отношеній и быть весьма осторожнымъ въ прямомъ выводѣ общихъ положеній. Такая осторожность тѣмъ необходимѣе въ наше время, что вообще въ администраціи слишкомъ замѣтно стремленіе подводить всѣ, самыя многоразличныя отношенія подъ одинъ фокусъ — стремленіе, которое, по большей части, происходитъ отъ незнанія внутренней исторіи своей земли и ея древняго устройства, а изученіе ихъ считается нестоющимъ труда и времени.

Объ основаніи городовъ по нѣмецкому праву. Для основанія города или мѣстечка по нѣмецкому праву, было необходимо владѣльцу согласіе князя, потому что такое основаніе не могло имѣть мѣста безъ уступки княземъ многихъ правъ, которыя принадлежали ему на всѣхъ тѣхъ подданныхъ, которые не были именно освобождены отъ нихъ, или не имѣли нѣмецкаго права.

Большая часть городовъ основана по нѣмецкому праву самими князьями. Кажется, что въ самомъ началѣ, при основаніи такихъ городовъ составлялась не одна, а многія грамоты. Первая, для опредѣленія правъ, вольностей и владѣній, которыя давались основателями гражданамъ новаго города; вторая, для утвержденія правъ фохта.

Вообще во всей Силезіи (объ Лужицѣ мы въ этомъ отношеніи ничего не знаемъ), до конца XIV вѣка, образованіе поселенія въ городъ на нѣмецкомъ правѣ поручалось одному арендатору (подрядчику, locator) или двумъ вмѣстѣ; въ послѣдствіи это право продавалось. Эти арендаторы, въ вознагражденіе трудовъ и издержекъ, дѣлались наслѣдственными фохтами (advocati, judices haereditarii) основаннаго ими города.

Кажется, большая часть изъ нихъ была изъ дворянъ; объ нѣкоторыхъ мы имѣемъ на то вѣрныя доказательства. Должность фохта была наслѣдственная собственность фохтовъ, которая могла переходить къ женамъ ихъ, дочерямъ и сестрамъ. Поэтому-то весьма рано не только отдѣльные предметы, принадлежащіе къ должности фохта, были закладываемы, продаваемы и вообще отчуждаемы, но даже самыя должности фохтовъ дѣлились, переходили по частямъ во владѣніе наслѣдниковъ, и отчуждались ими. Въ этомъ случаѣ фохтействомъ управлялъ одинъ изъ владѣльцевъ частей, или вмѣсто его управитель, а иногда вмѣсто наслѣдственнаго фохта подфохтъ (subadvocatus), а владѣльцы фохтейства, или частей его, получали доходы.

Къ фохтейству относились весьма многіе предметы: права, доходы, пользованія, владѣнія и обязанности. Всѣ города и мѣстечки, основанные по нѣмецкому праву, были освобождены отъ подсудности кастелянамъ, или бургграфамъ, и образовали сомкнутыя общины. Главныя составныя части фохтействъ составляли завѣдываніе низшею судебностію въ городѣ и взиманіе третьей части штрафныхъ денегъ. По этому выраженія: судъ, наслѣдственный судъ, должность фохта и третій пфеннигъ часто употреблялись, какъ выраженія однозначительныя.

Фохту были подсудны также всѣ деревни, или вполнѣ принадлежавшія городу, или только состоявшія въ его судебномъ округѣ; въ послѣдствіи бывали эти округи еще разширены.

Къ фохтейству вездѣ принадлежалъ третій пфеннингъ съ суда, или третья часть судебныхъ пошлинъ, которыя равно взимались въ городѣ и въ деревняхъ, состоящихъ подъ судебною властью фохта.

Прочіе доходы, владѣнія и пользованія фохтейства были, по различнымъ городамъ, при самомъ ихъ основаніи на нѣмецкомъ правѣ, весьма различны. Обыкновенно фохтъ имѣлъ вольный свободный домъ (curia libera, curia mansionis, area, area

residentiae); далѣе, мясныя, хлѣбныя и башмачныя лавки, или подать, съ нихъ взимаемая; бойня (curia mactatoria, fartorium); камера, для продажи сукна; мелочныя лавки, всѣ, или нѣкоторыя; наслѣдственная подать (census haereditarius) съ каждаго двора (curia, area); подать площадная (census fori), взимаемая съ продавцевъ; площадная пошлина (Marktzoll); баня (stuba balnearis); вольная кружечная продажа; право строить мельницы и владѣть ими, подать съ телѣгъ и повозокъ, пріѣзжавшихъ на мельницу (помолъ, census vecturae molendini); право охоты въ городскомъ округѣ; рыбная ловля различнаго рода, смотря по мѣстоположенію, въ рѣкахъ, ручьяхъ и озерахъ; лѣса, сады, извѣстное число гуфеновъ пахатной земли, принадлежащей къ городу; нивы, пажити, виноградники, мосты; безпошлинный проѣздъ повозокъ (одной или двухъ и болѣе) по всей землѣ; перевозъ и проч.

Такого же рода права имѣли фохты и въ деревняхъ, принадлежащихъ къ городу.

При правѣ фохтовъ свободно распоряжаться всѣми доходами, пользованіями и владѣніями, принадлежащими къ фохтейству, все изчисленное нами весьма рано начало измѣняться, то уменьшаясь, то увеличиваясь въ объемѣ, по согласію князя, или чрезъ удержаніе того, что фохтъ долженъ былъ пріобрѣсти съ расширеніемъ города, или чрезъ прикупку отдѣльныхъ земель и доходовъ, которыя потомъ оставались соединенными съ фохтействомъ, или чрезъ ближайшее опредѣленіе извѣстныхъ пользованій, съ фохтействомъ связанныхъ. Правда, всѣ предметы, первоначально принадлежавшіе къ извѣстному фохтейству, разсматривались какъ нѣчто цѣлое, и князья часто давали право вновь пріобрѣтать отчужденное и возсоединять раздробленное; но рѣдко пользовалось фохтейство этимъ правомъ вполнѣ. Поэтому отъ послѣдующихъ составныхъ частей фохтейской должности еще нельзя заключать о первоначаль-

номъ составѣ. Главнымъ оставалось право суда; кто имѣлъ это право, тотъ имѣлъ и фохтейство, со всѣмъ тѣмъ, что̀ еще уцѣлѣло при немъ.

Таковы были права фохтовъ. Обязанности его были слѣдующія: онъ долженъ былъ учредить городъ по образцу нѣмецкаго права и заселить поля, къ нему принадлежавшія, сбирать поземельную подать и выдавать ее землевладѣльцу, и въ нѣкоторыхъ городахъ служить рыцарскую службу.

При самомъ основаніи городовъ давалось, во первыхъ, извѣстное число гуфеновъ удобной земли. Число ихъ, по различнымъ мѣстностямъ, было весьма различно; во вторыхъ, лѣсъ, въ третьихъ, пастбища (которыя давались вообще, или опредѣленнымъ числомъ гуфеновъ); въ четвертыхъ, рыбныя ловли; въ пятыхъ, право охоты, на пространствѣ одной мили; наконецъ, кромѣ того, города получали еще извѣстныя отдѣльныя владѣнія, земли и пользованія.

Всѣ граждане, принадлежавшіе къ городской общинѣ, были лично свободны. Имъ давались сначала податные гуфены, принадлежавшіе къ городу и которые не выпадали на часть фохту, и сверхъ того извѣстное число льготныхъ лѣтъ отъ всѣхъ поземельныхъ налоговъ и службъ князю, лежащихъ на ихъ домахъ, или на уступленныхъ имъ земляхъ; но число этихъ лѣтъ было, для различныхъ городовъ, даже для различныхъ городскихъ повинностей и земель одного и того же города, весьма различно. Многіе города были освобождены отъ службы въ походахъ, другіе навсегда, или на время отъ земской обороны. Нѣкоторые города получили право мили (Meilenrecht), то есть привиллегію въ пользу городскихъ ремесленниковъ, по которой никто не могъ продавать пива и селить ремесленниковъ ближе одной мили отъ города. Кромѣ того, граждане были освобождены отъ подсудности кастелянамъ и другимъ герцогскимъ чиновникамъ, а нѣкоторые города отъ платы присяж-

наго пфенинга, т. е. отъ взноса денегъ, которые взимались судьею за приведеніе къ присягѣ.

О службахъ гражданъ мы находимъ только извѣстіе, что въ Отмахавѣ граждане и садовники были обязаны сгребать въ стоги траву, скошенную на епископскихъ лугахъ и потомъ свозить ее въ сѣнники епископа. Кромѣ того, они были обязаны построить епископу, каждый Троицынъ день, бесѣдку изъ зеленыхъ вѣтвей въ городскомъ рву. Повинности, которыя граждане должны были нести въ пользу князя, состояли въ поземельной подати, въ подати съ дворовыхъ мѣстъ (census arearum s. haereditarius); во вторыхъ, въ платѣ подати и десятины тому, кто имѣлъ на нее право, съ податныхъ гуфеновъ, принадлежащихъ къ городу. Величина этой подати, какъ и въ деревняхъ, была весьма различна.

Прочіе доходы князей съ городовъ, при самомъ ихъ основаніи, состояли преимущественно въ удержанной ими за собою части судебныхъ пошлинъ и оброковъ съ мясныхъ, хлѣбныхъ и башмачныхъ лавокъ, мельницъ, кружечной продажи и въ различныхъ пошлинахъ.

Самый значительный поборъ, принадлежавшій князьямъ въ городахъ, состоялъ въ сборѣ (exactio и collecta) налога, который первоначально, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ лишь чрезвычайнымъ, но уже въ началѣ XIV вѣка обращенъ въ постоянную, ежегодно платимую подать. Эту подать, сдѣлавшуюся постоянною, не должно однакожь смѣшивать съ чрезвычайною, которая то же называлась поборомъ (collecta, exactio) и сбиралась самимъ городомъ съ цѣны движимыхъ и недвижимыхъ именій. Первую князь часто продавалъ, закладывалъ и дарилъ всю и по частямъ.

Въ городахъ, какъ и въ деревняхъ, взималась также постоянная, ежегодная подать звонкой монеты, которая также измѣнялась вслѣдствіе продажъ и подареній князьями.

Возвышенію обоихъ этихъ податей сильно сопротивлялись города и дворянство.

Кромѣ этихъ доходовъ, князья получали еще весьма многіе другіе, подъ названіемъ пошлинъ, которыя, по различнымъ обстоятельствамъ каждаго города, были весьма различны. Сюда относятся также ежегодныя пошлины съ мясныхъ, хлѣбныхъ и башмачныхъ лавокъ, которыя князь удерживалъ за собою, при самомъ основаніи города. — Право давать позволеніе на постройку такихъ лавокъ, князь удерживалъ за собою, или уступалъ его городамъ, въ видѣ особой привиллегіи. Далѣе принадлежали князю сборы съ гостиныхъ дворовъ (domus forensis, domus mercatoria, mercatorium); мелочныя лавки (crama s. institа), съ самаго основанія города принадлежавшія князю. При гостиныхъ дворахъ камеры для стрижки туземныхъ и иностранныхъ суконъ (camera rasorum, domus rasoris pannorum). Также въ нѣкоторыхъ городахъ кожевенные домы, домы, гдѣ продавался и мѣрился хмѣль; доходы съ пивоваренъ; бойни и проч.

Другой разрядъ княжескихъ доходовъ составляли тѣ доходы, которые получались съ торговли. Сюда относятся: доходы съ соляной торговли. Сначала продажа соли была исключительнымъ правомъ княжескимъ. Потомъ князья стали уступать это право городамъ, съ монополіею на весь ихъ судебный округъ.

Какъ блюститель общественной безопасности, князь имѣлъ также извѣстную подать за стражу (custodia, vigilia). Мы не знаемъ, въ чемъ она именно состояла, но полагаемъ, что это была вѣроятно полицейская подать съ торговой площади (Marktpolizei-Abgabe).

Весьма значительны были доходы, которые получалъ князь отъ пошлинъ. Онѣ были различныхъ родовъ: пошлины за проѣздъ и проходъ (сухимъ путемъ, пѣшкомъ, по водѣ, по мосту, или чрезъ лѣсъ) чрезъ городовую черту и пошлины площад-

ныя, которыя увеличивались до нельзя. Но со времени Карла IV города стали освобождаться отъ нѣкоторыхъ пошлинъ, для меньшаго стѣсненія въ торговлѣ.

Кромѣ этихъ обыкновенныхъ податей, пошлинъ и доходовъ, получаемыхъ княземъ, были еще чрезвычайные, которые сбирались съ нихъ подъ названіемъ вспомогательныхъ денегъ, временныхъ поборовъ и такъ называемыхъ Beden (exactiones et extraordinariae collectae, petitiones generales et speciales).

Потребности князей не только возобновлялись, но и росли безпрестанно, и потому, несмотря на безпрестанныя увѣренія со стороны князя, чрезвычайныя подати никогда не прекращались; напротивъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ онѣ становились многочисленнѣе и тягостнѣе. Наконецъ, когда князья проѣзжали чрезъ города, они получали подарки и безмездное содержаніе, подъ видомъ угощенія (honores).

Сверхъ того, должно принять въ соображеніе то, что черезъ умноженіе жителей, съ процвѣтаніемъ торговли и ремеслъ, доходъ, доставляемый пошлинами и другими сборами, которые во вновь основанныхъ городахъ не были значительны, возрасли чрезвычайно; что отъ этихъ городовъ произведенія сельской промышленности уменьшились, а чрезъ это цѣна ихъ возвысилась; что слѣдовательно выгода, которую князья получали отъ основанія торговыхъ мѣстечекъ и городовъ по нѣмецкому праву, были довольно значительны, для того чтобы побуждать ихъ къ новымъ основаніямъ и постоянному продолженію начатаго.

Развитіе древнѣйшихъ городовыхъ устройствъ. Были три различныя власти, изъ которыхъ шло развитіе внутреннихъ городскихъ отношеній: во первыхъ, земская власть князя; во вторыхъ, собственно судебная власть фохта, и въ третьихъ, гражданская ратмановъ, первоначально только административныя, но потомъ установлявшая вмѣстѣ съ об-

щиною внутренній распорядокъ, въ частныхъ опредѣленіяхъ (Willkühren).

Князь получаетъ съ городовъ свои обыкновенныя и чрезвычайныя подати; взимаетъ оброки съ земель и пошлины съ пользованія правъ и преимуществъ; раздаетъ гражданамъ вольности и права, во сколько они не противорѣчатъ существующимъ правамъ и вольностямъ; утверждаетъ постановленія общины о цѣхахъ и другихъ предметахъ управленія и общежитія, хотя впрочемъ эти постановленія уже имѣютъ по себѣ силу закона.

Княжеская власть, въ одномъ отношеніи была столь же неопредѣленна и способна къ усиленію, какъ и прежде, но въ другомъ, была твердо обозначена и ограничена. Пока сознаніе права еще жило въ гражданахъ, князья могли лишь умножать вольности и права городовъ, но не могли нарушать ихъ; если и могли, то лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Они имѣли, по большей части, тѣ же самыя права, какія принадлежали князьямъ надъ земскими городами (Landstädte) въ Германіи, въ отличіе отъ имперскихъ городовъ, стоявшихъ на равнѣ съ самыми князьями.

Чтобъ понять ходъ развитія городовыхъ устройствъ, должно постоянно имѣть въ виду взаимное отношеніе власти княжеской и городской общины, не обращая вниманія на то, была ли это власть правомѣрная, или фактическая. Князья и общины предпринимали въ одномъ мѣстѣ то, объ чемъ не могли и подумать въ другомъ. Отсюда большое, часто непонятное разнообразіе между внутренними учрежденіями городовъ, и ихъ взаимными отношеніями къ князю. Каждый городъ имѣетъ свою исторію, и мы находимъ лишь немногія, главныя черты, которыя указываютъ на одно происхожденіе всѣхъ этихъ городовъ отъ одного корня и фамильное сходство въ родствѣ многихъ между собою. Эта самобытная личность каждаго города, и фа-

мильное сходство и фамильныя особенности всѣхъ вмѣстѣ, равно какъ и слѣды общаго происхожденія, были въ Силезіи какъ и вездѣ, ибо во всѣхъ земляхъ одни и почти одинаковыя отношенія вызвали ихъ основаніе и развили ихъ. Особенно важно было для Силезіи почти общее введеніе магдебургскаго городоваго права. Это имѣло благодѣтельныя послѣдствія для внутренняго развитія, не только чрезъ точнѣйшее опредѣленіе самихъ городскихъ отношеній, но и чрезъ вліяніе городоваго права и былъ поддерживаемъ продолжавшимися юридическими отвѣтами (Rechtsbelehrungen) Магдебурга. Изъ источниковъ мы знаемъ, что эти права сообщались не безвозмездно; что издержки на это должны были быть даже значительны, и что вѣроятно согласіе князей также покупалось за деньги.

При изъявленіи согласія на пользованіе магдебургскимъ правомъ, князья дѣлали въ самомъ правѣ нѣкоторыя измѣненія, сообразныя съ обстоятельствами, или испрошенныя городами. Они состояли, во первыхъ, въ томъ, что сумма денегъ, слѣдующая судьѣ, и которую смѣшиваютъ обыкновенно съ штрафными деньгами, уменьшалась въ половину. Мысль, будто бы причина такого уменьшенія лежала въ недостаткѣ денегъ въ Силезіи, совершенно несправедлива; ибо самыя грамоты силезскихъ герцоговъ показываютъ, что они изъ доброжелательства и благосклонности къ своему городу уменьшаютъ штрафныя деньги. Замѣтимъ притомъ, что, какъ мы уже сказали выше, штрафы, по древнему польскому праву, были отчасти гораздо значительнѣе, нежели по магдебургскому, и что сверхъ того послѣдніе были еще уменьшены въ половину. Во вторыхъ, положеніе магдебургскаго права, что если верховный судъ приходится въ большой праздникъ, то онъ совсѣмъ отмѣняется, измѣнено въ слѣдующее: онъ откладывается до другаго дня. Въ третьихъ, настоящій судъ и судъ фохта по магдебургскому праву уничтожались, и на мѣсто ихъ устрои-

вали особый судъ изъ земскаго фохта и наслѣдственнаго судьи. Въ послѣдствіи, князья также нерѣдко давали или особыя постановленія о судопроизводствѣ, заимствованныя изъ правъ другихъ городовъ, или измѣняли ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они бывали стѣснительны для гражданъ. Города часто освобождались также отъ подсудности другимъ судамъ, въ особенности, когда мѣсто суда было внѣ ихъ города. Чтобъ сдѣлать понятнымъ устройство городовыхъ судовъ, здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ о древнемъ устройствѣ надворныхъ (Hof) и земскихъ (Land) судовъ.

О надворныхъ судахъ (Judicia curiae) намъ извѣстно, что тѣ города и деревни, которые получали нѣмецкое право, и тѣ мѣстечки, которыя были освобождены отъ кастелянскихъ судовъ, подчинены были верховной судебности надворныхъ судовъ. Гдѣ верховный судъ принадлежалъ городовымъ фохтамъ, тамъ апелляція подавалась надворнымъ судамъ, даже и въ дѣлахъ уголовныхъ.

Кромѣ того, къ надворнымъ судамъ относились еще дѣла ленныя. Въ послѣдствіи мы находимъ надворные суды для однихъ гражданскихъ дѣлъ, въ видѣ низшихъ судовъ, и уже не съ тѣмъ устройствомъ, какое имѣли прежде. Надворные суды часто закладывались, или совсѣмъ передавались городамъ. Апелляція на надворные суды непосредственно подавалась самому королю.

Земскій судъ (Judicium provinciale) былъ особливый, вышній судъ дворянства, или, какъ ихъ называли, земскихъ людей (Landleute). Онъ сдѣлался нѣмецкимъ земскимъ судомъ не прежде, какъ туземные древніе земскіе суды, или цауды, пришли въ упадокъ. Онъ составлялъ собственно часть земскаго фохтейства (advocatio provincialis), хотя оба часто смѣшивались и употреблялись какъ однозначительныя выраженія. Къ земскому фохтейству относились, кромѣ земскаго суда,

многіе доходы принадлежавшіе къ герцогскому праву: подать деньгами, сборы денежные и хлѣбные. Это безспорно произошло отъ того, что князья при передачѣ, или, что чаще случалось, при продажѣ должности земскаго фохта, относили къ ней и упомянутыя пользованія и доходы. Въ земскомъ судѣ предсѣдательствовалъ земскій фохтъ (advocatus provincialis) или земскій судья (Judex provincialis). Засѣдатели, или земскіе шеффены, были дворяне, или мужи, у которыхъ были въ княжествѣ имѣнія. Земскій фохтъ получалъ изъ трехъ частей штрафныхъ денегъ, доводившихся фохтейству и суду шульцовъ, иногда двѣ трети, иногда одну треть, а остальное получалъ землевладѣлецъ и городской фохтъ.

Доходы, связанные съ земскимъ фохтействомъ, особливо двѣ трети штрафныхъ денегъ и самое фохтейство продавались или закладывались вполнѣ или по частямъ. Такъ фохтейство надъ однимъ только собственнымъ имѣніемъ, или городомъ, или надъ цѣлымъ округомъ, въ которомъ дѣйствовало нѣмецкое городовое право (Weichbild), продавалось и закладывалось частнымъ лицамъ и городамъ.

Кромѣ этихъ юридическихъ отношеній, князья много содѣйствовали къ возвышенію городовъ привиллегіями въ пользу торговли и ремеслъ; хотя, правда, имъ за это дорого платили. Вообще во всѣхъ случаяхъ, когда существовавшія права были неопредѣленны, или недостаточны, земскіе владыки всегда имѣли извѣстную власть восполнять и ближе опредѣлять недостающія или колеблющіяся положенія, но вѣроятно не иначе, какъ съ согласія свободной общины, и ея представителя — совѣта.

О правахъ Фохтовъ мы имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія, особливо изъ позднѣйшихъ источниковъ. Во первыхъ, передъ ними совершалась передача всѣхъ имѣній, которыми граждане владѣли внѣ города; во вторыхъ, каждый, живущій

въ судебномъ округѣ города, долженъ былъ судиться передъ наслѣднымъ фохтомъ этого города, и не могъ быть позванъ къ другому суду, кромѣ какъ въ дѣлахъ апелляціонныхъ; въ третьихъ, во многихъ городахъ фохтъ получалъ право высшаго суда. Къ этому скоро присоединено было право суда надъ вассалами, переданное князьями городовымъ фохтамъ. Вассалы по дѣламъ леннымъ были подсудны надворнымъ судамъ, а по всѣмъ другимъ—земскимъ судамъ. Разумѣется, для гражданъ, при близкихъ сношеніяхъ съ рыцарями и вассалами, живущими въ городѣ, или его окрестностяхъ, было особенно важно имѣть возможность требовать ихъ къ суду городовому, по долгамъ сдѣланнымъ ими въ городѣ и преступленіямъ, совершеннымъ ими въ городовомъ округѣ, не принося жалобы судебному мѣсту, которому рыцари были подсудны. Поэтому всѣ безъ исключенія, какого бы они состоянія ни были, и гдѣ бы не имѣли постоянное жительство, судились городовымъ фохтомъ въ преступленіяхъ, совершенныхъ въ городовомъ округѣ, и въ которыхъ они были пойманы на дѣлѣ.

Присяжными во всѣхъ нѣмецкихъ судахъ, а слѣд. и въ фохтейскихъ судахъ въ городахъ, были шеффены. Пожизненное пребываніе въ этой должности не было, кажется, общимъ обычаемъ въ Силезіи. Число ихъ было различно, обыкновенно семь, а иногда десять и одиннадцать.

Городовые шеффены говорили иногда судъ и въ высшемъ судѣ, при апелляціи въ надворный судъ.

Кромѣ собственно судебныхъ правъ, шеффены имѣли еще и другія права, такъ напр. они принимали участіе въ дополненіи магдебургскаго права, присутствовали при сдачѣ счетовъ, опредѣляли цѣну вина, таксу и т. д. Отъ шеффеновъ ведутъ свое начало такъ называемые Weisthümer, которые давались городовыми судами, обыкновенно съ участія и уполномочія магистрата.

Выше мы замѣтили, что устройство древнѣйшихъ городовъ избиралось въ образецъ для позднѣйшихъ. Отсюда, при всемъ разнообразіи учрежденій, между ними есть столько общаго. Обыкновенно древнѣйшія мѣстечки, которыя при самомъ ихъ учрежденіи на нѣмецкомъ правѣ, были значительнѣе другихъ, благопріятствуемыя новыми учрежденіями, мало-по-малу восходили на высокую степень, и становились для окольной земли средоточіями юридическихъ указаній (Rechtsbelehrungen), къ которымъ прибѣгали добровольно, или по повелѣнію князя, другія мѣстечки. Въ Силезіи понятіе городовой черты, или округа (Weichbilden) образовалось въ обширнѣйшемъ смыслѣ, нежели въ Германіи; ибо означало весь округъ, подвѣдомственный главному городу (Weichbildstadt), служившему источникомъ права.

Большая часть городовъ получила магдебургское право, съ условіемъ, прибѣгать для юридическихъ указаній къ магдебургскимъ шеффенамъ. Отъ Неймарка и преимущественно отъ Бреславля оно было сообщено многимъ другимъ городамъ Силезіи, которые обязались обращаться къ Бреславлю, и не сообщать своего права другимъ городамъ. Черезъ это, въ такомъ отношеніи, Бреславль сдѣлался главнымъ городомъ Силезіи. Главнѣйшая причина запрещенія сообщать другимъ городамъ полученное право, кромѣ желанія, общаго всѣмъ городамъ въ средніе вѣка, сохранять тайными юридическія отношенія ихъ общиннаго быта, и стремленія снискать бо́льшую значительность, заключалась особенно въ выгодѣ, которую получали шеффены отъ платы за юридическія указанія. Поэтому-то приговоры ихъ и назывались купленными приговорами. Чрезъ эти приговоры города имѣли огромное вліяніе на развитіе общаго земскаго права, и для нихъ было особенно важно, чтобъ книги, въ которыхъ они вписывали эти приговоры, устанавливавшіе право на частные случаи, получили юридиче-

скій авторитетъ внѣ округа. Не менѣе важны были для городовъ и для значительности городовыхъ судовъ привиллегіи князей, по коимъ приговоръ изгнанія, произнесенный однимъ городовымъ судомъ, имѣлъ силу и для другихъ; ибо иначе, при множествѣ особливыхъ судебныхъ округовъ, это высшее наказаніе теряло бы всю свою силу.

Къ этому, при тогдашней шаткости общественной жизни, присоединилось право, данное князьями городамъ, судить въ своихъ судебныхъ округахъ нарушителей общественнаго мира, разбойниковъ, воровъ, зажигателей и самимъ предавать ихъ смертной казни. Отсюда вѣроятно такъ называемые рюгегерихты и фемгерихты. Но первые не должно кажется смѣшивать съ древними дрейдингами въ деревняхъ. Дрейдинги давалъ три раза въ годъ (отчего и произошло и названіе ихъ) господинъ деревни или мѣстечка. Если ему принадлежала высшая судебность, то эти суды назывались фохтдингами, названіе и высшаго суда въ Силезіи, Но въ послѣдствіи дрейдинги обратились въ рюгегерихты, связанные съ надворнымъ или земскимъ судомъ. Первоначально, согласно съ нѣмецкимъ устройствомъ, нѣтъ судьи, гдѣ нѣтъ истца; но въ рюгегерихтахъ шульцъ и шеффены имѣли обязанность объявлять все дошедшее до ихъ свѣдѣнія, чрезъ что достигалась цѣль водворенія общественной безопасности.

Изъ всѣхъ сообщенныхъ нами извѣстій, очевидно, что обстоятельства, или лучше, потребность, мало-по-малу, естественнымъ путемъ, привели къ обобщенію законодательныхъ и судебныхъ правъ въ большихъ округахъ, нежели прежде, но съ извѣстными ограниченіями. Напротивъ, въ настоящее время, это обобщеніе довели до крайности введеніемъ общихъ юридическихъ нормъ, которыя должны одинаково обнимать разныя образованія и разные народы; ибо, вдаваясь въ философскія отвлеченія, безконечное разнообразіе человѣческихъ

отношеній захотѣли возвести къ однимъ понятіямъ, не постигая простой истины, что въ одномъ мѣстѣ, по извѣстнымъ отношеніямъ, можетъ быть справедливо то, что̀ въ другомъ если и справедливо, то жестоко, даже безчеловѣчно.

Кромѣ князя и фохтовъ, община гражданъ составляла третью составную часть всѣхъ основныхъ городовыхъ учрежденій. Конечно гражданскія общины въ каждомъ городѣ развивались по различнымъ направленіямъ и не всѣ достигли одинаковой высоты; но, несмотря на все разнообразіе, онѣ представляютъ нѣчто общее, и по этому многія частности въ нихъ могутъ послужить къ правильной оцѣнкѣ общихъ учрежденій. Отъ общины гражданъ преимущественно зависѣло избраніе городскихъ властей, ратмановъ, старѣйшинъ, присяжныхъ и цѣховыхъ начальниковъ (Innungsmeister), или непосредственно, или по крайней мѣрѣ, община принимала въ этомъ избраніи большее или меньшее участіе. При этомъ вездѣ замѣтно стремленіе сохранить это право избранія отъ постороннихъ вліяній. Въ этихъ общинахъ разсматривались постановленія относящіяся къ общественному быту, издаваемые законы, наказанія и проч. Безъ нихъ было незаконно всякое распоряженіе имуществомъ города, по крайней мѣрѣ, имъ должно было давать отчетъ. Ясное сознаніе права такъ же тѣсно связываетъ общій союзъ, какъ и живое чувство общенія: при сознаніи права и знаніи законовъ и устройства, кто бы дерзнулъ употребить силу противъ гражданина, сочлена общины? Вездѣ находятся здѣсь зародыши свободнаго устройства, которое мало-по-малу, при всемъ многоразличномъ движеніи и потрясеніяхъ, изъ прежней аристократіи болѣе и болѣе развивалось въ демократію. Собраніе гражданъ было средоточіемъ всей городской жизни.

Въ источникахъ XIII вѣка и позднѣе, городовыя собранія являются подъ различными названіями: Bur-Gericht, Bur-Ding,

Por-Ding, Par-Ding, Bur-Sprache, Bur-Richte, какъ Land-Ding, назывались сельскія собранія. Первоначально собраніе или судъ было не что иное, какъ собраніе свободныхъ землевладѣльцевъ, всѣхъ тѣхъ, которые владѣли земляною собственностію, данною имъ отъ общины. Какъ на сельскихъ собраніяхъ обсуждалось и рѣшалось все, что касалось до земскаго блага, такъ на городовыхъ собраніяхъ то, что касалось города. Поэтому городовыя собранія не были только судомъ горожанскимъ (Bürger-gericht), какъ думаютъ нѣкоторые. Судомъ они назывались потому, что на нихъ, какъ на чрезвычайномъ судѣ, находили рѣшеніе не одни шеффены обыкновеннаго суда, но и граждане, избранные на то фохтомъ или шульцомъ.

Изъ городскихъ собраній въ обширномъ смыслѣ развилась вся та власть, которую получили, или присвоили себѣ ратманы, чрезъ которыхъ земская власть князя все болѣе ослаблялась, а власть городовыхъ общинъ возрастала. Власть городскихъ собраній не ограничивалась уже одною полицейскою администраціею и правомъ вести поземельныя книги; они издавали свои законы и статуты, налагали самовольно тяжкія пени, взысканія и проч. На все это земскіе властители и фохты не могли смотрѣть равнодушно.

Такимъ образомъ городскія собранія сдѣлались источникомъ законодательства въ такъ называемыхъ Willkühren почти въ каждомъ городѣ, хотя конечно эта законодательная власть была различна по различію особенныхъ формъ и различію участія въ ней аристократическаго и демократическаго элемента, и по большему или меньшему ограниченію свободы со стороны фохта или земскаго властителя. Часто случалось, что они утверждали постановленіе городовъ. Но чтобы знать въ точности объемъ правъ общинныхъ, и до какой степени могли общины давать такія постановленія, и какое участіе въ томъ принимали различные классы, нужно подробно изучить исто-

рію каждой изъ этихъ общинъ; ибо и здѣсь то же разнообразіе. Этою властью, согласно съ духомъ германскимъ, пользовались общины, или избранные ею представители. Вурмъ говоритъ въ своемъ сборникѣ, 1399 года, что каждый городъ могъ издавать постановленія съ совѣта старѣйшихъ и мудрѣйшихъ, которые изъявляли на то свое согласіе. Такое постановленіе не должно было быть издаваемо въ пользу отдѣльныхъ лицъ, но на пользу всей общины и было объявляемо публично на собраніи. Когда постановленіе получитъ свою давность, оно становится обычаемъ, и признается за право. Штрафъ не могъ быть никому прощенъ, потому что принадлежитъ общинѣ, а никто не можетъ присвоивать себѣ общиннаго имущества. Когда постановленіе обратилось въ обычай, и сдѣлалось правомъ, тогда по немъ судили уже въ судѣ, а не въ городскомъ совѣтѣ. Повелѣнія или распоряженія, какъ напр. распоряженіе о покупкѣ жизненныхъ припасовъ, о хожденіи ночью, и ношеніи ножей и мечей, о содержаніи въ чистотѣ улицъ, объ охраненіи отъ огня, о содержаніи воды передъ воротами, о запрещеніи играть, и пр. которыя относились къ пользѣ общины, разсматривались и обсуживались въ городовомъ совѣтѣ, который собиралъ также и штрафныя деньги.

Вступленіе въ городовыя общины опредѣлялось постановленіями князей и гражданскихъ общинъ. Начальство надъ городовыми общинами въ дѣлахъ административныхъ и полицейскихъ составляли ратманы (consules), образовавшіе городовой совѣтъ. О происхожденіи и первоначальномъ устройствѣ его въ Силезіи не имѣемъ мы никакихъ положительныхъ извѣстій, и только изъ соображенія, отдѣльныхъ, разсѣянныхъ извѣстій можемъ съ нѣкоторою достовѣрностію заключать объ ихъ первоначальномъ устройствѣ. Ни въ одной изъ древнѣйшихъ грамотъ объ учрежденіи городовъ не упоминается о городовомъ совѣтѣ. Это подаетъ поводъ думать, что уже позднѣе, однако

вскорѣ по учрежденіи, естественная потребность гражданъ побудила ихъ къ ихъ установленію. Кажется, что первоначально занятія, лежавшія въ послѣдствіи на обязанности магистрата, принадлежали, какъ и въ Германіи, тѣмъ, которые по преимуществу назывались гражданами. Въ Силезіи весьма рано утвердился обычай, что совѣтъ ежегодно сдавалъ свою должность, избиралъ себѣ преемниковъ или новый совѣтъ. Но аристократическій духъ знатнѣйшихъ гражданъ противодѣйствовалъ этому, тѣмъ болѣе, что князья вездѣ держали сторону совѣта противъ цѣховъ. Такимъ образомъ въ послѣдствіи избраніе совѣта и перемѣна его сдѣлались одною формою; ибо совѣтъ, сдавая должность, избиралъ въ тотъ совѣтъ опять тѣхъ же членовъ и на будущее время. Отсюда произошли сильныя столкновенія между патриціями, которые овладѣли властью, и общиною, особливо значительнѣйшими цѣхами, которые видѣли себя лишенными всякаго участія въ городовомъ управленіи.

Число ратмановъ не вездѣ было одинаково. Ихъ было обыкновенно пять. Главою совѣта былъ ратмейстеръ (magister consulum), въ послѣдствіи бюргермейстеръ (magister civium). Онъ созывалъ ратмановъ, и кто изъ нихъ не являлся, тотъ долженъ былъ платить пеню. Позывъ къ городовому совѣту дѣлался посредствомъ разсыльщиковъ, (Büttel, Pidell), присяжныхъ служителей совѣта. На этихъ служителяхъ, которые въ среднихъ вѣкахъ значили гораздо больше, нежели въ послѣдствіи, лежала кромѣ того обязанность брать залоги, арестовать лица и вообще приводить въ исполненіе приговоры; они могли даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и до извѣстной степени, замѣнять собою судью, принимать жалобы и давать по нимъ рѣшенія. Ихъ избирали ратманы ежегодно.

Первоначально права ратмановъ ограничивались, какъ и въ нѣмецкихъ городахъ, полицейскимъ надзоромъ для охране-

нія общественнаго порядка, и порядка во всѣхъ торговыхъ оборотахъ, преимущественно въ вѣсахъ и мѣрахъ. Во первыхъ, они опредѣляли цѣну вина, меда, пива, мѣру и вѣсъ хлѣба, и препятствовали продажѣ онаго по произволу. Во вторыхъ, они имѣли высшій надзоръ надъ цѣхами ремесленниковъ. Въ третьихъ, совѣтъ имѣлъ полицейскій надзоръ надъ всѣмъ, что обезпечивало безопасность города: надъ городовыми стѣнами, рвами, городьбою и т. д., надъ городскими караулами; по этому имѣли судъ надъ привратниками, окружными (Zirkler) и ночными сторожами; наконецъ надъ пожарною командою. Въ четвертыхъ, совѣтъ наблюдалъ надъ тѣмъ, чтобы никто не дозволялъ у себя играть на больше, нежели чего стоитъ его кошель (Gürtel). Въ пятыхъ, къ должности совѣта относилось и попеченіе о чистотѣ улицъ. Непосредственный надзоръ надъ этими полицейскими установленіями принадлежалъ окружному. Имя его происходитъ отъ circulus, Zirk, Zirkel, и означаетъ того, который назначался въ извѣстный округъ въ видѣ полицейскаго служителя города. Наконецъ въ шестыхъ, ратманы наблюдали за всѣмъ, что было полезно для города, особливо надъ городскимъ имуществомъ и его неприкосновенностію.

Безъ ихъ согласія городскіе фохты не могли отдавать въ наемъ, или въ собственность такое имущество рыцарямъ, или дворянскимъ служителямъ, монахамъ или монахинямъ, внутри городской стѣны. Если кто либо давалъ наемную землю или собственность на поминъ души, и ближайшіе родственники не уплачивали назначенной суммы, то ратманы должны были уплачивать ее изъ городскихъ денегъ, для того, чтобъ земля не перешла въ чужія руки. Это постановленіе клонилось къ тому, чтобъ имущество города не перешло въ руки дворянства, или духовенства, которыя въ силу своихъ привиллегій стремились къ полному освобожденію отъ податей и дру-

гихъ общественныхъ повинностей. Чрезъ это постановленіе предупреждались всѣ распри, которыя могли бы произойдти въ противномъ случаѣ между дворянствомъ, духовенствомъ и городами.

Ратманы взимали въ пользу города часть цѣховыхъ и другихъ штрафныхъ денегъ и приказывали собирать подать хлѣбомъ (Schoss). Объ управленіи городскаго имущества совѣтъ, сдающій свою должность, отдавалъ отчетъ новому.

Весьма естественно, что ратманы, которые имѣли надзоръ за всѣми этими предметами, имѣли также право суда и наказанія, если кто поступалъ противно установленіямъ, и право внѣшняго принужденія, чтобъ принудить къ повиновенію.

Скоро должны были однако возникнуть споры о предѣлахъ правъ и судебности между фохтами и ратманами. Первоначально судъ въ дѣлахъ уголовныхъ вездѣ принадлежалъ фохту. Но въ послѣдствіи нѣкоторыя уголовныя дѣла были въ извѣстныхъ городахъ отнесены къ должности ратмановъ, такъ что мы находимъ не вездѣ одинаковую степень власти городскаго совѣта. Въ видѣ исключенія князья давали иногда совѣту и самое право судить разбойниковъ и убійцъ въ предѣлахъ своего округа, какому бы мѣсту ни принадлежали самые нарушители. Кромѣ того, совѣтъ имѣлъ попеченіе о сиротахъ и назначалъ опекуновъ.

Особенную важность получалъ магистратъ съ того времени, когда города присвоили себѣ наслѣдственное фохтейство. Весьма естественно, во первыхъ, что отъ неопредѣленности границъ между полицейскою властью совѣта и собственно судебною властью фохта, должны были происходить многія несогласія и споры; во вторыхъ, для городовъ была тягостна значительность фохтовъ, которые притомъ управляли часто черезъ подфохтовъ и весьма небрежно; но особливо, въ третьихъ, присутствіе власти, чуждой городскому общинному быту, внутри

самаго города было противно возникающему духу вольности въ гражданахъ, и гдѣ только было возможно, они старались присвоить себѣ фохтейство съ согласія земскаго властителя. Такое присвоеніе совершалось обыкновенно посредствомъ цѣлостной или частичной покупки.

Но многіе города были принуждены вновь продавать свое фохтейство.

Вмѣстѣ съ владѣніемъ наслѣдственнымъ фохтействомъ отошли къ городамъ подъ управленіе совѣта и всѣ принадлежащія къ фохтейству земли и права. Съ того времени совѣтъ назначалъ и смѣнялъ наслѣдственнаго фохта, который сдѣлался теперь предсѣдателемъ городоваго суда; но и въ этомъ отношеніи находимъ мы нѣкоторое разнообразіе, смотря по тѣмъ положеніямъ, на основаніи коихъ земскій властитель дозволилъ пріобрѣтеніе фохтейства.

Къ возвышенію значительности городскихъ судовъ особливо содѣйствовали князья тѣмъ, что дали имъ право печатать красно-восковыми печатями. Въ дѣлахъ о наслѣдственномъ имуществѣ и долгахъ, въ спорахъ о межахъ, въ оправданіяхъ, когда одна изъ тяжущихся сторонъ должна была доказывать или опровергать; далѣе во всякаго рода договорахъ, которые не были заключены письменно, или которые опровергались; во всѣхъ означенныхъ случаяхъ призывали, съ нѣкоторыми только законными ограниченіями, всѣхъ, духовныхъ и свѣтскихъ къ свидѣтельству, посредствомъ красно-восковой печати. Кто не являлся, долженъ былъ платить тяжелую пеню, и принято было за правило, что кто не являлся по третьему вызову, свидѣтельствовалъ въ пользу истца. За тѣмъ назначалось исполненіе приговора. Городскіе суды, печатавшіе зелено-восковою или не красно-восковою печатью, могли призывать только тѣхъ, которые состояли подъ ихъ судебною властью; напротивъ печатавшіе красно-восковою печатью могли пригла-

шать къ свидѣтельству всѣхъ безъ изъятія, только съ извѣстными законными ограниченіями.

Часто находимъ мы, что два города находились близко одинъ возлѣ другаго. Кажется, что это обыкновенно случалось, когда возлѣ старыхъ, болѣе значительныхъ мѣстечекъ, существовавшихъ уже до введенія нѣмецкаго права, основывались еще другія, новыя. Вѣроятно, земскіе владѣтели имѣли цѣлью, возлѣ старыхъ, выгодно расположенныхъ мѣстечекъ, основывать новыя, которыя бы отъ нихъ болѣе зависѣли, или создать себѣ новыя выгоды основаніемъ новаго города, когда старое мѣсто уже слишкомъ ограничивало ихъ, въ ихъ правахъ и доходахъ. Какъ бы то ни было, но окончательнымъ слѣдствіемъ сосѣдства двухъ городовъ было то, что новый городъ получалъ всѣ права стараго. Происходили между ними, изъ зависти и другихъ отношеній, ссоры, распри, но которыя обыкновенно оканчивались тѣмъ, что оба города соединялись въ одинъ.

Такъ же мало извѣстно происхожденіе пригородовъ. Кажется, что многіе новые города были основаны возлѣ старыхъ деревень, которыя, когда городъ принималъ ихъ въ себя, обращались въ пригороды, и продолжали называться прежними именами, но съ прибавленіемъ слова «старый».

Одною изъ главныхъ составныхъ частей городовыхъ общинъ были гильдіи, или цѣхи. Постепенное и медленное образованіе ихъ затемнило для насъ ихъ происхожденіе. Его вѣроятною основой было стремленіе всѣхъ общихъ въ средніе вѣка образовать изъ себя корпораціи, на подобіе орденовъ, вслѣдствіе отношеній, развившихся, изъ потребности взаимной защиты и вспоможенія. Въ орденахъ были пажи, оруженосцы, рыцари; то же самое были въ цѣхахъ ученики, подмастерьи и мастера. Когда жизнь отдѣльныхъ лицъ города получила свою самостоятельность, они сами создавали для себя нужный порядокъ, который мало-по-малу утверждался, развивался, получалъ по-

томъ публичное значеніе, признавался общиною и утверждался княземъ, или господиномъ города. Чрезъ это опредѣляется и двоякое отношеніе, въ которомъ мы ихъ находимъ.

Къ праву князей учреждать новые города относилось и право давать цѣховое право.

Въ главѣ каждаго цѣха были старосты и цѣловальники, одинъ или двое, и четыре мастера изъ каждаго цѣха. Всѣ мастера вмѣстѣ постановляли правила, которыя должны были имѣть силу для ремесленнаго цѣха, и опредѣляли наказаніе за несоблюденіе оныхъ. Обыкновенно эти постановленія дѣлались съ согласія совѣта, утверждались князьями, и несмотря на разнообразіе ихъ, имѣютъ много общаго между собою.

Кто хотѣлъ быть принятымъ въ цѣхъ, тотъ долженъ былъ платить извѣстную сумму денегъ и поставить поруки въ томъ, что онъ въ продолженіи цѣлаго года будетъ въ извѣстномъ городѣ заниматься такимъ-то ремесломъ. Если онъ оставлялъ городъ прежде году, то поручители его платили штрафъ. Если въ городѣ не было многихъ ремесленниковъ, занимавшихся однимъ ремесломъ, то различные ремесленники, всѣ вмѣстѣ, составляли одинъ цѣхъ. Такъ произошли смѣшанные цѣхи. И на оборотъ, когда было много ремесленниковъ, занимавшихся однимъ ремесломъ, они раздѣлялись иногда на два цѣха.

Евреи были во многихъ отношеніяхъ ограничиваемы городскими общинами и ихъ постановленіями, но получали иногда защиту противъ угнетеній, со стороны земскихъ властителей. Тамъ, гдѣ они были терпимы, они должны были жить въ особенныхъ, обыкновенно отдаленныхъ кварталахъ и улицахъ, которые по этому и назывались жидовскими. Земскіе властители не рѣдко давали городамъ право брать, или возвышать налоги съ Жидовъ; нерѣдко также князья давали городамъ взыскивать съ жидовъ тѣ суммы, которыя городъ уже уплатилъ въ счетъ будущихъ залоговъ.

Жиды особенно разбогатѣли отъ лихоимства (Wucher). Подъ именемъ лихоимства разумѣли не всякій непозволительный способъ пріобрѣтенія денегъ, но вообще ссуду денегъ изъ процентовъ, въ противуположность ссудѣ или арендной продажѣ (Rentverkauf) подъ залогъ земли. Итакъ подъ лихоимствомъ разумѣлся всякій другой ростъ, взимаемый деньгами. Чрезъ это-то, впрочемъ закономъ признанное лихоимство, долги князей непомѣрно возрасли въ самое короткое время. Отсюда и все богатство жидовъ.

Одною изъ важнѣйшихъ привиллегій городовъ, дарованныхъ имъ при самомъ основаніи, или, по крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ онаго, и которая въ послѣдствіи мало-по-малу была распространена и опредѣлена точнѣе, было право мили или привиллегія, въ силу коей ремесло, кружечная продажа, торговая площадь (для всякихъ людей, непринадлежавшихъ городу) не были терпимы въ разстояніи мили отъ города. Какъ дорожили города этимъ правомъ, видно изъ частныхъ споровъ, возникавшихъ изъ него съ земскимъ дворянствомъ и духовенствомъ, которые не хотѣли съ своей стороны дѣлать уступокъ, потому что хотѣли сохранять свою привиллегію, противоположную городской, заводить ремесла и кружечную продажу. Весьма естественно, что основаніе въ ихъ сосѣдствѣ новыхъ городовъ, еще больше возбуждало ихъ зависть, и они сопротивлялись всѣми мѣрами ихъ успѣху и развитію.

Доходы городовъ состояли, во первыхъ, въ податяхъ съ земель, уступленныхъ имъ при самомъ основаніи, или пріобрѣтенныхъ ими въ послѣдствіи. Земли принадлежащія къ городу, обыкновенно освобождались отъ сельскихъ повинностей, и владѣльцы ихъ, которые могли быть одни граждане, платили подати вмѣстѣ съ городомъ, и должны были нести всѣ повинности и службы наравнѣ съ другими горожанами. Таково было въ началѣ положеніе владѣвшихъ тѣми гуфенами, на которыхъ

были основаны города. При новыхъ пріобрѣтеніяхъ земель, на то нужна была особенная привиллегія князей, которые впрочемъ раздавали ее охотно. Чрезъ увеличеніе городскихъ имѣній кругъ владѣльцевъ, обязанныхъ городамъ службою и податями, расширился, а чрезъ это облегчились тягости, и увеличивались доходы. Но въ той же мѣрѣ доходы князей уменьшились; а потому, вмѣстѣ съ припискою къ городамъ имѣній, князья переносили на эти города и часть поземельной подати, и города были обязаны пещись о возобновленіи сгорѣвшихъ, или развалившихся домовъ и заселеніи опустѣвшихъ мѣстъ; ибо въ противномъ случаѣ князь терпѣлъ убытокъ въ доходахъ. Во вторыхъ, всѣ города, съ пріобрѣтеніемъ наслѣдственнаго фохтейства, присвоили себѣ доходы съ судебныхъ пошлинъ; въ третьихъ, штрафы за нарушеніе цѣховыхъ и другихъ полицейскихъ постановленій. Въ четвертыхъ, города взимали деньги за раздачу права гражданства. Въ пятыхъ, часть денегъ, взимаемыхъ за вступленіе въ цѣхъ. Другіе доходы получали города отъ предоставленныхъ имъ правъ, а именно, въ шестыхъ, отъ вѣсовъ, отъ монеты и мѣны денегъ; этими доходами они пользовались, если они были имъ проданы, или заложены земскимъ властителемъ; отъ продажи соли; отъ права торговать на рынкѣ; отъ пошлинъ, отъ пошлинъ съ мясныхъ, хлѣбныхъ, башмачныхъ и другихъ лавокъ; отъ гостинаго двора, винныхъ погребовъ и т. д.

Кромѣ того, всѣ города, особливо большіе, имѣли множество особливыхъ доходовъ и поземельныхъ оброковъ отъ привиллегій, которыя, разумѣется, были весьма различны. Много зависѣло въ этомъ отношеніи отъ взаимныхъ условій гражданъ и отъ употребленія, которое дѣлалъ городовой совѣтъ изъ городскихъ денегъ, на усиленіе городоваго дохода. Но такъ какъ сумма всѣхъ этихъ доходовъ была недостаточна для покрытія всѣхъ расходовъ, особливо обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ

податей князю, то городъ, сверхъ того, самъ налагалъ и взималъ еще особую общую подать, извѣстную подъ именемъ collecta exactio. Она взималась во первыхъ, съ земель, ихъ собственниковъ и владѣльцевъ; во вторыхъ, съ движимой собственности: въ третьихъ, съ лицъ, и въ четвертыхъ, съ ремеслъ. Эта подать взималась на основанiи оцѣнки владѣнiя, движимой и недвижимой собственности, и ремесла, и потомъ съ каждой марки взыскивалась извѣстная сумма денегъ. На основанiи этого, кажется, были заведены податныя книги, которыя однако же, при безпрестанной измѣняемости имущества, особливо движимаго, должны были основываться на клятвенномъ показанiи самихъ владѣльцевъ.

Кромѣ того города взимали: 1) караульныя деньги; 2) пожарныя деньги; 3) питейные сборы.

При отдачѣ отчета совѣтомъ, равно какъ и при наложенiи податей, не рѣдко возникали сильныя распри между совѣтомъ и горожанами, или отдѣльными цѣхами, между коими цѣхъ шерстяныхъ фабрикантовъ почти вездѣ отличался богатствомъ, значительностiю и всегдашнею готовностiю сопротивляться произвольнымъ распоряженiямъ.

Если бросимъ теперь послѣднiй взглядъ на всѣ эти достопочтенныя древности права и общественнаго быта, какъ на результатъ своебытнаго развитiя древности, отъ коихъ теперь едва остаются отрывочныя, и сдѣлавшiяся уже для насъ чуждыми развалины, то не можемъ разстаться съ ними безъ особеннаго чувства уваженiя. Это не праздное удивленiе къ прошедшему, не пристрастiе къ древности и къ отдѣльнымъ, оторваннымъ отъ жизни и потому мертвымъ ея особностямъ; мы знаемъ недостатки того времени и причины, повлекшiя за собою упадокъ древнихъ установленiй; мы видимъ и хорошее настоящаго; но, при всемъ уваженiи къ преимуществамъ его, нельзя отрицать, что основная идея — на которой общинный

бытъ и его управленіе образовались изъ безконечно разнообразныхъ отношеній народа и отдѣльныхъ частей его, и развивались вмѣстѣ съ потребностями жизни и времени, — что эта идея давала общинамъ и всему праву самостоятельность и силу, которыхъ мы не находимъ уже въ послѣдствіи, съ тѣхъ поръ, какъ иностранные, извнѣ налагаемые законы и права стали замѣнять на Западѣ болѣе своебытное развитіе. Съ этого времени, когда право и законы всего многочисленнаго западно-европейскаго міра, безконечно различнаго между собою по племени и образованію, были однообразно опредѣляемы на основаніи отвлеченныхъ понятій, изчезло всякое чувство къ древнему быту, который долженъ былъ постепенно сдѣлаться недоступнымъ, чуждымъ и наконецъ вовсе непонятнымъ для Запада.

Древнія государства его походили на древніе домы, древніе города, которые строились безъ плана, росли съ каждою потребностію, на твердомъ и прочномъ основаніи; потомъ они расширялись, измѣнялись не одинаково, разнообразно какъ природа, но оставались постоянно удобными для жилья; ибо къ тому, что̀ могло быть неудобно для другаго, пріучала самая привычка, а темныя мѣста оставлялись темными, безъ освѣщенія искусственнымъ и ложнымъ свѣтомъ. Новыя государства Запада, подвергшіяся послѣднимъ разрушающимъ реформамъ XVIII и XIX столѣтій, походятъ на дворцы, правильно выстроенные систематиками архитекторами, богатыми знаніемъ греческой, римской и другихъ иностранныхъ архитектуръ; они великолѣпны даже и снаружи; внутри велики, вездѣ свѣтлы и содержатъ много пустаго мѣста для возможныхъ потребностей будущаго потомства. Поколѣнья одно за другимъ гостятъ въ этихъ палатахъ. Это не то что домъ, выстроенный самими прадѣдами, переходившій по наслѣдству чрезъ длинный рядъ потомковъ, измѣняемый каждымъ владѣльцемъ

по его нуждѣ; домъ, въ которомъ каждое мѣсто, каждый камень оживленъ и святъ воспоминаніемъ, связанъ съ исторіею счастливыхъ и несчастныхъ дней и дѣлъ всего прошедшаго, — такое зданіе имѣетъ свою не матеріяльную цѣну, и не въ одномъ численномъ итогѣ положеннаго капитала и ежегодно получаемыхъ доходовъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Предувѣдомленіе . 1

1

РАЗСУЖДЕНІЯ, ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ИЗВЛЕЧЕНІЯ.

О теоріяхъ владѣнія 3

Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства, отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ 39

Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи 305

Отвѣтъ «Москвитянину» 380

Юридическій бытъ Силезіи и Лужицъ, и введеніе нѣмецкихъ колонистовъ 414

15

Kavelin, Konstantin Dmitrievič,

Sočinenija K. Kavelina Izdanie K. Soldatenkova i N. Ščepkina

Bd.: 1

Moskva (1859)

Opp. 651 r-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10604951-2